

«Из тьмы веков» Идрис Базоркин

Об авторе

Энциклопедия жизни ингушского народа

В литературе каждого народа есть имена, которые вписаны в ее историю золотыми буквами. В ингушской художественной литературе - это имя Идриса Муртузовича Базоркина.

Когда бы и кто не перечислял ингушских писателей или наиболее значимые их произведения, ему не обойтись как без имени Базоркина, так и без его романа-эпопеи «Из тьмы веков». Будут появляться новые талантливые мастера пера, выходить интересные произведения прозы, драматургии, поэзии, но неизменным останется среди них вписанное навеки в историю ингушского народа и его литературу слово и дело Идриса Базоркина.

Родился Идрис Муртузович Базоркин 15 июня 1910 года в своем родовом селении Базоркино Назрановского округа Ингушетии (ныне с. Чермен Пригородного района Северной Осетии). Основал это село родной брат деда писателя Мочко Байсагурович Базоркин, и ингуши до сих пор называют это село по имени основателя — «Мочкхой-юрт».

С самого раннего детства, с молоком матери впитывал будущий писатель основы западноевропейской, русской и ингушской культур.

Фамилия Базоркиных принадлежит к древнему роду Газдиевых из старинного ингушского аула Эги-кал, многие башни которого сохранились в горной части Ингушетии до сих пор. Дед писателя - Бунухо Байсагурович, был одним из первых ингушских генералов царского времени, храбростью и отвагой отличился во время русско-турецкой кампании 1877-1878 гг. Шестерых сыновей вырастил генерал. Все они были цветом интеллигенции своего времени. Все получили блестящее образование. Старший сын — Атаби - офицер, вместе со своим отцом участвовал в освобождении Болгарии. Второй — Асламбек - был первым юристом из ингушей, стал краеведом,

написал немало интересных произведений о судьбах своего народа, четвертый — Ибрагим - работал инженером, стал наркомом железных дорог Терской области, строил мосты. Пятый — Мухтар - командовал партизанским отрядом ингушей в годы гражданской войны. Шестой - Крым-Султан - был штаб-ротмистром царской армии и погиб в первой мировой войне.

Отец писателя, Муртуз-Али Бунухоевич Базоркин, третий сын генерала, был офицером царской армии и, не желая присягать новому режиму, эмигрировал в годы гражданской войны в Персию, где и умер в 1924 году. Сын о смерти отца узнал лишь спустя почти полвека. Мать писателя, красавица Гретта, дочь швейцарца французского происхождения инженера де Ратце, работавшего в то время во Владикавказе, эмигрировать не захотела и осталась с двумя сыновьями — Мурадом и Идрисом. Но вскоре, в 1923 году, умерла. Будущий писатель рано узнал тяготы и лишения. Деникинцы в 1919 году разграбили его родное село Базоркино, сожгли их дом и растащили имущество. В 1920 г. в городе Владикавказе десятилетний Идрис в прямом смысле этого слова сидел под дулом ружья бичераховского белобандита в то время, когда другие бандиты грабили его квартиру. Но он еще не знал, что это не последние в его жизни лишения. Следующие пришлось на эпоху социализма и демократии... Но это будет потом, а пока...

Идрис учится в хужаре - мусульманском начальном учебном заведении, впечатления от которого легли потом в основу рассказа «Боны» («Капкан»). Затем следует младший подготовительный класс гимназии в г.Владикавказе, а в 1924 году - учеба на подготовительном отделении Ингушского педагогического техникума в том же Владикавказе. Здесь Идрис и приобщился к творчеству. Повезло с преподавателями. Через всю свою жизнь пронес Идрис Муртузович любовь и уважение к Виктории Константиновне Абрамовой, преподававшей русский язык и литературу. Двух своих преподавателей - ее и одного из основателей ингушской письменной литературы Тембота Дордагановича Бекова, считал он «виновными» в своем приобщении к литературе. Вместе с ним учились и другие будущие видные ингушские писатели: Багаудин Зязиков, Хаджи-Бекир Муталиев, Салман Озиев, Хамзат Осмиев, Джемалдин Яндиев, всемирно известный политолог Абдурахман Авторханов и другие.

Первые свои «пробы пера» будущие мастера слова печатали в рукописном журнале «Красные ростки». А когда написанный по заданию Виктории Константиновны рассказ Идриса Базоркина «Несчастье» понравился учительнице, и по ее рекомендации 7 января 1928 года он появился в ингушской национальной газете «Сердало» («Свет»), Идрис твердо решил связать свою жизнь с литературой. Уже в 12-м номере газеты «Сердало» появляется критическая статья известного ингушского писателя и исследователя Орцхо Мальсагова с характерным названием «Молодые побеги», в которой творчество начинающего писателя подвергается строгому, но доброжелательному анализу.

Одним из преподавателей был профессор-лингвист Немировский, знавший в совершенстве 11 языков. Почувствовав в молодом студенте навыки научного работника, он предложил Идрису Базоркину стать его учеником, наследником. И не только в научном смысле, но и в прямом. Будущий писатель вежливо отказался, так как ученый требовал невозможного: бросить литературное творчество и заняться всецело языкознанием.

В 1930 году, после окончания педагогического техникума, Идрис Базоркин поступает

на только что открытое общественно-литературное отделение Северо-Кавказского педагогического института. Здесь в полную силу разворачивается художественное и общественное дарование писателя. Базоркин пишет стихи, рассказы, пьесы, статьи, участвует в художественной самодеятельности, играет в пьесе на Олимпиаде искусств горских народов Северного Кавказа в г. Ростове-на-Дону, где завоевывает призовое место.

Молодой Ингушетии не хватало учебников и, еще будучи студентом, Идрис Базоркин в соавторстве с Мухарбеком Шадиевым в 1932 году выпускает учебник ингушского языка для первого класса сельских школ. Характерно, что и рисунки к учебнику сделал Идрис Базоркин. Через год вместе с А. Ахриевым и А. Озиевым пишет букварь для сельских школ.

В 1932-1934 годах, являясь студентом, а затем и выпускником педагогического института, Базоркин учительствует в горной Ингушетии.

Судьбоносным для писателя явился 1934 год. В Ингушском национальном издательстве «Сердало» в г. Владикавказе выходит его первый сборник стихов и рассказов «Назмач» («Певец»), сразу вызвавший доброжелательный отклик у критиков и читателей. В своем предисловии к сборнику Орцхо Мальсагов назвал молодого Базоркина «одним из талантливых писателей Ингушетии».

В том же году Идриса Базоркина принимают в только что образованный Союз писателей СССР, и в августе 1934 года он участвует в работе Первого съезда советских писателей в качестве делегата от Чечено-Ингушской писательской организации. Идрис Базоркин по своей инициативе приветствует Максима Горького и приглашает его посетить Чечено-Ингушетию.

Увлечение театральным искусством требовало от начинающих литераторов профессиональных навыков, и в 1934-1935 гг. Базоркин вместе с Чечено-Ингушской театральной студией стажировался в Тбилисском государственном театре им. Ш. Руставели.

В 1935-1938 годах Идрис Муртузович работает завучем педагогического рабфака города Орджоникидзе (Владикавказ).

Профессиональный интерес молодого писателя к драматургии получил свое воплощение в пьесах, написанных им в 30-40-х годах. В 1937 году из-под пера Базоркина выходит первая в ингушской литературе многоактная пьеса «На заре», показывающая борьбу с белогвардейцами на Северном Кавказе в 1919 году и поставленная в 1938 году Северо-Осетинским государственным драмтеатром в переводе на осетинский язык А. Токаева.

В 1934 году в нарушение действующего законодательства и вопреки воле ее народа, путем опроса членов ВЦИК, Ингушетия была соединена с Чечней, а годом раньше родной для ингушей город Владикавказ, во всей своей истории являвшийся административным и культурным центром одновременно Северной Осетии и Ингушетии, был передан Северной Осетии. Практически вся ингушская интеллигенция вынуждена была перебираться в незнакомый для нее город Грозный. В 1938 году с болью в сердце сделал этот шаг и Идрис Базоркин.

В Грозном он вначале работает заведующим литературной частью Чечено-Ингушского государственного драматического театра. Здесь он начинает работу над новой многоактной пьесой «Тамара» на актуальную в то время тему - раскрепощение женщины-горянки. Но события в пьесе не ограничиваются этой проблематикой, они развиваются на фоне острой классовой борьбы в ингушском обществе того периода. Мастерски показанная в драме тема в силу своей актуальности и неподдельного интереса к ней на протяжении полувека не сходила со сцен профессионального и самодеятельных театров Ингушетии.

Буквально перед началом войны драма «Тамара» была поставлена на сцене Чечено-Ингушского драмтеатра и продолжала ставиться вплоть до высылки чеченского и ингушского народов.

С началом Великой Отечественной войны резко меняется тематика творчества писателя. Главной стала идея победы над врагом. Будучи штатным лектором обкома партии и корреспондентом республиканских газет и радио, он вместе с соратниками по перу ездит по городам и селам Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, выступает перед бойцами и населением прифронтовых и тыловых населенных пунктов, по радио, пишет в прессе очерки и статьи, составляет акты о зверствах фашистов на родной земле. В виде маленьких книжек и больших статей в периодической печати появляются статьи Идриса Базоркина с характерными названиями: «Не простим!», «Лицо врага», «У открытой могилы», «Гнев народа», «Честь горянки», «Сын Родины», «Слово к чечено-ингушской интеллигенции», «Они не пройдут» и другие.

Активную работу писателя в дни войны отмечал в то время известный советский писатель Петр Павленко: «Имена Яндиева и Базоркина появлялись по радио, в печати и в устных выступлениях так часто, что казалось, они работали без отдыха».

Тем не менее Базоркин успевает писать и небольшие, но актуальные пьесы. В драмах «В эти дни», «Рождение ненависти», «Знамя победы» пророчески звучит голос писателя, утверждающий веру в победу над врагом. В пьесе «В эти дни» еще в ноябре 1941 г. впервые прозвучали слова о контрнаступлении советских войск. Долгое время считалось, что раз в некоторых мотивах, особенно в предвидении контрнаступления советских войск, пьеса Базоркина напоминает известные в военные годы пьесы К. Симонова и Л. Леонова, то тут налицо заимствование. На проверку оказалось, что пьеса ингушского писателя появилась раньше драматических произведений классиков русской советской литературы.

В 1943 году писатель решает перейти исключительно на литературную работу. Фашизм, дойдя до границ Чечено-Ингушетии, был отброшен назад. Надо было восстанавливать мирную жизнь и работать во имя окончательной победы над врагом.

Но у кремлевских стратегов были еще и другие задачи. Надо было на кого-то списать свои стратегические и тактические просчеты. Очередной жертвой такой политики стали ингуши и чеченцы. Народы, на территории которых фашисты практически и не побывали, были обвинены в пособничестве врагу и 23 февраля 1944 года, в день рождения Красной Армии, поголовно сосланы в Северный Казахстан и Среднюю Азию. В очередной раз Базоркин лишается имущества, в том числе библиотеки и писательского архива. В преддверии этого литератор жил творческими замыслами: что-то писал, что-то обдумывал, для чего-то готовил материал. Любопытно, что именно 23

февраля в местном драмтеатре должна была идти пьеса Базоркина «Тамара». И никто не знал, что другой, кремлевский режиссер кровавых спектаклей мирового масштаба подготовил одну из самых своих бесчеловечных постановок с вовлечением в ее действие целых народов... Разница была только в том, что в спектакле, поставленном тираном, по-настоящему убивали без разбора женщин, детей, стариков; тех, кто на фронте проливал свою кровь за родину, часто и с его именем на устах; тех, кто вырастил сыновей и дочерей для фронта и тыла и, не покладая рук, трудился во имя победы.

Идрис Базоркин попал в Киргизию. Первое время пришлось работать кладовщиком, затем администратором во Фрунзенском театре оперы и балета. Так как писать и печататься сосланным писателям было запрещено, материал накапливался подспудно. Только со смертью самого кровожадного и преступного диктатора всех времен и народов появилась возможность заняться литературным творчеством и активной общественной деятельностью.

Главным оставался вопрос возвращения на родину. Власть предлагала создать Чечено-Ингушскую автономию в местах высылки, в Средней Азии, и вела с этой целью пропагандистскую работу в массах.

И Идрис Базоркин инициировал общественное движение за возвращение домой, на Северный Кавказ. Вместе со своими единомышленниками он пишет в Москву письма и обращения с настоятельным требованием восстановить ликвидированную в 1944 году автономию чеченцев и ингушей, вернуть народы на историческую родину. В поддержку требования тысячами собираются подписи.

В 1956 году большая группа ингушской и чеченской интеллигенции, одним из основных организаторов и участников которой был Идрис Базоркин, едет в Москву, встречается с руководителями государства и добивается решения вопроса. В июле 1956 года с ингушей и чеченцев снимается ярлык спецпереселенцев, а в начале 1957 года восстанавливается ликвидированная 13 лет назад Чечено-Ингушская республика. Одну из важнейших ролей в этом процессе сыграл Идрис Базоркин.

Правда, несмотря на все старания, республика была восстановлена в усеченном виде. Пригородный район остался в составе Северной Осетии, и таким образом была заложена мина замедленного действия, давшая свой первый кровавый взрыв осенью 1992 года...

Восстановление исторической справедливости было встречено с большим ликованием и воодушевлением. Возвратившийся в Грозный писатель много ездит по селам и городам республики, пишет статьи, заметки в местной и центральной печати, готовит материал для будущих художественных произведений. Красноречивы названия статей писателя того периода: «Свет жизни», «Моя республика», «Сегодня в горах», «Любимый край», «Солнце в горах», «Черты новой жизни», «Солнце в каждом доме» и т.п.

Неожиданно для почитателей его творчества, Идрис Базоркин обращается к опять-таки новому для ингушской литературы жанру - литературной сказке. В 1958 году одна за другой выходят, как обозначает их сам автор, рассказ-сказка «Куни», а затем - «Куни и кот». «Куни» настолько понравилась детям, что в 1965 году была выпущена невиданным для чечено-ингушской литературы стотысячным тиражом. Всего же

рассказ-сказка вышел тиражом 133 тысячи экземпляров. Детские письма к автору начинались со слов «Дорогой дедушка Идрис!», а педагоги отмечали исключительную роль сказки в воспитании детей.

Не забывает писатель и о большой художественной прозе. В 1958 году Базоркин пишет теперь уже первую в ингушской литературе приключенческую повесть «Призыв». В ее основу легли реальные события из истории гражданской войны в городе Владикавказе в начале 1918 года. Горстка ингушей из расформированной знаменитой «Дикой дивизии» в Доме Симонова в центре Владикавказа охраняет военное имущество своего полка от нападающих и в десятки раз превосходящих их по численности белогвардейцев. Только прибывший на подмогу отряд легендарного героя гражданской войны Хизира Орцханова спасает их от верной гибели в затопленном подвале дома. Через героиню революционных боев и бескомпромиссность противостояния показывает автор весь трагизм тех лет, обреченность сил, делающих ставку на бесчеловечные методы достижения целей. В повести соседствуют как вымышленные, так и исторические лица, хотя и в вымышленных образах легко узнать реальных людей того времени. Повесть получила хорошие отзывы у профессиональных критиков в прессе, во многочисленных письмах читателей к автору.

Во время работы в Киргизском театре оперы и балета Идрис Базоркин наблюдал становление мастера начинающего в то время, а впоследствии всемирно известного артиста оригинального жанра Махмуда Эсамбаева. Его жизненная и творческая биография стала основой большого очерка писателя «Путь артиста» («Труд и розы»), опубликованного во всех трех чечено-ингушских республиканских газетах на трех языках — ингушском, чеченском и русском. Очерк, вышедший отдельной книжкой, вскоре перерос в киноповесть. И снова это был совершенно новый для чечено-ингушской литературы жанр.

Тринадцать вариантов было у киносценария Идриса Базоркина, по которому на студии «Азербайджанфильм» в 1963 году был снят художественный фильм «Я буду танцевать!». Фильм вышел на всесоюзный экран и имел широкий успех у зрителя. Махмуд Эсамбаев сыграл роль главного героя Махмуда Ишхоева, прототипом которого и являлся. Кроме него в фильме играли такие известные артисты, как Владимир Тхапсаев, Лейла Абашидзе, Альви Дениев и другие. Властипридержавшие, ревниво относившиеся к растущей славе Идриса Базоркина, группе артистов и киноработников присвоила почетные звания, а автора киноповести и киносценария наградила... почетной грамотой. Но писатель знал истинную цену творчества и отношения власти к себе.

Успех окрылил писателя, и вскоре он пишет новую киноповесть о тружениках села «Дота», переросшую потом в пьесу «Дороги любви». Снять фильм по нему, правда, не удалось. Затем пишется маленькая повесть «Партизанская быль».

Своеобразным промежуточным итогом творческой деятельности Идриса Базоркина явился выход в 1960 году, к пятидесятилетию со дня рождения писателя, двухтомника избранных сочинений на ингушском языке. Следом, в 1962 году, выходит однотомник избранных произведений писателя «Призыв» на русском языке.

Но время требовало поисков новых произведений, новых подходов.

В одной из записных книжек Идрис Базоркин пишет: «15 февраля 1963 г., закончив все

со своим литературным «прошлым», издав два тома на ингушском языке, один - на русском и завершив дело с созданием фильма, - приступил к систематизации накопленного для романа материала».

Около трех месяцев уходит на написание конспекта романа. Перечитаны тысячи записей, получены сотни ответов на запросы в государственные архивы, опрошены десятки живых свидетелей того времени. Роман разбит по главам, а их получилось 42. Предполагаются три книги в одном романе. Уединившись на казенной даче в Джейрахском ущелье, Идрис Базоркин в рекордно короткие сроки - за 152 чистых дня! - выдает роман-эпопею «Из тьмы веков» объемом 38 авторских листов!

Есть в литературе утвердившееся с легкой руки поэтессы Ольги Берггольц понятие о Главной книге писателя. Об этой книге писатель думает всю свою сознательную жизнь, непрерывно копит материал, порой ясно не осознавая, во что выльется его задумка, в нее он вкладывает весь свой талант, навыки и умение, выстраданную боль и душевные устремления. Именно такой книгой для писателя стал роман-эпопея «Из тьмы веков». Более того, он стала Главной книгой ингушской литературы.

Ко времени выхода романа в свет, в 1968 году, Идрис Базоркин возвращается на постоянное место жительства в свой родной город Орджоникидзе (Владикавказ).

Надо отметить, что романы в ингушской литературе стали появляться и раньше, но Идрис Базоркин своей работой «Из тьмы веков» придал этому жанру истинно масштабный, эпический характер.

Возникло мнение о романе как об энциклопедии жизни народа второй половины XIX века, хотя автор отказывался от такого определения:

«Книга эта не энциклопедия жизни ингушского народа за минувшее столетие. В ней пойдет речь о становлении личности, о борьбе характеров в условиях значительных исторических событий, о людях, создававших эту историю. Что побудило меня написать этот роман? Долгие годы накапливался материал. Тысячи людей вставали на моем жизненном пути. Участником или свидетелем многих событий нашей эпохи - беспокойной, трудной и романтической - мне пришлось быть самому. Все это заставило меня думать, что я должен всем этим поделиться с современниками и теми читателями, которые будут узнавать нас уже издалека».

Но именно из романа «Из тьмы веков» народ яснее увидел свою историю, сумел в художественных образах и символах познать весь трагизм и сложность своих устремлений к светлой жизни, и поэтому такая формулировка как нельзя лучше подходит для него.

Поразителен факт, когда выдающийся профессиональный историк, прочитав художественное произведение, вносит поправки в свою научную монографию. Лауреат Ленинской премии, автор монографий о древней истории Северного Кавказа Е.И. Крупнов писал автору «Из тьмы веков»: «Ваше незаурядное творение вызвало у меня специальный интерес в связи с тем, что я наконец подготовил к печати свою монографию «Средневековая Ингушетия XVI-XVII вв.»... Ваша книга очень знаменательна. Вы демонстрируете дальнейшее развитие феодализационного процесса у ингушей уже в XIX веке. И правильно! Ибо никакого «золотого века» у ингушей не было. Ни в XVIII веке, ни еще раньше». И дальше ученый предлагает некоторые

«названия и имена в рукописи изменить по Вашим образцам».

Это было признание самым компетентным в то время исследователем по истории Ингушетии исторической правоты отображения эпохи в романе.

Действия героев романа начинаются с 60-х годов XIX века, и в первых пяти главах не выходят за пределы горной Ингушетии, где на маленьком клочке земли стараются выжить братья Турс и Гарак из рода Эги. На их примере показана жизнь простых горцев, столкнувшихся с несправедливостью, борьба народа за свое физическое существование.

Но временные и географические рамки не ограничивают писателя. В шестой-девятой главах герои выходят за пределы Ингушетии и действия разворачиваются на широком, и в географическом смысле, поле: Владикавказ, Петроград, Пруссия и т.д.

В романе много сюжетных линий, судеб, характеров, и в нашу задачу не входит их подробная характеристика, детальный разбор. Прочитав роман, читатель вправе сам дать собственное толкование как их поступкам, так и авторскому мастерству, с которым они показаны.

К слову сказать, Идрис Базоркин скептически относился как к критическому разбору героев и персонажей, так и к иллюстрациям к произведениям. Он считал, что читатель сам должен создать свое видение образов героев и сам трактовать, с подачи автора, действия персонажей.

Хотя в романе исторических лиц немного (Зелимхан, Муса Кундухов, Георгий Цаголов, Сергей Киров и еще несколько), «Из тьмы веков» воспринимается как исторический роман. И это справедливо. Через во многом собирательные образы автор приводит читателя к исторической правде о времени, о судьбах как народа в целом, так и его отдельных представителей. По верному определению кандидата филологических наук Марьям Яндиевой, писатель «в совершенстве овладел сложнейшим искусством романного мышления» и показал «философско-нравственные уроки истории».

Познавательными не только для инациональных читателей, но и для многих ингушей стали этнографические страницы романа, где Базоркин в характерном для него стиле подробно описывает быт, нравы, обычаи, ритуалы того периода, когда еще многие горцы жили по языческим обрядам, а Ислам только-только начал завоевывать сердца и умы ингушей.

Характерны в этом контексте образы жреца Эльмурзы и муллы Хасан-хаджи. Второй образ гораздо сложнее в силу не только своего положения проповедника новой религии, но и личной биографии, связанной с неразделенной любовью к красавице Наси, которую отнял у нее богатый старшина Гойтемир. При всем внешнем благополучии это глубоко трагичный образ.

Многие критики, да и читатели, в описании языческих обрядов увидели восхищение ими со стороны автора, чуть ли не их идеализацию. Вряд ли это справедливо. Просто Базоркин описал их такими, какими они были на самом деле. И вправду они восхищают своей красотой, поэтичностью и народным юмором. Не случайно один студент в своем письме к автору шутя выражал сожаление о том, что наши предки поменяли язычество с такими прекрасными обычаями...

Подробным описанием быта, действий писатель как бы вводит читателя в мир своих героев, заставляет быть если не соучастниками, то непосредственными свидетелями описываемых событий. И это ему удалось мастерски. Идрис Базоркин был предельно внимателен к мельчайшим деталям быта, поведения, речи своих героев. Свидетельство тому — многочисленные отклики ученых, рядовых читателей на роман. Один из них, врач по профессии, удивляясь точности описания Базоркиным течения болезни Матас, предполагал, что сам автор мог страдать этой болезнью. Хотя это было далеко не так. Другой читатель был поражен знанием автором военных терминов, формы обращений в царской армии и т.д. Профессиональная критика сравнивала батальные сцены Базоркина с толстовскими и находила в них высокий профессионализм автора романа «Из тьмы веков».

Центральная фигура романа - Калой. Через отношение к нему и его отношение к другим проверяется значимость большинства персонажей романа, показывается их характер. При всей кажущейся простоте и ясности, фигура Калоя во многом сложная, философски мыслящая, добродетель его не искусственная. Героя терзают мучения и раздумья, многое он осмысливает методом проб и ошибок.

В одной из своих рабочих дневниковых записей Идрис Базоркин написал:

«Всюду, где ингуши, народ делали те или иные хорошие поступки, — я покажу это через Калоя, Орци и их детей. Эгиевы — это народ». Так оно и вышло. Однако Калой, несмотря на всю свою положительность, не выглядит схематичным героем с искусственным характером и надуманными поступками. Даже былинность его имени, взятая из героического эпоса ингушей, в данном случае оправдана конкретной ситуацией его рождения и последующего поведения.

В романе мало незапоминающихся, проходных персонажей. В памяти читателей надолго остаются женские образы: Зору, Наси, Дали и другие. Их поступки, дела вызывают отчаянные споры, порой противоположные оценки читателей и критики, и это говорит об их жизненности, правдивости.

Внимательный читатель, и тем более критик, найдет в романе «Из тьмы веков» множество тем: родины и чужбины, добра и зла, честности и подлости, благородства и низости, любви и коварства, мужества и трусости, величественной природы и много других. И все-таки, на наш взгляд, главная тема романа - это оптимизм, вера в будущее. Для ингушского народа, только за последние век-полтора испытавшего не одну депортацию и переселение, это самое драгоценное, необходимое и по сей день чувство.

Роман, как и почти все произведения Идриса Базоркина, написан на русском языке. Можно спорить на эту тему бесконечно. Но ясно одно: даже написанный на русском языке он создает ощущение, что написан на ингушском. Это мнение было высказано многими читателями и критиками.

Позднее находились и те, кто на том основании, что все его произведения написаны на русском языке, пытался отказать великому писателю и одному из зачинателей ингушской литературы в праве именоваться ингушским национальным писателем. Но Идрис Базоркин одинаково в совершенстве владел и ингушским, и русским языками. Знаменательно, что вышедший в 1960 году двухтомник избранных сочинений писателя на ингушском языке был переведен с русского самим автором.

Писать на русском языке Идриса Базоркина заставляло желание, чтобы роман его быстрее дошел до широкого круга читателей. Рассказать правду о народе, лишь в силу исторических условий оказавшемся в теснинах гор Кавказа и только поэтому, а не из-за отсутствия творческого потенциала, не представленном в мировом сообществе, - такова была цель писателя, и он ее выполнил с честью. Это подтверждают и многочисленные отклики читателей на роман.

Приведем лишь два из них. Рабочий Московского шинного завода Анатолий Овчаров писал: «Сегодня я закончил «Из тьмы веков» Идриса Муртузовича Базоркина. Отличная книга! В ней нашел я народность Шолохова, поэтичность «Песен» Горького, гражданственность А. Толстого, лиризм Ладислава, мужественность Гюго. Чудный народ! Очень многое можно позаимствовать нам, славянам, от ингушей, многому поучиться. Это роман-поэма в прозе! Поэма народу великолепному, стойкому, народу трудной судьбы и великой истории».

Другой читатель, инженер-строитель Пикман из Ташкента, говорит:

«Я не особенно восторженный человек, не помню случая, чтобы у меня от удивления «в зобу дыхание сперло». Тут же - после третьей-пятой страницы забыл обо всем на свете. Не помню за мои годы такого увлечения».

А вот мнение профессиональных критиков.

Чингиз Гусейнов: «...автор достиг новой высоты в обрисовке человеческих характеров». Александр Власенко: «Из тьмы веков» - это значительное художественное явление в нашей многонациональной литературе».

Восторженные отклики писали Н. Джусойты и А. Хадарцева, Б. Кандиев и С. Асадулаев, Г. Ломидзе и И. Обносков, У. Далгат и И. Дзю-ба, не говоря уже об ингушских и чеченских критиках.

Триумфальное шествие романа по сердцам читателей было вполне заслуженным. Будучи изданным шесть раз общим тиражом в 250 тысяч экземпляров, книгу невозможно найти не то что в магазинах, но даже в частных библиотеках: ее зачитывают и бесконечно передают друг другу для чтения.

Писатели Северной Осетии как-то вели разговор о том, как сумел Идрис Базоркин написать такой роман. Большинство считало, что роман написан кровью сердца. Дискуссию разрешил сказавший, что роман написан не кровью сердца, а исключительно любовью к своему народу. Точнее не скажешь!

Много лет прошло со дня выхода романа в свет, но и сегодня он актуален и интересен тем, что самобытная жизнь народа в нем показана с поразительной любовью и мастерством.

Роман вошел в золотой фонд многонациональной литературы нашей страны и сегодня продолжает жить полнокровной жизнью.

Будучи в зените славы, Идрис Базоркин в конце 1972 года инициирует и организывает коллективное письмо в ЦК КПСС, в котором ставится вопрос о

равноправии наций, правах и свободах человека независимо от его национальной, расовой или религиозной принадлежности. В подтверждение изложенных в письме фактов в январе 1973 года в столице Чечено-Ингушетии городе Грозном был организован многотысячный мирный митинг ингушского народа. Хотя Идрис Базоркин не имел никакого отношения к организации митинга, тем не менее ему и нескольким из тех, кто подписал коллективное письмо, вменили в вину антипартийность, национализм и все сопутствующие этим понятиям грехи.

Комиссия ЦК партии применила к участникам и «организаторам» акции поистине драконовские меры, но одновременно вынуждена была негласно признать объективность обращения интеллигенции. Были приняты решения на уровне кадровых перестановок, несколько уравнен дисбаланс в представительстве национальных кадров и т.п.

Базоркина исключают из членов КПСС, его книги изымаются из библиотек, имя вычеркивается из учебников и хрестоматий, из критической литературы, в печати начинается травля по всем канонам партийно-политической пропаганды.

Но писатель не сломался, хотя и был надолго выбит из привычного ритма литературного творчества. Не охладела лишь любовь народа. К нему шли за советом и поддержкой те, кого не смогла сломать система.

А рядовой читатель с нетерпением ждал продолжения романа. Все чувствовали, что не может писатель оставить героев без дальнейшего развития сюжета. Так оно и было.

По плану писателя роман-эпопея должен был состоять из трех книг. Первая - «Из тьмы веков» - заканчивалась 1918 годом. Вторая, под условным названием «Обитатели башен» («Галахой»), должна была довести читателя до 1941 года, а третья - «Тайна замка Ольгетты» - до 1958 года, до возвращения народа домой из высылки и возрождения республики.

Были готовы заготовки к второй и третьей книгам, очерчены основные сюжетные линии, написаны характеристики, некоторые диалоги и т.п.

Две главы второй книги романа под названием «Великое горение» автор успел напечатать в сентябре 1982 года в газете «Грозненский рабочий».

История с публикацией начальных глав второй книги и во многом затормозила работу над продолжением «Из тьмы веков».

Если в первом романе без ведома автора, не допускавшего в освещении исторической правды компромисса, цензура не вычеркнула ни одного слова, то главы «Великое горение» подверглись самой настоящей экзекуции и партийно-пропагандистской проверке. Общеизвестно, что для описания в художественной форме деятельности вождя мирового пролетариата Ленина требовалось особое разрешение партийного руководства. В романе Базоркина описывалась встреча Председателя Совнаркома России В.И. Ленина с Магомедом Яндаровым, направляемым вместе со своим братом Османом на Северный Кавказ в качестве Чрезвычайного комиссара Юга России (еще до сменившего его Серго Орджоникидзе). Было доказано, что мандат Чрезвычайного комиссара подписал сам Ленин, а вот встреча его с Яндаровым документально зафиксирована не была. Писатель чисто логически предполагал, что не мог глава

государства сам не переговорить с направляемым на такой важный участок своим личным представителем. Приходилось доказывать очевидные вещи, убеждать непреклонных «хранителей» чистоты образа вождя в том, что автор имеет право на художественный вымысел, если он не противоречит логике истории. Многие советовали Базоркину вовсе отказаться от освещения образа вождя в романе, хотя роль Ленина в направлении Яндарова на Северный Кавказ и была очевидна.

И Базоркин тогда принял «соломоново решение»: встреча Ленина с Яндаровым была описана не напрямую от автора, а в пересказе Магомеда Яндарова своему брату Осману. Поняв, что писатель не смирится с требованием полностью отказаться от этого важного эпизода романа, публикация глав была разрешена.

История с первыми главами второй книги романа стала определяющей в практическом отказе писателя от активной работы над продолжением произведения. Предстояло описывать запрещенные страницы истории гражданской войны, коллективизации, перегибов в советизации края, военных лет, и, самое главное, высылки 1944 года и жизни народа в изгнании. Писатель ясно представлял себе, что может быть с его романом, если даже такой безобидный эпизод с Лениным подвергся жесточайшей цензуре. Мечта о выходе романа, правдиво описывающего жизнь ингушского народа 1918-1957 годов, была слишком иллюзорной. А писать в стол Идрис Базоркин не умел... Тогда автор и решил не писать продолжение романа до лучших времен.

Мне посчастливилось познакомиться с рукописями и заготовками ко второй и третьей книгам романа и поэтому свидетельствую, что две остальные книги романа обещали быть не менее интересными, чем первая.

Но не суждено читателям было прочесть продолжение так полюбившегося им романа. Трагические события осени 1992 года убили и роман и автора...

Во время этнической чистки, проведенной в Северной Осетии в октябре-ноябре 1992 года, 82-летний писатель с семьей был захвачен в заложники, вывезен в глубь республики, квартира занята другими, а его богатый писательский архив, в том числе заготовки и рукописи к роману-эпопее, рабочая библиотека, раритетные книги и фотографии и многое другое - вывезено местными властями. Но несмотря на неоднократные обращения представителей федеральных органов, власти Республики Ингушетия, общественных организаций, их судьба до сих пор неизвестна.

Писатель через неделю был вывезен в Ингушетию.

Но даже крепкое сердце Идриса Муртузовича не выдержало очередной депортации и ограбления, и 31 мая 1993 года его не стало...

Похоронили его в родовом ауле Эги-кал, там, где жили, трудились, любили и страдали герои его изумительного романа «Из тьмы веков»: Турс и Гарак, Калой и Иналук, Дали и Зору, Наси и Хасан-хаджи, и многие другие.

Идрис был честолюбив, но не тщеславен. При желании он мог бы купаться в лучах славы, пожинать лавры, пользоваться всеми благами. Но он никогда и ничего не просил для себя. Идрис всегда был ходатаем за других.

Идрису Базоркину были глубоко чужды конформизм, приспособленчество,

угодничество перед кем бы то ни было. Впрочем, в этом и причина всей его жизненной неустроенности. Никогда и ни в чем он не поступался совестью и честью. Сам жертвовал, но никогда не требовал от других подобного.

При том, что имя Идриса Базоркина было известно каждому в родном краю и многим далеко за его пределами, а слава о нем и его книге давно перешагнула границы страны, он был обделен вниманием властей. И тому были причины. Перед ним никогда не стояло вопроса: на чью сторону стать - народа или власти. Он, не раздумывая, шел с народом. За всю его долгую жизнь не было ничего такого, что испытал бы его народ, а Идриса обошло бы стороной. Разделять судьбу народа для него было также естественно, как жить, дышать, есть. Как идущему впереди, ему часто доставалось больше, чем любому другому соплеменнику.

Власть предрешающие никогда не прощали Идрису его голоса в защиту народа, в защиту униженных и обездоленных, страждущих и ищущих. Его поносили и оскорбляли, запрещали его книги и статьи, лишали всего и вся. Но чем больше озлоблялись власть и прислуживавшая ей часть интеллигенции, тем больше его любил народ, тем быстрее росла его слава. И в то же время, в трудные моменты, когда не могли найти контакта с народом, властимушье шли к Идрису и просили помочь, просили его совета, предлагали обратиться к народу, зная, что к его голосу народ прислушается. Им, вероятно, казалось, что они спускались со своего партийно-государственного Олимпа к Идрису Базоркину, а на самом деле они поднимались к нему, живущему на Олимпе мудрости и чести.

Он никогда намеренно, из тщеславия не вырывался вперед, не ступал по чужим судьбам. Но в силу своего таланта, мудрости, честности всегда был впереди. Литературная сказка, многоактная пьеса, приключенческая повесть, киносценарий, роман-эпопея - направления, основоположником которых в ингушской литературе является Идрис Базоркин. По сути дела, Идрис Базоркин не так уж много произведений и написал. Но каждое его творение было явлением в родной литературе.

Идрис Базоркин - это целый мир во всей его многогранности и многокрасочности, и нам еще предстоит по достоинству оценить его Великий Труд.

Якуб Патиев.

"Книга эта не энциклопедия жизни ингушского народа за минувшее столетие. В ней пойдет речь о становлении личности, о борьбе характеров в условиях значительных исторических событий, о людях, создававших эту историю.

Что побудило меня написать этот роман? Долгие годы накапливался материал. Тысячи людей вставали на моем жизненном пути. Участником или свидетелем многих событий нашей эпохи - беспокойной, трудной и романтической - мне пришлось быть самому. Все это заставило меня думать, что я должен всем этим поделиться с современниками и теми читателями, которые будут узнавать нас уже издалека".

Идрис Базоркин.

1968 г.

...А народа жизнь бессмертна, Что бы ни было бы с ним.

Николай Тихонов.

ЗАПЕВ

Снежные вершины,
громады скал,
от сотворенья мира
в хаосе поднявшиеся к небу,
дремучие леса,
кипящие потоки шумных рек,
луга, охваченные радугой цветенья
и ароматом трав,
и гордый человек,
готовый умереть за дружбу,
честь, свободу, -
все это с незапамятных времен
наречено в поэзии народа
страной былин
и именем - Кавказ!
На многих языках
звучит здесь человеческая речь.
Живет здесь братство множества народов.
Когда они пришли, откуда и зачем?..
Никто на это людям не ответит.
А может быть, они извека здесь?
Среди отрогов гор есть Голубое озеро в Чечне.
Купаются там звезды, и луна,
и зори - с наступлением рассвета.
В нем утонуло отражение древних...
На потаенных берегах его
ученые нашли
стоянку первобытных поселенцев.
У очагов, зажженных молнией,
во тьме веков застыли силуэты...
Что видели они?
Какою представлялась им
судьба грядущих поколений?
Молчат. Ответа нет.
Лишь домыслы о прошлом повествуют...
То было двадцать тысяч лет назад!
А может, это были наши предки?
Страбон и Плиний; Моисей Корейский
оставили для мира имена
людей, когда-то бывших на Кавказе.
И сквозь туманы трех тысячелетий
народов наших встали имена.
Столетия мы наследовали скалы,
на этих скалах - каменные башни,
могильники безмолвных мертвецов...
Где отпечаток кисти человека,
где солнца знак - движенья мира символ,
где турий рог на выцветших стенах
о предках нам рассказывали скупно.

Но был еще один хранитель тайн - язык!
Всегда живой и сильный,
ни тленью, ни сраженьям не подвластный
язык-мудрец народа моего.
В нем память прошлых дней
и песня соловья.
В нем сохранился миф про Тейшабайне,
сказ про Батыя - внука Чингисхана -
и про сражения с Тимуром Хромым,
мир покорившим, но не эти горы!
Язык поведал мне, как трудно было дедам,
как мужество их и любовь к свободе
нам жизнь продолжили до этих дней...
И все ж бесписьменный народ - почти немой.
Таким он был от сотворенья мира
до этого столетья на земле.
И вот пришел наш век -
век торжества прогресса,
иск мыслей светлых, радостных надежд!
Отныне
не будет тайн у нашего народа.
Для будущего не умрут легенды,
трагедии, победы и любовь.
Знак времени иной. Иная жизнь течет.
Кто пристально глядит, тот видит очень много.
Кто слушает, с тем время говорит.
Мне удлиннили годы - старики.
Они меня водили в день вчерашний.
К день завтрашний
уходим вместе мы,
идушим вслед,
оставив эту повесть
о том,
как выходил народ из тьмы.

Глава первая. Мечта.

1

Заходящее солнце добела высветило скалы Цей-Лома[1], которые стеной окружают крохотные терраски пахотной земли. Посреди этих земель возвышается каменная глыба. Сотни, а может быть, и тысячи лет тому назад оторвалась она от горы и застыла здесь, на полпути к пропасти, подмяв под себя целое горское поле. В старину о ней слагали песни. Но время оставило людям только предание о том, что эту скалу в гневе обрушил на врагов своих великий нарт[2] Сеска-Солса. Так и зовется она - скала Сеска-Солсы.

На исходе был месяц кукушки[3], и горцы готовились к полевым работам. Осенние ливни, зимние снежные оползни наносят камни на пашни и луга. Не убрав их, нельзя ни пахать, ни косить. И Доули уже третий день ходит по склону и перетаскивает булыжники на край поля, где за многие века из таких камней выросли целые курганы. Когда до кургана идти далеко, Доули укладывает камни на краю межи, выравнивая низкую сторону террасы. Третий день она на работе одна, потому что кончилось заготовленное с осени мясо, на исходе ячменная мука и муж ушел в синие скалы, к снежным вершинам, чтобы добыть тура или серну.

Доули устала, камни исцарапали руки. Ноет спина, а впереди еще столько работы! Им предстоит в этом году удобрить свои участки. Три года Доули собирала навоз, и теперь надо было в корзинах перенести его и разбросать на пашне. Иначе земля уже не родит.

Все это было для нее обычным делом. Но сейчас Доули ждала ребенка. Порой работа валилась из рук. Она боялась поднимать с земли большие камни. Ведь уже двоих детей боги забрали к себе. Муж упрекнул за то, что нет наследника.

Пять лет тому назад, когда царь приказал прогнать ингушей из их плоскостных аулов назад, в горы, Доули вместе с другими пришла сюда в эти дедовские голые башни. Дом и все, что было у них, осталось в селении Ангушт[4], окруженном зелеными садами. А здесь пришлось на себе поднимать на поля не только навоз, но и землю. За детьми некому было смотреть. В первый год едва собрали то, что посеяли. Зима в башне, как в каменном мешке, потом - голод... Дети ослабели. И когда весной им пришлось в лесу добывать себе пропитание, есть разные травы, они зачахли и умерли один за другим.

С тех пор у Доули не было детей. Муж, а он еще в детстве стал мусульманином, как-то принес ей от муллы наговоренную воду, купил ладанку, но ничего не помогло. Старухи объясняли это тем, что ее испортила «перемена жизни», и советовали обратиться к помощи местных богов. Доули послушалась. Тайком ходила она в аул Кек, где перед храмом плодородия божеликой Тушоли стоял каменный столб - знак мужской силы. Она просовывала в оконце храма треугольную лепешку с изображением креста и зажигала в нише самодельную свечу, потом, упав на колени перед каменным изваянием, показывала ему обнаженную грудь и молила послать детей. И вот плод ее мольбы, ее надежда живет у нее под сердцем.

Доули отдохнула у родничка, что выбивался из-под скалы Сеска-Солсы, послушала, как шевелится малыш, и успокоенная пошла домой. Тропинка к селу вилась высоко по горе, склон которой иногда обрывался отвесной стеной. Внизу металась зажатая валунами река. Доули остановилась передохнуть. Последнее время эти подъемы

давались ей нелегко. Она осмотрела нижнюю тропу, насколько позволяло извилистое ущелье, но мужа не было видно.

Солнце уже погасло на вершинах, когда она возвратилась в аул. В чьем-то дворе стучал топор, дети с криком загоняли скотину на базы, из окон и тунгулов[5] валил дым: хозяйки готовили ужин. На своей половине двора Докки — жена деверя — доила корову.

- Не вернулся? — спросила Доули невестку о муже, имя которого ей, по обычаю, нельзя было произносить.

Докки, не оборачиваясь, молча покачала головой и продолжала доить, мысленно похваливая Дика села - бога всего хорошего, благодаря которому корова сегодня принесла много молока и стояла спокойно.

Доули тоже принялась за хозяйство, сварила ячменную затирку. На чуреки муку теперь уже не расходовали. Ее надо было растянуть до нового урожая.

Братья Турс и Гарак жили в одной башне, разделенной на две части. В этой башне когда-то прошло их детство. Потом они с отцом переехали в Ангушт и жили там вместе, пока не умер отец. Но и после того, как они женились и каждый из них повел свое хозяйство самостоятельно, они чувствовали себя единой семьей. А когда снова пришлось вернуться в эти скалы, под один отчий кров, семьи братьев еще больше сблизились. Жены попались хорошие, жили мирно. Делились последним куском.

Чувствуя, что Доули волнуется за мужа, Докки пыталась успокоить ее. Вернулся с поля Гарак. Поужинав, он лег на соломенную подстилку и, таинственно нашептывая, стал перебирать бобовые четки. Молиться по-настоящему и делать намаз он так и не научился. Вскоре четки выпали из его рук, он громко вздохнул и погрузился в глубокий сон.

Докки перешла на половину невестки. Они уселись у очага на овчинные подушечки и повели долгий разговор. Изредка одна из них поправляла огонь в очаге. Дым застилал верхнюю часть сакли и уходил в небольшое окно.

Женщины, не отрываясь, смотрели на веселые огоньки пламени. Оно отблесками перебегало по их лицам и исчезало где-то в черной глубине закопченных углов жилья. Время шло. Изредка Доули прислушивалась, а потом снова продолжала беседу. Аул погрузился в тишину. Лишь издали доносился ровный шум реки. Доули повернулась к окну. Насторожилась.

- Он!

Женщины вышли на деревянную терраску второго этажа. Теперь и Докки показалось, что она слышит далекий голос. А Доули вернулась к себе, достала из связки, висевшей под потолком, смолистый корень сосны - бага, разожгла его в очаге и побежала по шаткому мостику в боевую башню, которая стояла рядом с жилой, возвышаясь над всем аулом.

С этажа на этаж по скрипучим лестницам, что стояли в углу, Доули стала взбираться вверх. Она с трудом пролезала сквозь узкие отверстия в перекрытии этажей. Совы и

голуби, напуганные светом, с шумом вылетали из бойниц. На последнем, пятом, этаже Доули остановилась, едва переводя дыхание. Она высунулась в окно и подняла над головой факел. И тотчас до нее донесся далекий голос. Теперь Доули не сомневалась - это был голос мужа. Но как странно: он доносился не оттуда, куда Турс уходил на охоту, а совсем с другой стороны - из дремучего леса. Доули убрала факел в башню и через мгновение снова высунула его наружу. И снова раздался голос Турса. Значит, он увидел огонь, он ему нужен, потому что ночью в таком лесу человек может заблудиться даже рядом с домом.

- Ну, что там? - спросила Докки снизу.

- Это он. Скажи брату (так Доули называла деверя). Мне кажется, он зовет его.

Докки разбудила мужа. Тот вышел, взобрался на третий этаж боевой башни, прислушался, узнал голос Турса и отправился в лес, освещая путь огромным пламенем бага. Доули видела, как это пламя шло в чаще леса, останавливалось, - видимо, Гарак прислушивался к голосу брата - и снова двигалось дальше.

- Эй! — доносилось с далекой горы.

- Во-вой! Да-вог![6] — отвечал голос Гарака, а говорящий камень[7] кривлялся на разные голоса и передразнивал их:

- Эй-вой!.. Вог-вог!..

Пропели первые петухи, когда женщины увидели на извилистой тропе в свете факела поднимавшихся к башне своих мужчин.

Гарак нес на спине лежг[8], набитый мясом. Туре шел следом, держа в руках голову оленя с длинными ветвистыми рогами.

В эту ночь в башне братьев Эги долго не ложились. Женщины варили мясо. Гарак пек на огромной вилке, стоявшей на треноге, оленью печень, а Туре чистил кремневку и рассказывал об охоте.

Когда все было готово, Доули плеснула в золу жирного бульона, а Турс отрезал и бросил кусочек печени и мяса в огонь для предков, души которых всегда живут в доме и получают свою долю через пламя неугасающего очага.

Ужин был обильным, веселым. После ужина Гарак и Докки ушли к себе, а Турс потушил светильники, разделся донага, лег на нары и растянулся на мягкой кошме. Доули прикрыла его одеялом из овчин и прилегла рядом. Он задремал, но, неожиданно проснувшись, воскликнул;

- А ты здорово придумала! Без твоего огня я бы всю ночь проплутал. В лесу темно и глаз пальцем ткнут - не увидишь. - И, засмеявшийся, добавил: - Только как ты с этим животом в башне через лазы протискивалась? Видно, какую-то мелочь родишь.

Он замолчал, захрапел, повернулся и уже во сне закинул на нее свою большую, тяжелую руку. Счастливая, она лежала, не шевелясь, и слушала, как рядом билось его сильное сердце. Чуть посветлело небо в окне. В очаге уголек треснул, вспыхнул

искоркой и погас.

Как ни коротка была ночь, солнце застало всех за работой. Гарак ушел за мясом оленя, которое Турс подвесил в лесу к дереву, Докки погнала в поле ослика, навьюченного корзинами с навозом, Доули стирала золой белье мужа, а Турс старался приладить корзины к бычку, чтобы возить навоз сразу и на нем и на ослике.

Доули стирала в чаре[9], сидя на корточках, и изредка бросала взгляд на Турса. Широкий в плечах, чернобородый, в долгополой коричневой рубаше домотканого сукна и в таких же шароварах, он с удивительной ловкостью делал громадными ручищами свое нехитрое дело. Наконец все было готово, корзины наполнены. Доули поднялась, вытирая руки о подол, чтобы идти с Турсом в поле. Он повернулся к ней, прикрыл ладонью левый глаз, на котором было плотное бельмо, — он делал так всегда, разговаривая с людьми, - и сказал:

- Оставайся.

Она недоуменно посмотрела на него.

- Я и сам справлюсь. Детская работа. А ты... тут найдешь, что тебе делать... И так небось наворочалась с камнями за эти дни... - Он улыбнулся, что с ним бывало очень редко.

Доули поняла улыбку. Каким дорогим, близким он был ей сейчас, с этим единственным, добрым для нее карим глазом, с этой глубокой морщинкой, залегшей у рта.

- Что же ты, один пойдешь? Я не устала! - возразила она. Но его лицо уже снова стало суровым, и он строго сказал:

- Не торопись. До осени еще наработаешься!

Он хлестнул осла прутиком, и тот пошел, потянув за собой привязанного к седлу бычка. Турс размашисто зашагал следом.

Уже полдня Турс и Гарак, вернувшийся из леса, перевозили на свои поля навоз. День выдался нестерпимо жаркий. Туре расстегнул ворот рубахи, что позволял себе очень редко.

В полдень и люди и животные отдыхали. Туре снова лежал на нарах, а Доули занималась домашними делами. Ей казалось, что муж не замечает ее. Но он видел все, видел, как смазанные свежим маслом блестели у Доули волосы. Ее длинное, сбоку подоткнутое платье после стирки стало ярко-красным, а шаровары светлыми. Он заметил и небольшие мешочки, появившиеся в последнее время у нее под глазами.

«Трудно ей уже, - подумал он и, забросив руки за голову, приятно ощутил в них матерую силу, - да я и сам справлюсь с любой работой в этом доме. Была бы работа!»

Остаток дня он снова возил навоз. Доули, взяв у соседей корзины, к его возвращению наполняла их, так что он не тратил на это времени.

К вечеру над Цей-Ломом появились мелкие стайки облаков, потом, слившись в большие громады, они переползли через хребет медленным водопадом и растеклись по ущелью. Подул свежий ветер, стало прохладно. Доули вздохнула с облегчением и обрадовалась за Турса.

За день от горы навоза почти ничего не осталось. Теперь надо будет только разбросать его по терраскам и пахать.

Вечером Турс ходил по двору, посматривал на небо, проверял мешки с семенами ячменя, затачивал лемех. Ему не терпелось выйти с быками на пашню, схватить соху, всадить ее в землю и начать борозду. Такая это была пора - месяц кукушки.

Перед тем как лечь, Турс снова вышел во двор и вернулся озабоченный.

- Дождь будет, - бросил он хмуро, а потом добавил: - Дождь ничего, да ненадолго бы...

Легли спать. Среди ночи Доули проснулась. Турс глядел на окно. Комната озарялась вспышками далеких молний. Редкие косые струйки падали на пол. Доули поднялась и закрыла окно рамой, обтянутой бычьим пузырем. Резкий порыв ветра толкнул ее и затих. Приближалась гроза.

- Рано. Не ко времени! - вырвалось с досадой у Турса.

Он завернулся с головой в тков[10], лег ничком на свою кошму и затих. А Доули долго еще смотрела на едва высвеченное пятно окна, и ей все мерещилось в нем чье-то страшное и злое лицо.

Утро наступило хмурое, дождь лил, не переставая. По тропкам и переулкам аула бежала вода. Редкий человек показывался где-нибудь во дворе. Скотина и та не хотела пастись и понуро стояла у стен башен и солнечных могильников[11]. Гарак стучал за перегородкой топором, выстругивая новое ярмо для быков, а Турс не находил себе места. То он шел во двор и глядел на небо, то ложился на нары и делал вид, что спит, то садился на турью шкуру и начинал перебирать четки. А дождь лил и лил без конца.

Начало смеркаться, когда он вдруг схватил со стены сохнувшую оленью голову с рогами и крикнул жене:

- Снеси к элгацу Елты. Может быть, это он злится, что его не почтили, и нагоняет тучи!

Доули накинула шаль, взвалила на плечо оленью голову и, уже открыв дверь, обернулась:

- А может быть, подождать дотемна? Хасан-мулла увидит... Снова будет укорять за го, что ходим к старым богам!

- Тогда пусть остановит дождь! - закричал Турс. - Люди не сегодня начали жить! Жили и до Хасан-муллы... Иди!

И Доули ушла. Глядя на башни, Туре видел, как она по камням переходила через потоки воды и поднималась вверх, за село, где в кругу священных ореховых деревьев, увешанных рогами животных, темнел домик со ступенчатой крышей, в котором

испокон веков жители села чествовали покровителя охоты.

Видел Турс, как Доули молилась, стоя на коленях.

Но не помог Елта. Вода нескончаемо лилась с неба всю ночь. Наутро жители аула в тревоге стали собираться кучками. Этак вода прополощет все пашни, и останется один песок, на котором не вырастишь даже колючку. А тогда голод.... Что делать? Одни предлагали молить нового бога Аллаха, другие, и среди них старые люди и женщины, советовали воздать хвалу богу солнца, который один может разогнать тучи и согреть землю.

Наконец после долгих споров решили не обижать никого. Мусульмане собрались во дворе Хасан-муллы, язычники пошли к горе Цей-Лом. Братья тоже разделились. Гарак пошел просить милости у бога солнца и, стоя в толпе людей, обнаживших головы, за каждым словом жреца, воздевавшего руки к небу, вместе со всеми иступленно повторял:

- Гелой! Голой![12]

А Туре, снедаемый мыслью о том, что допустил святотатство, отослав оленьи рога ячыческому богу, поволок бычка во двор Хасан-муллы и сам зарезал его в жертву великому Аллаху.

Но ни в этот день, ни ночью дождь не перестал... На рассвете аул проснулся от страшного вопля. «Наводнение! Сносит землю!» - кричал кто-то, пробегая мимо башен. «Наводнение! Наводнение!» - понеслось от жилья к жилью. Захлопали двери, заметались горцы, дико залаяли, залились растревоженные псы. Люди, кто с топором, кто с деревянной лопатой, устремились к земле. Когда они прибежали к пашням, там, казалось, не изменилось ничего. Вековая Цей-Лом стояла яркая и чистая, вымытая дождем. Только вершину ее скрывали тучи. Серые осыпи по-прежнему лежали на своих местах, и, лишь приглядевшись к земле, можно было понять, какое бедствие угрожает людям. Едва заметные для глаза струйки воды промывали поля, вынося из них чернозем.

Нужно было что-то делать.

- Нарезайте борозды! - закричал Турс, покрывая шум непогоды.

И люди ринулись к земле. Чем попало начали они копать вдоль и поперек неглубокие канавки, в которые тотчас же устремлялась вода. Появились быки с сохами. Мокрые от дождя люди шаг за шагом избавляли землю от нависшей угрозы. Однако дождь уже успел причинить зло. О хорошем урожае нечего было и думать, но хоть сам-два можно было надеяться собрать.

Земли Турса и Гарака находились рядом. Турс сразу заметил испуг, мелькнувший в глазах брата, и слезы Докки. Доули он не позволил идти сюда. И, даже не посмотрев на свой участок, он кинулся помогать Гараку. Тот с отчаянием бил топором борозды, а Турс спокойно подхватывал на лопату бурый щебень и аккуратно откладывал его в сторону. Работали братья дружно - только Гарак торопливо, а Турс размеренно, как вол. Вскоре на земле Гарака вода побежала по проложенным для нее дорожкам. Тогда братья перешли к Турсу.

С разных сторон доносились возбужденные голоса: люди понукали упряжки, ругали нерасторопных, звали на помощь...

Народ боролся за свое будущее, за свою жизнь.

А дождь лил и лил, и казалось, ему не будет конца.

Вдруг люди замерли. Зловещий, все нарастающий рокот заполнил ущелье. Что это? Рушатся небеса или горы тронулись с места?

- Им![13] - крикнул Гарак.

Он смотрел на гору, и его глаза наполнились смертельным страхом. Люди, увлекая за собой животных, кинулись из лощины, бросив на произвол дикой природы старинные земли рода Эги.

Турс оглянулся. С крутого склона горы прямо на него стеной шел поток жидкой грязи и валунов. Он все сметал на своем пути, все поглощал. Земля дрожала. А в воздухе стоял грохот.

- Сюда! - завопил брату Гарак и кинулся к скале Сеска-Солсы.

Но Турс не услышал его. Он впился глазом в надвигавшийся вал, будто хотел остановить его. Суконная накидка свалилась с него, обнажив по пояс. Он поднял над головой огромные кулаки, в ярости напряг могучие мышцы и, застав, как зверь, кинулся навстречу потоку. Бессмысленная, тупая сила стихии и великая сила жизни шли друг на друга...

Гарак оглянулся... Казалось, для Турса не было уже спасения. Ужас исказил лицо Гарака. Он кинулся назад, схватил брата за руку и с нечеловеческим усилием потянул за собой.

Когда по каменным уступам он втащил его на вершину скалы и, задохнувшись, свалился вместе с ним, серый, клокочущий поток промчался мимо, дробя валуны и обдавая подножие скалы черной грязью.

Турс поднялся, подошел к краю обрыва, посмотрел вниз. Земли его больше не было. Слава Аллаху, только его земли. Все остальные поля, даже площадки Гарака, остались в стороне.

- Эй! - торжествующе закричал он обессилевшему потоку, как живому. - Ты нам ничего не сделал! - И его раскатистый смех повторили говорящие камни Цей-Лома.

Шатаясь, поднялся и подошел к нему Гарак.

- Живы! Живы! - донеслись голоса снизу. И Гарак на людях обнял брата.

Во второй половине дня дождь стих и горы очистились. Люди трудились на своих полях дотемна. Одни восстанавливали стены, подпиравшие террасы, другие продолжали разбрасывать навоз, а пострадавшие возили землю из леса, что был на

противоположном склоне. Ко/ многим и ч соседних аулов пришла на выручку родня.

Каждому можно было чем-то помочь. Но только не Турсу. Его террасы были полностью сровнены со склоном и занесены глубоким слоем песка и камня. Здесь просто нечего было делать.

Турс целый день трудился на участке брата. Он распорядился привезти сюда остаток навоза. А Гарак был весел и работал как никогда. Он сегодня впервые узнал, что значит потерять брата и снова найти его. Он понимал, что земля у них общая, отцовская, и поделили они ее сами. Знал, что теперь надо будет обеим семьям кормиться вот с этого оставшегося клочка И нее же Гарак был рад. А Докки не могла подавить в себе чувства досады за то, что придется бедствовать, так как урожая с земли им самим хватило только на три месяца и хлеб приходилось выменивать на скотину. А что же будет теперь?.. Бедность убьет их. Слезы застилали глаза. Беда - для всех беда. А для бедняка - она вдвойне.

Но их ждала иная судьба.

Домой братья и Докки пришли поздно. Турс был усталый, но спокойный. Он увидел заплаканные глаза жены и тихо сказал:

- Не будем раньше срока справлять поминки. Аллах всемогущ. Здесь он у нас взял, - значит, где-то отдаст. Грех отчаиваться, грех роптать... Так говорит Хасан-мулла. У меня есть еще руки. Покуда я жив, вы не останетесь без ничего...

Доули виновато улыбнулась:

- Да разве я о том! Я счастлива, что ты остался. Не знаю, кому и молиться за это!

- И я не знаю... - помолчав, неожиданно ответил Турс и, подумав, добавил: - Только, ее ш уж так хорошо, что я остался, за это благодари Гарака.

После ужина он смял со стены чондыр[14], уселся на нары, долго настраивал волосяные струны и наконец повел смычком.

Он играл старинную горскую мелодию, протяжную и грустную, как долгие зимние сумерки, как жизнь человека, у которого сверху недоступное синее небо, снизу серый камень, а кругом дикие силы природы.

Тихо вошел Гарак. Постояв, приблизился к очагу, опустил на низенькую скамейку. Доули поднялась ему навстречу и снова села на пол, продолжая перебирать шерсть. Немного погодя, незаметно вошла и остановилась у дверей Докки. Турс, казалось, никого не видел. В очаге легким бездымным пламенем теплился огонек. Над светильником по бревнам потолка тонкая струйка копоти чертила ровные круги. Стены словно раздвинулись, исчезли, и вместо них сама ночь, темная и тяжелая, встала вокруг людей. Пели струны. И Турс, думая вслух, пел тихим, глубоким голосом:

- Отчего вы, горные реки, седые?

- Мы от вечной боли в боках седые.

- Отчего ж ты, птица в небе, седая?

- И ответил орел: - В облаках летаю.

- Отчего же вы, горы отцов, седые?

- Мы от горя и доли твоей седые....

Горы, горы мои, колыбель вы и мать родная!.. А у матери доля - всегда седая...

Голос Турса умолк, а струны все пели. Женских лиц почти не было видно. Бежали мысли, бежали слезы. Мысли у каждой разные, слезы - одни, женские. Гарак надвинул папаху на лоб, поправил костер. Огонек вырвался на волю, заиграл веселым язычком, осветил, словно поджег, его смуглое лицо.

Туре перестал играть, задумался, глядя на освещенное, негасимое пламя родного очага. Когда и кто зажег его для них? И что станет теперь с его потомками, для которых он сохранил этот свет и это тепло? Сумеют ли они оставить его огонь тем, кто придет сюда следом за ними?

- На нас навалилась беда. - Голос Турса зазвучал так неожиданно и громко, что женщины повернулись к нему со страхом. - В доме я старший. Моя забота - думать о всех. Землю отцов, которая осталась у нас, я поручаю тебе. - Он обращался к брату.

Гарак встал.

- Вас она кормила и будет кормить. А о нас не думайте. Завтра с Богом — пахать!..

- Нам двоим не был тесен материнский живот. Не был узким этот кров наших предков. И то, что родит наша земля, должно быть общим. Кто же я, по-твоему? — почти с гневом возразил брату Гарак. Он был слабее и меньше Турса, но сейчас он всем казался огромным и сильным.

Турсу было радостно, что у Гарака такое родное сердце. Стоя у двери, Докки проклинала себя в душе за мысли, которые мучили ее сегодня, когда на пашне хозяйски трудился Турс.

- За кого ты нас принимаешь? - воскликнула она. Голос ее сорвался, и она убежала за перегородку.

- За своих! - крикнул ей Турс. - И поэтому будет так, как я говорю, пока я здесь старший! - добавил он строго. - А слезы будете лить там, где им место! - С этими словами он повел смычком, и чондыр откликнулся веселым плясовым мотивом.

Ночь Турс спал хорошо. Первый раз в жизни он проснулся без забот, без мысли о том, что надо работать. Некуда было торопиться, нечего было делать. Он не знал еще, что придумает, но знал одно - в тягость он никому не будет!

У Гарака и Докки было тихо, видимо, они ушли на работу, как он велел. Но во дворе слышались голоса. С Доули разговаривали какие-то

мужчины. Надев шапку и суконные чувяки, он вышел. У ворот стояли его соседи и Хасан-мулла. Поздоровавшись, Турс пригласил их в дом, но они отказались. Они хорошо понимали, какое несчастье постигло Турса. Что сказать, чем утешить, как помочь? Хасан-мулла первым прерчал молчание:

- Нам всем тяжело. Аллах наказывает нас за то, что не все мы веруем в него, когда он щедро предлагает нам свои откровения. Не все расстались с прежним неверием. Но ты хороший мусульманин. Ты дал бычка, чтоб принести жертву за все село, и ты пострадал за других. Амин ёаллах! Я заявляю об этом при всех! В законе пророка Мухаммеда — да во возвеличит Аллах имя его! — говорится о том, что брат должен помогать брату. Из десятой доли урожая, что дается в жертву сиротам и вдовам, мы не забудем поддержать и тебя!

Хасан-мулла еще не старый и красивый мужчина. Он во всей округе один умеет читать Коран и писать ладанки. Отец посылал его учиться. И он пробыл в Аравии пятнадцать лет. И теперь люди относились к нему с большим почтением. Даже те, которые колебались, стоит ли во имя бога Аллаха изменять всем своим старым богам.

Обычно, как он советовал, так и делали. Никто не мог сказать умнее его. Но на этот раз после Хасан-муллы протолкался вперед сосед Турса — Пхарказ[15]. Долговязый, сутулый, он расставил широкие, как у гуся, босые ступни и заговорил:

- Хасан-мулла, ты всегда учишь нас, как бы это... только хорошему! Столб в земле. Но если он расшатан, ему нужна подпорка. А если человек в беде, она ему нужна еще больше. Мы сделаем так, как ты сказал. Но, как бы это... мне думается, перед Аллахом было бы неплохо, если б мы решили не только об одной осени... а о всей жизни Турса...

Это верно! — поддержали Пхарказа горцы.

- Так вот, как бы это... Ведь с каждым могло случиться... Не записано ли в иконе пророка, чтоб нам всем вместе помочь Турсу купить себе новую землю?

Народ одобрительно зашумел.

Хасан-мулла, к которому обращался Пхарказ, улыбнувшись, развел руками:

- Разве Аллах может быть против хорошего дела, против добра! О твоих словах надо всем полумать. Ведь не у каждого найдется что дать!

Турс, который слушал их с большим вниманием, поднял голову.

«Вот какой Пхарказ! думал он. - Сам гол, в зиму и лето одна овчина на плечах, а готов поделиться последним. А этот, Цогал[16], восемь детей!.. Ноги уже как дерево стали. Чувяки только в мороз одевает... и тоже согласен отнять у своих малышей кусок хлеба для меня... И все остальные...» — И Турсу стало тепло.

- Соседи! Люди мои! Пусть у вас всегда все будет и ничто не уменьшается! Плохой у меня день! Но я что-нибудь придумаю, как-нибудь обойдусь. А долю вдов и сирот, не обижайтесь, не приму. Потому что я не вдова и не ребенок-сирота. Вот они, руки... значит, я что-то еще смогу... Я благодарен тебе, Хасан-мулла, и тебе Пхарказ, за вашу доброту. Если сам не справлюсь с бедой, если у меня ничего не получится, конечно, я

приду к вам, куда же мне еще! Соседи мы... Стыдиться не буду. Пусть Бог воздаст вам за добро!..

Люди начали расходиться. Но, прежде чем уйти, каждый еще раз подходил к Турсу и предлагал ему свою помощь.

Хасан-мулла Турс задержал. А когда двор опустел, пригласил войти в башню. Здесь он усадил его на почетный, резной стул, которому, наверно, было столько же лет, сколько и самой башне, поставил перед ним накрытый Доули низенький столик с олениной и лепешками.

Воздав молитву Аллаху, Хасан-мулла принялся за еду, необычную даже для него.

Турс как хозяин стоял и каждую минуту был готов услужить гостю. Он обдумывал предстоящий разговор с Хасаном, от которого зависело многое.

Когда гость наелся, Турс попросил его расположиться для отдыха на нарах. Он помог Хасан-мулле расстегнуть ворот на зеленом бешмете. Это был единственный во всем ауле бешмет из атласной ткани. Турс дотрагивался до его блестящих нитяных пуговиц с благоговением. Затем он стянул с него чужаки персидского сафьяна и усадил на войлочную кошму.

- Слушаю я тебя, Турс, - сказал Хасан-мулла, сложив руки на груди и глядя на лазурный кусочек неба, который был виден в окне.

Турс помолчал. Ему легче было день работать в лесу, чем час говорить с таким умным и ученым человеком. Но делать было нечего. Он отослал Доули, помолчал еще, посмотрел, как гость, в окно и сказал:

- То, что мне пришло в голову, это не от силы и гордости, а от бессилия моего... Все знают, что часть земли нашего рода Эги некогда досталась роду Гойтемира. Ею уплатили за их человека, который умер, как говорят, по вине человека из нашего рода. Но я слышал, что моего предка вынудили отдать землю. Он уступил силе, а не правоте. Если б я был уверен в этом, я попробовал бы вернуть свою землю назад. И, может быть, Гойтемир поймет, что волк заскакивает в овчарню не для того, чтобы порезаться с собаками или поймать лбом пулю, и решит спор по-доброму? Мне же терять нечего! Что ты на это скажешь?

Хасан-мулла внимательно следил за выражением лица Турса. Оно не предвещало ничего доброго. Нетрудно было заметить: под видимым спокойствием Турса скрывалась отчаянная решимость так или иначе найти выход из положения.

- Я не судья, - смиренно сказал Хасан-мулла. - Тем более, речь ведь идет о том, что было до нашего с тобой появления на свет! Но раз ты ждешь от меня ответа, я скажу тебе...

Было это, как рассказывал мне мой дед, при отце его или даже при его деде. Двое парней - один из рода Гойтемира, другой из вашего - пасли овец. Гойтемировский парень заснул, а ваш подкрался и из озорства ударил рядом с ним палкой по земле. Спросонья тот так испугался, что умер. И между вами возникла вражда. Ваши не принимали вины на себя, а те утверждали, что вы убили их человека. Никто не мог

решить этого спора. Тогда пригласили мудреца по имени Тантал. Он происходил из тех ингушей, что издавна живут в Грузии. Рассказали ему все и попросили решить спор. Тантал велел принести на то место, где умер гойтемировский парень, моральг[17] нетронутого кислого молока и поставить на землю. Потом велел вашему парню ударить по земле палкой рядом с моральгом так, как он сделал это первый раз. Парень ударил. От сотрясения сметана на молоке разошлась.

«Такая же трещина должна была появиться и на мозгах умершего», — объявил Тантал. И с ним согласились все, даже парень, которого обвиняли в убийстве. У родителей юноши не было двенадцати коров, чтобы отдать за убитого, и им пришлось расплачиваться землей. Так вы остались без своей лучшей пашни, без луга. А Тантал за это решение получил от Гойтемировых кусок скалы с плоской вершиной, на которой и выстроил башню Ольгетты. Потом он перевез из Грузии семью. Но счастья ему не было. Ты знаешь рассказ об этой башне. Люди говорят, что Бог покарал Тантала. Наверное, Бог решил: открытый моральг — это не закрытый череп человека, и мозги — это не кислое молоко...

А что я сам думаю об этом? Я думаю, что если бы у умершего парня душа была мужская, она не выскочила бы из-за удара палки по земле, как лягушка из болота. Тут другого по голой голове кинжалом хватят, и то не могут дожидаться, чтоб умер! Значит, у гойтемировского была женская душа. И если бы вы им дали половину стоимости — шесть коров, с них было бы вполне достаточно! Но на их сторону встала сила и неправда...

Чем больше слушал Турс Хасан-муллу, тем темнее становилось у него на душе. Злость и обида поднимались в нем против старшины Гойтемира, который теперь стоял во главе своего рода. Ему казалось, что это несправедливое дело совершилось вчера, а не в глубокую старину, от которой не осталось на земле ни одного свидетеля.

- Хасан-мулла, Бог наградил тебя умом, а ты отдаешь его людям! Слава Аллаху и благодарение тебе! Я знаю, что мне теперь делать. Я возьму свое.

Турс сказал это так твердо и решительно, что даже гостю его сделалось не по себе.

- Турс, быстрая речка до моря не добегают! - Хасан-мулла прищурился. - Очень старое это дело... Трудно его поднимать. Трудно спорить и доказывать свое, когда между тем, что было, и вами лежит в могилах несколько поколений. Гойтемир не ребенок, не трус. Да к тому же начальство уважает его. Он ведь старшина! Вражда была ваша, и мир был ваш. Я не вмешиваюсь. Но советую тебе... подумай. Может быть, ты не в ту сторону идешь? - Хасан-мулла надел чувяки, встал. - Я пойду. Аллах воздаст тебе за хлеб-соль! Но запомни: из всего, что мы говорили, самое важное — терпение! С такими, как Гойтемир, можно сговориться только тогда, когда ручка кинжала в твоих руках, а лезвие в его...

Он ушел. Турс лег на нары и замер, словно медведь в засаде.

С вечера он одолжил у соседа верхнюю рубаху турецкой бязи, которую тот привез из Тифлиса, а утром, позвав брата, отправился с ним в соседний аул Гойтемир-Юрт, к Гойтемиру.

Фамильных братьев у Турса было немало. Одни жили рядом, в ауле, другие давно

переселились на плоскость. Однако пока он никогда не звал их на помощь.

Доули слышала весь разговор с Хасан-муллой. У нее екнуло сердце, но вида она не подала, потому что знала - в таком деле муж с ней считаться не будет. Да и что она могла посоветовать? Не затевать тяжбы?

По дороге Турс поведал свои планы Гараку.

- А что думаешь делать, если он откажется говорить об этом? - спросил Гарак брата.

- Думаю, не откажется! - уверенно ответил тот.

Когда за последним поворотом тропы открылся многобашенный Гойтемир-Юрт, Турс зашел в кустарник, снял свою шерстяную дерюгу с заплатами и надел рубаху соседа, которую нес на палке за плечами, чтобы не запачкать до времени. Гарак смотрел на него с восхищением. Спрятав рубаху Турса в орешнике, братья продолжали путь.

Турс по-прежнему шел впереди. Гарак нес его заряженное ружье и курил чубук с глиняной трубкой на конце. Турс был старше брата, но когда они оставались одни, вели себя как равные. Однако на людях Гарак проявлял к Турсу должное уважение и при нем не садился, не ел, не вступал в разговоры. Кончая курить, Гарак последний раз затянулся и выпустил целое облако дыма. Ветром дым занесло на Турса. Он сплюнул и выругался.

- Ты что, лису выкуриваешь, что ли?

- Кончил, — тихо ответил Гарак и, выбив пепел, спрятал горячую трубку за пазуху.

Издали завидев их с плоской крыши заброшенного каменного свинарника, громко залаяла овчарка.

Жилая и боевая башни замка Гойтемира находились во дворе, окруженном высокой стеной. В ней была всего одна дверь. Вокруг стены стояли загон для скота, для хранения сена и каменные кормушки. Гойтемир сидел у стены. На вид это был мужчина лет пятидесяти пяти. Освещенный утренним солнцем, он, казалось, дремал. Голова его в белой папахе была задрана вверх. Резко выделялась небольшая рыжеватая борода, мохнатые брови и мясистый, крупный нос. Присмотревшись к братьям, он встал, словно только теперь узнал их, и пошел им навстречу, по-молодому гибкий в спине. Одет он был в холщовый бешмет и черкеску. Поздоровавшись, Гойтемир пригласил братьев в дом и пошел вперед.

- Как хорошо, что вы пришли, - сказал он своим резким, высоким голосом. - Я собирался сегодня поехать к вам. Такое несчастье! И вечно беда объявится там, где ее меньше всего ждут. От всей души сочувствую! Многое отдал бы, чтобы этого не случилось!.. - С этими словами он поднялся по каменной лестнице на второй этаж башни и ввел братьев в комнату для гостей.

- Садитесь! Располагайтесь поудобнее, - пригласил он с кажущимся радушием, и его трудно было заподозрить в неискренности.

Здесь было гораздо светлее, чем у Турса. Вместо очага у одной из стен - широкий

камин. Вдоль двух других тянулись нары, которые сходились в углу. На них - войлочные ковры. Такие же ковры с ружьями - на стенах. Окно затянуто не пузырем, а белой бязью, под ним деревянная кровать со стопкой войлоков и горкой подушек. Под потолком на вбитых в стены деревянных колышках висели бутылки, тарелки, чашки. Братья сразу увидели всю эту роскошь и оценили богатство хозяина. Турс сел на низенький стул, Гойтемир тоже. Когда закончились расспросы о здоровье, о семье, Турс приступил к делу. Он откашлялся, строго взглянул на Гарака, с мрачным видом стоявшего у дверей в нахлобученной войлочной шляпе, и начал:

- Меня привела сюда моя беда.

- Я понимаю. Правильно сделал, что пришел. Я очень рад этому, - перебил его Гойтемир

- Может быть, ты и не рад будешь, когда узнаешь, зачем я пришел. Но делать нечего.

- Я понимаю, - снова перебил Гойтемир. - Ты не тот гость, который приходит с дарами. Сегодня ты не тот гость. И это не твоя вина. Говори, Турс, твори, что надо. Мы все сделаем.

Тогда Турс обстоятельно повторил Гойтемиру всю историю их давнишней тяжбы и в конце сказал:

- Тебе, видно, все это известно не хуже, чем мне. У наших предков не было бога Аллаха. Им не грешно было есть чужое. Но мы с тобой одной веры. Я не хочу чужого, но и ты не должен есть хлеб с моей земли, если тебе досталась нечестно, и дожидаться, чтобы я умер с голоду. Греховой тебе будет моя кровь. У тебя от моей земли не прибавится и не убавится. Ты имеешь нее. И дай Бог, чтоб было у тебя больше! А мне, если ты не вернешь землю отцов, ничего не остается, как только умереть. И ты понимаешь: жизнь для меня сегодня ничего не стоит.

Последнюю фразу он произнес дрогнувшим голосом. В глазу его сверкнула решимость, и Гойтемир заметил это.

- Я понял, - сказал он спокойно. — Все понял. Будем говорить по-мужски?

Турс утвердительно кивнул головой.

- Тогда слушай. Того, что ты сказал, достаточно для новой вражды. Но я буду говорить с тобой так, чтоб в судный день мне не пришлось опускать глаз. Ты сказал, что мы взяли с вас полной мерой, как за убитого, и что это несправедливо. А как ты считаешь: вы вовсе не были повинны в смерти Тешала? Так его звали. Он сам по себе умер?

- Нет. Не сам. Но и не оттого, что мы чем-нибудь повредили его тело.

- Но сколько же ты признаешь вины за собой?

- Не больше половины. Шесть коров. Гойтемир помолчал.

- Турс, вот брат твой, он свидетель моих и твоих слов, хотя я и так знаю тебя как честного человека. Земля твоих предков - у моих сородичей, таких же бедных, как и ты.

На ней кормится несколько семей. Отнять ее у них, - значит, разорить их или я должен дать им другую. -

Он вскочил, избоченился, подпершись рукой. - Но я не Гойтемир, если не сдержу слова: давай, води сюда шесть коров и забери свою землю... Бери! Всю! - закричал он. - Я не хочу твоей гибели. Но будь хозяином слова! А за судьбу своих братьев я буду отвечать!.. Наступило молчание.

- Или ты думаешь, что за жизнь человека и шести коров много?.. Ко всему был готов Турс. Он готов был сражаться за свое право хоть со всем Гойтемировским родом и умереть, если надо. Но такого не ожидал. И он простодушно, по-детски воскликнул:

- Но у меня нет шести коров! Где я их возьму?

- Так неужели, когда ты шел ко мне, ты думал, что я не человек? Не должен же я из-за того, что тебе нужна земля, забыть кровь предка, законы гор, выставить себя на посмешище?! Ведь если я тебе просто так верну землю, полученную за жизнь человека, у меня завтра камня в родовой башне не оставят! Ты же знаешь людей. Скажи, что я неправ.

Турс молчал. Доводы Гойтемира для него, не искушенного в спорах, казались неотразимыми и даже справедливыми.

- Но я думал, что ты должен вернуть мне половину той земли...

- Нет, Турс. Не все должно поворачиваться так, как ты повернешь. Твое слово - шесть коров. Ты пришел заново ворошить покойника. Так держи слово. Шесть коров!

- Видимо, ты прав, - согласился после раздумий Турс. - Я буду помнить наш уговор. И когда у меня будет шесть коров, я вернусь за своей землей...

Он поднялся.

- Сиди, сиди, - закричал на него Гойтемир, - не коснувшись хлеб-соли моей, никуда не уйдете! Эй! - строго сказал он, открыв двери в соседнюю комнату. - Пропали вы там, что ли! Торопитесь!

И тотчас же было подано шу[18] с дымящейся грудой баранины. Гара-ка позвали есть в другую комнату. За едой Гойтемир сказал:

- Недавно в округе собирали нас — старшин обществ — и говорили, что есть бумага полуцаря[19]. В ней сказано: земля, которой сейчас владеют люди, будет принадлежать им вечно. Но, может быть, тебе как пострадавшему вернут твой надел? Я говорю о земле, которую у вас отобрали в Ангуште. Если ты хочешь, я готов поехать с тобой в город и просить за тебя начальство.

Подавленный Турс горячо ухватился за эту мысль. Уходя, он просил Гойтемира не помнить зла.

- Когда мышь попадает в ловушку, она готова влезть в любую дыру! - сказал он и ушел.

Они условились встретиться через день под стенами города Бурув[20]. В тот вечер Гойтемир зарезал барана в честь почетного гостя Хасан-муллы и благополучного избавления от неприятности. Теплая беседа затянулась допоздна. Провожая гостя, Гойтемир говорил:

- Если б не твое предупреждение, я мог бы его выгнать. Тогда, кто знает, чем бы все это кончилось! Он ведь сейчас голоден, как волк по весне. Ему все нипочем.

- Во имя Аллаха и пророка Мухаммеда мы призваны мирить братьев-мусульман. — Мулла говорил тихо. — Турс — набожный человек. И если ты поможешь ему, ты сделаешь богоугодное дело...

- Ты прав, - ответил Гойтемир. - Сытый волк стаду меньше опасен... Они вышли за ворота.

- Лошадь! - крикнул Гойтемир, и Хасан-мулле подвели коня.

2

В Дарьяльском ущелье еще стлался рассветный туман, когда Турс, миновав башни аула Фуртауга, вышел на Военно-Грузинскую дорогу. Прижавшись к скалам, она вилась здесь по правому берегу Терека. Иногда уходила под навес, выдолбленный в горах солдатами ермоловских времен, и непривычному путнику казалось, что эти громады обрушатся и погребут его под собой; а иной раз выбегала на открытый простор ущелья и петляла в зарослях барбариса и облепихи. Около хутора Длинная Долина Турс нагнал арбы, которые тоже шли в город. На одних были дрова, на других - липовая кора. Ею в городе крыли крыши. Кирпичных строений, да еще под черепицей, там было очень мало. Такую роскошь не мог позволить себе отставной служивый или горец, спустившийся жить под охрану крепостной стены. А эти люди и гарнизон составляли основное население Владикавказа.

На последней арбе ингуш вез тушу убитого кабана. Всю дорогу попутчики подтрунивали над ним. Ведь на деньги, вырученные за свинину, он не имел права купить ничего, кроме материи на женские штаны.

Посмеявшись вволю, заговорили о жизни. Турс рассказал о своей беде. Горцы сочувствовали ему, потому что сами были безземельными. Землю, на которой стоял их хутор, забрали в казну, и они были вынуждены арендовать ее, а заодно сенокосы и пашни. За это с них вносили сто рублей в год и еще по три рубля налога с каждой семьи.

- Теперь, когда все на земле и под землей и леса наши царь объявил своими, не верится, чтоб тебе вернули твой участок под Ангустом, заселенным казаками, - говорили они. - Если б все мы подошли с голоду, царь только обрадовался бы и забрал себе все, что еще осталось у нас!

Турс помрачнел. Он не мог представить себе, что делать, если ему откажут. Ведь он умел только пахать да ходить за овцами.

Туман поднялся. Но солнце вышло белесое. Обмелевший за зиму Терек, чистый и прозрачный на перекатах, вскидывался белой пеной на валунах. Он с шумом врывался

в город и бился о высокие берега. Арбы подходили к Владикавказу. Это было самое большое человеческое поселение, какое горцы могли представить себе. Там в садах, в беспорядке стояли избы под тесом и липовой корой. За садами возвышались полуторасаженные стены крепости из кирпича и камня. А за ними — многочисленные кирпичные купеческие дома и особняки отставных офицеров, да величественно царившие над всем колокольни собора, церквей и казенные дома канцелярий начальника Терской области, штаба войск, атамана и городской управы. Через весь город шел бульвар. Его липовая аллея и деревья городского сада только что начали покрываться нежной зеленью.

Турс не первый раз приезжал сюда. Еще лет пять тому назад здесь стояла только крепость. Но с тех пор, как ее назвали городом, она разрослась и вширь и ввысь. Около крепостных ворот Турс снял с арбы свои хурджины и распрощался с попутчиками. Недалеко от стены, на пригорке, росла большая липа. Из-под нее вытекал светлый родничок. Тут же стояла скамейка, возле которой земля была усеяна шелухой подсолнечника.

Турс сел. Гойтемира еще не было. Он достал из хурджина кусок оленьего мяса, поел, напился прохладной воды.

В город со всех сторон стекались арбы, подводы, люди гнали скот. Был базарный день.

В крепости раздались звуки трубы и дробь барабана. Из ворот показались солдаты. Шла смена караула. Турс никогда не видел солдат в строю. Он был поражен их четким шагом, формой и ружьями с примкнутыми штыками.

- Ассалам алейкум, - услышал он в это время позади себя и, оглянувшись, увидел подъехавшего Гойтемира.

Обрадованный Турс вскочил, и они двинулись к городским воротам, на которых под железным крестом была высечена надпись: «Крепость Владей Кавказом! Сооружена 1784 года Высочайшим повелением Российской императрицы Екатерины Великой».

Дожди прошли и здесь. Подводы и люди вязли в грязи на узеньких разъезженных улицах. Всюду блестели огромные лужи, под которыми скрывались страшные для подвод колдобины.

Гойтемир ехал верхом, а Турс, разувшись и засучив штаны, брел следом, с трудом вытягивая ноги из глины.

Наконец они добрались до дверей канцелярии начальника области. Это был большой кирпичный дом в два этажа. Над крыльцом — железный навес на столбах, рядом - полосатая будка. У дверей стояли два казака, держа шашки наголо. Тротуар вокруг дома и большая площадь перед ним были вымощены булыжником.

Гойтемир привязал лошадь к коновязи и пошел к крыльцу.

- Стой! Куда прешь! - строго остановил его один из часовых и дернул звонок. Внутри зазвенел колокольчик. Вышел человек в казачьей форме с погонами на плечах.

- Тебе чего? - спросил он у Гойтемира, бросив подозрительный взгляд на Турса.

- Талмач надо. Русски по-русски не знай. Мене таршин горыске отарби... - пытался объясниться Гойтемир.

Но из всего, что он сказал и что должно было означать - «нужен переводчик, по-русски говорить не умею, я старшина из горского округа», писарь, видимо, понял только, что нужен переводчик и удалился. Вскоре он снова вышел в сопровождении ингуша-переводчика, одетого в такую же, как и он, казачью форму. Гойтемир, а вслед за ним и Турс изложили им свою просьбу. Рассказали о бедственном, безвыходном положении Турса. Писарь и переводчик посоветовались и разрешили Гойтемиру пойти с ними. Когда они скрылись за дверью, Турс спохватился и решил догнать их. Но стражники так яростно закричали на него, показывая на его грязные до колен ноги, что он невольно попятился, ожидая удара, и положил руку на рукоятку кинжала.

- Вот зверь! Чуть что за кинжал! Похватаешься! А то мы быстро! Не с такими приходилось!

И хотя Турс не понял слов, тон, которым они были сказаны, говорил сам за себя. Он отвернулся от часовых, подставляя для ругани свою широкую, в заплатах спину, и больше не двигался с места. Он глубоко презирал их за грубость и беспричинную злость.

Через час появился Гойтемир. Турс по его глазам понял, что дела плохи. Гойтемир с досадой махнул рукой.

- Опоздали мы с прошением. Сказали: есть царский указ и его никто не может отменить. Не только твоя, а вся земля, которую отняли у наших, отныне навсегда будет принадлежать тем, кто на ней поселен. Поедем на базар. Мне кое что нужно купить для дома, - сказал он, меняя тему разговора, и направился к своей лошади.

И снова двинулись они по улицам месить грязь. Один — конем, другой - ногами. Один зная, зачем едет, другой - не зная, зачем идет, зачем живет и что будет делать.

- В канцелярии говорили: сегодня на базар прибыли орштхоевцы и назрановцы[21], которые уходят в Турцию.

Турс слышал о том, что многие черкесы, чеченцы, орштхоевцы, не желая покориться русскому царю, едут в Турцию. Но чтоб ингуши уезжали, такого еще никто не слышал.

На базаре стоял многоголосый шум. Грязь здесь переливалась и хлюпала под ногами жидким месивом. Арбы располагались рядами. Где торговали зерном, где мукой, где птицей. Поодаль - подводы с дровами, скотина. А еще дальше стойбище переселенцев: подводы и арбы, крытые кибитками, скотина, дети, костры, треноги с котлами.

Тревожно сжималось сердце при виде людей, которые навсегда уходили в чужие края.

Гойтемир и Турс направились к ним.

Весь базар был взволнован этим событием.

Люди подходили к переселенцам, чтоб поговорить, проститься.

Мужчина лет пятидесяти, с большой черно-рыжей бородой, в рваном бешмете громко говорил, обращаясь к народу:

- Мы - мусульмане. А те, которые остаются, - это рабы свиноедов и будущие свиноеды. Мы - мусульмане! - Он возвысил голос и сверкнул глазами, в которых горел фанатичный огонь. - И мы едем к мусульманским братьям, к самому султану! Имам пленен, но газават продолжается! И кто не доберется до страны, отмеченной знаком пророка, кто умрет на пути к вере, тот будет в раю, как и те, что погибли в священной войне. А кто доберется, тот под зеленым знаменем Мухаммеда еще вернется сюда с оружием в руках!

- Ты говоришь слова, которые услышал от других, — возразил ему горец из задних рядов. Хромая, он пробился вперед. — Кто был в Турции? Кто знает, что там? Кто нас туда зовет? Это здесь придумали! Дураков ищут, чтоб мы им землю оставили! Лучше здесь, на своей земле, быть нищим, чем быть султаном в чужом краю! - Хромой выразительно поднял к небу палец и выставил вперед острую бороду.

- А что делать, если нет у меня земли? - неожиданно спросил его Турс.

- Как нет? - смутился хромой, опуская палец. - Совсем нет?

- А так. Нет. Водой смыло. Дай мне часть своей, и я так же буду говорить.

- Но откуда я тебе возьму? У меня у самого не хватает.

- А султан даст землю, зерно для посева, лес на постройку. Ты правильный человек, и ты должен быть с нами! Едем! Меня зовут Хамбор. Я из Алхастов... - кричал человек в равном бешмете, напирая на Турса, словно тот был глухим.

- Да я не прочь, только мне и уехать-то не на чем! - усмехнулся Турс и подался было назад, но Хамбор не собирался так просто отпустить его.

- Подожди! - крикнул он. - Если ты действительно хочешь ехать, лошадь и подводу тебе дадут! На это султан для бедных выговорил у царя деньги! Да вот наш офицер! Он поведет нас до границы. Спроси у него!

В круг на гнедом коне въехал красивый молодой человек в фуражке и бурке. Его сопровождали переводчик и вестовой. Когда офицер узнал, о чем речь, он поинтересовался, откуда Туре и как сюда попал. Туре рассказал свою историю, призывая в свидетели старшину Гойтемира.

Молодой офицер выслушал их и, сдвинув ровные брови, спросил:

- Так ты действительно готов ехать? Если так, хоть у меня партия уже и собрана, но я берусь помочь тебе.

Переводчик перевел. Турс заколебался. «Как решить такой вопрос, сразу, без брата, без родственников?..» Гойтемир прочел его мысли.

- Мы оба согласны - сказал он за Турса и за себя. - Мусульмане должны жить вместе и

под властью мусульманского царя. Мы слова не меняем.

Молодой офицер поднял брови.

- Что ж, хорошо. В пять часов вечера придете по этому адресу, - сказал он, подав Гойтемиру карточку, - я встречу вас.

И он тронул коня.

До назначенного времени Гойтемир успел объездить весь базар и набить свои сумы нужными вещами, а Турс оставался гостем Хамбора. Они пополдничали и узнали друг о друге все, будто прожили вместе много лет. Судьба Хамбора была схожей с судьбой Турса. Разница только в том, что последнего клочка земли его лишила не природа, а люди. Его выгнали из родного аула Алхасты, заселили этот аул служилым народом и назвали станицей Фельдмаршальской. Разбрелись озлобленные алхастинцы кто куда. Одни прижились в соседних ингушских селениях, другие, растеряв свое жалкое добро в переездах, стали нищими. И решил тогда Хамбор покинуть родину, которую лютый царь превратил для него в злую мачеху. Рад был Хамбор такому товарищу, как Турс. Он сразу оценил его. А в долгом пути что только не подстерегает человека? И перед тем, как расстаться, он сказал:

- Турс, ты дерево, у которого обрубili ветви и вывернули с корнем. Чтобы прижиться, нужна земля, а здесь для нас с тобой ее нет. Надо идти туда, где ее обещают. Если дадут тебе лошадь - хорошо. Нет — так выходи из ущелья на большую грузинскую дорогу и жди нас. Я один. Возьму тебя с женой на свою арбу, и поедем вместе. Это богатым трудно ужиться друг с другом, а беднякам делить нечего!

Заиграла музыка. Горны оглянулись. По грязи брели двое: девочка лет десяти, укутанная в ветхий платок, завязанный узлом на спине, и слепой солдат, который держался за ее плечо. На шее у солдата висел ящичек, свободной рукой он крутил ручку, и ящик издавал гудящие, скорбные звуки. Девочка и солдат пели. Когда они поравнялись с Хамбором, он достал с арбы чурек, переломил и подал им половину. Девочка перекрестилась и сунула и черствый хлеб в сумку солдата. В это время подъехал Гойтемир

- Христианину подаешь?..

- Христиане разные бывают, - резко ответил ему Хамбор. - И не всякого мусульманина рай ждет. Все мы созданы Богом, только одни живут, а другие, такие как я да вот эти, - людьми пущены по миру...

Гойтемир и Турс пошли разыскивать офицера. Они спрашивали дорогу у прохожих, у городских. Наконец им попался водовоз. Тот знал чуть ли не весь город. С ним они и дошли до нужного им дома. Он стоял во дворе, за каменным забором. Постучались. В калитке показался солдат и, увидев карточку, повел Гойтсмира с собой. Через некоторое время он вернулся за Турсом.

Дом был большой. Спереди лестница и каменные столбы, за ними открытая терраса и множество высоких полукруглых окон со стеклами. Вокруг дома сад, скамейки. На дорожках песок. В глубине двора сарай. Никогда в жизни Турс не бывал в таком доме. Ему дали тряпку обтереть ноги и с заднего двора ввели по небольшой лестнице в

комнату. Полы здесь были деревянные, чистые. Стол высокий, крашенный. И скамейки выше, чем столики в башнях. На окнах цветочки в глиняных мисках. В открытую дверь была видна другая комната с огромной печью, на которой стояло множество котлов и сковородок. Вокруг нее суестились женщины. Солдат вышел, а Турс так и остался стоять посреди комнаты со своими хурджинами на плече.

Прошло, как ему показалось, много времени, прежде чем открылась еще одна дверь и Турс увидел рай, о котором рассказывал людям Ха-сан-мулла.

Стены и пол там были покрыты коврами, с потолка на золотых цепях списал небесного цвета шар, большой, как луна. У стен - нары, покрытые пышными коврами. В стороне - длинный блестящий стол на шести гнутых ножках. За ним сидела красивая девушка и, ударяя по столу руками, извлекала из него удивительно приятные звуки, похожие на голоса птиц. Стройные, нарядные люди молча слушали эти звуки.

В дверях появился немолодой военный. У него на плечах были потны с бахромой, на груди - разные кресты и медали. За ним следовал офицер, которого Турс встретил на базаре, переводчик и Гойтемир. Вид у пожилого был важный, но глаза быстрые, как у лисы, проснувшейся днем во дворе охотника. Он приветствовал Турса мусульмански.

- Во алейкум салам, если ты, конечно, мусульманин, - ответил Турс, продолжая разглядывать этого человека.

Переводчик перевел всю фразу. Военный засмеялся, засверкал белыми зубами.

Это был длиннолицый мужчина с пышными усами и густой бородой. Большие уши, широкая переносица, широко посаженные карие глаза и бритая, как у муллы, голова. «Кто он?» И, словно прочитав этот вопрос в глазах Турса, тот вскинул бровь и, перестав смеяться, сказал переводчику:

- Передай: я тоже горец. Я осетин-магометанин. Меня зовут Муса! Вот, - он сделал широкий жест рукой, - у меня на земле есть все. И это, наверно, больше, чем у других... Но я тоже бросаю все это и еду жить к братьям по вере, в Турцию, к султану! Надо думать не только о своей жизни на земле, но и о вечной жизни там... — Он поднял палец к небу. - Я беру с собой всех, кому дорог Ислам, кто не хочет жить под властью победившего гяура! Мне дана такая сила Аллахом, султаном и царем. После того как я покину этот край, оставшиеся здесь будут пребывать в рабстве на земле и в огне на том свете! Переведи... - Когда переводчик закончил, военный продолжал: - Я знаю твою беду. Ты в Турции будешь иметь столько земли, сколько сможешь вспахать. Зови с собой других. Нечего ингушам сидеть здесь на своих камнях, когда их братья черкесы, чеченцы, орштхоевцы уходят под зеленое знамя пророка! Переведи...

- Я даю тебе, - продолжал он, - из своих средств безвозвратно деньги на лошадь и арбу. Это Аллах услышал твои молитвы. Переведи... Через два дня партия отправляется, она будет идти мимо вашего ущелья. Поведет ее вот этот господин. Ты его уже знаешь. — Он указал на молодого офицера. - И вы, - он посмотрел на Гойтемира, - вместе присоединитесь к его партии. Если будут желающие галгаи[22], ведите их. Я люблю их. Я заберу их с собой! Переведи...

Переводчик перевел.

Турс весь преобразился, слушая хозяина дома, глаз его сиял благодарностью и почтением. Он сказал:

- Хвала Аллаху! Я счастлив, что узнал тебя, Муса. Ты большой человек! Но бывает и так, что большой человек нуждается в маленьком человеке. Тогда вспомни обо мне. Я для тебя сделаю все, что в моих силах! Спасибо за все.

Военный был доволен собой и впечатлением, которое он произвел на горцев. Он ушел. За ним ушли и все остальные. Прислуга быстро накрыла на стол. На подносе задымилась баранина, в чашках подали сметану с чесноком, бульон. Позже принесли блюдо с жирными пирогами и чай. Гойтемир ел много, но ерзал и суетился, не зная, что делать с вилками и ножами. А Турс сначала не мог успокоиться, восторгался добротой и хлебосольностью хозяина. Горло сжимало. Но наконец засучил рукава и, не обращая внимания на ножи и вилки, стал есть по-горски - руками.

К концу обеда снова пришел молодой офицер и вручил Турсу деньги на покупку лошади и арбы. Он велел ему намазать палец черной краской и приложить его к бумажке, где было записано, что ему выдали деньги. Расставаясь, он сказал, что Муса занят, выйти не может - к нему пришли большие гости.

Из внутренней комнаты по-прежнему доносились звуки удивительного чондыра.

Гойтемир и Турс поблагодарили офицера за все, что он сделал для них, и ушли.

Смеркалось, когда они выбирались из города. Фонарщики с лесенками на плечах обходили улицы и зажигали лампы в редких фонарях. С ревом расходилось по дворам стадо, где-то пели солдаты, звонили колокола к вечерне. У крепостных ворот персиянин, сидя на корточках, задумчиво вертел мангал, от которого шел сладкий дух жареных семечек. Как и утром, прошел со смены караул, отбивая шаг под звуки трубы и барабана. За ним бежали мальчишки. Вся эта картина городской жизни сейчас проходила мимо внимания Турса.

Он думал о своем. Он думал о том, как неожиданно и быстро менялась его судьба. Жизни в горах, в кругу родных и близких наступал конец. Предстояло далекое путешествие, за которым его ждала земля и труд...

Во всем, что произошло, он видел предначертание Аллаха. И поэтому, когда, выйдя далеко за город, они, совершив омовение у родника, встали на намаз. Турс произносил молитву в глубоком благоговении перед силой и мудростью Всемогущего. Он благодарил Бога за то, что тот вразумил его не ссориться с Гойтемиром - человеком, преисполненным к нему хороших намерений, за дружбу Хамбора, за доброту русского офицера и за Мусу, так любящую людей и радеющего за них перед султаном, царем и самим Аллахом.

- Далла хоастам бы! Далла хоастам бы!...[23]

Стоявший рядом Гойтемир тоже возносил благодарение Богу. Он благодарил его за ниспослание терпения, которое позволило ему сдержаться и не выгнать взашей этого бесовестного Турса, вспомнившего о земле своих отцов; за то, что он вразумил его поехать с Турсом в город и тем самым превратить недруга в друга; за то, что свел их с

людьми, которые наконец избавят Гойтемира и всех его потомков он одного из самых главных врагов, задумавших отнять их владения. Да погибает он в султанской Турции! - Далла хоастам бы! Далла хоастам бы!..

И доме у генерала Мусы званый обед подходил к концу. Среди гостей по преимуществу были офицеры - русские и кавказцы. Многие из них даже не владели родным языком, потому что были из аманатов[24], взятых в детском возрасте и получивших образование и воспитание в России.

Вряд ли военные сейчас отдавали себе отчет в той политике, которая преследовалась выселением горцев в Турцию. С одной стороны, кавказская администрация как будто противилась этому мероприятию, с другой - генерал-майор Муса и его помощники имели широкую возможность беспрепятственно организовывать переселенческие партии и тратить на это подозрительно большие средства.

Здесь лилось шампанское, вальсы под клавикорды сменялись бурной лезгинкой под гармонь, на которой играли родственницы Мусы, ученицы владикавказской женской гимназии. Они по-прежнему были верны прелести своей народной музыки, танцев, а также изумительному по красоте и элегантности наряду. Вихрем носились пары. Захмелевшие офицеры пожирали девушек глазами и расточали комплименты, от которых у гимназисток розовели уши.

Разъезжались поздно. Последним хозяин отпустил корнета, пригласившего к нему Турса и Гойтемира. Он выразил ему большую благодарность за это.

- Лед тронулся! - сказал он. - И благодаря вашей сообразительности. Ингуши-горцы очень недоверчивы и связаны родственными узами. В то же время среди них сильно развито чувство подражательства. И очень может быть, что за этими первыми ласточками потянутся и остальные. А это будет благим событием для отечества!

Позднее, сидя за своим письменным столом, освещенным веселым огнем жирандолей, под которыми сверкал полировкой чернильный прибор карельской березы, генерал, облаченный в домашний халат и любимую турецкую феску, задумчиво поглядывал на портрет царя-освободителя и, часто обмакивая гусиное перо в чернила, писал по начальству:

«Милостивый государь Михаил Ториэлович![25] Спешу донести о том, что намеченное Высочайшим предприятие получает все большее распространение. Вслед за непокорными орстхойцами и чеченцами изъявили желание многие жители Ингушевского округа. Сегодня удалось приобщить к партии, готовой к отправке, две ингушские семьи из горского участка.

Но должен предупредить: крайняя бедность переселенцев создает для некоторых из них невозможность отправиться в путь без получения существенного денежного пособия, по крайней мере на покупку лошадей или быков для упряжки. Это вынуждает меня выдавать им пособие, и таким образом мною превышены размеры ассигнованной на это суммы. Сие прошу доложить его превосходительству генералу Карцеву и учесть в дальнейшей субсидии.

С глубоким к Вам почтением генерал-майор...»

Он написал число, 1865 год и, сделав замысловатый вензель, расписался.

Отложив письмо, генерал потянулся, сладко зевнул и, комкая слова, пробасил:

- Сла-в-а Ал-Ла-ху!..

3

На другое утро Гойтемир по дороге в Джарах продал Турсу лошадь и отдал взаймы одну из своих арб с условием, что тот в Турции вернет ее.

Турс был очень доволен, потому что у него оставались деньги, выданные па покупку подводы.

Весть об отъезде Гойтемира и Турса в Истмале[26] пронеслась над аулами, взбудоражила всех. Чтобы взглянуть на мухаджиров[27], узнать условия отъезда, многие пустились по тропам и напрямик через горы к аулам Гойтемира и Турса. Родственники торопились повидаться, попрощаться с ними. Остальных подгоняло любопытство и подозрительность. Равнодушных не было.

Доули и Гарак с Докки от этой новости не могли прийти в себя. Они попытались отговорить Турса. Почувствовав, что он в центре всеобщего внимания, Турс стал неузнаваем. Всякое возражение против отъезда вызывало в нем негодование. Доули, зная его характер, раньше всех поняла, что уговоры не помогут, и начала собираться в дорогу. Брала с собой самое необходимое. Очажная цепь, котел, сито и деревянное блюдо для теста всегда принадлежали старшему сыну в роду. Однако Турс распорядился оставить их в башне, потому что, видимо, надеялся когда-нибудь вернуться.

Многие родные и соседи были по-настоящему огорчены решением Турса.

Поздно вечером жрец сельского святилища белобородый Конахальг собрал стариков, женщин и детей на холм бога охоты Елты, чтобы помолиться за отъезжающих. Во внутренних и наружных нишах молельни вспыхнули свечи. Конахальг надел белую одежду, обнажил голову, вышел на открытое место, воздел руки к небу и воскликнул:

О верхнее божество Дяла!

О Миха нана - богиня ветров,

О богиня вьюги - Дерза нанальг,

О мать рек наших - Хи нанальга,

И Болам дяла - бог путников!

К вам поднимаем мы руки и очи свои,

Вас молим сделать благополучной дорогу братьев наших,

Идущих за семеро гор, семеро рек и морей

В далекие, неведомые нам края.

О богиня луны — Кинча,

Молим тебя: свети им ночью темною,

Как корень лесов наших бага!

О ангелы Ткамыш-Ерды!

Уберегите их своими крылами от несчастья.

Дика дяла — бог хорошего!

Не допусти козней матери

Злых богов Цолаш,

Которая вечно подстерегает бедного человека

В доме и за его стенами!

Долго еще молился жрец, а люди стояли под ореховым деревом, слушали его, обнажив головы, и набожно подхватывали: «Очи! Очи!»[28] Да-алай, да-алай!»[29]

Долго из аула были видны на горе мерцавшие огоньки свечей. Но потом взошла золотая луна, и все померкло в ее ровном свете.

Соседи Турса еще с вечера пригнали к нему во двор своих осликов, чтобы чуть свет он мог нагрузить их и отправиться в путь к Джараху, где начиналась широкая дорога и ждала его арба с лошадьёю.

Еще до восхода солнца Турс навьючил животных. Доули и заплаканная Докки погнали их. А сам... Он то заходил в дом, то бродил по двору, дотрагивался до каких-то предметов, не зная зачем. Нарубил дров, снес их в дом и бросил у очага.

Гарак молча следил за ним. Турс сел к огню, подложил несколько поленьев и, когда они разгорелись, встал, выпил ковш воды, снял со стены чондыр и сказал:

- Огонь отцов никогда не должен погаснуть. Ты не покидай этих мест. А я, как обживусь, пришлю тебе денег на шесть коров. Выкупишь у Гойтемировых землю... Тогда, может быть, и встретимся... С соседями живи мирно. Пошли. - И, засунув Smyчок за пояс, он пошел со двора.

На окраине аула его поджидали односельчане.

- Не уходил бы! - искренне сказал Пхарказ. - Я отдал бы тебе полпашни. Не зря, при людях говорю!

Но Турс покачал головой:

- Камень, который тронулся с горы, остановится только на дне ущелья! Не сокрушайтесь. Я ухожу по воле Аллаха, и, может быть, вам тоже придется последовать за мной.

Он хотел здесь же распрощаться с ними, но люди пошли за ним до конца аульской земли.

Поравнявшись с тем местом, где еще недавно был клочок его пашни, Турс остановился и, поглядев на него, громко, с надрывом воскликнул:

- Есть еще у меня здесь земля!..

Он вырвал с корнем росшую у тропинки молоденькую сосну и направился с ней на вершину скалы Сеска-Солсы. Кинжалом выкопав ямку, посадил деревцо в центре каменной глыбы, куда тысячелетиями ветер по песчинке переносил землю, и спустился вниз.

- Пусть растет. И может быть, кто-нибудь в жаркий летний день найдет прохладу в его тени. Он не будет знать о нас, которые сегодня проходили здесь, как мы не знаем, зачем упал сюда этот камень и закрыл от меня навеки так много земли!..

Расставаясь с Турсом, горцы обнимали его. Пхарказ, прощаясь, ободряюще похлопал соседа по спине. А на лице у Турса застыла улыбка, как оскал подбитого зверя.

- Остающимся — да будет хорошо! - прохрипел он.

- Да будет благополучна ваша дорога!..

Яркое солнце освещало удаляющихся братьев. Жители аула остались на крайней полоске своей земли. А с вершины горы вниз, снизу на другую вершину, от башни к башне уже неслась, обгоняя путников, печальная весть.

- Турсе вы-шел!..

- Слы-шу-у!..

- Вы-шел!..

- Вы-шел!..

Братья шагали быстро, разогрелись, повеселели. Вскоре они догнали жен и пошли все вместе. Услышав о том, что Туре вышел, горцы выбегали проститься с ним. Кто жил поближе, выходил на тропу, обнимал его. Кто дальше - поднимался на свою вершинку. И тогда оттуда доносилось:

- Бла-го-по-лу-чи-я! Пу-ти!

И Турс, помахав чондыром, кричал в ответ:

- Дай ва-а-м Бог!..

Его охватило непонятное возбуждение. Он словно впервые увидел свои аулы, ущелья, их красоту, весну, которая покрывала леса и горы нежной дымкой зелени... И на этом фоне пробуждающейся жизни вдруг, как сухой скелет, появилась на скале одинокая башня замка Ольгетты. Мрачно смотрела она на путников черными глазницами окон. Змейкой вилась к ее подножию едва заметная, заброшенная тропа. Турс сразу потускнел, помрачнел. Заметив усталость женщин, он велел сесть и отдохнуть.

- Вот оно, гнездо Тантала. Это он заставил наших дедов уплатить Гойтемировым за смерть Тешала земель и получил от них за свой суд вот эту скалу. Он сам, на своих плечах, таскал туда камни. Сам строил башню. Неведомо откуда привез Тантал свою семью. Был у него единственный сын Бий. Народ боялся Тантала, его ума, его силы, и он косил чужие луга, запахивал земли слабых. А когда умер, собрались люди и не дали его сыну земли даже на то, чтобы похоронить труп отца. Закопал Бий Гантала во дворе замка и наутро исчез вместе с семьей. - Турс помолчал. - Говорят, каждый год, весной, в ночь после первой пахоты, на башню поднимается мертвый Тантал и зовет Бия. Он требует чтоб Бий пахал. Но вместо сына Танталу из леса отвечает Ешиб[30]:

«Люди не дали тебе могилы, а сына лишили горы...» И клянет Тантал людей, пока не погаснет последняя звезда. А потом уходит и снова ложится в свои камни. Страшное место. Говорят, те, кому случалось в такую ночь проходить мимо башни, становились безумными. Если б не этот человек, может быть, и мне не пришлось бы уезжать сегодня...

Проклятая башня!..

С суеверным страхом уходили Гарак и женщины от мрачных стен замка, а вокруг на землю наступала цветущая весна. Приближался месяц богини плодородия - Тушоли[31]. Уже прилетела и бегала по траве ее священная курочка - удоод. Вот и сейчас пронеслась она мимо, вспархивая полосатыми крылышками, словно ныряя в траву, остренькая, как веретено. Около Горы Воздуха — Мохте — стоял храм. Каждый из путников нагнулся и бросил по три щепотки земли в его сторону.

- Да будет весна хорошей!..

Справа внизу показались руины аула Эбан, разрушенного войсками царского генерала Абхазова, когда Турсу было еще лет пятнадцать. Турс еще раз посмотрел на горы. Вон древний аул Кербете[32], под ним многопашенные аулы Арзи[33], Ляжг, вон в лесу Бейни[34], над ним, на Столовой горе, маленькой точкой виден храм Мятт-села[35]... Все это - страна отцов, древняя колыбель народа... Увидит ли он ее когда-нибудь? Турс резко отвернулся и зашагал вперед, в Джарах, где кончалось ущелье реки Амар-хи[36] и начиналась долина Терека.

Джараховцы давно уже поджидали Турса. Около башни толпились родственники, знакомые. Они освободили осликов от вьюков. Каждый из них старался чем-нибудь услужить. Его мухортый конек был уже накормлен, напоен и запряжен в арбу. Хомут, седелку, чересседельник, вожжи - все принесли, подарили люди. Проверили каждый ремешок. В последний момент уже грузеную арбу миром приподняли и смазали ось салом, а запасную так же дружно подсунули под скаруб.

Когда все было готово, Гарак взял коня под уздцы и тронул с горы.

- А где же Гойтемир?

- Его надо бы подождать! - раздались голоса.

- Дождемся его внизу, на Военно-Грузинской дороге. Так и решили.

Турс шел, окруженный толпой мужчин. Доули с женщинами шла позади. Идти под уклон было легко, и толпа двигалась быстро.

В ауле Озьми мальчишки, высланные с утра на главный тракт прибежали сказать, что партия из Бурув до сих пор не появилась.

Еще когда вышли из дому, Доули почувствовала себя плохо. Но сказать об этом она не могла. Боялась, как бы Турс не подумал, что она умышленно хочет задержать отъезд. Ведь прошлой ночью, когда Доули сказала, что в месяце Тушоли у нее могут начаться роды, он только засмеялся:

- Бабы вы, ничего не знаете! Месяц! Да за месяц на арбе можно в Мекку съездить! А земля турецкая - вот она, за горой! Говорят, мы за десять дней там будем!

Доули не знала, так это или нет. Она никогда в жизни не была нигде даже на расстоянии езды в двое суток.

И вот она шла со всеми мимо последнего на их пути ингушского аула и знала, что если действительно это началось, то ей придется худо. Роды могли наступить там, где не сыскать никакой помощи. Спустились до поймы Терека. И тут Доули не выдержала, сошла с дороги в сторону, потащила за собой Докки, и остановилась за огромным валуном.

- Началось? - испуганно спросила ее Докки. Доули виновато улыбнулась.

Гарак вывел арбу на Тифлисскую дорогу и остановился. Провожавшие женщины шептались в сторонке. К арбе подошла Докки и молча вытянула из вещей циновку. Она успела взглянуть на мужа, и тот понял ее, едва сдержал радостную улыбку. Никто - ни брат, ни родные, ни соседи - не смогли отговорить Турса ехать. И вот сама собой появилась причина, которая наверняка вынудит его отказаться от принятого решения.

Одна из женщин отвязала от арбы деревянное ведро и побежала к Тереку. Несколько девчушек бабы зачем-то послали наверх, в аул.

Мужчины, поняв, что происходит, как ни в чем не бывало продолжали сноп разговоры.

- Удивительно, когда у человека вся земля его под буркой, тогда на него и наводнение и злые духи - все наваливается! - говорил один.

- Да, - поддержал его другой. - Если ударить палкой по корове, так она только хвостом отмахнется, а ударишь мышь - из нее весь воздух выйдет! У кого земли много - тому ничего! В одном месте наводнение, в пяти других - урожай...

Турс слушал их, а сам думал: «Почему не видно партии? Где задерживается Гойтемир?

Что делать, если Доули сейчас родит?»

Осторожно приблизился Гарак и что-то шепнул ему на ухо. Турс отошел в сторону, достал из-за пояса кремневый пистолет и выстрелил в воздух. Только он один, отец будущего ребенка, мог сейчас помочь его матери и отпугнуть злые силы. Это знали все.

- Правильно! Их, илбызов этих, если не разогнать, они сразу все возьмут в свои руки! - похвалил один из мужчин. - И быстро порчу наведут!

Перезарядив пистолет, Турс вернулся к провожатым. Немного погодя от женщин прибежала девочка.

- Кому объявить весть? - закричала она.

- Ему! - указали ей на Турса. Мальчик, - закричала счастливая вестница.

И смелый Турс неожиданно растерялся. Гарак достал из кармана серебряный рубль, который собирался отдать брату в дорогу, и подарил его девочке. У него мгновенно мелькнула мысль, что Турсу теперь этот рубль не понадобится, потому что он уже никуда не поедет.

- Вот это подарок! — раздались возгласы.

- Пусть сын будет вам на счастье! - поздравляли люди Турса. - Но куда же вы с ним теперь поедете?..

Подошли женщины и тоже стали просить Турса отложить поездку хоть на несколько дней.

- Ведь в таком пути человеку тяжело самому, а тут еще с ребенком! Солнце, дождь, а совсем в горы заедете — там и снегом посыпет!

Турс задумался. Как долго ждал он сына. Втайне мечтал о нем, не признаваясь даже жене, чтоб черти не подслушали. И вот все Бог дал, как он хотел. Что же делать?.. Ведь действительно, можно поехать со следующей партией. Будут же, наверно, еще мухаджиры.

«А где сеять?.. А слово твое?..» - поднимался в нем другой голос.

Все эти мысли прервал крик мальчика, сторожившего на бугре.

- Едут! Алей-лей![37] Конца не видно!

И раздумье Турса снесло, как рой мошкары ветром.

- Нет. Решение менять не буду, - сурово ответил он. - У мужчины должна быть одна голова.

Он с волнением глядел на дорогу.

- Это слово верное, - согласился старик из рода Чуры, племянник Эги. - Но здесь такое

положение... Словом, тебя не упрекнут в слабости...

- Чью же землю вам падишах обещал? - сиплым голосом спросил у Турса другой горец. — Нет же ничейной земли на свете! Я ее всю исходил! Был и в Черкесии, и у осетин, видел чеченскую жизнь, жизнь кумыков - всюду одно: на каждом клочке хозяин! А раз у земли есть хозяин - никто тебе ее не отдаст.

- Султан даст. У него хватит на всех! - убежденно ответил Турс.

- Поверю, когда сам увижу! - упрямо возразил горец.

А вереница подвод приближалась к джараховцам. Впереди на коне — офицер партии. За ним охрана - несколько казаков, потом арбы, огромные мажары с плетеными боками, навьюченные верблюды, мулы, ослики... Все это вперемешку ползло длинным серым пыльным облаком. Рядом с арбами дети гнали баранов, коз, телят. Редко у кого за подводой шла на привязи корова. Между колесами понуро шагали мохнатые овчарки. Обоз двигался мимо, а пораженные ингуши молчали. Наконец-то все, о чем говорили с Турсом и порой говорили с какой-то легкостью, встало перед ними удручающей действительностью. Вот они, эти мухаджире, которые добровольно покидают родные очаги и идут в заморские дали. И чем больше джараховцы всматривались в их лица, тем яснее видели в них себя.

В кибитках женщины, покрытые платками из домотканой дерюги. Они с завистью глядят на остающихся джараховцев. У них на руках малыши, кто гол, кто в рубашонке. Вокруг подвод - пешие мужчины. Одни ведут упряжки, другие просто шагают рядом. Подводы перегружены. Кто знает, сколько им так шагать и все ли дойдут до конца. Ведь это началась у людей целая жизнь на колесах...

Повозки шли одна за другой без промежутков.

Офицера, который проехал впереди, Турс узнал сразу. Это был тот самый молодой человек, который свел его и Гойтемира с Мусой. Но он искал среди проходивших Хамбора. Люди двигались, а того все не было. Недалеко от места, где стояли джараховцы, вверх по Тереку начинался подъем. Мужчины партии встали на подъеме по бокам дороги и, когда подходили подводы, подхватывали их за колеса, за оглобли и, подталкивая, провожали до самого верха. Потом спускались вниз за следующей. Это было нелегко. Они обливались потом, но делали свое тяжелое дело дружно. Слышались возгласы погонщиков. В этой работе от взрослых не отставали и подростки.

- Пошли! - закричал ингуш с сипловатым голосом, и джараховцы кинулись на помощь.

Когда, втащив подводу наверх, они оставляли ее, чтобы спуститься за следующей, из кибиток раздавались голоса женщин:

- Да отблагодарит вас Господь!

- Прощайте, братья! Дай Бог нам счастья!

И в этих надрывных женских голосах, в этих пожеланиях, произносимых с болью в сердце, слышалось такое отчаяние и такая тоска по всему оставленному дома, что суровые горцы Джараха сдвигали папахи на глаза и скорее сбегали вниз, чтобы скрыть

в работе глубокое волнение. Они снова хватались за арбы, и те надсадно, как живые, скрипели деревянными колесами.

Наконец Турс и Хамбор увидели друг друга. Хамбор свернул свою арбу с дороги и поставил рядом с арбой Турса. Они обнялись как старые друзья.

- А я думал, что ты так: поговорил — и только! — сказал взволнованный встречей Хамбор. — Теперь мы с тобой не расстанемся!

А Турс в душе все еще колебался: ехать или отложить поездку. Очень страшно было за маленького и нездоровую жену. И если б не Хамбор, может быть, ему легче было бы принять решение. А может, сказать новому другу? Может, предложить и ему остаться здесь на месяц?

В это время на дороге из Джараха к Тереку показался верховой. Он ехал быстро, торопился. Ингуши сразу узнали лошадь под всадником. Это был известный в горах иноходец Гойтемира. Потом узнали и всадника - родственника старшины. Подъехав, тот соскочил с коня. Люди окружили его.

- Меня послал Гойтемир, - сказал он, едва переводя дыхание, словно бежал. - Он не может ехать. У него нездоровая жена... Сын родился!

Люди переглянулись.

— Сыну Гойтемира дай Бог счастья! Но я по носу его отца, который больше похож на земляную грушу, чем на настоящий нос, еще третьего дня понял, что он зря решил ехать, не спросив совета у жены! - злобно сказал Хамбор, не обращаясь ни к кому.

Кто ты? Я не знаю тебя, старик, но если твой рот не способен говорить иное, я заткну его! - гневно ответил Хамбору родич Гойтемира и, положив руку на кинжал, направился к нему.

Но народ зашумел, кто-то схватил его и отвел в сторону. А Хамбор, не обращая внимания на угрозу, продолжал:

- У меня тоже есть жена. Она больна и скоро умрет. Мы увидимся С нею, если даст Аллах, только на том свете. Наши два сына, которые бились с гяурами на стороне имама, уже там... Но я иду. Кто кому служит! Кто Аллаху, а кто царю и жене...

Турс слушал его и испытывал чувство стыда за свои сомнения.

- Посторонись! Посторонись! - раздался крик.

По дороге скакали два кавалериста. Подводы с трудом сворачивали к обочине. За кавалеристами мчался с грохотом рыдван, запряженный четверкой. За ним скакало еще двое верховых. Заметив их еще издали, офицер из головы партии вернулся назад, навстречу рыдвану, который перед подъемом сбавил ход. Военный, находившийся в рыдване, встал.

- Салам алейкум, Хамбор! Салам алейкум, Турс! — обратился он к горцам.

И те с удивлением узнали самого Мусу.

- Во алейкум салам! - ответили они в один голос, до глубины души польщенные тем, что он запомнил их имена и заметил в этой массе людей.

- Ты с нами? До конца? - закричал Хамбор. Переводчик, сидевший рядом с кучером, перевел.

- Когда все мусульмане, желающие выехать из России, выедут, я последним, волею Аллаха, покину эту страну и навсегда присоединюсь к вам, братья мусульмане! — торжественно прокричал в ответ генерал.

Он несколько раз приподнял фуражку над головой в знак приветствия и опустил на сиденье. Офицер партии поехал рядом. Перебрасываясь фразами, они двигались рысью, обдавая переселенцев серой пылью.

Мимо Джараховского ущелья проходили последние подводы. Гараку не верилось, что Турс вот так же сейчас уйдет. Он с надеждой смотрел на него, ожидая последнего слова, и Турс понял это. Пришло время или ехать, или остаться.

- Люди, - сказал он, - нам пора в дорогу, как вам в борозду. Жена и сын пока останутся с вами... Но прежде чем уехать, я обязан выполнить свой долг. Снимите с арбы мешок с ячменем и овцу! - крикнул он молодым людям.

- Зачем?! Тебе овца пригодится на племя!

- Мы это сделаем сами! - поняв его намерение, закричали родственники.

Но Турс не слушал их. Когда к нему подвели овцу, он сказал:

- У меня родился сын. И я хочу отблагодарить того, кто дал эту жизнь!

Он снял с себя черкеску, расстелил ее на молодой траве и попросил подойти к нему самого старшего джараховца. Взяв у него посох, он положил его на черкеску, засыпал зерном и отдал это зерно старику.

- Ты по всем правилам! Ну, дай Бог сыну изобилия, - пожелал старик Турсу, пересыпая в полу черкески зерно, покрывшее посох.

- Турс! Как жаль, что на этот раз у тебя не родилась девочка! - засмеялся все тот же горец с сиплым голосом. - Ведь тебе пришлось бы засыпать посох зерном, поставив его! Вот тогда бы ты никуда не уехал! Куда же в путь без хлеба!

В народе засмеялись.

- Братья, я вижу, как вам не хочется расставаться, со мной. Но камни не пашут. У нас если один брат сыт - второй голоден. Если есть земля у отца, то ему нечем наделить сына... Кому не известно, что дождь в родном краю - масло, а солнце - целебное лекарство! Но об этом не стоит говорить... Сын родился за одним из камней, которые бросали друг в друга наш богатырь Калой-Кант и его враг кабардинский князь. Так пусть тому, который, впервые открыв глаза, увидел над собой не отчий кров, а голубое

небо и этот камень, будет имя - Калой! - С этими словами Турс зарезал жертвенную овцу...

Когда арбы Хамбора и Турса тронулись, из-за валуна появилась Доули. В ней, казалось, не было ни кровинки. Низко натянув на глаза темный платок, под которым она несла маленького Калоя, она неверной походкой пошла за арбами.

Турс остановился.

- Ты что? - спросил он ее тихо, когда она приблизилась.

- Иду, — едва ответила Доули, не поднимая глаз.

- Но ты не сможешь. Путь далек, - прошептал Турс.

- Я буду с тобой...

- А он? Он может погибнуть!

- И ты можешь погибнуть. А он всего лишь твой сын...

Турс на мгновение задумался, потом громко, так, чтобы слышали все, сказал:

- Нет. Он не только мой сын, он сын моего рода! Гарак, увидев, замешательство брата, подбежал к нему.

- Не уходи! - вырвалось у него. - Ведь нас только двое!.. Если надо будет, я наймусь к людям... я милостыню пойду просить!..

Хамбор стоял в стороне и выжидающе смотрел. Он все понимал. Совсем недавно он сам пережил такое. Но для него это уже был вчерашний прожитый день.

- Я остаюсь один, как палец!.. - Гарак опустил голову.

- Дай! - крикнул тогда Турс жене и принял из ее дрожащих рук живой комочек в тряпице, который исчез в его руках.

- Гарак! - сказал он громко, обводя всех взглядом. Казалось, что смотрит он на людей серым бельмом. И им стало жутко.

- Люди! — воскликнул Турс. — Свидетель Бог, свидетели вы! Пусть никто не думает, что я все хорошее ишу для себя. Пусть Гарак не будет одиноким... Я отдаю ему Калоя. Я отдаю ему мое сердце, которое бьется в нем, — и Туре высоко поднял сына, — оно остается с вами, здесь, на этой земле!.. - с этими словами он передал Калоя брату, и арбы тронулись.

С последним поворотом скрылся из виду Хамбор, а за ним - большой босоногий Туре и едва живая Доули.

Долго стоял онемевший Гарак с ребенком на руках и ничего не видящими глазами смотрел на опустевшую дорогу...

Далеко за полдень подводы достигли реки Кистинки. Здесь, на берегах белого потока, широко разбежавшегося по черной пойме дробленых камней, сделали привал. Час спустя партия снова втянулась в ущелье и поползла вверх. Мужчины задержались у воды. Они припадали к ней и жадно ловили холодные струи, прибежавшие сюда из-под ледниковой вершины Ахкарой-Лома[38], тобы проститься со своими. Напившись последний раз из родной реки, люди набивали газыри родной землей, которая для ингушей, орштхоевцев и чеченцев кончалась здесь, на границе с Грузией.

Опустели серые громады гор, на которых, вцепившись корнями в расщелины скал, стояли редкие сосны. О чем-то шумел Терек. Кипела Кистинка. Мрачно смотрели вслед уходящим горцам руины замка царицы Тамары.

Турс велел Доули сесть на арбу.

- Перестань, - сказал он ей, видя, что она не в силах удержать слезы.

- Овца и та блеет, когда ее уводят от стада, - бросил Хамбор. - Пусть плачет. Это нелегкий день!

Поздно вечером подошли к почтовой станции Казбек. Остановились на берегу Терека. Запалили костры. Мужчины занялись скотиной. Женщины стали готовить пищу. Наскоро поужинав, ложились спать тут же у костров. Обессилен за день, засыпали быстро. Надвигалась прохладная ночь.

Доули так ослабела, что не сошла с подводы. Турс развел костер, сварил сушеное мясо, разогрел лепешки в золе, накормил ее. Потом позвал Хамбора, и они вместе поужинали.

Хамбор сделал вид, что очень устал, и лег на свою арбу. А Турс продолжал сидеть у костра, подбрасывая хворост и задумчиво глядя в огонь.

Черная мгла окутывала лагерь. Еще где-то слышался детский плач, протяжно мычала корова, псы переселенцев и местные овчарки лениво перебрехивались на разные голоса. Но постепенно стихло все...

И тогда где-то в небе раздался дребезжащий металлический гул. Он ударялся о скалы, нарастал и, убегая, замирал в ущелье... Вот второй, третий удар... Звонил большой колокол. Турс помнил, как в дни его детства ингуши еще звонили в колокола у себя в ауле.

Но как этот звон могуч! Откуда он? Турс поднял голову. Перед ним высоко на черной горе виднелось множество огоньков. Это был храм. За ним, как чудо земное, белела огромная вершина Бешломкорта[39], которая светилась в самую темную ночь сиянием ледников.

Перед Турсом пронеслись воспоминания детства. Вот он мальчиком стоит и церкви в Бейни и молится, как учили старшие, повторяя одно слово «очи», «очи»... Но от этих молитв жизнь не становилась легче. Почти всю свою юность, раздетый и босой, ходил он по горам за овцами, и только овчарки делили с ним его холодную, сиротскую судьбу. Позднее в надежде найти защиту от множества своих бед народ снова начал

молиться старым богам. Люди говорили лестные слова богу солнца и кричали «гелой». Молились идолу Тушоли, задабривали подношениями злых духов, а жизнь оставалась прежней.

Тогда Турс стал совершать намазы новому богу - Аллаху, но его постигло самое большое несчастье: царь отнял землю в долине, а свирепый сель лишил всего в горах... И вот он идет в страну самого Аллаха. Он идет к нему. Что даст он?..

Из темноты на свет огня вышел горец. Турс поднялся навстречу человеку. Судя по войлочной шапке, это был грузин.

Турс немного говорил по-грузински, грузин немного говорил по-ингушки. Народы-соседи, народы-братья. Они понимали друг друга.

- Садись, — пригласил Турс гостя и пододвинул к нему сковородку. - Только пури[40] нету.

Грузин из уважения к Турсу съел кусочек мяса и поблагодарил его. Потом достал из сумки круг кукурузного хлеба, круг сыра, кусок копченого курдюка и подал их Турсу.

- Хлеба надо бы еще, но мука кончилась. Не хватило до урожая. Турс был удивлен и взволнован. Он взял подношение, поблагодарил

незнакомому друга и отнес все в арбу. Он увидел, что и у других костров стоят грузины. Они пришли, чтоб проститься с соседями.

- Что у вас, праздник? - спросил Туре грузина, когда снова раздался колокольный звон.

- Нет. Не праздник. Горе... На Цминда-Самеба[41] старики молятся за вашу дорогу...

Еще долго сидели Турс и гость у костра. И была у них обида на жизнь за то, что люди должны искать свое счастье где-то за семью горами, а не там, где они рождены.

Когда в ауле пропели первые петухи, Турс и гость обнялись, и грузин исчез в темноте. Турс подошел к кибитке.

- Ты не спишь? - тихо спросил он жену.

- Нет, - ответила Доули.

Он прикрыл ее овчиной и прилег рядом.

Ночью ему померещился чей-то тоскливый голос, «Может, это в храме на горе?..» Он прислушался, поглядел с арбы. У костра сидел человек и тихо пел:

...Пророчили муллы нам страшный суд; Мы видим: родные бросают родное... Вот он, день страшного суда!..

Это пел одинокий Хамбор.

Короток сон дальних путников. Еще при свете больших звезд они снова собрались в

дорогу. И снова буйволиный рев и бление овец смешались с возгласами взрослых и плачем детей.

Кто-то первый был уже далеко в пути, когда последние подводы только покидали остывающие костры у Казбека.

Вот шум подвод и скрип колес смешался с ревом Терека и затерялся где-то в бездонной кутерьме ущелья.

Турс, как и вчера, шел последним, за последней арбой. Долго раскачивался на серой дороге его могучий, темный силуэт. Но наконец не стало и его. Ушли.

Они покинули родные горы, когда над ними стояла глухая ночь и было еще очень далеко до рассвета.

-
- [1] Цей-Лом - святая гора (инг.).
[2] Нарт - богатырь из кавказского народного эпоса.
[3] Месяц кукушки у ингушей приблизительно соответствовал апрелю.
[4] Ангушт - ингушский аул.
[5] Тунгул - коротенькая труба (инг.).
[6] Да-вог - иду (инг.).
[7] Горящий камень - эхо (инг.).
[8] Лежг - кожаный мешок (инг.).
[9] Чар - медный таз для стирки (инг.).
[10] Тков - одеяло из овчин (инг.).
[11] Солнечный могильник - надземный склеп. Древний вид захоронения людей у некоторых кавказских народов.
[12] Возглас "голой" не объяснен. Так жрецы обращались к солнцу.
[13] Им - сель (инг.).
[14] Чондыр - смычковый музыкальный инструмент (инг.).
[15] Пхарказ - буквально щенок-кобель (инг.).
[16] Цогал - буквально лисица (инг.).
[17] Моралыг - деревянная кринка (инг.).
[18] Шу - треногий столик-поднос (инг.).
[19] Полуцарем горцы называли наместника царя на Кавказе. Речь идет о князе А. И. Барятинском.
[20] Бурув - ингушское название Владикавказа.
[21] Орштхоевцы, назрановцы — названия чечено-ингушских племен.
[22] Галгаи - самоназвание ингушей.
[23] Далла хоастам бы - слава Богу (инг.).
[24] Аманат - заложник (кавказ.).
[25] Михаил Ториэлович - граф Лорис-Меликов, начальник Терской области.
[26] Истмале - Стамбул (инг.).
[27] Мухаджир - изгнанник (араб.).
[28] Очи - отче. Отголосок далекого христианства.
[29] Дала - бог (инг.).
[30] Ешиб - ведьма (инг.).
[31] Месяц Тушоли соответствует маю (инг.).
[32] Кёрбете - название села. В переводе - вершина ястребиного гнезда (инг.).
[33] Арзи - орел (инг.).

- [34] Бейни - лужайка (инг.).
- [35] Метт-села - бог Столовой горы (инг.).
- [36] Амар-хи - реки из озера (инг.).
- [37] Алей-лей - ой-ой-ой (инг.).
- [38] Ахкарой-Лом - Гора Пропастей (инг.).
- [39] Бешломкорт - Казбек (инг.).
- [40] Пури - хлеб (груз.).
- [41] Цминда-Самеба - название казбекского монастыря (груз.).

Глава вторая. Язычники

1

Был жаркий день конца лета. Высоко над горами едва заметно двигались ослепительно белые облака.

Гарак лежал на траве и задумчиво глядел в это светлое спокойное небо, и в душе его дремала спокойная грусть. Она давно уже сменила мятежную тоску, которая многие годы после отъезда Турса мучила его.

Но совсем забыть брата невозможно. Порой в горы приходили вести о тяжелой участи тех, кто ушел за счастьем в Истмале. И тогда с новой силой тоска терзала его и бесконечно долгими становились ночи.

«Может быть, эти же облака видит сейчас и он...» - подумал Гарак и, вздохнув, начал обвязывать ступни жгутом из травы, чтобы ноги не скользили. Подточив косу и привязав себя к волосяной веревке, которая была закреплена за каменный выступ, он начал спускаться по склону.

Далеко внизу извилистой ниточкой по дну ущелья бежала река. На зеленых холмах белели тесаные камни аулов. Грозные башни с высоты казались едва заметными кубиками. Между ними изредка мурашкой появлялась человеческая фигурка. Гарак не раз видел все это отсюда. Острым глазом он заметил ребенка, поднимавшегося по крутой тропинке. Мальчик нес в руках красный глиняный кувшин. «Все-таки несет! Вот характер!» - подумал он о племяннике Калое и улыбнулся.

Веревка, которой был привязан Гарак, натянулась. Он раз, другой повернулся вокруг себя, чтобы удлинить ее, и, поплевав на ладони, взмахнул косой. Изредка Гарак бросал взгляд в бездонную глубину, разверзшуюся под его ногами, на коршунов, без устали паривших на одной с ним высоте, и косил, косил без конца.

Первые год-два после отъезда Турса Гарак ждал вестей от брата, ждал обещанных денег, чтобы выкупить землю у Гойтемира. Но постепенно надежда угасла, и осталось только огромное желание - во что бы то ни стало посчитаться с Гойтемиром, обманувшим брата, вернуть родовые земли. И он стал работать, не зная отдыха, не разгибая спины.

Мысль о том, что с этой древней земли когда-нибудь он сможет взять столько хлеба, что его хватит до нового урожая, ни наяву, ни во сне не давала ему покоя. Они с Докки ходили рваные, латанные-перелатанные, и только Калое изредка справляли какую-

нибудь обновку.

Чтобы запасти сена на зиму, Гарак косил везде, где только мог, где только оставался нескошенный клочок. А зимой он кормил чужую скотину и за это получал часть приплода. Вот почему и сейчас он висел над бездной, добывая лишнюю копну там, где никто не осмеливался косить, где ходили лишь дикие козы.

Часа через два, когда солнце склонилось к вершинам, Гарак скошил траву с последнего каменного выступа и, держась за веревку, выбрался наверх. Разложив костер, у шалаша уже сидел Калой. Рядом, в яме, был спрятан кувшин со свежей водой.

Увидев Гарака, Калой вскочил.

- Пей, воти[1], сколько тебе захочется! - воскликнул он радостно и протянул отцу[2] вспотевший кувшин. - И даже можешь умыться! Я принесу еще.

Когда кончалась работа, Гарак снова становился медлительным. Не торопясь, он взял кувшин, сполоснул рот, а потом долго пил, не переводя дыхания.

- Пусть любит тебя все, что любит воду! - сказал отец ласково, возвращая мальчику кувшин, и разлегся на сене, недалеко от огня.

Солнце еще не успело погаснуть за дальней вершиной, как по горам побежали глубокие тени и стало быстро смеркаться. Калой привычно и ловко работал у костра. Он повесил на перекладину черный от копоти котел с мясом, поправил под ним поленья, нарубил веток и, усевшись с подветренной стороны, задумался, глядя на языки пламени.

- Копен шесть скошил небось? — немного погодя, спросил он.

- Нет, - устало отозвался отец, потягиваясь. - Копны четыре... а может, и пять... Тут не размахнешься.

Калой помолчал, а потом неожиданно сказал:

- Если бы я мог, я б застрелил этого кабана!

- Какого кабана? - переспросил Гарак.

- Настоящего. Гойтемира, - ответил Калой и так сунул в костер охапку веток, что из него вылетел целый сноп искр.

Гарак привстал от удивления.

- Почему? - Он смотрел на сына с тревогой: что могло довести его до такой мысли?

И Калой, волнуясь, рассказал:

- Вчера я пас овец под грушей. Туда привел своих и Чаборз. Он хотел меня выгнать. Говорил, что это их лужайка. А когда я отказался, начал ругаться. Сказал, что его отец сослал даже Турса, а нас с тобой, если захочет, выгонит хворостиной, как телят...

Гарак слушал мальчика, разглядывая его освещенное костром лицо, словно видел впервые. «Похож на Турса. Нос тонкий, прямой. Резкие скулы. Только глаза серые, как у меня. Это у нас от деда. И такие же глубоко запавшие, как у деда... Мужская жесткость, смелость в глазах. Есть в мальчике сталь», - решил довольный Гарак.

Он вспомнил тот далекий день, когда брат из рук в руки передал ему своего сына. Вспомнил, как выхаживала его соседка Фоди. У нее был двухмесячный сын, и она приняла Калоя своему Виты в молочные братья. Когда мальчик подрос, они забрали его. Хорошо, если кто-нибудь из них бывал дома, а когда уходили на уборку, Калой оставался совсем один. Поставят ему на балконе деревянную миску с амасти[3] и уйдут до вечера. А он, маленький, в рваной рубашонке, сидит целый день около миски и воюет с мухами, стараясь приклепнуть их ложкой прямо на каше. К вечеру устанет, уткнется измазанным личиком в глиняный пол, да так и заснет, облепленный мухами. И жаль было, а что сделаешь...

А теперь вот он какой! Давно уже в помощниках ходит. И пашет и жнет с отцом, да еще защитником стать собирается. Турс мог бы гордиться таким сыном.

«Выгнать могут, как телят... Это Чаборз не сам придумал... Значит, в доме у них так говорят», - думал Гарак.

- Ничего, - сказал он Калою, - не бойся, мы им еще скажем свое!

До глубокой осени Гарак косил, ставил копны на скрещенные ветви, чтобы зимой волочить конем, и придавливал сено от ветра березовым жгутом с тяжелыми камнями на концах.

К исходу месяца рогов[4] они с Калоем заготовили сена на зиму и дров на первый случай.

Однажды утром Гарак, войдя в загон, долго осматривал скотину, молодняк; поглаживал нагулянные, шелковистые спины, потом отбил шесть лучших коров и велел Калою гнать их в село к Гойтемиру, а немного погодя, пошел следом и сам.

Докки проводила мужа до конца аула и вернулась взволнованная и притихшая. Она понимала обиду его на старшину, который обманул Турса, но сердце ее не хотело вражды с этим недобрым и сильным человеком. Ведь Гарак так работал все эти годы! В доме у них теперь есть и зерно, и скот на обмен... и, главное, она впервые в жизни должна стать матерью. Ей хотелось мира, тишины, покоя, а Гарак не чувствовал этого, не понимал ее и жил только для того, чтоб посчитаться с Гойтемиром да стать богаче его.

Отсылая ее домой, он сказал:

— Если Гойтемир будет хозяином своему слову, назад я вернусь хозяином этих пашен...

«Да разве же Гойтемир дурак? - думала она, поднимаясь вверх к своему двору, зажав рукой прореху на боку старенького платья. - Разве ему нужен наш скот? А то, что пообещал десять дет назад, он, наверно, давно уже забыл! Пошел... только позориться...» От этих мыслей собственное тело показалось ей еще тяжелее. И, войдя

во двор, она печально посмотрела на опустевший загон.

Калой остановился на поляне возле Гойтемир-Юрта. Люди с любопытством смотрели на него со всех крыш и террасок... А когда подошел Гарак, показался и Гойтемир в воротах.

— Салам алейкум!

— Во алейкум салам! — обменялись они еще издали приветствиями.

- Куда перегоняешь? - крикнул Гойтемир, указывая палкой на коров Гарака. - Добрый скот! Если на продажу, давай сюда, поговорим...

— Чужая скотина! - с плохо наигранной веселостью ответил ему Гарак. — Как продашь чужую?

— А чья же это? На прокорм взял? — снова спросил Гойтемир поднимавшегося к нему Гарака.

К старшине подошли родственники, соседи. Гарак не спеша подал каждому из них руку и, улыбаясь, остановился перед Гойтемиром.

— Это же твой скот, — сказал он и выжидающе замолчал.

Гойтемир внимательно оглядел его сверху донизу. Перед ним, опираясь руками на длинный посох, стоял пожилой человек с проседью в небольшой каштановой бороде. Почти оборванец, в стоптанных чувяках, он глядел на старшину глазами, в которых была и детская наивность и торжество человека, достигшего своей заветной цели.

- Это как же понять! Или я не знаю, что мое, а что чужое? - Гойтемир оглядел собравшихся. — Или это калым?.. Так у меня, кроме старшей жены, некого замуж выдавать! А тому, кому она приглянется, я готов сам дать в придачу козу!

Люди захохотали, и сам Гойтемир не удержался от смеха, затряс седой бородкой, зашатался. Только Гарак продолжал стоять в этом веселье невозмутимо, без улыбки. Подождав, когда все утихнет, он продолжал:

- Гойтемир, в тот год, когда Турс уехал, а ты остался, — он помолчал, чтоб люди задумались над его словами, — незадолго до этого мы с братом были у тебя. И ты тогда дал слово вернуть нашу землю за шесть коров. Если ты еще в ту пору оценил ее в шесть коров, то с того времени ты и твои родственники сняли с нее десять урожаев. Значит, она должна теперь стоять дешевле. Но я при этих вот людях снимаю с вас грех за то, что вы ею пользовались, и пусть благодать с нее зачтется вам в добро! А теперь, как уговорились, вот твои коровы — и мы в расчете.

Лучше, чем любая из этих коров, — ты и сам видишь — даже на похороны тестя не водят!

Наступила долгая тишина. Тем временем, пощипывая травку, скот, подгоняемый Калоем, подошел к загону Гойтемира. Мальчик снял засов, прогнал коров за изгородь и положил жердь на место.

Взоры всех обратились к старшине. Родственники смотрели на него выжидающе, соседи - с любопытством.

Он побледнел, задвигал челюстями. Потом побагровел так, что казалось — жилы полопаются на лбу.

— Ну, счастливо вам оставаться! — сказал Гарак, будто не замечая его волнения.

Но Гойтемир наконец обрел способность говорить и почти с обычным для себя спокойствием спросил:

- Скажи, ради Бога, это Турс прислал тебе деньги на коров?

— Нет. С тех пор как брат уехал, а ты остался, он ничего мне не присылал. Но он обещал тебе коров, и я привел коров. Правда, не скоро, но привел. Хорошие коровы. Лучших и он не привел бы!

- Да, коровы хороши, - согласился Гойтемир. - Только я обещал землю Турсу, а не тебе...

- Но мы братья...

- И все-таки ты есть ты, а он есть он! С тобой у меня не было никакого разговора. Турс даже не поручал тебе иметь со мной дела!.. - Он помолчал и добавил: - Гарак, забери свою скотину и иди домой. Не смей народ. Гойтемира давно посчитали бы выжившим из ума, если б его могли дурить такие дурни, как ты... Иди... Иди домой!.. - строго приказал он, теперь уже едва сдерживая себя. - А не то я тебя по-другому провожу...

Калой, который держался в стороне от старших, подошел к отцу. Он пристально, с ненавистью смотрел на Гойтемира, будто хотел запомнить его на всю жизнь.

- Почему же тебе, Гойтемир, «по-другому» провожать меня? - также с видимым спокойствием спросил Гарак. - Что я тебе такого сделал? Чем обидел? Или это ты уехал в Турцию, а мой брат остался дома? Или я тебе пригнал телят? Или я пришел за твоей землей? Тебе нечего расстраиваться, нечего покрикивать. Ты старшина для начальства.

А для меня ты вот кто. - Он вырвал из своей папахи клочок шерсти и сдунул с пальцев. Взгляд его блеснул холодом, враждой.

Этого унижения Гойтемир не мог перенести. Лицо его исказилось, рот ощерился желтыми клыками.

- Осел! - заорал он. - Раб! Я покажу тебе! - И он замахнулся палкой.

Люди кинулись между ними.

- Я — Эги. А Эги никогда не были рабами! — гордо ответил Гарак.

— Это мой предок, внук Эги и сын Ивизда - Газд, не допустил, чтоб у ингушей на шее

сидели князя! Это он высмеял такого выскочку, как ты. Не я раб, а ты! Царский раб. Пес цепной на привязи у врагов наших, которые вон сожгли половину аулов, и пепел еще воняет! - Он показал на горы. Там лежали руины башен, разрушенных карательной экспедицией. - Лай сколько хочешь. А я тебе уплатил. И весной пахать землю буду я!..

- Мы тебя накормим, мы засыплем твои глазницы землей, чтоб на чужое не зарился! - завопили родственники Гойтемира и, схватившись за кинжалы, кинулись к Гараку.

Но народ опять вступился, не допустив кровопролития. Гарака отвели в сторону, уговорили уйти.

- Я их не боюсь! Моя правда! - выкрикнул он. - Хорошо, я послушаю вас. Я уйду. Но вы свидетели: я заплатил ему!..

Разгневанный Гарак, тяжело ступая, шел домой. Он был потрясен подлостью Гойтемира. Он понимал, как трудно будет ему тягаться с этим человеком. И все же решил бороться за свое до конца.

Калой шагал за Гараком, не в силах сдержать восторга: отец не спасовал перед самим старшиной.

А в это время остервеневший Гойтемир с проклятиями и бранью выгонял со своего база гараковских коров, избивая их палкой и камнями.

Ночью коровы Гарака вернулись домой. Докки проснулась от их мычания и с радостью пошла доить.

Она еще не знала, что между ее мужем и старшиной возникла глубокая и непримиримая вражда.

Гарак изменился. Тяжелые мысли теперь не покидали его.

Когда человек умирает, для него все кончается со смертью. Но когда человек живет, а умирает его мечта, тогда он остается с мучительной тоской, от которой нет избавления до конца дней. Так было и с Гараком. Он перестал верить в себя, верить в то, что ему удастся одолеть Гойтемира.

Сена было у него больше всех в ауле. Но он перестал брать на прокорм чужую скотину. На люди не выходил. Не молился. И только когда в лесу, под порывами холодного ветра обнажив до пояса тело, он брал в руки наточенный до зеркального блеска топор и начинал крушить деревья, было видно, что в нем живет еще великая сила жизни.

Однажды во время этой работы его разыскал человек, посланный Гойтемиром.

- Иди, тебя сейчас же требует к себе старшина.

Удивился Гарак, но пошел. Слабая надежда на то, что старшина решил примириться с ним, мелькнула в его голове. Ведь он прав, и, может быть, совесть заела Гойтемира?

Он вошел в ту комнату, где когда-то был вместе с братом, и ему сразу бросились в глаза большие перемены, которые произошли здесь. Вместо камина топилась железная

печь, в окнах мутную бязь заменили прозрачные стекла, и комната сияла светом. А под потолком в проволочном кольце висела зеленая керосиновая лампа. О такой Гарак только слышал. «Вот, значит, он как... - мелькнуло у него в голове. — А я-то все в дыму да в копоты копил ему коров...».

Горестные размышления его прервали вошедшие люди. Это был сам Гойтемир и трое чужих, в казенной форме. Гарак не умел различать ни чинов, ни званий. Все они для него были начальниками. Но по лицу хозяина он сразу понял, что его пригласили сюда не для хорошего. Стоя перед приезжими навытяжку, Гойтемир строго заговорил:

- Эти люди - большие начальники. Им донесли, что у нас рубят казенный лес. Проезжая, они услышали твой топор и велели позвать тебя, чтобы еще раз предупредить: лес рубить нельзя. Это давно известно всем. Известно и тебе... Имей в виду - с ними шутки плохи...

Гарак молчал.

- Он понял, что ты ему сказал? - спросил Гойтемира один из чиновников.

Гойтемир перевел.

- Да. Понял. Скажи им, что я рублю в своем лесу. Это лес рода Эги.

А у себя - я сам хозяин, - ответил Гарак.

Когда Гойтемир кое-как передал приезжим ответ Гарака, те сначала рассмеялись, а потом старший из них строго сказал:

- Переведи ему: лес и недра принадлежат казне, государству. И если он будет своевольничать, мы его строго накажем.

Но это не испугало Гарака.

- Что в земле, я не знаю, - сказал он. - Из земли выходят родники, реки. Эту воду мы считаем общей. Воздух тоже. А верхняя земля и лес принадлежат хозяевам. Я свой лес рубил, рублю и буду рубить... Камни в очаге не горят. Если царю холодно, я могу поделиться с ним дровами. Но почему он решил мое считать своим, я не знаю.

Старший чиновник, узнав ответ Гарака, очень рассердился. Он вскочил, затопал ногами, закричал. Но Гарак твердил свое. Разговор кончился тем, что его арестовали и увезли в город, в крепость.

Весь аул был возмущен этим происшествием. Не только Гарак - все не могли понять, как это царь лишает их лесов! Только воздуха, воды и дров горцы имели сколько угодно. А теперь им предлагали жить в лесу и умирать от холода.

Докки целыми днями принимала женщин, которые приходили к ней высказать соболезнования. Калой забросил друзей, игры и все время пропадал на перевале Трех Обелисков, откуда далеко была видна тропа, по которой увели Гарака.

Наконец в месяц заготовки на зиму мяса[5], дней двадцать спустя после ареста, ясным,

прохладным утром Калой увидел далеко на тропе Гарака.

Он вскочил, хотел кинуться ему навстречу, но вместо этого побежал домой, чтобы обрадовать мать. У села он наткнулся на своего молочного брата — Виты.

- Гарак идет! - закричал он ему что было сил. - Беги к Докки! - а сам помчался назад - к отцу.

Он бежал по узенькой дороге над обрывом так, словно перед ним расстиралось широкое поле. Но когда из-за поворота показался Гарак, Калой остановился, опустил голову и, застенчиво раскачиваясь, медленно пошел ему навстречу.

Гарак был растроган. Он потрепал сына по плечу и отпустил, ничего не сказав. Так они и пошли - отец впереди, сын сзади...

- Не ждали? - спросил наконец Гарак.

- Как не ждали! Все время ждали! - отозвался Калой и замолчал.

Отец оглянулся. Мальчик, опустив лицо, торопливо вытирал папашой слезы. Гарак улыбнулся и молча продолжал путь, а потом бросил через плечо:

- Слабым никто не должен видеть мужчину!

Калой понял отца, и эти слезы стали последними слезами в его жизни.

У крайней башни Гарака встречал весь аул. Женщины от радости плакали, мужчины обнимали его, поздравляли. Даже Хасан-мулла, который редко теперь выходил из своего дома и все больше сидел за чтением молитвенных книг, бросил свои святыне занятия и пришел сюда.

- Да не приведи Аллах снова попасть тебе в руки христиан!.. - пожелал он ему во всеуслышанье и дважды обнял, прижимаясь то к левой, то к правой стороне его груди.

- Не за свое освобождение — со мной-то ничего особенного не случилось - а в честь вашего уважения к нашему дому прошу всех вас к нам в гости! - сказал Гарак односельчанам.

Весь день до вечера Докки возилась у очага, готовила лепешки, варила сушеное мясо. Соседки помогали ей. И за все это время она ни словом не обмолвилась мужу о том, что пережила здесь без него, что передумала длинными осенними вечерами, сколько пролила слез. Для этого у нее впереди была еще целая ночь. Только свет радости, который лучился из глаз, да мягкость, с которой она говорила с людьми, выдавали безграничное женское счастье. А много ли в ее жизни было его?

На следующее утро погода испортилась. Как сквозь сито цедил мелкий осенний дождик. В башне Гарака было темно и тесно. Горцы сидели на нарах, на табуреточках вокруг очага, стояли у стен, а хозяин рассказывал.

— Тюрьма — большой дом. Кругом забор, башни. В доме много комнат. Двери крепкие, замки железные. В окнах пузырей нет. Железные решетки, стекла, светло. Вот

такие нары. Давали хлеб и воду. Вода обыкновенная, из Терека. А хлеб не как наш, ячменный, синий, а из русской пшеницы[6]. Вкусный хлеб! Жизнь сносная, и зиму в таком доме легче прожить, чем здесь. Но целый день сидеть без дела трудно. Ну и без воли, конечно, очень тяжело. Скука большая...

Люди слушали Гарака, затаив дыхание. У многих от удивления открылись рты. Женщины толпились в дверях. Они то перешептывались, то замирали...

Сколько повидал этот Гарак! Подумать только - держать человека взаперти, вдали от родных! Все понимали, что это безжалостно. Но главное было в другом. Гараку сказали, что, если кто еще осмелится рубить лес, того арестуют и сошлют на много лет. Начальство разрешило брать в казенном лесу только валежник, а рубить — за много верст, где одна ольха. Долго не могли успокоиться горцы. Долго шумели, спорили.

— Разрешили брать валежник — сделаем так, чтоб его хватило всем и на всю зиму! — воскликнул Гарак.

И гости радостно зашумели.

— А кто выдаст, — добавил Пхарказ, - тому отрежем язык!

На этом и разошлись.

Весь вечер и весь следующий день почти в каждой башне аула тонким звоном точили топоры. Точили, как никогда, на бритву.

Несколько дней спустя Гойтемир на своем знаменитом иноходце выехал со двора, напутствуемый шутками молодой жены. Первая его жена умерла еще в молодости от чахотки. Вторую со своими взрослыми детьми он отправил на плоскость, купив ей в Назрани землю и дом, потому что она не могла ужиться с третьей, заносчивой и красивой. В особенности после того, как молодая родила мужу сына — Чаборза.

— Передай своей назрановской старушке мой привет! — язвила жена вдогонку Гойтемиру. - Скажи, что если ты так часто будешь уезжать в

Назрань, я готова поменяться с ней домами!

Гойтемир только ухмылялся да оглядывался по сторонам, чтоб люди не услышали. Большие вольности допускала красавица Наси. Знала: любит ее старик, любит последней, самой сильной, самой опасной любовью. Такая любовь прощает все грехи, кроме одного — измены. И Гойтемир прощал ей все: ее шутки, злой язык и многое другое.

Он ехал с обычными донесениями к приставу.

Не успел скрыться за перевалом Трех Обелисков хвост его коня, как весть о том, что он уехал в город, облетела аул Эги и хутора. Без промедления, кто бегом, кто на коне, мужчины, а из иных дворов и женщины — все устремились в лес...

Три дня не было Гойтемира дома. Три дня, три ночи подряд лес, названный «казенным», стонал под ударами топоров. А когда на четвертый день Гойтемир выехал

на перевал и бросил привычный взгляд на лошину, он не поверил своим глазам. Огромная часть горы, которая была вечно покрыта толстой шубой леса, стояла голой. Он подъехал ближе. Нет, голыми нельзя было назвать эти места. Их покрывали сотни поваленных деревьев, будто здесь только что прошел ураган невиданной силы или пронеслось стадо гигантских животных. Пот выступил на мясистом носу старшины. Он хлестнул непривычного к плети коня, и тот понесся вниз, рискуя сломать шею себе и хозяину.

Подскакав к лесу, Гойтемир прыгнул на землю и, забыв о своем возрасте, побежал к ближайшему пню... Подошел ко второму... Провел рукой по комлю третьего великана и, стиснув зубы, пошел назад. Он понял, что произошло. Ведь в городе его, а вместе с ним и других старшин только что предупредил пристав о том, что уже во многих местах горцы, протестуя против решения правительства, рубят отнятые в казну леса.

Не заезжая домой, Гойтемир снова поехал во Владикавказ.

Возвратился он через два дня с помощником пристава и конвоем.

Сход собрали около Гойтемир-Юрта. Людей усадили прямо на землю. Перед ними выстроились конвойные с берданками за плечами. Наконец из замка Гойтемира показался сам помощник пристава в сопровождении хозяина. Помощник был худой, высокий, сутуловатый, с поблекшими глазами. Всей своей фигурой и даже походкой он удивительно походил на соседа Гарака - Пхарказа. И это не осталось незамеченным.

- Поглядите, - выкрикнул кто-то, прячась за чужие спины, - какой же это пристоп?[7] Это же нашего Пхарказа привели, только с погонами!

Народ принял шутку дружным смехом. Только старики из первых рядов да сам Пхарказ сделали вид, что ничего не слышат. Когда пристав приблизился, они поднялись. За ними поднялся весь сход. Кто бы он ни был, но пристоп был гостем, и с ним поздоровались.

Долго ругал он их. Называл бездельниками, бунтарями и обещал Сибирь и ссылку всем непокорным. Но за порубку, кажется, не собирался никого наказывать. Он не мог поверить Гойтемиру, что столько леса можно было положить за двое суток, и подозревал самого старшину в соучастии. А когда пристав попытался узнать зачинщика, то даже Ха-сан-мулла увильнул от ответа, зная об уговоре за донос «отрезать язык».

Мулла сказал, что целую неделю не был дома, ездил в Назрань к родственникам и ничего не знает.

— Бунт! Сговор! Вы знаете, чем это пахнет?! — снова начал стращать собравшихся полицейский. - Вы забыли поход барона фон Розена? - Он указал плеткой на руины сожженных аулов. — Этого мало вам? Мы не позволим!

И когда его визгливые причитания надоели собравшимся, все тот же голос, что и прежде, снова крикнул из задних рядов:

— Пхарказ, успокой своего брата! А то он до грыжи докричится!..

И снова раздался дружный смех.

Пхарказ встал и обернулся:

— У твоей матери с тех пор, как она тебя, дурака, родила — грыжа!

Собачий сын! А ну, выйди!

И случилось так, что в это время Пхарказ очутился почти рядом с помощником пристава.

— Два Пхарказа! - снова раздалось из толпы.

И тогда поднялся неудержимый хохот.

Старики вскочили, замахали палками, затрясли бородами, призывая народ к тишине.

Пхарказ заметался, забегал, чтобы узнать обидчика. Помощник пристава не понимал, о чем речь, что происходит, и требовал порядка, требовал разъяснения.

— Не переводи ему нашу глупость! - опережая Гойтемира, крикнул один из стариков.

И Гойтемир сказал гостю, что в задних рядах сидит дурачок, который ничего не понимает и сквернословит. Он указал на дурачка по прозвищу Циска-мулла[8], который действительно оказался задних рядах.

Гойтемир велел для вида вывести подростка и посадить впереди.

Но когда парни схватили Циска-мулла под руки и поволокли вперед, тот так испугался, что повалился на землю и стал отбиваться, как припадочный.

— Я не скажу! — вопил он сквозь слезы. — Люди отрежут мне язык! Я не скажу! Пустите! Пустите! Пустите!

Наконец он вырвался и сломя голову понесся прочь. Уже издали Циска-мулла погрозил кулаком и плача, послал Пхарказу самые страшные ругательства.

Помощник пристава с глубоким презрением смотрел на дику толпу, которая веселилась и выла без всякого, как ему казалось, повода. Ему было противно это сборище, и он желал только одного - покончить дело как можно скорее и уехать.

Он поднял руку. Водворилась тишина.

— Гарак Эгиев здесь?

Гарак поднялся. Полицейский посмотрел на него строго и спросил:

— Ты зачинщик?

Гойтемир перевел.

- Нет, - холодно ответил Гарак и хотел было сесть, но Гойтемир обратился к нему.

- Ты не трусь, Гарак, - сказал он, - ты же не в юбке.

- Не твое дело спрашивать, а его! - Гарак мотнул головой в сторону помощника пристава. - А юбка на мне или штаны, это ты узнаешь.

Только не забудь, что это тебя интересовало! Толмач![9]

- Нет тут зачинщиков!

- Гарак все время был с нами!

- Мы ничего не знаем! - раздались в толпе возгласы.

Гойтемир переводил их, как хотел.

- Предупреждаю! - сказал полицейский. - Это последняя поблажка вам! Если еще раз допустите такое - будет плохо! А тебе, - он погрозил нагайкой Гараку, - Сибири не миновать! На рожон лезешь, подстрекатель? Уйдем! — И с этим он уехал.

Сначала горцы недоумевали, почему на сей раз все обошлось благополучно, а потом догадались: потому, что сделали дело сообща. Со всех спрос не тот, что с одного! Жизнь учила.

2

Зима прошла без особых забот. «Валежника» было сколько угодно. Не мерзли, хотя и жалели лес, жалели каждую плаху. Не так рубили прежде. На выбор. Которая кривая да с дуплом, ту только и брали. А теперь трещали в очагах подряд и коряга и строевой кругляк.

Калой эту зиму тоже запомнил на всю жизнь. Еще с осени Гарак отвез его в аул Джарах учиться. Никто не знал толком, что такое учиться. Но люди понимали, что если человек говорит по-русски, это хорошо. Он может объясниться с покупателями на базаре, его не обманут лавочники, он поймет, что говорит начальство, и даже может стать толмачом. Но не всякому выпадала такая удача. Только очень немногим удавалось пристроить ребенка в станице, в русскую семью, где он жил на побегушках и учился разговаривать.

Была еще школа в Назрани. Но о ней горцы не мечтали. Там за места дрались даже богачи. Ведь принимали пятьдесят мальчиков от всего народа. Поэтому, когда писарь Джараховского сельского правления открыл у себя школу, от желающих не было отбоя. А к тому же стало известно, что с бедных писарь ничего не берет. К нему-то и попал Калой. Один от всего Эги-аула.

Школа помещалась в небольшой комнате рядом с сельским правлением. В ней горцы соорудили для своих детей нары, поставили печку. И двадцать пять счастливых начали заниматься. Утром их учил молитвам мулла. Потом они пекли себе лепешки и заваривали чай из травки, а после еды приходил писарь и разговаривал с ними по-русски. На его уроки в комнату набивались и взрослые, чтобы выучить хоть несколько русских слов. Зимой смеркалось рано. Лампы не было. Мальчики жались к крохотной

печурке, а потом, не раздеваясь, спать на голые нары, грея друг друга телами. Как только в печке потухал огонь, холод проникал в комнату во все щели.

Калой учился хорошо. Легко запоминал слова. С товарищами ладил. К писарю он относился с большим почтением, потому что тот жалел детей и никогда не наказывал. А от муллы им влетало частенько.

Так прошли осень и зима. Уже сотни русских слов знали ребята. Они научились читать по складам и писать печатными буквами свои фамилии.

Но в это время случилось несчастье. Писарь заболел.

Ребята носили ему воду, кололи дрова, топили печь. Сначала он шутил с ними, собирал их на занятия к себе. Но ему становилось все хуже и хуже, и наконец ребята узнали, что он уезжает совсем.

По небу ползли низкие темные тучи. Понуро стоял, отворачивая морду от холодного ветра, черный мерин, запряженный в бричку. Во дворе у плетня сбились в кучу ученики в мохнатых папах. Громко скрипнула дверь. Вышел из сакли писарь. Высокий, худой, в шинели. Впалая грудь накрест повязана башлыком. Он хотел подойти к ребятам, сказать им что-то, но не смог. Только посмотрел на них долгим взглядом, закашлялся от свежего воздуха и, махнув рукой, полез в бричку. Хозяин вынес его небольшой сундучок.

Бричка завизжала, поехала. За воротами писарь оглянулся. Ребята стояли, повернув к нему лица. Он виновато улыбнулся, снял шапку. Нечесанные пряди русых волос упали на белый лоб, на большие глаза. Ребята тоже стянули папахи, выбежали на дорогу, постояли и снова перепорхнули на пригорок, с которого еще долго можно было видеть учителя. Так и стояли они там, бритоголовые, большеглазые, прощаясь навсегда с первым русским, который пришел к ним в горы не с ружьем, а с человеческим сердцем.

Вскоре донесся слух, что писарь умер.

Знал ли он, что с ним вместе свет знания покинул это ущелье на полстолетие и что дни, прожитые в его школе, для этих ребят останутся лучшими на всю их жизнь? Великое дело - добро!

3

Калой вернулся в Эги-аул. Весной они с отцом делали то же, что и всегда: убирали камни с полей, возили и разбрасывали навоз. Но от него не ускользнула озабоченность Гарака. Он догадывался, о чем тот думал, замечал, как отец каждое утро, словно невзначай, бросал взгляд на пашни Гойтемира. Видимо, он боялся, что тот начнет пахоту первым.

Так наступил день, когда все старожилы, знатоки земли, решили: завтра пахать.

К этому дню у Гарака все было готово: и соха, и быки.

До рассвета они вышли со двора. Когда Гарак велел сыну гнать быков к полю Гойтемира, тот понял, что не ошибался в догадках.

На склоне еще не было ни одной упряжки. Они подошли к древней земле Эги. Гарак поставил соху на первую борозду, запряг быков и, прежде чем начать сеять, встал на молитву. Не успел он ее закончить, как из серой дымки тумана появились родовые братья Гойтемира.

Увидев Гарака на земле, которую привыкли считать своей, они не растерялись. Их было много. Сила была на их стороне и прежде и теперь.

А Гарак пошел широким шагом, щедро разбрасывая семена. Родичи окружили его, остановили.

- Что ты делаешь? - обратился к нему старший из них.

- А ты не видишь? - ответил Гарак. - Отойди, не мешай работать!

- Гарак, уходи от нас, - сказал тот хмуро.

- Это земля моя. Я за нее вернул вам коров.

- Твоих коров доит твоя жена. Ступай домой!

- Вы должны уйти! Грабители! Вы ограбили наших предков и хотите вечно есть мой хлеб?

- Если бы ты не был сумасшедшим, мы бы так промяли твою шкуру, что в тебя вошло бы понятие, чья это земля, - сказал старший из родственников, - но, так как ты одурел от жадности и кидаешься на людей, мы не тронем тебя. Уберите его отсюда! - приказал он своим.

Четверо мужчин набросились на Гарака и взащей вытолкали его с поля. Другие так нахлестали быков, что те вместе с повалившейся сохой понеслись под откос. Мешок с семенами полетел вслед за ними.

Случайно Гарак вышел на работу без кинжала, и это его спасло. Без оружия он не мог защищаться от десятка здоровых мужчин.

Опустив голову, он ушел домой.

Тем временем на поле явился сам Гойтемир с Чаборзом. Узнав о том, что здесь произошло, он задумался. Родичи ждали его слова.

- Хорошо, что обошлось без драки. Но теперь бросайте свои участки и все становитесь на эту землю. Сейчас же запахать! Не то завтра все повторится сначала. И кто знает, чем это еще может кончиться. У других Эги больше земли, чем у этого. Они молчат. Но если дело дойдет до драки, они не останутся в стороне. А к чему нам вражда? Нам вот это нужно!.. Пашите.

Никто из Гойтемировых не обратил внимания на Калоя, который стоял неподалеку и следил за ними. Можно было подумать, что его просто забавляет все это. Но вот на поле вышел один из гойтемиров-ских и начал сеять ячмень. И тогда Калой подбежал к

нему и, неожиданно ударив ногой, пробил дно в сите. Зерно высыпалось на землю. Гойтемировец опешил. Потом вклепил Калою такую затрещину, что тот покатылся. Мужчина хотел было еще поддать ему ногой, но старшина остановил.

- С детей начинается!.. Поняли?.. - Он многозначительно посмотрел на всех. - Калой, тебе не стыдно? - сказал он и хотел поднять его.

Но мальчик вскочил и отбежал в сторону.

- Да ты не бойся, я тебя не трону. Иди, отведи своих быков, а то они соху сломают.

Но Калой не двигался с места.

- Ступай!

- Не уйду, - ответил Калой тихо.

Родственник Гойтемира, у которого он выбил сито, направился было к нему, но Калой отбежал в сторону и поднял камень. И снова Гойтемир остановил своего человека, а остальным дал знак сеять.

Когда зерно было разбросано, двоюродный брат Гойтемира встал за соху, другой повел быков. Черной извилистой лентой побежала первая борозда.

Калой кинулся вперед, выхватил у погонщика повод и дернул быков в сторону. Мужчина поймал его и, обращаясь к Гойтемиру, с возмущением спросил:

- Долго мы будем позволять этому щенку издеваться?

- Отпусти-ка, - ответил Гойтемир, и в его голосе послышалась угроза.

- Чаборз! - обратился он к сыну, у которого давно глаза горели от злости, да только он не смел при отце затеять драку. - Помоги ему уйти домой!

Чаборз кинулся вперед, и, схватившись, мальчишки покатылись по земле. Лицо головастого Чаборза налилось кровью. Калой, наоборот, был бледен.

Взрослые широким кольцом окружили их.

Мальчишки вскочили и стали избивать друг друга кулаками. Изловчившись, Чаборз схватил Калоя за горло. А тот запустил ему пальцы за щеку. И снова они покатылись по земле.

- Здорово! - воскликнул Гойтемир, словно сам участвовал в драке.

Калой начал сдавать, и Чаборз, оседлав его, обрушил на него град ударов.

- Стой! - закричал ему Гойтемир.

Но Чаборз ничего не слышал. Он видел только кровь, которая капала с него на Калоя, и хотел во что бы то ни стало сквитаться.

Наконец их разняли. Чаборз задыхался от ярости. Калой пошатывался, но не уходил.

Снова быки поволокли соху. И снова Калой кинулся на них. Он укусил руку горцу, который преградил ему путь, и опять потянул быков в сторону. Мужчина вскрикнул, словно его оса ужалила, взмахнул палкой... Испуганные быки рванулись, свалили Калоя, пошли через него. Еще миг - и лемех распорол бы ему живот, но человек выдернул соху из земли, и она пронеслась над Калоем, едва задев за рубаху.

Калой поднялся. Он стоял бессмысленно поводя вокруг глазами. Сознание вернулось к нему не сразу. Он отошел, сплюнул землю с кровью и посмотрел на растерявшихся мужчин, как смотрел Турс - одним глазом. Второй заплыл от удара.

Показав на землю, что лежала перед ним, он внятно сказал:

- Я не сын своего отца, если вы будете есть этот хлеб.

Не говоря больше ни слова, он повернулся и, прихрамывая, пошел за своими быками.

Он уже был далеко внизу, когда люди Гойтемира да и сам старшина пришли в себя и переглянулись.

Гойтемир похлопал сына по плечу:

- Молодец! Не зря у тебя такое имя - Чаборз![10] Одолел ты его!..

- Одолел — это да. Но не победил! — в раздумье отозвался двоюродный брат старшины.

Гойтемир мысленно согласился с ним и, посмотрев на сына, подумал: «А ведь мы с тобой так и не избавились от Турса...»

Поймав быков, Калой повел их к аулу. Переходя через ручей, умылся. В аул не стал заходить, а стороной направился на свою пашню.

- Воти! - закричал он издали.

Гарак вышел на мостик между боевой и жилой башней. Утреннее солнце слепило его.

- Я иду на наши терраски! Жду тебя!

И Гарак почувствовал, как ему опостылела тяжба с Гойтемиром. Ему захотелось скорее послушаться сына, перенести на свою пашню зерно и соху и начать пахать, как и все. Пахать дотемна, до изнеможения! Ведь народ давно уже на полях. В воздухе перекличкой весенних птиц неслись с разных сторон возгласы пахарей, погонявших упряжки:

- Н-н-о-о! Фьють, но!

И его земляца ждала его к себе...

Когда к полудню Гарак перенес зерно и соху, он нашел Калоя спящим под стройной сосной на скале Сеска-Солсы.

Мальчик давно знал, что это дерево посадили когда-то руки его родного отца. Он любил это дерево, любил это место. Оно было для него святым. Но никто не знал, что он каждый раз, когда его что-нибудь волновало, приходил сюда и поверял дереву, как человеку, свои детские печали.

Гарак не удержался от восклицания, когда увидел лицо Калоя все в ссадинах и синяках. Он пытался узнать, кто его изувечил. Но Калой сказал, что быки столкнули его с обрыва. И сколько отец ни добивался, так он больше ничего и не сказал ему.

Когда, поработав допоздна, усталые, они возвращались домой, Гарак увидел поле своих предков. Оно чернело свежими пластами перевернутой земли.

- Победили нас! - с горечью сказал он, вспоминая все, что случилось утром.

- Нет, - отозвался Калой. - Не победили...

К концу пахоты в дом Гарака пришла большая радость: Докки родила сына. Правда, за это она чуть не поплатилась жизнью. Но в кон-це концов стоило и помучиться для того, чтоб забытое всеми счастье снова вошло в эти каменные стены. Снова разносился голос Гарака, веселый смех Калоя звенел во дворе, и, слушая их, мать улыбалась сыну, смотрела ему в глаза и тихо говорила:

- Это все ты, ты шумишь у нас, ты...

Думая о ребенке, Гарак не находил себе места. Он то улыбался без причины, то мрачнел, боясь, как бы злые духи не повредили ему. И, поразмыслив, он решил, что с богами нельзя ссориться. А так как он еще не решил, кто из них могущественнее и добрее, то принес в жертву Аллаху барана, а горским богам - козла. И потому в один и тот же вечер в доме у него читал Коран Хасан-мулла, а на горе жрец Конахальг просил для его сына покровительства у великого бога скал Ерда.

В эту ночь несколько раз Гарак стрелял в воздух, отпугивая Цолаш, всех ее детей и шайтана, чтобы они не подслушали, какое имя дадут младенцу.

И назвали его Саадулой. А на всякий случай, чтобы еще больше запутать всю эту нечисть, дали ему второе, ненастоящее имя - Орци. И вышло так, что с ним он и остался на всю жизнь.

Кончились пляски. Гости наелись мяса, напились пива и разошлись. Спустился с горы старый жрец. Спать лег избегавшийся Калой. Луна нырнула в ледниковое море белых вершин. Гарак и Докки остались одни. Докки покормила малыша и поставила его люльку на ночь рядом со своими нарами. Гарак приподнялся, отодвинул полог, скрывавший личико сына, и в первый раз с любопытством посмотрел на него. Докки насторожилась.

- Наш... - сказал наконец он, имея в виду себя и весь свой род.

- А чьим же ему быть! - с гордостью отозвалась Докки.

В окно подул ветерок, качнул пламя в светильнике. На лице младенца задрожала тень. И им обоим показалось, что сын улыбнулся. Гарак отпрянул, лег, застеснялся.

- Над нами смеется, - не в шутку сказал он. - Из них есть такие, которые все понимают, но не говорят.

- Чего ему над нами смеяться! Радуетя нам, — возразила Докки.

Она корытом отгородила свет очага и легла.

- Следующей весной в ярмо уже встанет наш молодой бычок, - сказал Гарак, - а старого я решил подкормить и продать. Куплю за него только зерно и... подарок тебе... Что хочешь за сына?

Докки долго молчала, потом приподнялась на локоть, посмотрела Гараку в глаза, как могла это делать только здесь, на постели, только когда они одни, и шепотом переспросила:

- Что я хочу за сына?.. А ты исполнишь?..

- Исполню, — немного удивленный ее волнением, твердо ответил Гарак.

- Я прошу тебя: ради него - не мсти Гойтемировым за обиду! Вражда слепа. Оружие не имеет глаз... Оно одинаково разит и правого и неправого... Бог с ней, с этой землей! Нам нужен ты....

Гарак посмотрел на нее, будто увидел первый раз в жизни, потом отвернулся, долго молчал и наконец потеплевшим голосом сказал:

- Я... обещаю тебе...

Докки схватила его голову, обняла, прильнула к ней и тяжело зарыдала, освобождая душу от вечного страха.

4

Хорошее лето стояло над горами. На вершины часто взбирались облака и нежились там на солнце. Порой собирались и черные громады туч, а землю разили молнии. Гром грохотал тогда, словно в последний день мира. Но скоро утихали его раскаты, спадали потоки воды в оврагах, и снова, разрывая космы небесного покрова, выглядывало теплое и радостное солнце.

Хорошо работалось людям.

Гарак стал совсем другим. Сумрачный, подозрительный взгляд его стал ясным, спокойным. Он работал весело, ловко. Обещал снова на зиму брать на прокорм скотину. С любовью, как воин оружие, готовил к «бою» свои косы. Прилаживал к ним черенки, отбивал полотна, точил. Их было три. И все разные. По-разному звенели, по-разному точились и по-разному косили. Была большая, длинная, была средняя и третья — легенькая, которой он работал на крутых склонах. Сделал он на этот раз косу и

Калою. Подогнал по росту, по силе. Какой гордостью наполнило это счастливого мальчика! Наконец и он будет работать, как мужчина, а не только ворошить сено да сбивать его в валы, как женщины и дети. Правда, порой и женщины брали в руки косу и девушки, но это когда неуправка, непогода или в доме не хватает мужских рук.

Однако в этой спокойной и размеренной жизни была щербина, которая задирала Калою сердце, и оно тихонечко ныло, не давало покоя.

Много лет Калой был в доме один. Он привык к тому, что все внимание, всю любовь Гарак и Докки отдавали ему. Он думал, что так было и так будет. А теперь он увидел, что родители не меньше любят и Орци. Правда, Орци был еще маленький, забавный, и сам Калой любил его больше всех на свете. Но почему-то стали приходить мысли о Турсе, о Доули, которых он никогда не видел. Особенно часто он думал об отце. Он представлял его себе похожим на Гарака, только еще больше и сильнее.

Труд с самого детства, нужда, суровая природа рано делают горских детей взрослыми. И Калой рано стал задумываться над поступками людей, оценивать, сравнивать их, думать о жизни. Ему рассказали, как уходили его родители, знал он о тяжбе с Гойтемиром и все сильнее убеждался в том, что во всех несчастьях рода и отца виноваты эти люди из соседнего аула, у которых всего было больше - и хлеба, и почета, и, кажется, даже мужества...

Чаще всего эти думы приходили к нему, когда он, отогнав овец, на зеленые холмы, под отвесные стены и осыпи, поднимался на скалу Се-ска-Солсы и, прислонясь к отцовской сосне, вспоминал рассказы о прошлом и мечтал о своем будущем. Он чувствовал себя здесь одиноким и немного жалел себя. А за что, он и сам не знал.

Калою нравилось и льстило, что отец назвал его именем великого богатыря Калоя. Из-за этого он даже украл в храме бога охоты огромный козий рог, обточил его и сделал себе рожок, хоть и не совсем такой, как свирель сказочного Калоя. Никто не знал об этом рожке. Даже Виты - его друг и молочный брат. Он хранил его здесь, на вершине, в ямке, которую прикрывал каменной плитой. Сначала рожок только пищал. И если он очень сильно дул в него, то глупые бараны поднимали удивленные морды и с тревогой наставляли на мальчика длинные уши. Но постепенно, незаметно для самого себя, Калой научился играть. Играл он все, что играли мужчины на волосяных чондырах, и даже те веселые плясовые мотивы, которые исполняли девушки на своих семи- и двенадцатиладовых гармошках.

Однажды, когда день подходил к обеду и первый порыв прохладного ветерка из ущелья зашумел в мохнатых ветках сосны, Калой, перед тем как уйти, заиграл свою любимую грустную мелодию. И вдруг он увидел на краю скалы девочку. Она стояла испуганная и удивленная. Длинное, до босых пят, красное платье под лучами заходящего солнца горело, словно охваченное пламенем. Черные, жесткие космы свисали по плечам, сросшиеся над переносицей брови поднялись вверх. Она смотрела на Калоя широко открытыми черно-синими, как терн, глазами. Зору, соседка, дочь Пхарказа, была младше Калоя на несколько лет. Но здесь он словно впервые увидел ее...

«Какая она красивая...» — подумал он и перестал играть.

А Зору постояла, поглазела на него и как пришла незаметно, так и исчезла. Калой вскочил, подбежал к краю скалы. Зору ловко и быстро сбегала с каменной глыбы, по

которой даже он ходил с опаской. Скала лежала на земле Эги, среди их пашен. Калой привык считать ее вторым домом. И вдруг кто-то обнаружил его в этом сокровенном месте...

На другой день случилось то же самое. На третий - Калой решил отбить у Зору охоту лазить куда не просят. Весь день он ходил за своими овцами, а Зору как ни в чем не бывало пасла аульских коз.

К вечеру Калой, будто не видя ее, поднялся на гору Сеска-Солсы, достал рожок и заиграл. Он играл, лежа на животе, и с края площадки тихонько следил за тем, что делала Зору. Мелкий кустарник скрывал его. Вот она оставила стадо, побежала к Калою. Не переставая играть, он перешел к тропе и стал так, чтобы загородить ей дорогу. Зору поднялась и остановилась, как всегда, поодаль. Но под деревом она не увидела никого. Что-то заподозрив, Зору кинулась назад и... столкнулась с Калоем. Она в ужасе отпрянула, заметалась, с отчаянием кинулась прямо на него, чтоб прорваться мимо. Но на этой тропе двое не могли разойтись. Ноги Зору соскользнули - в тот же миг Калой вцепился в нее... Он с трудом вытянул девочку на тропу, доволлок до своего дерева и бросил на землю.

- Дура! - крикнул он, едва переводя дыхание. - А если б сорвалась?

Зору сидела, сжавшись в комок, втянув шею. Она, видимо, ждала, что он сейчас надает ей тумаков. Но он не трогал.

- Не бойся! — сказал он.

И тогда Зору вскочила и снова, рискуя сломать себе шею, помчалась вниз.

Калой заиграл. Он играл, стоя во весь рост, свободно, не прячась. Таинственный звук рожка остановил девочку. Она замерла под скалой, посмотрела вверх.

И у него вырвалось:

- Хочешь, приходи завтра! Расскажу тебе про этот волшебный рожок...

Три дня после этого стояла непогода. Шел дождь, лежали туманы, не давая земле просохнуть. Но на четвертый день снова пригрело. И опять после полудня Калой отправился к своему дереву, поднял плиту. Рожок был совсем сухим. До этого весь день Калоя тянуло на скалу. Но когда он взял рожок, то долго не мог начать играть. «А вдруг девочка подумает, что я ее зову! Нужна она мне!» — думал он и... все-таки заиграл. И Зору пришла, постояла все там же на краю скалы и спросила:

- Будешь рассказывать? Сказку?

- Не сказку, а правду! - ответил Калой. - Садись.

Зору чуть-чуть приблизилась и села.

- А ты разве не слыхала про богатыря Калоя? - спросил Калой.

Зору отрицательно покачала головой.

- Ну тогда слушай.

И он, подражая взрослым, важно начал:

- Много лет тому назад, когда на Цей-Ломе жила птица Симурх, которая одним глазом видит все прошлое, другим - все будущее, когда осенью сеяли ячмень, а зимой собирали урожай, жил в нашем ауле парень из рода Эги. И имя было у него, как и у меня, - Калой. Он был самый-самый сильный и самый-самый добрый из всех и никому не делал зла. Было у него два старших брата. Они жили в ауле, а Калой жилна Цей-Ломе и пас овец. На ночь он загонял их в пещеру, а вход задвигал каменной плитой.

А за горой жил кабардинский князь. Он был богат, и не было во всей Кабарде человека сильнее его.

Вот как-то гуляли у него гости. И стал он хвастаться перед ними своей силой: сломал руками кость от бычьей ноги. Гости удивились. А один сказал: «Сильный ты! Но есть человек сильнее тебя. Это Калой-Кант[11]. Он живет на Цей-Ломе. Никто не может сбросить три камня, которые он уложил один на другой. Никто не может увести у него баран-ту, потому что нельзя сдвинуть с места плиту, которой он заставляет вход в пещеру».

«Это сделаю я!» - сказал князь и тут же пустился в путь. Ехал он три дня и три ночи и наконец доехал до Цей-Лома. Попробовал сбросить сложенные Калоем камни - и не смог. Кликнул князь своих друзей, но им всем вместе не удалось даже самый меньший из тех камней сдвинуть с места. Дождались они ночи и пошли к пещере. Ухватились за плиту, дернули — а плита ни с места... Очень рассердился князь. Был он не только сильный, но и хитрый. И где не мог победить силой, там брал хитростью. Решил он убить Калоя, а баранту угнать. Но пойти на него открыто побоялся. Привез он тогда на Цей-Лом свою красавицу сестру, порвал на ней одежду и положил девушку на тропу, как будто она с горы упала. Вечером вел Калой свое стадо к пещере и увидел девушку небывалой красоты. Поднял он ее и понес к себе. В пещере девушка открыла глаза. Накормил он гостью мясом, напоил молоком и уложил на свою постель, а сам просидел у костра всю ночь. Наутро пошел пасти овец, а девушка осталась одна. Вечером не спавший ночь и день Калой не смог поставить плиту на место. Осталась щель такая, что в нее могла проползти кошка. На другую ночь щель осталась еще шире, так что в нее мог протиснуться баран. А к концу третьего дня Калой сказал красавице: «Больше трех дней гостем человек не бывает. Или я должен отвезти тебя в твой дом, или ты должна остаться здесь хозяйкой моего дома». И она согласилась стать его женой. В этот вечер щель в пещере осталась такой, что в нее мог пройти человек. А когда Калой уснул, князь со своими друзьями пробрался к нему. Они связали ему руки и ноги сырыми буйволиными ремнями, зарезали его черного козла, который понимал человеческий язык, и съели его. А потом выкололи Калою глаза, забрали свою девушку и угнали овец.

И вот лежит Калой и говорит: «Если б узнали о моем горе братья, они спасли бы меня. Видно, придется умереть мне здесь с голоду...». И тогда заговорила козлиная голова. «Возьми кость от моей ноги, - сказала она, - сделай из нее свирель и заиграй». Нашел Калой кость, пробил в ней мизинцем дырочки и начал играть...

Калой прервал свой рассказ, взял рожок и заиграл мелодию ослепленного Калой-

Канта... Зору слушала его с глазами, полными слез. Закончив играть, Калой отложил рожок и продолжал рассказ:

- Вышла утром во двор жена брата Калой-Канта и услышала свирель. Побежала она в дом и говорит: «Видно, что-то неладное с вашим братиком. Песню печали играет он». Пошли братья наверх, развязали Калоя и кинулись догонять князя. Только не мог слепой Калой бежать с ними. Упал на колени и заплакал от бессилия.

Услышала это птица Симурх. Кликнула курочку богини Тушоли и велела ей: «Слтай на озеро, откуда выходит река Амар-хи, и принеси Калою две капли воды». Полетела курочка, принесла воду и капнула в глаза Калою. И он снова увидел свет. Кинулся он за князем, только тот уже перегонял его баранту за Терек. Половина ее и сам князь уже были на той стороне, а другая половина и сестра князя еще оставались на этой. Как увидел князь погоню и самого Калой-Канта, испугался и стал молиться, просить мать рек, чтобы сделала она Терек большим, непроходимым. И сразу зашумел, почернел Терек, поднялась вода. Оторвал тогда Калой-Кант кусок скалы и бросил ее в князя. И крикнул тот ему в ответ: «Пусть сестра останется тебе в жены, а ты оставь мне за нее половину своей баранты, что со мной!» На этом они и расстались.

Калой замолчал.

- А я родился под тем камнем, который бросил Калой-Кант, потому и дал мне отец его имя.

- А рожок? — вырвалось у Зору.

- А рожок?.. Тот самый... Калой-Канта. Я нашел рожок в его пещере, - ответил Калой.

- Неправда, - воскликнула Зору. - У Калой-Канта была свирель из кости козла. А этот рог ты стянул у бога Елты... Ты думаешь, я не видела, когда ты тащил его сюда!.. «Волшебный!..» - Она презрительно фыркнула.

Калоя очень задел этот смех, ему захотелось, чтоб она поверила, что его рожок волшебный.

- И все равно рожок не простой, - сказал он. - Я не хотел говорить тебе, потому и придумал, что он из пещеры. Но раз ты не веришь, так знай: бог Елта сделал так, что, когда я на нем играю, меня понимают животные.

- Опять врешь, - сказала Зору и поднялась.

- Ну, смотри! - таинственным голосом произнес Кал ой, - Я сейчас заиграю и заставлю овец пастись! - И он заиграл плясовую.

Зору посмотрела на стадо и рассмеялась:

- Так они и так паслись!

Но Калой не сдавался:

- А вот теперь? Я скажу им: посмотрите на эту глупую девчонку, она не верит, что вы

меня понимаете! - Он надул щеки и извлек из рожка те самые звуки, которые извлекал, когда учился играть.

И на удивление Зору бараны подняли головы и посмотрели в их сторону.

То ли Зору поверила Калою, то ли нет, но только глаза ее снова загорелись, и она засмеялась.

- А Калой-Кант остался слепым. И про птицу Симурх и про курочку Тушоли ты все наврал!

- Так ты что же, знала про Калоя?

- Да.

- А зачем заставила меня рассказывать, зачем слушала? - удивился Калой.

- Так. Интересно... И врешь ты интересно: «Калой жил в Эги-ау-ле!» - Она снова рассмеялась.

- Не жил, - рассердился Калой, - так живет теперь! - И он хлопнул себя по груди.

Зору перестала смеяться и снова колючими глазами посмотрела на него.

- «Калой!» А Чаборз из тебя курицу сделал!.. Думаешь, не видела?.. - Она убежала.

Калой не посмотрел ей вслед. И еще долго стоял с опущенной головой, сгорая от стыда.

Конечно, Зору не знала, какую глубокую и болезненную рану его она посыпала солью и что из этого получится.

Шли дни. Калой по-прежнему пас своих и соседских овец, отыскивал для них места с хорошей травой и очень редко ходил к своему дереву. Зору иногда как бы невзначай подгоняла своих коз к его стаду. Он ругался, но не прогонял ее. Раза два ей все же удалось послушать рожок. Калой играл печальные напевы, и глаза его бывали грустными. Он почти не замечал Зору, не говорил с ней, но ему было приятно, что она хочет быть с ним, что он теперь не один.

5

Пришел конец месяца этинга[12]. Дозревал ячмень. Люди готовились к уборке. Все теперь жили только этой мыслью. Дождь, туман или даже солнце без меры могли одинаково погубить урожай.

Как-то утром Пхарказ попросил Гарака, чтобы Калой забрал и его коз, потому что Зору приболела. Гарак согласился.

Калой захватил с собой еду, сказал, что он останется ночевать в горах, потому что перегонять коз нелегко, да и трава там лучше, и повел стадо на пастбище.

Днем Гарак, Пхарказ и другие мужчины аула сходили на поля, посмотрели ячмень,

овес, попробовали зерно на зуб, на вкус и решили, что завтра или послезавтра - крайний срок начинать жатву.

Но после полуночи жителей Эги-аула и хуторов разбудили выстрелы. А вслед за ними послышался отдаленный звон - жрец Конахалыг бил в гигантский родовой котел для варки пива.

- Аллаху солат! Аллаху солат! - зычно кричал со своей крыши Ха-сан-мулла.

Люди выбегали из башен и, пораженные, цепенели. На соседнем склоне горы бушевало яркое пламя пожара. Гарак тоже выскочил на лестницу. Пхарказ вылез на башню.

- Что это может быть? - крикнул он соседу.

- Поле... Гойтемировых... - ответил Гарак. - То, с которого меня выгнали, - добавил он. — Бог видит!..

- Об этом помалкивай, - тихо предостерег его Пхарказ. - Тушить надо.

Пешие и конные, с косами, лопатами, серпами люди кинулись спасать хлеб соседей. Там, где бушевало пламя пожара, поле было ближе к Эги-аулу, чем к Гойтемир-Юрту, и эгиаульцы первыми начали тушить его. Немного погодя, появились и хозяева. Они вместе сбивали пламя одеждой, полосами скашивали хлеб, чтоб оградить места, не охваченные огнем, жали серпами. Но огонь шел со стороны ветра, и бороться с ним было очень трудно.

И все же, когда забрезжил рассвет, все было кончено. Огонь уступил. Усталые, черные от копоти и грязи люди обоих аулов собрались вместе. Самый древний гойтемировец вышел в круг.

- Не зря говорится, - начал он хриплым, дрожащим голосом, - прежде, чем выбрать место для жизни, выбери соседа! Спасибо вам, Эги, от всех нас! Если б не вы, ничего у нас не осталось бы... И еще: если это дело рук плохого человека, да найдет на него злая Цолаш гнев своих детей, да поразит его мать оспы и мать болезней!.. А если это воля Божья, да простит он нам грехи наши, за которые покарал! Мы не ропщем!

- О-чи! А-а-мин! Ге-лой! — раздалось в многоголосой толпе.

Старшина Гойтемир стоял черный от гнева.

С тяжелым чувством расходились горцы по своим домам.

Несмотря на то, что больше всего пострадали участки Гойтемира, Эги не радовались. Старшине огонь причинил большой вред, но всех остальных он мог оставить нищими.

Ветер разносил по ущелью запах жженого хлеба.

В полдень стало известно, что на пожарище найдено огниво. Все соседи гойтемировцев очистились от подозрения, приняв присягу. Настал черед Эги-аула.

Жители аула встретили старшину и его родственников на своей окраине. Гойтемир был

спокоен, но гневное выражение его глаз не проходило. И это не сулило хорошего.

- Все ли ваши мужчины здесь? - спросил он, оглядывая собравшихся.

Ему ответили, что, кроме двух-трех больных и стариков, все. Тогда он достал из нагрудного кармана завернутое в белую материю огниво, поднял над головой:

- Тот, кто под присягой скажет, кому принадлежит эта железка, по лучит шесть коров! - Он медленно обвел всех пристальным взглядом и, дойдя до Гарака, уже не смог оторваться от него. - Меня огонь не сделал бедным, - сказал Гойтемир, - он даже не уменьшил моего богатства. Но я служу царю, и сделанное во вред мне — сделано во вред ему.

И как ингуш, и как старшина я не успокоюсь, пока не найду злодея!

Если б сгорел ваш хлеб, я также искал бы его... - Он говорил, изредка снова поднимая руку с огнивом.

Наконец он развернул материю и передал огниво ближайшему парню. И пошла железка из рук в руки. Как невиданное чудо разглядывали ее все, даже дети. А Гойтемир и сородичи внимательно следили за выражением лиц. И, казалось, лица эти говорили: «Вот она, невольная виновница пожара. А где же руки, которые высекли ею огонь?»

Пхарказ, взглянув на огниво, очень разволновался, но вида не подал, быстро сходил к себе и вернулся.

Огниво снова было в руках Гойтемира. Все молчали.

И тогда Пхарказ откашлялся и срывающимся голосом заговорил:

- Гойтемир! Каждый на твоём месте искал бы человека, который сделал ему такое зло. Я не собираюсь тебя учить. Но хочу вот что сказать: не ошибись! Смотри. - И он протянул руки. У него на ладонях лежало три огнива. Они, как близнецы, были похожи на то, которое было у Гойтемира. А у одного точно так же как и у найденного, был отломан усик. - Я хочу сказать, что кузнецы стараются делать их похожими друг на друга, а усики очень часто отлетают. Сталь сухая! И еще: допустим, люди скажут — мы видели такое у Пхарказа. Они будут правы. Но ведь огниво я мог потерять... а тот, кто нашел, мог даже нарочно подбросить его, чтобы навести след на меня... Так что находка эта важная, но надо узнать, не чье огниво, а кто им поджег поле!

Люди одобрительно зашумели. Гойтемир постоял, подумал и ответил:

- Я давно на должности старшины. Не купил и не по жребию вытянул я эту должность. Вы избрали меня. Не для всех я хорош. Все это я понимаю. Пхарказ, ты умно сказал. Я одобряю твои слова. Обвинить невинного - значит простить виновного! Я этого не хочу. Но, как я ни прикидывал, как ни советовался со своими, нет у меня другого пути, как только к вам!..

Народ заволновался.

Гойтемир выждал, пока улеглось движение, и продолжал:

- Я человек старый, прямой. Я и весь Гойтемировский тейп[13], мы считаем... так я говорю? - обратился он к своим.

- Подтверждаем! - откликнулись члены его рода.

- Мы считаем, что никто не мог причинить нам этого вреда, кроме... Гарак!.. К роду Эги у нас претензия!

- Доказательства? Доказательства какие? - заволновались родственники Гарак.

- Вы знаете нашу с вами старую тяжбу, знаете, что ваши предки заплатили нам этой землей, знаете, что Турс, а за ним и Гарак хотели вернуть эти земли... А Гарак в эту весну даже начал сеять на ней, но мы не дали. Кому же, как не ему, мешал спать наш хлеб?

- Пусть скажет Гарак!

- Где он? Где он был ночью? - зашумел народ.

Гарак стоял бледный, взволнованный, уставший от работы на пожарище. Глаза его ввалились. Он вышел и встал против Гойтемира.

- Что ж, я отвечу. - Он посмотрел на людей своего аула, на родственников, на Гойтемира. - Гойтемир, то, что ты сказал, почти полная правда. Претензии к вам у нас были и есть. И они справедливы. Но к пожару... Я к этому делу не причастен! Весь вечер и всю ночь я был дома. Это знают соседи.

- А разве вы с соседями вместе спите? — спросил один из Гойтемировых.

- Нет. Каждый из нас спит у себя... Я не мог сделать такое, потому что я должен был знать, что вы все равно подумаете на меня.

- Пусть очистится клятвой!

- Пусть даст присягу! - закричали в толпе.

- Я не приму его клятвы! - грубо одернул их Гойтемир.

- Почему не примешь? - еще более бледнее, спросил Гарак. - Я, правда, не сказал еще, что буду присягать. Но если бы я согласился, почему б тебе не принять моей присяги?

- А я не знаю, кому ты веришь! - резко бросил Гойтемир. - Аллаху или этим? - он показал плеткой на святилище на горе.

- Но кому-то из них я верю?... Хасан-мулла, скажи ты...

Но Хасан-мулла сделал вид, что не понял его, и промолчал.

- Никто не знает, кому ты веришь. Ты язычник! — крикнул Гойтемир.

- Ах, так! - вышел из себя Гарак. - Тогда слушайте меня, люди! Вам присягаю я! - Он схватил горсть земли. - Клянусь этой святыней Аллаха, клянусь и вон теми богами, - он протянул руку к горам, на которых высились древние храмы, - клянусь святилищами Мятт-Лома и Цей-Лома, я не жег его поля и, кто его сжег, я не знаю! А тебе, Гойтемир, скажу: вернее всего ты сам сжег его, чтоб свалить вину на меня. Брата, моего ты спровадил, и я тебе помеха... Ты решил, что со мной легко расправиться, так делай, что задумал! Но не ошибись!

- Верни сгоревший ячмень! - невозмутимо сказал Гойтемир.

- Возьми, если сумеешь! - с ненавистью ответил Гарак и скрылся за стенами башен.

Объявив членам рода Эги, что он будет ждать их решения до следующего дня, Гойтемир уехал. И Эги пошли к Гараку.

Старейший из них, глубокий старик Зуккур, занял почетное место в дальнем от дверей углу. Это был мягкий, слабохарактерный человек, с которым считались только благодаря его доброте и старости. За время своего главенства он так распустил членов рода, что многие из них перестали поддерживать друг друга. Когда жизнь шла мирно, это не имело значения. Но когда перед родом возникал грозный призрак кровной вражды с другим тейпом, слабость главы могла оказаться пагубной для всех.

- Гарак, здесь все свои. Можно ли верить тому, что ты объявил на людях? — спросил Зуккур.

Гарак ответил, что говорил он перед Богом и поэтому повторять клятвы не будет. А кто не хочет - может не верить.

- Я ни в чем не виноват, - заключил он.

Одни из родственников стали упрекать Гарака да заодно вспоминали и Турса за то, что они возбудили против Эги соседей и, поссорившись со старшиной, накликали на всех его вражду. Другие вступились за Гарака, считая, что надо было всем поддержать его и Турса, когда они потребовали с Гойтемира родовые земли, а не стоять в стороне.

Говорили все. Говорили долго. Во многих родственниках пришлось Гараку разочароваться. Но в конце концов договорились на том, что как бы разноречивы ни были мнения, а перед гойтемировцами надо держаться твердо, независимо, иначе чужие тейпы перестанут считаться с Эги.

Вызвали Пхарказа и еще одного соседа и попросили их передать гойтемировцам такое решение:

«Эги - мусульмане, а не язычники. Они не считают себя виновными в пожаре, и Гарак, если надо, подтвердит это присягой на Коране с восемнадцатью родовыми братьями».

Чтобы произвести на посредников нужное впечатление, Зуккур добавил:

- Вы-то понимаете, что с нами тягаться - это не с кем-нибудь!

- Мы понимаем! - согласился Пхарказ. - Вы древний род, с большими связями...

- Вот-вот! - обрадованно подхватил Зуккур. - Так и скажите им!

Это, мол, вам не шалтай-болтай! За ними, мол, род Тоньга, род Ужака, род Богтыра встанут! Да мы, знаешь... Да мы, знаешь, что можем сделать?! Нет, вы знаете, что мы можем сделать? - распалился Зуккур, и лицо его вытянулось, взгляд стал страшным.

А когда посредники ушли, он сразу обмяк и, беспомощно посмотрев на своих добрыми старыми глазами, тихо сказал:

- Ну, а что же все-таки мы сделаем, если они будут настаивать на своем?

Гарака взбесила эта слабость.

- Никому из вас ничего не придется делать! Спрашивать будут с меня. Я и отвечу, - резко сказал он. - А если меня убьют, получите свои двенадцать коров и успокойтесь. О чем еще думать...

Вечером Пхарказ вернулся.

- Старшина выслушал нас, — сказал он, — и ответил: «Раз так — никакой присяги мне не надо. Это дело я обязан передать власти, потому что я человек власти и на меня поднимать руку - это все равно, что на царя или даже на самого пристоба!...»

Роду Эги ничего не оставалось, как быть все время начеку и ждать какого-нибудь удара.

Когда стемнело и все разошлись, Пхарказ отозвал Гарака за башню и они сели около стены на согретые солнцем камни.

- Гарак, - прошептал Пхарказ, - огниво, которое нашел Гойтемир, ваше...

Если б в Гарака выстрелили, он не был бы так поражен. Прошло какое-то время, прежде чем он смог вымолвить слово.

- Откуда ты взял?

- Вчера утром, когда Калой уходил с нашим стадом, я подарил ему это огниво... - сказал Пхарказ. - Я знаю на нем каждую царапину!

Наступило долгое молчание.

- Да... у Калоя не было своего огнива. Он разжигал трут обушком ножа... - как во сне говорил Гарак. - Но где он пасет скот, а где пожар?... Расстояние на целую ночь ходьбы... И зачем бы это ему?

- Мальчик большой. В его возрасте не каждый прощает обиду и не всегда может взвесить ответный удар... - прошептал Пхарказ.

- Да кто же его обидел? - удивился Гарак.

- Как, ты не знаешь? - не меньше удивился Пхарказ. — А весной, когда вы хотели запахать у гойтемировцев свою землю, ты вернулся с поля домой, а ведь он там дрался, не давал им сеять! Вот тогда-то и избили они его.

Гарак встал, потоптался, закурил трубку, снова сел.

- Я ничего не знал... Он говорил, что его быки ударили... А мне было не до него... Так что же теперь... Мы погибли... Где я возьму столько зерна?!

- Надо молчать, - ответил Пхарказ. - Со мной все это уйдет туда... - он показал в землю.
- И, может, все еще обойдется...

- Нет, - сказал Гарак. — Такое не обойдется!

Чуть свет Зору вскочила с постели, сказав родителям, что у нее ничего уже не болит, и побежала к своим козам. На поля дружно выходил народ. День обещал быть хорошим, и нельзя было терять времени. Зору обогнала Гарака и Докки, которые тоже шли на работу. Докки несла с собой маленького Орци. Без женских рук в жатву не обойтись.

- Может, сегодня ты посмотришь за нашими овцами, а Калой придет убирать хлеб? - попросил Гарак девочку, когда та поздоровалась с ним.

Зору согласилась и побежала дальше.

Стадо Калоя паслось в ложине, а он сидел на бугре и видел всю долину с хуторами и аулами до самой реки Ассы. Где-то далеко внизу он заметил красное пятно на желтом поле созревших хлебов. Оно быстро двигалось вверх. И по тому, как порывисто двигалось это пятно, а затем замирало, он узнал Зору. Только она имела такое яркое платье и такую привычку ходить: то бегом, то останавливаясь и пережидая, пока успокоится сердце.

Сейчас она была в начале пути и, казалось, доберется сюда не раньше полудня. Но до полудня было далеко, когда из-за ближайшего холма показалось ее красное платье и синий платок. Она остановилась, осмотрелась и, не увидев никого, двинулась дальше.

Калой следил за ней, притаившись за валуном. Вот Зору остановилась совсем рядом.

- Козы целы, - сказал он так, словно продолжал начатый разговор.

Девочка вздрогнула.

- Притаился тут, как барс!.. - смутилась она.

- Разве тот, из которого «сделали курицу», может превратиться в барса?

Зору смотрела на него и о чем-то думала.

Когда-то все начинают думать. Кто раньше, кто позже.

- Устала я, - сказала она, глядя прямо в его глаза, - хотя от Эги-аула до этих гор гораздо ближе, чем отсюда до пашен Гойтемира.

Калою казалось, что на него смотрит кто-то взрослый.

- При чем здесь пашни? До Ассы еще дальше... Хочешь садись, не хочешь - твое дело...

Зору села, натянув на колени платье и обхватив их руками.

- Вчера ночью был пожар, - начала она. - Сгорел ячмень Гойтемира. На том самом поле, на котором...

- Из меня сделали... - хотел закончить Калой, но она опередила его.

- ...на котором вы хотели пахать... Гойтемировы сказали, что это сделал Гарак... Они потребовали, чтоб вы уплатили им за все...

Положив голову на колени, она сбоку взглянула на Калоя, увидела, как он побледнел, и заметила на его ногах несколько глубоких свежих ссадин. Калой молчал.

- Ты где так ободрался? - спросила Зору.

- За твоими козами на скалы лазил...

- И ресницы там подпалил?..

- Костер разжигал...

- А чем же ты костер разжигал? Ведь огниво, что дал тебе мой отец, нашли на гойтемировском пожаре...

Калой вскочил. Встала и Зору. Взгляд Калоя был страшен. Зору попятилась.

- А может быть, это твой отец велел мне... там потерять его?..

Зору молчала.

- А огонь я ножом высекаю! - в руках у Калоя появился огромный складной нож с черенком из рога косули. - Болтаешь? Когда всем аулом лес рубили, что сказал твой отец, помнишь?

- Помню, - тихо ответила Зору.

- Что помнишь?

- Кто выдаст, тому язык отрезать...

- Не забывай!..

Калой повернулся, сунул нож в карман и, вскинув на плечо суконную накидку, направился к пещере.

- Тебя зовет Гарак. Начали жать ячмень...

Калой, ничего не ответив ей, пошел к аулу.

Своих он застал за работой. Они жали ячмень и вязали снопы. Ему Гарак велел класть скирды. Через некоторое время Докки пошла покормить Орци. Гарак с Калоем остались одни.

- Весной Гойтемировы избили тебя? - тихо, чтоб жена не услышала, спросил Гарак сына.

- Да, - так же тихо ответил тот.

- А почему ты скрыл?

- Не хотел, чтоб ты с ними связывался.

Гарак помолчал. Только солома скрипела в его яростных руках, когда он загребал ее в жменю и срезал серпом.

- Гойтемир нашел на своем поле огниво, которое подарил тебе Пхарказ...

Калой выпрямился. Посмотрел на отца. В спокойных глазах подростка была решимость.

- Ты хотел сказать, отец, на нашем поле?

Гарак с удивлением взглянул на него, впервые заметив, как он вырос, как раздались его плечи и силой наливается шея. Каким мужским становится взгляд! Он больше ни о чем не стал его спрашивать. Он понял: теперь Калой уже не совет... А правду ему страшно было услышать.

6

Шли дни. Народ справился с жатвой. Наступило время обмолота.

По косогорам на санях свозили ячмень. Отовсюду доносились выкрики, хлопанье бичей. С утра и до ночи быки топтали тока, обмолачивая зерно.

Летом каждый день - это новые заботы. И люди стали забывать про пожар Гойтемира. Но не мог забыть о нем Гойтемир.

У него в запасе и хлеба и скота на многие годы. Но черное, выгоревшее жнивье стояло перед глазами, снилось. И радость людская корежила его, будто он сам, как поле его, горел в огне этой радости. Никто не пришел к нему с доносом. Никто не узнал огниво. И это бесило старшину больше всего. Но сколько он ни прикидывал - не мог подумать ни на кого, кроме как на Гарака. Все, все доводы вели к его дому.

И вот однажды пришла тревожная весть. От аула к аулу неслась она черным вороном:

- Солдаты!..

Кто мог ждать от них для себя плохого, уходил в скалы, пока не минует опасность.

Узнав об этом, Калой прибежал домой. Гарак был во дворе. Сын рассказал ему новость.

- Пусть себе идут. Мало ли какие у них дела! - откликнулся Гарак.

Но Калой уловил в его голосе скрытое беспокойство.

- Это из-за пожара, - сказал он, - и Гойтемир выдаст им только тебя! Ты должен скрыться, пока они не уйдут!

Но, несмотря на все уговоры Калоя, жены и Пхарказа, Гарак наотрез отказался уйти. Он знал, что если солдаты вызваны из-за него, то, не найдя его дома, пристав обязательно схватит заложником кого-нибудь из рода Эги. Он надеялся, что и власть не дойдет до того, чтобы арестовывать человека без улик.

Так рассуждал Гарак. А помощник пристава рассуждал по-другому. Он велел созвать сход в самом Эги-ауле. И когда люди собрались, объявил:

- Силою данной мне власти я арестую Гарака Эги за поджог поляна земле старшины. Доказательства виновности будут предъявлены ему на суде. Мы рассматриваем этот акт не как личные отношения, а как выступление против закона. Бунт! Он не один! Таких много, и мы будем судить их как бунтарей, всех вместе!

Гойтемир перевел его слова и добавил:

- Я здесь ни при чем. Если бы я не был старшиной, может быть, они и не вмешались бы. Но теперь это дело их. Я никого не звал.

- Но ты же знаешь, что это не я... Я присягал! — крикнул ему Гарак уже со скрученными за спиной руками.

- Это ты скажешь на суде, - ответил, не глядя на него Гойтемир и хотел распустить людей.

Вдруг к помощнику пристава подбежал Калой.

- Начальник! - закричал он. - Я поклянусь богом Аллахом, и пусть поразит меня бог скал Ерда - это не Гарак! Отпусти его! Это не он!

Все замерли в ожидании.

- Что он говорит? - спросил помощник пристава.

Гойтемир перевел.

- Интересно. Пусть тогда он скажет, кто поджег?

- Не болтай глупостей! — закричал на Калоя отец.

Но сын посмотрел на него и ровным голосом начал:

- Отец, я не скажу ни одного слова неправды. - И, обратившись к начальству, продолжал: - Весной мы с отцом хотели вспахать эту землю. Она наша. Гойтемир и его родные прогнали отца. И тогда я решил не позволить им пахать. За это они опозорили меня... Дали пощечину...

А потом... - в это время Калой увидел рядом на башне среди детей Виты и Зору. Зору смотрела на него со страхом. - А потом, - еще громче продолжал Калой, - его сын из меня сделал «курицу», и я попал под быков... Их было десять мужчин. А я - один. Я не мог ничего... я поклялся, я сказал: «Вы не будете есть хлеб с этой земли!» И я это сделал!

А Гарак ничего не знал...

Гойтемир перевел и добавил:

- Научили. Сговорились.

Помощник пристава понимающе покачал головой.

- Скажите, что я ему не верю. Отец не мог не знать, что его избили. И если действительно сын поджег хлеб, то по его же наущению. А это все равно.

- Гойтемир, - снова заговорил Калой, когда тот объяснил людям ответ полицейского, - я не вру. Я клялся. Я не вру. Гарак ничего не знал. Отпустите его и возьмите меня!

Но у помощника пристава и у Гойтемира не было никакого желания слушать его, и они собрались уходить.

Тогда Калой отбежал, поднялся на бугорок и крикнул так, чтобы его слышали все:

- Гойтемир, если его увезут, люди свидетели, я убью тебя!

- Разбойник! Схватить его! — приказал помощник пристава, узнав об угрозе.

Но Калой исчез в каменных лабиринтах башен.

Отряд полицейских ночевал в Эги-ауле. Вечером старик Зуккур и несколько других членов рода Эги пришли к помощнику пристава и Гойтемиру просить отпустить Гарака. Они согласились вернуть Гойтемиру его потери от пожара. Но помощник пристава и слушать не хотел. Он сказал, что это не первое выступление у ингушей против старшин и власть решила положить им конец, строго наказав виновных.

Гарака поместили в отдельную башню вместе со стражниками. Вокруг расставили часовых. Никого к нему не пустили, но еду разрешили принести.

Докки плакала, не зная, что делать. Кричал маленький Орци. А Калой исчез.

Уже поздно вечером жена Пхарказа послала к Гараку Зору с лепешками и сыром. Стража пропустила девочку. Гарак стал ужинать. Стражники не обращали на них внимания.

- За поворотом, где родник, спрыгни в пропасть, — сказала девочка.

- Кто передал? - спросил Гарак.

- Не знаю! - невозмутимо ответила Зору и с детской наивностью стала рассматривать полицейских.

Калой не вернулся домой и ночью.

К утру погода испортилась. И, как это бывает в горах, резко похолодало. Пошел дождь. Отряд выступил поздно. Все ждали: может, распогодится.

Впереди ехал Гойтемир, за ним помощник пристава, потом шли два стражника, Гарак и следом все остальные. При выходе из аула их поджидали женщины. Они снова начали умолять начальника не уводить Гарака, кормильца семьи, отца маленького Орци. Докки со слезами на глазах поднимала сына и показывала его помощнику пристава. Но тот ехал с каменным лицом, не обращая на нее внимания.

- Перед кем унижаешься! - крикнул жене Гарак. — Если скажешь еще хоть слово, ты мне не жена!..

Докки умолкла и пошла с ним рядом.

- К Калою относись хорошо. Он сделал то, чего я не посмел... - успел сказать Гарак перед тем, как стражники отогнали от него провожавших.

Извиваясь на узкой тропе длинной темной лентой, отряд ушел.

Печальные возвращались женщины в аул. Они плакали вместе с Докки. Вспомнив слова Гарака, Докки встревожилась: «Куда же делся Калой? Даже проститься с отцом не пришел! Стыдно стало? Или испугался? Конечно. Он ведь еще ребенок!.. - И она крепче прижала к груди Орци. - Когда ты увидишь теперь отца?..»

Отряд двигался медленно. Там, где почва была каменистая, идти было нетрудно. Но во впадинах лошади погружались по колено в раскисшую землю, а пешие едва передвигали ноги. Гарак задерживал всех. Связанные руки сковывали движение, и он то и дело падал. Стражникам приходилось поднимать его. Узнав об этом, помощник пристава велел развязать ему руки. Куда он здесь денется, окруженный двумя десятками вооруженных людей! Гарак растер затекшие кисти, снял расплзшиеся чевяки и, засучив штаны до колен, сразу пошел легко и быстро. Дождь не утихал и во второй половине дня. Привала в пути решили не делать, хотя тяжело одетая стража изрядно вымоталась в непривычном походе. Начальство хотело засветло добраться до Джараха.

Нехорошо было на душе у Гойтемира, хотя, казалось, какая к тому причина? Гарак арестован. После признания Калоя Эги все равно заплатят ему за сожженный ячмень, это уже по обычаю. Да и совесть спокойна - человека забрали не зря! А то ведь Гарак в глазах людей почти очистился от обвинения, клялся на народе! И все-таки на душе беспокойно. Верни он тогда Турсу хоть часть их родовой земли - народ посчитал бы его благодетелем, а Эги стали бы друзьями. А теперь... Если Гарак умрет в тюрьме, на

него, на Гойтемира, ляжет вина. С него взыщут. От обычаев ни чин, ни богатство, ни время не спасут. Побоятся его, так отомстят сыну... От этих мыслей старик содрогнулся.

Тропа пошла круто вверх по каменистым ступеням, вплотную к высокой стене. Дальше над пропастью ее сменили плетни, повисшие на вбитых в стену кольях, потом она снова побежала ровным, узеньким карнизом. Но страшной тропа была только для полицейских. Ни Гой-темир, ни Гарак не думали о ней. И тут Гарак вспомнил о том, что сказала ему Зору: «За поворотом, где родник...» Поворот был в нескольких шагах, а за ним и родник. «Прыгнуть можно, - подумал Гарак. - Там стена чуть-чуть пологая, а саженой через пять каменная осыпь, по которой легко забежать назад, под карниз, спуститься к реке и на ту сторону, в лес... Но сзади идущий пристрелит, да и передние обернутся, возьмут на мушку... - Он усмехнулся. - Хорош совет! Кто его придумал? А что, если прикрыться одним из них?.. - От этой мысли у него сильно заколотилось сердце. - Зря я дался им в руки... это все Гойте-мир... Убрал нас двоих... Если сейчас не уйду, - значит, никогда... Умру в Сибири... Погибнут дети... А после родника дорога вниз и места просторные, открытые...» Но Гарак ничего еще не решил, а поворот вот он, уже на него завернули и Гойтемир, и начальник, и солдаты... Гара-ка стало лихорадить.

Помощник пристава собрал все свое мужество, чтоб не глядеть вниз, а глаза сами косили в бездну, на дне которой белела река. Тогда он уставился в спину Гойтемира.

- Спаси меня, богородица, и помилуй, - шептал он. И в это время он с ужасом увидел, как огромный камень обрушился на круп гойтемировской лошади. Конь осел и стремительно прыгнул вперед. Гойтемир чудом удержался в седле. Лавина камней поменьше обрушилась на коня и на самого помощника пристава. Он уцепился за луку и, что есть силы, дал шенкеля. От удара в голову на мгновение потемнело в глазах. Когда он открыл их, конь нес его галопом за старшиной.

Гарак схватил за пояс ошеломленного стражника, который шагал за ним, и, прикрываясь его телом, ринулся вниз. Раздался ужасный вопль. Второй стражник подбежал к краю тропы... Гарак по осыпи уходил под карнизы, увлекая за собой полицейского. Стражник вскинул берданку... Но камень с горы разможил ему голову, и он рухнул в пропасть. Еще некоторое время камни летели на тропу, и никто из отрезанных за поворотом не мог рискнуть высунуть голову. Все кончилось так же внезапно, как и началось. Опять в ущелье наступила тишина, нарушаемая только далеким шуумом бежавшей по дну Амар-хи. Стражники с величайшей осторожностью приблизились к месту падения Гарак. К ним возвращался спешившийся Гойтемир. Помощник пристава сидел в стороне и, ничего не соображая, держался за раненую голову. Гойтемир велел всем перебираться через завал. Долго в ущелье стражники звали своих товарищей. Долго прислушивались они, но бездна молчала.

Наконец отряд двинулся к Джараху, чтобы выслать горцев на поиски пострадавших.

Гойтемир вел в поводу искалеченную лошадь и непрерывно благодарил Аллаха за спасение. Он один знал, что обвал не был случайностью. Он впервые почувствовал, как смерть пролетела над ним. На него пахнуло могильным холодом. Он ясно представил себе, как, если бы камень попал ему в голову, завтра горцы подняли со дна ущелья или поймали в реке его бездыханное тело и повезли б на оглоблях между двух коней в далекий дом, как с плачем встретили б его жена и сын и запел бы молитвы Хасан-

мулла. А потом родные стали бы жадно делить его богатство... И ему стало страшно, захотелось жить, жить во что бы то ни стало и пользоваться всем, что он накопил, - любовью детей, лаской молодой жены... и деньгами.

«Я перестал считаться с Эги, - думал он, - да, они слабы и плохо организованы. У них нет вожака. Но это сегодня. Люди рождаются, живут и умирают. И никто не знает сегодня, кто вырастет из младенца, который родится завтра!» И перед Гойтемиром встало лицо Калоя, каким оно было, когда, окровавленный в драке, измятый ногами быков, он поднялся, как стебель из-под копыт, выпрямился и, глядя всем в глаза, сказал: «Этого хлеба вы есть не будете!..» Он увидел его, каким оно было вчера, когда мальчишка заявил перед сходом и начальством: «Я убью тебя, Гойтемир...» Он вспомнил и то, что сегодня, когда уводили отца, Калоя не было. Он, Гойтемир, подумал, что мальчик испугался своей угрозы и стражников. Но теперь было ясно - Калой стоял на скале и ждал, чтобы столкнуть камень на его голову... «Да, конечно, он был там не один. Не все Эги тихони. Но он там был...» в этом Гойтемир теперь не сомневался. И он решил: «Хватит. Надо быть осторожнее и не считать, что люди слабы... Надо подумать и о Чаборзе. Ему с ними жить...»

Когда отряд скрылся из виду, с горы, с которой падали камни, почти по отвесной стене съехал на пятках Калой, а следом за ним Иналук. Не задерживайся, они ринулись вниз по следу Гарака.

Под карнизом лежал стражник, которого схватил Гарак.

Он был мертв. Братья обшарили его, забрали сумку с патронами. На дне ущелья подобрали обе винтовки. Но второго стражника не было. Он, видимо, упал прямо в реку. Они побежали по берегу вверх. Перешли вброд на другую сторону. В кустах стояла их лошадь. Значит, Виты и Гарак ушли на других. Калой с Иналуком сели вдвоем на коня и скрылись в сосновых зарослях.

Дело было сделано. Узник получил свободу. Но чего она стоила ему - еще никто не знал. Ночью юноши добрались до дома Иналука и уложили Гарака, который едва держался на ногах. Падая с тропы с человеком на спине, он ударился - ушибы и ссадины были на всем его теле, однако удар о каменный выступ пришелся в грудь. К утру ему стало хуже. Из горла пошла кровь. Калой решил, что отец погиб.

Но мать Иналука выпросила у женщин, что делать, достала траву и начала его лечить.

В ауле никто не знал, где Гарак. Когда разнесся слух о том, что отряд попал под обвал и многие погибли, что даже Гойтемир едва остался жив, люди решили: видно, Гарака снесло с тропы и он, боясь нового ареста, скрылся у знакомых.

Докки не находила себе места. Она не верила слухам и считала мужа погибшим. «Если б он был жив, - думала она, - он хоть раз пришел бы к нам...» Калой отмалчивался.

Наконец она решила идти к Гойтемиру и узнать, куда он дел ее мужа. Раз Эги перестали интересоваться судьбой своего брата, это сделает она.

Поздно вечером, во время ужина, впервые в жизни у нее с Калоем произошел тяжелый разговор.

- Скажи, ты действительно сжег поле или хотел, чтобы отца не забрали?

- Сжег, - ответил он.

- Значит, он погиб из-за тебя...

- Нет. Когда его схватили, никто не знал, что это сделал я... И зачем думать, что он погиб? Люди же говорят, что он жив.

- А что еще должны говорить люди? - вспыхнула Докки. - У людей сыновья в таком возрасте, как ты, считаются взрослыми, а ты... Надо было ходить по скалам, расспрашивать людей, искать его... Ведь это же человек! Он бы тебя так не оставил! Где его кости, где могила? А тебе все нипочем! - Она зарыдала. - Завтра я пойду, раз вы, Эги, не мужчины!

Калой отодвинул еду, встал.

- Докки, - сказал он ей. - Не расстраивайся. Эги — мужчины. Были и будут ими. Я не вернусь, пока не найду его! - И он направился к выходу.

- Куда ты?! Не обижайся! Мне больно. Я устала одна... — закричала ему вслед Докки, но он, ничего не ответив, исчез в темноте.

Ночью, когда Докки лежала с открытыми глазами и, глядя на тоненький огонек малого светильника, кляла себя за разговор с сыном и вспомнила, как муж просил не обижать его, скрипнули петли... В дверь проскользнул Калой. Он оглядел комнату, словно попал не в свой дом, и, снова приоткрыв дверь, впустил незнакомого мужчину. Докки в удивлении привстала. И... под космами чужой папахи увидела родные улыбающиеся глаза.

- Живой! - вырвалось у нее.

- Мертвые не приходят, - тихо ответил Гарак.

С того дня жизнь в их доме пошла по-прежнему. Гарак не скрывался от односельчан, но всегда помнил, что его могут снова схватить, и был начеку. А Гойтемир словно забыл о нем. Он не требовал своего долга. Молчал. И сколько ни выводывали Иналук, Калой и Виты, они ни разу не услышали, чтоб кто-нибудь подозревал их в нападении на помощника пристава и Гойтемира. Народ считал избавление Гарак от тюрьмы делом Всевышнего, счастливой случайностью, знамением того, что боги не терпят несправедливости.

Все было бы хорошо, если б не пошатнувшееся здоровье Гарак. Он не мог, как прежде, рубить лес, косить целыми днями, ходить в гору. Ему приходилось часто отдыхать. И все больше Калой принимал на себя его труд по дому. Гарак видел это и относился к сыну как к взрослому.

Однажды Докки рассказала мужу о том, как упрекала Калоя за то, что тот не разыскивал отца.

И он сказал:

- Я не стану рассказывать тебе, что было. Но ты должна запомнить: он хоть и молод, сердце в нем богатырское. Он спас меня... Он все может...

7

Калой не знал отдыха. То он с рассвета дотемна косил, то волоком на быке возил дрова, то что-нибудь мастерил по дому. Его детство осталось где-то позади. И только раз он не выдержал и позволил себе вернуться к старым забавам.

Это было в первые дни зимы. Как ни готовились к ней люди, но, когда однажды утром они увидели все вокруг белым, им показалось, что зима застала их врасплох. На крышах появились девушки и женщины с деревянными лопатами. С башен полетели вниз огромные комья снега. Люди торопились убрать его прежде, чем пригреет солнце и вода пропитает земляные крыши. Но на этот раз снега можно было не бояться. Зима пришла основательно, с морозом. Калой помог Докки на крыше и пошел за сеном в загон. В это время с соседней башни Пхар-каза на него обрушилась целая глыба снега. Снег забился ему за пазуху, залепил глаза и уши.

- Ах, чтоб тебя!.. - хотел он выругаться, но, посмотрев вверх, увидел Зору. Она хохотала, и лопата едва не вываливалась из ее рук. Отряхнувшись, Калой позвал ее кататься на салазках[14].

Зору перестала смеяться, оглянулась и, перегнувшись через каменный барьер, негромко сказала:

- Я хотела. Но мне не разрешили, говорят, что я уже большая... -Она улыбнулась. - Теперь я буду только смотреть на вас...

Покончив с домашними делами, Калой схватил свои салазки и побежал за околицу. Здесь уже шумели мальчишки и девчонки всего аула. Были дети и из соседних хуторов. Все они непрерывной цепочкой двигались вкруговую. Одни с визгом неслись по пологой горе вниз и резко тормозили в конце дорожки, у края глубокого рва, на дне которого курился черный ручей, другие, закинув поручни салазок за плечи, торопились обратно, вверх.

Ни с чем не могло сравниться это удовольствие. Нигде не бывало так весело. Порой один саночник нагонял другого, они сшибались, летели в сугроб, следующие налетали на них, кто нечаянно, а кто нарочно, и начиналась такая кутерьма, в которой ничего нельзя было разобрать. Поднимутся мальчишки, а из снега вылезает еще чья-то рука или нога. И тогда все с криком кидаются к ней и вытягивают наружу какого-нибудь очумевшего паренька.

Сухощавый, легкий, смелый, Калой на снеговой дорожке не знал себе равных. Он несся вниз так, что снежная пыль завихрялась за ним. Иногда он наклонялся то в одну, то в другую сторону, и из-под его полозьев били снежные струи. Многие пытались повторить это, но тут же кубарем летели в сторону. А взрослые с интересом следили за ними с крыш, завидовали и сожалели о своем минувшем детстве.

С тоской смотрела Зору на своих друзей. Как хотелось ей покататься с ними! Ведь с прошлой зимы с ней не случилось ничего. Так почему же мать сказала, что она большая для этих игр? Почему отныне она вместе со взрослыми будет только смотреть на других?..

Вот среди ребят появился мальчик в оранжевой шубке. Ни у кого никогда не бывало такой. Он привлек к себе внимание всех. Зору, которая до этого следила за Калоем, теперь потеряла его из виду и не могла оторвать глаз от этой шубки. Она, как язычок пламени, слетала по белому снегу и вновь поднималась в гору.

- Гойтемировские ребята пришли, - услышала Зору позади себя разговор взрослых.

- Этот, в дубленой городской шубейке, - сын старшины, Чаборз.

Если взрослые не ладят, так хорошо, что хоть ребята играют вместе!

А на горке что-то произошло. Никто больше не съезжал вниз. Все собрались наверху, у начала дорожки. Только небольшая кучка ребят осталась стоять внизу, у самого ручья.

- Некому их разогнать, собак! - выругался Пхарказ. - Опять кто-то решил попробовать силы! Эта сказка была еще и в наше время, будто кто-то когда-то так разогнался, что перелетел через ручей! И вот дурачки каждую зиму бьют себе лбы. А когда-нибудь и шею свернут. В старину, может быть, и прыгали. Но и ров-то, должно быть, был уже...

Пхарказ оборвал свои рассуждения. Первый смельчак ринулся вперед. На горе дети, в ауле взрослые затаили дыхание... Вот уже он внизу, кончилась горка, и он мчится прямо к оврагу... еще миг — и... «смельчак» не выдерживает и резко уходит в сторону. За первым пускается второй, третий... все это взрослые ребята, почти юноши. Даже Виты, не в силах превозмочь страха, отворачивает салазки от оврага. Всех постигает неудача. Ни у кого не хватает ни смелости, ни силы.

Момент ожидания чего-то небывалого прошел. Теперь все были уверены, что никто не повторит подвига «неизвестного героя». Да и был ли он когда-нибудь? Но вот снова люди замерли. Оранжевая шубка рванулась вниз. Чаборз.

Будет ли у него удача?..

Нет. И он, правда, ближе других, подлетел к ручью, но в последний миг спасовал, свернул, да так резко, что покатился кубарем.

На дорожку встал еще один. Он отстегнул и отдал кому-то из ребят пояс с кинжалом.

- Калой! - воскликнула Зору. И, чтоб скрыть волнение, засмеялась. - Сын старшины не смог, а куда ему!

- А куда старшине до его отца! - разозлился Пхарказ. - Его отец,

Турс, не отдыхая, через десять хребтов убитого тура на себе приносил!

Рядом с Пхарказом стоял незаметно подошедший сзади Гарак.

Калой бросил короткий взгляд в сторону аула. Зору поняла, что он думал о ней. Калой нахлобучил шапку и, что-то сказав ребятам, отчего те дружно захохотали, понесся вниз... Он смотрел только на ту сторону ручья... Вот он вытянулся вперед и, словно на крыльях, взмыл над оврагом, повис над ним в воздухе и в следующее мгновение свалился — на той стороне!..

Отцы и деды испытывали на этом месте свое мужество. И все терпели неудачу. Никто не ожидал этого. И только один человек был уверен, что Калой не свернет, - это был Гарак...

- Он все может, - прошептал он.

Пхарказ оглянулся.

- Нет, ты помнишь, как мы заваливались?... Это настоящий второй Калой-Кант! Не зря Доули родила его под Калоевским камнем, а отец дал ему это имя!

А в это время ребята с воплями, подбрасывая вверх папахи и салазки, ватагой неслись к победителю. Он перебрался на эту сторону ручья и, кажется, сам с удивлением смотрел на то место, куда только что перенесло его мужество.

Все ликовало вокруг героя. Малыши старались дотронуться до его салазок.

Чаборз не мог этого перенести. Он один поднялся вверх. Но его красивая шуба уже никого не интересовала. Калой совершил небывалое. Тогда с горы раздался свист. Ребята оглянулись. Чаборз махал рукой, просил расступиться. Все поняли, что он собирается сделать новую попытку.

И он понесся к ним. Вот он увидел овраг... и все почувствовали: ни перелететь, ни остановиться он уже не может. С искаженным лицом он рухнул по глинистой, почти отвесной стене в ручей. Следившие за играми из аула ужаснулись.

А от ручья донесся неудержимый хохот.

Грязный, вымокший Чаборз наконец вылез на дорогу и под свист и вопли ребят, не оглядываясь, трусцой припустил домой.

Подбежав к повороту, он снова услышал торжествующий крик ребят и оглянулся. Калой опять поднимался на том берегу ручья...

Чаборз ушел...

Какой-то малыш, быть может, в эту зиму впервые в жизни пришедший сюда, до того увлекся игрой, что не выдержал и, так как у него не было еще салазок, спустил штаны, чтобы не подрать их, и съехал вниз на «собственных салазках». Это вызвало общий восторг. Калой подошел к малышу, похлопал его как старший и подарил ему свои знаменитые теперь салазки.

- Держи! Насовсем! - сказал он. - Я отъездил, теперь твоя очередь.

Подпоясавшись, он пошел в аул, сложив руки на кинжале. Когда он проходил мимо башни Пхарказа, Зору сверху улыбнулась ему.

- А мы видели все! - крикнула она.

- А как красный петух стал мокрой курицей, видели? - спросил он.

Зору нахмурилась, отпрянула от каменного барьера. Она поняла, что Калой не мог забыть обиду.

Весною Калой и Виты впервые сеяли и пахали сами. Сначала поле одного, потом другого. Гарак болел. Временами ему становилось лучше, и тогда он брался за хозяйство. Но потом снова недуг одолевал его, и он оставлял все на Калоя.

С Гойтемировыми не было никаких столкновений. Старшина словно забыл обо всем, не трогал Гарака. Он был увлечен мыслью переехать в Назрань и расширить свою лавку, которой ведали его старшие сыновья. Там была проложена первая железная дорога. Она не только Гойтемиру не давала покоя. Многие ингуши уже научились извлекать из нее прибыль: привозить российские товары подешевле и продавать их своим братьям-горцам подороже. Вот отчего не знал покоя и старый Гойтемир, хоть он и был рожден еще в ту годину, когда генерал Эрма-ло* только закладывал крепость возле этой Назрани.

В эту осень Калой косил один. Молод был он для этой работы. Но силы его прибывали с каждым днем. А у отца они таяли. Гарак старался хоть как-нибудь помогать сыну: точил косы, давал добрые советы и видел: как ни тяжела работа, Калой справляется с ней. Отцу было и радостно, и жаль сына, и грустно за самого себя.

8

За годом проходил год. Уже давно начал бегать и лепетать маленький Орци. Приглядывал теперь за ним совсем ослабевший Гарак. Порой, когда кашель одолевал его, он напоминал Калоя джараховского писаря. И зная, чем кончилась болезнь того, Калой содрогался и гнал от себя страшные мысли. Он и Виты повзрослели. Губы ребят покрыл первый юношеский пушок. Они не раз ездили вместе во Владикавказ продавать овец. Здесь Калоя очень помогали русские слова, которым он выучился в школе. Иной раз ему приходилось быть даже толмачом. Калой любил эти поездки. В городе все было интересно. Там были телеги с крышами, и их по железным полосам волокли лошади. Они возили людей из конца в конец города. Были там и другие тележки - на железной оси и на железных дугах для мягкости. Вечером по бокам этих тележек в стеклянных коробочках зажигались свечи. Такие арбы назывались «файтонами». В них, громяхая по булыжным дорогам города, ездили важные люди и пристопы - так Калой называл всех офицеров.

Однажды Калой купил на базаре стекло для окна в башне, лампу и жидкое масло к ней - фотоген...

Когда он вернулся домой и вместо мутного пузыря вставил прозрачное стекло в раму, впервые за многие века на пол башни лег светлый блик солнца. Гарак склонился над ним с постели и смотрел, смотрел... На блик не наступали. Боялись испачкать свою радость, свое солнце. А ночью, когда Калой зажег лампу, собрались соседи. Ее свет

проникал во все уголки комнаты, освещал застывшие улыбки, удивленные глаза. Этот чистый огонек не двигался, как и люди, не гас...

- Когда наш старшина был таким, как ты, мальчик, ему даже не снилось подобное! - проговорил Гарак, отвечая на какие-то свои мысли. - Хотел бы я видеть, что будет у нас в доме, когда вы доживете до наших лет!

Вскоре Эги-аул взволновала небывалая весть: Виты остался жить в городе. Он поступил к хозяину, у которого было несколько кузниц. Тот обещал выучить его этой удивительной работе, да еще и кормить за то, что он будет помогать мастерам. Многие позавидовали ему, но у Виты дома была только мать. А тем, у которых на плечах были семьи, никуда уже не уйти.

Изредка по отцовским делам или проездом в Эги-аул наведывался Чаборз. Одет он бывал на зависть другим. То он красовался в белой, как снег, папахе, то в новеньких сафьяновых ноговицах, когда у всех они были из домотканого сукна, то надевал дорогой отцовский пояс с кинжалом. Но самым завидным сокровищем его был конь. Собственный верховой конь! Это был великолепный светло-гнедой мерин кабардинской породы, только немного огрузневший от обилия кормов.

Окно Зору выходило на главную дорогу аула. И она видела сына старшины почти в каждый его приезд. Он не нравился ей, не нравились его широко расставленные глаза. Но зато конь, дорогая сбруя, богатая одежда имели такой праздничный вид, что ими нельзя было не любоваться. И она вспоминала его мать. Ей не раз случалось встречать ее на свадьбах, на похоронах. Она вспомнила ее дорогие платья, шелестящие персидские платки, где следует - черный, где можно - светлый. А один раз на ней был красный платок. До того яркий и блестящий, что Зору запомнила его навсегда! А какие у нее были чистые руки! Разве глиной или золой отмоешь так? Нет. Это можно было сделать только мылом, которого Зору еще ни разу не держала в руках. Мысли эти заставляли девочку бросать маленькую гармонь - подарок бабушки - и додго-дол-го глядеть в окно, в ту сторону, где жила эта счастливая женщина.

А Калой, заметив Чаборза, уходил. Он не мог скрыть от других своей зависти, а прослыть жалким не хотел.

Однажды Гарак как бы невзначай спросил его: что бы он пожелал иметь из того, что есть у Чаборза? И Калой, не задумываясь, ответил: коня.

Через несколько дней, когда Калой вернулся из леса, он замер от изумления. Во дворе за изгородью стоял и смотрел на него огромными глазами тонконогий высокий жеребенок. Черный, как сажа, с единственной белой полоской от звездочки по горбатуму носу, он настороженно направил в сторону Калоя острые уши и угрожающе засопел.

- Ну, как думаешь, выйдет толк? - услышал Калой голос Гарака, который стоял в дверях и держался за косяк.

- Я такого никогда не видел! - воскликнул Калой. - Эго же не же ребенок, а... а... девушка!

Гарак вздохнул раз, другой, хватая ртом воздух, и наконец засмеялся:

- Но ведь не каждая девушка красива! Иную и от буйволеньки не отличишь! Да... если будешь ухаживать, знаменитый конь выйдет!

- А чей это? - спросил Калой.

- Нравится? Значит, твой, — ответил Гарак. — Ее отец подарил, — он показал на Докки.

- Правда, и мы не остались в долгу. Я велел отдать им нашу рябую корову...

Калой понял, что это не подарок отца Докки, а забота Гарака.

От счастья он ничего не мог сказать, даже забыл поблагодарить. Но родители все понимали. Он кинулся в загон к новому другу. Тот ловко повернулся, и Калой тотчас получил крепкий удар в ногу.

- Шайтан! - выругался он, потирая ушибленное место, - Хорошо не в колено!

Гарак и Докки смеялись.

- Характер! На тебя похож! - сказала Докки. - Вы поладите!

Гарак закашлялся и, махнув рукой, ушел к себе.

С этого дня Калою прибавилась новая забота. Но какая радостная забота!

Сколько раз прежде присутствовал он на состязаниях юношей, где они мерялись силой, мужеством и ловкостью, после чего победители получали право называться мужчинами! Сколько раз он втайне горевал о том, что у него нет лошади и, значит, ему не придется принимать участия в борьбе со своими сверстниками, когда придет время! И вот теперь все его огорчения позади. У него будет конь.

Он назвал своего друга Быстрым и расставался с ним только на ночь. Калой мог не есть, не пить, но конек его никогда не испытывал недостатка ни в чем. Скоро он привык к Калою и всюду ходил за ним, а когда, случалось, терял из виду, начинал ржать и метаться.

Калой мог делать с ним все, что хотел. Он вспоминал рассказы про богатырей и их богатырских коней и каждый день что-нибудь проделывал с Быстрым, чтобы тот у него тоже стал необыкновенным. Он бегал с ним вдогонки, поднимал его в стойку, брал себе на плечи, учил ложиться, узнавать свой голос, не давая покоя ни себе, ни жеребенку.

Время шло, они росли, росла и их дружба. Быстрый научился вслед за Калоем взбегать на скалу Сеска-Солсы. Это было не очень просто. Несколько раз он чуть не разбился, срываясь с камней. Но для этих двоих не было ничего непреодолимого. Калой мог взбежать, не останавливаясь, до самого дерева Турса, и Быстрый не отставал от него ни на шаг. Он приобрел на камнях устойчивость тура и ловкость серны.

Радость наполнила трудную жизнь Калоя. Засыпая, он теперь всегда мечтал о том, как через два-три года будет участвовать со своим Быстрым на празднике юношей. Как поразит всех мужчин и заставит любоваться девушек...

Только болезнь отца омрачала эту радость.

По совету людей Калой приносил Гараку настои каких-то трав, доставал барсучье сало, купил ладанку у Хасан-муллы. Хотел пойти за туром или серной. Но отец не разрешил.

- Рано. Сейчас у них малыши, - сказал он. - А без родителей малышам трудно... - И он надолго задумался, глядя на Орци, который что-то мастерил у очага.

Ком подступал к горлу Калоя... Но он никогда не забывал слов, сказанных ему Гараком: «Мужчина не должен показывать свою слабость...» Он научился не показывать ее...

9

Осенью всегда у горцев много праздников. Кончаются полевые работы, заготовки на зиму, и людям хочется сообща отдохнуть, погулять, а заодно воздать богам, чтобы они и впредь были милостивы к ним.

Как ни сопротивлялись муллы, проповедники и служители Аллаха, старые обычаи и обряды все еще держались в народе. Одним из них был праздник женщин. Старики рассказывали, что в давние времена его праздновали по три и даже по семь дней подряд. Но постепенно он потерял свою силу, и ко времени Калоя его уже праздновали даже не каждый год. Забыли, в честь чего он возник, забыли многие обряды, но знали одно: праздник этот только для женщин. Мужчины считали его бабской глупостью, однако открыто противоречить побаивались, потому что, если становилось известным, что кто-нибудь из них не хочет пустить на праздник жену или дочь, против него ополчались все соседки. Его стыдили, к нему приставали до тех пор, пока он не отступал.

И в эту осень неизвестно кем это было сказано, но только 'во всей округе знали, что на равнине, за перевалом Трех Обелисков, будет праздник женщин.

В назначенный день чуть свет со всех хуторов и аулов девушки, женщины и даже старухи с узелками в руках потянулись к перевалу. Многие вели в поводу заседланных коней. А были и такие, которые ехали верхом. Мужчины провожали их шутками, отпускали соленые словечки. Но в этот день и женщины не оставались в долгу. Они были уже в воинственном настроении.

Дорога до вершины перевала проходила по лесу. Под лучами солнца деревья блестели листвой, а кустарники - яркой ягодой.

Зору шла с девушками Эги-аула.

Ее впервые отпустили на этот праздник, и ей не терпелось скорее дойти до места и увидеть все, о чем с детства приходилось столько слышать. Красота осенней природы усиливала радость, создавала праздничное настроение.

К полудню женщины собрались. Только изредка кто-нибудь еще подходил из далеких аулов.

На обширной поляне, покрытой небольшими рощицами, они расположились в тени

ветвистых деревьев. Отсюда хорошо были видны горы, дальние тропки, аулы. Неподалеку из-под камня струился чистый холодный родник. Единственным творением человеческих рук здесь были три старинных каменных обелиска.

В ожидании начала праздника женщины поглядывали на жену старшины. Но, видимо, она не собиралась брать на себя главные обязанности и скромно сидела в кругу своих односельчанок. Она была в своем, единственном во всех горах, огненно-красном шелковом платке. Девочки-подростки толпились около нее и, к ее удовольствию, не скрывали своего восторга. А Наси действительно была хороша. Зору не могла отвести от нее глаз. Чего бы она не сделала ради такого платка!

Наконец поднялась одна из старух и крикнула:

- Слушайте, сестры! Пришел наш день! Мы здесь сегодня хозяйева.

Мы будем жить этот день, как хотим, как жили прабабушки таких, как я, и их прабабушки! Тогда у них все дни были такие, а у мужчин - один! И был у тех женщин царь — женщина. И у нас должен быть царь!

Нам кажется, лучшим царем из нас будет Эйза!

- Эйза - царь!

- Эйза - царь!

- Эйза - царь! - трижды прокричал хор девушек, подготовленный старухой.

- И мы хотим Эйзу! - закричали все остальные.

Эйза встала. Поднимаясь, она уже чувствовала себя владыкой дня и этих людей. Лицо у нее было немолодое, на редкость белое. Густые вздернутые брови кончались крутым изломом. Из-под них смотрели черные властные глаза. Это была женщина из хутора Девичьего. Почти все знали ее. Но как только ее объявили царем, она стала непохожа на себя. Женщины сразу почувствовали ее власть над собой. Словно и в самом деле это была уже не Эйза-соседка, а настоящий царь.

Она молча, без тени улыбки оглядела всех с полным сознанием своего величия и достоинства.

- Ты!.. Ты!.. Ты!.. Ты!.. - сказала она, твердо указав пальцем на четырех девушек. - Приблизьтесь ко мне!

Те покорно подошли.

- Будете все время стоять за моей спиной и исполнять мою волю!

В число выбранных попала и Зору. Все четыре были чернобровые, красивые. Они даже чем-то напоминали саму Эйзу.

Потом Эйза отошла к трем обелискам и стала перед средним из них. По бокам встали девушки. Эйза сорвала с себя платок и взмахнула им. На грудь ее упали две серебряно-

черные косы.

- Все, что было - того не было! Чего не было - все будет! — торжественно произнесла она.

Женщины смотрели на нее, как зачарованные, и не узнавали ни себя, ни ее. Губы их невольно повторяли за ней: «Чего не было - все будет!..» Им так хотелось поверить в это...

- Поставьте на землю плоды земли, которые вы добыли и принесли сюда! — приказала царь.

От ее ног и дальше на платках, на шаях, на шерстяных накидках женщины расставили принесенные яства, кувшины с аракой, пивом, брагой, деревянные рюмки и чаши и наполнили их.

- Садитесь!

Женщины сели. Старшие - ближе к ней, младшие — в дальнем конце. Они не сводили с нее восторженных глаз. А Эйза и четыре девушки продолжали стоять. Вот она подняла рог:

Забудьте, что вы женщины!

Мы здесь свободный народ.

И память о женском долге

Пусть с первым глотком умрет!

Эйза выпила из рога и посмотрела, все ли повинуются ей.

Второй глоток мы выпьем

За бывших наших мужчин.

И пусть отныне не встанет

Над нами из них ни один!

И снова женщины отпили по глотку.

С третьим глотком, сестрицы,

Жить начинаем мы.

Над женской страной — солнце!

И нет ни печали, ни тьмы!

- До дна! - крикнула Эйза и, осушив свой рог, отбросила его.

Женщины последовали ее приказу. Началось пиршество. Со всех сторон раздавались шутки, смех, веселый разговор.

Теперь уже все знали, что Эйзу выучила этим словам ее бабка. И она не раз проводила праздники.

Эйза сидела на куче одежды, которую девушки подложили под нее, и возвышалась над всеми. Она так и оставалась без платка, и это подчеркивало ее необыкновенность. На ней было черное платье до пят, на плечах под косами золотистый платок.

- Не вижу моих воинов! - воскликнула царь.

- К лошадям!

Девушки и молодые женщины с шумом кинулись за ближайший холм. Через некоторое время оттуда выехал отряд из тридцати «юношей» в боевых доспехах.

По приказу царя Зору тоже облачилась во все мужское. И, сев на коня Эйзы, встала за ней, готовая выполнять ее приказания. Эйза показала ей, где должна выстроиться «дружина», и велела собрать к себе гармонисток.

Под музыку началась джигитовка. «Юноши» показывали свое умение владеть конем.

Потом были скачки, и победителей награждали призами. Кому бокал пива, кому блин, кто получал кусок халвы. Последней игрой царь объявила большие скачки.

Отъехав за версту, конники должны были после третьего взмаха платком поймать Зору.

- Ты не упадешь? — тихо спросила Эйза.

Зору только улыбнулась. Игра разгорячила девушку, увлекла ее. Щеки ее пылали, глаза восторженно светились. Это был самый интересный день в ее жизни!

Наконец всадники удалились к указанному месту. И вот от них отделился конь Эйзы и помчался в сторону женщин. Еще миг - и за ним поднялось облако пыли. Комья земли полетели в небо. Погоня началась. Но где же Зору?.. Только по белым рукавам ее рубашки можно было догадаться, что она скачет, прильнув к гриве лошади. Несколько всадников стали настигать ее. Но она отвернула коня в сторону, и тот под страшный вопль сидевших на траве женщин перескочил через них. Погоня пронеслась мимо.

Победительницей стала Зору.

- Кто она? - спросила Наси соседку, когда шум и общее ликование немного поулеглись.

- Дочь Пхарказа из Эги-аула, — ответила та.

- Того Пхарказа, который похож на помощника пристапа? - переспросила Наси. И удивилась: - У такого отца и такая дочь! А ее стоит иметь в виду. У меня жених растет...

Слова жены Гойтемира тотчас же дошли до Зору. Девочка вспыхнула, покраснела. Она не думала ни о замужестве, ни о женихе. Но одно то, что о ней как о девушке, как о невесте могла заговорить сама Наси и даже допустить мысль, что она может войти в ее дом, было для бедной Зору счастьем.

Начался хоровод. Обняв друг друга за плечи, женщины пошли по кругу. Эйза шла вместе со всеми. Хмель разрумянил их, зажег. Двигались женщины то в одну, то в другую сторону.

Песня постепенно убыстрялась.

Уймите, боги воду и огонь!

Пошлите солнце нам и месяц.

И когда хоровод обошел полный круг, Эйза вновь пригласила всех к трапезе.

- Женщины, к нам в гости фур-фуры[15] пришли! - крикнула она, указывая на своих подруг, переодетых в мужчин, и запела:

К нам в гости фур-фуры пришли.

На горы спускается ночь...

Пусть каждой она принесет

Не сына, а славную дочь!..

- Гостей в объятия! - И царь, показывая пример, сама словно юношу, обняла и посадила рядом с собой Зору.

Женщины и «мужчины» перемешались. Музыка и песни звучали в разных местах. Фур-фуры переходили из одной компании в другую, под общий хохот обнимая и целуя девушек и женщин, как пламенные любовники.

Вдруг молодая жена Иналука - Панта с таким удивлением уставилась на парочку, сидевшую напротив, что окружающие обратили на нее внимание. Переодетая в парня Матас, девушка из Гойтемир-Юрта, старалась поцеловать стыдливо закрывавшуюся от нее подружку. Панта вскочила и залилась хохотом. Все подумали, что она опьянела.

- Матас! - закричала наконец Панта. - Да посмотри же, кого ты целуешь? Чтоб я сгорела! - И она в хохоте рухнула на землю.

Матас кинулась на свою соседку, стараясь заглянуть ей в лицо. Но та вскочила и, путаясь в длинном подоле платья, пустилась бежать к лесу. Первой пришла в себя Эйза.

- А ну, пощупать ее! - скомандовала она.

Девушки бросились вдогонку за беглянкой. Они бежали со всех сторон, беглянка растерялась, ее схватили. Под крик, хохот, визг началась свалка. Наконец беглянка вырвалась и, оставив в руках обессиленных от смеха девчат свое платье и обеими

руками придерживая мужские шаровары, кинулась наутек и исчезла в лесу.

- Да кто же это?

- Кто? - набросились женщины на Панту.

- Мой! - наконец услышали они. - Мой, Иналук!..

Поднялся новый взрыв хохота. Матас, целовавшая Иналука, не знала, куда деться от стыда.

- А ну, осмотреть всех! Всех до единой! - приказала Эйза своим помощникам.

Стоном и криком наполнилась поляна.

- Смотрите! Вон еще один!

Далеко внизу, по склону горы, удирала еще одна «женская фигура». Платье у нее было задрано до пояса, платок мотался в руке, и только босые ноги и белые шаровары сверкали под лучами солнца. Догнать «нее» уже невозможно было даже на коне. Еще миг — и «она» исчезла под обрывом.

- Мы вторично подверглись нападению! И вторично враг с позором бежал!

Такого веселого праздника, говорили старухи, еще никогда не было! А все потому, что два настоящих фур-фура проникли в их женский стан.

День закончился пляской. Женщины танцевали и за девушек и за мужчин. Многие из них искусно изображали своих близких и знакомых, и это вызывало восторги.

Наконец Эйзе удалось утихомирить женский народ.

- Сестры! - сказала она. - Все, что было - когда-то было... А чего не было - когда-то будет! До будущего такого дня пусть никого из вас не постигнет горе! И пусть не будет над вами царя страшнее, чем я!

Расходились по домам с песнями, с гармошками. Но многие загрустили. Когда еще придет к ним такой праздник! И сколько до него будет тоскливых и горьких женских дней...

Когда вечером Зору в компании эги-аульских женщин проходила мимо скалы Сеска-Солсы, ей показалось, что она издали слышит рожок... Давно уже она не слышала его! Зору приостановилась. Женщины, увлеченные разговором, не обратили на нее внимания. Она пригнулась и по балке побежала туда, откуда ясно доносились печальные звуки.

Калой лежал на хвойном ковре. Рядом с ним отдыхал его жеребенок.

Зору поднялась тихо, незаметно присела в стороне. Каждый раз, когда низкие, приглушенные звуки рожка доходили до Нее, ей казалось, что они трогают ее душу, зовут куда-то, жалуются и плачут... Калой словно рассказывал о чем-то волнующем и

печальном. Зору невольно вздохнула и выдала себя. Калой вскочил. Встала и она. Оба молчали.

- Садись, - сказал он первым и опустился на землю. Но Зору не села. - Ну, как прошел ваш праздник?

Зору с увлечением начала рассказывать. Она говорила обо всем, что видела, и даже о выходе Иналука. Но о себе не сказала ни слова.

- Как интересно! Жаль, что нам нельзя бывать с вами вместе! - вздохнул Калой. - Ну, а ты что там делала?

- Ничего! Смотрела на людей, уму-разуму училась! - сказала Зору, отводя в сторону глаза.

- Смотри-ка, как я ошибался! - воскликнул Калой. - Верно, что мой рожок не волшебный! А я-то сижу тут, играю и слышу - он поет:

«Поглядел бы ты на праздник женщин! Какая у них могучая и красивая царица! Сидит она без платка, старушечьи косы распустила и воображает! А твоя соседка? Она у царицы за плечами стоит, по поручениям бегает. А потом как прыгнет, на коня - и вскачь! Все за ней, а она

на народ... Конь у нее необыкновенный, с крыльями! Поднялся он над людьми и перенес ее на ту сторону... Так и не догнали ее старухи да молодухи, а о девочках и речи нет!..» Я слушал рожок и думал: не о тебе ли это? — Калой снова вздохнул. - Да... Значит, не о тебе...

- А что еще говорил рожок про соседку? - с загоревшимися глазами спросила Зору.

- Да что его слушать! - Врет все! Испортился. Говорил, что в нее влюбились все-все! И даже жена самого старшины!..

Зору смотрела на него как зачарованная.

- Ты! Я знаю теперь! Это ты был с Иналуком и удрал в женском платье к реке! Ты! И не рожок у тебя волшебник, а ты настоящий плут! - Она залилась смехом, обеими руками закрывая рот, чтоб никто не услышал.

Калой любовался ею.

Сегодня, когда он увидел ее на празднике и в женском и в мужском одеянии, когда слышал, как женщины, не стесняясь, при нем разбирали ее красоту, он впервые в жизни увидел в ней ту девушку, которой ей предстояло еще стать...

«Как красиво она смеется! Как высоко поднимаются ее густые брови! Они, словно крылья стрижа, точеные и острые». И, думая о ней, он ласково гладил попавшую под руку морду своего Быстрого.

- Побежала! - сказала Зору и направилась к тропке.

Калой вскочил.

- А ну, вставай, лежебока, когда у нас такая гостя! - крикнул он жеребенку, и тот вскочил. - Вверх!

Быстрый поднялся на дыбы. Зору залюбовалась.

- Красив? - радостно воскликнул Калой.

- Красив, - тихо ответила Зору и, лукаво взглянув на него, неожиданно спросила:

- А не сказывал ли тебе твой рожок, кто красивее, то есть кто лучше: та твоя соседка или этот конек?

Калой смутился, но только на мгновение.

- Сказывал, - ответил он. - Он говорил, что соседка моя красивее всех. А Быстрый — лучше...

- Почему? — ревниво вырвалось у Зору.

- Потому, что он никогда от меня не уходит! А соседка...

- А тебе хотелось бы, чтоб за тобой и жеребята и телята бегали?.. Не велико ли стадо будет?! - Она тихо засмеялась, спорхнула на дорожку, и подпрыгивая, побежала вниз.

Калой еще долго следил за ней, пока в сумерках не исчезло ее светлое платье.

Он вернулся домой поздно. Но никто, кроме Орци, не спал. Докки варила сушеное мясо и рассказывала Гараку о празднике и о шутке Иналука.

Видя, как это забавляет Гарака, Калой стал рассказывать ему все с такими подробностями, что бедный Гарак чуть не задохнулся от кашля и от смеха.

- Признайся, - сказал он наконец, - вторым гостем у женщин был ты?

Калой признался. Гарак был в восторге.

- Я так и думал! Только ты мог сообразить такое! Сколько живем, даже в сказках похожего не рассказывали! Это надо же так! Не зря я говорю, — обратился он к жене, - этот все может!

Он долго еще не мог успокоиться, хлопал в ладоши слабыми руками и осипшим голосом восклицал:

- Хорошо! Очень хорошо!

Докки тоже радовалась, но только другому: она была счастлива оттого, что у Гарака поднялось настроение. Докки не знала, что это была последняя вспышка догоравшей свечи...

Утром Гарак подозвал ее и велел вместе с Орци пойти проведать своих родных. Докки хотела возразить. Но он стал волноваться, и она уступила. Перед самым уходом она снова попросила разрешить ей остаться дома. У нее много работы, надо переветать зерно. Но он перебил ее и как можно спокойнее сказал:

- Э-э, моя хорошая! - Он давно уже не говорил с ней так ласково. — Никто еще не покинул этот свет, переделав всю свою работу!

Иди... за меня не беспокойся... - Он помолчал, улыбнулся ей и сыну и добавил: - Идите... У меня еще много времени... Я дождусь вас, когда б вы ни пришли... дождусь...

Докки не догадывалась, о чем он говорил.

Докки ушла. Может быть, ей хотелось верить только в слова, которые она услышала от мужа, а не в то, что подсказывало плачущее сердце. Она ушла, успокоенная им.

После полудня Гарак попросил у Калоя дать ему чайного настоя. Отпив, он велел сыну сходить за Хасаном. Но тут же добавил:

- Не беспокойся. Я зову его только для разговора. Мне надо кое-что сказать ему.

Калой убежал и тотчас же возвратился. Он не оставлял отца одного. Вскоре пришел Хасан. Гарак велел Калоем выйти, побыть во дворе, чтоб никто не мешал.

- Хасан, - сказал он, когда Калой закрыл за собою дверь, - меня скоро не станет...

- Не предрекай! Бог даст тебе здоровье! - перебил его взволнованный Хасан.

- Спасибо за добро, — ответил Гарак. — Я вот зачем тебя... — И он еще больше понизил голос.

Калой за дверью весь превратился в слух, но ничего не мог расслышать.

Гарак рассказал Хасану, как недавно узнал он, что брат его погиб. Это сломило его. Рассказал, как бежал из-под стражи и разбился на скалах. Как не хочет, чтобы обо всем этом узнали сыновья и фамильные братья.

- Сам я за все это посчитаться с Гойтемиром не смог, а свою ношу перекладывать на других не хочу. Уж очень она тяжела. Все это скажешь Гойтемиру. Другим говорить я не даю тебе права... И скажи... - он вдруг забылся и возвысил голос, словно испугался, что Хасан не расслышит его, - скажи, - услышал и Калой, - что за себя я ему прощаю... Но за брата пусть он держит ответ перед тем, в кого верует!..

Он откинулся, его белое лицо четко выделялось на черной шубе, что лежала под головой.

- Все исполню, - ответил Хасан-мулла. - Хочешь, я почитаю тебе стихи из Корана?

Гарак помолчал. Потом приподнялся на локтях и заговорил:

- Я никого не убил... Никогда чужого не ел... Всем богам молился, всех просил... Ни на кого из них не ропщу... ни одного не отвергаю... не знаю, кто из них помогал мне, кто наказывал... А кто самый верный, я узнаю раньше всех вас... я готов... - Он отвалился и замолчал.

Испуганный Калой вбежал в комнату. Хасан встал. Гарак лежал с закрытыми глазами. На вопросительный взгляд юноши Хасан отрицательно покачал головой и вышел. Калой последовал за ним. Хасан-мулла поднял руки, помолился.

- Да простит его Аллах! - шепотом сказал он и отослал Калоя к отцу.

До вечера Гарак лежал с закрытыми глазами, словно свет причинял ему боль. Дыхание его становилось все чаще, все тяжелее.

Смеркалось, когда он подозвал Калоя и заговорил почти шепотом:

- Не оставляй брата... Не оставляй башню... Мы всегда здесь у очага... не бросай нас... Землю береги... Иди...

Калой не двигался. У него дрожали колени. Он не мог сделать шага.

- Иди... - повторил Гарак, - придешь... с Иналуком...

Калой сделал над собой усилие и поплелся к двери, не отрывая от отца глаз.

Гарак тоже пристально смотрел на него, пока за ним не закрылась прокопченная дверь.

Время шло... Гарак лежал, не шевелился. Потом с трудом сел, задыхаясь, встал... и, схватившись двумя руками за длинный посох, направился к выходу...

Когда Калой вернулся вместе с Иналуком, в доме было темно и тихо. Он окликнул отца, никто ему не ответил. Он кинулся к его лежанке. Она была пуста и холодна. Калой достал с потолка кусок смоляного корня, раздул в очаге пламя и зажег светильник. В комнате никого не было. Калой осмотрел башню, хотел бежать за отцом во двор, но Иналук остановил его.

- Может, сам вернется...

Долго ждали, прислушиваясь к каждому шороху, ко вздохам скотины на первом этаже. Гарак не возвращался.

Калой вышел и сначала тихо, но потом все громче и громче стал звать отца. Ночь безмолвствовала.

Тревога и страх охватили Калоя и Иналука. Они выбежали на поиски Гарака с зажженными бага. Когда каждый этаж башни, каждый закоулок двора, все хлева были обысканы, подняли соседей, родственников, весь аул.

Всю ночь по всем склонам горы, на которой стоял Эги-аул, по всем тропам и пещерам двигались в ночи пылающие факелы, раздавались тревожные призывы.

Наступило утро. Оно не принесло ничего нового. Об исчезновении Гарака вскоре узнала вся округа. Но никто не видел его следа. Вечером вернулась Докки. Она почти обезумела, проклиная себя за то, что послушалась мужа, ушла...

Весь следующий день в Эги-аул приходили люди из соседних хуторов и селений. Все терялись в догадках, строили предположение одно страшнее другого. Многие приписывали исчезновение Гарака нечистой силе.

К вечеру Хасан-мулла передал свой последний разговор с Гараком Гойтемиру, который приехал в Эги-аул.

В это время пришла страшная весть. Гарака нашли! Нашли мертвым в родовом солнечном могильнике рядом с мумией его отца.

- Язычник! - вырвалось у Гойтемира со вздохом облегчения.

- Да простит его и нас Аллах! - вздохнул Хасан-мулла. И, подумав, сказал: - Если взвесить все, то больше стоит заботиться не о земных делах и тяжбах, а о вечной жизни... Там... - Он показал на землю. - Годы-то у нас большие... И грехов немало...

- Что ты хочешь сказать?.. - Гойтемир строго посмотрел на Хасана.

- В Мекку бы съездить, в Медину... Хаджж совершить... Могиле пророка поклониться... За это многое прощается...

- Осенило тебя, Хасан-мулла! Спасибо за совет! Я думаю, мы могли бы вместе совершить эту поездку! Она не помешает земным делам...

А слова: «Хасан-хаджи!.. Гойтемир-хаджи!» - это как музыка.

На другой день во дворе у Калоя собрался весь его род. Решался вопрос, что делать с покойным: хоронить по-мусульмански или оставить его там, где он сам нашел себе последний приют?

Старик Зуккур каждого просил высказать свое мнение. Большинство настаивало на том, чтоб его захоронили в землю.

Последним вспомнили Калоя. Он стоял в стороне. Когда назвали его имя, он вышел и оглядел всех:

- Тут говорят, что воти не попадет в рай, если останется там... А куда попали все наши предки? Их ведь просто клали высухать на плетневые настилы, что стояли во дворе на столбах? А куда попали наши деда, которые лежат в солнечных могильниках, и с ними отец Турса и Гарака? Не посчитайте за болтливость. Я говорю только потому, что вы меня спросили. Я считаю, что тело его должно остаться там, куда он сам его отнес. А о душе его мы все будем молиться...

Никто не сумел возразить Калою. И Гарак остался навсегда со своими предками.

В эту ночь возле солнечного могильника Эги до утра горел костер. Калой, Иналук,

Виты, приехавший на похороны, и еще несколько юношей сидели вокруг огня и тихо вели беседу. А у стены могильника привязанный к каменному кольцу стоял Быстрый, которого Калой посвящал Гараку.

Но беда не приходит в одиночку.

Дня через три, когда на поминках уже перебивали почти все родные и знакомые, Докки лишилась рассудка. Она сидела тихо, ничего не понимала, не плакала, ничего не говорила и лишь иногда начинала тихонько напевать веселую песенку.

Калой почернел от горя.

Родственники Докки решили забрать ее к себе, а вместе с ней и Орци.

Родственники Доули, родной матери Калоя, предложили ему на время, чтобы не оставаться в одиночестве, поехать с ними. Разговор этот происходил во дворе. Соседи, однофамильцы Эги, тоже предлагали Калою свой кров и гостеприимство.

Он стоял у родовой башни, на том месте, где всегда стоял Гарак, и, опустив голову, слушал.

А когда голоса родных и друзей умолкли, он окинул их усталым взглядом. Люди увидели, как он исхудал. Но слышали они голос твердый и сильный.

- Вам всем спасибо, - сказал он. - Я знаю, что ваши слова от сердца. Но в этой башне еще никогда не угасал очаг отцов. Около этого очага живут их души. В этой башне сегодня горе. Завтра может быть и радость. Так бывает... Наш род не прекратился. Нас с братом опять двое.

И, пока мы живы, огонь предков здесь не погаснет. Мы не уйдем.

Молодой хозяин этого старого двора проводил родных и знакомых за ворота.

Люди разошлись, унося с собой уважение к юноше, который так мужественно принял на свои еще не окрепшие плечи вею тяжесть несчастья...

Когда Калой остался один, за забором мелькнул темный траурный платок. Девушка задержалась только на миг. Бледное лицо. Глаза, полные слез... И Калой услышал родной и такой нужный ему сейчас голос Зору:

- Мужчина ты!..

[1] Воти - брат, братик. Так принято называть отца, дядю (инг.).

[2] Калой считал Гарака отцом, хотя и знал, что родным его отцом был Турс

[3] Амасти - овсяная каша, кислая, на сыворотке (инг.).

[4] Месяц рогов приблизительно соответствует октябрю (инг.).

[5] Месяц заготовки на зиму мяса приблизительно совпадает с ноябрем-декабром (инг.).

[6] Русской пшеницей ингуши называют рожь.

[7] Пристоп - пристав (инг.).

[8] Циска-мулла — кошачий мулла (инг.).

[9] Толмач - переводчик (кавказ.).

[10] Чаборз - медведь-волк (инг.).

[11] Кант — молодец (инг.).

[12] Этинг приблизительно совпадает с августом (инг.).

[13] Тейп - род (инг.).

[14] Горские салазки состоят из двух отдельных полозьев. В каждый из них вделан гнутый поручень, держась за который, ребята съезжают с горы.

[15] Фур-фуры - по преданию, древнее название одного из ингушских племен.

Глава третья. Первая любовь

1

С того дня, как маленький Калой начал пасти овец, прошло десять лет. И не было теперь такого труда, к которому он был бы непривычен. Вот почему, когда он остался один, в хозяйстве его ничего не изменилось. Но изменился он сам. Улыбка редко появлялась на его лице. С людьми он разговаривал мало. Не любил сочувственных речей. Это знали соседи и знакомые и не напоминали ему о несчастье.

Дни проходили быстро. Но ночи казались ему бесконечно длинными. Он готовил себе ужин и забивался на нары в дальний угол, чтобы уснуть. Иногда это удавалось сразу. Но другой раз перед глазами вставал Гарак таким, каким он его видел последний раз в окне солнечного могильника. Или мерещился отчужденный взгляд Докки...

В комнате слышались шорохи, в полупотухшем очаге с треском вспыхивала искра и сама собой разгоралась. И тогда страх пробирался под шкуру-одеяло и Калой лежал в оцепенении, пока в окне не забрезжит рассвет. Он верил, что души умерших обитателей башни населяют ее и ночью живут своей таинственной жизнью.

Однажды он отвел Хасан-мулле барашка, и тот научил его делать намаз, читать молитву, которая защищала от злых духов и разной нечисти.

Но это не спасало Калоя от гнетущего одиночества.

В зимние вечера заходили к нему соседи. Пхарказ подсаживался к очагу и долго рассказывал какую-нибудь историю или просто так сидел, уставившись в огонь, поправляя поленья, пока дремота не начинала клонить его голову. Тогда он поднимался и шел к себе. А в мысли Калоя проскальзывала Зору. Сквозь сон он что-то говорил ей, а она двигалась по комнате, как Докки, и делала ее работу... Калой засыпал, а мечта продолжала глядеть на него ярким девичьим взглядом.

Калой не забывал помогать матери Виты, своей кормилице. И Фоди не оставалась перед ним в долгу. Она сбивала ему масло, варила сыр.

Несколько раз Калой ездил проведать мать и брата. Орци рос веселым крепышом. Он надоедал Калоя расспросами о Быстром, мечтал покататься на нем, просился домой. А Докки не поправлялась. Временами казалось, что она совсем здорова. Она тихо плакала и причитала, а потом вдруг ей мерещилось что-то, она устремлялась куда-то бежать, вырывалась, и родным приходилось связывать ее, сажать на цепь, как это делали все с такими больными.

Калою очень тяжело было видеть Докки на цепи. Лучше уж смерть, чем такие мучения.

Первый год после смерти Гарака для Калоя навсегда остался самым тяжелым в его жизни.

Не успели горцы покончить с уборкой, как Гойтемир стал объезжать аулы и до срока собирать в казну подати с каждого дыма[1]. Люди роптали, но подчинялись. К Калою он не пришел. То ли постеснялся брать с сирот, то ли другие мысли удержали его. Тогда Калой отогнал в город нетель, продал ее и при людях сам передал деньги сборщику. Он отказался и от зерна, которое община собирала с каждого урожая для вдов и сирот. Поблагодарил стариков за их доброту.

- Есть в ауле люди, которые нуждаются больше меня, — сказал он.

- Гордость у тебя безмерная! - заметил Хасан-мулла. - Но и жадности, видно, нет никакой. И это главное!

- С чего у меня может быть гордость! - отозвался Калой. - Мне ведь никто не завидует. Просто хочу, чтобы вы меня не считали больше ребенком.

Старики засмеялись.

- Хорошо, - сказал Пхарказ, - ребенком мы тебя давно не считаем.

Но и мужчиной назвать не можем. Ты не прошел обряда посвящения.

- Я готов! - сдерживая радость, ответил Калой.

- И все-таки придется обождать до следующей осени, - сказал Хасан-мулла. - Ты не один. Устройте той для села, и мы всех вас, одно годков, проверим, посмотрим, на что вы способны.

С этого дня Калой не забывал о предстоящем состязании и серьезно готовился к нему.

Много времени он проводил с Быстрым, который хорошо рос и обещал стать завидным конем. Калой изредка уже садился на него, но только там, где их никто не видел. Излюбленным местом его по-прежнему оставалась скала Сеска-Солсы. За ней ему никто не мешал обучать жеребенка.

В конце осени произошло событие, которое взволновало жителей гор. Несколько человек из разных аулов, в том числе сам Гойтемир и Хасан-мулла, отправлялись в Мекку. Дело это считалось божественным, и, имел человек средства или не имел, каждый должен был чем-то поддержать богомольцев. Теперь стало понятно, почему Гойтемир так торопился со сборами подати. Ему нужно было освободиться от забот старшины.

На проводы собралось много народу.

Родные и знакомые распрощались с паломниками. Они въехали в Ассиновское ущелье и неожиданно впереди увидели человека, стоящего у тропы. Это был Калой.

Тонкий, не по годам широкоплечий, он стоял, почтительно опустив руку, другую положив на рукоятку кинжала. Гойтемиру стало не по себе. Но вот они поравнялись с ним.

- Да зачтет Аллах намерения и труды ваши, — приветствовал их Калой. - У меня просьба. Я не надеюсь на то, чего не может случиться.

Но в странах пророка вы можете встретить кого-нибудь из тех, кто видел Турса или Доули. - Он повернулся к Гойтемиру. Тот смотрел куда-то в сторону и, казалось, не слышал его слов. - Я прошу вас спросить у них о моих родителях. Живы ли они и где?.. Если их нет, помолитесь за них. - Он протянул Хасан-мулле два рубля. - Доброго вам пути и доброго возвращения!

- Спасибо, Калой. Ты ведь сам нуждаешься и мог ничего не давать. Но такой уж у тебя характер! Мы с благодарностью принимаем твою мзду. Счастливого тебе оставаться!

Поблагодарили юношу и остальные, пообещав ему помнить о просьбе. Только Гойтемир промолчал. Не хватило сил преодолеть старую злобу в сердце.

Когда паломники были уже далеко, Хасан-мулла оглянулся. Высоко на горе по-прежнему стоял Калой и смотрел им вслед.

- Они с отцом похожи, как две половинки одного ореха...

- Отец - это большое слово!.. - задумчиво откликнулся один из спутников. - Вот и не видел он его, а помнит...

- Не всегда это так. Слово «отец» тогда имеет смысл, когда сын вырастает достойным человеком! - прокричал другой, перекрывая шум Ассы, которая здесь, на дне ущелья, с размаху налетала на валуны и разбивалась вдребезги, обдавая холодной пылью.

Они уехали.

2

Шло время. Жизнь в горах текла как обычно. Сыграли одну, другую свадьбу, похоронили старуху, проводили несколько семей, перебивавшихся на плоскости. День походил на другой, как бусы на четках.

Пришла зима.

Калой часто видел Зору, когда она делала что-то у себя во дворе. Изредка встречал у ручья, куда она приходила по воду. Но разговор их стал иным. На смену детской простоте пришла застенчивость, неловкость. Казалось, каждый из них что-то недоговаривает, скрывает.

Как-то заболел Пхарказ, и Калой пошел проведать его. Давно он не был у них. Мало что изменилось в их башне. Появилась лампа, как та, что купил Калой, да стекло в окне. Но зато и стекло, и лампа, и посуда — все здесь блестело. Калой понял: это руки Зору. Значит, ее считают уже взрослой и она приняла на себя девичьи заботы по дому.

Жена Пхарказа стала жаловаться Калою, что муж ничего не ест.

- Поддай ему свежего мяса! Дичи! А где мне взять?!

- Где взять? - отозвался Пхарказ. - Взяла бы ружье да пошла на охоту!

- А ты б и рад был! Только медведей я еще для тебя не стреляла! Избаловала, вот ты и не знаешь, чего хочешь. Могу на чердаке поохотиться за сушеным мясом!

Но Пхарказ только поморщился.

- Я слышать о нем не могу!

А когда жена и дочь вышли, он попросил Калоя одолжить ему мерку-другую ячменя.

- Поправлюсь, продам корову и куплю зерно для посева, для дома... Я давно просил, чтоб они заняли у тебя, ты только не говори им. Но

Зору не согласилась. Даже плакать стала... А к другим я не хочу идти. Так десятый день и сидим на сушеном мясе. Мне оно уже козлиной шкурой воняет...

Пожелав Пхарказу здоровья, Калой поднялся.

В сенях он столкнулся с Батази.

- Я думал, мы соседи, - по-взрослому строго сказал он, - а вы как чужие... Или я для вас не то, что мой отец? Батази смущенно забормотала, но он не слушал ее.

- Приди и возьми зерна, сколько надо. А на охоту идти не соглашайся. Об этом я позабочусь. Ему нужно горячее сало с молоком. Отец так лечил себя, когда в него вселялся холод.

Вечером Батази пришла за зерном и от Калоя понесла его прямо на мельницу.

В мельницу эгиаульцев с трудом мог войти один человек. Ее жернов величиной с чашу едва за день и ночь памалывал одну-две мерки. Но в эту пору года даже и он почти всегда стоял без работы, так что Батази не пришлось ждать очереди.

Немного погодя Калой увидел, как за матерью побежала и Зору.

Он поужинал, задал сено скотине, взял заплечный мешок, лепешку, соль, сыр, хулчи[2], подбросил дров в очаг и вышел.

Около мельницы ему повстречалась Зору.

Под платком она несла муку, чтоб скорее накормить отца. Увидев Калоя, она впервые в жизни остановилась, как взрослая, уступая ему дорогу. Остановился и он.

- Если я завтра вовремя не приду, присмотри за моей скотиной, подложи дров в очаг...

- Далеко ли собрался?

- Да нет. На Хребет Пропастей, - ответил Калой. — Хочу поохотиться.

- За все берешься, - не то одобрительно, не то с иронией заметила она. - Туда в одиночку не ходят!

- Это смотря кто!

В ответ раздался смешок.

- Ну и кичливый ты!

- Кичливый или нет — увидишь. Или твоему отцу будет козья шкура для моления, или Быстрому медвежий коготь от сглаза, или тебе кабаньих клыки, чтоб разглаживать галуны. - И, приосанившись, он пошел.

- Смотри, чтоб не пришлось упряжку посылать, вытаскивать тебя из пропасти! - крикнула Зору ему вслед и побежала домой.

Ночью Калой пришел, в свою родовую пещеру, развел костер, вытащил из расщелины берданку, которая хранилась здесь еще со времени освобождения Гарака, почистил ее и, зарывшись в сено, уснул.

Проснулся он, когда звезда Восхода[3] на небе осталась одна.

Спросонья дрожа от холода, он тут же двинулся вверх, в гору. Скоро ему сделалось жарко. А немного погодя, он понял, что надежды на удачную охоту очень мало. Ветер дул от него. Но ветер в горах изменчив. И Калой, стараясь не унывать, поднимался все выше и выше. Он видел, как розовели снега на хребтах, на вершинах, видел по пояс возвышавшийся над горами, освещенный огнем восхода Казбек, но все это сейчас не занимало его. Он со стыдом вспоминал, как выхвалялся перед Зору, и не знал, как явится с пустыми руками домой. Думая так, он шел и шел вперед, иногда останавливаясь и внимательно оглядывая окрестность.

Было позднее утро, когда у подножия небольшого ледника он увидел десять туров. Вожак стоял на каменном выступе и зорко следил за всем, что происходило вокруг. Калой прислушался. Ветер, как и прежде, шел от него. Но что было делать? И он со всей осторожностью двинулся вперед. Где можно было, перебегал, прячась за камнями, а открытые места переползал, не поднимая головы.

Наконец он приблизился к стаду на выстрел. Калой знал свою винтовку и стрелял из нее без промаха. Он решил бить по вожаку. Это был крупный, судя по рогам, немолодой самец. Уложив берданку на колено, Калой прицелился... Но в последний миг тур издал звук, подобный свисту, сорвался с места и увел стадо за перевал... У Калоя опустились руки. Второй такой удачи за один день быть не могло.

И снова вспомнились колючие слова Зору: «Кичливый ты... За все берешься...». Но делать было нечего, и Калой тронулся в обратный путь. На всякий случай он спускался так же осторожно, как и поднимался вверх. Ведь на охоте бывают всякие неожиданности.

Благополучно миновав карнизы и пропасти, Калой выбрался на тропу, которая вела к пещере, и остановился, не веря своим глазам: на мокром грунте рядом со следами его ног шли когтистые вмятины медвежьих ступней. Судя по ним, зверь был огромный.

Но как в эту пору года здесь мог оказаться медведь? В памяти пронеслись рассказы о самом опасном медведе — шатуне, который, не успев залечь в спячку, бродит, шальной и свирепый, бросаясь на все живое, что попадает на пути.

Первым чувством был страх и желание бежать... Но Калой пересилил себя. Идти в пещеру? Или ждать, когда зверь появится сам? А может, он пришел, чтоб залечь здесь?

В полсотне шагов стояла огромная каменная глыба. Калой вскарабкался на нее. Вход в пещеру оказался перед его глазами. Взяв его на прицел, Калой залился задористым собачьим лаем. И тотчас наружу выскочил медведь. Потянув воздух, он с проворством кошки бросился вверх на скалы. Калой растерялся.

«Уходит», - мелькнула у него мысль, и он выстрелил, не целясь. Зверь пропал из виду. А когда дым рассеялся, Калой увидел его шагах в десяти от себя.

Трясущимися руками он едва перезарядил берданку.

И от жалкого вида этих рук он пришел в себя, встал и встретил зверя стоя.

Раздался выстрел... Почти в тот же миг медведь вышиб берданку из рук Калоя, и она щепкой взлетела в воздух... Калой выхватил кинжал. Удар пришелся медведю в череп. Но тот сгреб Калоя и вместе с ним рухнул вниз. На мгновение цепкие объятия медведя разжались. Не помня как, Калой вырвался и пырнул его в бок. На этот раз он попал в сердце. В предсмертных судорогах медведь рвал землю когтями... А Калой все стоял с огромным, как меч, кинжалом и, казалось, ждал новой схватки...

В этом поединке Калой победил двух зверей: медведя и собственный страх.

Медведь лежал ничком. От хвоста до уха Калой насчитал в нем пять локтей. От уха до уха - локоть.

Такую удачу только Бог мог послать ему. И он дал клятву щедро отблагодарить его.

Взяв на ближайшем хуторе сани и пару быков, поздно вечером он вернулся в Эги-аул.

У собак свой язык. Никто из жителей аула в этот вечер не узнал о добыче Калоя, а собаки узнали. Они были так встревожены, так подвывали и лаяли, что во многих башнях открывались двери и хозяева в тревоге проверяли свои загоны.

Калой освежевал тушу, стаскал мясо в дом, взял печень, сердце, почки, заднюю ляжку и пошел к Пхарказу.

Там уже спали, когда он смело постучался. Узнав его голос, Батази открыла дверь. С торжественным видом молча ввалился Калой в комнату. Пхарказ чуть не задохнулся от удивления, увидев его трофей. Он не мог успокоиться, пока не сходил с Калоем к нему в башню и сам не потрогал шкуру и голову зверя.

Заметив на одежде Калоя кровь, Батази предложила ему помыться. Калой стянул с себя изодранную одежду и остался голым до пояса.

Пхарказ пошевелил дрова. Пламя запылало, озарив комнату ярким светом. Огромные плечи, широкая грудь Калоя были поранены когтями медведя. Кровь запеклась на них.

Он нагнулся. Батази, причитая, начала поливать. От каждого движения юноши на его спине и руках собирались бугры мышц, покрытых загаром еще с косовицы.

- Если б у медведя не было когтей, ты бы задушил его! - воскликнул Пхарказ, любуясь Калоем, когда тот вытирался. И, сплюнув, добавил: - Вот это ручища!

Похвала льстила и смущала Калоя.

А из темноты смежной комнаты на него смотрела Зору. Если б Калой мог видеть эти глаза!

Долго все сидели у очага. Жарили на огромной треногой вилке печенку и сердце, пекли в золе почки, варили мясо. Пхарказ без конца расспрашивал Калоя, как он убил медведя, и сам рассказывал охотничьи истории.

Пхарказ выпил медвежьего сала с молоком, поел печенку с кровью, отведал мяса и сказал, что поправился совсем.

Батази все время благодарила соседа.

Разговор перешел на его жизнь. И Батази высказала общее мнение женщин аула: ему хоть и рано еще, но нужно жениться. Потому что даже самое маленькое хозяйство требует женских рук.

С Калоем впервые говорили на эту тему, и он краснел и не знал, куда деть глаза. Тем более, что Батази не смущало присутствие Пхарказа и Зору, которая вышла к ужину.

- Только надо найти богатую да родней сильную! Тогда ты встанешь на ноги! А если шить латку на латку - так это не одежда! - Украдкой перехватив взгляд дочери, она добавила: - Я свою ни за что за бедного не выдам! Хватит, что мы всю жизнь перебивались с куска на кусок!.. Пусть хоть она поживет!..

Зору выскользнула из комнаты. А Пхарказ поперхнулся смешком:

- У каждого бедняка думка об этом!

- И правильная думка! Надо не только думать, но и поступать так.

- Да где же их брать-то, богатеев твоих? На все село один-два. А дочерей наших - десятки! - поддразнивал жену Пхарказ.

- Таких, как наша, - одна! Где, у кого ты еще видел такую? Да она еще ребенок, а уже вон какая... И на ком же богатому жениться, если не на ней? На празднике женщин сама Наси на нее загляделась!.. - Наевшись медвежатины, Батази совсем расходилась.

Но здесь Пхарказ почему-то неожиданно обозлился и велел ей заткнуть рот. То ли ему надоела ее вольность и болтовня, то ли она заговорила о сокровенном...

Пропели первые петухи, когда Калой поднялся.

- Иди ложись, ты еще с такой охоты не отдохнул! А мы с тобой болтаем и болтаем! - переменяв воинственный тон, сладким голосом сказала Батази. Она заметила смертельную бледность на лице юноши и приписала это усталости.

Калой вышел. Прижавшись к башенной стене, в шали стояла Зору. Но он или не увидел ее, или сделал вид, что не заметил, прошел мимо и свернул к себе.

Наутро все село уже знало, что Калой один на один вышел на шатуна и убил его. Парни приходили к нему выпрашивать медвежьи когти для своих лошадей, мужчины рассматривали голову и шкуру медведя, которую Калой растянул на прутах и выставил сушиться. Мясо он посолил и повесил в холодной боевой башне, а конец правой лапы целиком с четырьмя когтями подвязал под горло Быстрому. Такого богатого амулета не было еще ни у одного коня!

Но ни бесконечные восторги сверстников, ни похвала бывалых охотников не радовали его. Ко всему он был равнодушен. И по его рассеянным ответам многие чувствовали, что парня терзает какая-то забота. Однако никто не знал, что причиной его страданий были мысли, высказанные Батази. Он искал выхода и не находил. Похитить Зору? Но в памяти вставал образ Гарака. Пхарказ был другом его. Не мог Калой осквернить их дружбу. Он решил не думать о девушке. Пусть ее выдают за богатого... Но когда он представил себе рядом с нею кого-то, у него голова закружилась от ярости. И наконец его осенила мысль: он должен сам стать богатым!

Успокоенный этим, Калой решил проведать братишку и Докки. В подарок им он повез целый окорок медведя.

Орци души не чаял в Калое, приставал к нему с расспросами об охоте на медведя, а узнав что-нибудь, убегал во двор и пересказывал мальчишкам.

Орци знал от деда - отца Докки, что Гарак и дядя Турс были знаменитыми охотниками. Но даже они никогда не убивали шатуна. И Орци смотрел на брата, как на самого бога охоты - Елту.

А Докки оставалась такой же, как и прежде, молчаливой, ко всему безучастной.

Бедные родители измучились с ней. К каким только знахарям не обращались они!

- Злые джины[4], - говорили те, - накрепко овладели ее душой и не хотят с ней расстаться.

Весной Калой забрал брата. Волнениям Орци не было конца. Он обегал все башни, как будто увидел их впервые, повстречался со старыми товарищами, которых чуть не забыл. Но самую большую радость доставлял ему Быстрый.

Когда Калой посадил его на коня, он пришел в такой восторг, что не захотел слезать с

него.

Слушался Орци Калоя беспрекословно. Он стал настоящим помощником в доме, пас скотину, погонял быков во время пахоты и исполнял все поручения брата. И делал он все это весело, с удовольствием. Большеухий, немного пучеглазый, с шейкой, вечно вытянутой вперед, он, казалось, все время был наготове услужить кому-нибудь.

Маленький Орци наполнил дом жизнью, и Калой перестал чувствовать свое одиночество.

3

Только в середине лета вернулись из Мекки горские паломники. Это было большим событием. Все семеро новых хаджи были в красных фесках с черными кисточками на макушке. Поверх фесок головы их были повязаны белоснежной чалмой.

Их никто уже не смел называть просто по имени без почтительной приставки «хаджи». Хасан стал Хасаном-хаджи, Гойтемир - Гойтемиром-хаджи. Каждый житель гор хотел посмотреть на людей, побывавших в святых местах, повидать их, потрогать чалму, послушать бесконечные интересные рассказы про дальние страны и чужие народы.

Этим беседам не было конца. И хаджи не уставали укреплять веру в пророка Мухаммеда и его учение Ислам.

После каждой такой беседы почитателей прежних идолов становилось все меньше. Только фанатики еще стращали народ, предсказывая бедствия, если люди не одумаются и не вернутся к поклонению древним богам.

Но время старого уходило навсегда.

Когда интерес людей к паломникам немного поостыл, у Хасана-хаджи стало свободнее от гостей. Тогда и Калой пошел к нему, чтобы узнать о родителях.

Хасан-хаджи стал строже, степеннее. Калоя он встретил приветливо. Предложил сесть. Но Калой поблагодарил его и остался стоять у дверей.

В доме муллы было чисто. В окнах, как теперь у большинства горцев, — стекла. Вместо очага — печь. Пучки пахучего епра[5] висели по всем углам. На резной кровати горкой вздымались пуховые подушки и одеяла. Стены украшали рамки с красочными картинами мечети «Айя София» из Стамбула и «Бурака»[6]. Поля этих картин были испещрены арабскими письменами.

Все это было очень интересно. Но Калой строго соблюдал правила приличия и ничего не расспрашивал и не разглядывал. Он осведомился о здоровье, о самочувствии семьи Хасана и только после этого спросил о своих родителях:

Хасан-хаджи помолчал, подумал и заговорил:

- На всем нашем долгом пути мы не встретили ни одного человека, говорящего на нашем языке!...

- Но куда же они подевались? Их ведь, говорят, было очень много... - удивился Калой.

- Э, мальчик! - воскликнул Хасан-хаджи. - Мир так велик, что легче в лесу отыскать комара, чем в чужой стране своего человека! Так мы ничего и не узнали...

В комнате воцарилось молчание. Потом Калой снова заговорил:

- Хасан-мулла, то есть Хасан-хаджи, я хорошо помню день, когда умирал Гарак. Он говорил с тобой... Я невольно услышал, как он сказал: «За себя я ему прощаю... но за брата - никогда!» Мне пора узнать, о ком он говорил?.. А то я могу подумать на того, кто ни в чем не повинен. А не думать об этом, ты сам понимаешь, я не могу... - Может быть, ты поможешь мне?

Молчание было долгим.

- Гарак - да простит Аллах его заблуждения в вере праведных - был болен, - наконец промолвил Хасан-хаджи. - Его слова нельзя считать истиной, нельзя брать в расчет.

- Но после тебя он говорил со мной. И ум у него был свободен и чист...

- Может быть... Может быть... Значит, ты хочешь узнать у меня то, что при своем чистом уме, как ты говоришь, он сам не пожелал сказать тебе? - Хасан-хаджи еще больше поджал под себя сложенные накрест ноги и, пристально вглядываясь то в один, то в другой глаз Калоя, выжидающе молчал.

Молчал и Калой.

- Ты хочешь, чтоб я нарушил слово, которое он взял с меня? Чтоб я нарушил последнее желание Гарака?..

Калой резко вскинул голову:

- Нет. Не хочу. Не говори. Если суждено, я сам узнаю. И посчитаюсь с тем, с кем не успел Гарак...

Глаза Калоя горели ненавистью. Видно было, что он не собирался никому прощать обиды своих родителей.

Хасан-хаджи встал, прошелся из угла в угол, обдумывая что-то и перебирая за спиной четки, и, внезапно обернувшись, спросил:

- Перед тобой чистая тропа жизни. Зачем ты хочешь завалить ее камнями?

- Нет, не по чистой тропе мне идти. Моя тропа - это дорога отцов. А куда она их привела, ты знаешь. Я жил меньше тебя. Но из клочков шерсти скручивают длинную нить. А из клочков того, что я знаю, я начинаю видеть, кто завалил тропу моих родителей. И у меня должно хватить силы расчистить ее... Я хотел, чтоб ты помог мне... Но вижу — ты не можешь...

- Да. Не могу.

Хасан-хаджи с любопытством смотрел на парня, который уже почти на голову выше его... А ведь Хасан, как сегодня, помнил день, когда жена Гарака принесла Калоя в шали... День, в который Калой навсегда расстался со своими бедными родителями.

И, как бы откликаясь на эти его мысли, Калой воскликнул:

- Будь проклят тот, кто научил отца ехать в Турцию! Будь проклят тот день — день моего рождения!

Глаза его горели яростью. Хасану-хаджи почудилось, что на него смотрит Турс, обездоленный, неистовый.

А Калой угас. Плечи его опустились. Взгляд ушел в сторону.

- Хасан-мулла!.. Прости, забываю все... Хасан-хаджи! Ты всегда говоришь очень правильно... Но я почему-то не припомню случая, чтоб ты постоял за правду побежденного! У тебя много слов, чтоб отговорить меня от вреда себе и другим... Но что ты говоришь сильному? Ты помнишь, как ты промолчал на вопрос Гарака, когда я сжег поле Гойтемира?

Хасан-хаджи грустно улыбнулся:

- Ты говоришь со мной как равный. У тебя нет на это права по возрасту. Но певчую птицу слышно уже птенцом из гнездышка... Аллах дал тебе неплохую голову. И все-таки правду о жизни, которую ты ищешь, ты узнаешь, когда станешь старше. Что мне ответить тебе? Я не святой. Я человек. И этого не следует забывать... И еще запомни: ты не знаешь всего, о чем говорю я с людьми. Но никто никогда еще не мог наделить другого своей головой. Одни прислушиваются к моему голосу, другие нет...

Калой как-то весело усмехнулся.

- Гончар волен прилепить ручки к кувшину в любом месте! Так и ты. С тобой говорить интересно, но переговорить тебя невозможно!

Хасану-хаджи понравилась эта шутка. Он засмеялся. Калой собрался уходить. Хозяин хотел оставить его на угощение, но он отказался.

- Спасибо, хаджи, за беседу. Мне бы давно уйти, но о разном думаешь, а ответить не каждый умеет.

Уже во дворе Хасан-хаджи положил руку на плечо Калоя и, как бы спохватившись, сказал:

- А вторую твою просьбу - поминание - мы выполнили. Калой не сразу понял, о чем речь.

- За всех усопших и отдельно за родителей твоих мы молились у могилы Мухаммеда... И скажу тебе... честно: Гойтемир молился горячее всех!

Калой посмотрел на Хасана-хаджи, чуть прищурился.

- Горячее всех?.. А чего бы ему?.. Хасан-хаджи усмехнулся:

- Палка имеет два конца. Протяни ее - один возьмется за один, второй обязательно захочет, чтобы ему дали другой. Куда поворачиваются твои мысли?

- Но зато, если протягивают кинжал, каждый, мне думается, возьмет его только за рукоятку!.. Спасибо. Счастливо оставаться! - возбужденно крикнул Калой и быстро удалился.

- Благополучия тебе! - сказал вслед юноше Хасан-хаджи.

И когда тот скрылся за башней, поскреб у себя за ухом и тихо сказал:

- Не мозг, а кипящее масло.

Молва с каждым днем все шире, все дальше разносила по дворам рассказы хаджей. Рядом с правдой бежала неправда. О них говорили чуть ли не как о святых. Каждый родственник старался превознести своего паломника. И выдумкам не было конца. Про одного говорили, что он привез живую воду, про другого, что он запасся спасительной горстью земли с могилы самого пророка. Но выше всех поднималась слава Хасана, потому что он один был среди паломников муллой. По рассказам самих хаджей, он говорил с арабскими муллами на их языке и привез много «джейнов»[7], которые никто, кроме него, не умел читать. А в джейнах записана вся мудрость Ислама. Слухи эти дошли и до родственников Докки, и они привезли ее в Эги-аул, чтоб показать Хасану-хаджи. Кто, как не он, должен был избавить несчастную от джиннов?

Калой любил Докки как родную мать. Другой матери он не видел, не знал. И мысль о том, что, может быть, Хасан-хаджи сумеет помочь ей, волновала его.

В ту же ночь, как привезли Докки, он отправился к Хасану и стал просить за мать.

По своему обыкновению Хасан-хаджи задумался, потом достал привезенные из Мекки джейны, почитал, перелистывая хрустящие страницы, и, не выходя из задумчивости, произнес:

- Кое-что Аллах дал в руки человека. Но главное - только в его власти... Амин.

Калой слушал внимательно. Он знал теперь, как сказал ему сам Хасан, что он только человек. Но Калой думал и о том, как много мудрости почерпнул этот человек из священных книг, и это вселяло в Калоя веру в силу знаний Хасана.

- Аллах велит нам, - продолжал Хасан-хаджи, - употребить с пользой для человека все наши умения. Ну, а чего мы не можем, того, значит, нам не дано... Ты понимаешь?.. Не тело, ее ум во власти злых джиннов, которые подстерегли ее, когда она всецело предалась своему горю и забыла, да простится ей, имя того, кого только и боятся силы тьмы. Что мы можем? Мы можем повторить за нее имя Аллаха столько раз, сколько раз за это время она должна была вспомнить его.

Когда я учился в Аварии, я сам принимал участие в исцелении такого забывшегося человека. Это даже видеть было нелегко... И несчастный не выдержал борьбы злых и добрых, джиннов, которая началась в его теле. И оно перестало быть. Но зато душа его

была спасена для вечной жизни... Амин!.. Вот все, что я знаю, что могу сказать тебе как сыну. А там - воля твоя...

- Моя воля, - с грустью ответил Калой, - как говорит народ: «Если нельзя, чтоб было так, как хочется, то пусть будет хоть так, как возможно».

И он пошел домой, удивляясь мудрости и простоте Хасана.

Время пахоты пришло к концу. Хасан-хаджи давно ждал этого момента. Он решил использовать передышку до начала других работ, чтоб созвать своих прихожан в дом Калоя и попытаться исцелить Докки. Только один Хасан знал, что «лечение» это ему нужно было больше, чем больной.

Об уважении в народе он должен был заботиться сам и не пропускать удобного случая закрепить его.

В назначенный день в Эги-аул съехались приглашенные Хасаном горцы, которые называли себя мюридами.

Соседи, детвора облепили забор его дома. Возбуждение росло с каждым часом. Вокруг дома Калоя тоже толпился народ.

Было известно, что в башне Калоя освобождена от вещей главная комната. Вдоль ее стен разложены циновки. Окна занавешены черной материей. Посреди комнаты, у каменного столба, сидит Докки. Ей сказали, что ее будут лечить, и она очень обрадовалась этому. Говорили, что она теперь все время улыбается.

Был ясный, солнечный полдень, когда Хасан-хаджи в сопровождении двадцати одного мюрида вышел из своего дома и направился через село к башне Калоя.

Весь аул тотчас же хлынул за ним.

Калой поджидал гостей на улице.

Во дворе в котлах варилось мясо быка, зарезанного для мюридов на средства, собранные всем родом Эги.

Вот издали донесся высокий, чистый голос Хасана-хаджи. Он запевал назму[8]. Его спутники дружно вторили. Пение было торжественным и приводило людей в фанатический трепет. По мере приближения го-юса мюридов становились все громче, все явственней. Вот мюриды показались из-за поворота. Впереди Хасан-хаджи. Он в красной феске, в белоснежной чалме. На плечах зеленая аба[9]. Она развеивается по ветру.

Румянец и полнота давно сбежали с его щек. Вечное сидение за священными книгами и время иссушили его лицо, покрыли ровной белизной. Это заметно выделяет его и заставляет думать о духовной чистоте.

Он шел, высоко подняв седеющую бородку, и пел, не замечая никого.

Мюриды, как и он, шли с отрешенными лицами и опирались на длинные посохи из

турсового кустарника, который принято было считать заговоренным от нечистой силы.

Перед священной церемонией народ с благоговением затих. Шествие мюридов закончилось во дворе.

Хасан-хаджи нараспев произнес стихи из Корана и поднял руки для дуа[10]. За ним поднял руки весь народ. После молитвы Хасан повел мюридов в дом.

На время в комнате приоткрыли окно.

Докки во всем черном поднялась и стала у центрального столба. Улыбка сбежала с ее лица. Обострившимся взглядом смотрела она на входивших мюридов. И хотя они знали, что идут молиться за спасение души больной, многие из них, наслышанные с детства о выходах сумасшедших, недоверчиво косились на нее и с опаской проходили мимо.

Комната наполнилась людьми.

Дверь в другую комнату не закрывали. В ней толпились родные и соседи. Встав рядами за Хасаном-хаджи, мюриды совершили намаз. А Докки со страхом озиралась по сторонам и, видимо, если до этого и соображала что-то, то теперь все больше теряла нить, связывавшую ее сознание с действительной жизнью. Она подошла к Хасану-хаджи и заговорила с ним быстро и бессвязно. Ее попытались успокоить, отвести на место, но она вцепилась в рукав Хасана так, что его едва освободили. Тогда она заметалась, кинулась бежать. Но всюду стояли мрачные мюриды. Принесли цепи. На израненные руки и ноги Докки надели кандалы. Цепями ее привязали к столбу. Она стала сквернословить, рваться, но это теперь не тревожило никого. Хасан-хаджи арабской вязью написал что-то на дне чаши, потом смыл краску в огромную лохань, что стояла тут же, и велел внести жаровню с горящими углями. Поставив ее перед Докки, он плеснул на головешки священной и заговоренной им водой. Пар и дым окутали больную.

Хасан-хаджи и мюриды сняли верхние рубахи и пошли вокруг нее, произнося причитания и хлопая в ладоши. Сначала они двигались медленно, потом все быстрее и быстрее...

Комната наполнилась рокочущим звуком однообразного пения: «Ла-иллаха-иль-аллаха! Ла-иллаха-иль-аллаха!..» И в такт этому загремели удары по медному тазу. Кто-то прерывисто шипел, кто-то раздирал уши оглушительным свистом. Изредка взлетал под потолок чей-то пронзительный визг. Все в комнате стонало, верещало, двигалось и хрипело.

Докки, синяя от напряжения, иступленно рвалась с цепи. Порой, обессилев, она падала на пол и затихала... Но мгновение спустя вновь нечеловеческие силы подбрасывали ее под потолок, и с искаженным лицом, с глазами навыкате, она скрежетала зубами и выла, перекрывая весь гам и грохот, стоявший вокруг нее.

Кто-то во дворе пустил слух, что голос ее может навести на здоровых порчу, и двор Калоя опустел. Люди в суеверном страхе попрятались по домам. Детей заперли в башни.

Два дня и две ночи продолжалось «исцеление» Докки. Калои и его родные едва держались на ногах.

Мюриды ели, пили, отдыхали тут же, по очереди. Из хозяев никто не ложился.

Ни на минуту вокруг Докки не прекращалась священная пляска и хвала Аллаху.

Смрад, угар от углей, чад со светильников, зловоние от людских пропотевших тел, пыль, поднятая ногами с глинобитного пола, — все это было выше человеческих сил. Мюриды, сами придя в исступление, были не далеки от потери рассудка.

Докки не ела, не пила, не спала. Но ее силы, казалось, не знали предела. Это объясняли тем, что духи, которые сопротивлялись в ней, были многочисленны и, кажется, неодолимы. А моление подходило к концу. Только три дня и три ночи, как говорил сам Хасан-хаджи, людям дано право бороться за человека. Если за это время злые силы не сдаются, его оставляют с ними на волю Божью, навсегда.

Третья ночь спустилась на потрясенный Эги-аул. Третью ночь неслись над аулом то приглушенные, то яростные звуки молитв и плясок.

Народ пребывал в томительном ожидании чего-то сверхъестественного.

Калой с воспаленными веками стоял в дверях и отупевшим взглядом смотрел на то, что происходило в доме.

Сквозь дым и копоть, в свете мятущихся факелов, по кругу неслись неистовые человеческие существа. Они то изгибались до земли, хлопая во вспухшие ладоши, то вскидывались вверх, потрясая изломанными руками и космами нечесаных бород. А посреди этого хоровода, над пылающей жаровней, на звенящих цепях по-прежнему висела и билась оскалившаяся, простоволосая Докки... Глаза ее остекленели, руки и ноги скрючились в судороге, разорванная рубаха клочьями свисала до земли, обнажая изодранное в кровь ногтями грязное тело...

- «Ило-лах, ило-лах, ило-лах...» - гудело в голове Калоя, гудела и грохотала медь тазов, скрежетали кандалы, топотали десятки разбитых босых ступней...

Калой все это видел и слышал, как в кошмарном сне.

«Когда же конец?» - проносилось порой в его голове слабое подобие мысли. Он уже не мог ответить себе, хорошо ли он сделал, вызвав мюридов, или ему следовало прекратить все это, разогнать всех, снять с цепи бедную Докки, оставить ее со своим безумием навсегда...

Но его здесь уже никто не стал бы слушать. Только Хасан-хаджи мог повелевать этими людьми, уверовавшими в божеское предначертание исцеления, в его силу и святость.

В этом общем безумии только он сохранял способность размышлять, следить за тем, что делалось, руководить этими людьми.

Никто не видел, когда он ел, когда он спал, когда он выходил, чтоб глотнуть чистого воздуха. Но все видели и слышали, как он приказывал одним лечь, другим

вставать, третьих подгонял в круг танцующих. Он требовал углей, воды, мяса... Он кричал зычное «ил-ло-ла», когда хрипли и слабели голоса других, он сам сменял изнемогавших барабанщиков, а иногда словно забыв обо всем на свете, кидался в круг и неся впереди всех, снова увлекая за собой измученных мюридов.

- Железный, святой!.. - шептали про него вокруг, и Калой сам, глядя из темноты смежной комнаты, верил в сверхъестественную силу этого человека.

А Хасан, чувствуя на себе взгляды людей, поднимался с циновки, по-особому изгибался, наклоняя голову, взмахивал руками и, ворвавшись в круг, кричал:

- Бейте! Бейте сильнее ногами! Бейте руками! Пусть сгинет нечисть! Илло-ла!..

Ровно в полночь, когда все должно было уже остановиться, вытянутое, как струна, тело Докки сломалось... Она обвисла на цепях, косы ее упали в жаровню, загорелись, наполнив дом запахом паленого.

Хасан-хаджи вылил на нее лохань заговоренной воды. Дым и чад, поднявшиеся от углей, одурманили и ослепили всех. Тяжело дыша и качаясь от изнеможения, останавливаясь и не в силах остановиться, ошалелые мюриды продолжали двигаться и мычать. Хасан-хаджи сам снял Докки с цепей и уложил на циновку. Внезапно наступившая тишина была страшной. Никто не осмеливался нарушить ее. Хасан-хаджи указал на факел в углу. Ему тотчас поднесли его. Он снял с себя полотенце, которым был опоясан, и бережно отер лицо Докки. Она еще дышала. Неясный, глухой стон вырвался из ее груди... Хасан-хаджи прислушался, вскочил, обвел настороженные лица мюридов воспаленным взглядом.

- Вы слышали? Вы слышали, что она сказала? - закричал он. - Сафару! На языке самого пророка Мухаммеда! Она сказала са-а-фа-ру! -они ушли... Вы слышали!!! Велик Аллах, а Мухаммед его пророк! Спасена!.. Душа ее идет в рай!... Братья мусульмане! Да зачтет вам Всевышний труды ваши на том и на этом свете!

Кто-то из мужчин с рыданием выскочил во двор. Не выдержал другой, третий... Кто-то на полу забился в припадке...

Докки перестала дышать.

Плакать Хасан-хаджи запретил под страхом великого греха.

Мюридов-богомольцев разобрали по домам соседи. Башня Калоя опустела. Все хотели только покоя.

В комнате, где три дня и три ночи мучались все эти люди, до утра оставалась на полу затихшая в печальной улыбке Докки. Задеревенев, стоял над ней Калой с лампой в руке, да неутомимый Хасан-хаджи мягким, красивым голосом читал таинственные строки отходной молитвы:

«Ясиин волкуранил хаким. Инака ламинал мурсалина. Ала сироткин мустаким. Танзилал азиза рахман»[11].

С этой ночи Хасан-хаджи, освободивший от нечисти душу Докки, на всю жизнь

приобрел в Калое верного человека.

Смерть человека в горах не была редкостью. Здесь часто умирали и взрослые и дети. Тяжелые болезни и голод уносили их, но гибель Докки была так необычна, что ее долго не могли забыть.

Жителей Эги-аула потрясло усердие, которое Хасан-хаджи приложил для спасения души несчастной. Почитать Хасана-хаджи стали все.

Как-то Хасан-хаджи зазвал к себе Калоя и сказал ему:

- Тебе плохо. Ты тоскуешь. Но не забывай: твоя тоска камнем давит души твоих умерших. Вот послушай. Однажды у женщины заболел сын. Перед смертью он подозвал мать и сказал ей: «Ты не пугайся, я, наверное, не умру еще, но если это случится, ты раздай за меня поминальную жертву только тем людям, у которых никто не умирал». И вот когда после его кончины мать захотела выполнить волю сына, ей не удалось это сделать, потому что она не нашла дома, где бы никто не умирал.

И поняла мать, что сын сказал ей: «Горе твое не новость на земле, оно не больше, чем у других. Не следует больше других и убиваться».

Что я хочу этим сказать? Ты молод, у тебя брат... Жить надо. О родителях помни, раздавай за них жертву. Но - живи!.. И вот еще что -вам в дом нужна женщина. Пора подумать.

Он смотрел на Калоя умным, проницательным взглядом. Калой не поднимал головы. Хасан коснулся его самых сокровенных мыслей.

Хасан-хаджи выжидающе молчал. Калой понял это.

- Верно, - наконец выдал он из себя и, заговорив, не смог уже остановиться. - Чтобы привести в дом хозяйку, нужны средства...

- Тоже верно, - согласился с ним хаджи. - Это не одного тебя лишило семьи... - Он задумался и, сощурился, поглядел в окно.

И Калой вспомнил: в детстве он слышал, что Хасану, когда тот был еще молодым человеком, родители какой-то красавицы отказали в его сватовстве. Они посчитали, что он небогат и к тому же лоамаро[12]. И только сейчас Калой понял, что это, видимо, было именно так. Ведь Хасан-хаджи жил бобылем. В доме его хозяйничала старушка сестра, которая давно овдовела и, не имея детей, нашла у него приют. Значит, он понимал, о чем говорил Калой.

- Все зависит от тебя, - продолжал Хасан-хаджи. - Есть люди сильные, богатые, гордые, с теми трудно говорить... Ну, а если выбрать невесту по себе - тогда другое дело... Есть, например, у тебя соседка, -при этих словах Калой покраснел, - ...дочь Пхарказа, - продолжал Хасан-хаджи, словно не замечая его смущения. - С детства вы знаете друг друга... И хозяйства одинаковые... О ней бы тебе подумать. Люди обычно ищут свое далеко. А оно порой лежит близко.

Поборов смущение, Калой ответил с присущей ему твердостью:

- Спасибо за совет. Но всякий купец старается подороже продать... Да еще если товар неплох...

- Неплох! - подтвердил Хасан-хаджи и улыбнулся. - Дело твое. А я бы на твоём месте попытался. Обидно будет, если такую из-под носа уведут!.. Ну, да ладно. Я не за этим тебя позвал. Это так, к слову пришлось. Третий год мы не собирали молодежь на испытание. Все что-то мешало: то дожди, то мор на скотину. В прошлом году мы ездили в Мекку. А пора проверить, кто из вас достоин называться мужчиной. Так вот, посоветовавшись с Гойтемиром, мы решили в эту осень не обижать вас. Можешь сообщить об этом всем парням в округе. Пусть готовятся. Да так, чтоб нас цоринские, что живут за Ассой, не осрамили! И угощение должно быть не хуже, чем было у других.

- Не беспокойтесь! За нас краснеть не придется! Ну, а если своих баранов не хватит, мы у них «займем».

Калой засмеялся. Засмеялся и Хасан-хаджи.

- Вы, чего доброго, стариков «скромным» накормите! Чужое - нельзя! Харам! [13]

4

Уже через день все юноши галгаевского ущелья и Цори узнали о предстоящем торжестве и начали готовиться тайно друг от друга. Скрывали приемы, которыми развивали силу и ловкость. Каждый собирался перещеголять всех. Ни недостаток в хлебе, который всегда ощущался перед новым урожаем, ни другие житейские невзгоды не могли уже заслонить от юности надвигающуюся радость. Девушек тоже взволновало это известие. Не так уж много веселья выпадало на их долю, чтобы оставаться равнодушными. Где как не на празднике юношей могли они показать себя и увидеть сразу всех своих сверстников, да еще в лучшем виде? Это торжество всегда завершалось танцами и игрой в сватовство, которая нередко кончалась настоящей свадьбой.

Весь остаток лета и осень молодежь работала и жила в радостном ожидании.

Каждый день, а если день был занят работой, то ночь Калой проводил с Быстрым. Тот давно уже выполнял все его требования. Но Калой не успокаивался. Он знал, какой строгий судья народ.

Была у Калоя и тайная надежда. С тех пор как Батази при нем заговорила о будущем богатом женихе для дочери, он ни разу не встречался с Зору. Мысли старухи острием вошли в его сердце. Он понимал, что, может быть, Зору думает совсем иначе. И душа его тянулась к ней. Калой надеялся, что праздник как-то свяжет их, восстановит дружбу.

В конце осени по аулам и хуторам разнесся слух, всполошивший всех. Вечерами люди шепотом передавали друг другу удивительные рассказы о таинственном всаднике, который темными ночами бесшумно скользит по скалам на крылатом коне. Кто-то в полночь видел тень всадника на тропе к замку Ольгетты, куда даже днем люди не рисковали въезжать верхом. Кто-то клялся, что сам видел коня — вовсе без седока тот

мчался по ущелью с глазами, завязанными башлыком... В это уже совсем было трудно поверить.

Подходил к концу месяц рогов. Ясные безветренные дни, еще полные тепла, запахов хлеба и трав, стояли над горами. Леса, ровно-зеленые весной и летом, преобразились. Казалось, каждое деревцо надело свой особый, самый красочный наряд, каждый куст загорелся своим неповторимым огнем, и все это буйное пиршество красок явилось сюда, чтоб, взобравшись на склоны гор, показать людям всю прелесть земли.

Где-то далеко еще таились холода и морозы, где-то на равнинных просторах только начинали набирать силу лютые ветры и ураганы, а здесь, под ясным шелком прозрачно-голубого неба, царствовала краснощекая, пышная осень.

В один из таких дней, когда радость сама по себе, как бы ни было человеку тяжело, приходит к нему в дом и заставляет светиться глаза просто оттого, что есть он, человек, есть земля, есть солнце, в предрассветной тишине над галгаевским ущельем разнесся слабый, дрожащий звук колокола. Он шел из старого святилища на вершине горы Цей-Лом и возвещал о наступлении дня, с которого многие юноши народа получают право называться мужчинами.

Когда, осветив лилово-золотистой каймой контуры гор над ристалищем Дорхе[14], взшло солнце, там уже было множество людей. Женщины блистали бусами и ожерельями из серебряных монет. На девушках поверх платьев были надеты бешметы с разрезными рукавами, длинными до колен, и с серебряными крючками на груди. А головы их венчали высокие курхарсы[15] разных цветов с изображением солнца на лбу. На пологом склоне рассаживались мужчины, правее - женщины, позади них - девушки.

Почетные старики - судьи праздника - сидели в первых рядах. Недалеко от них, над землей, взгорбился огромный валун высотой в жилую башню. Бока его были обрывисты, на одной стороне едва обозначалась небольшая покатость. На ней - углубления, по которым на вершину глыбы должны взбегать юноши, облаченные в старинные боевые доспехи. Это было место главных испытаний. Тут же лежал булыжник величиной с доброго барана, поднимая который, парни показывали силу.

Позади валуна лицом к народу выстраивались в ряд виновники сегодняшнего праздника. Одеты юноши были и бедно, и богато, у одних сбруя на конях серебряная, у других простая. Но кони у всех были поджарые и вычищенные до блеска.

В судьях сидели Зуккур, Гойтемир, Хасан-хаджи и еще несколько почтенных жителей аулов. У них в помощниках был Иналук, которого они назначили распорядителем испытаний.

В числе первых в темно-бордовой черкеске, лихо заломив белую папаху с серебряным шариком на донышке, прошел мимо судей взволнованный, необычно бледный Чаборз. Было видно, что чрезмерное самолюбие заранее заставляло его страдать. Конь его, огромный гнедой рысак, купленный ему братом у какого-то отставного русского, привлек к себе внимание всех. Такого в горах еще не видели. Проходя мимо стариков, конь с опаской покосился на них и так взмахнул косматой головой, что Чаборз, подскочив, едва удержал его. И это тут же было отмечено не в его пользу. Сам Гойтемир недовольно нахмурился, понимая, что всаднику не делает чести, когда он хоть в самом малом не может совладать с конем.

Многие юноши, проходя мимо стариков, бросали поводья, и кони послушно следовали за ними.

Быстрый тоже шел за Калоем. Под косыми лучами раннего солнца его мускулы отливали синевой. Калой остановился. Встал и Быстрый. Калой шепнул ему что-то, и конь пошел дальше один. Калой приветственно кивнул старикам, легкой пробежкой догнал Быстрого и прыгнул в седло, не коснувшись его руками. Невидимым движением ног Калой изменил направление лошади, и она побежала к выстроившейся шеренге юношей. Все это люди заметили, потому что здесь каждый вырос на лошади. Тамада девушек Матас кивнула самой юной и самой искусной гармонистке девочке Дали, а та звонким голосом пропела:

Волк[16] вышел на поле! Калой вышел на поле!

Это была первая похвала Калою, первая удача начинавшегося праздника.

Вслед за Матас девушки двинулись к старейшинам. Поприветствовав их, они оставляли на разостланном перед стариками платке свое рукоделие - подарки для юношей. Здесь были вышитые золотом кошельки, кисеты, башлыки, куски домотканого сукна на черкеску и многое другое. Приз для лучшей лошади принес сам старшина. Это была серебряная уздечка.

Подошел и Виты. Он только что приехал из города.

- Здравствуй, мастер! - кричали ему с разных сторон. Виты поздоровался со стариками и сказал:

- Сегодня и я должен был показать себя перед вами. Но я живу в городе, работаю... Готовиться я не мог... Я сделал вот эту вещь и хотел бы, чтоб вы ее тоже приняли для подарка. - И он поставил перед старейшинами стальное стремя, отделанное узорами из серебра.

Старики были удивлены работой и несколько раз переспрашивали, сам ли он это сделал. Посоветовавшись, они поручили Зуккуру ответить юноше.

- Мы благодарим его! - крикнул Зуккур в народ. — То, что сделал своими руками Виты, - Зуккур поднял подарок, - эта удивительная вещь! Для того чтобы сделать ее, тоже нужны настоящие руки и голова! Мы пашем, дубим, косим, и у наших детей должны быть руки сильные, как и у нас. Сегодня они покажут, так ли это. А Виты уже показал. Возьми, Виты, Черный камень и первым подними его!

Иналук положил перед Виты на землю Черный камень, отшлифованный руками юношей многих поколений, которым этот камень давал право называться мужчинами. Камень был величиной с голову младенца. Он постоянно хранился в святилище на Цей-Ломе, откуда жрец выносил его только в дни состязаний. На его поверхности было пять небольших углублений для пяти пальцев.

Виты посмотрел на камень, и краска залила его лицо. «А вдруг вырвется...» Ведь он видел этот легендарный камень впервые. Но он не дал людям заметить своего волнения, нагнулся, приставил пальцы к ямочкам...

- Не торопись! - услышал он голос Иналука и, сжав пальцы, потянул камень вверх. Тот словно прирос к кончикам его пальцев.

Люди привстали... Опытom кузнеца, ловкие пальцы которого привыкли к труду, Виты понял, что камень не упадет. Он уверенно дотянул его до груди, резко повернул руку и поднял Черный камень над головой.

- Мужчина! Мужчина! - закричали ему с разных сторон. Зуккур подал Виты самый красивый башлык.

- Люди, - снова заговорил он. - Матери нужен сын! Роду нужен брат! Народ нуждается в смелых, ловких, сильных людях. Война не рождает сыновей. Но только сыновья могут отразить войну. Сегодня мы узнаем, кого мы вырастили. Да сопутствует им удача! Да помогут им наши боги!

При этих словах Хасана-хаджи передернуло.

- Да поможет им бог-Алл ах! — воскликнул он.

- И бог-Аллах пусть поможет им, - равнодушно поддержал его Зуккур и воскликнул: - Шатлак![17]

Выстрелы огласили долину. Гора покрылась дымом, а Иналук, сев на своего коня, помчался к ожидавшим его юношам. Указывая направление нагайкой, он велел им следовать за собой и поскакал вдоль Ассы вверх. Вереница всадников помчалась за ним.

Мальчишки, а с ними и Орци, то вскакивали, то садились, ссорясь из-за каждого парня и каждой лошади.

Пхарказ, сидевший позади ребят, вышел из себя.

- Да что у вас, черви в задy, что ли! - завопил он и огрел одного из них хворостиной. — Ешиб вас задери!

Мальчишки стайкой перебежали в другое место и затараторили снова.

Зору стояла в кругу девушек. Она решила, что подружки не должны заметить, кто из юношей интересуется ее. Но зато те не стеснялись. Они оживленно перешептывались, называя ребят, которые им нравились. Были среди них и такие острые на слово, что от их шуток у подружек щеки становились пунцовыми.

И Наси пришла поглядеть на праздник и на своего сына. Вокруг нее собрались соседки, родственницы. Она щедро угощала их чинаровыми орешками, а они ублажали ее льстивыми речами.

Говор и смех доносились со всех сторон.

А тем временем Иналук с молодежью перешел по мосту на ту сторону Ассы и по берегу спустился назад, так что все они снова были хорошо видны.

Он первым бросил своего коня в воду, показывая переправу. Место это было узкое, глубокое. Волны яростно обрушивались на лошадей. От всадников требовалось умение перейти реку как можно прямее. Кого сносило ниже установленного знака, тот покидал испытания. Здесь почти все зависело от лошади. Но трус мог погубить и ее и себя.

Один за другим парни кидались в водоворот волн, и кони выносили их на этот берег. Некоторых постигла неудача. А один едва не утонул. Его вместе с конем выловили далеко внизу.

Зато рысак Чаборза отличился. Вместо того чтобы торопливо миновать стремнину, он спокойно остановился в ней и, слегка накренившись боком, начал с удовольствием пить воду. Это вызвало общий восторг. Великану горная река, наверное, показалась просто ручьем. Чаборз был преисполнен гордости.

А Иналук уже спешил около валуна. Он надел на себя кольчугу, саблю, взял в одну руку железный щит, в другую - ружье и с небольшого разбега поднялся на вершину. Для этого нужны были сильные ноги и ловкое тело. Постояв наверху, Иналук повернулся, чуть присел и съехал вниз. После него парни один за другим начали взбегать на валун. Прodelывали они это довольно легко и ловко, потому что с самого детства упражнялись в этом.

Чаборз взбежал с трудом. Было видно, что он располнел не по возрасту.

- На задок отяжелел, пес! - крикнул кто-то с мужской стороны, вызвав хохот.

Наси как укололи. Она вскочила и, сама не зная на кого, закричала:

- Ты и твой отец псы! Если бы кормила его твоя мать, не было б у него ни зада, ни переда, как нет их у тебя.

- Прости меня! Знал бы, что он маменькин, не стал бы говорить, будь у него даже псинный хвост! - отозвался обидчик.

- Он не маменькин, а сын своего отца! А ты чей ублюдок? Лысая обезьяна со свиным рылом! - снова взорвалась Наси.

- Ой, женщина! Кто на твоём красивом лице вырыл такой вонючий нужник?

Хохот возникал после каждой фразы и с той и с этой стороны.

Гойтемир ерзал, досадуя на жену. Она сделалась предметом общих насмешек. Ведь считалось, что только глупые обижаются на шутку.

За перепалкой многие не заметили, как один из парней, не добежав до верха, свалился вниз... Второй потерял равновесие и встал на четвереньки. Им обоим пришлось удалиться ни с чем.

А Зору не видела никого, кроме Калоя. Она снова и снова вспоминала обидные для Калоя слова матери, оборвавшие их встречи. Вспоминала скалу Сеска-Солсы, рожок... и горе, которое прочно свило себе гнездо в его доме. Ей хотелось, чтоб сегодня за все,

за все плохое, что он перенес, ему было очень хорошо. И еще она мечтала, что, может быть, ей посчастливится станцевать с ним.

Зору знала, что мать здесь и все время настороженно следит за ней. Мать уже подходила и шепотом наказывала не прятаться за чужие спины, а стоять на виду. Но зачем это было Зору? Она знала, что тот, который люб ей, и так видит ее. Видит ее одну в этой цветастой толпе невест.

Но вот она вся вытянулась вперед, забыв об осторожности. Калой последним облачился в воинские доспехи. Высокий, широкоплечий, с гордо поднятой головой, он стоял перед валуном испытаний. Вдруг сильные ноги стремительно понесли его вперед... Несколько мощных прыжков - и он взлетел на вершину камня и замер на ней.

Потом, вместо того чтобы повернуть назад, он подошел к обрывистой стороне и... кинулся вниз, едва касаясь спиной почти отвесной стены.

Зору вскрикнула и закрыла лицо руками.

- Вот это молодец! - раздался в тишине чей-то голос. Толпа разразилась восторженными криками.

Калой сохранил равновесие, как ни в чем не бывало отошел от валуна и встал около своего Быстрого. Дали растянула гармонь:

Волк вышел на поле!

Калой вышел на поле!

Вместе с ней хвалебную подхватили и девушки. Подружки Зору влюбились в Калоя и не скрывали своего восторга. А Матас, самая старшая и самая вольная на язык, откровенно восторгалась не только его ловкостью... Зору готова была избить ее за шутку, но вместо этого ей приходилось делать вид, что она ничего не слышит.

Иналук подошел к булыжнику, который был следующим испытанием, и первым показал, как его поднимать. Он поднял камень всего лишь до колен. Другие парни тоже поднимали его до колен и выше. А Чаборз легко взвалил камень на плечо.

- Черкеску бы пожалел! - с деланным неудовольствием громко сказала Наси, искоса поглядев в сторону задевших ее мужчин. Но они беспристрастно отметили силу ее сына.

Гойтемир тоже приободрился. А Хасан-хаджи не упустил случая вслух похвалить Чаборза:

- Не зря и имя у него Чаборз! Сынок оправдывает его.

Как всегда, последним к камню подошел Калой. Теперь уже все ждали чего-то необыкновенного. И он легко схватил камень и с ходу поднял его над головой, потом перенес всю его тяжесть на правую руку, а левую опустил вниз. Несколько секунд камень спокойно лежал у него на ладони. Но вот он оттолкнул его и бросил в сторону.

Пхарказ и Виты шумели больше всех. Ведь это их друг не имел себе равных.

- Играй! - крикнула Матас гармонистке и сама своим голосом запела так, что ее слышали все:

Волк вышел на поле!

Калой вышел на поле!

Наси была вне себя от того, что Калой снова завладел вниманием.

- Не пойму! - воскликнула она. — Кого здесь испытывают - людей или лошадей?

- Для того чтобы это понять, следует покататься на такой, как он, лошади! - немедленно откликнулся горец, которого Наси недавно обругала.

Краска стыда залила ее лицо.

- Своей матери предложи! - гневно бросила она. И сейчас же получила ответ:

- Стара она. Сорвется. А вот тебя нелегко было бы сбросить даже ему...

- Хо-хо-хо! Ха-ха-ха! - несло со всех сторон.

- Вот это да! Хо-хо-хо!

А юноши уже подходили к старикам и, подняв Черный камень кончиками пальцев, получали подарок и поздравление старейшин.

Но на этот раз Калою не повезло. Пальцы оказались толще ямочек в камне, и он никак не мог уцепиться за них. Старейшины посоветовались и сказали, что это не его вина. А так как уже никто не сомневался в его силе, ему подарили башлык, сотканный из пуха серны, и, так же как и других парней, назвали мужчиной.

Калой поблагодарил стариков, но выражение растерянности так и осталось на его лице. Он не мог примириться с тем, что ему не удалось сделать что-то такое, что сделали все его друзья.

Начались скачки. В них участвовали только желающие. Скачки проходили по большому кругу, на котором встречались подъемы и спуски, перелесок и обмелевшее русло реки, усеянное валунами.

По сигналу кони рванулись вперед. Все пространство позади них заволокло облако пыли. Только когда оно рассеялось, люди увидели удаляющихся всадников. Многие, даже взрослые, вскочили со своих мест и вслед за мальчишками побежали на ближайшие холмы, чтобы видеть конников на всем их пути.

- Рысак впереди!

- Черный, черный идет! - стали доноситься оттуда их возгласы. Когда с верховьев долины Дорхе показались еще неясные очертания

возвращающихся лошадей, гармонистка заиграла мелодию «Джигитовка», запела:

Впереди, впереди

Чаборз, говорят!

Но Матас, бросив на нее неодобрительный взгляд, закончила куплет:

Перед хвостом своего коня

Скачет, говорят!

К счастью Матас, за общим шумом толпы Наси не услышала этой насмешки. Иначе не удержать бы девушке на голове своего курхарса.

Вот уже видно: отставая друг от друга всего на несколько корпусов, идут пять лошадей.

Впереди — конь Чаборза, за ним — серый из Цоринского ущелья и третьим - Быстрый. Красавец рысак, гордо закинув голову, неся великолепной размашистой рысью. Серый напрягался изо всех сил. Седок осыпал его ударами справа и слева. Но расстояние между ним и рысаком не уменьшалось. А Быстрый держался на своем третьем месте, будто примирился с поражением. Расстояние до кона, где лежали призы, стремительно сокращалось. Никто уже не мог вырвать победу у Чаборза.

— «Песню коня!» — зло приказала Матас, досадуя на Калоя. Дали и девушки дружно запели:

Ветром лети под гору,

Крепким будь на узду!

Чтоб на крутых поворотах

Ты догонял лису!

Шаг твой да будет вольным,

Вольному волку под стать!

Чтобы ни зверь, ни птица

Тебя не могли достать!

В это время пронзительный вой долетел до толпы. Калой встал на стремяна, взмахнул плетью и, перегнувшись так, что голова его очутилась рядом с головой Быстрого, пустил его во весь опор. Он хохотал, ревел, визжал. И вдруг всем показалось, что и рысак и серый остановились, настолько свободно обходил их вороной. Вот он миновал серого, вот сравнялся с рысаком...

Чаборз безжалостно стегал своего красавца. Но все было напрасно. Вороной неся так

легко, словно скачки только начинались. Лишь дикие выкрики Калоя говорили о той страсти, которую он вкладывал в последний рывок. Быстрый, как стальная пружина, уходил все дальше вперед.

Серебряные подковы

На золотых гвоздях

Впереди всех сверкают

На тонких его ногах! —

пели девушки. Они восторженно взмахнули платками, когда Калой пронесся мимо них.

Наси была потрясена. Но на этот раз она уже сдержалась лишь, закусив губу, гневно оглядывала ликовавший народ.

То, что Чаборз прешел вторым, ее не радовало.

Она всем сердцем ненавидела сейчас Калоя, который встал на пути ее сына.

«Не будь его, любимцем народа был бы сегодня Чаборз». Она видела, как Калой спрыгнул на землю, как получил первый приз - новенькое седло.

Вот он, по обычаю, направился к девушкам... И в это время она случайно уловила блеск солнца в глазах Зору.

«Неужели все... и красавица - тоже ему, этому оборванцу?» - содрогнулась Наси.

Ей хотелось встать и сейчас же уйти домой. Но она сдержалась. «Нет. Много будет! Здесь уж и я смогу принять участие в борьбе. Посмотрим...»

А Калой один в кругу девушек самозабвенно плясал под гармонь и их хлопки. Это был танец, посвященный им. Танец гордого мужчины, победителя!

За скачками началась джигитовка.

Чаборз отказался от участия в ней. Его рысак не был обучен. А остальные с увлечением показывали искусство владеть конем. Они бросали лошадей с места в карьер, мгновенно осаживали их и, подняв на дыбы, вихрем неслись в обратную сторону. Многие на ходу вскакивали и мчались стоя. Иные, спрыгнув на землю, снова прыжком садились в седло. И каждого из них ждала награда.

Калой внимательно проверил подковы и сбрую на Быстром и, оставив его у Орци, подошел к месту джигитовки. Здесь все уже подходило к концу.

- А разве ты не будешь? - удивился Иналук.

- Буду, - ответил Калой, - только позже всех.

Когда последний всадник, прогарцевав, встал на свое место, Зуккур поднялся, чтобы

объявить конец праздника. Но Калой попросил внимания еще на несколько минут. Зуккур посмотрел на него и засмеялся.

- Не собираешься ли ты сам джигитовать, без коня?

- Нет! - весело откликнулся Калой и, выбежав на дорожку, протоптанную лошадьми, свистнул.

Быстрый вырвал узду из рук Орци и стремительно понесся к нему. Калой повязал коню глаза башлыком и галопом помчался на нем в противоположную сторону. Все встали. Что еще выдумал этот неукротимый? Быстрый скакал свободно, словно все видел. Вот Калой повернулся и помчался, обратно, только не туда, где джигитовали. Он вел Быстрого прямо на валун испытаний. У подножия камня конь встал на дыбы... На глазах у пораженных людей лошадь, словно рысь, вскочила на вершину глыбы, снова поднялась на дыбы и, повернувшись, рассыпая искры, съехала вниз на задних ногах.

Калой подскакал к старикам, спрыгнул и попросил проверить башлык.

Видавшие виды долгожители были потрясены. А когда Хасан-хаджи подошел, чтобы действительно проверить повязку, Калой крикнул:

- Быстрый! Перед тобой сам Хасан-хаджи! Окажи уважение!

И конь, подобрав ноги, лег! Изумлению и восторгу людей не было конца.

Зуккур поднял сухую руку над головой. Все стихло.

- Люди! - сказал он, напрягаясь изо всех сил. - Спасибо вам за сыновей! Хорошее потомство растет! Вы видели? А Калоя, если б он жил в старое время, называли бы нартом! Вот что могут сделать терпение и любовь... Рассказывали сказки про какого-то всадника, который ночью разъезжал в наших горах. Теперь мы знаем, кто это был! Подарим ему, лучшему джигиту, серебряное стремя!

Иналук быстро сменил правое стремя на седле Калоя.

- А вот стоят вокруг нас подростки. Посмотрите, сегодня у них разинуты рты. Но завтра они должны будут сменить этих юношей! И им есть у кого поучиться! Спасибо всем! Конец!

Иналук повел стариков к ближайшему святилищу, возле которого для них было приготовлено угощение, а народ кинулся к Калою и обступил его. Ему жали руки, поздравляли, хлопали его, хлопали коня.

- А все-таки, - крикнул кто-то, - Черный камень ты не поднял, как другие.

- Верно - откликнулся Калой. - Но пусть другие, или ты вместе с ними, поднимут то, что я подниму.

С этими словами он нагнулся, подлез под Быстрого и встал с ним на плечах.

Бешмет с треском разошелся на его спине.

Народ умолк.

Калой опустил лошадь и выпрямился. Никто не закричал, не удивился...

В одно мгновение в людях, окружавших Калоя, произошла перемена. Они не смели больше шутить и балагурить с ним как с равным. Он сделался для них недостижимым. И Калой почувствовал это. Он попытался сгладить впечатление и обратился к подросткам с веселыми словами.

- А вы не удивляйтесь, - сказал он. - Быстрого мне подарили маленьким. Я сначала от радости таскал его на себе, а потом решил делать это каждое утро. Вот и получилось, что рос он и росла моя сила...

Люди оживились, заговорили, защелкали языками, но прежняя простота их отношений не вернулась. Они уважали его и... боялись.

А на лужайке огромным полукольцом друг против друга уже выстраивались девушки и парни. Калой разрешил счастливому Орци сесть верхом на Быстрого и отвести его домой, а сам вместе с Виты пошел на лужайку. Поверх всех голов он старался найти Зору и наконец увидел ее. Они едва улыбнулись друг другу. И никто этого не заметил, кроме Наси.

Она заметила. Оба они теперь все время были перед ее глазами.

Но после того как Калой взлетел на камень и поднял на себе лошадь, у Наси неожиданно ненависть к нему уступила место восторгу. Однако это был не тот восторг, с которым все смотрели на юношу. В ней загорелось желание ощутить его богатырскую силу... повиноваться ему... А он переглянулся с Зору.

Тяжелая мысль мелькнула в горящей голове женщины: «Ты хороша для моего сына... А ты... - Она впилась глазами в сухое, мужественное лицо Калоя, — а ты... Нет... это невозможно! — услышала она в себе

другой голос, и сама ответила ему: - Но этой красотке ты тоже не достанешься! Чем она лучше других?!»

Иналук в этот день был всюду и всюду успевал. И на танцы он успел вовремя. Взяв все дело в свои руки, он в первой паре пошел с Матас.

- Ворс-тох![18] — выкрикивал он, становясь на носки и преграждая путь девушке, и тут же тихо шептал: - Я с женского праздника не забыл твои губы... Милая...

- Шайтан! - едва уловимо отвечала она и, вывернувшись, плыла в другую сторону.

- Выходи за меня, все равно тебя никто не возьмет... - снова шептал он ей, простирая над ней руку.

И она с едва заметной скромной улыбкой отвечала:

- А ты выгони из дому свою клячу...

Играла гармонь; как стреляли, хлопали парни в ладоши...

- Ворс-тох! - восклицал Иналук, делая вид, что обнимает Матас. - Вот поцелую сейчас...

- Зарываешься, - ответила она и, скромно пройдя круг, опустив руки, встала на место.

- Спасибо, Матас! - крикнул Иналук, кланяясь ей. - Нет скромнее тебя девицы! - И, остановив гармонистку, обратился ко всем: - А ну, выходи, кто мастер на слово!

Никто не решался выйти первым.

- Спойка нам ты, Дали! Покажи пример большим! Спой в честь нашего героя! - сказал Иналук юной гармонистке. - Задень его! Мы увидим, на что он здесь способен!

Калой хотел было отказаться. Но девочка уже заиграла и, немного подумав, запела:

В этот солнечный день

Нет у тебя отца!

В этот светлый день

Нет у тебя матери.

Нет у тебя даже сестры родной,

Чтоб засмеяться сегодня с тобой...

Но есть у тебя твой младший брат,

Но есть у тебя богатырский конь.

Будет у тебя и верный друг,

Если позовешь любую из них...

Дали повела глазами на девушек.

- Эх! Вот это слова! - закричали парни. - Хорошо, хорошо, Дали!.. Гармонистка продолжала играть. Калой потупился, но потом шагнул вперед:

Спасибо тебе за доброе слово.

Спасибо тебе за печальное слово.

Спасибо тебе за сердечное слово.

От сердечного слова лед тает в груди.

Есть брат у меня и быстрый конь.

Есть башня, скала и отцов огонь...

Ласточки улетают к теплу, говорят.

Та, что к нам прилетит, найдет тепло...

- Молодец, Калой! - обрадовался за друга Виты.

- Правильно сказал! - поддержали его парни.

А Матас, обращаясь к нему и ко всем, продолжила поединок:

Куда денемся мы с тоски-печали?

Ведь таким молодцам только звезды под стать!..

Калой улыбнулся:

Разве есть место тоске-печали,

Ведь в друзьях у нас с вами –

Луна и ночь!..

- Вот так, Матас, - воскликнул Иналук. - Этот наездник везде хорош! «Нет места тоске-печали»!

Зору не дышала. Она не смела поднять глаза. «А иначе, - думала она, - они увидят все, узнают все... И еще, - загадала, - если не меня вызовут в пару с ним, - значит, не быть моему счастью... А если меня...»

И как сквозь сон донесся до нее голос Иналука:

- Это верно, что у Калоя нет ни матери, ни сестры. Но я не понимаю: чем хуже сестры хорошая соседка?

- Хорошая соседка всегда лучше сестры! - весело крикнул Виты и подтолкнул Калоя локтем.

- И мы так думаем, - поддержали их парни.

- А ну, Зору, иди, покажи, как уважаешь нас и своего соседа! - обратился к ней Иналук.

Зору попыталась выйти, но не смогла оторвать ног от земли.

- Иди! Стыдно! Обидишь его... - услышала она шепот девушки, стоявшей рядом.

Но Зору не двигалась. Тогда соседка подтолкнула ее. И она пошла.

Люди не узнавали обычно веселую и бойкую девушку. «Что с ней? Может быть,

больна?»

Где-то на середине круга Зору наконец справилась с собой, услышала хлопки, гармонь... пошла с Калоем в ногу, сначала неуверенно, потом все быстрее, ровнее поплыла по кругу. Длинные рукава черкески вились за ней, как два серебристых крыла.

Калой, ее Калой мягко и плавно шел совсем рядом... А когда он устремился вперед, обогнав ее, и неожиданно встал, преградив дорогу, она вскинула на него темные, глубокие глаза и услышала голос своего сердца: «Тебя... тебя вызвали, значит... счастье твое...»

Танец получался красивый, они танцевали долго. Маленькая Дали была влюблена в эту пару. Ее попросили сменить гармонистку. И, заиграв новую мелодию, она запела:

Танцуй, наш Калой!

Танцуй, золотой!

Путь перехвати,

А то улетит!

- Правильно, Дали! - хохотал слегка захмелевший Виты. - А то улетит!..

Веселье длилось до позднего вечера.

И долго этот день не могли забыть в горах.

5

Однажды, уже поздней осенью, тревожная весть облетела аулы и заставила забыть все. Хевсуры[19] отбили скот у галгаевских пастухов и увезли их сено с горы Плато Ветров.

За эту гору между двумя соседними народами не раз возникала вражда. Галгаи считали ее своей, а хевсуры - своей. В доказательство с обеих сторон обычно приводилось много фактов. Но так как все они вели происхождение от легенд, берущих начало где-то в глубине веков, то ни одна из сторон не считала их для себя обязательными. Появление в том или другом племени сильного по характеру человека заставляло противников отступать. И тогда его племя утверждало на Плато Ветров свое право - право сильного. Так было и за последние пятьдесят лет. Влияние Гойтемира и его тейпа в народе было очень велико. Имел он связи и с администрацией округа. Его поддерживали. И, взяв верх в последнем споре с хевсурами, он так и сохранял это превосходство до сих пор. Иногда хевсуры пытались сопротивляться, нападали на галгаев, работавших на этой горе. Но в конце концов все кончалось благополучно, и обе стороны, съев на замирении баранов, расходились по аулам.

На этот раз дело осложнилось. В перестрелке один из галгаевских пастухов был убит.

Десятка два всадников сразу же кинулись преследовать хевсуров. Одну из групп возглавил Иналук. С ним пошел и Калой. Продираясь в лесу сквозь заросли кустарника, они давно миновали Плато и двигались, чтоб перерезать хевсурам путь к селению,

которое те никак не могли миновать. К полудню на противоположной стороне ущелья, над обрывом, где проходила тропа, показалось два всадника. Они ехали спокойно, уже не думая, что их здесь может подстерегать опасность. Позади шел угнанный ими скот, дальше - три человека на лошадях, а на некотором расстоянии от них еще один — замыкающий.

Когда из засады раздались выстрелы, хевсуров это так ошеломило, что они, бросив свою добычу, кинулись уходить. Пули галгаев не причинили им вреда: засада расположилась на далеком расстоянии. И лишь калоевская берданка делала свое дело. Он убил под хевсурами две лошади и одного из них ранил. Вскоре подоспели люди из гойтемировского аула. Соединившись, они посоветовались и решили возвратиться. Похищенный у них скот был отбит.

Через месяц старейшины галгаев и хевсуров встретились, выяснили, кто убит, кто ранен, оценили стоимость сена, увезенного с Плато, и убитых галгаями лошадей, прикинули, кто кому что должен, расплатились, съели барана, выпили горского пива и, горячо поклявшись в дружбе, разошлись до следующей стычки, на всякий случай изредка оглядываясь, чтоб не получить пулю в затылок.

А Плато Ветров, как и прежде, лежало на своем месте. И ингуши, и хевсуры продолжали считать его своим. И никому из них не приходило в голову, что, даже если б появилась еще одна такая гора и каждый из народов получил бы ее, все равно земли не прибавилось бы на столько, чтобы сделать краше их суровую жизнь.

6

С того вечера, как Калой перестал бывать в доме Пхарказа, там все оставалось по-прежнему. Лишь Зору научилась скрывать от Батази свои чувства. Дочери теперь больше всех была нужна мать, а она осталась одна. Вот почему, когда Калой, наспех схватив оружие, умчался в погоню за хевсурами и когда Зору снова увидела его из башенного окна невредимым, мать ничего не узнала о переживаниях дочери.

Припав щекой к холодному окну, Зору пыталась разглядеть в ночи двор Калоя. И только после того, как заскрипели доски на их лестнице и в свете открывшейся двери показался он сам, Зору, вздохнув, забралась на нары, но еще долго сидела, закутавшись в шаль, и глядела в темноту широко открытыми глазами.

О чем она думала?

Может быть о том, как тяжело, когда любимый человек берется за оружие?

А Батази думала о другом. Совсем недавно дочь начала выходить на люди, а уже многие матери, имевшие взрослых сыновей, стали приглядываться к девочке. Значит, Батази была права. Красота имеет цену. Только надо не продешевить. Никого не отпугивать, но и не торопиться, пока не придет самый настоящий купец. В этом была и ее большая забота и большая радость.

Зору не могла теперь, как прежде, свободно встречаться с Калоем. Мать стала строже, придирчивее. Калой видел и понимал это. Он ловил взгляд девушки, брошенный из окна, или фразу, как бы невзначай оброненную у родника, и это говорило ему о многом. Наутро после погони по пути к Иналуку он проходил у стен ее башни. И до

слуха его долетела песня.

Где же ты,

Радость сердца моего?..

Отчего не зовешь, не ищешь,

Горе сердца моего?.. –

пела Зору, и ему с новой силой захотелось встретиться с ней, как в ту пору, когда она приходила послушать его рожок. Ведь это было так давно! Он вспомнил, с каким волнением танцевала она там, в долине Дорхе... Вспомнил, что ребята говорили о ней. Все они были влюблены в нее! Вспомнил и то, как Чаборз попросил Иналука вызвать ее на танец с ним и как потом, когда кончился танец, громко, чтоб слышали все, он сказал: «Галгаевская мать еще не рожала такую!» Зору покраснела и опустила голову.

Как хотелось тогда Калою дать этому щеголю оплеуху!

Потом Калой вспомнил мать Чаборза - Наси. Он не раз за последнее время вспоминал о ней. И, видимо, когда бы ему в жизни ни пришлось вспомнить о празднике юношей, образ этой, еще очень красивой женщины вечно будет вставать перед ним.

В тот вечер они с Виты возвращались домой. По пути кто-то из знакомых задержал Виты. Калой в это время проходил мимо собравшихся вокруг костра женщин, они затронули его, заговорили, поздравили с победой, пожелали доброй жизни.

Но вдруг его словно что-то потянуло посмотреть в сторону. Там была Наси. Глаза их встретились. Встретились только на миг. Но он увидел такой взгляд, от которого его бросило в жар. Он отвернулся. И в это время раздался ее голос, глубокий, грудной, не то насмешливый, не то ласковый...

- Молодой человек! Мы решили выбрать тебя женским старшиной! - сказала она.

Калой опешил. А женщины, почувствовав подвох, насторожились.

- А почему женским? - спросил он первое, что пришло ему в голову и задело самолюбие.

- Они говорят, что ты им подойдешь больше, чем нынешний!.. Верно? - обратилась она ко всем.

- Ну и черт же ты!

- Правильно, Наси! - раздался голоса.

- Я еще молод, чтобы быть старшиной! - приободрившись, попытался отшутиться Калой.

И тогда Наси приблизилась к нему и заговорщическим тоном сказала:

- А нам что ни моложе, то лучше!

Лицо и глаза Наси были рядом, и Калой увидел, как она, глядя на него в упор, провела языком по губе и прикусила ее. Он знал, что это означает, оробел, смутился и, пробормотав что-то невнятное, убежал.

- Э-э-э! - слышал он за спиной.

- Да ты, видно, еще не все испытания прошел!.. Мужчина!.. Ха-ха-ха!.. Он был уже далеко, а смех все еще несся за ним. И сколько раз ни

вспоминал он потом этот случай, никак не мог понять, что же тогда произошло. Но даже наедине с собой от этих воспоминаний он краснел.

Прошло несколько дней. Выпал и растаял первый снег. Земля сверху быстро подсохла, но воздух наполняла сырость и прохлада. По утрам случались заморозки. На лужах хрустели льдинки.

Калой вел к ручью Быстрого...

Недавно он встретил за селом Зору. Она в тот день возила сено, а он возвращался из леса. Их не видел никто. Не подходя друг к другу, они перебросились несколькими фразами. Калой сказал, что хорошо бы встретиться.

- Может, на скале Сеска-Солсы?..

- Нет, - тихо ответила она. - Там нельзя... Я скажу, где... И они расстались. Шли дни, а Зору молчала. Калой старался бывать всюду, где можно было встретить ее. Но она не появлялась. Он терялся в догадках.

И вот Калой в которое уже утро, лишив Орци его приятной обязанности, сам вел коня к водопою. И ему посчастливилось. В предрассветной мгле он увидел у ручья Зору. Она набрала воды в кувшин, поставила его на плечо и направилась к аулу. Они сошлись на середине тропы. Поздоровались, минуя друг друга. Понизив голос до шепота, она что-то сказала.

- Где? - переспросил удивленный Калой. Но она прошла, только кивнув головой.

Калой обрадовался и растерялся: «А что, если ослышался?..»

Не зная, как скоротать день, Калой осадил соху новым сошником, который выковал ему Виты, скрепил расшатавшиеся грядки на бороне, заклинил новые зубья вместо потерянных.

Около полудня он увидел, как Пхарказ и Зору провожали Батази. По всему было видно: она собралась в далекий путь, наверное, к матери. Перед ней шел ослик, нагруженный плетенками с сыром и другой поклажей. Дочь проводила ее до конца села. Возвращалась быстро, кое-где на спусках пробежками, прижимая шаль к груди. Проходя мимо, она посмотрела на Калоя и, встретившись с ним взглядом, весело убежала к себе.

А через некоторое время до Калоя донесся ее голос. Она пела задорно, радостно. Пасмурный день стал для Калоя теплым и светлым.

Калой сменил Быстроу подковы. Орци суетился, помогал брату. Он только не мог понять: зачем коню сейчас новые подковы. Куда ему ходить?

- А когда пришлось за хевсурами гнаться? Ведь этого никто не ожидал. Конь должен быть готов и к долине, и к скалам! — объяснил Калой брату.

Уезжая из дому, он обычно говорил, куда и на сколько едет. Но на этот раз ничего не сказал. Орци отметил это, но решил: значит, брат едет ненадолго.

Орци рубил на дрова жерди от старой изгороди, когда из соседнего двора вышла Зору.

- Куда ты? - бойко окликнул он ее.

Зору с опаской оглянулась и сурово заметила:

- Разве можно спрашивать куда? А может, человек идет по важному делу? Пути не будет!

- А какое у тебя может быть важное дело? - усмехнулся Орци. -

Жаль, что ты идешь в другую сторону, а то Калой мог бы подвезти тебя. Он только что уехал.

На лицо Зору набежала тень. Она о чем-то задумалась и быстро пошла из аула.

Калой въехал в долину Дорхе, поднялся вверх по Ассе и свернул вправо, к аулу Кяхк...

Уже стемнело, когда, пробираясь лесами и оврагами, поднимаясь на вершины хребтов и спускаясь на дно ущелий, он объехал гору, перейдя реку, остановил коня у подножия скалы. На вершине ее чернел силуэт замка Ольгетты.

Калой прислушался. Ничего, кроме шума реки, не было слышно. Никого не было видно на тропе. Его никто не мог здесь видеть, и он решительно направил коня на подъем.

Быстрый уверенно встал на старинную тропу и пошел вверх. Не зря, готовясь к испытаниям, Калой темными ночами поднимался здесь. Но верно ли он расслышал Зору? Неужели она позвала его сюда, в это место, страшное даже днем?

Еще мгновение - и конь и бурка Калоя слились с черным камнем горы.

Наконец Калой поднялся. На вершине было просторно и мрачно. Окна и двери замка зияли чернотой, с полуразрушенной стены поднялась птица и бесшумно перелетела в глубь развалин. Калой слез, отвел коня за башню, где из стены торчал камень с дырой, и привязал Быстрого. Вернувшись к тропе, он стал вглядываться в темноту. Снизу дул ветер. Шум реки едва долетал сюда. Все вокруг было мертво и тихо. Калой пошел к замку и прислонился к стене.

Время шло. Изредка у самого лица его малькала тень летучей мыши. Где-то в

высохшем бурьяне что-то шелестело. Калой злился на себя за свою излишнюю сдержанность. Теперь она ему казалась трусостью. Надо было задержаться у ручья и точно договориться с Зору о встрече. Да и не здесь, а в каком-нибудь другом месте!..

Вдруг чьи-то холодные пальцы коснулись его щеки. Он вздрогнул, схватился за кинжал...

Вокруг не было никого... Калой замер. Через некоторое время из-за стены показалась рука... Она осторожно потянулась к нему...

«Ударить кинжалом!» Но Калой сдержался и схватил руку.

- Сломаешь! Сломаешь! - услышал он приглушенный возглас.

- Зору?!

А она упала на каменный пол в беззвучном хохоте. Калой убрал кинжал, неловко нахлобучил на глаза папаху и, придя в себя, заговорил:

- Если б на свете не было таких, как ты, не говорили бы про оборотней. Откуда ты взялась? А если б я отрубил тебе руку?!

Зору засмеялась сильнее.

Не выдержав, рассмеялся и Калой.

- Я думал, ты стала взрослой, а ты все такая же озорная! - говорил он уже без гнева.

- А я думала, ты уже не Калой, а Калой-Кант, о котором сочиняют легенды.

Они еще долго не могли успокоиться и смеялись, но уже не оттого, что Зору напугала его, а потому, что были вместе и можно было, не таясь, видеть и слышать друг друга.

На каменном сиденье у стены Калой расстелил бурку и усадил Зору. Она с радостью закуталась.

- Хорошо! А то я замерзла, ожидая тебя, хоть ты и быстро приехал! Они говорили, как взрослые, но порой весело смеялись, словно дети.

Незаметно беседа коснулась главного: как быть дальше, что делать? Зору смутилась, замолчала, задумалась. А Калой сказал, что он хотел бы не расставаться с ней никогда...

- Я тоже, - тихо ответила Зору. - А зачем нам расставаться? Мы рядом живем...

- Я хотел бы, чтоб мы жили не рядом, а у нас, - смущаясь, сказал Калой.

Но она покачала головой.

- Этого не может быть. Меня дома считают маленькой... Да и мать хочет, чтоб я жила в богатой семье.

- Я уже знаю это... слышал... — ответил Калой.

- А разве это плохо? Разве ты не хочешь стать богатым?

- Нет, отчего же, хочу, конечно, - ответил Калой. - Но богатыми не сразу становятся. Иногда люди всю жизнь работают, а так бедными и умирают. Да и потом, смотря что считать богатством. Против нищих и мы богачи, а против богачей... - Но он не договорил. Ему не хотелось называть ее и себя этим словом. Помолчав, добавил: - Я буду всю жизнь работать, делать все, что смогу, чтобы заплатить твоим родителям калым, справить тебе приданое, как лучшей девушке. И чтоб в доме у нас ни в чем не было нужды!.. Но когда это будет, я не знаю. - Он опять замолчал. Молчала и она.

- А ты так, просто, не пошла бы за меня, чтоб потом все наживать вместе? - неожиданно спросил он. Зору снова покачала головой.

- Я у них одна. Я не убегу. Не обижу их. Они и так несчастны. Отец нездоров. Мать всегда в нужде... в работе... - Она опустила голову.

- Но что же делать? Тебя могут выдать...

- Я буду ждать, когда у тебя будет все... — не поднимая головы, ответила Зору.

- Больше мне ничего не надо! - воскликнул Калой. - Вот увидишь. Я буду ложиться последним и первым вставать. А если вдруг из Турции вернутся мои родители... Я почему-то не думаю, что их уже нет. Говорят, там многие наши стали богатыми...

- И твоя мать подарит мне турецкий шарф, розовый, с серебряными нитями! - воскликнула Зору, хлопая в ладоши.

Калой смотрел на нее, и ему хотелось, чтоб она все время была такой радостной.

- Даже если они не вернутся, я куплю тебе этот шарф! - горячо сказал он.

И Зору снова обрадовалась, точно подарок был уже у нее. Потом она спохватилась - ведь ему, должно быть, тоже холодно — и встала. Но оно опять усадил ее. Тогда, вскинув лицо, она неуверенно предложила ему сесть рядом. Калой осторожно опустился на камень.

- На бурку. Камень холодный, - уже более свободно предложила она.

Он пересел. Почувствовав ее рядом, Калой опять потерял способность говорить. Но через некоторое время он справился и с этим волнением.

Сидеть было тепло, уютно. Калой вспоминал недавнее детство, когда вот так же, только с ребятами, в ночном, он сидел у костра. Они грели тогда друг о друга спины, и кто-нибудь рассказывал сказки.

- А хочешь, я расскажу тебе сказку? - спросил он Зору.

- Опять будешь врать? — тихо засмеялась она.

- Нет. Я расскажу тебе, как слышал. А сказки ведь все - неправда!

- Расскажи. Только не страшную! А то ты опять испугаешься! - снова засмеялась она.

- Колючка! Ну ладно, слушай.

- Жила-была девушка. Она была такая красивая, что люди не могли глаз от нее отвести. Влюбились в нее два друга. Оба стройные, оба мужественные и одинаково богатые. Сказали они ей о своей любви и стали просить выйти замуж за одного из них.

Послушала девушка свое сердце и ответила: «Лучше вас нет никого! И сердце мое лежит к вам обоим одинаково. Ни одного из вас я не могу обидеть». - «И все-таки решать тебе, - оказали они. - Мы ждем». Подумала девушка и ответила: «Я стану в середину луга. А вы с двух сторон начинайте косить. И кто из вас первым дотронется до моей руки, - значит, тому я и суждена», Согласились друзья, разошлись и начали косить. Косят, а она им поет, чтоб веселее было. И вот подошли они совсем близко, она протянула к ним руки. Парни в последний раз взмахнули косами и вместе дотронулись до ее рук. Бог видел это и решил за такую любовь не разлучать их никогда. И всех троих он навеки превратил в камни. Так и стоят они до сих пор у селения Галашки. Она стала каменным крестом, по бокам юноши - два каменных столба. Вот и все.

Калой умолк. Молчала и Зору.

- Хорошая сказка! - наконец сказала она. - Только неправильная...

- Почему? - удивился Калой.

- Потому что одинаково нельзя любить! Даже отца с матерью... Это только в сказке бывает!

- Наверно! - согласился Калой и задумался: «Можно ли любить одинаково двоих или нет?» Внезапно Зору забеспокоила, вскочила. Поднялся и Калой.

- Сколько сейчас времени? Ведь я отцу сказала, что схожу к подружке. А вдруг он проверит!

Она дотронулась до его руки и, заглянув в лицо, тихо-тихо пропела:

То, о чем мы втайне,

Как воры, договорились,

Кто, как воду на гальке расплещет,

Пусть умрет!..

- Пусть умрет! — клятвенно повторил Калой.

- Пойду, — сказала Зору, — печально опустив руки.

- Как пойдешь? - удивился Калой.

- Как пришла, так и пойду.

- Нет. Пришла по-одному, а уйдешь по-другому! Нельзя, Ночь... Волки... Пропasti... Что ты? Он привел Быстрого.

- Я пешком пойду, - попыталась Зору отказатьcя. Но он взял ее за талию, подбросил вверх, как подбрасывают детей, и посадил в седло.

- На лошади с этой крутизны! - взмолилась она. Но он уже вел коня вниз.

- Держись за холку! - приказал он. - У нас с конем шесть ног, а у тебя две. Кто скорее оступится?

Зору оглянулась. Башня Ольгетты быстро уходила вверх.

Опасный спуск прошли благополучно. Снова рядом слышался шум потока. Калой вскочил на круп лошади позади Зору, и они быстро направились к дому. По дороге встречались подъемы. Тогда Калой шел впереди. А потом они снова ехали вместе и говорили так тихо, что их не слышала даже ночь.

Уже недалеко от аула, на горе, они увидели людей. Калой сел в седло и закрыл девушку буркой. Она обняла его за талию и в страхе прижалась к нему. Быстрый почувствовал ногу Калоя и пошел рысью. Когда люди остались позади, Калой слышал сиплый голос Пхарказа:

- Эй, путник, ты не встречал на дороге женщину?

Зору перестала дышать. А Калой повернул коня прямо на голос.

- Эй, кто это? Дядя Пхарказ, это ты? - Да!

- Кого ищете?

- Зору! — ответил другой голос. Калой узнал соседа.

- Я отвезу овечку... Едва нашел возле башни!.. И вернусь, - крикнул Калой и, сделав вид, что не слышит, о чем они еще говорят, помчался к аулу. Проезжая мимо башни Пхарказа, он придержал коня.

- Ты мне очень нужна[20], - услышала Зору.

- И ты мне... - сказала она в ответ.

Освободившись от его рук, она выскользнула из-под бурки и тенью метнулась во двор. Калой заехал к себе, покрутился около база на случай, если кто заметил его, и помчался назад.

Пхарказ и соседи дожидались его. Подскакав, он спрыгнул на землю и подбежал к ним.

- Вот лошадь. А если надо, и я готов куда угодно... - предложил он. - Гости приехали, а

ее нету, да?

- Да какие гости! - раздраженно закричал Пхарказ. - Сказала, пойдет к подруге, а там ее и след простыл! Вот и думаю: не пошла ли она, негодница, на хутор, к сестре двоюродной? Ну, погоди, сыщу ее, она у меня получит!

- Дядя Пхарказ, а кто же у вас по дому ходит? Ведь Батази утром уехала, - продолжал удивляться Калой.

- Да никого там нет! Кто там ходит!

- Ну как же нет, я сейчас мимо вас проезжал и видел в окне людей!

- Что же это еще? А ну, пошли!

Отказавшись от лошади, раздосадованный Пхарказ зашагал в аул, проклиная судьбу и разболевшуюся поясницу. Когда они вошли во двор, к ним навстречу выбежала из башни Зору.

- Дади![21] Что случилось? Сердце зашлось от страха! Куда ты девался?

- Посмотрите на нее! - рассвирепел Пхарказ. - Да ты-то сама где была? - он ткнул палкой в землю и даже подскочил на месте.

- Как где была? Ходила к подружке. А когда вышла, вспомнила мать... Ведь ей куда идти! И я решила помолиться за нее. Пока я искала элгац[22] бога путников, стало темно. Так я свернула к богу охоты... Там хорошо было!.. Мне даже казалось, что сам бог охоты был рядом со мной... Только я подумала: за что ему мать нашу любить?..

- Ну, ладно, ладно! Богомолка! Не хнычь!.. Вам, соседи, спасибо. А может, зайдете? Она, наверное, угостит вас чем-нибудь за беспокойство. Чуть не всем селом тебя искали! - Пхарказ повеселел.

Соседи от ужина отказались и ушли. И Пхарказ направился в башню.

Калой попросил Зору вынести ему напиток. Зору побегала в комнату и вернулась с водой. Калой сжал ее пальцы на ковше, отпил глоток, поблагодарил. Лукаво улыбнувшись ему в ответ она убежала.

Это была их самая счастливая ночь.

[1] Дымовая подать — подворный налог в царской России.

[2] Хулчи — сыромятные чевяки с ремневым переплетением вместо подошвы для хождения по скалам (инг.).

[3] Звездой Восхода ингуши называют Венеру.

[4] Джин - злой или добрый дух из арабских или персидских сказок, бытующий и в ингушских преданиях.

[5] Епр — род душистого горошка.

[6] Бурак - крылатый конь в арабской мифологии.

[7] Джейн - книга (араб.).

- [8] Назма — песня (араб.).
- [9] Аба - халат-ряса (араб.).
- [10] Дуа - молитва (араб.).
- [11] Ясиин — отходная молитва. 36-я сура Корана.
- [12] Лоамаро - горец. Ингуши - жители равнин - считали горцев отсталыми людьми.
- [13] Харам - грешно (араб.).
- [14] Дорхе - название долины в верховье Ассиновского ущелья (инг.).
- [15] Курхарс - рогообразный женский головной убор, загнутый вперед (инг.).
- [16] Волк у ингушей символизирует мужество и отвагу.
- [17] Шатлак - салют (инг.).
- [18] Ворс-тох - восклицание во время танца (инг.).
- [19] Хевсуры - народ грузинского происхождения, живущий в горах по соседству с галгаевцами (ингушами).
- [20] В ингушском языке прямого слова «люблю» нет. Говорят: «Ты нужен мне...», «Ты много (очень) нужна мне...», «Желанна мне...»
- [21] Дади — папа, дедушка (инг.).
- [22] Элгац — святилище (инг.).

Глава четвертая. У старой башни

1

С того времени, как Калой и Зору встретились у башни Ольгетты, ничто уже не беспокоило их. Жизнь была заполнена обычными делами и заботами. На смену пахоте приходила жатва, и они вместе с людьми делали привычную с детства работу с мыслями о хлебе, о зиме.

Каждый ягненок, каждый телок, лишний стог сена в хозяйстве - все радовало теперь Калоя, все приближало то время, когда он сможет сказать своему фамильному брату и другу Иналуку, чтобы тот поднял престарелого Зуккура, почетного Хасана-хаджи и отправился с ними к Пхарказу просить у него дочь. Просить не униженно, победному: мы, мол, одинаково обездолены, так давайте соединимся родами да будем добрыми соседями и близкими родственниками, хотя дочь ваша, конечно, достойна богатого приданого, и уход такой работницы из семьи нужно было бы возместить двенадцатью коровами...

Нет, Калой сможет послать их с поднятой головой, с подарками, сможет согласиться на любое приданое, которое Батази потребует от него для своей дочери![1]

Словом, его посланцы не будут жаться от бедности. И как только они получат согласие Пхарказа, он пригонит к нему во двор на заклание, во имя родства, круторогого барана, который вот уже второй год, на удивление всего села, возит за собой на тележке с деревянными колесиками свой курдюк. Он загонит на их баз двенадцать коров!

Как-то само собой, без разговора об этом, о планах Калоя узнал Орци. Всем детским сердцем потянулся он к Зору, полюбил ее, как сестру, как мать. Втайне считал уже своим человеком. И стоило ей попросить его то ли пригнать скотину, то ли снести на поле родителям еду, как он срывался со всех ног выполнять ее просьбу. Калоя это было очень приятно. Чувствовала это и Зору. И всем троим было тепло на душе.

А как терпеливо ради брата и Зору Орци переносил нужду, недоедал, работал и мерз!

Весна и лето были для него праздником. В это время он не боялся никакого труда. Но зато поздней осенью, когда по горам начинали стелиться бесконечные туманы, когда днем и ночью шли дожди и земля расползалась под ногами, ему было нелегко с утра до ночи ходить за отарой и дрогнуть под влажным куском сукна, заколотым на груди деревянной булавкой. Случалось, уйдут за день овцы так далеко, что их уже не подогнать ни к одной пещере; тогда Орци укладывался вместе с ними прямо под открытым небом, на сырой земле и спал до рассвета, скуля и вздрагивая во сне, как бездомный щенок. Другой раз проснется, а кругом все белым-бело от снега. Под боком натаившая вода. Встанет, попытается укрыться где-нибудь под валуном или разжечь костер из можжевельника. А нет - так натянет на голову свое суконце, сунет босые ноги в папаху и так стоит в ней день-деньской до следующей ночи, покусывая холодную ячменную лепешку.

Нелегко был этот труд, но Орци исполнял его безропотно. Так жили все и всегда.

Теперь Калой встречался с Зору очень редко. Он берег ее честь. Боялся обидеть и восстановить против себя ее родителей. Но зато в эти редкие встречи, о чем бы они ни говорили, им было весело, было хорошо. Иной раз они высчитывали время, когда Калой соберет все для свадьбы. Срок получался большой. И тогда приходила на помощь главная мечта: к ним из Турции возвращаются Турс и Доули. Они привозят с собой столько добра, такие дорогие подарки, что даже Гойтемир в сравнении с ними должен признать себя бедняком...

Эта мечта помогала им верить в будущее. Они не подозревали о том, какое несчастье приближалось к ним. Какая темная туча беды надвигалась на них.

2

А дела Гойтемира шли все лучше и лучше. Два старших сына достроили новую лавку в Назрани, завязали связи с хозяевами мануфактур и под поручительство пристава получали от них в кредит товары. Торговали они бойко, богатели, но не забывали отца, потому что не были отделены и не хотели терять своей доли в том хозяйстве, которое оставалось у них в горах. Старший сын Гойтемира давно уже имел свою семью, а второй под разными предлогами избегал женитьбы. Видно, ему и так жилось не скучно, потому что большую часть времени он проводил во Владикавказе, устраивая торговые дела всего дома и не забывая развлекаться с друзьями в духанах и иных увеселительных местах. Эта сторона его жизни оставалась никому не известной и мало интересовала отца и брата, потому что коммерческие способности его приносили семье немалый доход. И только мачеха Наси без конца пилила старого Гойтемира за то, что он распустил его и не хочет заставить обзавестись семьей, жить в селе, как подобает всякому порядочному человеку. Но главной причиной этих сетований ее была, конечно, забота о Чаборзе. Пока старший сын холост, ее сын не мог мечтать не только о женитьбе, но даже и о сватовстве. Это было бы позором для всего дома. Чаборз был молод. И женить его было не к спеху, если б Наси не имела на то своих планов. С тех пор как на празднике молодежи Наси увидела Зору, та не выходила у нее из головы. Ей хотелось женить своего единственного сына на самой красивой, самой лучшей девушке. Ей хотелось женить его по своему выбору, а то, не ровен час, набьется кто-нибудь в родню из назрановских, с положением! Тогда приноравливайся к ним, тянись за ними! Да еще неизвестно, какой окажется невестка! А здесь она знала: родители

Зору бедняки. Они будут считать за честь родство с Гойтемиром! Будут вечно обязаны ей. Невестка за свое счастье будет молиться на мать и сына. Знала Наси и то, что девушки с гор и с плоскости - это не одно и то же, хотя и те и другие одного племени. Плоскостные более развязны, самовольны, а горянки воспитывались в строгости, в старых правилах, и из них выходили самые покорные жены.

Но шли годы, брат Чаборза не женился, а Зору могла ускользнуть от них в любой день. До Наси уже доходили тревожные слухи. Над ее планами нависала угроза - надо было спешить. И она решила действовать. Однако она хорошо знала характер своих мужчин. Знала, что они больше всего боятся потерять свое главенство, когда решаются важные семейные дела. Здесь, если пуститься напрямик, даже родной матери может не повезти. Но зато, если подойти с умом, их вовсе не трудно заставить поступить так, как тебе хочется.

И однажды она издали начала разговор с Чаборзом о Зору.

Отец еще с вечера уехал в Назрань. На дворе моросил мелкий дождик, и, хотя давно уже рассвело, в комнате стоял полумрак. Вдоль окна проплывал серый туман.

Чаборз лежал в постели и смотрел на мать, которая готовила пшеничную затирку на молоке. Это была редкостная еда избранных, потому что пшеничную муку в горах почти никто не видел.

Наси вспомнила последний женский праздник, пожалела, что Эйза, которая на этом празднике была царем, уехала жить на плоскость и теперь некому будет вспомнить старый добрый обычай...

- Было это давно, - говорила она ровным, бесстрастным голосом, помешивая в котле, - а кажется, как вчера... Те, которые были тогда девочками, теперь уже девушки. Девушки стали матерями. Не могу забыть, какой хорошенькой в тот день была Зору, дочь Пхарказа. Позже я видела ее уже на вашем празднике. Настоящая красавица!.. Наверное, и она скоро выскочит...

Скрипнули нары. Чаборз повернулся лицом к стенке. Мать замолчала. В печке трещали дрова. От кипящего котла под потолок валил густой пар.

- Говори, говори дальше, - нарушил молчание Чаборз. — Ведь ты не зря начала этот разговор. Если ты лиса, то я лисий хвост!

Мать рассмеялась.

- Да разве я с тобой хитрю! Рано или поздно ты, как и все, женишься. И что же тут хитрого, если я, твоя мать, думаю об этом!

- Думай! - насмешливо отозвался Чаборз. - Только пока Андарко не надумает жениться, наши с тобой думы ни к чему не приведут.

Эта слова подпалили Наси.

- Твой отец совсем распустил его! Шляется детина где попало, водится с неприличными женщинами, конечно, ему и не до семьи! Но я твоему отцу сказала: не

возьмешь Андарко в руки, не прикрутишь, я не стану ждать, пока ему надоедят потаскушки. Я своего сына женю. А вы тогда краснейте перед людьми!

Чаборз повернулся лицом к матери и посмотрел на нее с таким гневом, что она осеклась на полуслове.

- Не болтай глупостей! Как это ты меня женишь! Кого ты собираешься позорить? Моего отца и брата? Чтоб я никогда больше не слышал такого!

С месяц до этого, напившись пьяным, Чаборз упал со своего рысака и так глубоко рассек лоб, что ямка на месте раны осталась ему памятью на всю жизнь. Широко расставленные глаза и без того делали злым выражение его лица, а теперь, с этим бурым пятном на лбу, он путал даже родную мать. Взглянув на него, Наси оробела и, умолкнув, тихо заплакала, вытирая глаза рукавом.

- Конечно!.. Что еще ожидать от тебя! Ты же им ближе... Они тебе дороже... А у меня ты один... Конечно, я глупо думаю, глупо рассуждаю, когда хочу, чтоб у моего сына была самая лучшая, самая красивая жена... Поделом мне...

Чаборз терпеть не мог слез. Они раздражали его. Но он почувствовал, что обидел мать, и ему стало ее жаль. Ведь на самом деле она права. Андарко давно пора жениться, открыть дорогу младшему брату.

И Чаборз мягко сказал:

- Самой красивой жены у меня никогда не будет...

- Почему? - перестав плакать, удивленно посмотрела на него мать.

- Потому, что самая красивая жена досталась старшине Гойтемиру. Мать не выдержала, рассмеялась:

- Ты всегда найдешь, что сказать, чтоб поиздеваться надо мной! Но в этих ее словах уже не было обиды. Даже от сына Наси не могла равнодушно слышать такое.

Ободренная, она заговорила с еще большей увлеченностью:

- Конечно, я была не из худших. И твой отец забрал меня из-под носа у таких парней!.. Но то было наше время. А чем ты хуже своего отца? У тебя есть все, что было у него... и даже больше!

Тень грусти прошла по ее лицу. Но сын не заметил этого.

- У тебя есть молодость! А это дороже всех богатств! Чаборз опять слушал мать с интересом и любовался ее красотой. И ему действительно казалось, что нет на свете женщины красивее Наси. А та, по-матерински чувствуя его расположение продолжала:

- Рано или поздно женится и Андарко. Но к тому времени мы можем упустить хорошую девушку. Я много лет слежу за ней. Она воспитывается скромно. Работящая. Живут они так, что особенно баловать ее, хоть она и единственная дочь, у них нечем. Все это для будущей жены очень важно. А главное - она девушка гор. Здешнее

хозяйство знает. Эта не из тех плоскостных куропаточек, которые только тем и заняты, что считают еще не снесенные яйца! Эта понимает, что такое земля и скотина! А земля и скотина - это, мой мальчик, все!.. По молодости и ты должен будешь пожить с людьми, внизу, где-нибудь у машинной дороги[2]. А я, пока жива, буду здесь держать все наше в сохранности. Ну, а когда нас, стариков, не станет, ты вернешься в эту башню и продолжишь род и племя отца своего. Братья твои уже оторвались от земли. Им только в лавке медяки считать. Но мне кажется, что это их занятие — непрочно, как и берега рек, что текут на равнине. А здесь берега каменные, вечные и жизнь вечная. Только надо быть хозяином. - Наси умолкла. Задумалась.

- Когда я тебя слушаю, - заговорил Чаборз, - мне кажется, что я слушаю даже не старшину, а самого пристапа!

Наси рассердилась.

- Не зря говорят, что горцы и ослы - это одно и то же! «Ослу сон рассказывали, а он неприличные звуки издавал!» Так и ты. Но это лишь подтверждает мои слова. Только здесь со своими осликами да баранами ты и будешь на месте! А внизу тебе жить до тех пор, пока я с отцом здесь, пока стоят эти стены. Отшучиваешься, отлыниваешь от ответа. А я с тобой - серьезно. Я хочу потихоньку, пока ваш Андарко раздумывает да разгуливает, заручиться словом Пхарказа и Батази... А там гуляйте хоть пять, хоть десять лет. Она будет ждать. Ведь лучшей нету. Или ты другую присмотрел? Не слепой же ты! Разъезжаешь по свадьбам, по похоронам... Чаборз молчал. Мать отставила котел и начала варить калмыцкий чай.

- Или ты тоже прослышал, что Калой на нее зарится? Боишься его?.. - как бы невзначай обронила она.

Чаборз вскочил, сел на постели, свесив красные босые ноги, и уставился на мать.

- Кто тебе это сказал?

- Да разве упомнишь, где и с кем говоришь? Многие говорят... -ответила Наси, собирая на стол.

Чаборз уперся кулаками в тюфяк и не сводил с нее тяжелого взгляда.

- А разве тебе не безразлично, кто о ней мечтает? Ты ведь не думал о ней. — Наси с деланным удивлением посмотрела на Чаборза.

- Думал или не думал, но мне не безразлично это! — выжал из себя Чаборз.

От неожиданности Наси чуть не выронила большую ложку.

- Надоел мне этот ваш Калой! Сквозь мозги и нос прошел! Куда ни кинься — везде он! - все больше и больше свирепел Чаборз, разжигая самого себя. - Он словно чертом поставлен на моем пути! Удача ему во всем. А кто он? Раб! Бык в ярме! И туда же - еще и лучшую девчонку ему!

Одеваясь, Чаборз так рванул на себя штаны, что оторвал от них пояс. Мать принесла ему другие. Чаборз умылся и, поостыв, уже сидя за столом, более спокойно сказал:

- Ты не раз говаривала о моей женитьбе. Так знай: или я женюсь на этой дочери Пхарказа, или не женюсь ни на ком! Это я сделаю хотя бы ради того, чтоб вытянулся нос у вашего Калоя! Все удачи, все победы - не будут ему! Узнай все. Средства у тебя есть. Сговоришься с ее родителями. Поняла?..

- Что ж тут понимать? Конечно, поняла! - откликнулась Наси. - Если между ними нет любви, это дело несложное. Но любовь, конечно, сильная вещь...

- Какая любовь? - почти заорал Чаборз. - Ты сама только что говорила, что она девушка выдержанная, порядочная! «Любовь - сильная вещь!..» - передразнил он мать. - Да. Сильная вещь. Только нет ничего сильнее богатства! Запомни, если ты до сих пор не поняла этого! Но если у тебя будет не ладиться, не утай! Я все равно заберу ее, даже если она успеет стать его женой! Всех погублю, сам погибну, но не уступлю ее никому! Ты поняла?

- Да успокойся ты, ешь! Смотри, какая нежная затирка! А об этом не беспокойся. Я не твоя мать, не Наси, если я не сделаю того, что тебе угодно! Ешь! Мне за тебя умереть, мой мальчик! Все будет у тебя!

Чаборз покрутил головой, желая сказать еще что-то, но раздумал, зачерпнул деревянной ложкой топленого масла, бросил его в миску, размешал и принялся за еду. А Наси уже налила ему в чашку калмыцкого чая.

«Вот так, - думала она, едва справляясь с улыбкой, - только стоит вас подогреть немного - и пошло!.. А насчет любви - в этом ты, мой дорогой мальчик, не можешь понимать, как понимаю я... От нее и радость и горе. Все от нее...»

Во дворе басовито пропел петух на погоду и захлопал крыльями.

После разговора с сыном Наси тщательно обдумала, что делать и, улучив подходящий момент, когда однажды за ужином Гойтемир заговорил об Андарко, приступила к делу.

- Конечно, ты прав, заботясь о нем, - поддержала она мужа, - только, видимо, ему еще не приелась жизнь, которую он ведет. Он сдружился в городе с христианами, а те заботятся лишь о теле, а не о душе... Вот он и гуляет...

- Тело никто не хочет забывать, - ухмыльнулся Гойтемир. - Подлей-ка горячего... - Он протянул ей миску.

Наси подлила ему молочного бульона из-под баранины и присела сама к низенькому столику, за которым они ели вместе, когда в доме не бывало посторонних.

- Конечно, ты прав, - опять согласилась Наси, - но надо думать и о душе. Ведь каждому придется умереть. А там всему счет... От Него ничего не утаишь!.. - Она, причмокивая, с удовольствием ела молодое мясо, посасывала кости и макала галушки в черемшовый соус.

Гойтемир слушал ее и студил свой бульон, опуская в него холодные, обглоданные мослы. Он любил жену, любил ее голос, ее правильные мысли, хотя никогда не высказывал ей этого. Ведь он знал: стоит женщину похвалить, как та тотчас же забудет

свое место и постарается усесться мужу на лысину. А раз забравшись туда, она уже навсегда считает для себя это место самым удобным!

- Я помочь Андарко не могу. У него есть ты и есть своя мать. С Божьей помощью вы сами что-нибудь сделаете. Но не думать о нашем сыне мне нельзя. Ты занят службой, лавкой, у тебя еще и другая семья... А что ты и люди, что вы скажете мне, если я пушу по пути старшего брата своего единственного сына? - Она проглотила кусок курдюка и на миг задумалась, приоткрыв полные, красные губы, вокруг которых лоснился жирок.

Гойтемир любовался ею. Он со страхом чувствовал, что к ней его тянет больше всего на свете, хотя Кораном было предписано любить каждую из своих жен одинаково. «Гореть мне в огне», - проносилось у него в голове. Но он ничего не мог поделать с собой! Хороша была Наси. Хороша!

А она рассказывала мужу, как выведала у сына, что ему нравится Зору, как она все разузнала про эту девушку и что следовало бы уже сейчас, правда без огласки, заручиться словом ее родителей, чтобы такая красавица и хозяйка не досталась другому.

- Послушай, да ты в своем ли уме? — воскликнул Гойтемир. — Ты хочешь, чтоб я породнился с Пхарказом? С этой скрипучей жердью? С людьми, у которых вши с голода шерсть обглодали на шубах? - Он фыркнул и отодвинул от себя миску.

Наси замолчала. Доев мясо, она налила себе бульона и, выждав, когда остывший Гойтемир снова принялся за еду, продолжала разговор:

- Так я же не о Пхарказе говорю тебе и не о его жене! А об их дочери. Что тебе свата на показ возить, что ли? Ведь ты тоже не на моем отце женился? А что бедные - это, конечно, всерно. Так поделимся. Дадим, что положено, за дочь - справят они себе платье и шубы. Зато девка какая! Золотые руки! А зная, из какой нищеты мы ее вызволим, она век нам будет в ноги кланяться. Я все обдумала.

Гойтемир сопел. Опорожнив миску, он сдвинул на затылок папаху и вытер лоб рукавом. То ли разговор с женой, то ли горячий бульон вышиб пот.

- Складно придумала, - наконец оказал он. - На эти дела у тебя смекалка! Только как придется твоему жениху да невесте ждать свадьбы Андарко, так тут всем нам может хватить! Не усидит она. Сбежит с кем-нибудь - вот тебе и беда! Тягайся тогда с людьми! А мне надоело. Всю жизнь, как на войне. Не то ты кого, не то тебя кто...

Он встал, снял бешмет, папаху. Сел на кровать. Наси стянула с него ноговицы.

- Нами-то ты командуешь, а старших сыновей балуешь... Пригрози Андарко. Скажи, что отстранишь от доли доходов, быстро сядет на место! Пусть хоть засватает кого, откроет дорогу младшему брату. Нельзя же все только о себе думать!

- Ладно. С ним я как-нибудь справлюсь, - примирительно ответил Гойтемир, с вожделением поглядывая на Наси, которая ловко перебирала посуду, сметала сор в уголок, то и дело нагибаясь к нему гладкой спиной. - Только здесь без посредника не обойтись. И надо, чтоб человек был авторитетный. И в случае чего - молчать уметь!

- Конечно! Ты прав! - радостно воскликнула Наси. — Ты это здорово придумал! А я собиралась сама... А ты еще меня хвалишь! Да я без тебя - лошадь без головы! Знаешь, мне кажется, для этой цели трудно найти человека более подходящего, чем Хасан.

Обрадованная согласием мужа, Наси сыпала словами. Она была уверена, что в конце концов настоит на своем. Но не думала, что это ей удастся так быстро.

- Хасан-хаджи - ты хочешь сказать? - переспросил Гойтемир. Наси рассмеялась. - Какой там хаджи? Был мулла, теперь - хаджи!

А для меня он просто Хасан - козлиная борода. Ха-ха-ха! - заливалась она звонким смехом.

Гойтемир неодобрительно покачал головой, чтобы самому не рассмеяться.

- Конечно, о нем! - продолжала Наси. - Он ведь у них в селе действительно корчил из себя муллу. А теперь еще и хаджи! Они в него, как в Аллаха, верят! Надо отослать куда-нибудь Чаборза, чтоб не мешался. Вызвать Хасана для чтения мовлада[3] и тут с ним поговорить!

- Да разве сейчас время мовлада? - Гойтемир наморщил лоб, силясь припомнить.

Но Наси не собиралась уточнять, когда родился пророк Мухаммед.

- Что ты, не знаешь этих «святых» прощелыг? Они и собаку отпоют, если им пообещать что-нибудь.

- Ну и злой у тебя язык! Не к ночи будь сказано - шайтан, а не баба! - не выдержав, рассмеялся старый Гойтемир и полез в постель. - Кончай свою возню да туши свет, если не собираешься шкуру содрать с этой посуды! Будет тебе и Хасан-хаджи. На днях позову его.

Наси искоса взглянула на мужа. Бритая сухонькая голова, седые брови, борода... острые плечи, локти и колени, торчащие из полупустого белья... Все прошло. А в глазах желание... Ее передернуло от мысли, что он, кажется, и сегодня хочет попытаться стать мужем... Который раз! Не зря, видимо, и на мясо налегал...

И она решила перебить его настроение.

- Говорят, сын Турса заглядывается на Зору. Этого я боюсь больше всего! Хваткий паренек! И вечно на пути у нашего мальчика...

Гойтемир подскочил на кровати.

- Завтра же Хасан будет здесь! Я передам Пхарказу газырь в залог за дочь! А Андарко-бездельника женю! - Глаза старшины гневно бегали. - Много сил я потратил на то, чтоб выжить отсюда Эги. Много мне удавалось. Но каждый раз, как я их лишал головы, у них, как на теле дракона, вырастала новая. Калой сам еще не знает, какая он болячка для нас. И прежде, чем он поймет это, мне придется что-нибудь придумать... Во всяком случае девчонки этой ему не попробовать!

Наси взяла рукомойник и вышла во двор. Она ходила в загон, перевязывала в сарае коров, тянула время. А немного погодя, заглянув снаружи в окно, увидела, что муж уснул, открыв черный, глубокий, как дупло, рот. Потихоньку проскользнув в комнату, Наси стала стелить себе на нарах. В это время, переворачиваясь, Гойтемир заскрипел кроватью.

- Ложись здесь... — приказал он.

Наси прилегла на край возле него. Он, засыпая, протянул руку назад, к ее бедру, и, вздохнув, громко захрапел...

Когда он проснулся, в окне было светло. Со двора доносились голоса Наси и вернувшегося с вечеринки Чаборза. Вокруг хозяйки шумела выпущенная из курятника птица. Гойтемир вспомнил вчерашний разговор с женой о Калое и то, как, не дождавшись ее, заснул... И он послал проклятье роду Турса, который вечно мешал ему и, кажется, даже на собственной кровати!.. «Чтобы сгнуло ваше племя!» - думал, он, почесывая седую грудь.

Но в этот день Гойтемиру не пришлось звать Хасана. Приехал посланный, который сообщил о том, что сильно заболела мать Наси. Всей семьей они поехали туда, поручив соседям двор и хозяйство.

Лишь через неделю матери Наси стало лучше. Оставив при ней Чаборза, Гойтемир и Наси вернулись домой. На второй день он послал за Хасаном. Хасан обещал приехать к вечеру.

Хасан приехал засветло. Хозяева встретили его со всем радушием и отвели в кунацкую[4]. Поговорили о здоровье, о погоде. А о ней было что сказать. Осень затянулась. Ни снега, ни мороза еще не видели. И это было плохо для земли. Потом Хасану рассказали о болезни матери Наси, сказали и о том, что в связи с этим они зарезали барана и просят его почитать мовлад.

- Ну что ж, - подумав, сказал Хасан, — жертва всегда угодна Богу. Помолимся.

Он поднял руки. Хозяин и хозяйка последовали его примеру. Короткой была эта молитва. Мулла достал из нагрудного кармана маленький Коран, купленный в самой Мекке, раскрыл его и, надев очки, начал читать нараспев.

Голос Хасана звучал ровно, без дрожи. Мужественное, бледное лицо его окаймляла короткая темно-каштановая с проседью борода. Он сидел за высоким столом, скрестив на нем белые руки, и изредка переворачивал тонкими пальцами хрустящие страницы. Наси смотрела на благообразие этого человека с тайной грустью и с трудом заставляла себя уйти, чтобы заняться своими делами.

У Наси были на глазах слезы. То ли ее растрогал задушевный голос гостя, то ли она вспомнила о больной матери, то ли это были слезы, вызванные другой, только ей одной известной болью... Никто не знал...

Гойтемир сидел напротив Хасана-хаджи, благоговейно молчал и лишь изредка подкручивал фитиль, чтобы в комнате было светлее.

Женский голос из-за забора позвал Наси.

Узнав, что соседке нужен гребень для чесания шерсти, Наси вынесла его и отдала ей. Возвращаясь, она увидела на террасе Гойтемира и сделала вид, что вытирает рукавом слезы.

- Что еще? — тихо спросил Гойтемир.

- А, ничего... - словно желая уйти от неприятного разговора, ответила Наси. Но муж забеспокоился, повторил вопрос.

- Соседка просила гребень и сказала, что недавно проезжал человек в Цори, который говорил, что матери стало хуже... - Наси снова поднесла концы платка к лицу. Плечи ее затряслись.

- Успокойся, - сказал Гойтемир. - Ведь мы сами видели, ей стало лучше!

- Конечно. Старая она. Сейчас лучше, и сейчас же может стать хуже... Конечно, если бы не позвали этого, я поехала б хоть узнать, что там. А может, действительно до человека из Цори дошел старый слух, когда ей было худо? Только я теперь до утра должна мучиться. Бедная моя мама!.. Сколько он может читать! Я, кажется, уже ничего не хочу - ни невесты, ни посредника! Послушай, может, соседка подаст вам?.. Все готово. А я пойду... К утру я дойду до наших... Мне ведь все равно, что тут, что идти... Спать я не буду...

- Как это ты пойдешь ночью по ущелью? С ума сошла? Раз так, уж лучше я съезжу... В ночь и вернуться успею.

- Что ты! Что ты! Не молод ты, чтоб так по горам носиться! - испуганно воскликнула Наси. Она хорошо знала, как на мужа действует упоминание о возрасте. И действительно, Гойтемира как подменили. Он задвигался, засуетился.

- Поеду, - сказал он твердо. - А гостя не беспокой!

- А что я ему скажу?

- Как что? Накормишь, потом расскажешь, о чем мы договорились насчет Зору, и уложишь спать.

- Ну да! Тебя нет, нужен он мне здесь в доме! Пусть плетется к себе! Не так уж далеко!.. — Наси недовольно насупилась.

- Нельзя этого! - обозлился Гойтемир. - Человека позвали, не ребенок же он! А дома я или нет - никто не знает. Скажешь — позвали по делу. Старшина я. Мало ли что может быть! Вернусь, утром сам провожу его!

Наси снова вытерла глаза.

- Ну и голова у тебя! И сердце! Тобой меня наградившего Бога - славлю! Поезжай тогда, чтобы поскорее вернуться! Только умоляю: на опасных местах не гони! Будь осторожен! Я глаз не сомкну, пока тебя не увижу снова! - слышал Гойтемир

взволнованный шепот жены.

По двору, освещенному окнами, заметалась фигура Наси. Она вынесла седло, сбрую, оружие Гойтемира. Оседлала коня. А когда он, крикнув, подскочил, чтобы сесть в седло, да зацепился ногой за высокую луку, перетащила его ногу на свою сторону и всунула в стремя. Уже у ворот она остановила его, вбежала в дом и вынесла кусок лепешки и вареного мяса.

- Ты же ничего не ел! - тихо сказала она, когда он хотел запротестовать. - Кто тебя увидит?!

И Гойтемир поехал, - держа в одной руке повод с плетью, в другой - мясо и лепешку.

- Побереги тебя Бог в пути! - донесся до него взволнованный шепот жены.

Когда Гойтемир скрылся за последней башней аула и цокот лошадиных копыт донесся уже с каменистой тропы, Наси всплеснула руками, беззвучно захохотала, хватаясь за бока, и побежала в дом, откуда доносился благостный голос Хасана. Войдя в кунацкую, она остановилась у дверей. Хасан перестал читать, поднял на нее глаза, в которых еще жила отрешенность от мирских забот. Он шепотом dokonчил молитву, не торопясь, перебросил оставшиеся шарики на четках и, поцеловав их, опустил в нагрудный карман.

- Если уже время, я могла бы внести еду. Кажется, пора подумать не только о душе, но и о теле... - сказала она, скромно опустив глаза и едва улыбаясь.

Хасан увидел ровную полоску ее необыкновенных зубов. Продолжая молитву, он кивком головы дал согласие, и Наси ушла в общую комнату, где ждала ее соседка.

Ужин был обильный и изысканный. Молодая отварная баранина с черемшовой подливой и галушками, баранья голова, грудинка и курдюк на отдельном деревянном блюде, вареники, творог в масле, жареные блины с начинкой - всего этого было подано на десятерых. Наконец Наси внесла индюка, за которым последовало особое лакомство - халва и чай с сахаром.

Хасан был тронут таким обилием угощения, но ел очень мало.

- Гость, кажется, боится растолстеть! — язвила Наси, принося обратно почти нетронутые блюда, на что соседка ответила, что умеренность в пище - признак благородства и воспитанности человека.

- Конечно! - не удержалась, чтобы не позлословить Наси. - К чему бобылю еда? На что ему силу тратить? На чтение книг? А настоящий мужик без мяса, что конь без овса, - борозды не вспашет!..

Соседка долго не могла успокоиться от смеха.

Посадив ее ужинать, Наси посетовала на то, что Гойтемир задерживается, и пошла к гостю. Неудобно было оставлять его одного до возвращения хозяина. Скромно сев около окна, чтобы ее легко можно было увидеть снаружи, она повела речь о Зору, ради чего Гойтемир и пригласил Хасана.

Хасан-хаджи слушал ее внимательно, но видно было, что он не ожидал этого разговора. Когда Наси умолкла, он сказал:

- То обстоятельство, которое вынуждает вас поторопиться, имеет большое значение. Я имею в виду Калоя... Но, если между ними есть любовь, вряд ли нужно расстраивать ее. Что из этого получается, нам хорошо известно. - Он пристально посмотрел на хозяйку. Прочитав в его взгляде печаль, она опустила голову. - Есть люди, к которым любовь приходит только раз. И если они теряют ее, это делает их несчастными на всю жизнь... Такой человек не может принести радость другому. Нам это тоже хорошо известно... Вот почему над тем, что вы желаете, надо подумать. Надо многое взвесить. Не зря говорят: сватай днем, да при факеле!

- Ты человек мудрый, - ответила Наси, услышав тихие шаги за дверью. Она знала привычку своей соседки. — Вот поэтому мы и решили прибегнуть к твоему уму, к твоему совету... Но муж задерживается, а время позднее. Если разрешишь, я постелю постель, а утром вы с ним обсудите все это дело на свежую голову.

Она внесла рукомойник и, пока гость выходил во двор, постелила ему на нарах пышную постель.

Вернувшись, он совершил омовение и намаз. После этого Наси сдвинула в сторону сундук, под которым оказалась крышка люка, и, громко пожелав гостю доброй ночи, удалилась.

Вскоре в кунацкой погас свет. Наси и соседка еще некоторое время судачили, прибирая посуду. Потом и соседка ушла к себе, унося для детей лепешки, которыми, не скупясь, наделила ее Наси. Проводив женщину до калитки, Наси выпустила из ямы пса, принесла ему еду и закрылась в своей комнате. Некоторое время ее тень еще мелькала за окном, потом и в этом окне стало темно. Сон охватил горы, аул. Ничто не нарушало тишины.

Но в доме Гойтемира не спали. Хасан-хаджи глядел в едва заметное очертание окна и прислушивался к каждому шороху. Он пытался думать о том, что сказала ему Наси. Но мысли эти тотчас же улетучивались, и вместо них вставал ее образ. Цветущая, с глубокими ласковыми глазами, она чудилась ему там, у окна, где сидела весь этот вечер. Хасан, пытаясь избавиться от этого наваждения, читал молитву. Но Наси то улыбалась ему, сверкая ослепительными зубами, то грустно опускала глаза и вздыхала, и ему мерещилась ее высоко вздымающаяся грудь... Хасан мучился безмерным желанием и проклинал себя за то, что остался ночевать с ней под одной крышей.

Он понял, что в эту ночь ему уже не уснуть.

А в это время Наси заперла дверь, завесила платком окно, разделась возле своей кровати, умылась пахучим персидским мылом, которое Гойтемир подарил ей, оглядела себя при слабом свете и, накинув на голое тело широкое платье, опустилась через люк в нижний этаж, куда в холодное время загоняли скотину.

Закрыв выход из хлева на засов, она постояла, соображая что-то, потом поднялась в комнату по шаткой лесенке, раздула огонек в печке и, когда лучина вспыхнула, снова спустилась под пол.

При свете огня Наси оглядела все углы, еще раз проверила засов. Задув пламя, она подошла к другой лесенке, которая упиралась в люк кунацкой, встала на ступеньку, прислушалась... И, ничего не уловив, кроме стука своего сердца, улыбнулась...

Хасан-хаджи давно уже слышал шорох внизу. Это могли быть овцы или собака... Но когда в том месте, с которого вечером Наси сдвинула сундук, легонько скрипнув, зашевелилась половица, Хасан вздрогнул, сунул руку под подушку и сжал рукоять кинжала.

«Может, Гойтемир проведал что-нибудь и устроил ловушку?» Он замер, весь превратившись в слух. Это длилось мгновение. Люк бесшумно поднялся и прислонился к стене. Из него выскользнула женщина, Хасан узнал Наси, хотя в комнате было совсем темно. Он хотел вскочить, но не успел.. Наси швырнула на стол платье и мгновенно очутилась у него под одеялом.

- Сумасшедшая! - прошептал Хасан.

- Посмотри, что делается... - с трепетным восторгом, так же тихо ответила она и прижала его руку к своему сердцу. Но Хасан не услышал биения его. Он задохнулся от ее близости...

Началась ночь. Длинная и короткая ночь. В их жизни таких было очень немного.

Небогатые родители отдали Хасана в медресе еще ребенком. А вышел он оттуда уже взрослым человеком. Голова его была полна изречений из священных книг и премудростью Ислама, а карманы пусты. Положение и средства пришли значительно позже. Но за это время его любимую девушку, которой он тоже нравился за красивые речи и мягкое обхождение, выдали замуж за богатого и влиятельного старика. Богач знал, что кто-то собирался сватать ее, но не посчитался с этим. Правда, старик не подозревал, как далеки были тайные связи Хасана со своей возлюбленной. Он не заметил последствий их и тогда, когда женился на ней. Но это не облегчило участь Хасана. Ему пришлось сми-риться с горькой судьбой, понять бесполезность неравной борьбы. Потом много раз Хасан имел возможность жениться. Ему намекали на это родственники очень неплохих, а иногда и богатых невест. Но он с грустью отвергал их. Только одна, только Наси существовала для него в мире. Только клятва добиться гибели Гойтемира была для него законом жизни.

Никто не знал об этом. От всех скрывал он горькое оскорбление и обиду. Много раз судьба сводила его на одной тропе с Гойтемиром. Но он не мог убить его, хотя и не был трусом. Он знал, что смерть человека не остается неоткрытой, а кровь — неотмщенной. Ему пришлось бы объяснить людям, за что он убил его, и признаться в том, что Гойтемир завладел его возлюбленной. А этого больше всего на свете боялся самолюбивый Хасан.

Он жаждал не восстановления поруганной чести, а того, чтобы, оставаясь вне подозрений перед людьми, насладиться зрелищем гибели своего врага, дать ему почувствовать это и хоть немного облегчить вечную боль. Несколько раз Хасан бывал почти у цели. Но в последний момент всегда что-нибудь мешало ему.

Хасан и Наси встречались очень редко. Иногда годами ждали этих встреч, но тем

безумнее, тем ненасытнее были оба.

Первое время он про себя смеялся над Гойтемиром и торжествовал победу. Но как-то пришла мысль о том, что не он живет с чужой женой, а Гойтемир живет с его невестой, с его возлюбленной... И живет, не таясь, как он, а открыто. И снова Хасан пережил свое унижение, почувствовал свою ничтожность. И яростная злоба с новой силой охватила его.

Шли годы. Гойтемир наслаждался богатством, женами, семейным уютом, детьми, а у Хасана не было ничего. С какой радостью променял бы он свою ученость и уважение общины на один только вечер в кругу семьи! Временами, в бессонные ночи, ему безумно хотелось бежать, взойти на гору, броситься голой грудью на камень и выть, выть по-звериному от неуемной тоски. Но он научился страдать, стиснув зубы.

Проходила мучительная ночь. А утром люди видели его задумчивым, немного усталым, таинственно-молчаливым и почитали это за благочестие.

И вот за все страдания судьба снова бросила ему кроху счастья, под чужой крышей, на чужой постели, с чужой женой. Он - мужчина, мулла, хаджи — был вором своего счастья, некогда отнятого у него другим.

Наси понимала, что он мучается и любит ее одну. Но ей никогда не суждено было понять всю глубину его переживаний, потому что они были людьми разных характеров, разной душевной силы, разных возрастов. Она любила его за то, что он был ее первым мужчиной, за то, что он был сильным, несмотря на возраст, и за то, что любил только ее. Больше ничего не знала она о нем, да и вряд ли могла бы знать. Но в этой их разности было их счастье.

При встречах он молчал, не говорил о своих переживаниях, а она была довольна тем, что имела его и могла подарить ему короткую радость. Так обоим было легче.

В эту ночь время шло незаметно. Они то предавались любви, то, устав, отдыхали, и шепот их был таким тихим, словно в комнате находился кто-то еще. Изредка Наси прислушивалась к тому, что делалось во дворе.

Пропели первые петухи.

Снова заговорила она о женитьбе Чаборза.

Хасан напомнил об их жизни. Неужели она желает такого еще кому-нибудь?

- Чаборз - парень, - сказала Наси. - А на мне женился старик. И брал второй женой! А потом - девушки наши не такие, как я. Это я люблю тебя и рискую жизнью. А они, войдя в дом мужа, быстро забывают всех своих парней.

Но Хасан снова ничего не ответил. Наси подобралась к нему под руку, положила голову на его плечо.

- Кто разлучит любящих, попадет в ад, - сказал Хасан.

- А кто без брака спит с чужой женой?.. - усмехнулась Наси. - Нам с тобой все равно

гореть в вечном огне. Так не будем терять хоть здесь того, чего там для нас уже не будет!

Хасан засмеялся.

- А ты с годами мудреешь! - сказал он.

- Что поделать. Попав в стадо ослов, телок, говорят, сам стал с ослиным характером. Ну, так что же с Зору?

И снова замолчал Хасан. И Наси почувствовала, что ему по-настоящему не по душе это предложение. «Но почему?..» И вдруг мелькнула женская мысль: «А не приглянулась ли Хасану самому эта бровастая?» Впервые в жизни она почувствовала ревность. Ее бросало в жар и холод. Сердце колотилось, как птица в сетях. Она сравнила себя с Зору, и ей показалось, что она рядом с нею - увядший лопух. Ей представилось, как темной ночью Хасан пробирается вдоль заборов и обнимает Зору... И, охваченная страстным желанием сейчас же разрешить сомнения, избавиться от угрозы потерять Хасана - а ей теперь казалось, что она уже теряет его, - она решилась на то, на что не решалась вот уже двадцать с лишним лет.

Наси порывисто поднялась на локте. Хасан почувствовал ее дыхание на своем лице. Она сжала ладонями его щеки и во тьме, с тревогой вглядываясь в его глаза, сказала:

- Должен ли брат оказывать предпочтение брату, как пес - волку?

- Говорят... А к чему это? - не понял ее Хасан.

- Должны ли близкие думать о близких раньше, чем о чужих? Хасан согласился и с этим.

- Тогда ты сделаешь так, чтоб сын наш был счастлив!.. Твой сын...

- Мой? - воскликнул Хасан, забыв обо всем.

- Прости меня... прости... но мне так хотелось быть матерью, быть не хуже его жен... иметь равную долю и голос в доме...

Она припала к Хасану, не зная, как он отнесется к ее признанию, тоо готовая на все.

- Почему же ты не сказала тогда?

- Не знаю. Боялась. Я же была почти девочкой... Да и зачем было говорить?..

- Мы могли уехать в Россию, в чужие края... Уйти отсюда со своим сыном. И пусть говорили бы о нас что угодно. Мы не знали б ничего!.. У нас было бы счастье...

- Не говори, - прошептала она. - Это сейчас пришло тебе в голову. А тогда - ничего не было б. Ты никогда никуда не ушел бы отсюда, и ты это знаешь не хуже меня. Поклянись, что ты не выдашь этого сыну!

- Глупая! Зачем же? Ведь он возненавидел бы нас. Убил бы тебя...

Она порывисто обняла его, прильнула лицом к его щеке и почувствовала, что она мокрая. Наси никогда прежде не думала о том, что она сделала, родив от него, и только сейчас поняла, что убила у него сына. Она проклинала себя за то, что открыла ему эту тайну, но уже было поздно. В волнении она забыла об опасности и не услышала, как Гойтемир отпер двери ограды замка и провел коня.

Наси вздрогнула, когда конь фыркал уже под окном. Она вскочила, накинула платье, обняла Хасана.

- Хоть бы ты когда-нибудь избавил меня от его козлиных костей!.. - сказала она у самого уха Хасана и юркнула в люк. Опуская крышку за собой, она прошептала: - Поставь на место сундук.

Он сделал это и лег. Почти сейчас же в дверь общей комнаты постучались.

Наси не успела подняться к себе. Но теперь она уже ничего не боялась. Откинув засов, она выглянула во двор. Над нею, на терраске, стоял Гойтемир.

- Это ты? — тихо окликнула она его снизу.

- Я, — ответил он, вздрогнув, хотя знал, что там никого чужого быть не может и жена иной раз ночью спускается вниз, чтобы не выходить во двор. Наси скрылась, поднялась к себе и открыла дверь.

- Ну, что там?! Как мать? - спросила она с непритворным волнением в голосе.

- Да все так же, - ответил Гойтемир. - Видно, до человека, что потревожил нас, дошли старые слухи.

- Слава Аллаху! - обрадовалась Наси. - Есть будешь?

- Нет, - ответил он. — До утра недалеко. Лечь хочется. Ну, а как Хасан-хаджи? Говорила ты с ним? Обещал что-нибудь?

- Говорила. Да разве эти святоши что-нибудь прямо скажут! Выламывается! Намекает на еще каких-то «заинтересованных в ней». А по-моему, просто себе цену набивает.

- Ну что ж, - примирительно ответил Гойтемир — а с чего же им жить, если мы или другие не дадут! Ведь муллы не пашут и не жнут. Раз начинаешь такое дело - без подачек тут не обойтись.

- Конечно, - согласилась Наси, забираясь в постель. - Да я и не скупилась. Как попотчевала его мясом, грудинкой да курдюком — сразу добрее стал. А ты утром пообещаешь еще что-нибудь - так я уверена, он все сделает!

- Ты какая-то пахучая сегодня. Как молодуха, - заметил Гойтемир шумно приюхиваясь к воздуху.

- С тобой не то что молодухой - скоро опять девушкой стану...- огрызнулась Наси. - Мылась мылом, что ты привез. Да все, наверное, без толку...

В темноте у Гойтемира глаза полезли на лоб от ее наглости. Но он промолчал. Слова не могли ему помочь. И как бы в подтверждение этой мысли Наси взяла его руку и положила себе на сердце.

- Послушай... Тебя ждала!..

Гойтемир растерянно держал бестрепетную руку на ее груди и мысленно призывал на помощь Аллаха, который за последнее время плохо понимал его и еще хуже помогал в таких делах.

Хасан-хаджи до утра не смыкал глаз. Эта ночь поначалу была для него одной из самых лучших в жизни.

Он никогда не был с Наси в такой человеческой обстановке.

Вот и сейчас, лежа на постели, которая сразу после Наси стала большой, пустой и холодной, Хасан-хаджи вспомнил все случаи, которые ему удавалось вырывать у своей судьбы, где и когда они были... Как это было недостойно и оскорбительно для чувств! Но что было делать? Страсть к ней всегда побеждала его.

И вот - Чаборз... Сын... Значит, и он зачат под открытым небом, на том месте, что проклято Богом и людьми, где только злые ведьмы под уханье филинов и вой волков справляли свой шабаш, — на вершине скалы Ольгетты, под развалинами старых стен. Долгое время это место было их единственным пристанищем. Но потом и оно стало опасным. Кто-то увидел их, хотя и не узнал.

Счастливое начало сегодняшней ночи привело Хасана-хаджи к этим воспоминаниям. А конец...

В порыве слепой ревности Наси не подумала, какой чудовищный удар нанесет она ему своим признанием о сыне.

В первый момент Хасан-хаджи испытал прилив неизведанной радости. Он — отец! Он не бесплодное существо, на котором закончится род его предков. Он будет жить в образе сына. Гордость поднялась из глубины души. И он впервые понял, как это прекрасно. Ему показалось, что он растет, становится выше.

Но все ликование, это счастье отцовства длилось какое-то мгновение, пока говорило в нем только одно сердце. А когда он услышал беспощадный голос рассудка, радость его сникла, как цветок от мороза. Он никогда, нигде, никому не сможет сказать, что это его сын...

Признание принесло бы всем только горе. Народ отвернулся бы от них. И остался б позор им всем. И на много поколений. Значит, есть у него сын и нет его... Он будет видеть, говорить с ним, может быть, даже радоваться и горевать вместе, но только как чужой.

А ведь все могло быть иначе... Все могло быть иначе, если б не Гойтемир. Как надменно ответил ему тогда старик через посредника: - Раз я приехал, он может искать себе что-нибудь в другом месте. Он не дал никому опомниться, ничего предпринять и,

задарив всех, отбросив условности обычаев, засватал и тут же забрал ее с шумом, пальбой и музыкой... Унес, как коршун голубку... И не только она осталась навседа в его когтях. В этих когтях всю жизнь кровоточит и сердце Хасана.

Его сын, его кровь, его будущее отныне — он знает это — тоже принадлежат Гойтемиру. Даже лишив его жизни, он ничего не сможет изменить! И Хасан-хаджи почувствовал все свое бессилие, свое ничтожество, свою ненужность.

Умеренный образ жизни сохранил его силы. Он был здоров. В жилах рук его было железо, в голове - ясность мысли. И только в сердце — пустота.

Ошибка была совершена в далекой молодости, когда он подумал, что, став любовником жены Гойтемира, он насытит свою месть, а сам устроит жизнь с другой. Он не знал того, что другой Наси — со всем, что было в ней хорошего и плохого, — на свете нет и что ее заменить никто не сможет. Слишком поздно он понял это. Понял, когда она уже стала матерью. Но он не знал, что она стала матерью его ребенка.

Хасан-хаджи то садился, то снова опускал голову на подушку. Первый раз в жизни откуда-то появилась эта влажность глаз. Откуда она? Он не умел плакать, но не умел и останавливать слез. Смятение охватило его душу. Временами ему хотелось встать, ворваться в ту комнату и изрубить Гойтемира на куски. Порой он готов был расколоть себе голову. Но за долгие годы он привык к тому, что люди уважали его, привык к их мыслям о себе. Это было его богатством. А сейчас — единственной силой, которая удержала и повелела оставить все так, как оно есть.

Но одно решение все же созрело и окончательно утвердилось в нем этой ночью: Гойтемир должен уйти теперь, когда жизнь еще дорога ему... Гойтемир должен узнать, за что он будет платить жизнью.

Это решение помогло Хасану взять себя в руки.

Утро наступило такое же хмурое, каким оно бывало не раз в эту осень. Все те же низкие облака, туманы. В такую погоду не хочется ничего. Тянет ко сну, разговоры не клеятся.

Хозяин с хозяйкой на рассвете вздремнули часок и проспали, когда гость выходил, умывался, совершал молитву.

Гойтемир, недовольный собой, хмурился и ворчал. Наси возилась с завтраком и думала о своем.

Мужа она никогда не любила, но привыкла к нему за эти годы. Так жили многие женщины. А Хасана сегодня ей было по-особому жаль. Все они останутся здесь, дома, и будут жить завтра, как и сегодня. А ему уходить прочь в свой пустой угол и только думать о ней, а теперь и о сыне.

Она ругала себя, но от этого на душе не становилось легче.

Пошла в кунацкую. Поздоровалась. Увидела в его глазах тепло. Отлегло немного. Значит, нет в нем зла против нее. Стала убирать постель. Первый раз убирала их общую постель. И было в этом что-то необычное, волнующее...

Вошел Гойтемир. Она ушла к себе. А когда вернулась с блюдом, уставленным едой, увидела, что мужчины спокойно разговаривают о деле. Она пригласила их к столу и осталась постоять у дверей.

- Ты что-то неважно выглядишь и неохотно берешься за еду, - говорил Гойтемир, пододвигая к гостю лучший кусок барашка. - Или плохо спал?

- Когда человек плохо спит, это значит, что он как-то спит. А я сегодня глаз не сомкнул, — ответил Хасан ровным голосом. У Наси дрогнуло в груди.

- А что так? — удивился хозяин.

- На это трудно ответить одним словом, - сказал Хасан-хаджи, начиная есть. - На такой хорошей постели, какую устроила мне Наси, кажется, только мертвый уснул бы!

Гойтемир ухмыльнулся. Он не видел, какими испуганными глазами смотрела жена на гостя.

- Я ведь не избалован, - продолжал он. - Полночи нежился, а во вторую половину старался запомнить первую!

- Ты уж так хвалишь ее, что она загордится! Разговор перешел на Чаборза.

- Дело ведь в том, что открыто нам неудобно сватать ее, — начал Гойтемир. - Это опозорит Андарко. А как только он женится, мы сразу решим. Я считаю, что в таком деле тянуть ни к чему. Это и дороже и беспокойнее. У меня вот с ней то же получилось. Приехал я сватать ее, а какая-то драная шкура мне на ухо жужжит: у девки, мол, какой-то есть на виду... Так я, не успели они оглянуться, деньги родителям в руки, ее на бричку - и за ворота. Тем дело и кончилось. Спрашивал ее потом. Говорила: «Не знаю...» Да разве бабы правду скажут?

Хасан-хаджи ел и, казалось, не слушал хозяина, потом, словно любопытства ради, спросил:

- А ты не боялся?

Гойтемир только усмехнулся и, отхлебнув чаю, оказал:

- Да, видно, на этот раз она не схитрила. Потому что если б был кто действительно, так разве он дал бы из-под носа такую девку увести? -Гойтемир засмеялся. - А если был да дал, так такой он и джигит, что его ни бояться, ни вспоминать нечего!

Хасан-хаджи, серый от кончика носа до ушей, улыбнулся, глядя на Наси, и протянул к ней пиалу.

- Добрый чай. Налей. Только покрепче.

У Наси дрожали руки. Хасан-хаджи заметил это и снова улыбнулся.

- Далекое время, а волнует, не правда ли? Наси не ответила. Она едва держалась.

- Ты прав, - сказал он Гойтемиру, - видимо, никого не было. А то волей или неволей люди стравили бы вас. Мы ведь самолюбивые. И стоит только кому-нибудь такого обиженного подковырнуть, как он, будь он телок телком, поднимется и сделает то, что другому герою не снилось! Такой уж мы народ! Ну, об этом хватит. Тут, как принято говорить, что нам Аллах пошлет!.. - Он допил чай, перевернул пиалу и положил на доньшко оставшийся кусочек сахара. - Нет, нет. Спасибо! Я и так поел и попил от души, - поблагодарил он хозяев. — А насчет вашей просьбы вот что скажу: не по душе была она мне. Но для Чаборза, раз девушка ему приглянулась, я сделаю все. - Он помолчал и добавил: - Как для родного сына!.. Хасан встал.

- Дайте залог.

Встал и Гойтемир. Наси вытерла слезы.

- Спасибо, Хасан-хаджи. Я другого и не ожидал от тебя! — Гойтемир вынул из черкески газырь и подал его гостю. - И клянусь, лучший баран из моей отары — твой!

Хасан-хаджи улыбнулся странной улыбкой.

- Нет, Гойтемир, - возразил он. - Ничего я у вас не возьму до тех пор, пока Зору не войдет в этот дом. А тогда я обязательно заберу из твоего стада... но не барана, а самую лучшую овцу!

Гойтемир расхохотался. Он не заметил, какой огонь блеснул в обычно смиренных глазах Хасана-хаджи.

- Вот это хитрец! Любой баран - только один баран, а хорошая овца - это может стать сразу три барана! Ну что ж, я готов и на это. У нас не убудет!

- Нет, Гойтемир, я не из корысти. Я даю слово, что возьму у тебя яловую овцу...

Вышли во двор. Хасан вскочил на коня, которого подвела ему Наси, так быстро, что она даже не успела натянуть стремя.

- Да побережет нас Бог! - прошептала она, закрыв платком лицо до самых глаз.

Хасан-хаджи приветственно поднял руку и, чуть отъехав, пустил иноходца.

Хозяин с хозяйкой невольно залюбовались им. Круп гнедого ровно колыхался из стороны в сторону. А Хасан-хаджи, широкий в плечах, тонкий в талии, прирос к седлу. Только длинные завитки мерно вздрагивали на его папaxe.

- Чем не джигит! - с иронией воскликнул Гойтемир. — А ходит молва, что не мужчина...

Наси повернулась и молча пошла в дом.

Потрясение, которое Хасан-хаджи пережил в доме Гойтемира, не прошло для него бесследно. Он заболел, замкнулся в своей комнате, запретил сестре говорить о себе соседям и даже ей разрешил входить только утром и вечером, когда она приносила еду.

Многое передумал он за это время, многое не мог простить себе. Лишь через неделю он поднялся.

Постепенно жизнь вернулась к нему, и он стал почти таким же, как прежде. Только взгляд у него изменился. Он стал беспокойнее, в нем появилась суровость, которой прежде никто не замечал.

Как-то рано утром, выгнав скотину, Батази возвращалась домой.

Хасан-хаджи стоял около своего дома, накинув на плечи шубу. Подозвав Батази, он пригласил ее в дом и крикнул сестре, чтобы приготовила чай.

- Скажи мне, соседка, - обратился он к ней, пристально глядя в глаза, — какому богу ты молишься?

Батази смутилась, поднялась и начала теребить бахрому на шали, не решаясь сказать правду и не зная, как солгать такому всеведущему человеку, от которого, наверно, нет тайн. А он все смотрел на нее и ждал ответа.

- Сказать по правде, - наконец с трудом вымолвила она, - молюсь я и ингушским богам и Аллаху, потому что все они сильнее меня, а я -божий раб и у них в вечном долгу. Да не разгневаются они на меня!

- Хорошо, что ты сказала правду. Даже безобразная правда лучше, чем красивая ложь. А Аллаха обмануть нельзя. Он все знает. Но милостив. Всем, кто идет к нему с чистой душой, он прощает их заблуждение. Чти Аллаха, и он во всем поможет тебе!

- Постараюсь, Хасан-хаджи. Да на что такие Алаху? Мы - земля...

- Не говори этого. Ты не все понимаешь. Перед Аллахом все мы равны.

Он взял с подушки Коран и поднес его оробевшей Батази.

- Возьми этот божий Коран и клянись сохранить в тайне разговор, который у нас пойдет.

Батази с трепетом приняла священную книгу через шаль.

- Послушай-ка, Хасан-хаджи, - как можно мягче проговорила она, - к чему это? Я не пойму...

Хасан-хаджи ожидал вопроса и ответил ей, растолковывая, как ребенку.

- Я буду говорить тебе только то, что может быть на пользу твоей семье. Я хочу рассказать тебе сон и правду, которые могут изменить всю вашу жизнь. Я не собираюсь ничего требовать от тебя. Только никто никогда не должен знать то, что это ты узнала от меня. Если ты не уверена в том, сможешь ли сохранить тайну, мы с тобой сейчас попьем чаю и расстанемся, как встретились. Я ничего не теряю. Это касается тебя. Это - чужая тайна.

После таких слов хозяина ноги Батази приросли к полу, а душа заюлила, как щенок,

которому вынесли похлебку.

- Что бы ты мне ни сказал, клянусь, никто не узнает, что это сказал мне ты... - запинаясь, прошептала Батази, и ее серые глаза впились в лицо Хасана-хаджи.

А он положил Коран на место, сел, заставил ее сесть напротив себя и, задумчиво глядя в окно, начал свою речь тихим, далеким голосом.

- Не так давно, в ночь под святую пятницу, я видел сон: наш аул, темное небо, башни... На одной из них могучий орел... Он сидит и высматривает что-то внизу... А внизу овечка пасется... И думаю я во сне: «Чью же овечку хочет схватить эта гордая птица?» И вижу: ты стоишь в дверях башни и любишь ее...

Рот у Батази открылся, глаза округлились. Хасан-хаджи продолжал:

- Вдруг подул ветер, тучи ушли за горы, выглянуло солнце. Посмотрел я в небо: оно чистое, синее, и в нем большая стая журавлей кружит, прямо над нашим селом. Кружат, кружат, все ниже, уже слышно,

как свистят их крылья. Смотрю: они над вашим двором... Орел поднялся и улетел, а они опустились. И было их так много, что покрыли они и башню и двор...

- Господи! Мой Бог... - прошептала Батази, переводя дыхание.

- Проснулся я и думаю, - продолжал Хасан-хаджи, все так же глядя в окно, — к чему бы это? Вспомнил, что говорят книги священные, прикинул и понял: сон этот к добру для вас. Только никак не мог догадаться: кто эти гости и откуда они?

Он резко повернулся к Батази, впился в нее глазами и почти шепотом сказал:

- Счастливая ты!..

В душе Батази все трепетало.

- Неделю тому назад, - продолжал Хасан-хаджи так тихо, словно боялся, что стены услышат его, - меня вызвал Гойтемир. Старшина. Старик. С ним жена. И говорят: «Дело у нас. Никто об этом те должен знать, кроме тебя и семьи Пхарказа». Я дал им слово. И говорят: «Пхарказ и Батази - честные, труженики, умные люди. Дочь у них - первая красавица и хозяйка. Полюбилась она нашему младшему сыну, а старший еще не женат». И говорят они: «Послали б мы сватов к Пхарказу, но нельзя позорить старшего сына. Надо подождать, пока женится. А тем временем какой-нибудь орел может высмотреть овечку, и останемся мы ни с чем». Как сказали они про орла, вспомнил я свой сон и понял: вещий он! А они продолжают: «Решили мы так. Просить тебя тайно передать родителям Зору предложение выдать нам дочь, породниться с нами, только сберечь ее, пока мы женим старшего. Согласятся - передай им залог. Дочь пусть считают нашей, а чего дать за нее — у нас найдется!»

С этими словами Хасан-хаджи положил на стол перед Батази газырь Гойтемира. Она кинулась, взяла его, разглядела, узнала и осторожно положила назад.

- Послушай-ка, Хасан, — она даже забыла назвать его хаджи, — послушай-ка, а не сон

ли все это?.. И то, что ты видел во сне, и то, что рассказал про них?..

Батази была поражена. Руки у нее дрожали.

- Гойтемировские, а?.. Кто бы подумал!

- Нет, Батази. Это не сон, - уже громко ответил Хасан-хаджи. - Из сновидений человек не может захватить с собой и просяного зерна. Как проснулся - все исчезло. А здесь перед тобой вещь... газырь. Это, конечно, как сон. Я понимаю тебя, Батази. Но это жизнь. Только ты не особенно удивляйся. Твоя Зору и в султанском гареме не была бы последней женой! Жемчужина!

- Послушай-ка меня, Хасан-хаджи. Ты же знаешь, что люди мы простые, не умудренные, научи: что делать, что говорить, как я поступить должна?

Сестра хозяина внесла чай, яичницу, сыр, оладьи. Когда она ушла, Хасан-хаджи пригласил гостью к столу и продолжил беседу. Он сказал, что ей надо посоветоваться с мужем и решить вопрос. И уж если они решат его, как просят Гойтемировы, следить за тем, чтоб девушка была недоступна ни для кого.

Батази слушала его, не спуская глаз с газыря Гойтемира. Он сковал ее, не давал ни есть, ни пить. Наконец она вскочила, мотнулась к нише, в которую Хасан-хаджи положил Коран, схватила его, и, сжав перед собой, страстно прошептала:

- Клянусь, если правда все то, что ты здесь сказал, клянусь, что до тех пор, пока это дело с божьей и твоей помощью не завершится, моя дочь не выйдет ни за кого!

Она положила Коран на место и вернулась к столу. Хасан-хаджи скрыл легкую усмешку.

- Послушай, а теперь я могу взять домой этот газырь и рассказать мужу?

- Конечно, его же вам прислали! Только и Пхарказу не выдавай меня. Ври, как хочешь. Этот грех приму на себя. Но обо мне - ни слова!

Поблагодарив Хасана за все, Батази кинулась к двери, сжимая в кулаке газырь. Но вдруг вернулась и, схватив оладий, воскликнула:

- Послушай, это хлеб божий, не так ли? Так вот, пусть каждый кусок его станет мне греховным, если я не убью себя, коль не сдержу слова!..

Хасан был доволен ею и собой. Он угадал, через кого следовало начинать дело.

Он выглянул в окно. Батази быстро удалялась извилистой тропинкой. Если б он не видел ее только что у себя в доме, он решил бы, что это идет девушка - таким легким был ее шаг.

«Говорят, счастье дает человеку крылья... Только что несет Батази в свой дом на этих крыльях?» - подумал он. Ему ясно представилось гневное лицо Калоя. И с затаенной ненавистью он сказал:

- Ну, Гойтемир, получай вражду с Калоем! Это мой первый тебе удар!

Как ни оттягивала зима в этом году свой приход, как ни упрячилась осень, не желая уходить в свой срок, а все же в горах выпал снег. Ребята встали на свои салазки, взрослые устремились в лес и к покосам - волочить дрова и сено. Зато долгие вечера приносили скуку, загоняли людей к огню очагов, заставляли лезть под овчинные шкуры, под одеяла.

С тех пор как Батази принесла в дом залог Гойтемира и после разговора с мужем, когда убедила его в том, что Бог услышал ее молитвы и послал им счастье, с дочерью она обходилась как с больным ребенком. Она старалась во всем угодить ей, облегчить ее жизнь в доме, избавить от тяжелой работы. Батази уже сейчас видела Зору в доме старшины, где все будут делать наемные слуги. А так как пока их не было, мать все взвалила на себя и, к удивлению дочери, при этом была в хорошем настроении. Иногда Батази даже тихонько пела. Этого Зору не слышала от нее отродясь.

Однажды поздним вечером, когда отец уже уснул, Батази, подложив в печурку дров и поправив в камине огромные тлеющие комли, потушила лампу, прилегла к дочери и завела разговор, к которому она давно не знала, как подступиться. Речь зашла о будущей жизни Зору. За последнее время мать настолько изменилась к ней, стала такой близкой и заботливой, что сердце дочери снова по-детски доверчиво открылось ей. Зору создалась матери, что любит Калоя.

Полумрак, царивший в комнате, скрыл выражение глаз Батази, когда она услышала это имя. Калой представился ей в образе того орла, который приснился Хасану-хаджи, и она затрепетала от мысли, что этот сосед может расстроить их жизнь, которая должна была сложиться таким чудесным образом.

Но сердцем женщины она поняла, что стоит ей спугнуть доверчивость дочери, как та снова замкнется и, может быть, даже совершит непоправимый поступок. В этом возрасте влюбленные девушки способны на все. У Батази хватило силы выслушать дочь до конца и поговорить с нею, не настораживая ее.

Зору знала взгляды матери на жизнь, поэтому сразу сказала, что они со свадьбой не торопятся и выйдет она за него только после того, как он разбогатеет. А работает он очень много и много успел накопить. Ускорить их женитьбу может возвращение его родителей из Турции. Там они, наверное, нажили большое богатство и собираются вернуться домой. Это Калоем рассказывал горец, а он сам видел человека, вернувшегося из Турции и встретившего там хорошего знакомого отца Калоя.

- Ты веришь этому? - спросила Батази.

Внутри у нее все кипело, потому что в этом рассказе она усмотрела только злой обман Калоя, решившего заморочить девушке голову. Как она теперь ненавидела его!

- А почему не верить? - наивно спросила Зору. — Ты как он. Он тоже говорит, что все это может быть совсем не так. А я верю. И ему сказала, что Бог все может... И теперь он тоже ждет отца! Вот было бы хорошо! Ведь Пхарказ и его отец были друзьями! Мы купили бы много земли...

- Конечно, - глухим голосом отозвалась Батази. Казалось, она преодолевала дремоту. -

Значит, ты встречаешься с ним?

- Мы же рядом живем, - уклонилась от ответа Зору. — Ты знаешь, мне кажется, мы жили бы так, как вы с отцом. И никуда от вас уезжать не надо!..

Батази вздохнула и, стараясь казаться бесстрастной, сказала:

- Мать не может идти против счастья своего дитя. Но замуж выйти - это не то, что выйти на свидание у реки. Хорошо, если будет так, как тебе хочется. А если не так? А если ему предложат невесту побогаче да тоже красивую? Он ведь парень хоть куда!

- Да я-то что! Какое у нас богатство! - вздохнула Зору.

- То-то... Ты не должна становиться ему поперек дороги...

- Я люблю его! - почти со слезами вырвалось у Зору.

- И другая, деточка, будет любить. Да добро принесет... А ты? Голую свою любовь?.. Прорехой прореху не латают! И он так же должен думать, если любит тебя. Попадется тебе богатый да хороший — и Калой должен только радоваться. Я так понимаю любовь. С нею ведь не в куклы играть, а детей рожать. Или на голод и нищету, или на достаток... Послушай меня, поразмысли...

Они замолчали. Каждая думала о своем. Мать жалела дочь и понимала ее сердце. Но горькая жизнь заставляла ее быть черствой, искать для дочери свою правду - правду нищей, мечтающей о богатстве. А дочь думала, что мать, наверно, права, и как горька эта правда! А разлука с милым - хуже смерти!..

В камине тоненько посвистывал ветер. На базу скрипела жердь. По стенам бегали блики от огня. Было тепло, уютно и грустно. Незаметно пришел в башню сон. Он обоих избавил от тягостных дум и заставил мать обнять ребенка.

Бывает жизнь, когда лучшее, что есть в ней, - это сон.

3

В эту зиму Калой редко встречался с Зору. Мать не отходила от нее ни на шаг. Но им удавалось переброситься словечком у ручья. Калой тосковал и, чтобы убить время, пропадал на охоте.

Шли дни, ничем не отличавшиеся один от другого.

Только раз, перед самой пахотой, жители башен были потревожены стычкой с хевсурскими пастухами. Но, к счастью для обеих сторон, жертв не оказалось.

В один из весенних дней, когда тяжелый труд приходит к концу и радость заполняет сердце, Калой поцеловал в голову своих быков, которые вспахали ему землю, и сбросил с них ярмо. Дружески шлепнув каждого по исхудавшей спине, он отпустил их на волю, на зеленую гору.

Последняя пядь принадлежавшей ему земли была перевернута. Он вспахал землю

Фоди, день поработал у Пхарказа и теперь с чистой совестью мог отправиться домой. Но ему все еще не хотелось уходить от этих черных полос. Они пахли весенней сыростью и будущим хлебом.

Калой поднялся на скалу Сеска-Солсы, сел под отцовскую сосну и посмотрел вокруг. Все те же, в легкой дымке, снежные вершины вдали, леса, под ногами — ущелье, поросшее кустарником и редкими деревьями, и всюду полосы вспаханной земли: на всех склонах, во всех впадинах, где только мог пройти человек. Как огромны горы и как малы на них эти полосы черной земли! Этой вечной радости и вечного горя!

В лучах заходящего солнца каменные башни Эги-аула казались белыми. Калой любил свой аул. Любил извилистые лабиринты его улочек, остроконечные боевые башни, стаи сизых голубей, которые со свистом опускались на уступы их вершин; любил тишину солнечных могильников, где лежали его предки.

Там и Гарак. Он давно уже высох, почернел, стал маленьким.

Во всем, что тут видел Калой, таилось начало его жизни и когда-то должен будет наступить конец. Он знал, что человек, как тростинка, поднимается из земли, тянется к солнцу и снова падает на землю. Но тростинка не ведает ни горя, ни радости, ни ненависти, ни любви. А человек живет ими, и это делает жизнь его и лучше и труднее. Вон на горе новое мусульманское кладбище и серый столбик, под которым лежит Докки. А Гарак ушел в склеп отцов. Увидятся ли они там, куда сейчас уходит солнце?.. Кто знает? Кто может им помочь? А вон окно башни Пхарказа. Отсюда нельзя увидеть, но, может быть, в этом окне Зору? Та, с которой он собрался дойти до того края жизни, куда каждый день опускается солнце...

Они долго-долго будут идти вместе, будут вместе на этой пашне, в этих лесах, на этом камне...

Усталый и счастливый, Калой всей душой ощутил, как бесконечно хороша эта трудная жизнь и как в ней нужна ему она, Зору...

Он вспомнил о первых встречах с нею под этой сосной, достал из-под камня свой старинный рожок, давно заброшенный как детская забава, сдул пыль с него и заиграл. И рожок ответил тихо и нежно. Он пел о счастье, которого так ждал Калой.

А в это время в Эли-ауле забеспокоились все. Ребятишки метались от башни к башне. С крыш перекликались соседки. Отдыхавшие после пахоты мужчины выходили на терраски, за ворота. Всех подняла необычная весть: в село пришел странник. Он разыскивает Калоя, не хочет назвать себя, сказать, откуда и куда держит путь.

Его отвели в дом Калоя. Орци побежал за братом.

Кто-то высказал предположение, что странник может оказаться му-хаджиром, вернувшимся из Хонкар-Мохк[5]. Догадка понеслась по селу.

И тогда к башне Калоя потянулись люди.

Хасану-хаджи тоже показалось подозрительным настойчивое желание странника видеть Калоя. Зачем он пришел в этот дом? Кто дал ему знать, где искать Калоя в этих

огромных горах? Чтобы узнать об этом, Хасан-хаджи сам направился к нему.

«Если это мухаджир, то он лучше всех должен знать, как бог-Аллах оделяет своих послушников, - думал старый язычник Зуккур. - Кто знает, может быть, хоть на старости лет и мне лучше стать мусульманином, чтоб спасти свою душу!..» Он оделся и потихоньку, опираясь на турс, стал спускаться с горки, на которой ютилась его башня, и откуда теперь Зуккур редко когда выходил.

Пхарказ пришел к гостю, чтоб занять его, как сосед Калоя. Батази умерла бы, если б не ей пришлось первой узнать, с чем пришел мухаджир к Калоя. Может быть, от этого зависело будущее ее дочери? «Шайтан заberi этот гойтемировский газырь! Если Калой разбогатеет, разве я могу лишить дочь парня, которого она полюбила? А от Хасана-хаджи и данного ему обещания с деньгами можно будет как-нибудь открутиться. Недосмотрела, скажу, убежали! - и дело с концом», — думала она, по-хозяйски наводя порядок в башне Калоя.

Пришел Иналук и другие родственники и соседи. Одни из них стояли во дворе, другие - в дверях комнаты, где с гостем сидели Зуккур, Хасан-хаджи и Пхарказ.

Гость изредка ронял слово, из которого нельзя было сделать никакого вывода.

Но вот приехали на Быстром Калой и Орци.

Узнав от Иналука, что происходит в доме и кто у него в гостях, Калой, не заходя в башню, поймал первого попавшегося ему во дворе барана и тут же зарезал его.

Поручив Орци разделать тушу, сварить мясо, Калой пошел в башню. Люди двинулись за ним.

Зору в окно видела все это. И, несмотря на строгий запрет матери, она покинула башню и затерялась в толпе соседок.

Мужчины вошли с Калоем и встали вдоль стен, а женщины остановились в дверях. Все молчали. Калой поздоровался.

Старик гость сидел на низеньком кресле около очага. Увидев Калоя, он встал. Поднялись Зуккур и все остальные... У старика был острый с горбинкой нос, поблекшие серые глаза. Седые борода и усы подчеркивали загар его опаленного солнцем и стужей лица. Он был в старенькой темной папахе, в ветхой рубаше и рваных штанах. На ногах - грузинские чусты. Они, видимо, и заставили эгиаульцев сделать вывод, что старик идет с грузинской стороны. Но, как ни приглядывался Калой к лицу гостя, не мог припомнить, чтоб где-нибудь видел его. А старик смотрел на Калоя, как на старого знакомого.

Он протянул к нему трясущиеся, худые руки и голосом, в котором слышались радость и тоска, сказал:

- Ты!.. Конечно... это ты!.. Рожденный тогда... под камнем... Лицом ты - Турс, а сердцем как? - И он обнял Калоя, припав к нему сухой грудью...

- Мы не знаем твоего имени, гость, но можем сказать: в этом парне действительно

бьется сердце его отца. А ты откуда знаешь его? - спросил гостя Хасан-хаджи.

Гость сел на прежнее место, не спуская глаз с Калоя.

- Верю вам. Огню Турса он не дал погаснуть. Горит очаг... - добавил он. - А в моем погас... У меня никого... Никто меня не ждет... Сам иду к родной земле! Никто из вас не знает, что это такое! И дай вам Бог никогда не узнать! — Глаза его временами оживали и загорались, а потом снова тускнели. Как угли в костре: ветер подует - они засветятся, пройдет ветерок — и они покрываются пеплом.

- Кто же ты, брат, откуда и куда держишь путь? Где с Турсом встречался? - повторил вопрос Зуккур.

Калой при старших молчал. Предчувствие чего-то недоброго волновало его. Зачем пришел к нему этот странный человек, знавший его отца? А гость молча уставился в очаг, словно хотел увидеть в огне то, о чем предстояло ему говорить. Потом откашлялся, оперся на свою истертую дорогами палку и, не торопясь, оглядев всех собравшихся, заговорил:

- Когда у человека жажда, ему дают ковш с водой. Он пьет и утоляет жажду. Это короткое дело. А когда человек должен рассказать целую жизнь и ждет этого часа целую жизнь, это не просто. Хлеб надо давать в руки голодного, оружие - бойцу, а правду - сердцу, которое ждет ее. Он видел своего отца в свой первый день - день рождения. Я видел последний день его отца. Он всю жизнь ждал правду об отце. Я носил ее в себе и принес сюда. Вот почему я ждал его прихода и не мог расплескать ковш его воды. Если б меня спросили, что я за всю мою жизнь научился делать лучше всего, я бы ответил — молчать. Но сегодня я должен говорить. И вы - простите меня.

Его слушали, затаив дыхание.

- В год, когда имам Шамиль сам сделал то, за что двадцать пять лет беспощадно рубил головы другим, - сдался в плен, на милость гяуров, я получил первую пулю в сердце. Я ненавидел христиан, я искал с ними вражды, но люди устали от войны, и таких, как я, было немного. И объявился тогда генерал русского царя, назвавший себя слугой Аллаха и защитником Ислама, Муса, сын Алхаза. Он призвал правоверных уезжать из страны христиан в страну хонкаров[6]. Он раздавал деньги, он обещал там земли, почет. И мы пошли за ним, пошли все, кому ненавистна была жизнь под властью гяуров, все, кому негде и нечем было пахать! Впереди нам чудился рай. Но дорогу в этот рай мы усеяли могилами, прошли ее мукой и нищенством. Долгим был этот бесконечный путь, как постель умирающего. Нам говорили, что хонкары встретят нас, как мухаджиров, пожалеют, как братьев по вере, помогут начать снова жизнь. Но это был обман. Муса, сын Алхаза - сын свиньи, сын собаки, - продал нашу кровь, нажрался царских денег и покинул нас. Хонкар-падишах загнал нас туда, где не было ни леса, ни воды, где земля - как жженный кирпич, где не было ни крова, ни живой души. И понял народ обман, подался назад, но «братья мусульмане» нас встретили пулями и штыками в спины.

И разбрелись люди по лесам и дорогам... Кто в рабство к баям, кто умер с голоду, кто в лихорадке, кто был сражен пулей аскера[7] на дороге в сторону этих гор...

Долго рассказывал старик о мытарствах народа на чужбине, о ссылке в Сибирь тех,

кому удалось вернуться в Россию. Вытирали глаза женщины, сдержанно вздыхали мужчины. А Калой слушал его, надвинув на брови папаху и сложив руки на черном кинжале.

- Долгие годы бились мы с твоим отцом за жизнь. Три раза подходили к границе, чтоб вернуться к тебе, и однажды в лесу схоронили родившую тебя Доули. Умерла она в лихорадке, от голода... И, не пробившись, снова работали мы у бая за кусок хлеба. Видели, как отнимают они у наших половину урожая, отбирают детей и увозят на продажу в рабство. Шли годы, кончалась жизнь без радости, без надежды. И тогда снова собрались мы с силами и снова пошли к границе, чтобы пройти или умереть. Ночью пробирались лесами, днем, голодные, как волки, отлеживались в чаще, ели траву, коренья. Однажды утром - это был семнадцатый день наших скитаний, когда ослабевшие, шатаясь, брели мы в надежде, что граница осталась позади, - нас заметили аскеры хонкара. Они гнались за нами, как псы за зверем. Мы громко призывали Аллаха, но они стреляли в нас. Нас спасло болото. Они отстали, а когда мы выбрались из него, Турс держался за грудь. Из-под его руки текла кровь. Он упал, чтоб уже не подняться. Он говорил, чтобы я оставил его, бежал, пробираясь к вам. Мы были близко у цели. Но разве может человек бросить друга? И тогда он завещал мне найти тебя... - Старик молча смотрел на Калоя... - И вот я нашел тебя... Да, ты очень похож на него. Похож...

Зору, как и все, не пропустила ни одного слова старика. И с каждым из них угасала ее надежда, рушились светлые мечты. Она видела, как плохо Калоя, и, не в силах вынести этого, выбралась из толпы и убежала домой.

- О чем еще говорил твой отец в то утро, я могу рассказать тебе потом, если ты хочешь, - сказал старик Калоя. Но Калой покачал головой.

- Говори при всех, - сказал он. - Это мои родные и односельчане. С ними мне жить, с ними умирать. От них я ничего не скрываю.

Старик подумал, взвесил его слова и продолжал:

- Так лучше. А мне все равно. Долго мучился твой отец. То совсем затихал, то жизнь снова возвращалась к нему, и тогда он говорил: «Если дойдешь до наших гор, передай им мой последний салам. Скажи: если жить не удалось с ними, то думал - хоть лежать придется в своей земле... Сыну, брату, селу передай: не хотел я покидать их, да Гойтемир толкнул меня на это, а сам остался... Видно, знал, что мне не вернуться, не спросить у него свое...» Он сказал: «За обман, за то, что завлек меня, пусть Бог спросит с него. Я должен был иметь свою голову. Я не имел ее. Но за жизнь и смерть несчастной жены моей, Доули, нет ему от меня прощения на этом и на том свете!»

- За жизнь Гарака и Докки - тоже нет! - негромко сказал Калой. Люди вздрогнули. - Прости, что перебил. Продолжай. Я слушаю.

- «Если дойдешь, - сказал он, - передай людям: пусть ищут счастье там, где живут. А если не найдут его под ногами, пусть умрут и лягут в ту землю, которая их родила. Смерть в родном краю краше жизни на чужбине. Пусть не верят, - сказал он, - звуку зурны на расстоянии. Он красив только издали!»

- Эх, человек ты наш, Турс! - вздохнул Зуккур, неумело смахнув слезу. - Истинную

правду познал! Но дорого она ему стала. Мы не хотели, чтоб он уходил... Не зря деда говорили: «Спокойная бедность лучше беспокойства о несбыточном благе!» Но мы перебили тебя, говори, гость!

- Мое имя Хамбор. Я кончаю рассказ. Турс к вечеру умер. Мы были в стране Ислама. Где-то рядом ходили мусульмане, турецкие аскеры, которые, как и мы, чтут Аллаха и делают намаз. А я, чтоб не попасть снова в рабство, должен был шепотом помолиться за друга и оставить мусульманина, не предав земле. Может быть, вороны выклевали ему глаза или шакалы разорвали тело... У меня не было возможности вырыть могилу. У меня не было сил, чтоб унести его с собой, а «братья-единоверцы» преследовали меня, как собаки зверя. Я не мог дать им убить себя, не рассказав вам этого.

Я не помню, сколько дней, сколько ночей я полз по земле, уподобившись гаду. Тело мое покрылось ссадинами, корой струпьев, одежды превратились в лохмотья. Меня подобрали грузины-дровосеки. Ночью они привели меня в свое село, тайно, в чулане, кормили, поили три дня и три ночи, не открывая даже своим. Потом ночью дали вот эту одежду, вывели на дорогу и показали, куда идти. Старший сказал: «Говори, что ты пастух, осетин». Научил, как просить. Показал, как благодарить, креститься. Только это спасло от Сибири.

Хамбор замолчал. Молчали и все остальные.

Давно уже знали горцы, что царские власти не ради добра спешили помогать каждому, кто соглашался покинуть свой край.

Чем больше уходило их, тем меньше оставалось царю врагов, тем больше оставалось земель его слугам.

Но не знали горцы, как принимал мухаджиров хонкар-падишах. Как принимал их его народ. Теперь узнали.

И мрачные, но верные мысли медленно, как волны, брели в их голове: держаться один одного, не верить никому! И не ждать блага за порогом собственного дома.

- Да простит и помилует Аллах твоих родителей, Калой, - обратился к нему от всех Хасан-хаджи, - да определит он им рай на вечные времена!

- Амин! - поддержали его остальные.

Вместе с Хасаном-хаджи все подняли руки для молитвы. Только Зуккур - жрец и почитатель местных богов да Хамбор оставались безучастными к этому обряду.

- Ну, Зуккура мы знаем, - сказал Пхарказ, - недавно еще многие из нас, как и он, почитали только своих богов. А некоторых мы и сейчас почитаем. Но ты только не обидься: в кого веруешь ты? Я заметил — ты не молился...

Хамбор помолчал, подумал и ответил, не глядя на Пхарказа:

- Я молился. Много молился. Я за пророка убивал и своей головы не щадил. Но нет пользы для вас в этом разговоре... Я знаю одно: из земли я вышел, земля меня кормила, как мать, она же станет мне последней постелью. И вот я вернулся к родной земле.

«Здесь солнце исцеляет, здесь дождь - из масла». А кому молиться? Молиться можно кому угодно. Но кто услышит?

Наступило неловкое молчание. Больше никто не спрашивал его ни о чем.

- Калой, я был одним из тех, кто, сам не ведая обмана, вовлек в обман других, - сказал Хамбор. - Я звал твоего отца туда. И я повинен в том, что он погиб. Прости меня за это, если можешь. С таким грехом мне трудно умереть...

- Надо простить!

- Прости его! - раздалась возгласы.

Калой оглядел всех и заговорил просто, душевно.

- Прощаю тебя, Хамбор. Я не вижу твоего греха! — Он дотронулся до плеча старика. — С прошлым ничего не поделать, — продолжал он, — но думаю, что я не так уж несчастлив, если Аллах хоть тебя послал в этот дом, чтобы освободить мою голову и сердце от вечных правильных и неправильных дум. Спасибо тебе за то, что другом был отцу, за то, что закрыл ему глаза... Я не знаю, кто есть у тебя и куда твой путь. Если ты одинок — вот твой дом. Я и брат - твои сыновья. Но если у тебя свой путь, мы поможем. Теперь ты не один. Ты знаешь: нет здесь в горах ни падишаха, ни князей, ни амбаров с золотом. Но есть вот эти люди, мужские руки и дружеские сердца. И этим мы готовы делиться с тобой!

- Правильно!

- Оставайся у нас.

- Мы сделаем тебя пришедшим братом![8] — зашумели мужчины рода Эги.

Хамбор долго молчал. Ему трудно было говорить. А потом ответил:

- Да не оставит вас благополучие! Слушаю вас и думаю: где и что еще хотели мы найти, уходя от такого народа? Мы были слепы! Спасибо! Но я вернулся уже не для жизни... а чтоб лечь там, где лежат отцы и братья. В этом доме я закончил все дела, которые обязан был сделать на земле. Спасибо за доброту.

После этих слов Хамбора люди стали расходиться.

На ужин остались лишь самые близкие.

Подали мясо, лепешки, чай.

Батази, узнав главное, что Турс и Доули погибли, что никакого богатства Калою не дожидаться, решила, что больше ей нечего слушать, и принялась помогать Орци по хозяйству.

Во время ужина Зуккуру подавали отдельно. Он брезговал есть из одной посуды с мусульманами, потому что они руками совершали омовение тела..

После ужина Хамбор еще долго рассказывал печальные истории из переселения черкесов, которых топили в Черном море и морили заразой, о гибели чеченских партий, а в конце концов попросил дахчан-пандур и слабым голосом запел песню, которую люди сложили в чужом краю:

Птицы крылатые, летите вы в Гехичу[9]

Гехичинскому народу поклон снесите и скажите:

В ночном сумраке родных лесов

Унылый крик филина заслышав,

Пусть вспомнят о нас, без поста и молитвы

Бродящих на чужбине и не видящих исхода!

Бывало, волк холодной ночью воет,

Мы думали: «Он с голоду воет».

Нет, он от стаи оторвался - вот причина!

Не походим ли и мы на этого волка,

Оторванные от родины и родных могил?

За что Бог карает нас, как судно,

Шедшее в Мекку и разбитое бурей?..

Эти слова тоски и боли мухаджиров дошли из чужой страны до братьев сквозь муки и смерть, сквозь строй пограничных солдат, под свистом пуль и заставили дрогнуть сердца.

Люди, которых жизнь приучила больше всего думать о сегодняшнем дне, о хлебе насущном, нелегко понимали суровую правду хамборовских слов.

Хасан-хаджи видел по глазам, какое смятение в их душах. Он знал, что от него ждут ответа. И, словно обращаясь к одному Калою, глядя в его удивленное лицо, он сказал:

- Аллах указал всем праведный путь в писании пророка. А мы не всегда идем по этому пути. Кто виноват? Вас турки встретили не так, как велит Аллах встречать мухаджиров... А здесь - брат убивает брата... Кто виноват?..

Ему никто не ответил.

Тогда Хамбор посмотрел на него злыми глазами и переспросил:

- Кто виноват? Не я! Здесь, - он ткнул палкой в пол, - за мою веру на меня слал солдат христианский царь. Там - за мою веру на меня слал солдат мусульманский царь! Если цари не знают, чей я, и боги не знают, чей я, - куда же девались мои молитвы? Кто виноват?

Не успел Хасан-хаджи ответить, как Зуккур, открыв щербатый рот, разразился скрипучим смехом.

- Вот вопрос! - выкрикнул он, наконец успокоившись. — Вы говорите, Аллах милостив и всемогущ. А как же он разрешил вам губить друг друга? Чем же он лучше старых богов? Они ведь тоже не за руку водят людей! Зачем же люди меняют богов, если они похожи друг на друга?..

Калой очень уважал Зуккура за мягкость его характера, за то, что он прост был с людьми, с младшими. Но эти разговоры о религии не нравились ему. Он знал, что он мусульманин, и не собирался сравнивать и выбирать богов. По иронической усмешке и взгляду Хасана-хаджи он понял, что тот тоже не считает нужным поддерживать этот разговор, потому что гость не в здравом уме. И Калой решил положить конец спору.

- Хамбор, кажется, устал. Не пора ли дать ему отдохнуть? - спросил он у старших.

Те поняли его, поднялись, распрощались с гостем и, пожелав ему доброго сна, разошлись.

Ночь спустилась в аул. В окнах башен она увидела свет и неясные тени задумчиво поднятых лиц. Где-то дрожала тоскливая песня, кто-то о чем-то вздыхал... чьи-то глаза сквозь слезы искали свой будущий день... а перед ними вставала глухая, тоскливая ночь. Как много сегодня светящихся окон!

Наутро соседи собрались к жилью Калоя, чтоб проводить старика. Он выглядел совсем по-иному. Соседи узнали на нем папаху, серый бешмет и ноговицы Гарака. Орци держал оседланного коня.

- Мальчик, - обратился Хамбор к Калою, - твоему благородству и доброте нет предела. Но я не могу воспользоваться этим конем. Я забыл, когда в последний раз ездил верхом, да и сил у меня нет, чтобы сдержать скакуна. Спасибо, он мне уже не помощник.

- Ты ошибаешься, Хамбор! - ответил Калой громко и уверенно. -Этому коню может довериться ребенок, и я пойду с тобой. Слава Аллаху, ты не в той стране, в которой вы искали дружбу, а нашли вражду. Правда, не моего ума это дело и не к месту разговор, но вы в свое время должны были понять: если русский царь так свободно и с радостью отпускает вас, - значит, это для вас не к добру!.. Он знал, куда отпускать и что с вами будет!

Соседи Калоя переглянулись.

- Ты прав! - сокрушенно покачал головой Хамбор. — И мы это поняли. Но только поздно. А в самом начале нас гнала туда ненависть, голод, религия и вера в слова Мусы, сына Алхаза - собачьего сына, - с ненавистью воскликнул старик.

- Ложись, - негромко сказал Калой. Быстрый подобрал ноги и лег. Хамбор растерянно смотрел на лошадь.

- Садись в седло, - обратился к нему Калой. Старик не решался.

- Садись, не бойся! - ободрил его Пхарказ. - Этот конь у него понимает ингушский язык!

Народ засмеялся. Старик неуверенно занес над седлом ногу и сел.

- Вставай, - так же негромко приказал Калой, и Быстрый осторожно встал. - Счастливого оставаться! - простился Калой с односельчанами и тронулся в путь. Быстрый пошел за ним. Эгиаульцы напутствовали их добрыми пожеланиями.

За все время, что провел Хамбор в этом селе, он впервые улыбнулся, пожелал людям хорошей жизни, богатого урожая и уже издали крикнул:

- Раньше я знал, что при людях не все можно говорить, а теперь и лошадей придется остерегаться!

Вскоре Калой и его гость вошли в Ассиновское ущелье. Они двигались молча, потому что рядом с тропой, прыгая с глыбы на глыбу, продираясь в завалах камней, с ревом бежали бело-зеленые волны Ассы. По обе стороны ее высились обнаженные слои каменных гор. Теснины между ними заросли нежно-зеленой листвой бучины, чинары, орешника.

Было прохладно. Воздух наполняла влажная пыль, в которой внезапно возникали полосы радуг. А над ущельем узкой дорогой простиралось бездонное голубое небо.

Хамбор любовался этой колыбелью буйного потока, и в голове его неотступно кружилась одна и та же нерадостная мысль: «Зачем, зачем уезжали?..»

Они сделали привал у родника. Чьи-то заботливые руки приладили к скале лоток для стока воды, выдолбили корыто для животных, поставили на сланцевую плиту деревянную чашу для путников.

Хамбор напился и пожелал долгой жизни тому, кто сделал все это. Калой заметил: Хамбор даже случайно ни разу не упомянул имени Бога, не пожелал никому блага на том свете. Видно, он в самом деле потерял веру. И Калой мысленно просил Аллаха простить Хамбора за слабость его души.

Сегодня старик был значительно бодрее, чем вчера. Он сделал несколько резких движений руками, поизгибался в пояснице, размял затекшие от непривычно долгой езды ноги, с наслаждением вдохнул свежий горный воздух и неожиданно для Калоя сказал:

- Когда у человека в начале жизни нет глаз и головы, чтобы заглянуть вперед, тогда в конце ее он может не оглядываться. Там не останется ничего, кроме боли... Начать снова, мальчик, никому не дано!.. Поехали!..

«Нет, Хасан-хаджи, - думал Калой, шагая впереди своего коня, - ум этого старика ясен,

как родник! И если он изверился в силах небесных, то неплохо усвоил дела земные. Как это он сказал: «Кто не умеет заглянуть в свое будущее, тот ничего не найдет в своем прошлом»? А что же у меня впереди? Что я должен делать теперь? Почтить память родителей. Посчитаться с Гойтемиром за предательство... Распрощаться с мыслью о помощи Турса. Добиться, чтоб Зору выдали сейчас... Вместе с нею трудиться, чтоб хорошо жить...» Он был очень рад этим мыслям и благодарен за них Хамбору. Теперь, когда он ясно представил себе, что делать, у него на душе стало светло. И день показался ему светлее.

Увлеченный думами, Калой намного опередил своего спутника. Заметив это, он остановился под вековым дубом. Вскоре из-за поворота показался Быстрый. Он шел легко, покачивая головой и наострив красивые уши.

Хамбор любовался ущельем, словно видел его в первый раз. Глядя на него, Калой подумал: «И отец мог бы так ехать...» Вздыхнув, он зашагал дальше.

А в это время в башне у Пхарказа было тихо, словно рядом лежал покойник. Сам он помрачнел, замкнулся в думах. Вспомнилось ему детство, прошедшее здесь, в этих стенах, в этих дворах, на этих склонах. Он и Гарак были одногодки. Турс - лет на десять старше. Потом все сравнялись и были друзьями. Теперь двоих нет. Значит, очередь за третьим. Мир его людей редет. Тоскливо и холодно на душе из-за этого, и порой кажется: незачем жить...

Зору не выходила из своей комнаты. На вопросы матери она не отвечала, отворачивалась.

Потеряв надежду узнать, о чем она думает, Батази с раздражением проворчала:

- Не знаю, что гложет тебя. Но знаю одно: если б в этой жизни что-нибудь получалось так, как хочешь, то ее можно было бы назвать жизнью!

А про себя решила: «От этого настроения девчонки хорошего не жди... Надо что-то делать, пока она чего-нибудь не натворит».

В этот же день Батази побывала у Хасана-хаджи и откровенно поделилась с ним своими опасениями. Тот выслушал ее.

- Есть у тебя причина для тревоги, — сказал он ей. — Я подумаю, что делать. А пока советую: не оставляй ее одну.

Хасан-хаджи отправился к Гойтемировым и предупредил: если они не поторопятся, вся затея с женитьбой Чаборза может провалиться. Он рассказал о Хамборе, о том, что Турс и Доули погибли. Намекнул Гойтемиру на то, что он в конце концов одержал победу и избавился от своего врага.

Но он ничего не сказал старшине о завещании Турса и о том, что теперь только и появился у него самый опасный и сильный враг.

В планы Хасана-хаджи не входило предупреждать об этом Гойтемира. Он думал только об одном - сделать Калоя непримиримым врагом старшины.

Но Гойтемир был спокоен. Наконец Андарко послушался его. Он женится в самое ближайшее время.

- А как с ним закончим, я сейчас же решу все с Пхарказом. Мне только начать! — хвастался он. — Кончу я одним ударом!

Проводив Хамбора до аула Алкун, который находился у выхода из Ассиновского ущелья, и поручив своему родственнику довести его до родного аула, Калой вернулся. Несколько дней он пропадал в скалах,

вырубая плиты для памятников отцу и матери. Орци приносил ему еду и питье. Наконец плиты были готовы.

Договорившись с Хасаном-хаджи, в назначенный день Кал ой погрузил камни на сани и на паре быков перевез их на вершину перевала Трех Обелисков.

Это было такое место, мимо которого проходила главная тропа, соединявшая глубины гор с Джараховским ущельем, с долиной Терека.

У выбранного Калоем места собрались односельчане и родственники, люди, знавшие Турса и Доули.

Каждый старался помочь ему.

Выше тропы, на бугорке, были выкопаны ямы. В них один возле другого установили оба камня. Чуть поодаль от них Калой сам посадил два дерева - дикую грушу и яблоню. Невдалеке из скалы пробивалась вода. Калой снял землю до камня, из-под которого вытекали бойкие струйки, обложил их сланцевыми плитами, полуприкрыл такой же плитой, и вскоре вода потекла из криницы тоненьким ручейком. Когда в роднике осела муть и установилось прозрачное зеркало воды, Калой помолился, наполнил первую чашу, поднял ее и сказал:

- Пусть каждому, кто ее выпьет, она принесет здоровье, даст благо и будет вечно благом нашей земли! Пусть каплями этой воды люди помянут Турса, Доули и таких, как они, оставшихся без могил на чужбине.

Он сделал глоток и вылил воду на землю. За ним последовали остальные. Наполняя чашу и отпивая глоток-другой, они желали прощения на том свете «погибшим на чужбине без могилы и камня».

Обычно, установив памятник, в жертву за усопших резали скотину. Так как Калой не привел ничего, люди решили, что барана, которого он зарезал в честь гостя Хамбора, он и посвятил родителям. Но они ошиблись. Калой попросил парней помочь ему свалить быка. Мужчины и Хасан-хаджи стали уговаривать его, чтобы он не лишал себя рабочей скотины, без которой трудно будет в хозяйстве.

- Да. Это моя лучшая скотина, - ответил Калой. - И да примет ее Аллах в жертву за моих родителей, потому что большим я не располагаю. Им от меня больше ничего не понадобится! - С этими словами он зарезал быка.

Орци подставил чашу, набрал крови и облил ею памятники и землю вокруг. Это было

по древнему обычаю, не по-мусульмански. Но Хасан-хаджи не мешал. Он призвал правоверных на молитву и, став впереди, начал намаз за умерших.

Калой освежевал быка и разрубил тушу на равные шестьдесят три части. Орци с ребятами наготовили ореховые прутья и нанизали та них мясо. Поблагодарив людей за помощь и уважение и отдав каждому его долю жертвы, Калой отпустил людей.

У памятника остался он и Орци.

До вечера по дороге проехало несколько человек. Калой каждого оделял жертвенным мясом, принимал соболезнование.

Наконец последний луч солнца погас на свежих обелисках.

Надо было возвращаться домой. Калой поставил в ярмо быка, погрузил остатки мяса, завернутые в шкуру, чтобы раздать их в ауле семьям вдов и сирот, и тронулся в путь. Но парное ярмо перекошилось, повернуло быка поперек дороги. Горькая усмешка появилась на лице Калоя.

- Вот тебе и новая земля, богатство и почет... Турецкий шарф с золотыми нитями... - Но, увидев, что Орци смотрит на него с удивлением, он сказал: - Видно, на свете больше таких, которые нуждаются в нашей помощи. Ну что ж! Будем помогать.

Он скинул с себя бешмет и остался в нижней рубахе. Снял чувяки, засучил штаны и рукава и, всунув голову в ярмо, приказал Орци погонять быка. Стронув сани, они пошли - бык и человек - в одном ярме.

На спуске дорога утонула в лесу, в непросыхаемой грязи. Ноги увязали по колено. Жидкое месиво брызгало в глаза, сани проваливались, стали свинцовыми. Но они шли - бык умно, как человек, выбирая на обочине опору для ног, а человек яростно, как бык, напрягая жилы и треща в костях. Орци что было сил подпирал сани сзади.

Казалось, этому спуску и этой грязи не будет конца. Стало нечем дышать.

Впереди слышались голоса.

Люди догадались, что на одном быке не сvezти парных саней, и вернулись с пути.

В полумраке они заметили, что сани движутся. И только когда сблизились, увидели страшное лицо Калоя. Они кинулись к нему.

- Ничего... Я сам... - прохрипел он, едва переводя дыхание. Но люди сняли с него ярмо, подхватили сани, сообща вытянули их до сухой дороги и поволокли домой.

- Калой! - сказал старший из них. - Силен ты. Но и тебе не всякое ярмо будет по плечу. Когда тяжело, надо о народе не забывать. Ты же наш. А мы - твои...

Дня через два-три после этого к Батази прибежал от Хасана-хаджи соседский мальчик и передал, что тот хочет поговорить с нею... Батази заволновалась, но виду не подала. Ей страшно не хотелось оставлять дочь одну. Пхарказ еще не возвратился из леса, но ждать его она не могла. Притащив из клетки шерсть, она поручила Зору перебрать ее, а

сама, пообещав сейчас же вернуться, соврала, что пойдет к соседке. Но Зору не поверила ей. Она увидела в окно, как мать, обойдя соседскую башню, стала быстро удаляться в другой конец аула. Уже несколько дней Зору продумывала, как ей поговорить с Калоем. Более удобного случая нельзя было ждать. Она вышла и через забор подозвала Орци.

- Брат дома? - спросила она негромко.

- Дома, — ответил мальчик. - Позвать?

- Скажи, чтоб он сейчас же пришел под большой орех, что у верхнего солнечного могильника.

Окольным путем она побежала в назначенное место. Было еще светло, ее могли увидеть. Но в молодости бывают такие желания, которые невозможно сдерживать.

Калой ждал этой встречи.

Он тотчас пошел к могильникам.

Хасан-хаджи встретил Батази возгласом радости.

- Ну, женщина, Аллах, кажется, особо отметил тебя! - воскликнул он. - Наши молитвы дошли, наши чаяния сбываются!

- Ой, послушай... что ты говоришь? - растерялась Батази.

- А то, что вчера в Назрани была свадьба. Гойтемир женил Андарко. А дня через два и ты жди гостей!

Батази привстала, открыла рот, чтобы что-то сказать, но поперхнулась от волнения и села.

Хасан-хаджи наслаждался впечатлением, которое произвели его слова.

А Батази словно ума лишилась. У нее вдруг хлынули слезы, и она стала утирать их подолом. Потом начала смеяться, вскочила, чтобы бежать домой. Но Хасан-хаджи заговорил об очень важных вещах.

Он предложил обсудить, как встретить гостей. Ведь это будут необычные гости! Что следует делать хозяйке, девушке, Пхарказу; где и как рассадить гостей, как говорить с ними, чтобы не потерять достоинства и в то же время не произвести впечатления заносчивых людей. На что соглашаться, а на что и нет. Поговорили даже о том, чем и как угощать их, хотя этому женщину не стоило учить. Батази слушала Хасана-хаджи, как родного отца. «Только, — думала она, — как бы не перепутать всех премудростей!» И, словно угадав ее мысли, Хасан-хаджи сказал, что вероятнее всего он будет в числе сватов и сумеет, как свой человек, вовремя подсказать ей, что надо.

Батази до того расчувствовалась, что, прощаясь, обняла Хасана-хаджи - чужого мужчину, назвав его братом и отцом. Только подходя к своей башне, она перестала улыбаться, да и то потому, что не увидела в окне света. А стало уже темно.

«Что это Зору, заснула, что ли?» - пронеслось у нее в голове. Неясная тревога обдала ее жаром. Она кинулась бегом. Поднявшись в башню, окликнула дочь. Ей никто не ответил. Она выбежала во двор и снова позвала Зору, прислушалась. И снова молчание. Первым желанием было обежать соседей и, если ее там нет, поднять тревогу. Но она вовремя одумалась. Это бросило бы тень на Зору и на весь их дом. И вряд ли после этого Гойтемир захотел бы родниться...

У Батази подкосились ноги. Она опустилась на ступеньки.

Зору и Калой успели поговорить. Она тяжело переживала потерю его родителей и поэтому стала для него еще ближе, еще дороже.

- Кроме тебя да Орци, у меня теперь нет никого! - печально сказал Калой.

Она подняла на него глаза, и он увидел, сколько в них доброты. Они условились встретиться через три дня на старом месте, у башни Ольгет-ты, и разошлись, озаренные минутой счастья.

Калой пошел к Иналуку, а Зору побежала домой. Когда, войдя во двор, она увидела на пороге башни мать, сердце у нее оборвалось. Она почувствовала, что это не мать на пороге, а сама беда.

- Ты уже пришла? - сказала она матери, обходя ее. Мать поднялась и вошла за ней в общую комнату. Зору зажгла свет. На полу лежала куча нечесаной шерсти. Обе посмотрели на нее, молча встретились глазами. Зору села и начала работать.

- Куда ходила? — строго спросила Батази, едва сдерживая гнев.

- Воздухом подышать, — невозмутимо ответила Зору.

- Я тебя спрашиваю: куда ходила?

- Сказала тебе...

- С ним встречалась?... Зору промолчала.

- Шлюха! - завопила Батази. - Я покажу тебе, как позорить старость отца и матери! Не успела за дверь выйти, как она уже кинулась на эту жердь! - От гнева лицо ее налилось кровью.

Брань потоком лилась на голову Зору. Лицо ее покрылось пятнами, руки, раздиравшие шерсть, дрожали. Наконец она не выдержала:

- Можешь говорить про меня, что хочешь. А человека не оскорбляй! Он тебе ничего не сделал плохого!

- Вор он, твой человек! - взорвалась пуще прежнего Батази. - Не сосед, а вор! Видишь, какой жених нашелся! Ему отдай девуку, а он взамен и латаных штанов не может предложить! Нищий, сын нищих и тебя туда же тянет! Не выйдет. Умру, тебя убью, но этого не будет... А ты, тихоня, сукой к нему ластайся! Я тебе покажу, как нас

позорить!

Зору поднялась, тяжело дыша.

- Да какая же я сука? Я же не твоя сестра!

Ненависть поднялась у Батази против дочери, как против лютого врага. Та упрекнула ее сестрой, которую муж действительно выгнал после первой брачной ночи, потому что она оказалась нечестной... Об этом знали многие. Такое не утаишь. Но никто никогда не смел упрекнуть Батази позором сестры.

Она в ярости схватила из-под печи железные щипцы и ударила Зору по голове.

Зору никогда не били. И этот удар ошеломил ее не столько болью, сколько обидой. Она в удивлении посмотрела на мать, а та снова бросилась на нее и в исступлении стала колотить до тех пор, пока сама не задохнулась и не свалилась в припадке.

Зору стояла, словно окаменев. По ее лицу, платью, рукам текла кровь. В это время открылась дверь. На пороге появился отец. Сначала он не понял ничего. На полу билась в рыданиях жена. Дочь обливалась кровью.

- Что случилось? — едва выговорил он. — Что случилось?? Батази первой пришла в себя. Она, шатаясь, поднялась и упала перед ним на колени.

- Я виновата... - простонала она. - Я проглядела... Я не сумела воспитать... Дочь наша стала потаскухой!.. - И она снова зарыдала.

- Что? Что ты сказала?

Пхарказ схватился за кинжал. Но Батази повисла на его руках.

- Убирайся с глаз отца! Убирайся! - закричала она на дочь.

Та ушла. Ушла, шатаясь, как во сне. Из окна ее комнаты было видно черное небо и далекие звезды над горами. Она облокотилась на холодный подоконник. Лбом прижалась к стеклу и стала глядеть в это небо пустыми глазами. Но постепенно мысль ее прояснилась. Она услышала, как мать то причитает, то сквозь слезы рассказывает отцу о ней.

И она подумала, что, наверно, очень виновата, так как стала думать о своем счастье, забыв о них. Что она, наверно, очень обидела родителей, раз они в таком горе... Отец даже готов был убить ее. И еще подумала она, что ей и умереть не страшно, лишь бы они успокоились.

Неожиданно скрипнула дверь. Она почувствовала, что это отец, и повернулась к нему. Свет из открытой двери упал на нее, бледную, красивую, страшную...

- Правда, что мать говорит? - спросил он.

- Ты шлюха! - снова заголосила Батази.

- Это правда? - повторил Пхарказ.

- Нет, - сказала Зору. - Это она напрасно... Но я виновата... Я выходила без спросу.

Пхарказ шагнул к ней, пригнулся к ее лицу, так что она ощутила его прерывистое дыхание, и сказал:

- Если я узнаю, что ты правдой или неправдой хоть раз выйдешь за порог, я убью тебя вот этой рукой!

И он, размахнувшись, со всей силой дал ей пощечину. Зору свалилась и потеряла сознание...

Калой пришел домой поздно. Но, к своему удивлению, он застал Орци на ногах. Тот еще не ложился спать и шепотом рассказал Калою обо всем, что случилось в доме у Пхарказа.

Это потрясло Калоя. Он велел Орци ложиться, а сам вышел во двор.

В башне Пхарказа было темно и тихо, как в могиле. Он неслышно подошел к стене, где находилось окно Зору. Постоял, послушал. Но и здесь не было признаков жизни. Он вернулся к себе, потушил лампу и лег. Но в эту ночь в этих двух башнях спал только один Орци.

Три следующих дня прошли так, как до этого прошло и тридцать и триста. Жители этих башен были заняты своими делами по хозяйству.

Только нигде ни разу не показывалась Зору. Ее никто не видел даже в окне.

Калой догадался, что родители решили совсем не выпускать ее.

Это окончательно подтолкнуло его договориться с Зору на последнем свидании и заслать к Пхарказу сватов. А если она не станет возражать, он готов просто похитить ее. Именно об этом он и думал, когда в назначенный день обходным путем пробирался на своем коне привычной тропой к башне замка Ольгетты. Он верил, что Зору так или иначе ускользнет из дому, чтобы встретиться с ним.

Подождав до сумерек в лесу, он выехал к реке, переправился и поднялся к развалинам. Пустив Быстрого пастись, он сел на излюбленные камни и предался раздумью. Скоро уже должны кончиться эти потаенные и опасные встречи, и он будет видеть Зору у себя в доме всегда.

Он не сомневался в том, что общими усилиями односельчан, Хасана-хаджи, который как-то сам намекнул ему на Зору, удастся засватать ее, уговорить родителей. Конечно, завидного мало в таком зяте, как он. Но разве он один беден? В конце концов, у него с Зору вся жизнь впереди, и может быть, им еще удастся выбраться из нищеты!

Ведь не с неба же блага валятся на людей. Их добиваются сами люди. Так будут добиваться и они. Только бы пришла она, чтобы договориться обо всем в последний раз.

Долго ждал Калой. Но Зору не шла. Это случилось впервые с тех пор, как они стали встречаться. Он решил подождать еще. Если б он знал, как безнадежно было это ожидание!

Еще вечером, не успел Калой уехать из аула, с другой стороны в него въехали Гойтемир, помощник пристава и два стражника. Они завернули к Хасану-хаджи, посидели у него за легким чаем и вскоре, прихватив его с собой, направились к Пхарказу. Их появление в ауле всполошило всех. Присутствие помощника пристава и стражников не сулило ничего хорошего. Никто к ним не подходил. Люди ждали, хотя всем не терпелось узнать, зачем они прибыли. Даже у Пхарказа екнуло сердце, когда он увидел, что они направляются к нему. И только одна Батази просветлела и обрадовалась так, словно наступил день, в который ее мать выходила замуж[10]. Самым трудным было для нее держать эту радость в себе, как научил Хасан-хаджи, сделав вид, будто ничего особенного не случилось.

Но когда гости вошли и расположились в кунацкой, оставив во дворе стражников, которые занялись лошадьми, понял и Пхарказ, что на этот раз помощник пристава прихвачен Гойтемиром для пущей важности и что намерения у них самые благожелательные. Как его ни уговаривали гости, он отказался сесть, и, так как в доме не было младше него мужчины, поддерживая разговор с гостями, он оставался стоять у дверей. Через некоторое время Хасан-хаджи вывел его, объяснил цель их прихода. Пхарказ принял эту весть внешне спокойно, с достоинством. Он распорядился, чтобы Зору оделась и, как в старину, вышла поздороваться с гостями.

Тем временем Батази успела позвать себе на помощь трех соседок, и они принялись за дело.

Были у Батази, как у всякой горской женщины, запасы, которые хранились только для гостей. Кое-что она сумела привезти от матери. И поэтому теперь могла выставить угощение на славу. В котел пошел огромный индюк, не хуже барана, куры. Женщины быстро, умело готовили лепешки с творогом, резали мед в сотах.

Доверив соседкам эту часть своих забот, Батази взяла на себя самое главное - подготовить для выхода к гостям дочь.

Зору весь день думала о встрече с Калоем. Видя, что ей не удастся вырваться к нему, она решила хоть через Орци предупредить его. Но мать не дала ей и этой возможности. А когда приехали гости, Зору поняла: судьба ее решена.

Всем своим существом, всем сердцем она восстала против того, что должно было совершиться. Но где-то в душе сама уже признавала, что все ее желания обречены на гибель. Избитая, униженная, подавленная, все эти дни она была совсем больной. Она стыдилась людей. Ей казалось, что весь мир знает о ее позоре. Она стеснялась своего унижения, даже думая о встрече с Калоем. Но его она хотела видеть. Ему одному хотела она сказать, как ей тяжело. А он все дни был от нее дальше всех. Мать стерегла ее, как овчарка.

И вот мать говорит ей, чтобы она оделась и вышла к гостям. А в гостях сам Гойтемир, Хасан-хаджи и русский начальник.

Она чувствовала величие этих людей, понимала, для какого важного дела они пришли,

но остановить сватовство она могла, только восстав против всех этих взрослых и больших людей, против родителей и даже соседей, которые сегодня говорили здесь только шепотом.

Где же ей было на это взять силы? Ведь все, что она слышала с детства, все, во что должна была верить, как в Бога, было одно - смирение и послушание воле старших. Хорошо, когда ее желания совпадали с их желаниями. А вот теперь случилось так, что она желала одного, а все они — другого. Как же ей было взять верх над собой и над ними? Обрывки разрозненных мыслей возникали и гасли в ее голове. Она едва двигалась, и, глядя со стороны, можно было подумать, что она вот-вот закроет глаза и заснет.

Батази не хотела кричать на нее в такой момент. Она стремилась как-то вернуть дочери живость, чтобы та не произвела на гостей дурного впечатления. Она говорила без умолку, давала Зору советы, как выйти, что сказать, как и когда покинуть их.

- Послушай-ка меня, мамина девочка! - ластилась она к ней, но Зору не слушала ее и продолжала облачаться, словно все, что здесь происходило, меньше всего касалось ее.

Наконец она была одета. Мать в последний раз оглядела ее и, заметив бледность щек, кинулась за кумачовым лоскутом, чтобы наругать дочь. Но Зору отстранила ее и вошла в кунацкую.

Как только Зору сквозь опущенные ресницы увидела гостей, она сразу же перестала думать о том, кто они и зачем здесь. Это были гости, и она по привычке говорила им и отвечала так, как считалось принятым и приличным по традиции.

Гости совершенно свободно и откровенно могли разглядывать ее потому, что она не смотрела на них. Глаза ее были опущены вниз или смотрели куда-то в сторону. Она поздоровалась, спросила, все ли благополучно у них дома, ответила на вопрос о своем самочувствии Гой-темиру и Хасану-хаджи, уделила внимание помощнику пристава, как особому гостю, извинилась за неудобства, недостатки, которые могут встретить такие почетные гости в их доме, сказала, что счастлива видеть их у себя...

Говорила Зору негромко, не торопясь, без жеманства и произвела самое лучшее впечатление.

Гойтемир в душе был против того, чтобы родниться с Пхарказом. Зору он не видел вообще, не помнил ее. Но теперь настроение его резко изменилось. Такая невестка могла только украсить его дом. Он был польщен и заключением помощника пристава, который сказал, что подобная красавица, будь она в городе, свела бы с ума не одного мужчину.

Тоненькая, бледнолицая, с резкими черными бровями, из-под которых только иногда светились большие темные глаза, полные скромности, достоинства и грусти, она была очаровательна. Хасан-хаджи мысленно сравнивал ее с молодой Наси и не мог сказать, которая из них лучше. Он вспомнил Калоя. Подумал о том, какой ему готовится удар, и искренне пожалел умного, простодушного парня с честной душой, потому что тот с детства нравился ему. Но он ведь однажды советовал Калою жениться на Зору, и Калой, видимо, сам виноват, не проявив достаточной настойчивости. Мулла успокоил себя мыслью, что такой богатырь, как Калой, найдет себе пару. А его Чаборз,

обиженный судьбой уже тем, что он незаконнорожденный и не знает, кто действительно его отец, должен хоть жену получить по своему выбору.

Улучив подходящий момент, Зору извинилась, попятилась к двери. Ей пришлось немного пригнуться, чтобы, выходя, не задеть за притолоку высоким курхарсом. В это время две блестящие черные косы ее достали до самого пола.

Когда она вышла, гости переглянулись.

- Ой, и не дурак у тебя сын! - воскликнул помощник пристава. - Сватай, не мешкая! И то, что у вас полагается потом за ответом приходить, - это ерунда! Ответ должен быть сегодня - и баста!

Гойтемир и Хасан-хаджи переглянулись.

- Лучшего свата не видел! - сказал Хасан-хаджи. - Он поможет нам решить дело быстрее, чем мы думали.

В комнату снова вошел Пхарказ. И Хасан-хаджи без лишних слов и похвал жениху, как это водилось, рассказал ему снова о цели их прихода, хоть это всем уже было известно. Пхарказ выслушал его и Гойтемира со вниманием. Он поблагодарил за оказанную ему честь и обещал, посоветовавшись со своими родственниками и семьей, дать ответ.

Помощник пристава попросил перевести ответ Пхарказа и остался недоволен им.

- Растолкуй ему, - сказал он, глядя на Пхарказа так, словно тот был в чем-то уличен, - я здесь бываю раз в год, и мне хочется, чтоб он решил это дело при мне. Родственники там всякие, десятая вода на киселе, их собирать да спрашивать не обязательно! Джигит должен сам решать такие дела! Ну, а марушку[11] свою да девку спросить можно. Хотя, насколько я знаю, вы со своими бабами не очень-то считаетесь. Так что хочет он или нет, а без ответа мы не уедем! Барашку надо резать! - Он провел пальцем по шее. — Чик! Голова долой!

Гойтемир перевел слова начальника и от себя весело добавил:

- Дело, конечно, твое. Но и мы не возражаем. Чем скорее, тем лучше! Меньше сплетен будет...

Пхарказ понимающе закивал головой, сказал, что сделает все, что предначертано Богом. Выходя, он столкнулся с Батази. Она приросла к дверям. Ему не пришлось передавать ей своего разговора со сватами. Она уже знала все.

- Хорошо, что этот русский с ними! Он умнее всех! Послушай-ка, не тяни! Дай им скорее ответ! Надо воспользоваться случаем, что русский, друг Гойтемира, не хочет ждать... - зашептала она мужу прямо в лицо.

Он отмахнулся и вышел на террасу.

- Поговори с дочерью, - бросил он ей через плечо.

Дочь у него была единственная. И сейчас ему и радостно было за нее и страшно. Что из

этого получится, кто знает?... Пробурчав что-то, Батази кинулась в комнату Зору.

- Мне за тебя умереть! — обняла она за плечи дочь, которая встала при ее появлении. - Уже! Уже попросили тебя у отца! Все трое говорили. А начальник так уж тебя хвалил! И просит, чтоб при нем дали ответ. Отец вышел. Волнуется. Ждет, что ты скажешь...

Зору усмехнулась.

- А если я не пойду? Что будет? - спросила она, кажется, впервые со времени их скандала взглянув на мать в упор. Батази растерянно развела руками.

- Я думаю, отец тогда волен поступить так, как он посчитает нужным... Он ведь отец! - Батази снова развела руками... Ей уже надоедал этот никчемный разговор со строптивой девчонкой. Но она сдерживала себя. - Послушай. Если ты думаешь о другом, тогда я тебе скажу, что ты не должна о нем думать. За него хотят выдать сестру Наси. Красивая, богатая... Он будет жить с нею, вздохнет, избавится от нужды. И другое: если мы сегодня просто так, без причины, откажем Чаборзу, у которого нет недостатков в поведении, у которого честные и знатные родители и богатство, люди не поймут... Так это или нет, я уже и сама не знаю, но скажут, что ты нечестная... что испугалась замужества...

Эти слова, как плеть неучка[12], хлестнули Зору. Она с презрением посмотрела на мать. Ей ничего сейчас не хотелось, кроме одного: показать этой язвительной и жадной женщине свое превосходство. Она знала: как только ее просватают, Батази тут же начнет заискивать перед нею, как перед невесткой Гойтемира. И ей захотелось власти над этой женщиной, так бездушно топтавшей ее сердце.

- Батази, - сказала она внятно и гордо, - матерью я не хочу называть тебя - твоё материнское сердце съела твоя жадность. Запомни этот разговор: мой отец бедный человек, потому что у него никогда не было богатства и еще потому, что у него всегда была такая жена, как ты... Но я не унижу его!

- Что здесь происходит? Что еще я должен услышать? - раздался голос Пхарказа, внезапно появившегося на пороге. Зору отвернулась к окну. Батази растерянно заморгала.

- Не знаю. Вместо того чтоб самому ответить за нас, ты вот послал меня к ней... Поговори теперь... - с обидой сказала Батази. — Я уже получила свое... Послушай и ты...

- Что я должен услышать? Что? - с напускной грубостью, за которой скрывались его полная растерянность и слабость, спросил Пхарказ.

Но прежде чем Батази успела вставить слово, заговорила Зору.

- Отец, - сказала она. - Ты слушал ее всю жизнь. А меня послушай только раз. Не верь словам, которыми она меня обзывала. Это грязные слова. Я никогда не забуду их! И знай: не было у тебя грязной дочери... Из-за меня никому не придется опускать голову... Вот и все. Там ждут люди. Не думая обо мне, дай им ответ, какой тебе захочется. Это будет моей судьбой. Мать я могла просить, о чем хотела... Но она ничего не поняла... Тебя прошу об одном: будь гордым с этими людьми...

Зору отвернулась, Батази всхлипнула и выбежала из комнаты, а Пхарказ жалко потоптался, не находя, что ответить, потому что жена подготовила его к другому разговору с дочерью, потом неуверенно подошел к ней, неловко дотронулся до ее плеча и, понизив голос, чтобы никто не услышал, сказал:

- Спасибо тебе. Да будет тебе на счастье все это! Аллах, пославший их сюда, сделает это!

И он ушел, чтобы навсегда лишить радости свою единственную и любимую дочь.

Немного погодя в башне Пхарказа началось небывалое. Заскрипели двери, застучали топоры. Двор наполнился соседями. Они поздравляли Пхарказа, помогали, где и чем могли, свежевали огромного барана, которого привели от Хасана-хаджи. Причем тот наотрез отказался взять у Гойтемира деньги.

- Я обязан Чаборзу, - сказал он торжественно, - и этого барана за его невесту режу я!

Никто, конечно, не догадывался о всей глубине смысла этих слов.

На столе перед гостями стоял индюк, пиво, горячий двойной карак[13]. Затем появился и баран. А на отдельном блюде - отварная баранья голова, грудинка и курдюк.

Это блюдо - знак высокой почести - Гойтемир предложил «из уважения к аулу», с которым он породнился, не трогать и оставить местным старикам. Но хозяин воспротивился и сказал, что более почетных людей в ауле не может быть! Гости не заставили себя уговаривать.

Стражников тоже накормили, напоили, и они, сытые по горло, сидели на улице у башенной стены, всласть посасывая люльки и разговаривая.

Всем было хорошо. Каждый был занят своим, каждый знал свое место. И никому теперь не было дела до маленькой комнатки Зору.

Зору стонала, спрятав лицо в подушку. Мечта ее была убита навсегда. Все, что было в ее жизни, - это встречи с Калоем. Светлые, они остались там, на крутой скале, у старой башни. Будущее вставало черным, как ночь, и долгим, как могила.

Просидев на вершине Ольгетты до петухов, Калой уехал. «Что могло случиться? - в который раз думал он и не находил ответа. — Наверно, Зору не удалось ускользнуть от родителей».

Но как только с горы открылся вид на аул, он сразу понял: там что-то произошло.

Никогда в такое позднее время в ауле не светилося так много окон. Он пустил коня рысью. Через некоторое время он уже с уверенностью мог сказать, в чьих башнях этот свет. Не ложились у Пхарказа и его соседей. Волнение охватило Калоя. Что бы это могло означать? Плохое, или хорошее? А может быть, с Орци что-нибудь?..

Он въехал в аул. В окне Зору света не было. Под стеной их башни он увидел людей. Приостановив лошадь, Калой окликнул сидящих.

- Хабар дац[14]! Ходи дальше! - откликнулся один из стражников, и Калой понял, что это не ингуши. Он заехал к себе во двор, прыгнул с коня и забежал в башню.

У камина сидел Орци. При виде брата он вскочил и в нерешительности остановился, опустив голову.

- Что происходит? - спросил Калой.

Орци поднял на него глаза, в которых стояли слезы.

- Да ты скажешь или нет? — вышел из терпения Калой.

- Ее отдали... — тихо ответил мальчик и отвернулся, чтобы скрыть слезы.

Если бы он сказал, что Зору умерла, что ее убили, Калой не был бы так поражен. Он потерял способность говорить, двигаться. Даже мысли остановились в его голове. Он неуверенно, как спутанный конь, дошел до нар, сел, откинулся на горку матрасов и, едва повернув во рту пересохший язык, сказал:

- Рассказывай...

Орци знал все, словно он сам присутствовал на сватовстве. Из разговоров, которые велись в доме Пхарказа и во дворе, ничто не ускользнуло от его слуха. Ночью его никто не видел. Да никто и не собирался делать тайны из того, что сватают девушку. Наоборот, все соседи только и жили этим событием. Рассказ Орци был подробным и точным.

Калой слушал его с закрытыми глазами. Весть эта, как налетевший ураган, ворвалась в его душу и исторгла из нее нечеловеческий стон. Орци вздрогнул, подался в сторону.

Калой ненавидел людей. Ненавидел Зору. Он готов был уничтожить всех. Но эту ненависть сменило чувство тоски по любимой, желание отнять ее у всех, увезти, скрыть от всего мира. Не в силах принять решение, он приказал Орци скакать к Йналуку и привезти его сюда.

- А за ним некуда скакать! — встрепнулся Орци, обрадованный тем, что наконец услышал голос брата. — Он на их дворе. Заходил за тобой, не застал и пошел к ним. Я сейчас... — И он вынесся из комнаты.

Оставшись один, Калой вскочил, заметался, как волк в капкане, рухнув на нары, ударом кулака провалил тесину и затих. Так и застал его Иналук.

- Что он, спит? - оглянулся Иналук на Орци. Но, услышав его голос, Калой встал. Всегда жизнерадостный, веселый, Иналук смотрел на него зло и отчужденно.

- Растянулся во всю длину нар, а девку, как телушку, из-под носа увели! Сколько раз говорил тебе - забирай! Добром, или силой - забирай! Так нет. Все придумывал, богатством хотел оделить Пхарказа! Вот тебя и оделили! Гойтемир, конечно, даст Пхарказу воротник вместо того, который у него вши обглодали...

Калой стоял, опешив. Он думал, что ему придется распалить друга, а тот кипел, словно это у него отняли возлюбленную.

И Калой впервые подумал о том, что, наверное, он сам виноват. Так долго тянул, мечтал с Зору, вместо того чтобы поступать решительно, по-мужски.

Они сели на нары, Орци - у очага.

Долго продолжался их безрадостный разговор. Калой порывался напасть на Пхарказа и его гостей сейчас. Но Иналук, который был старше и рассудительнее, решил иначе.

- Сейчас напасть, - сказал он, - это лишиться всего, устроить резню. Неизвестно, кто будет убит, кто останется. В свалку будут втянуты Гойтемировы, род Пхарказа, Хасана-хаджи, кое-кто из соседей да помощник пристава со своими стражниками. Это значит — поднять против себя весь свет! Тут, если даже удалось бы победить всех, забрать ее и скрыться, всем нашим, кто останется в ауле, хватит вражды до конца дней и дальше... А вот когда все уляжется, все успокоится и ее родичи поверят, что и ты спокоен, можно будет без всякого риска выкрасть ее - и конец. Вы уедете лет на десять в Россию. Будете там жить и работать, не подавая голоса. А когда-нибудь потом удастся замирился с Чаборзом, потому что вражда останется только с ним. Думаю, от девяти десятков коров он не откажется... Ради мира род Эги соберет эту плату за похищение невесты.

Калой смотрел на Иналука, постепенно успокаивался и верил его рассуждениям. Ему вдруг показалось, что ничего особенного и не произошло, до того просто предлагал исправить это дело его лучший друг и брат.

Среднего роста, узенький в талии и широкий в плечах, с горящими глазами, Иналук выглядел так мужественно, что невозможно было сомневаться в успехе того, за что он возьмется.

А он сказал:

- Я или умру, или мы сделаем это, если ты со мной согласен! А если ты считаешь, что я неправ, если ты настаиваешь, чтоб мы совершили нападение на них сегодня, я готов. Я иду с тобой.

Но Калой уже несколько охладился.

- Только не могу понять, - сказал он, — как случилась, что Пхарказ при первом же появлении Гойтемира дал свое согласие? Самый разнесчастный отец какой-нибудь разнесчастной калеки никогда так не торопился! Или побоялся, что вторично не придут?

Иналук покачал головой.

- Не в этом дело, - сказал он. - Все перепутал проклятый помощник пристава! Черти его принесли на нашу голову! Он так прилип к Пхарказу: «Дай ответ сегодня! Хочу быть участником вашего торжества!» - что тут любой не стал бы тянуть, как это делается, и уважил бы гостя. Если б не это... Мы похитили б ее прежде, чем Пхарказ успел бы ответить Гойтемировым. Тогда была бы похищена дочь Пхарказа. А теперь, хочешь не

хочешь, она считается женой Чаборза.

- Будь он проклят! — воскликнул Калой. — Хорошо, что ты пришел. Я, наверно, заварил бы здесь кашу!..

Братья решили лечь спать. До рассвета уже оставалось немного. Легли. Но Калой не заснул. И хотя решение было принято, ему легче не стало.

Двор Пхарказа немного приутих. Но когда в башне открывалась дверь, оттуда доносились веселые голоса и воинственные выкрики помощника пристава.

Оставалось секретом, как это удалось, но пристав ради общего веселья сумел подпоить обоих хаджей. А Пхарказу и его соседям он открыто, с пышными тостами, какими издавна славились горы, преподносил бокалы то с пивом, то с караком, так что они были очень довольны тамадой.

Гойтемир подсказал своему начальнику, что им, по обычаю, неприлично ночевать в этом доме и надо идти к Хасану-хаджи.

- Куда? - завопил помощник пристава так, что, открыв двери, из передней на чего с любопытством стали глядеть все, кто там был.

- Что?! - снова оскорбленно воскликнул он. - Никуда! Никуда я отсюда не пойду! - Он заморгал, важно схватился за кончики усов, мокрых от вина. - Гость я или не гость? Вы - как хотите, а я сегодня его гость! - Он указал на хозяина пальцем. - И я здесь буду спать... А он будет меня стеречь! И за меня отвечать! О! Так я говорю или нет, Пурказ?

Он еще с начала вечера, ко всеобщему веселью, окрестил Пхарказа этим именем, да еще дал ему и отчество «Иванович». И, заметив впечатление, которое произвело это на горцев, выкрикивал его где нужно и не нужно. А Пхарказ, чтобы не обидеть гостя, поддакивал ему.

Помощник пристава заставил всех - гостей и хозяев - наполнить деревянные бокалы и встал. За ним поднялись Гойтемир и Хасан-хаджи.

- Мы много пили, - заговорил он, - много ели. Хорошо. Вы хоть и басурмане и продувные бестии, но угостить мастера! Что есть - то есть! — Гойтемир переводил его как мог. «Продувные» он перевел «быстрые, как ветер», и, польщенные похвалой начальника, горцы закивали головами. - Сегодня Пурказ Иванович и Гойтемир Иванович... Я говорю так потому, что вы сами сказали: отчества у вас не бывает, будто вы безотцовщина окаянная! Ха-ха-ха-ха! - Он смеялся до слез. - Так вот, друзья Ивановичи, а я, по моему воспитанию, называть уважаемых людей без отчества не могу! Так вот, Ивановичи, между вами, значит, новое родство. Это великая вещь! И мы это завершили! Пурказ Иванович хотел покочевряжиться! Но именем гостя я тут потребовал: ты... того-этого... не юли! А давай кончай! И вот мы подошли к концу. Благородно, я вам скажу! Благородно! Хоть вы и ингуши! А дочь у него знатная девка! Да если бы мне начинать сначала, я по вашему, ингушовскому, обычаю сам украл бы такую княжну! Ей-богу! Отец байгуш, а она княжна! Умницей вырастил! Спасибо тебе, Пурказ! Молодец, мужик! Но и ты дождался. Знатно дождался! Кого? Кого дождался? Гойтемир Иванович, ваш ученый Хасан-хаджи, я - слуга его императорского величества, - он, пошатываясь, поклонился, - мы пришли челом бить!.. Ну и дай наш

Бог и ваш Аллах всего хорошего молодым! У них твою дочь будут любить. А ты цени!.. Гойтемир Иванович многие годы, многие годы служит верой и правдой царю нашему! Это старый, самый старый и самый мудрый старшина! Кто из вас любит его, того Бог бережет! Запомните! - Он высоко поднял бокал, задрал облысевшую голову с венчиком волос над ушами и, разевая рот, во всю мощь заорал: - Эх, грянем, братцы, да удаалую, да за помен ея-аа душе!..

Залпом осушив бокал и отшвырнув его в сторону, он тяжело сел в треножное самодельное кресло, улыбнулся, поглядел на всех, мотая головой, и вяло прошамкал:

- Кураж, кураж...

Гойтемир и Хасан-хаджи тоже сели. И Гойтемир в своей бархатной черкеске важный, как фазан, обращаясь к Пхарказу и его соседям, сказал:

- Вы сегодня поддержали мою честь. Я благодарен вам! Пхарказ не раскается в том, что стал моим родственником. Не зря говорят: сватовство совершай днем да при зажженном факеле! А то попадетсЯ какой-нибудь молодец, у которого ни одежды для жизни, ни савана в могилу! Его и хоронить-то не в чем! Положить в борозду да запахать, чтоб не вонял! Вот он и весь. А мы живем по-людски!

Многим не понравилось это бахвальство Гойтемира. Но Пхарказ сразу подумал о Калое и мысленно поблагодарил судьбу за то, что все кончилось так.

Вскоре Гойтемир и Хасан-хаджи ушли, а помощник пристава со своими стражниками остался у Пхарказа. Ему постелили в башне, а стражники легли во дворе, на войлоках.

Когда все стихло, вооруженный кремневкой Пхарказ вышел за ворота и уселся на камень. Безопасность и покой гостей для него были священны.

Один из стражников сразу заснул. Другой, что прибыл в эти края недавно и был наслышан о горцах разных ужасов, с непривычки не смог сомкнуть глаз. Неподвижная фигура Пхарказа ему казалась зловещей и подозрительной. Наконец, как бы невзначай, он разбудил товарища и указал ему на силуэт человека в проеме стены.

- Кто это? - спросил тот, протирая глаза.

- Хозяин, - ответил первый стражник.

- Ну и правильно, - заключил разбуженный, подворачиваясь на другой бок, - это у них закон такой. Нас стережет. Ежели в его дворе с нами что приключится, его свои же и заплуют. Скажут: баба, а не человек. Это по-ихнему хуже оплеухи. Я когда у них бываю, сплю спокойнее чем в своей хате... Спи! - И он, вздохнув, сразу захрапел. На чистом воздухе здорового человека сон укладывает, как из ружья.

Но друг его долго не мог уснуть. То ему мерещилось, что к ним кто-то подкрадывается. То лезли в голову мысли о здешних кручах да косогорах, невесть как перепавших вдоль и поперек.

И, вспоминая российские леса да равнины, свой дом и детей, он думал о том, что если этих горцев переселить туда к ним, они, пожалуй, еще и затоскуют, посчитают себя

несчастливыми, привыкнув здесь к своей каторге... «Да она везде, эта каторга, где за ради хлебушка бедный человек шею гнет, а детей прокормить не в силах...»

Вершины гор и небо чуть посветлели, когда он, утомленный бессонной ночью и безрадостными думами, уснул.

Как всегда, после такого события аул жил этой новостью. Каждый считал своим долгом подойти к Пхарказу, к его жене и поздравить их с обручением дочери.

Но между собой люди по-разному судили о том, что произошло. Одни считали, что Зору родилась в священную ночь, когда «засыпает вода» и исполняются все желания. Поэтому такая счастливая. Другие искали дружбы со вчерашним бедняком Пхарказом, который вдруг стал сватом самому Гойтемиру и может оказаться полезным человеком. Но многие знали о любви Калоя и Зору; они считали, что эту пару разбили деньги Гойтемира, и, не стесняясь, отпускали в адрес старшины крепкие слова: «С деньгами для него путь хоть на небо открыт!»

В числе первых пожелал счастья родителям Зору и Калой. Но, внимательная ко всему, что касалось ее дочери, Батази заметила в его взгляде недоброе, хотя он и говорил с ней, опустив глаза. Это убедило ее, что словам Калоя верить нельзя, что его спокойствие - это только бурка, под которой спрятано оружие...

А Зору все молчала в своей комнате и никому не показывалась на глаза.

Как-то глубокой ночью, когда спал весь аул, Пхарказ проснулся. До него донеслись слабые, едва уловимые звуки гармонии. Он прислушался. Играла Зору. Играла и тихо пела, останавливаясь, замирая... И тогда отец слышал приглушенные слезы...

Вот снова донеслось пение...

Говорят, льдами покрылся синий Терек.

Говорят, иней лег на голову Казбека.

Но иней сдует быстrokрылый ветер.

Но лед растопит солнца яркий луч.

А кто растопит лед моей души?

Кто сдует иней, убеливший косы?..

Ваша Зору, против воли идущая, пусть умрет!

Ваша Зору, против сердца идущая, пусть умрет!..

Тяжестью легла эта песня на душу отца. Он понял глубину печали дочери. Но дело было сделано. Ему стало душно. Он осторожно встал и вышел на терраску. Тихая ночь обступила его. Ничто не нарушало предрассветного покоя.

Пхарказ посмотрел на башню соседа. Он знал, о ком плакала дочь его. И вдруг он

увидел человека, стоявшего неподвижно на плоской крыше. Казалось, он смотрит прямо на него.

Пхарказ застыл, прижался к холодным камням стены. Потом незаметно открыл дверь и исчез.

А человек на крыше так и остался стоять. Пхарказ понял: в эту ночь не спали двое...

Батази и без того волновало соседство Калоя. А когда наутро Пхарказ рассказал, что видел его на башне, она потеряла покой.

Родные Чаборза торопились с подготовкой свадьбы. Чуть не каждый день они присылали что-нибудь Зору для приданого. Но Батази готова была выдать дочь голой, лишь бы до свадьбы ничего не случилось. Кто знает, о чем думает Калой. Уже не одна соседка намекала ей на то, что Эги что-то задумали. Их молодежь тайно собирается у Иналука. А это неспроста.

У Батази голова шла кругом. Она понимала, что над ними нависла страшная угроза. Эги могли похитить дочь даже прямо со свадьбы. А такую обиду Чаборз вынужден будет смыть только кровью. Когда заговорит оружие, женский ум уже ничем не поможет. В удел женщинам достанутся только слезы.

Она поделилась своими опасениями с мужем. Но он выслушал ее и ничего не сказал. Только на ночь стал запирает дверь башни да на полку кремневого ружья подсыпать сухого пороха. Ей от этого не полегчало. И тогда Батази решила, что не к обороне надо готовиться, а сделать так, чтобы у Эги не было нужды нападать. И в этом могла помочь только одна Зору.

Батази решила пойти на риск и просить дочь поговорить с Калоем.

Как поведет себя Зору? Как поступит Калой, когда девушка сама явится к нему в руки? Этого нельзя было предвидеть. Но Батази должна была торопиться. Она видела, что за их домом следят. И ни открыто, ни тайно без кровопролития Эги Зору не выпустят.

От всех этих переживаний Батази осунулась, почернела, состарилась. Радость, которая окрыляла ее в первые дни после долгожданного сватовства, исчезла. Тревога и страх потушили глаза. Она казалась тяжелобольной.

Наконец она пошла и высказала дочери все свои опасения.

Зору слушала мать, как всегда в последнее время, не поднимая глаз, не говоря ни слова.

- Чего же ты от меня хочешь? - спросила она, когда мать, опустив голову, замолчала, вытирая слезы.

- Хочу, чтоб ты просила Калоя оставить тебя...

- А если он не захочет? - Зору хотела крикнуть: «И перебьет всех вас!!!» Мать поняла ее.

- Тогда не знаю... Но ведь и наши и Чаборза родные насторожены, — ответила она. —

Кто погибнет, нельзя предугадать... Это дело судьбы....

Мать намекала на то, что в схватке может пасть и Калой. Зору содрогнулась от этой мысли и решила приложить все силы к тому, чтобы предотвратить столкновение двух родов. Но ей захотелось задать матери еще один, последний вопрос:

- А что я должна делать, если он не отпустит меня? Увезет?.. Батази подумала, а потом, посмотрев на дочь, с чувством полной откровенности ответила:

- Ну что ж, для вас двоих это будет неплохо... Вы где-нибудь скроетесь и будете себе жить. Гойтемировские в отместку похитят одну из фамильных сестер Калоя и, позабавившись ею, отпустят назад. А я ска-жу людям, что сама, по своему желанию, без ведома отца твоего, выдала тебя за Калоя. И, чтобы снять с дома позор, умру... Вот и все... Лишь бы тебе было хорошо...

Зору горько усмехнулась:

- Хорошо!.. В этом доме есть уже покойник... И второго не будет. Я постараюсь, чтоб не было...

Слезы мешали Батази смотреть на дочь. Казалось, она только теперь поняла, чего добилась. Но уже никто не мог ей помочь.

Неверный шаг был сделан. А дальше - все подчинилось власти неумолимых обычаев, неписаных законов гор.

Для похищения Зору у Калоя и Иналука все было готово: друзья, оружие, кони, место, куда скрыться на первый случай. Фамильные братья каждую ночь собирались к Иналуку, чтобы напасть, как только Калой подаст сигнал. По молодости все эти парни - а их без Иналука было еще четверо - готовы были на любое отчаянное дело, лишь бы угодить своему другу и брату. О последствиях никто не думал.

И в это время Зору через Орци передала Калою, что будет ждать его у старой башни.

Это известие ошеломило Калоя.

Предупредив Орци, чтоб он не говорил никому ни слова, Калой со всеми предосторожностями уехал. По дороге он терялся в догадках. «Вернее всего, - думал он, - Зору все-таки решила бежать...» Он боялся радоваться этой мысли. Неужели счастье так просто, само придет в руки?! Но чем больше он думал об этом, тем возможнее и правдоподобнее казалась ему догадка.

Он ясно видел, как вместе с ней пробирается по крутой тропе к аулу родственников родной матери, Доули, с которыми у него была договоренность. Там он мог скрывать ее, если надо, годами.

Вот он уже на вершине Ольгетты. Бросив коня, он бежит к Зору. Она стоит у стены, укрывшись от лунного света.

По резкости его движений, по быстроте, с которой он приближался к ней, Зору поняла, о чем он думал, и это было невыносимо.

- Добрый вечер! - воскликнул он.

Она не ответила ему, как полагалось, теми же словами.

- Здоровья тебе! - пожелала она.

Но он даже не заметил разницы. Его охватила радость от того, что они снова вместе. Кажется, он забыл обо всем, что произошло, и снова только любовался ею. Зору печально опустила голову. Чуткий, он сразу понял, что радость его преждевременна.

Зачем же она позвала его сюда? Он молча приготовился слушать.

- Не может случиться то, что не записано в судьбе человека, — волнуясь, с трудом выговаривая слова, сказала Зору. Эти слова сразу разрушили все, о чем он мечтал в пути.

- Значит, нам... мне не было суждено счастья... - говорила она.

И каждое ее слово было против того, что он желал, вызывало в нем протест. Но он сдерживал себя и слушал.

- Я прошу тебя: во имя моей жизни не делай ничего, что может привести к вражде... к крови...

- А на что мне мир, если не будет тебя?! - воскликнул Калой. - Ты пришла... Мы вместе... кто сможет нас разлучить? Ведь ты обещала, клялась! Я укрою тебя от всех! Я никого не боюсь. А нет - я перебыю весь род Гойтемира! Один перебыю всех! Спалю их жилища, перережу скот, уничтожу посевы! Я без страха за свою душу обрушусь на них! И ничто не спасет их от моей руки! - Ярость душила его. - Скажи только слово, и я унесу тебя!

Зору видела его глаза, его искаженное гневом лицо. Страх охватил ее. Она повалилась ему в ноги, обняла его колени, забилась в рыданиях.

Калой опомнился, поднял ее. Поставил на ноги. Он силен был против сильного, бесстрашен против равных. Но против слез у него не было защиты.

- Перестань! Перестань! - говорил он ей голосом, в котором слышалась ласка и желание успокоить, как успокаивают ребенка.

И Зору постепенно затихла. Они долго не произносили ни слова. Оба думали об одном, а говорить не могли. Слова причиняли только боль. Калой прервал молчание:

- Скажи, почему нам нельзя быть вместе? Разве до нас никто не нарушал родительского слова?

- Нарушали, - ответила Зору. - Но что из этого получалось? Почти всегда это было такое горе, после которого люди уже ничему не радовались. Пойми меня. Мой отец - бедный человек. Единственное его богатство, его гордость - я. Если и я у него окажусь настоящей и я не посчитаюсь с ним, кто же будет считать его за человека? И как

после этого я могла бы наслаждаться жизнью? Мать у меня сумасшедшая. Если бы я нарушила их слово, я знаю, она не стала бы жить.. А разве на родительском горе можно быть счастливой? У нас с тобой это не получилось бы. Они ведь не против тебя... - И снова пришли слезы. - Они против нашей бедности! Богатство старшины, почет -это ведь им и во сне не снилось... Не могу их убить, и ты не можешь... Они были друзьями твоих родных... Я прошу... — Она замолчала.

Она могла бы сказать: «Ты будешь еще счастлив... За тебя Наси хочет выдать свою сестру... Она красивая, и у нее есть все...» Но мысли эти остались с нею. Произнести их было выше ее сил.

А Калой думал о том, что Зору не так любила его, как ему казалось.

- Как ясно работает твоя голова! Значит, сердце молчит! — с обидой и горечью вырвалось у него, и он отвернулся.

Больно стало Зору от этих слов. Была в них доля правды. Голова ее работала. Зору не могла не думать. От этого зависела его жизнь. Но сердце... О, как он здесь ошибался! Зору нагнулась, схватила горсть земли и, протянув перед собой руку, сказала:

- Что пользы говорить теперь слова, которые несут только боль! Клянусь Господом Богом, создавшим эту землю, только ты один был в моем сердце... И ты один останешься в нем навсегда, кому бы я ни была отдана...

Калой смотрел на нее, будто видел первый раз в жизни.

Он был потрясен этой клятвой, он понял, что все разговоры напрасны. Возврата нет.

Бурные чувства охватили его, как дерево, попавшее под удар урагана. Он едва владел собой. В голову лезло одно решение страшнее другого: «Убить ее сейчас, здесь... Убить себя... Убить Чаборза...»

Зору видела, что с ним делается. Она должна была справиться с собой.

- Ведь это моя последняя просьба! - наконец сказала она, вложив в слова всю глубину своих чувств. И Калой овладел собой.

- Один Аллах знает, как мне это нелегко! - он помолчал. - Твоя последняя просьба... Больше я ничего не должен буду делать для тебя... Хорошо. Я никого не трону. Будет так, как ты просишь... Еще что? - спросил он.

И она, не в силах ответить, покачала головой... Он молчал... Она тоже молчала. Сколько им хотелось сказать друг другу! Но они молчали. Наконец Калой привел Быстрого.

Зору не могла достать ногой до стремени. И ей так хотелось, чтобы он в последний раз, как всегда, посадил ее на коня - единственного свидетеля их прошедшего счастья. Ей хотелось в последний раз изведать силу и нежность его рук. Но Калой подвел коня к бугру, чтобы она могла сесть сама.

И Зору поняла: с этой минуты она для него навсегда стала чужой.

Он повел коня вниз. Из-за облаков вышла луна. Она осветила замок Ольгетты, неровные контуры его старинной башни. Калой посмотрел на башню снизу и громко сказал:

- Людьми и Богом проклятое место!

Зору, до глаз закутанная в темный платок, беззвучно рыдала. Калой свернул с тропы и повел коня напрямик к аулу.

Батази казалось, что Зору нет уже целую вечность. Мысли путались, руки дрожали. Холодный страх ложился на душу.

Не подавая вида, она постелила Пхарказу, сказала, что дочь отпустила к соседям, и вышла на террасу, вглядываясь в темноту. Если дочь сбежит, эта ночь будет последней ночью Батази. Суровая жизнь в вечном труде настолько опостылела, что она без жалости готова была расстаться с нею.

Сердце трепетало, словно у него были крылья. Где-то далеко на каменистой тропе простучали копыта... Немного погодя на краю аула залаяла и смолкла собака. Значит, приближался кто-то свой. Батази вслушивалась и не заметила, когда Зору вошла во двор. Она увидела ее уже на лестнице, поднялась, уступила дорогу...

Зору молча пошла к себе.

Батази осталась одна. Руки у нее повисли, взгляд остановился на двери, за которой скрылась дочь. Дочь...

Но Батази должна была узнать, что будет. И она пошла. Она очутилась в комнате Зору. Та, не зажигая света, стелила постель, казалось, она не заметила, что кто-то вошел. Наконец она обернулась.

- Все будет так, как ты хотела. Никто никого не тронет... - Она не двигалась, давая понять, что сказала все.

Мать постояла, не дождавшись других слов, согнулась и ушла.

На нарах спал Пхарказ. Батази упала на шкуру для моления и сжавшись в комок, положив на узловатые руки щеки, тихо заплакала. В ее слезах было материнское горе и облегчение потому, что все должно было быть хорошо... Зору когда-нибудь поймет ее, оценит и... простит.

А Зору, оставшись одна, бездумно смотрела на пол, где лежала белая полоса лунного света.

Обрывками текли мысли. Они вели ее к последнему свиданию. Вот из-под темных бровей с укоризной смотрит на нее Калой. «За что? Зачем? Уже не будет ничего...»

Зору задыхается. Она выставляет на пол раму. Струя свежего воздуха ударяет в лицо. Она жадно хватает его пересохшим ртом... кружится голова... «Уже не будет ничего...» Зору срывает с себя платок, одежду - они душат ее. Холодный ветер ночи кидается к ней, обнимает голые плечи. Она медленно идет к постели, садится, подобрал ноги...

Луна идет с нею, лиловым светом изгибается на ее коленях. Прозрачная голубизна покрывает словно из мела выточенную шею, грудь. Будто обороняясь от кого-то, Зору обнимает себя. В последнем отчаянии закинута измученное лицо...

Идет время. Зору неподвижна, как изваяние богини Тушоли. Жива она или жизнь покинула ее? Но свет луны голубым огоньком скатился из-под опущенных ресниц, упал... упал еще...

Шла ночь. Прощалась, уходила девичья луна. И когда ее последнее прикосновение соскользнуло с лица Зору, страшная, холодная темнота обняла ее... «Уже не будет ничего...» Не стало ничего... Мрак.

Калой расседлал Быстрого, завел его в сарай, положил в ясли сена, заплел хвост и гриву. Делал он все это машинально, одними руками, потрогал влажную спину и грудь коня и, обняв его за шею, припал к нему головой.

На память пришло детство, первые встречи с Зору... Быстрый бегал тогда жеребенком... Сколько приходило несчастий, сколько раз была судьба... Но каждый раз оставалась надежда. Приходили дорогие глаза Зору, ласковые и любимые, — и все становилось не страшно, хотелось жить, смотреть, идти вперед...

Быстрый жил с Калоем одной жизнью. Он бывал резв, когда хозяину было хорошо, и становился понурым, когда тот был печален.

И сегодня, когда ехала на нем Зору, он спотыкался, чуть не по земле волоча свою умную морду. Он, конечно, знал все, что произошло между нею и хозяином. Но он не мог ни сказать, ни помочь.

Он один знал, какой тяжелой была сейчас голова Калоя, какими беспомощными стали его могучие руки. Снова и снова поднималась в душе Калоя мучительная борьба.

То он не хотел мириться с тем, что все уже кончено, и думал, что он все-таки должен ее похитить. То говорил себе, что все потеряно, дорога к счастью оборвалась и, что бы он теперь ни сделал, это принесет только горе.

Быстрый повернул шею, ткнулся теплыми губами в ухо Калоя, вздохнул, как бы говоря: «Ну что поделаться!» И этот вздох заставил Калоя очнуться.

Он устыдился слабости, хотя свидетелем ее был только Быстрый.

«Да, слово есть слово, - прошептал он ему. - Зору и так несчастна. И не мы будем теми, которые причинят ей боль...»

Дома Орци, не дождавшись брата, уснул на полу, около очага. Калой осторожно перенес его на нары. Сам он спать не мог. Уже ничего не надо было делать, ничего обдумывать, решать, но вместо покоя пришло самое непереносимое беспокойство. Он блуждал в башне, переходя из комнаты в комнату, зачем-то брал в руки вещи, садился, вставал и снова ходил. Иногда начинал думать. Тогда ему казалось, что он сходит с ума. А может быть, он и в самом деле сошел с ума? Там, у Иналука, друзья его спят, не раздеваясь, ждут его зова, готовы жертвовать жизнью ради него, а он мечется здесь, в своем каменном мешке. Калой потушил лампу, вышел во двор. Рядом чернела башня

Пхарказа. Она была близкой и родной ему с детства. Но теперь он ненавидел ее... Неужели Зору спит? Неужели она успокоилась его обещанием не трогать ее жениха и отдыхает, освободившись от всех тревог?..

«А какое мне до этого дело!.. Мало ли девушек в разных башнях! Не думать же о каждой из них... Она должна быть мне теперь безразлична, как и другие».

Так рассуждая, он брел по ночному аулу, пока не добрался до башни Иналука. Собаки ласково встретили его, пропустили.

Несмотря на то, что была еще ночь, жена Иналука уже не спала. Все эти дни ей приходилось вставать чуть свет и готовить. И хотя ребята, ночевавшие у них, были братьями рода Эги, все-таки невестка видела в них гостей. Панта знала, что они готовятся похитить Зору. Она была на их стороне, потому что очень любила и жалела Калоя, но, когда он наконец вошел, сердце ее оборвалось. Здесь ждали только его прихода. С похищением Зору должна была начаться новая жизнь для всех Эги, полная опасностей и тревог.

Жизнерадостная, улыбчивая Панта поднялась навстречу Калою и застыла в ожидании его слова. Он понял, подошел, обнял невестку за плечи.

- Не волнуйся, Панта. Вражды не будет, - сказал он. И сам удивился, как спокойно прозвучали эти слова.

Панта, которая всегда была на его стороне, радостно улыбнулась своей широкой и доброй улыбкой, как будто только этого слова и ждала от него.

- А как же Зору?.. - с тревогой спросила она. Калой помолчал и негромко ответил:

- Я думаю: не будем из-за нее умирать... Панта закрыла лицо платком.

Когда он повернулся, чтобы зайти в комнату, где ночевали его сородичи, он увидел их в дверях. Они стояли, уже готовые идти за ним. Калой вошел в их комнату и повторил свое решение. Они не сразу поняли его. Больше всех был возмущен Иналук. Он обвинил Калоя в трусости. Но и это не возымело действия.

- Тебя околдовали. Навели порчу, - не унимался он. - Если так, мы без тебя похитим ее!
- крикнул он, метнув гневный взгляд на брата.

Но Калоя, казалось, ничто не было в состоянии вывести из себя.

- А для кого? - спокойно спросил он.

- Как для кого? Не для меня, конечно! - окончательно разозлился Иналук.

Калой сел. В комнате горел масляный светильник. Фотоген берегли для особых случаев. Полукругом у стены стояли братья-однофамильцы. На всех большие папахи, короткие черкески. На тоненьких талиях юношей огромные кинжалы. С виду они были спокойны. И только глаза выдавали их нетерпение. Как давно им хотелось сбить спесь с гойтемировцев!

- Вы на меня не обижайтесь! - сказал Калой, поглядев на них. - И ты, Иналук, не торопись. Не дразни. Я и так готов на людей бросаться. Только ее оставим в покое. И Гойтемир до поры пусть ничего не знает и не ждет... Есть у меня на это причина. Я успею посчитаться с ним, но не за девушку, а за все другое...

Иналук понял, что спокойствие Калоя только кажущееся. Но он никак не мог понять, отчего произошла в нем такая перемена, как он решил отказаться от Зору, которая для него была дороже жизни?

- Не знаю, что перевернуло твои мозги за один день. Не хочешь говорить - твое дело, - более сдержанно сказал он. — Но так, чтобы Чаборзу было только хорошее, - так тоже не должно быть! Надо угнать у них лошадей. Что на это скажешь? Калой печально улыбнулся:

- Зору поменять на лошадей?..

Иналук заметался по комнате. А Калой, выждав немного, продолжал:

- Я однажды имел с ними дело... Это кончилось тем, что я лишился родных...

- Мы тебя не возьмем с собой! Ты не будешь рисковать! - снова вспылil Иналук.

Калой вкочил. Но, справившись с гневом, снова сел.

- Иналук, ты как лошадь, которую лозой по глазам хлещут, - сказал он. — Шарахаешься из стороны в сторону. Выходит, вы хорошие, храбрые, самолюбивые, а я раб? Выходит, я могу отпустить вас мстить Гойтемиру и отсиживаться здесь, рядом с Пантой? Никто из вас не мог думать об этом больше меня! За нашу землю с ним схватился Турс... Схватился с ним и Гарак... Оба раза Гойтемир одолел нас. Но не в поединке, а с помощью власти. Да и здесь ему отдали девушку потому, что с ним была власть. А из-за его лошадей завтра сюда пришлют отряд стражников, и мы будем кормить их и поить! Укусить можно, но у нас же зубы будут разбиты. Надо ли забывать об этом?

- Что ж, по-твоему, умирать от страха? Так и жен наших начнут уводить! - не унимался Иналук.

Калой снова встал, не глядя ни на кого, сказал:

- Умирать от страха? Ты уже второй раз назвал меня трусом. Ну что ж, я посмотрю, сколько гирек весит храбрость каждого из нас! Похитить Зору я не считаю особой удачей. Я не желаю этого - и все. Отомстить Гойтемиру за родителей сам сумею. Но есть другое дело, на котором можно проверить, крепко ли в тебя вставлено донышко! И давно пора взяться за это дело! Кто держит Гойтемира на нашей шее? Царские начальники, которым он все доносит! Они загнали нас с плоскости в эти скалы, они не дают покоя здесь, обирают, вмешиваются в нашу жизнь! Так если уж мы такие мужественные, надо не забиваться, как блохи, в волчью шкуру и щекотать ему пузо, а хватать за морду и рвать у него из зубов добычу!

- Не понимаю... - Иналук вопросительно посмотрел на всех.

- Я говорю о царской почте, которую по большой грузинской дороге гоняют в Тифлис и обратно!.. Вот на это нужны и настоящие руки и храбрость.

Парни переглянулись. Иналук задумался.

- Ну что ж, - сказал он, - я согласен. Ты прав. Гойтемир не задирает бы морду, если б пристав не поддерживал его. В прошлом году сколько денег собрали на мосты? А где эти мосты?

- Сожрали деньги - и дело с концом! - отозвался один из братьев Калоя.

- Только все надо обдумать. За почтой - комбой[15], - сказал уже снова загоревшийся Иналук.

- Если дело удастся, мы добудем кучу денег, а ахпадчах[16] разгонит всех своих пристопов и помощников и с ними заодно нашего! Вот будет потеха! - Он захохотал.

- Надо подгадать все это к свадьбе Чаборза. Днем быть на виду, даже казаться пьяным, чтоб все видели! - предложил Калой. - А если кто попадется, - он подошел к очагу и взялся за цепь. И тотчас же над его рукой на цепь легло еще пять рук, - то клянусь, что правдой и неправдой, силой или с согласия никто ничего от меня не узнает! Амин!

Парни повторили клятву. На этом разошлись, договорившись, что Иналук и Калой обдумают все и встретятся с бывалыми людьми.

Калой вернулся к себе успокоенный.

«Если нападение будет удачным, - думал он, - братья никогда больше не станут сомневаться в моем мужестве. Я отомщу начальникам, и у меня будет много денег. Батази узнает об этом. И пусть заест ее зависть и досада за то, что продала дочь! А если налет окончится неудачно? Ну что ж, меня убьют. Большого ведь не случится. А нужна ли мне жизнь? Все, что было, известно. А то, что будет... будет ли оно лучше того, что было?»

Но на смену этим мыслям пришли другие: «Послушался Зору? Смалодушничал! Надо жить и добиваться всего, что есть у других! Чем лучше Гойтемир, Чаборз, пристоп и даже ахпадчах?.. Ведь они тоже всего лишь воры!..»

И он увидел себя не убитым пулей комбоя, а победителем, которого с уважением встречает народ, перед которым трепещет враг.

4

Гойтемир торопился со свадьбой сына. Наси знала все до мелочей, что покупалось в приданое невестам старших сыновей мужа, и теперь старалась, чтобы для невесты Чаборза было сделано столько же, если не больше. Зору у родителей была одна, и Наси без боязни пересылала ей все приобретения. Кроме подвенечного наряда, зимней шали, летних платьев, светлого и черного - на случай траура, тут были постели, войлочные ковры, медные кувшины, тазы, рукомойники и много-много другого.

Эти подношения доставляли Батази великое удовольствие.

Наглядевшись сама, она звала соседок, и они вместе долго не могли успокоиться, налюбоваться вещами. Батази была счастлива и считала, что Зору притворяется и просто из упрямства не восторгается своим приданым.

Наконец от жениха были получены все вещи. И еще Гойтемировы обещали городской стол и стулья, комод, зеркало, машину, на которой шьют, резную кровать в день свадьбы подвезти к началу ущелья, чтобы видели все. Жить Чаборз с женой собирался на плоскости. Отец купил ему дом и землю на берегу Ассы, где со временем можно будет построить мельницу.

Конечно, всем в Эги-ауле хотелось посмотреть на такие невиданные вещи, как машина, которая шьет, и комод, но они понимали, что везти эти ценности в горы, на выюках - дело сложное, тем более, что молодые не собирались жить в башне Гойтемира.

Чаборз давно уже должен был поехать с друзьями к невесте. Это было его правом и обязанностью. Но Гойтемир надумал другое: первую же поездку Чаборза к невесте он решил превратить в свадьбу. Это избавляло от многих хлопот и расходов. Чем скорее невеста переступит порог дома своего мужа, тем скорее кончатся все опасения. Ведь пока она девушка, ее могут и украсть. Родителям невесты обычно не нравится такая спешка со свадьбой. Вот почему, не доверяя никому, однажды, незадолго до созревания хлебов, в Эги-аул без шума, с одной выючной лошастью, пришла сама Наси. Она остановилась в доме Хасана-хаджи. Его помощь и теперь могла оказаться незаменимой. Но, к огорчению Наси, Хасана вызвали на поминки в соседний аул, и он мог вернуться только ночью, а может, и на другой день. Ждать Наси не захотела и решила сразу же встретиться с Батази. Сестра Хасана-хаджи послала за ней девочку-соседку.

Встреча свах была теплой и трогательной. Наси оказала матери невесты должные почести. Она одарила ее куском персидской ткани на платье, головкой сахару, фунтом чаю. А когда разговор о приданом закончился и Батази признала, что для ее девочки куплено все и даже больше, Наси достала из хурджина свой знаменитый алый платок.

- Отдай ей, - сказала она радостно, без тени сожаления. - Сына женю. Внуков ждать буду. Моей красоте не цвести. А девочке он будет к лицу, в самую пору.

Батази обняла сваху, заплакала. Такую дорогую вещь, которая огнем горела и скользила из рук, как живая, она в жизни не трогала. Это было выше всех ее желаний. Платок, который был дивом для всей округи и завистью всех женщин, отныне принадлежал ее дочери. Стыдясь слез, не поднимая головы, она сказала:

- Ты мать ее!.. Я ее только родила. Но рожают и щенят... А ты принесла ей счастье! И не смеет она никогда глаз поднять на тебя! Дай тебе Бог всего, добрая женщина! А до красоты твоей ей, как лику луны до солнца!

Теперь в свою очередь растрогалась Наси и обняла бедную родственницу.

Хозяйка подала женщинам мясо, галушки, подливу. А когда она вышла, Наси с видом заговорщицы нацедила в кружку из бурдючка, который оказался у нее в хурджине, карак и, не дав опомниться, заставила выпить Батази и выпила сама.

- В доме у хаджи?.. - поперхнувшись, воскликнула Батази.

- Ничего! - смеясь, ответила Наси.- Эти ученые знают молитвы от всех грехов! А Хасан относится к нам так, что ни за что не даст попасть в ад!

Настроение у обеих быстро поднялось, голоса стали громче. А когда хозяйка заметила это, Наси сказала, что черемша[17] оказалась такой крепкой, что у них даже голова закружилась.

Зашел разговор о дне свадьбы. Батази не пришлось упрашивать. Она сама торопилась, хотела, чтобы скорее все было закончено. Батази с непривычки захмелела и рассказала, что боится Калоя.

- Послушай меня, - говорила она, понизив голос. - Я за дочерью, как курица за цыпленком. И я сразу вижу, если в небе коршун...

- Ну, ну, говори. - Наси склонилась к ней, чтобы не пропустить ни слова.

- Калой помрачнел, совсем изменился, как ее просватали! Я через верных людей узнавала, не замышляет ли он чего. Сказали, что нет. Да и вправду, куда ему и с нами и с вами сразу связываться! Но молодость... Другой раз человеку и не снится, да «добрые люди» подзадорят, подпекут так, что он, не помолившись, в пропасть кинется! Вот чего я боюсь! Пока девушка не у вас, ее счастье по самому краю обрыва идет... А сердце матери дрожит... дойдет ли?..

- Конечно... конечно... Хорошо, что ты предупредила. Будь начеку!.. Я этого парня помню... Это сорвиголова! А если вспомнить и вражду его родителей к нам, так тут, как ты говоришь, не много надо, чтобы натворить беды. Ему-то нечего терять, а у моего мальчика жизнь!.. Надо, чтоб все обошлось благополучно, а там уж я молодых ни за что не оставлю в этих каменных стенах, где крикнешь - эхо горем откликается! Как ты мне раньше этого не сказала! Я не могу испытывать судьбу... Играть во все эти игрушки с приходом жениха к невесте, с наездами к вам его друзей - нечего. Это будет только дразнить Калоя, если он ее так сильно любит...

- Любит! Тебе говорю: любит! Черным стал! Но он чтит память родителей. Ведь отец и дядя его были друзьями с моим. Это и связывает его...

- Конечно... Конечно... - машинально повторяла Наси, уже обдумывая что-то. - Он парень застенчивый... Но какая опасность! А я и не ожидала...

В памяти ее вставал далекий день посвящения юношей. Тогда она впервые заметила взгляды, которыми обменивались Зору и Калой, и решила, что эта девушка должна достаться баловню судьбы - ее Чаборзу. А Калой... Он достоин настоящей любви, о которой понятия не имеет эта девчонка...

Прошло время. И вот первое ее желание на пороге. Скоро свадьба Чаборза. А второе? Оно, пожалуй, так же несбыточно, как и в первый день, когда она увидела Калоя... А, впрочем, кто знает?..

С тех пор как Наси не удалось выйти за Хасана, все остальное в жизни удавалось ей. Словно судьба хотела возместить отнятое счастье... А может, просто потому, что она научилась казаться скромной и в то же время умело, решительно добиваться своего.

Ведь как-то надо было ей жить.

- Батази, - сказала она, - ты женщина умная, и мы с тобой должны уберечь наших детей...

- Нет, ты послушай меня, - перебила ее Батази, - ты меня не уговаривай! Я готова на все! Ты знаешь, как я живу...

- Так вот, я предлагаю, - продолжала Наси, - через три дня, в день недели[18], Чаборз приедет к вам как бы для первого посещения. А к концу дня он увезет Зору. Только об этом никому ни слова. С ним будет достаточно народу, чтобы никого не бояться. Но, я думаю, мне не следует уезжать отсюда, не попытавшись врага сделать другом... Как ты думаешь?

Батази и без того была оглушена и выпитым и предложением Наси через три дня сыграть свадьбу, а этот вопрос окончательно сбил ее с толку. Она не привыкла так быстро соображать и решать дела, которые не всякому мужчине по уму.

- Не пойму, что ты предлагаешь, - сказала она, и подбородок ее беспокойно отвис.

Наси улыбнулась:

- Конечно, это не женское дело. Но иногда женщине гораздо проще удастся то, чего не могут мужчины. Они, как петухи, друг перед другом заносятся! А мы проще. Я ведь ради сына и попросить не постесняюсь!

- Послушай, а правильно! - поняла наконец Батази. - Если он пообещает — он на слово как камень!

- Ничего, конечно, они не посмеют и так. Мы больше сами пугаем себя. Но мы — матери, и на всякий случай, я думаю, надо.

- Надо! Обязательно! - подхватила Батази, не дав ей договорить. - А насчет Зору не беспокойся. Через три дня у нас все будет готово!

- Кто у Калоя в доме? - спросила Наси.

- Никого. Мальчик сейчас пасет в горах овец. Калой один. Иногда у него бывает брат - Иналук...

— Очень хорошо, — сказала Наси и стала собираться. — Темнеет. Нас никто не увидит. Я приду к нему под предлогом... Что бы придумать?

— Послушай, Наси, ты только не обижайся... — издали начала Батази. - Я слышала, что им интересуются... для одной из твоих родственниц... Может, под этим предлогом и пойдешь?

В душе Батази была твердо уверена, что только это заставляет Наси идти к Калою. Теперь ей было ясно - Хасан-хаджи тогда говорил правду: Наси хочет выдать за Калоя свою сестру! А как она обрадовалась предложению пойти к Калою!

- Наси считала себя умной, но ты, Батази, умнее ее! - воскликнула Наси. — Знала я, чью дочь выбирать в невестки, и не ошиблась! Ведь как сваха я могу явиться к нему и с угощением и с вопросами о его жизни! Вот ловко!

Она завернула в платок мясо, блины, лепешки, незаметно сунула туда бурдючок и, накинув темно-синий шелковый платок, направилась к выходу, шурша новой фиолетовой черкеской.

Сказав сестре Хасана-хаджи, что она уходит к Батази и скоро вернется, Наси, красиво отступив, пропустила сваху вперед и скромно последовала за ней, низко опустив голову, отягощенную заботами.

Да. Какие только заботы не отягощают голову богатой и красивой женщины, когда уже надо женить сына на первой красавице гор, а у собственного мужа, который в юности купил ее тело, на исходе восьмой десяток лет!..

Калой лежал на медвежьей шкуре, брошенной на нары.

Ветер нагонял тучи. На дворе быстро темнело. Лампу незачем было зажигать: в комнате горели дрова. Огонь то совсем угасал, то снова разгорался, перебегая легким пламенем с одного поленца на другое. Калой не двигался, можно было подумать, что он спит, если б не его глаза, которые неотрывно смотрели на этот вечный огонь отцов.

Сколько раз он думал о том, кто и как зажег его первым, кто принес его в эту башню, чтобы обогреть своих потомков. И не находил ответа. Но сегодня, глядя на этот камин, он впервые подумал: «А при ком погаснет его огонь?»

Только что был Иналук. Он принес весть: «бывалые» люди с плоскости готовы поддержать их и зовут спуститься с гор, чтобы вместе напасть на царских слуг. И Калой думал, что, может быть, через несколько дней не он уже положит в очаг дрова и не ему смотреть через прозрачное золото этого пламени в далекое прошлое и будущее свое.

Скрипнула дверь. Калой не обратил внимания. Далеко унесли его невеселые думы. Он видел ночные дороги, вспышки огня, звуки выстрелов, лязг клинков в рукопашной...

Может быть, это ветер скрипнул дверью в сарае, зашуршал в соломе?..

- Здесь есть человек? - вдруг услышал он робкий и нежный женский голос.

Что это - сон или джины, сгубившие Докки, пришли за ним?.. Он вскочил, схватился одной рукой за кинжал, а другой заслонил глаза от огня.

- Мой Аллах! - услышал он. - Если бы я не знала, что это жилище людей, я б умерла от страха! Где твоя голова, человек? Опустись немного из-под потолка, чтобы я увидела тебя.

В этом теплом насмешливом голосе все было близкое, живое. Калой опустил руки и почувствовал, как кровь прилила к лицу. Стыд! Испугался женщины.

- Кто ты? Проходи к огню, садись... Я, кажется, задремал, - виновато пробормотал он и

снова услышал тот звук, который принял за шелест ветра в соломе. Это гостя шла к очагу, шелестя тафтой.

Комнату наполнил аромат пахучего заморского масла, которым богатые женщины смазывали волосы. Пламя заколебалось, осветило лицо вошедшей... И если бы вместо него Калой увидел настоящего живого джина или лик сошедшей с небес богини луны Кинчи, он не был бы так поражен. Рядом с ним была жена Гойтемира, насмешница и красавица Наси.

Она приветливо улыбнулась, разглядывая его. А он молчал. Почему-то во рту пересохло и язык не двигался.

- Я жду. Может быть, ты поздороваешься? И Калой едва слышно сказал:

- Счастлив твой приход...

Наси сделала вид, будто не заметила его смущения, и дружелюбно ответила:

- Со счастьем живи! Только хорошее этому дому! Да поселится радость под вашей кровлей!

После таких ласковых слов, произнесенных женщиной, Калой забыл, кто она, чья жена, чья мать. Перед ним была гостя, и врожденное чувство уважения к гостю вытеснило все остальные. Растерянность проходила. Он снова мог разговаривать, двигаться. Наси не знала, куда сесть. Калой предложил ей у очага треногое кресло, на котором в доме обычно сидели старшие или почетные гости.

Наси заколебалась.

- Я не могу сесть, когда стоит мужчина, - сказала она, — да еще такой мужчина! Я и так вон куда должна задирать голову, чтобы увидеть твое лицо! Садись и ты!..

- Нет-нет! Садись! Ты гостя. Садись! - просил Калой, и Наси села, положив принесенный сверток на подоконник.

Калой кинулся зажигать лампу. Но Наси остановила его.

- Не надо, - сказала она, - если можно, посидим так. У меня от света лампы болят глаза.

Калой сейчас же согласился с ней. Он схватил котел и повесил его над очагом.

- Ты, прости, еды особой, женской, у меня в доме давно нет... Мне сегодня попались куропатки. На первый случай - мы разогреем... А тем временем... — Он двинулся к выходу.

Но Наси вскочила, проворно подбежала к нему, загородила дорогу и стала просить, чтобы он не резал барана.

- Да что ты, - пытался выйти Калой, - я не таким гостям, как ты, оказывал уважение!

- Ради Аллаха! Я же долго не буду! - просила Наси. — Клянусь, я считаю, что ты уже

зарезал его в честь меня! Только не делай этого! Мне некогда. Мне надо поговорить с тобой, ты не уходи.

Калой нехотя уступил ей. Наси села. А он поставил перед нею низкий столик, соль, воду, ячменные лепешки, миски. Помешал в котле.

Наси следила за всем, что он делал, с каким-то особым выражением лица. Не то это было удивление, не то плохо скрываемый восторг. Случайно он поймал на себе ее взгляд и снова смутился.

- Когда заходят мужчины, я все умею делать. Но при женщинах эти домашние дела как-то плохо получаются... Ты уж не обессудь...

Наси встала.

- Раз уж ты хочешь, чтобы мы поужинали, разреши мне быть здесь женщиной. Я не могу допустить, чтоб ты при мне занимался этим. Садись. Я буду хозяйкой.

Калой послушно сел и с удовольствием стал наблюдать, как Наси ловко хлопотала в его доме.

Вечер, полумрак, тепло, тишина, соседство молодого человека-богатыря, с которым во всей башне она находилась одна, волновали ее. Она преобразилась, помолодела. Движения ее были плавные, красивые.

За всю жизнь она в первый раз хоть на какой-то миг была в роли жены в доме молодого мужчины. Она ходила по комнате, хлопотала у очага, готовила для него и сама казалась себе совсем юной. А ведь ее юность прошла со стариком, в вечной зависти к своим подругам. Когда они рассказывали о мужьях, она молчала и краснела от их сочувствия. Она никогда не могла пошалить с мужем. При нем все ее желания увядали. Она научилась покоряться и лгать. Лгать в чувствах, в любви... Юного друга у нее не было никогда, потому что даже Хасана узнала она, когда он был уже мужчиной.

Она хорошо понимала, что ее присутствие в доме одинокого человека могло быть истолковано очень плохо. Но многолетняя привычка повелевать такими мужчинами, как Гойтемир, Хасан, многочисленные родственники мужа, взрослые сыновья его и, наконец, собственный сын, пришла со зрелостью и позволяла ей чувствовать полную свободу и уверенность в том, что ей всегда удастся благовидным предлогом оправдать любой свой поступок.

Она разогрела на углях холодные лепешки, приготовила рассол из сметаны и выложила на стол из своего свертка чапилгаш с творогом и мясом. Из котла поднимался пар. Наси подала на блюде дымящуюся птицу, плеснула в огонь половник жира для предков и, произнеся молитву, предложила Калою начать ужин.

- Да что ты! Я один не буду! На что бы это походило?! - воскликнул он.

Гостя села. Видя, как она наклоняется, чтоб не запачкать платья, он извинился за то, что у него нет еще «русского стола» и так неудобно.

- Я ингушка, - просто ответила она. - И наши отцы и деды не ели на высоких столах!

Они сидели так, что ее лицо было в тени, а на Калоя падал свет, и Наси свободно могла разглядывать его. Она никогда не видела его так близко. Черты лица у него были крупные, нос прямой, с легкой горбинкой, глаза глубокие. Он почти не смотрел на нее. Но она дождалась его взгляда и отметила, что глаза у него серые, с синеватым отливом. А может, это отсвет от ее платка?.. Темная борода и усы... все волновало ее.

Наси прищурилась, обдумывая что-то, и негромко заговорила, вкладывая в свой голос всю мягкость, на которую была способна.

Для себя она решила, что если этот вечер не станет единственным вечером ее юности, то больше такого у нее не будет никогда...

— Много живи, Калой! Вижу я, какой ты добрый, и поговорю с тобой, как с близким человеком. Не ищи в моих словах ни мудрости, ни хитрости, ни двуличия. Ты увидишь, я буду говорить о больших, но простых наших горских делах. Я, конечно, старше тебя, но ты забудь об этом... Я хочу говорить с тобой, как с равным. С умом мужчины, даже если он моложе, женский ум не может сравниться. Но я надеюсь, опыт жизни поможет мне. Можно?

— Я слушаю тебя, - с готовностью ответил Калой.

— Конечно, о таких вещах обычно речь ведут не женщины, — сказала Наси. — Но даже хороший разговор мужчин иногда кончается плохо... А я хочу, чтоб мы расстались лучше, чем встретились.

Калой не мог даже представить себе, о чем она собирается говорить. Все это было совсем необычно и настораживало его. Она улыбнулась и продолжала:

— Я шла к тебе в дом и думала: предложишь ты хлеб-соль, — значит, мир. Не примешь меня - буду просить... Но ты оказался настоящим хозяином, мужчиной! Я ем твой хлеб-соль. Ты принял то, что я захватила с собой... Ведь я знала, что у тебя пока нет женщины... — Она заметила, как при этих словах мрачная тень скользнула по его лицу. Но это ее не смутило. — Я была рада этому. Я надеялась, что мне хоть на один вечер достанутся женские заботы в этом доме... Не откажи мне еще в одном. Наши отцы и деды все хорошие дела совершали за едой с выпивкой. Для того чтоб наша беседа шла хорошо, я хотела б, чтобы мы немного выпили... Ты извини... Ведь я у себя принимаю очень разных людей. И ингушей, и грузин, и русских... Многие пьют. Приходится угощать, ну и они другой раз просят хозяйку выпить с ними... Вот я и научилась, — она рассмеялась, — и готовить карак и немного обращаться с ним...

Калой с нескрываемым удивлением слушал ее и с простодушием ребенка признался, что у него в доме нет ничего, кроме воды... Наси рассмеялась своим подкупающим смехом.

— А ты думаешь, я не знала этого? Да если бы когда-нибудь, даже случайно, моего уха коснулась молва, что ты пьешь, я б ни за что на свете не переступила твоего порога! Я давно знаю чистоту этого дома и уважаю, ее. Но я думала, что, если состоится встреча, ты мне, госте, позволишь... - С этими словами она развернула бурдючок и напедила в чашки Калоя и себе карак.

Калой растерялся. На лице его появилось выражение полной беспомощности и даже страха.

— Да я не умею... - смущенно пробормотал он — Уж ты как-нибудь сама...

— Полноте, где это видано, чтоб женщине предлагали пить одной?..

Это на тебя не похоже! Да и сколько мы будем пить? Раз уж ты пригласил меня к столу и разрешил быть сегодня хозяйкой - держись этого до конца! Я скоро уйду... А ты, если не пил, то очень хорошо. И дальше никогда не пей. Но по разу в жизни все надо изведать, чтобы знать цену всему... Прежде чем мы продолжим наш ужин и оскверним себя этим напитком, хотя деды наши пили его вместо чая, я хочу сказать о другом.

Улыбка исчезла с губ Наси. Она слегка отвернулась, но настолько, чтобы не терять из виду лица Калоя, и продолжала:

- С давних пор между родом Эги и родом моего мужа была вражда. Потом они примирились, но неприязнь осталась. Я не хочу говорить о том, кто виноват, кто прав. Это не моего ума дело. Я, правда, считаю, что во вражде всегда обе стороны бывают слепы и несправедливы друг к другу. Но и об этом я не хочу говорить. Я хочу сказать, что из-за этой неприязни я, которая не сделала вам никакого вреда и не видела вреда от Эги, до сих пор не могла прийти в этот дом и попросту, по-человечески выразить тебе глубокое соболезнование по поводу горя, которое чересчур часто и так жестоко посещало тебя. Да сжалится Аллах над теми, которые умерли! Да простит он все их грехи земные! Да будет его воля на то, чтоб рай стал их вечным уделом! — Она заплакала и тихо и горько. - Души их здесь, рядом с нами. Я молю их простить меня и мою семью за все, в чем мы перед ними виноваты!

Смятение охватило Калоя. Наси напомнила ему о том, что постигло его родителей из-за ее родни, о той пропасти, которая была между ними, и в то же время ее мольба была так чистосердечна, а слезы так искренни, что он не находил в себе чувства вражды.

Ему было странно. Чем больше, чем смелее он смотрел на эту женщину, чем внимательнее слушал ее, тем больше он переставал ощущать разницу в годах, тем менее далекой, насмешливой и уже совсем не наглой казалась она ему. «Видно, я не умел понимать шуток! - думал он, вспоминая праздник посвящения. - Она совсем простая...»

- Ну что ж, спасибо тебе за добрые пожелания. Ты знаешь: объявленной вражды между нами нет. И вообще ведь кровная месть у нас не касается женщин. И у меня нет к тебе никакой неприязни. Ты совсем не их рода, хотя и родила им мужчину... - От этой мысли он снова помрачнел.

От Наси не ускользнуло и это.

- Давай выпьем, - просто, по-родственному сказала она и подняла свою чашку.

Калою ничего не оставалось, как взяться за свою.

- Я хочу в знак дружбы, как делают это мужчины, коснуться твоего сосуда. - Она осторожно приблизила свою чашу к его, коснулась ее и стала ждать, чтобы он,

мужчина, выпил первым.

Калой заколебался, но потом, как давно в детстве, когда летел с горы через овраг, сказав себе «Будь что будет», отвернулся и приблизил чашу к губам.

Наси следила за ним. И, незаметно слив свой карак в золу, допила оставшийся в чашке глоток.

Некоторое время они ели молча. Но по тому, с какой жадностью Калой стал поедать куски мяса, принесенного ею, она поняла: карак «нашел свое место». Сделав вид, что хмель слегка опьянил и ее, она снова заговорила, но более медленно и серьезно:

- Юноша! В этих горах и за их пределами - в Кабарде, в Осетии, в Грузии - не найдется такой девушки или даже... замужней женщины, которая не посчитала б для себя за счастье быть твоей женой... Это я говорю тебе...

Она посмотрела на Калоя, и он снова опустил глаза. От хмеля щеки его горели.

- Такого, как ты, не в каждой башне встретишь! Это одно. Но другое - не всякая красавица может прийтись по сердцу. И тогда тебе мало пользы от тех, которые, рады были бы войти сюда хозяйкой! Так я говорю? - Калой кивнул. - И вот мне стало известно, что именно ту, которую ты наметил себе, мы сосватали...

Речь шла об очень важном. Калой старался не поддаваться опьянению. Но Наси видела: голова его уже затуманилась.

- Правда, наши не виноваты. Ты ничего не сделал для того, чтобы люди узнали об этом. И девушка смолчала. Но ты, конечно, поймешь, почему я об этом говорю теперь, когда, кажется, говорить уже не о чем. Я говорю потому, что такое сватовство не уменьшает, а увеличивает между нами вражду. А я не хочу этого. И вот я, женщина, пришла к тебе, чтобы сказать такое слово, которое сказать нелегко, а выполнить еще труднее. Но я беру все на себя!

Она встала, протянула Калую руку. Он осторожно взял ее, сам не зная для чего.

- Если ты не можешь совладать с собой, если ты хоть на величину комариного жала усилишь свое недружелюбие к нам из-за этой помолвки, я не хочу Зору в свой дом! Я откажусь от нее... Но если ты обещаешь не углублять между нами вражды из-за женщины, я не стану позорить своих и мы заберем ее... Поверь - никто этого не узнает! Я сдержу слово, или меня не будет видеть солнце! А с мертвого — спроса нет... — Она выжидающе смотрела на него снизу вверх, и губы ее застыли в немом вопросе.

У Калоя кружилась голова. Он страдал от того, что медленно соображает. Но руку ее не отпускал.

«Значит, она предлагает расстроить сватовство... Никто не узнает из-за чего... Но ведь никто не остановит сплетников... Зору будет считаться брошенной Чаборзом... А за что? Скажут: за бесчестие!»

- Ты особенная женщина! - сказал Калой и встряхнул руку Наси. - Но если ты женщина с таким крепким словом, то я - мужчина, который должен иметь слово еще крепче! Из-

за моей соседки... я обещаю ни на иголку не ухудшить и не улучшить наших отношений! Будь спокойна. А вот из-за тебя мог бы... Потому что... Потому что... Ну, я лучше ничего не скажу... Я, кажется, опьянел. Но ты - небывало мужественный человек! Жаль, что она не ты... Все было бы иначе! Нас гойтемировские через сто лет не нашли бы!

Поняв, что начинает говорить лишнее, Калой замолчал, нехотя отпустил руку Наси и сел.

— Садись, — сказал он ей более властно, чем положено говорить с женщиной.

Но она не обиделась, села.

— Калой, тебе спасибо. Ты отнесся ко мне с таким уважением, на которое я никогда не надеялась... Я шла с тревогой, ухожу — успокоенная. Ты купил мое сердце! Если захочешь, поезжай в дом моих родителей. Может быть, ты увидишь там девушку, которая заставит тебя подумать. Я буду во всем твоя помощница. А теперь мне пора...

Она перехватила взгляд, брошенный им на бурдючок, и сказала, что оставляет его здесь. Но Калой воспротивился.

— Ты не хотела пить без меня, а я без тебя и в рот не возьму!

— Ну что ж, ты прав. Но только... Ладно... Чуть-чуть еще... Ради тебя... — И Наси налила Калою чашку и себе половину.

Он хотел протестовать, но она ласково и настойчиво попросила:

— Ты уж сжался надо мной! Или ты думаешь, что я действительно не женщина, а?..

Калой покачал головой.

— Мозги у тебя крепкие, мужские, — сказал он и, помрачнев, добавил — А ты сама... конечно, женщина! Небывалая!

— Самая обыкновенная, — с оттенком грусти ответила Наси, вздохнув. Калой все больше терял застенчивость.

— Наси! — сказал он повелительно. - Я говорить еще не научился. Но я видел людей. И знаю, что последний бокал пьют за хозяйку дома. А так как сегодня здесь ты хозяйка, я хочу выпить за тебя, как за гостью и как за хозяйку! Живи благополучно, живи счастливо!

Он залпом осушил чашку. И снова Наси успела отплеснуть на пол из своей.

— Спасибо, — сказала она. — Пусть в доме у тебя вечно будет благодать!

Она налила себе и Калою бульона. Когда бульон был выпит, Наси встала. Поднялся и Калой. На ногах он держался твердо, но глаза его были пьяны. Наси собралась уходить. Она сняла с головы платок, чтобы перевязать его, и вдруг схватилась за лоб. Калой невольно протянул руки. Она сделала неуверенный шаг, покачнулась и упала...

К счастью, она упала не на очаг, где кипел бульон, а прямо на руки Калоя.

Он, как ребенка, взял ее и понес к нарам. Когда он наклонился, чтобы опустить ее на медвежью шкуру, она со страхом прижалась к нему всем телом.

— Падаю... падаю... — прошептала она.

— Да нет! Это я кладу тебя на нары. Здесь некуда падать. Не бойся! — испуганно говорил он.

Как только Наси легла, ей стало лучше.

— Ради Аллаха, прости меня... Я сейчас отдохну — и все пройдет, — говорила она сквозь прерывистое дыхание. — Только запри двери, а то кто-нибудь войдет...

Калой запер дверь и вернулся.

— Ну что, лучше?

- Воздуха мало...

Он открыл окно. Наси лежала, смежив веки и закинув за голову руки. Волосы ее спадали до самого пола. Калой стоял над нею, не зная, что делать. Он видел, что она больна, и все же не мог не любоваться этой удивительно красивой, стройной женщиной. Руки его помнили нежность ее тела... Запах ее распущенных волос дурманил его...

В башне они были одни. Калой был пьян. И все же он еще владел собой и сдерживал охватившее его волнение.

Сквозь едва прикрытые веки Наси видела напряженное лицо, жадный взгляд.

- Воды... - попросила она.

Он подал ей ковш. Но ей трудно было поднять голову. Он догадался, помог. Наси отпила глоток, другой. Дыхание ее стало ровнее. Она попросила его посидеть рядом. Она боялась остаться одна. Калой сел на край нары и почувствовал теплоту ее бедра. Рука ее случайно легла на его руку. Он боялся пошевелиться. Кровь стучала в висках.

Эти переживания были для него полной неожиданностью.

Наси застонала.

- Душно... - сказала она и растегнула серебряные крючки бешмета. Калой увидел ее шею и полную, белую грудь, которая тяжело вздымалась. Она шумно вздохнула и снова затихла.

Вот она открыла глаза. Он не мог различить в полутьме выражение ее взгляда, но легкая улыбка на лице говорила о том, что ей лучше. Это обрадовало его. Она положила его руку к себе на грудь...

- Послушай... как бьется... Успокоилось? Правда?... Ты спас меня!

Калой никогда в жизни не был так близок к женщине. Его рука никогда не касалась женского тела, женской груди. Он терял власть над собой. И когда он сделал последнюю попытку, чтобы удержаться, попробовал убрать руку, она обняла его и привлекла к себе...

- Убей... убей, - услышал он шепот Наси и сжал ее в своих нечеловеческих объятиях...

Было уже очень поздно, когда Наси собралась уходить. Она была еще ласковее с ним, а он молчал или отвечал односложно, не в силах прийти в себя. Уже у дверей она обернулась.

- Разве Эги были когда-нибудь людьми, а? И вы еще смеете на кого-то обижаться! Да вы самые страшные грешники! Вас мало казнить! - она задорно смеялась. А потом, пригнув его к себе, зашептала в самое ухо: — Не там на празднике, когда ты издевался над лошадью, а только сейчас ты стал настоящим мужчиной! - Она прильнула к нему. Часто и гулко стучало в груди его сильное сердце.

Мир зеленый от зелени трав,

Золотой мир от золота солнца

Ты один озарил для меня.

Будь же вечно могуч, мой Калой!

Я желаю тебе быть мужчиной!.. — пела Наси так тихо, что он едва услышал. Она припала к его губам... И он почувствовал, что она плачет.

Быстро справившись с этой слабостью, Наси притронулась платком к глазам и еще раз пристально посмотрела на Калоя.

- Не знаю почему, - сказала она, - но душа подсказывает мне, что я вижу тебя в последний раз...

Резко открыв дверь, она вышла. Калой последовал за ней. За воротами Наси увидела женскую фигуру у соседней башни.

- Погоди минуточку, - сказала она Калою и направилась к женщине. - Батази, это ты?

- Я, - ответил голос. Они сошлись.

- Господи, я хотела уже поднять своего, чтобы узнать, что у тебя там случилось! - тихо воскликнула Батази.

- А разве вы не знаете вашего соседа? Это же бык! Уговорить такого — так легче родить! Но все позади. Теперь — он телок на аркане. Можете спать, не запирая дверей! Клятву дал!

Батази обняла сваху.

- Так куда ты? Уже поздно. Пойдем ко мне, - предложила она.

- Что ты, что ты! Там Хасан-хаджи до утра не ляжет, если я не вернусь! - воскликнула Наси, и, распрощавшись, женщины разошлись в разные стороны.

Калой шел впереди, Наси следовала за ним. Ночь выдалась темная, тучи скрывали небо, но ветер утих. Когда до дома Хасана-хаджи осталось уже немного, Калой пропустил Наси вперед. Она остановилась.

Вышла неполная луна, и на какое-то время стало светло. Калой увидел бледное лицо Наси. Ее вечно смеющиеся глаза были полны печали. Большой печали. Она посмотрела на него и, опустив голову, по-девичьи отвернулась.

- С самой юности у меня не было ничего... - сказала она. - А что впереди? Я не знаю. Но я знаю, что у меня был этот вечер... Я без сожаления пойду за это на вечный огонь... - Помолчав, она продолжала: - Не думай обо мне плохо. Старше станешь - поймешь. Я не так плоха, как несчастна. Но теперь я этого больше не скажу никогда. Пусть самое короткое, но у меня тоже было счастье... с тобой... Как жаль, что люди не могут начинать жизнь сначала!.. - Она потянулась к нему, но сдержалась, бросила на него последний взгляд, в котором было все ее сердце, и, опустив голову, ушла.

Калой стоял как замороженный. Он все еще чувствовал нежность ее рук, слышал теплоту ее голоса, запах ее волос, шелест платья... Что это? Откуда, зачем пришла она, чтобы исчезнуть, как лунная тень?

Калой с болью чувствовал, что что-то потерял, потерял навсегда! Ее? Ее любовь? Свою чистоту, юность, правду? Он сделал несколько неуверенных шагов за ней... Остановился.

Кружилась голова. Кружилась от желания вернуть ее.

Он пришел домой, сел на шкуру медведя, которая так неожиданно стала первым ложем его любви, сцепил пальцы и, уставившись на огонь, просидел до утра.

Когда солнечный луч прорвался в комнату и обжег ему щеку, он очнулся, вздрогнул от мысли, что погас огонь отцов, подбежал к очагу и, откопав в похолодевшей золе последний уголек, выдул из него пламя.

Огонь разгорался. Пламя росло.

Вместе с утром силы жизни возвращались к измученному Калою.

5

Через три дня Эги-аул облетела весть: в полдень к Зору приехал жених.

Многие видели, как он в сопровождении двух друзей проезжал к башне Пхарказа.

Было замечено все: и гладкость их коней, серебро сбруй, и одежда всадников.

На всех троих были бешметы турецкого атласа. Такое пышное богатство не всякий здесь видел!

Блиzkих родственников в ауле у Пхарказа не было. Они давно перебрались через хребет, на равнину, и обычно соседи помогали ему принимать гостей. Так было и на этот раз. Помощников сошлось - хоть отбавляй. Комнаты заполнили женщины. Собрались девушки, чтобы показать себя, пошутить с друзьями, с женихом. Во дворе царило оживление, люди разводили огонь под огромным котлом, кололи дрова.

Через некоторое время один из гостей, поговорив во дворе с Пхарказом, сел на коня и умчался в аул Гойтемира.

Калой видел из своего окна все это.

Не прошло и часа, как в Эги-ауле появилась новая группа всадников, человек в пятьдесят. Здесь были и убеленные сединой старцы, и мужчины средних лет, и молодежь.

Были с ними и три девушки - в нарядных черкесках. На их курхарсах ярко поблескивали бронзовые солнца. Они ехали гуськом на белых лошадях в окружении юношей.

Тут были и богатые родственники Гойтемира, и те, что не могли украсить своего наряда бархатом, а коней серебром. Но все они были веселы и вооружены, словно собрались в набег.

Позади шло несколько лошадей под вьюками, шесть коров, бычок и четыре барана.

Эгиаульцы поняли: видимо, родичи жениха и невесты договорились приезд жениха и свадьбу отпраздновать сразу. Такое случалось, но редко, только когда была особая причина. Скоро стало известно - Чаборз увозит невесту на плоскость, где отец купил ему дом и землю.

Поезжане еще были на середине села, когда с этими вестями Орци прибежал домой. Калой лежал на нарах лицом к стене. Какие только мысли не терзали его в эти дни. Он боролся с ними как с тяжелым недугом.

И вот настал этот невозможный последний день, а в этом дне последний час, который он должен перетерпеть как мужчина. Весть, принесенная Орци, прозвенела у него в ушах, как удар колокола с горы, который он слышал в детстве, когда выносили из дома покойника на погребение.

Значит, сегодня Чаборз не только в гостях, но он становится хозяином Зору.

- Позови Иналука, Виты и других наших парней - всех, кого увидишь, - приказал он Орци и, когда тот скрылся за дверью, со стоном обрушил кулак на каменный столб, подпиравший крышу.

Казалось, вся башня вздрогнула от этого удара.

- О боги моих отцов, о Аллах! Что еще вы наслете на меня, чтоб испытать мое мужество?! Ведь я только человек! Только!..

Страшные мысли терзали его: залезть на башню и бить оттуда на выбор Чаборза, Пхарказа, Батази, убить Зору и всех, кто за ней приехал! Да, он мог это сделать, с его верным глазом и его «казенкой»[19]. Прежде чем люди придут в себя, он мог навалить кучу трупов... Но тут же он хватался за свою воспаленную голову, и ему слышались плач и стенания обездоленных им сестер и матерей, проклятия народа, который изгнал бы его, как безумного, как дикого зверя.

О, если бы все они знали, как тяжело в этот день оставаться человеком! В этот день, когда нельзя даже умереть, потому что малодушие - самый страшный позор!

Вбежал Орци. Он не закрыл за собой дверь.

- Идут! Все идут! - крикнул радостно он.

Калой не мог понять, что радует его. Он знал, что Орци тяжело пережил это сватовство. Неужели он так увлечен свадебным весельем, что забыл, чего оно стоит брату? «Ребенок», — решил Калой. Он быстро оделся в новую одежду, которую еще никто не видел на нем. Вместе с подарком для Зору он приобрел ее в городе с помощью Виты, продав для этого почти весь свой скот и одолжив у молочного брата почти все его сбережения. Он хотел, чтобы на свадьбе Зору никто не мог пожалеть его как человека, которого бедность лишила любимой девушки.

Вот почему, когда Иналук, Виты и еще человек пять Эги прибежали, прихватив с собой оружие, от удивления они замерли в дверях. Перед ними стоял не Калой-бедняк, который вечно ходил в домотканых одеждах и огромной папахе, а юноша, одетый во все новое и красивое.

- Похоже, что ты нас позвал на свою свадьбу! - пошутил Иналук. Но шутка получилась неудачная. Никто не засмеялся.

- Я позвал вас, мои братья, чтоб достойно проводить нашу односельчанку, мою соседку... Орци, подай закусить!

Пока Орци ставил на стол копченый курдюк, овечий сыр, лепешки, Калой собрал посуду и, отдав младшему из родичей бурдючок Наси, попросил разлить карак. Кое-кто стал заранее отказываться, но Калой строго приказал:

- Для настроения, а не для глупостей... Там никто из нас не прикоснется к вину. А здесь мы выпьем за то, чтобы Аллах дал счастье Зору.

Друзья опустили бокалы и стали ждать, что скажет на это старший.

- Калой, - сказал Иналук, - последний раз предлагаю тебе: мы все, если надо, готовы умереть за тебя... За честь нашего рода! Мы с оружием. Мы в своем ауле, Эги поддержат нас... Мы, как волки в стадо овец, врежемся в гойтемировских и не дадим ее... Только скажи!..

- Иналук, об этом - все! Я сам виноват... Вовремя не сделал этого... А теперь... Народ

никогда не простил бы нам такой резни. «Когда у тебя увели корову, запирайте сарай на засов поздно!» Пейте!

- Ну что ж, да будет воля Аллаха! Раз так - мы должны показать все наше гостеприимство, потому что Пхарказ не имеет родни здесь и мы, соседи, обязаны поддержать его. Дай Аллах счастья дочери его!

Эги осушили бокалы.

- Прибери здесь. Может быть, гостей придется привести. А потом будь недалеко от меня, - сказал Калой брату.

Но в ответ он слышал такое, чего никогда не ожидал:

- В доме я все сделаю. Но во двор этого шелудивого пса я не пойду!

- Какого пса? Куда не пойдешь? - рассмеялся Калой.

- Пса, имя которого Пхарказ! Я не знаю, - кричал он, - зачем быть самым сильным парнем... если, когда надо, эта сила не может помочь!

Калой рванулся, чтобы ударить брата, но, посмотрев на него, вышел, а за ним и остальные. Оружие их осталось в башне...

- Есть сталь в этом мальчике! - сказал один из братьев.

- Но только ему нелегко понять, что счастье не может начинаться с несчастья!.. - угрюмо бросил Калой.

Появление Эги во дворе у Пхарказа насторожило только двух гойтемировских мужчин, которых старшина предупредил о Калое, да родителей невесты. Но парни Эги так хорошо, красиво шутили с приезжими, а потом угощали их едой, пивом и брагой, что все сомнения скоро рассеялись. Гойтемировские мужчины решили, что кто-то просто попугал старшину и тот, помня о своих отношениях к родителям Калоя, проявил излишнюю осторожность.

Когда во двор вошла новая группа девушек, Калой отозвал самую младшую из них, гармонистку и певицу Дали, и попросил передать Зору сверток.

- Так, чтоб никто не увидел, - сказал он. - Сделаешь?

- А что в этом трудного? - подняла брови Дали. Но, видимо, удивлена она была не столько просьбой Калоя, сколько его одеждой. С ним теперь мог соперничать разве только сам Чаборз. Но на Чаборзе всегда было чересчур много серебра, как на сбруе лошади. А на нарядной одежде Калоя не было ничего лишнего.

Чтобы уехать засветло, родные жениха торопили хозяев, просили одеть Зору. Потому что невесту одевают перед самым отъездом, а дело это нелегкое.

Из башни во двор повалил народ.

Девушки и парни, друзья невесты и жениха, встали друг против друга.

Давайте, девушки,

Споем прощальную.

Солнце уходит за гору.

Мы остаемся.

А нас покидает

Ровесница наша Зору... —

первыми в наступившей тишине запели подруги невесты.

У Калоя перехватило горло. Но он сумел скрыть волнение.

Зору тоже слышала прощальную. Песня доносилась издалека, со двора.

«Неужели это провожают меня?..»

Зору похудела. Щеки впали, глаза стали еще больше. Грустные, глубокие глаза...

Женщины-соседки крутились около нее, прощались, давали советы и наставления. Наконец пришло время одеваться.

Зору отказалась от помощи мастериц этого дела и попросила выйти всех, оставив около себя только Дали.

Как только они остались вдвоем, Дали сунула в руки Зору сверток, переданный Калоем, и сказала, от кого он. Услышав имя Калоя, Зору вздрогнула.

- Посмотри сама... что там? - тихо попросила она, глядя в сторону и возвращая Дали сверток.

Дали давно не терпелось узнать, что же прислал в такой день сосед соседке. Тем более, что она знала: Зору и Калой нравились друг другу. Развернув сверток, она замерла от удивления. В руках оказался нежно-розовый газ, по которому тянулись серебряные нити.

Дали вскрикнула, взмахнула шарфом и накинула его на себя. Он лег на ее голову, на плечи розовой дымкой, засверкал серебром, как чешуя на горной форели...

Дали ждала, что скажет Зору. Она повернулась, подняла руки, зажав в пальцах кончики шарфа, и прошла в танце. Шарф струйками трепетал над ее головой. Но вместо радости она увидела в глазах невесты отчаяние. Зору закрылась локтем, как от огня...

Дали замерла. Она виновато сняла с себя шарф и подала его Зору.

- Ты обиделась? Я не должна была его надевать? Я только, чтоб показать тебе...

Зору покачала головой.

- Нет, нет, Дали, я не обиделась. Это другое... - Зору со страхом отталкивала от себя руку Дали с шарфом. - Нет-нет. Это не мне... Это той, которая будет его невестой... Ты пойми это...

- А он сказал — тебе! Я же сама слышала!

- Нет, Дали... нет... Я не могу... Это не мне.

В это время во дворе заиграла гармонь, десятки рук дружно ударили в ладоши.

Зору прислушалась:

- Он здесь?

Дали кинулась к окошку и весело вскрикнула:

- Посмотри, посмотри... Ох, какой он сегодня!

Зору подошла к окошку. Она увидела двор, заполненный народом, заборы, крыши сараев, облепленные детьми, широкий круг, по краям которого цветным полукольцом стояли девушки, против них — юноши.

А в середине в первой лезгинке плыла старшая из гойтемировских красавиц в голубой черкеске с красным курхарсом. Подняв руки, словно протянув их к юноше, она не то убегала от него, не то манила за собой. А где же Калой? И вдруг Зору узнала... Она ожидала увидеть его среди толпы в лохматой папахе, в поношенной черкеске... Но посмотрела на танцующих и - узнала...

«Неужели это он?»

На Калое была черная каракулевая шапка с красным донышком и золотым галуном, коричневая черкеска, на которой вместо старых, деревянных газырей блестели перетянутые двумя галунами новенькие бердановские патроны. Черный бешмет, сафьяновые ноговицы. Все новое. И только на серебряном поясе висел дедовский, выдавший виды родовой кинжал, который перешел к нему как к старшему в доме.

Сколько раз, сравнивая Калоя с Чаборзом, она с горечью отмечала убогость одежды любимого. Даже сейчас, когда Дали сказала, что Калой на свадьбе, она с сожалением подумала, как, наверное, неловко ему в кругу разнаряженных гойтемировских гостей. И какая радость! Калой, ее Калой лучше всех! Видит ли его Батази? О, как она ненавидела сейчас мать!

А хлопки в ладоши гремели, как выстрелы.

Калой танцевал на носках. Руки его в плавных и широких движениях, словно взмахи косаря, заходили за спину, поднимались перед грудью. А ноги резко подсекали одна другую и легко кружили его.

Калой танцевал для всех. То он возникал перед девушками, то отдавал должное своим друзьям, то переходил к тому месту, где сидели пожилые. И все время он ни на миг не упускал из виду свою девушку. Он как бы дразнил ее свободой. И как только она, думая, что он увлекся, забыл о ней, устремлялась на девичью часть круга, он кидался наперерез, преграждал дорогу. Народ был в восторге от этой пары.

- Не отпускай! Не отпускай ее!!! - неистово кричали друзья. И Калой плясал так, что девушка кружилась почти на месте.

- Великий Аллах, как он танцует! - вырвалось у Дали.

- Еще бы! — ответила Зору. — Ведь он пляшет на свадьбе своей любимой!..

Она упала на нары и забилась в рыданиях.

Дали растерялась. Она подбежала к Зору и, обняв ее, стала утешать. Но Зору, ничего не слыша, рыдала.

Смолкла она тоже внезапно. Села. Вытерла лицо. Вздохнула. Губы ее подергивались. Плечи дрожали.

- Зачем же ты идешь за другого? - не удержалась Дали. - Неужели мало, когда любит Калой?

Зору горько улыбнулась.

- Отца жаль...

- А себя? - Дали стояла перед Зору на коленях, заглядывая ей в лицо. - Или я ничего не понимаю...

Зору взяла ее за голову.

- Никогда, никогда в жизни не выходи за того, кого не любишь! прошептала она, вложив в эти слова всю боль души.

- А если тот, которого я полюблю, не захочет меня? Не полюбит? -по-детски спросила Дали.

- Тогда оставайся одна на всю жизнь, только любви своей не предавай! — Зору встала. — Пора одеваться.

Дали подала ей белую черкеску.

- Чтоб ты мне саваном стала! - воскликнула Зору, принимая платье. Дали в ужасе отшатнулась:

- Разве можно так!..

Зору отдала Дали шарф Калоя:

- Спрячь. Сохрани. А когда он будет жениться, передай этот шарф невесте его в подарок... от меня... Это моя последняя просьба... Скажешь ей, что я любила его, но не так, как надо. Не так... И за это сердце мое не перестанет рыдать никогда!

Дали прильнула к ней, заплакала. Эти слезы были ее клятвой.

- Клянусь, - шептала девочка, - никогда не предавать любви. Никогда! Никогда не плакать о ней твоими слезами!..

Свадьба подходила к концу. Калой отошел к своему забору и крикнул Орци. Тот не осмелился ослушаться, выбежал к брату.

- Принеси винтовку!

В это время к Калою подошел Хасан-хаджи, поздоровался.

- Я видел разных мужчин, - сказал он так, чтобы его не услышал никто. - И отдаю тебе дань уважения. Здесь нет никого, кто бы так понимал и мог оценить твою выдержку и твое благородство! Будь проклят старый Гойтемир! Если бы не он... Чаборзу нравилась другая... Но что поделаешь, если старику-сластолюбцу эта пришлось по вкусу!..

Калой с удивлением посмотрел на Хасана-хаджи. Тот сделал вид, что не заметил этого взгляда.

- Козлиная борода! Он знает, что Чаборз все равно женится на той, которую любит, а эта останется в его доме «вдовой»... Сам он острил, когда, просватав ее, мы ночевали у меня. Правда, он был пьян. Но, видно, говорил то, что на уме.

Калой молчал.

- Крови не будет на том, кто когда-нибудь заставит остановиться его собачье сердце!.. - заключил Хасан-хаджи.

Калой был потрясен. Он никогда не видел Хасана таким гневным. Не обращившись, принял он из рук Орци свою берданку. И тихо ответил Хасану-хаджи.

- Не все то, на что надеется старшина, исполнится... Третьей жены у него не будет...

Взглянув на Калоя, Хасан-хаджи подумал: «Гойтемир, это мой тебе второй удар!» А вслух сказал:

- Калой, хорошо ты сделал, что приоделся! Все девушки на тебя заглядываются. Но теперь ты уже не торопись. К тебе придет самая лучшая!

Народ во дворе расступился, встал по обе стороны лестницы. Подвели сильную, красивую лошадь, покрытую красным войлочным чепраком.

Друзья Чаборза и близкие Зору приготовились стрелять, как только появится невеста.

Считалось, что верховодить в семье будет тот, чья сторона выстрелит первой. И, зарядив берданку, Калой не спускал глаз с дверей башни, чтобы опередить

гойтемировцев.

А в это время сквозь толпу женщин и девушек, заполнивших дом, Батази пробиралась к Зору, чтобы проститься.

Люди вышли из комнаты - мать должна была сказать дочери последние заветные слова.

Зору стояла вся в белом - от высокого курхарса, над которым она палкой поддерживала шелковый платок, до пола, где шлейфом стелилась ее черкеска. В строгом лице не было ни кровинки. Жестом она опять удержала около себя Дали. За дверями шумели голоса, слышались возгласы.

- Девочка моя... - дрожащими губами проговорила Батази. — Я желаю тебе счастья... И если что в доме отца было не так, прости нас сегодня обоих!..

Зору держала Дали за руку, точно боялась остаться одна. Она негромко спросила у матери:

- Я сделала все, что ты хотела?..

- Да... конечно! - растерянно прошептала Батази.

- А ты видела его в нашем дворе? Батази поняла, о ком спрашивает дочь.

- Видела, видела... Он, как брат, ухаживал за всеми!

- Чту имя моего отца, - сказала Зору. - Прощаю ему все. Люблю его сердце. А тебя... Да превратит Аллах мне в яд молоко, которым ты вскормила меня! Отныне на этом и на том свете - говорю перед Богом - нет у меня матери!

Батази свалилась на пол. Зору стояла с поднятым лицом, плотно закрыв глаза, сомкнув губы, судорожно сжимая руку Дали.

- Открывай! - сказала она. Потрясенная Дали кинулась к двери.

Первым в комнату ворвался радостный, счастливый парень, которому доверили вывести невесту. Он повел Зору вдоль стен ее комнаты. Прикасаясь, она простилась с ними. Повел вокруг очага и направился к выходу.

- Выкуп! Выкуп с него! - визжали женщины, хватая парня за полы черкески. Под общий смех он ловко отбивался и отругивался, обзывая их ведьмами и обезьянами.

Но одна из старух все же поймала его за полу и рывком разодрала на нем черкеску до самого пояса...

- На счастье молодым! - кричали женщины.

Калой первым увидел белую фату невесты и спустил курок. Берданка грохнула с оглушительной силой. Вслед за ней раздались запоздалые выстрелы других. Калой первым пожелал счастья своей Зору в ее новой жизни.

Родственник Чаборза вскочил на коня. Зору усадили прямо со ступенек позади него, на чепрак. Она взялась за пояс парня, и они тронулись под бесконечные пожелания доброго пути.

Гойтемировцы торопливо прощались с Пхарказом, Хасаном-хаджи и другими стариками. Эгиаульцы группами вскачь присоединялись к свадьбе, чтобы проводить гостей за околицу. Невесту с девушками окружила гарцующая молодежь. Калой подошел к Иналуку.

- Передай нашим, - сказал он, - я видел человека. Ночью мы должны собраться в Пимате. Из аула выезжайте в разное время и в разные стороны.

Они разошлись.

Сам Калой тотчас же сел на Быстрого, посадил на круп Орци и уехал на свое поле.

Хлеба дозревали. Он осторожно объезжал террасы, направляясь к скале Сеска-Солсы. Втроем они поднялись на ее вершину.

Выехав из Эги-аула, гойтемировцы уже не торопились. Главное было сделано: невеста с ними, - значит, можно веселиться.

Они джигитовали, останавливались, танцевали со своими девушками и ехали дальше. В тот момент, когда Калой и Орци поднялись на вершину, свадьба тронулась в путь.

Калой хорошо видел белую фигуру на крупе коня за парнем в черной черкеске.

Вот десятки лошадей вошли в реку. Она вспенилась вокруг них, забурлила. Полы черкески Зору слились с белой пеной реки и стали бесконечными, как сама река.

Зору знала: еще поворот - и Эги-аул скроется из глаз.

Она оглянулась. В лучах заходящего солнца мирно высились серо-белые башни. На окраине паслись коровы, за которыми столько лет босой девчушкой бегала она. А еще дальше, среди желтеющих пашен, - скала Сеска-Солсы. На вершине скалы стояла золотая от солнца сосна, а под нею - мужчина, ребенок и конь...

Зору увидела их. Они поднялись, чтобы проститься с нею навсегда.

Она взмахнула рукой... И никто, кроме нее, не увидел, как в ответ на далекой скале поднялась на дыбы лошадь...

Эги-аул скрылся за поворотом.

6

Поздно вечером в просторной башне аула Пимат собрались Калой, Иналук и четверо парней из Эги. Поужинав вместе с хозяином, они на лошадях спустились в долину Терека.

Из темноты их окликнули. Они отозвались. Человек велел ехать за ним. Ехали недолго.

Остановились в густой заросли барбариса. Здесь их ждало еще несколько спешившихся всадников. Не называя друг другу имен, поздоровались за руку.

- Слушайте! - разнесся негромкий призыв. Собравшиеся стали в круг, и один из них заговорил:

- Почта[20] должна была ночевать высоко в горах, на станции. Но начальник решил ехать. Наши люди видели их уже в десяти верстах отсюда. Впереди два стражника, позади большой комбой, человек десять-двенадцать. В середине - сильжан[21], запряженный четверкой. Наверху кучер и стражник. Внутри офицер. Много или мало - но будут деньги, лошади... А может быть, денег будет и много... Комбой большой, и они торопятся. Все ли согласны?

Согласились все.

Он продолжал:

- Я вижу у тех, что присоединились к нам с гор, кремневые ружья. Это дрючки. Плохое оружие. У наших у всех винтовки. Дело будем делать так: у большого моста справа и слева от дороги сядут две засады. Они пропустят сильжан и не пропустят комбой. Сильжан обязательно поскачет вниз. Там устроим завал и засаду. Люди из засады нападут на сильжан, захватят деньги и лошадей. Отходить каждой группе отдельно к Чубатому дереву. Не шуметь. Убитых и раненых не оставлять. Хотите что-нибудь спросить?

- Кому идти к мосту, а кому к завалу? - спросил Иналук.

- Скажу на месте, - ответил главарь, - курить нельзя. Разговаривать нельзя. Лошадей в кусты. Если на дороге покажутся другие подводы - пропускать. Завал ставить на дорогу только после того, как послышатся выстрелы на мосту.

Было за полночь, когда главарь рассадил засады, указал людям, где будут стоять их кони, научил класть бревна на дорогу - и исчез в темноте.

Наступило ожидание.

Два часа спустя на мосту раздались выстрелы. Калой, двое эгияульцев и один из местных выскочили из-за камней и уложили поперек дороги бревна, укрепили их валунами.

Не успели они справиться с этим, как послышался конский топот. По дороге неслись два всадника. Наскочив на завал, один из них полетел вместе с лошады, второй чудом уцелел и умчался.

И тотчас же показался дилижанс. Подпрыгивая на камнях, он гремел и чуть не переворачивался. Четверка летела карьером. Кучер, стоя, нахлестывал лошадей. Из открытой дверцы с револьвером в руке до половины высунулся почтовый чиновник.

На завале кони осели, запутались в постромках и повалились друг на друга. Кучер упал. Карета остановилась.

Чиновник спрыгнул на дорогу и выпалил наугад.

В тот же миг что-то сжало его руку с невероятной силой. Он оглянулся. Человек, перед которым он сам себе показался ребенком, как игрушку, забрав у него револьвер, бросился к карете.

Чиновник в ужасе пополз с дороги и исчез в кустах.

Горцы вытаскивали из дилижанса мешки, связывали их попарно и навьючивали на лошадей.

- Пошли! Пошли! Пошли! - торопил их главарь. И через считанные минуты на месте нападения остался лишь перевернутый дилижанс, смертельно испуганный чиновник в кустах да кучер, который стонал и охал от ушибов. На рассвете абреки сошлись в условленном месте и приступили к дележу добычи.

В мешках оказались письма, деловые бумаги и деньги. Оценили стоимость лошадей. На них нашлось много охотников.

Когда все было поделено поровну и каждый получил свою долю, Калой достал из кармана револьвер и предложил оценить и его.

Но главарь полюбовался им и вернул его Калою.

- Оружие мы оставляем тому, кто его добыл, - сказал он. - Горцы, вы с нами в деле впервые. Хочу вам сказать: мы не воры. Царские войска, его люди забрали у нас земли и поделили их между собой. А мы заставляем их оплачивать то, что они присвоили себе. Мы грабим казну, городских богачей, помещичьи и княжеские стада и живем. Кто это принимает, тот наш. Кто думает грабить любого, тот должен искать иных друзей. Мы считаем это справедливым. Кто из вас захочет быть с нами, всегда найдет путь к нам через нашего друга в Пимате.

Калой слушал, стараясь понять и запомнить эти слова.

Значит, здесь собрались не просто удалцы, а такие же, как и он, которых обездолила власть. Они мстят. И добывают себе на жизнь... Было над чем подумать.

А рыжеусый главарь, заломив черную папаху, продолжал:

- Сегодня мы все вернулись невредимыми. Кажется, и у наших врагов никто не пострадал. Но это война. Маленькая, но война. И кто будет с нами, тот должен знать: в драке иной раз такое бывает, что вместо добычи нам едва удастся унести своих раненых и убитых. - На этом он оборвал свою речь и, только когда все были уже на лошадях, добавил: - Наш закон: никого не выдавать!.. Кто попадется - тянет все сам. Что попадется - всем поровну! Месяц-другой надо затихнуть. Шум большой поднимется. Будут искать, пугать... У каждого есть клочок земли. Идет время жатвы. Поработаем. Посмотрим, сколько каждому будет нужно до нового урожая, да и соберемся, чтобы, как сегодня, пополнить запасы. Ну, счастливой дороги, парни. По домам!

И всадники разъехались, оставив в лесу груды сожженных бумаг, которую быстро

размел налетевший ветер.

Эгиаульцы были поражены, с какой легкостью досталось им богатство. Ведь столько денег они не могли сколотить за всю свою жизнь! Но они понимали, что за них можно было сложить голову. Лесными тропами Эги направились в свои горы. Ехали цепочкой. Вел братьев Иналук. Немного погодя, они посоветовались, разделились: трое поехали через перевал Ака-бос[22], трое направились в проход Барта-бос[23]. Передав свою винтовку Иналуку, Калой решил, как он сказал, повидать родных матери и вернуться по Ассе.

Никто не должен знать, что все они были вместе.

Но, кроме этой цели, путь в объезд Калой выбрал и по другой причине.

Простившись с Зору со скалы Сеска-Солсы еще вчера, он знал, что ее лишь сегодня вывезут из ущелья Ассы на плоскость. И его непреодолимо повлекло туда, чтобы еще раз хоть издали взглянуть на нее, пусть уже совсем чужую...

Он понимал, что для него теперь все потеряно. Но рассуждать было проще. А сердце не хотело примириться с тем, что оно осиротело.

Остерегаясь встречи в лесу с казаками, минуя большие дороги и открытые поляны, он перебрался через Сейвинадук[24] и спустился в Галашкинскую долину. Здесь, по берегам Ассы, лежали плодородные земли - пашни, луга, которые поднимались в горы и терялась в дремучих буковых и чинаровых лесах.

Земли эти в древности принадлежали ингушскому племени, и только с покорением Кавказа царь отнял их у народа и роздал в виде награды за службу обосновавшимся на реке Сунже казакам. С тех пор ингуши селений Галашки, Мужичи, Алкун вынуждены были арендовать свои же земли, начиная прямо от околиц своих аулов. Знал о печальной судьбе этих сел и Калой. Глядя на них, он еще раз вспомнил рыжеусого главаря ночного налета и твердо решил: «Справедливое дело. С врагом - по-вражески».

Не показываясь на проселочной дороге, краем леса он миновал села Галашки, Мужичи. Но как только показались плоскокрышие мазанки Алкуна, Калой увидел всадников и подводы. Они двигались с плоскости к началу ущелья, до которого было всего несколько верст. Присмотревшись, он понял, что это народ, прибывший для встречи невесты.

«Зачем я здесь? Где мое мужество? Что я кручусь около людей, которые заняты своим делом?» - думал он. И, решив, что ему следует избежать встречи с родственниками Чаборза, он, вопреки этому решению, тут же направил Быстрого прямо к ним. Вскоре его приветствовали незнакомые юноши плоскостных аулов. Многие из них были на холеных лошадях.

Поздоровавшись с Калоем и узнав, что он горец, юноши окружили его вниманием, таким же, как если б он был родственником их невесты. Здесь были родовые братья Гойтемировых, родственники Наси, родня жен братьев Чаборза и их многочисленные друзья.

Были здесь и почетные гости: помощник пристава, тот, что был сватом у Чаборза, его

сослуживцы, знакомые Гойтемира — назрановские купцы, барантоводы, владельцы мельниц. Они сидели на просторной лужайке в тени огромного, наскоро сделанного шалаша. С этого места было видно и начало ущелья, поросшее лесами, откуда могли появиться поезжане с невестой, были видны и зеленые волны реки.

На поляне шли танцы. Вокруг стояло несколько подвод, паслись стреноженные кони. Юнцы на скакунах гостей то и дело уезжали к ущелью и возвращались с вестью, что там пока никого не видно.

Из аула, куда должны были привезти невесту, в шалаш была доставлена еда и выпивка, и там уже начался пир. Молодые люди прислуживали гостям. Неподалеку горел костер. Над костром в котле разогревалось мясо, бульон.

Танцевали сразу в трех местах широкого круга. Часто раздавались выстрелы. Непрерывно играли три гармонистки, во всю длину рук растягивая гармони. Гремел барабан.

Пришлось станцевать и Калою. Иногда пляски останавливались, и начиналась игра в сватовство. Одну из девушек, по выбору парня, начинали «уговаривать» выйти за него замуж, восхваляя его до небес. И когда девушка говорила традиционное «согласна», ее благодарили, и снова начинались танцы.

Одну из девиц «сосватали» и Калою. Но, объявляя о своем согласии, девушка, оказавшаяся острой на язык, попросила, чтобы «жених» не забыл в приданое прислать ей пару ходулей. Шутку народ принял.

- Только не договаривай до конца, чтоб люди не узнали, что ты собираешься со мною делать, поднявшись на ходули! - ответил Калой.

И снова раздался смех.

- Это ясно!

- Целоваться хочет! - кричали из толпы.

- Вот, видишь, - снова обратился Калой к своей «невесте», - лучше бы ты просто, как и все, согласилась выйти - без ходулей!!! А то они все узнали!.. А мы обошлись бы с тобой и так. Ты бы, когда тебе захотелось, пригнула меня клюкой, а я мог бы просто взять тебя на руки... Ты ведь не тяжелее его, хоть и кругленькая? - С этим словами Калой поднял одной рукой тучного соседа, парня пудов на шесть.

Эта новая шутка вызвала еще большее веселье. А девушка закрылась платком, стараясь спрятаться за спины подруг.

В шалаше, видно, тоже узнали о шутках проезжего горца. И подвыпившее начальство решило позабавиться, поглядеть на силача.

Калоя попросили подойти к почетным гостям. Он подошел, поздоровался с ингушами по-ингушки, а русским сказал:

- Драсте!..

Гости Чаборза сидели за привезенным сюда столом. Стол ломился от угощения. И хотя пили они много и русского вина и чихиря, никто из них не был еще пьян.

- Говорят, что ты сильный. А это поломаешь? - спросил его помощник пристава, шевеля усами и пережевывая мясо. Чтобы видели все, он поднял над головой кость. - Мы все уже пытались. Ан не тут-то было! Видно, барашек не тот! С доброго бычка! Голова да курдючи-ще вон какие!

Кость передали Калою. Он попросил тряпку. Обернув ею кость, сделал несколько пробных перехватов, прилаживаясь, и, резко нажав, с треском сломал ее пополам. Гости пришли в восторг. Но помощнику пристава этого показалось недостаточно.

- Э-э! Батенька! - закричал он. - Ее все столько тискали и мяли, что она, наверное, уже давно трещину дала, да мы только не заметили. А ну, подайте ему вон ту!

Из груды костей была извлечена вторая чийност[25].

Калой только улыбнулся. С этой костью повторилось то же, что и с первой. Сила Калоя была признана всеми. И гости, подав ему чарку, выпили за его здоровье. Калой поблагодарил их, сказал, что не пьет, и передал вино младшему из ингушей, сидевших с гостями.

В это время донеслись возбужденные голоса. Русские недоуменно прислушались, а ингуши поняли, что там происходит перебранка между хозяевами свадьбы и какими-то пришлыми, которые хотят увидеть помощника пристава.. Узнав об этом, тот велел впустить их.

Вошли три пожилых ингуша - выборные от аула Галашки. Они подали помощнику пристава прошение. Тот бегло прочитал его. Галашкинцы рассказывали в нем о своих древних правах на землю, которая лежит вокруг аула, и просили вернуть ее.

- Да что я вам царь, что ли?! - воскликнул помощник пристава. - Кто же это может казачью собственность раздавать? Эх вы, темень басурманская! Разве эти дела писульками решают? Вот Гойтемиру понадобилась земля - так он купил ее у хозяина. А вы хотите задарма! Кто же свое-то отдаст?

- Это наша земля! Нашей она была! - пытался объяснить старший из выборных..

Но помощник пристава не стал его слушать и вернул прошение.

- Была, да сплыла! И не нашего с вами ума это дело. Мое дело - порядок. Чтоб ни грабежей, ни разбоя не было. За это я отвечаю. А земля - не моя забота. Скажите им: пусть едут во Владикавказ! Капкай[26], Капкай! - добавил он. - Там есть комиссия. Туда пусть и едут.

Горцы вышли из шалаша. Старший из них, большеносый, щербатый, с обвисшими усами, спрятал на груди прошение.

- Когда ему что-нибудь надо, он и царь и Бог! А когда его попросишь — «не мое дело»! А вы еще кормите этих свиней, гостями их сделали, сидите! - не унимался он,

размахивая руками.

Гойтемировцы пригласили их остаться на свадьбе. Но они ушли, сказав, что не за этим посланы народом.

Приход стариков испортил настроение гостей. Хозяева старались сгладить впечатление. Они предложили выйти к девушкам, потанцевать, развлечься, а потом снова вернуться к столу.

При их появлении молодежь расступилась. Для русских и пожилых ингушей поставили скамейки.

Снова заиграла музыка, в честь гостей ловко сплясал красивый, бравый парнишка.

Следом кто-то вытолкнул в круг горбоносого оборванца.

Он плясал хорошо, с гордостью. Босой, он отчаянно вскакивал на носки. При этом латки на его одежде трепыхались, как рваньё на огородном чучеле.

Но девушка, с которой он не спускал нагловатого взгляда, танцевала строго, серьезно. Парни били в ладоши дружно, не смеялись. Все знали, что он хоть и бедняк, но издевки никому не простит.

Вид этого парня очень развеселил подвыпивших гостей. Они смеялись до слез. А когда он отплясался, один из них холеный, покрасневшийся ингуш подозвал его к себе.

- Вот тебе рубль! За умение в танце! - сказал он, подавая парню серебряную монету. И, кивнув на его латки, добавил: - Но скажи, пожалуйста, какая из этих тряпочек твои штаны?

Раздался дружный хохот.

- Юсуп! Это гость! Не обижайся! - предупредил кто-то из толпы бедняка, опасаясь скандала.

Но Юсуп только улыбнулся.

- По правде сказать, на это так же трудно ответить, — крикнул он, — как трудно догадаться, «юноша», какого цвета у тебя под персидской басмой усы!

На этот раз смеялись и девушки.

- А то, что на мне драные штаны, так это еще небольшая беда. Вот, поглядите, - бедняк поднял над головой подаренный ему рубль со скульптурным изображением Александра третьего, - кто здесь нарисован? Царь? Но на нем нет даже простой рубахи, хоть он, наверно, не выжигает угли в лесу, не раздрает одежду на кустах и сучьях, как я!

И снова смеялся народ. А парень подбросил рубль и, поймав его на ладонь, сказал:

- Твоя решка! Возьми своего голяка! Я богаче. На мне хоть тряпки висят.

И опять Гойтемировы увидели, что гости недовольны. Тот, который хотел поиздеваться над бедняком, стал ярче медного котла. Но на шутки обижаться - позор. И он засмеялся вместе со всеми.

Хозяева сделали вид, что ничего не произошло, и стали просить станцевать самого помощника пристава.

Он долго отказывался, потом встал, отстегнул шашку, подкрутил усы и, топнув ногой, пошел за девушкой. Не слушая ни музыки, ни хлопков, сам себе подпевая, он обошел два круга в бурной мазурке и при своем возрасте и комплекции станцевал так легко и браво, что вызвал большой восторг у горцев, которые хоть и видели, что пляшет он не лезгинку, сразу оценили красоту и сложность этого танца. А некоторым парням мазурка так понравилась, что позже, танцуя, они тоже начали припадать на одно колено.

Чтобы снова вернуться к столу, оставалось «засватать» девушку гостю. Поэтому один из назрановских купцов, слывший человеком речистым, завел разговор. Как и следовало, он начал издалека.

- Остановите гармонию! - велел он. - Нам хочется поговорить с вами, девушки, серьезно.

Андарко, сын Гойтемира, хорошо говорил по-русски. Он переводил помощнику пристава и его друзьям речь назрановца.

- Когда мы подходили сюда, я заметил на лицах некоторых девушек такое выражение, словно они откусили от неспелой мушмулы, - говорил купец. - Я понял их. Им не понравилось, что нам должны уступить место молодые люди, которых здесь больше, чем комаров в том лесу. Но напрасно их разочарование! Мы тоже не слепые оводы и видим все их достоинства и недостатки. Так это?

Тамада девушек подняла на него свои чуть с хитринкой глаза и скромно ответила:

- То, что вам показалось, - это только показалось. Девушки рады вам не меньше, чем молодым людям. Для нас большая честь, что вы пришли.

- Спасибо. Приятно слышать умную речь. Но все же, что мы заметили, — это было. И я хотел бы спросить у вас вот о чем: не приходилось ли вам видеть, как везут иной раз из лесу на молодых бычках дрова? Увязнет воз в колдобине, молодые бычки дергают-дергают, измощаются, но ничего поделаться не могут. И тогда дровосеки кричат: «Эй! Приведи-ка сюда старого быка!» Впрягут того в подводу. Он натужится и вывезет воз из ямы. - Назрановец, довольный собой, обвел всех присутствующих многозначительным взглядом, подавил улыбку и повторил вопрос: - Не приходилось ли вам видеть такое?

Тамада девушек поняла намек, приняла вызов и с невинным выражением лица ответила:

- Видеть не приходилось, но слышать приходилось не раз. Окружающие замерли, стараясь не пропустить ни слова.

- Все это правда, - продолжала тамада, - только потом, говорят, придут эти молодые

бычки домой, напьются воды, пощиплют зеленой травки и опять носятся, задрав хвосты, хоть снова подставляй им ярмо... А тот, старый, ляжет в тень под дерево и целый день лежит, тяжело вздыхая...

Ответ тамады заставил хохотать даже самого помощника пристава. Он поднялся и крикнул:

- Вы слышали? Вот это подкусила! Ай да девка!.. Ну, - он обратился к гостям, — здесь нам не выгорит! Пошли-ка лучше действительно в наш шалаш, в тень «отлеживаться»! А напоследок выпьем за то, чтоб таких девок было побольше, а жен с таким языком - поменьше.

Подвыпивший Андарко, моргая и улыбаясь толстыми, как у отца, губами, перевел людям слова помощника пристава, и они с удовольствием посмеялись его шутке. Острое слово здесь очень любили, кто бы его ни сказал.

Шутки немного отвлекли Калоя от его мыслей.

Почетные гости направились к шалашу. А к месту веселья с противоположных сторон мчались два всадника.

Тот, который прискакал с гор, прокричал:

- Везут! Уже в ущелье!

Второй, что прискакал с плоскости, тихо сообщил помощнику пристава, что его срочно требует к себе начальник округа. Ночью на Военно-Грузинской дороге ограблена почтовая карета. Злоумышленники захватили большие деньги.

Помощник пристава хорошо понимал, какой разгон ему предстоит, потому что ограбление произошло на его подопечной территории. Он встал и так выругался, что Андарко и перевести не сумел! И, придумывая, как бы отвести след со своего участка в Осетию, помощник пристава направился к лошадям.

Калой все видел и слышал. Начальство уезжало, чтобы начать розыск его и его друзей, а он стоял тут рядом, и деньги казенные лежали в его хурджинах.

Гонец, смерив Калоя взглядом и вспомнив что-то, сказал начальнику, что почтовый чиновник рассказал, будто один из злоумышленников, отнявший у него револьвер, был настоящим великаном.

Помощник пристава зло рассмеялся:

- Еще бы! А иначе разве он обезоружил бы такого «мятроху-яроя», как почтовый чинуша?! А не говорил ли он, каналья, что у страха глаза велики?!

Уже сидя на лошади, он выпил «стремянную» чарку и поехал со своими подчиненными в одну сторону, а Калой и свадебная молодежь в другую - встречать невесту.

Мчались юноши весело, джигитуя вокруг арбы с девушками. На месте, где только что шли танцы, остались лишь пожилые люди да арба с приданным Зору, которое не повезли

в горы. Старух больше всего интересовала купленная для невесты даже не во Владикавказе, а еще дальше «машинка-самошвейка». С великим удивлением рассматривали они ее блестящие части. А самые смелые позволяли себе даже прикоснуться к ней.

- Машинка-самошвейка, а?! Чудо!

У самого входа в ущелье, где кончалась арбяная дорога и начиналась тропа, несколько человек, а с ними и Калой поднялись на гору, откуда открывался вид на ущелье Ассы.

Был полдень. Солнце освещало вздыбленные пласты гор и реку. С того места, где они остановились, видна была тропа. Берега Ассы тонули в зарослях лопуха, папоротника, бузины и орешника. И когда на тропе появились верховые, казалось, что они плывут в зеленых волнах.

Юноши ринулись им навстречу. На гребне горы остался один Калой.

Далеко внизу, на той стороне реки, всадники с невестой собрались у переправы. Погода стояла жаркая. Льды в верховьях рек таяли, и воды было много. На месте брода Асса разлилась, скрыв все валуны и ямы. Стоило коню оступить, как его тотчас напором волны могло потащить вниз, разбивая о камни. Не зря в народе говорили: «Асса болеет, если ей за лето не удастся съесть хоть несколько человек».

Тяжкие мысли с новой силой охватили Калоя.

«Броситься туда на Быстром, перевезти ее и скрыться в лесу.... Ускакать в горы!»

Теперь, когда все было потеряно, мысль об освобождении Зору ожила в нем с новой силой.

В это время все участники свадьбы разом двинулись в воду. Две девушки на конях и тот, у которого за спиной была невеста, ехали в окружении плотного кольца всадников. Река кинулась на них черной яростью своих глубин. Волны доходили до самых седел, но людей было много, они крепко держались друг за друга, и вода отступила. Вот они уже миновали середину реки. И, словно поняв свое бессилие, Асса, заискивая и ласкаясь, засеребрилась в ногах у лошадей.

Когда людей много, они все могут!

На этой стороне реки раздались приветственные выкрики, загремели выстрелы. Сухой и теплый ветер быстро высушил подмокшую одежду.

Для невесты была приготовлена особая арба, выкрашенная в зеленый цвет. По бокам коренной шли две пристяжные. Зору и ее подружек усадили на вторую скамейку. Одна из девушек села впереди, рядом с возницей. Арбы с девушками были украшены разноцветными флагами. Когда тронулись в путь, заиграла гармонь. Гарцующие на конях родственники Чаборза окружили невесту. Юноши, гости, выстроившись в один длинный ряд, двигались следом на некотором расстоянии, все время по очереди джигитуя.

Калой хотел незаметно уехать, но парни, пригласившие его, ни за что не хотели

расставаться с ним.

- Ну дай хоть засватаем тебе одну из наших девушек! Не позорь нас! — упрашивали они, и Калой согласился.

Все вместе подъехали к первой арбе.

Зору была закрыта платком. Калой не видел ее лица, зато подружки ее не могли скрыть радости, когда увидели парня, который еще вчера в Эги-ауле понравился им.

Калою понадобилось все его мужество, чтобы держаться непринужденно и даже шутить, когда Зору слышит каждое его слово.

- Молодой человек! - обратился к нему с притворной деловитостью один из его спутников. - Сейчас, когда на этой свадьбе двое соединяют для счастья свою судьбу, каждый из нас тоже имеет и желание и право, чтоб на зов его сердца кто-то откликнулся. Мы предлагаем тебе указать ту, от которой и ты хотел бы получить ответ... Не в шутку, а всерьез!

Калой протянул плетку в сторону девушки, с которой танцевал вчера. Юноша приступил к сватовству. Он расхваливал Калою так, словно знал его с детства и всю жизнь не отходил от него ни на шаг. Не беда, что ни одного из тех подвигов, о которых он говорил, Калой не совершал.

- Марем, - заключил он, - если ты согласна выйти за него, скажи «да», и он тебя не оставит. Если скажешь «нет», мы тоже не обидимся.

Марем было приятно, что хоть в шутку, но все же Калой избрал ее.

- За эти два дня, - с кокетством ответила она, - мне очень многим приходилось давать свое согласие. Но, по правде говоря, если твой друг даже и не такой герой, каким ты его описал, а просто такой, как он есть, я готова выйти за него, забыв все свои прежние обещания!

- Ай да Марем! Я всю жизнь знал, что ты умница! Но что ты так красиво ответишь нам, я не ожидал! Спасибо! Ему данное тобой слово - не пропадет зря! - воскликнул юноша.

- Спасибо тебе, Марем! - сказал и Калой. - Мне и моему коню так не хочется расставаться с вами, возвращаться домой, в горы - для нас там так пусто стало после вашего отъезда, что я решил заночевать сегодня в начале ущелья, помечтать о жизни у костра, побыть еще немного на вашей земле, подождать, не придет ли ко мне мое счастье. И если б случилось так, что оно пришло, я не отдал бы его никому на свете! Здесь нет ни аула, ни лавки. Я не могу одарить вас сладостями. Но я прошу купить себе их, когда вы будете дома. - С этими словами он вытащил из кармана горсть монет и дал каждой девушке по серебряному рублю, а для Зору передал золотой.

Девушки и парни были потрясены его щедростью и богатством. Зору слышала все. Она поняла весь тайный смысл его шуточного для всех разговора, в котором он предлагал ей бежать...

- А теперь спасибо всем вам за радость, которую я испытал с вами, за внимание ко мне.

Я этого никогда не забуду! - сказал Калой. - Эх, девушки-красавицы, за вас бы мне умереть! - И он пустил Быстрого с места в карьер.

Проскакав саженой тридцать, он круто осадил его, поднял на дыбы и понесся обратно. Вскочив на седло во весь рост, Калой поднял вверх руки, чтобы все видели, что конь скачет свободно, и рухнул вниз, но не упал, а, схватившись за луку, прополз под животом коня и сел на него с другой стороны.

Взлетев на курган, Калой привстал на стремянах, простился с восхищенной молодежью, повернул коня и рысью направился к лесу.

— Сто лет жди, а счастье не приведет на порог такого сокола! — от всего сердца воскликнула Марем, обернувшись и глядя вместе с девушками вслед удалявшемуся Калою.

Зору потеряла сознание.

У входа в ущелье, в стороне от тропы, под ветвями старой чинары всю ночь горел небольшой костер.

Быстрый щипал траву. Калой сидел, поправляя дрова, и глядел на огонь.

Иногда он поднимал голову, прислушивался, потом снова живые огоньки костра манили его, и он устремлял к ним свои усталые глаза.

Он знал, что Зору поняла его. Знал, что она не придет. И все-таки ждал. Ждал ради того, чтобы еще раз убедиться, что ему нечего ждать!..

Вокруг весь мир был полон таинственных звуков. Иногда Калою чудилось, что его кто-то тихо зовет. Он поднимался, прислушивался. В траве перекликались сверчки, где-то в лесном болоте заливались лягушки. Тосковал филин. И не было больше ничего.

В ветвях чинары скрылась луна. Костер затух. Прохладный ветер шелестел листвой... Близился рассвет. Положив отяжелевшую голову на седло, Калой заснул.

Ему приснилась Наси. Она обнимала его, и он слышал ее горячий шепот: «Не горюй. Не убивайся... Тебя только я люблю... Только я одна...» Он проснулся. Рядом дремал Быстрый. Калой встал. Оседлал его, подвел к ручью, напоил, освежил лицо студеной водой и вскочил в седло.

Никто не пришел... Никто и не мог прийти.

Занималась заря. В ущелье еще стоял мрак. Быстрый осторожно начал карабкаться по каменистым ступеням тропы. Изредка из-под оскользнувшейся подковы сыпались искры.

«Все ли плохое мое уже позади? - думал Калой. - Что таит наступающий день?»

В тот вечер, как увезли Зору из Эги-аула, Хасан-хаджи пришел к Гойтемиру. В знак

уважения за ним присылали человека, и он сидел теперь в комнате хозяина, где принимали пожилых людей. Когда он захотел уйти, Наси запротестовала, и ему пришлось остаться. Гойтемир не забыл про обещанного барана. Но Хасан-хаджи сказал, что в этом сватовстве нет его труда. Оно состоялось бы даже в том случае, если б о нем похлопотал ребенок.

- Кто бы не выдал за Чаборза дочь? Кто бы отказался от родства с Гойтемиром, с Наси?
- говорил он, и Гойтемир был растроган бескорыстностью друга. А Хасан-хаджи все переводил в шутку.

- Тем более, что ты мне предлагаешь барана, а я еще с самого начала говорил тебе, что за это дело с меня достаточно будет овцы!

Гости смеялись - они понимали, что, взяв овцу, Хасан-хаджи только выиграет.

Провожая Зору на плоскость, Наси плакала, говорила, что горы не дали ей самой увидеть жизни, что они как тюрьма, и поэтому она не хочет, чтобы такая же участь постигла ее невестку.

Мягкость и ласка Наси согрели Зору. Она знала, что жизнь ее отныне зависит от этой женщины, и, рискуя прослыть нескромной, она в первую свою ночь в доме мужа ответила свекрови:

- Я выросла в горах, я больше ничего не видела, и мне здесь неплохо. Зачем же я поеду? Лучше вы с отцом поезжайте, а я присмотрю за хозяйством.

И Наси была тронута. Однако оставить Зору в горах она не согласилась. Решение ее было продумано давно и имело никому, кроме нее, неведомые причины.

После отъезда молодежи с невестой весь день Наси принимала поздравителей. Одни искренне желали ей счастья для сына, другие просто исполняли обычай, третьи умирали от зависти.

Но ее не интересовало, что было на душе у этих людей, и она в равной мере ставила всем обильное угощение.

А у Наси было чем угостить.

К вечеру из Назрани приехал посыльный, который привез Гойтемиру приказ - срочно явиться к начальству в связи с налетом на Военно-Грузинской дороге.

Гойтемир решил на ночь не выезжать, а отправиться завтра пораньше.

На другой день рано выехать не удалось. Чуть свет приехали издалека родственники, которых обязательно следовало принять, и Гойтемир собрался в дорогу, когда солнце уже было высоко.

Хасан-хаджи тоже решил вернуться домой.

Он стоял во дворе и подтягивал подпруги на своем иноходце, когда Наси, державшая под уздцы его лошадь, тихо спросила:

- Куда торопишься? Хочется поговорить о детях...

- Скоро для этого будет много времени, - еще тише ответил Хасан-хаджи.

- Как понять?

Но он не успел ответить. Из башни вышел Гойтемир. Он вынес скатанную бурку и, приторочив ее к седлу, сел на коня.

Гойтемир и Хасан-хаджи выехали со двора вместе.

Наси проводила их долгим взглядом.

Кто бы мог сказать, о чем она думала?

И уж, конечно, никто не предвидел того, как изменится ее судьба, когда она снова увидит этих мужчин.

А всадники, перебрасываясь фразами, ехали не спеша. У перекрестка, где Хасан-хаджи должен был попрощаться со старшиной и повернуть к себе, он придержал коня, а потом, надумав что-то, поехал дальше. Гойтемир удивился.

- Куда же ты? Или решил съездить на плоскость?

- Ехать-то мне некуда. Но есть разговор... - сказал Хасан-хаджи. - Понимаешь, не могу отпустить тебя, не сказав кое-чего! Дело серьезное.

Гойтемир остановился.

- Поедем. Я провожу тебя и по пути расскажу.

- Старик, что приходил к нам из Турции, - причина всему. Жил себе Калой и не очень помнил о старых делах. Так тот перевернул парню душу! Рассказал, как умирал Турс, как завещал отомстить за себя... А теперь мы у него из-под носа еще и любимую увели... Он считает, что, если б ты не был старшиной, тебе сразу не отдали бы ее с первого сватовства. А позже он смог бы вместе с нею добиться отказа... Для отвода глаз он был на свадьбе и вел себя как брат ее, как положено соседу. Но мне стало известно - откуда не спрашивай, - что он успокоился лишь после того, как поклялся на Коране при случае убить тебя...

- Правда ли это? - спросил Гойтемир, снова остановив коня. В его глазах появился страх.

- Это такая же правда, как и та, о которой я рассказал тебе перед приходом Турса за своей землей. Помнишь?

- Да, конечно. Они снова поехали.

- Он говорил, что первым убьет тебя, потом - всех твоих сыновей, твоих внуков, чтоб покончить с твоим родом. Он будет мстить за отца, за дядю, за мать, за Докки и,

наконец за себя и брата. И это не только слова. Он распродал все, что у него было. Купил лучшую одежду, оружие. Ну и конь у него какой - ты знаешь... У тебя сильный род и власть. Друзья среди начальства. Но человек, который отрешился от всего земного, во имя такой цели прозаложил душу шайтану, - это опасный человек! Очень опасный!.. Вот все, о чем я хотел предупредить тебя...

Некоторое время они ехали молча.

- Я благодарен тебе за дружбу. Я не знал, что опасность так близка. Но Калой никогда не выходил у меня из головы. Никогда! Калой -это десять Турсов! Я знал об этом и, признаюсь, готовил ему Сибирь... Ну, а теперь, когда на государственной дороге разбита почта, когда они потребуют всех подозрительных, я помогу ему забыть про эти места! Пока ходят такие, как он, глазастые на наше добро, никто из нас не

может спать спокойно! Разве я забуду, как он еще ребенком сжег мое поле?

В это время далеко внизу, в ущелье, где у самой воды среди ивняка вилась тропинка, Хасан-хаджи увидел всадника. Он еще был скрыт густой зеленью, но мелькнувшая между ветвей голова коня, а затем и человека не оставили сомнения. Это приближался Калой.

И прежде чем он успел показаться на открытой поляне перед подъемом, Хасан-хаджи распрощался с Гойтемиром и поехал назад.

Многое передумал Калой за время дороги. Вспомнил все беды, удачи и неудачи родителей и свои. И пришел к мысли, что жили и они и он правильно, по-человечески. Но люди с богатством, с хитростью и властью обходили их везде и на их несчастье строили свое счастье. Не любит Наси Гойтемира. Но он покупает ее и живет. Понравилась им Зору - пришли и забрали Зору. Их богатство все может... А последний разговор с Хасаном-хаджи? Неужели действительно Гойтемир взял Зору за Чаборза для того, чтоб попользоваться самому?

И он представил себе, как где-то, в какой-то темной комнате старый Гойтемир возьмет в свои хищные объятия Зору... И она вынуждена будет молчать или умереть, потому что если она осмелится кому-нибудь сказать, ей не поверят. А если и поверят, то не захотят позора и уберут ее. Как ненавидел он его!

Конь вынес Калоя на поляну. Он взглянул вверх на тропинку и невольно натянул повод.

Там спускался Гойтемир. Он шел пешком вслед за своей лошадыо. Шел задумчиво, заложив руки за спину.

«Вот где я его прикончу!» - мелькнула у Калоя мысль. Он уже потянулся за револьвером, но в памяти встали Зору... Наси... Ведь они обе просили его, умоляли... Вспомнив о них, он уже ничего не мог сделать старшине... Хотя бы сегодня... Хотя бы ради того, чтобы не омрачить их день...

Калой свернул в сторону, сошел с коня, стал спиной к тропе, чтобы не встречаться с врагом глазами. Пусть тот думает, что он не заметил его. Он еще сумеет расквитаться с ним.

Увидев Калоя, Гойтемир остановился. «Хасан прав, - лихорадочно закрутилось в голове, - подстерегает... делает вид, что не видит... Спустишь, он кинется... Задушит... бросит в воду... Бежать назад?... Подстрелит...»

Рука Гойтемира поползла за спину, схватилась за кремневый пистолет... Он шел, не спуская с Калоя глаз. «Скажу, потребовал ответа, куда ездил... А он кинулся... и пришлось защищаться... От родных откуплюсь...», — пронеслось в мыслях старшины.

Конь Гойтемира сошел на лужайку. Был слышен лязг его подков. Калой прилег к воде, чтобы напиться.

«Наверное, заметил у меня пистолет... Хочет спрятаться за камень», — решил Гойтемир.

Калой, как в зеркале, увидел в воде свое лицо, стоящего на горе Гойтемира. В вытянутой руке он держал извивавшийся в воде серебряной змейкой пистолет...

«Что это он?...» И в то же мгновение до слуха донесся выстрел... Гладь воды всколыхнулась, обдав Калоя галькой и песком. Он вскочил. Старик убежал вверх.

От ярости потеряв рассудок, Калой кинулся догонять его. Он несся, не замечая крутизны. Расстояние между ними сокращалось с каждым его прыжком.

«До поворота... До поворота бы... - думал Гойтемир, спотыкаясь и цепляясь за камни руками. - До поворота бы... а там я встречу его кинжалом...»

Вот и поворот... Гойтемир, задыхаясь, прислонился к стене...

Перед ним, на тропе, с пистолетом в руках стоял Хасан-хаджи.

- Дай сюда!.. - радостно крикнул Гойтемир.

Но Хасан-хаджи отступил. Что это?... Гойтемир увидел волчий взгляд, смертельную ненависть в глазах друга.

- Дай пистолет! Он убьет меня! - завопил Гойтемир, еще не понимая муллу.

- Наси... - сказал Хасан-хаджи почти шепотом, - была моей, а ты забрал ее...

- Ты слышишь, он гонится за мной! Дай пистолет! - Гойтемир рванулся к Хасану-хаджи.

Но тот взвел курок и направил дуло ему в грудь.

- Я всю жизнь жил с твоей женой... и Чаборз - это мой сын... А теперь она всегда будет моей...

Гойтемир отшатнулся.

С другой стороны появился Калой. Гойтемир метнулся к краю тропы. Внизу зияла

бездна, бурлила река. Он с ненавистью переводил взгляд с одного врага на другого. Опомнившись, он схватился за кинжал... Но лицо его побагровело, он зашатался, осел... Осел еще. И навзничь рухнул с обрыва...

Калой и Хасан-хаджи заглянули в пропасть.

Подбрасывая на камнях, река все дальше уносила безжизненное тело старшины.

- Ал-хамду лиллах![27] - воскликнул Хасан-хаджи. - Скорее ступай за лошадью!

Калой свистнул. Быстрый оторвался от травы, насторожил уши. Калой свистнул еще. Конь рысью побежал к нему.

Хасан-хаджи и Калой поскакали прочь. Немного погодя они заметили впереди караван навьюченных лошадей. Погонщики спускались в долину. Хасан-хаджи и Калой свернули за огромный валун, а когда люди скрылись из виду, поехали дальше, но уже шагом, чтобы не навлечь подозрений.

Встреча и гибель Гойтемира потрясли Калоя, хотя совсем недавно он сам готов был убить его.

- Когда тебя в последний раз видели люди? - не глядя на него, спросил Хасан-хаджи.

- Вчера. В начале ущелья на свадьбе у Зору. Я попал туда случайно... Простившись с ними, поехал домой. Но потом я заночевал в лесу... — ответил Калой.

— Предупреди Орци, если он будет дома, что ты приехал вечером. Понял? Вот и все. И запомни: «видел» и «знаю» - это тысяча слов. «Не видел», «не знаю» - одно слово!.. Что бы ни спрашивали свои или чужие — «не видел, не знаю!..» Важно то, что на нас нет его крови. А свое время он давно уже пережил! Собака! Я видел, как он стрелял тебе в спину. И я, ради правды, решил отдать его в твои руки или убить. Но Аллах — хвала ему! - уберег нас.

И про себя Хасан-хаджи закончил мысль: «В споре верх того, кто первым скажет слово. А в поединке победа за тем, кто наносит последний удар!.. Вот тебе мой последний удар, Гойтемир!..»

Они вернулись в аул и остаток дня провели у Хасана-хаджи. Поклялись на Коране: не выдавать тайны гибели Гойтемира.

Потом, как ни в чем не бывало, хозяин рассказывал Калою о странах, в которых он побывал. А тот слушал его с интересом, потому что дальше Владикавказа мир оставался для него неведомой тайной.

Время прошло незаметно. Когда начало смеркаться, Хасан-хаджи встал на молитву, а Калой все думал о Гойтемире.

«Где он теперь? Поймали его или так и будет нестись до самого синего моря?» Дрожь пробежала по телу. «Зору подумает на меня... А что станет с Наси? Уедет к сыну? Что ей теперь здесь делать?»

Хасан-хаджи кончил молиться.

— Кто же будет старшиной у нас? — спросил Калой. Хасан-хаджи строго посмотрел на него, пожал плечами и спокойно ответил:

— Тот, кто и был. А что, разве Гойтемир отказывается? Ты что-нибудь слышал?

Калой понял, что этого вопроса после их клятвы он не должен был задавать.

— Я думал: хорошо, если б тебя выбрали... Хасан-хаджи покачал головой.

— Я мулла! А муллам после Шамиля русский царь не верит. Он знает, что мы считаем его главным гяуром. Он хочет, чтобы мы христианами стали. Но это не в его власти. Наши предки били лбом солнцу, считая его главным богом. Потом царица Тамара прислала из Грузии по реке Барза-хий[28] камни, и из них ингуши построили Тхаба-Ерды[29] на реке Тхаба-чоч, и мы молились по-христиански, пока царь Геркал не ушел обратно в Грузию. Потом забыли молитвы на чужом языке и опять вспомнили своих богов. С ними правдой и неправдой дожили до сих пор. Джараховцы дольше всех били в колокола. Но теперь люди веруют в Аллаха. Велик Аллах, а Мухаммед его пророк! И мы, которые учим народ религии Ислама, очень неуютны царским слугам! - Он задумался. — Я знаю, — сказал он через некоторое время, — народ ко мне неплохо относится. Могли бы и датируемого XII веком выбрать. Но думаю, что, если наши ограбили почту и... совершили вот это... пристоп не разрешит нам выбирать... Он сам пришлет кого-нибудь. А мне оно ни к чему. Я и муллой больше не буду... От этих слов Калой открыл рот.

- Как не будешь! - воскликнул он. - Тебе Бог дал знания...

- Верно, - согласился Хасан-хаджи, - но я знаю, каким должен быть настоящий мулла. И я не могу быть им. Мы слишком много имеем грехов...

- Ну, а кто же без них?! - воскликнул Калой.

- Тот, кто сам убежден, что их у него нет...

Смысл этой фразы для Калоя остался неясным. А переспросить он посчитал неудобным.

Когда стемнело, Калой вернулся к себе. Орци, видимо, ночевал в пещере. Но углей в золе было много. Мальчик не забыл подложить крепких дров. А может быть, он приходил днем?

Калой спрятал в стенном тайнике добытые деньги, развел огонь и лег, чтобы обдумать все, что произошло за эти дни. Но он не спал уже две ночи, и сон мгновенно сковал его тело.

Он проснулся чуть свет. Мысли опять стали ясными. Выйдя на терраску, он вылил себе на голову несколько ковшей холодной воды.

Подумав, за что взяться, решил привести в порядок коня. Когда он вышел к Быстрому, тот оглянулся, заржал. Скрутив жгут из сена, Калой начал чистить его.

В это время из-за стены донеслись женские голоса. Он прислушался. Говорили соседки.

- Вчера гонит она свою прибыль к воде и на людей не глядит! Словно кто коров не видел! Говорят, она сторговала Зору за двенадцать, а ей пока шесть пригнали! - Женщина ехидно хмыкнула. - Дадут ли остальных? Старшина и надуть не постесняется.

- Дадут, - ответила вторая соседка. - Что им, жалко, что ли! У них не убудет!

- Да, пожалуй, дадут... А Батази-то вечно дурочкой прикидывалась, а на деле вон как ловко дочь продала! Но, говорят, Зору прокляла ее!..

- С чего ты такая злая, Суврат? Муж у тебя здоров, соперницы нет, а ты вечно готова про любого сказать такое! Как это может быть, чтобы дочь прокляла свою мать? За что? Ты бы на месте Батази отказалась от такого жениха? От калыма? Девка - красавица. В поле и дома работница и иглой мастерица. По-твоему, надо было отдать ее за так? Чтоб она весь век на чужих горб гнула, им детей рожала, богатство и силу рода Гойте-мирова умножала, а родному отцу с матерью сухое «спасибочко», да?

- Да я не про то! - перебила ее Суврат. - Говорят, ей Калой нравился...

- Жених! - фыркнула собеседница. - Ни добра, ни глаз. Рядом жить — и проглядеть такую! Зря он ей нравился! Тополь тоже здоровое дерево! А что толку! Ни плода с ветки, ни огня с сучка, ни тени в полдень!.. Только признаки мужские!..

Калой не мог больше слушать их. Злость против сплетниц и против себя снова чуть не задушила его. Он рванул недоуздок и вывел Быстрого на водопой.

Утренний ветер с вершины немного охладил его и, поравнявшись с соседками, он приветствовал их с обычной учтивостью. Это были не старые еще женщины. Прежде они всегда хорошо относились к нему и его брату.

- Что это тебя не видно было? Уезжал куда? - спросила его Суврат.

- Нет, - ответил Калой, - сидел дома, ждал: не проведает ли какая из соседок...

- А ты заведи себе самую близкую «соседку», и не надо будет ждать. Вечно будет своя под боком, - вступила в разговор вторая женщина.

- Не пойму, - прикинулся дурачком Калой, - «самая близкая соседка»... Это же ты... Вон твои ворота, а вот мои...

- На чужие ворота не поглядывай! - строгим голосом одернула его женщина, в то же время не переставая приветливо улыбаться. - Жениться пора!

- А разве я отказал кому-нибудь? - удивленно вскинул брови Калой.

- Да что же ты, девка, что ли, чтоб отказывать или принимать предложения? - возмутилась Суврат.

Но Калой спокойно выслушал ее. Ему очень хотелось подольше подразнить их.

- Я действительно, кажется, не девушка, - ответил он. - Но сватать не собираюсь. Двери у меня открыты, которая войдет, та и будет хозяйкой... Девушка или женщина - мне все равно!

- Калой, ты начинаешь говорить непристойности... - надменно бросила Суврат.

- А я думал: раз вы узнали, что мне пора жениться, вы и позаботитесь обо мне...

- Ты плохо думал! Дерзкий! - сказала Суврат, ставя глиняный кувшин на плечо.

Вторая последовала ее примеру.

- Бог не дал ума! - пожал он плечами. - А то, что дал, - никому не нужно!..

Женщины переглянулись, приснули со смеху.

- Язык бы вырвать твой! - воскликнула Суврат и, резко повернувшись, пошла.

- Слава богу, что только язык!.. Ты добрая! - засмеялся Калой и повел лошадь к воде.

А соседки его направились в свои башни, кокетливо изгибая талии. Но Калой не оглянулся. Он думал о их наглых словах: «Тополь тоже высокое дерево...»

Слова были горькие, но похожие на правду.

Увидев с горы дым над башней, прибежал домой Орци. После дерзких слов, сказанных брату в день свадьбы, он все время чувствовал себя виноватым. Он очень привык к мысли, что Зору будет у них хозяйкой. Полюбил ее потому, что каждому в таком возрасте нужна мать, ласка, а он ее не видел. Он мечтал о Зору. И то, что она ушла к Чаборзу, потрясло его детскую душу. Он был бессилен помешать этому, но не понимал, почему Калой не сделал ничего, чтобы не отдать Зору чужим людям. Оставшись один со своими овцами на горе, он не переставал думать об этом и решил, что, видно, у Калоя была большая причина, чтобы отказаться от борьбы за их Зору. А он, Орци, наверное, никогда ничего об этом не узнает. И за слова, сказанные брату, теперь ему было очень стыдно.

А Калой не вспоминал об этом. Он молча простил Орци, и тот запомнил великодушие старшего на всю жизнь.

Орци пересказал брату все сельские новости. Кто-то видел в ингушском лесу хевсуров, которые тайно выслеживали что-то. У Иналука ожеребилась кобыла, и жеребчика не отличить от Быстрого. А самая главная новость была о доме Пхарказа.

— У них каждое утро теперь выставляют на терраску котел, блестящий, как солнце. Он стоит на ножках, а в середине у него вода и огонь!.. Вместе! Вода кипит, и огонь не тухнет. Сначала все ждали, что котел разорвется... Но он не разорвался. Говорят, теперь из этого котла Пхарказ чай пьет... с сахаром!

Калой промолчал. Он сам еще никогда не видел такого котла.

В полдень Орци ушел на пастбище, но почти тотчас прибежал домой.

— Говорят, Гойтемир убился! - крикнул он, появившись в дверях, взъерошенный от страха. Глаза его совсем округлились.

— Кто говорит? Как убился? - переспросил Калой.

— Сейчас узнаю! — Орци вынесся со двора. Калой решил пока не выходить.

Орци прибежал снова.

Гойтемира поймали в Ассе, где-то далеко на равнине. Река избила, изуродовала его. Узнали только по одежде. Конь его пасся в ущелье. Думают, что, переходя речку, лошадь упала и Гойтемиру не удалось выбраться. На его теле нет ни пулевой, ни кинжальной раны. Дорогие вещи — серебряный кинжал, пояс и даже часы - все при нем. Хоронить будут там, где поселился Чаборз.

— Хорошо, что никому из нас не пришлось принять греха за него на свою душу! — сказал брату Калой. — Это был наш заклятый враг. Из-за него ушли на чужбину и погибли мои родители. Из-за него погибли твои... Бог видит — это правда. Иной смерти он не заслуживал.

У Пхарказа во дворе собрались друзья, соседи. С причитаниями выла Батази. А часа через два она с мужем погнала на похороны свата лучшую из шести коров, которых он дал им за дочь.

Когда они были уже далеко, соседка Суврат, вместе с другими провожавшая их, вытерла слезы, высморкалась и сказала:

— Когда родители проклинаят детей или дети родителей, это уж непременно сбудется! Вот и началось... Такую корову повели!..

8

Прошло несколько дней. Хабары[30], вызванные смертью старшины, постепенно стихали. Стало известно, что Гойтемировы тайно узнавали: не причастны ли к этому делу эгиаульцы, Калой. Но все, на кого можно было подумать, оказались вне подозрений. Калой же весь день, в который случилось несчастье, был с Хасаном-хаджи — лучшим другом покойного. Подозрения отпали. Все было приписано случайности и слабости старика.

А тоска продолжала точить Калоя. У него были деньги. Но на что они? Что он купит за них? Зерно? Одежду? Зачем все это ему теперь, когда нет Зору? Ведь приди к нему эти монеты немного раньше — у него в доме поселилось бы счастье. Он засыпал бы ими глаза Батази и выкупил ее дочь.

Проклятые деньги, бедность и жадность!..

Стараясь уйти от печали, он вспомнил тех людей, с которыми встречался в последние дни. Только тот, кто видит разных людей, кто вечно не сидит на месте, только тот

набирается ума и узнает жизнь, решил он. Не зря же Хасан-хаджи и Гойтемир считались умнее всех в горах. «Рыскающая лиса лучше волка-лежебоки».

Но все равно думы его часто возвращались к Зору. Иногда образ ее сливался с образом Наси. Она представлялась ему такой же ласковой и теплой, как эта случайно пришедшая в его судьбу женщина.

Вернулись с поминок родители Зору. Калой сначала испытывал к ним только неприязнь, а потом это чувство перешло в ненависть. Видеть их, слышать их голоса, приветствовать при встрече стало для него невыносимой мукой.

Самовар, гойтемировские ковры, новое платье на Батази, бешмет на отце Зору - все напоминало ему о том, что из-за этих тряпок, из-за этого добра он лишился ее. Нарастало чувство гнева, оно затмевало ясность ума. И однажды, хмурым вечером, когда над горизонтом ползли низкие тучи и цеплялись за башни, Калой вскочил и кинулся вон из дому.

Орци в удивлении выбежал за ним.

Калой перепрыгнул через забор и направился в башню Пхарказ. Когда он ворвался к ним, Пхарказ полулежал на нарах, а Батази готовила ужин.

Появление Калоя было неожиданным. А выражение лица его не предвещало ничего хорошего.

- Здравствуй! - приветствовал его хозяин.

- Счастлив твой приход! - как можно мягче сказала Батази, прикрывая брошенную им дверь. - Садись. Садись! Мы так давно не видели тебя.

Калой не ответил на приветствие, и уже это одно было знаком величайшей вражды.

- Когда я вас вижу, когда слышу, - сказал он, - меня трясет! Вы больше не будете жить рядом!

Батази почудилось, что в его впалых глазах зажглись раскаленные угли.

- Что мы тебе сделали?! - воскликнула она.

- Ты в своем уме, мальчик? - слезая с нар и в удивлении глядя на него, спросил Пхарказ.

Но Калой не слышал их.

- Я ненавижу вас! - крикнул он и замолчал. Молчали и старики.

- Наши деды, отцы жили рядом. Между нами был мир. И вас я с детства считал своими. А вы - чужие! Жадные! Злые! Вы продали ее! Продали меня! За что?! За сколько? Вы не люди! Зору взяла с меня слово, а то я перебил бы всю вашу и их породу! Да падет на ваши головы грех за дочь! За меня!

- Послушай, Калой... - хотел что-то сказать Пхарказ. Но Калой не дал говорить.

- Если можно продать соседа, друга, дочь, - значит, нет у вас ничего, что не продается! Вас можно купить, впрячь в ярмо и возить на вас навоз! И это не будет стоить дорого. Но я заплачу дороже, чтоб никогда в жизни не видеть крысиную жадность ваших глаз! Если б вы знали, сколько денег теперь у меня, вы бы нанялись ко мне в слуги!

Он захохотал.

Запустив руку в карман, Калой все с «тем же смехом достал горсть монет и швырнул их в лицо ошеломленной Батази.

Золотые и серебряные кругляшки полетели ей в подол, покатались по полу... Сколько белых кругляшек - столько баранов... Сколько красных - столько коров... Боже мой! Как много!!! Сердце Батази забилося, как заяц в петле. Она кинулась на четвереньки, ползала по полу, собирая деньги. А Пхарказ, высокий, худой Пхарказ, уронил на грудь голову, опустил плечи и, придавленный словами соседа, согнулся, как перед судом.

Калой внезапно оборвал смех.

- Хватит? - спросил он.

Пхарказ и Батази смотрели на него, как на сумасшедшего. Да он и в самом деле был сейчас не в своем уме.

- Хватит? Я вас спрашиваю! - закричал он.

- Что хватит?.. - дрожащим голосом спросила Батази, все еще стоя на четвереньках и сжимая в горсти собранные монеты.

Гнев клокотал в Калое.

Он подошел к их очагу, схватился за священную цепь.

- Добрые и злые духи этого дома! Души умерших предков Пхарказа, хозяева башни! - закричал он, вглядываясь в темные углы башни. - Вы, которые получали пищу от этого очага, отныне будете жить в моей башне! Здесь больше не будет огня... Отныне в огне моего очага будет ваш огонь и доля вашей еды! Добрые и злые духи этого дома! Предки! Я клянусь вашей очажной цепью, за которую я заплатил вот тем золотом и серебром, что вы видите в руках у этой проклятой женщины, клянусь этой цепью и этим огнем: завтра, когда поднимется солнце, оно увидит эту башню в огне вместе с людьми, если они не успеют покинуть ее! Амин!

Калой дернул за цепь. Перекладина, на которой она висела не одну сотню лет, переломилась. Калой схватил горящую головешку, залил водой очаг и ушел, унося цепь и огонь Пхарказа.

Старики остолбенели. Первой зашевелилась Батази. Она вытащила из-за пазухи тряпчатый мешочек, который висел у нее на шнурке, и пересыпала в него из дрожащей ладони деньги. Пхарказ согнулся, шурша чувяками, доплелся до очага, упал на колени, сунул руку в мокрую, еще горячую золу и долго шарил в ней... Но там не осталось ни

одного живого уголька.

- Потух... Огонь отцов... Потух... - едва слышно прошептал он и зарыдал.

В эту ночь до утра не гас свет в окнах башен Калоя и Пхарказ. А на заре, никому ничего не сказав, ни с кем не попрощавшись, погрузив свой скорб на быка и ослов, Батази и Пхарказ покинули Эги-аул, молча подгоняя полученных от Гойтемира коров и мелкую скотину.

На последнем повороте Пхарказ остановился. Остановилась и Батази.

Сколько раз, с самого детства и до этого дня, возвращаясь домой и увидев свой аул и башню, Пхарказ уже издали чувал домашнее тепло, испытывал радость. И вот теперь он смотрел на это гнездовье отцов в последний раз, уходя из него без доброго слова вслед, без дружеских рук на прощание... Это был конец, за которым для него уже не могло быть начала...

А Батази вспомнила, как привезли ее в эту башню с еще больших высот. И Эги-аул, и эти горы тогда казались ей равниной. Но и на этой земле для нее ничего не нашлось, кроме вечного труда, который никак не мог одолеть вечную нужду.

- Не жалея! - сказала она мужу. - Купим домик, землицы и хоть на старости распрямим свои кости! Послал же нам Бог дурака, который за свою глупость и эти камни высыпал золото! Ты думаешь, он получил это богатство от отца? - зашептала она Пхарказу. Но тот, казалось, даже не слышит ее. — Глупости! Бабы болтали, что это он со своими братьями-друзьями царскую почту разнес! Сказать бы об этом теперь нашему другу пристопу, так мы б быстро вернулись сюда, а его и след замело бы в Сибири!

Пхарказ побледнел, посмотрел на нее так, что она попятилась, закрываясь рукой.

- Если я когда-нибудь еще услышу!.. - прохрипел он и огрел ее посохом. - Гони ослов!!!

Батази подхватила и, как ошалелая, рысью погнала стадо, прижимая к груди мешок с деньгами. «Вот так бы тебя в первый день женитьбы, - подумал Пхарказ, глядя ей вслед, - так не пришлось бы мне теперь плестись на старости лет цыганом бездомным! Были бы у меня и дочь, и зять, как сын, и башня! Да опоздал я на целую жизнь...»

С первыми лучами солнца Калой вышел во двор и понял: Пхарказ ушел. Это была и боль и облегчение.

Он перепрыгнул через забор, поднялся на их терраску.

Воспоминания обступили его. Здесь жило все его счастье, и вот оно исчезло... Пусто... Вечный холод потухшего очага...

В ярости Калой вырвал дверь из каменных ступиц, сбежал вниз и завалил опору терраски. Она затрещала и рухнула вместе с лестницей, чуть не задавив его...

Башня стала мертвой.

Когда немного позже соседи погнали скот на водопой, они не поверили своим глазам.

- А где же Пхарказы? - спросил кто-то из них Калоя.

- Уехали! - мрачно ответил Калой.

- А кому же оставили башню?

- Мало их тут без хозяев? Вот и ей отныне стоять пристанищем сов и сычей!

И на мгновение страшным призраком встала перед ним такая же башня замка Ольгетты... Проклятая башня из тьмы веков!

[1] Все приданое невесты у ингушей справляется на средства жениха

[2] Машинная дорога - железная дорога.

[3] Мовлад - молитва в честь дня рождения пророка Мухаммеда.

[4] Кунацкая - комната для гостей.

[5] Хонкар-Мохк - Турция (инг.).

[6] Хонкар - турок (инг.)

[7] Аскер - турецкий солдат.

[8] В старину у ингушей существовал обряд приема в братство.

[9] Гехичу - местность в Чечне.

[10] День, когда мать выходила замуж, у ингушей считается самым радостным днем человека.

[11] Марушка - жена, женщина (кавказ.).

[12] Неук — невыезженная лошадь.

[13] Двойной карак - первач.

[14] Хабар дац - исковерканное ингушское «не разговаривай».

[15] Комбой - конвойные, охрана (инг.).

[16] Ахпадчах - наместник, правитель. Буквально - полуцарь (инг.).

[17] Черемша - дикий лук.

[18] День недели - воскресенье (инг.).

[19] «Казенка» — берданка (кавказ.).

[20] Имеется в виду государственная почтовая карета, в которой под охраной возили корреспонденцию и деньги.

[21] Сильжан — дилижанс, карета (инг.).

[22] Ака-бос — склон Плиты (инг.).

[23] Барта-бос - склон Согласия (инг.)

[24] Сейвинадук - название перевала. Буквально — где был убит Сей (инг.).

[25] Чийност - малая берцовая кость (инг.).

[26] Капкай — старинное местное название Владикавказа (он же — Бурув, Дзаурюрт).

[27] Ал-хамду лиллах — хвала Аллаху (араб.)

[28] Барза-хий — река Мулов (инг.).

[29] Тхаба — название реки. Ерда — божество. Тхаба-Ерды — название храма в нагорной Ингушетии.

[30] Хабары — разговоры, пересуды (инг.).

Глава пятая. Праздник божьеликой Тушоли

1

Три дня Наси оставалась у сына вместе с другой женой и сыновьями Гойтемира. Принимала соболезнования односельчан и гостей. А на четвертый вернулась в горы, где был главный дом старика и где прошла вся его жизнь.

Многочисленные родственники и знакомые долгое время посещали их двор. Наси держалась мужественно. Печаль, как прощальный луч заката, освещала ее бледное, прекрасное лицо. Мало кто мог удержаться от искренних слез при виде этой женщины, для которой, все знали, с потерей мужа кончилась ее жизнь. А ведь она была еще так молода!

Много дней Наси принимала гостей и раздавала соседям поминание. Непрерывно в котле варилось мясо. Вечерами, исходя потом, плясали и пели мюриды, замаливая грехи старшины. А когда все, усталые и сытые, расходились на отдых, в окне кунацкой еще долго светился огонек, и видно было, как, склонившись над Кораном, неутомимый Хасан-ха-джи читал за погибшего друга священные стихи. Долго звучал в спящем ауле его красивый голос, исполненный святого благочестия.

Когда никто из посторонних не оставался ночевать в доме, наградой за усердие муллы были неутомимые ласки вдовы, искавшей «утешения».

В такие ночи Наси и Хасан долго не могли уснуть и строили планы будущей жизни, которые требовали от них большого мужества и немалых жертв. Но они решили сделать все, чтобы в остаток дней не разлучаться никогда. Они испытывали прилив сил и желаний, которые долгие годы таились, под тяжестью их неудачной судьбы.

В тридцать девятую ночь была зарезана скотина. На трапезу собралась вся округа. Приехали сыновья, жена Гойтемира, близкая и дальняя родня. Не было только Зору - ей еще не полагалось показываться на людях. А тем более, что со времени свадьбы, которая совпала с гибелью свекра, она никак не могла оправиться. Все видели, как она извелась. Но никто не знал, что настоящей причиной этому была уверенность в том, что смерть Гойтемира не случайность. В разговоре с девушкой на свадьбе Калой дал понять Зору, что будет ждать ее побега всю ночь. Значит, в ущелье он проезжал на следующий день и должен был встретить Гвйтемира перед его смертью.

На сорок первый день посторонние разъехались, а Хасан-хаджи, мулла из соседнего Цоринского ущелья и мулла, приехавший со старшими сыновьями из Назрани, по поручению многочисленных домочадцев Гойтемира собрались в его кунацкой для дележа имущества.

Первый день муллы составляли длинный список всего, что принадлежало Гойтемиру. Со слов сыновей и жен были записаны его земли, дома на плоскости, лавка, земельные участки в горах, скотина, лошади и овцы.

Замок и башню не записывали. Они принадлежали всему роду и тому, кто в них жил.

Так как все сыновья обязались говорить только правду, скрыть им друг от друга почти ничего не удалось. Старший сын, что стоял в лавке, утаил выручку последнего месяца,

сказав, что отец забрал ее на свадьбу братьев. Андарко не записал оплаченные поставщикам товары. Чаборз «забыл» про одну из отар, которую круглый год отец содержал на вершине Цей-Лома.

При перечислении скота старшая жена Гойтемира многозначительно переглянулась с сыновьями. Это означало, что они не верят Чаборз-зу. Муллы ждали, как к этому отнесется Чаборз. Но вместо него заговорила мать.

- Я думаю, улыбаться не стоит, - скромно потупясь, сказала Наси. - Я же не улыбаюсь, когда говорят, что он забрал выручку... Или что у него нигде нет закупленных для лавки товаров! Раз это говорят сыновья моего мужа, братья моего сына, я верю... Я даже не говорю о том, что он сам мне говорил о своих делах и где брал деньги для свадеб... Его же нет, чтоб подтвердить это... — Она скромно смахнула слезу, потому что женам плакать не полагалось. - А Чаборз может подтвердить все сказанное клятвой... - добавила она.

Натянув на ладони длинные рукава платья, чтобы не осквернить Коран прикосновением голых рук, она взяла его с полки и положила перед муллами.

Все это было сказано и сделано с такой простотой, с таким скорбным выражением лица и искренностью, что оба старших брата решительно запротестовали против присяги Чаборза, гневно прикрикнув на свою мать.

Теперь ничего больше не оставалось, как только приступить к дележу.

Но в это время заговорил Хасан-хаджи.

- По закону шариата, - сказал он, ни на кого не глядя, — каждый, кто участвует в дележе имущества того, который уже не может говорить за себя, должен быть искренним и правдивым перед людьми и перед всемогущим Аллахом! Так ли это?

- Совершенно верно! - согласились муллы.

- Тогда я должен сказать следующее. Это было несколько лет тому назад. Гойтемир тяжело болел. Но Аллаху было угодно, чтоб болезнь оставила его. В то время он вызвал меня, вызвал двух стариков и попросил написать ему завещание... Было такое? - обратился он к Наси.

Та молча кивнула головой. Сыновья и старшая жена Гойтемира заволновались.

- По закону шариата, если умерший оставил завещание, оно избавляет нас от многих хлопот и нам придется считаться с волей его. Так ли я говорю? - снова обратился Хасан-хаджи к муллам, и те снова подтвердили его слова.

- Раз это так, я хотел бы знать: где эта бумага? Не уничтожил ли он ее? И почему Наси о ней не говорит? Я ждал этого... Но раз ты, Наси, молчишь, я обязан напомнить об этом перед людьми... Иначе мне нельзя. Вы привлекли меня к этому делу, и я должен быть правдив и честен перед людьми и Богом...

Наси казалась смущенной и растерянной. Она молчала. Старшая жена и сыновья поедали ее глазами. Видя ее смущение, Чаборз покраснел.

- Отвечай! Что ты молчишь? - строго сказал он матери, потому что сообщение о завещании отца и для него оказалось неожиданностью.

Теперь, после слов Хасана-хаджи, все сомнения должна была разрешить его мать. А ей почему-то явно стало не по себе. Чаборз не знал, что подумать. Но он знал одно: если она уйдет от ответа, это вызовет подозрение сводных братьев и их матери. А тогда от пересудов и позора ему никуда не уйти.

Наконец Наси заговорила.

- Я не знаю, почему я не вспомнила об этом раньше... - сказала она и запнулась.

Соперница впиалась в нее глазами.

- Была такая бумага... Но где она, я не помню... Это же было три или четыре года тому назад. И зачем она вам?..

- Наси! — обратился к ней назрановский мулла. - Ты должна найти это завещание. Где оно было?

- Не помню... - со слезами на глазах ответила Наси, пожимая плечами.

- Я хорошо помню, - сказал Хасан-хаджи, - что по желанию Гойтемира бумагу я тогда передал тебе, чтоб ты спрятала. Не взял ли он ее обратно?

- Нет... Кажется, не брал... Не помню... - снова беспомощно пожала плечами Наси.

И тогда старшая жена Гойтемира вышла из себя:

- Да что ты, ребенок, что ли? Или это тебе дали спрятать кукурузную рубашку для закрутки сигарок!

- Да, действительно! - поддержал ее старший сын, бросив на Наси злобный взгляд.

Они были уверены в том, что Наси или утаивает завещание, или уничтожила его только потому, что оно было ей невыгодно. И уж, конечно, не верили, что она действительно не знала, где оно.

- Мать, - сказал Чаборз. - Ищи бумагу отца. Переверни весь дом, но найди ее!

Наси растерянно посмотрела на него и молча принялась искать завещание. Она начала с комнаты, в которой они находились. Искала молча, изредка вытирая слезы и тяжело вздыхая. Когда в этой комнате было перевернуто все, перебрана каждая вещица, переложена каждая тряпочка в сундуке, Наси перешла в общую комнату. Старшая жена и Чаборз отправились за ней, а два старших брата остались с муллами.

- А если она не найдет?.. - спросил их через некоторое время Андарко.

- Тогда приведем ее к присяге в том, что она не уничтожила завещание и действительно не знает, где оно находится. А затем поделим ваше добро так, как велит закон, -

ответил ему назрановский мулла и посмотрел на своих друзей.

- Я думаю, что Наси не зря «забыла», где оно... - сказал цоринский мулла и многозначительно посмотрел на Хасана-хаджи.

- Я кое-что помню из этого завещания, - ответил тот. - Но если оно не будет найдено, мне ничего другого не остается, как забыть о нем до судного дня... Я связан присягой...
- А там, - он указал на небо, - все несправедливое и справедливое будет оценено Всевышним!

- Амин! - подтвердил цоринец.

Наси, Чаборз и жена Гойтемира вернулись ни с чем. Старшая жена села по приглашению назрановца. Наси и Чаборз остались стоять.

- Память отбило... Конечно, если б я думала о том, что оно понадобится... - Голос у Наси дрожал. - И для чего вам обязательно это завещание, если эти люди могут все поделить по-божески и, конечно, никого не обидят!.. — сказала она. — Я доверяю им!

- Ты хочешь сказать, что мы не доверяем! - возмутилась старшая жена Гойтемира и презрительно поджала губы, которые сразу провалились у нее под носом.

- Если тебе безразличны слова нашего отца, то для нас они закон! Наш долг - выполнить его волю, - сказал почтительно, но строго старший сын Гойтемира, который один из всех братьев сидел с муллами, заняв в доме место своего отца.

- Если бы мы слышали завещание Гойтемира, мы бы знали, что он говорит! Мы бы знали, как он велит жить нам! А ты о дележе! - воскликнул Андарко. - Разве только в этом дело?!

Братья говорили красиво. Но все в этой комнате понимали, что главное для них в этом завещании именно то, что отец написал о своем состоянии. Может быть, там было написано, о чем они и не знали, о каких-нибудь тайных богатствах. В детстве они слышали, что их предок был захоронен в золотом гробу на медной подушке! А может быть, отец, как старший в роду, знал, где гроб?.. А эта женщина хочет лишить их всего... С каждым мгновением неприязнь к младшей жене отца разгоралась в его сыновьях.

- Что же делать? - обратился к муллам старший сын. Он был очень похож на Гойтемира: и голосом, и склоненной головой.

- Ничего. Надо подождать. Может, она вспомнит. А если нет, придется тебе, Наси, дать присягу, что ты не знаешь, где завещание и что было в нем... — мирно пояснил назрановец.

- Мне, несчастной, только этого и не хватало! Не буду я присягать! Это грех! Я никогда не касалась Священной Книги! - воскликнула Наси, отступая назад.

- Я присягну за нее! - злобно сказал Чаборз, оскорбленный недоверием к матери.

- Не торопитесь! Не горячитесь! - снова вступил в разговор назрановский мулла. - Надо

же как-то решить дело. А по шариату это только так, как мы говорим. И для Наси в этом нет ничего дурного!

- Притом никто, кроме нас, об этом не узнает, - поддержал его цоринец.

- Я не знаю, что там было написано. Может быть, в этой бумаге были золотые горы. Но если вы избавите меня от присяги, я готова отказаться от своей доли добра... - сказала Наси, волнуясь.

- Мне тоже ничего не надо! - поддержал мать Чаборз. — Только не позорьте мать! Если вы считаете, что отец мог завещать вам больше, так не мог же он завещать больше того, что у нас есть! Берите и так все -и ее и мое! Я не позволю ей присягать!

- Замолчи! - крикнул на Чаборза старший брат. - Много берешь на себя! Твоя мать - это прежде всего жена нашего отца! Если б ты даже пожелал, я не допущу такого, что может ее позорить! Понял? И наперед знай: я не потерплю беспорядка в доме... Наси, это чистые люди, -он посмотрел на мулл. - Надо подчиниться их решению.

- Мой Аллах! - воскликнула Наси. - Ты один знаешь, как мне это тяжело! И если бы ты меня избавил от этой нужды, я б осталась нищей, отдала б тебе в жертву все, что имею...

- Соверши омовение, как перед намазом! - сказал ей Хасан-хаджи, когда она решилась подойти к столу.

Наси, опустив голову, вышла.

Чаборза лихорадило от бессильной злобы.

- Оказывается, смерть - это еще не самое печальное, - сказал он сквозь зубы.

Старший брат снова уничтожающе посмотрел на него.

- Не говори так, - обратился к Чаборзу Хасан-хаджи. - Не ропщи на судьбу, на законы, ниспосланные нам свыше... Все, что происходит, — все от Аллаха! Его воля определить сроки наши. Наша воля жить по его законам! Молод ты еще, молод...

Вошла Наси. Черный платок закрывал лицо. Плечи ее опустились. Она остановилась у порога. Муллы пошептались, и назрановский мулла обратился к ней:

- Подойди сюда...

Наси медленно подошла к столу. Соперница и все три брата теперь забыли о своих помыслах и с затаенным дыханием следили за каждым словом муллы, за каждым движением Наси.

- Положи руку на Коран...

Дрожащая рука Наси легла на желтую страницу...

- Повторяй за мной: я клянусь этим божьим Кораном...

- Я клянусь этим божьим Кораном... - сказала Наси.

- ...Что я не знаю, где завещание Гойтемира и что в нем было написано... - произнес мулла.

- ...Что я... - Наси запнулась. - ...Что я... Вспомнила! Вспомнила!.. - закричала она радостно, отдергивая от Корана руку и показывая на него. - Там! Там оно! Ищите...

Жена Гойтемира, муллы вскочили. Все три брата уставились на Наси как на сумасшедшую.

- Да что вы смотрите! Там оно! Конечно, там! Он, как поправился, взял у меня бумагу и заложил ее туда... Я хорошо помню... И если он сам не убрал ее, она там. Я ж никогда не прикасалась к Корану.

Назрановский мулла взял в руки Коран и стал перелистывать его.

- Не в середине. А за той бумагой, в которую он завернут... Мулла отвернул потрепанную обертку, и из-под нее на пол выскользнул серый лист бумаги. Чаборз подхватил его и передал мулле.

- Оно? - спросил назрановский мулла у Хасана-хаджи.

Тот посмотрел. Молча прочитал первую строку и, возвращая завещание, утвердительно кивнул головой.

- Читай! - сказал цоринец.

Все семейство Гойтемира сгрудилось вокруг назрановского муллы, державшего в руках бумагу, в которой сейчас для них был сосредоточен весь мир.

Гойтемир писал, чтоб сыновья после него жили в мире и согласии. Чтоб никогда не забрасывали родовой замок и умножали славу предков. Чтоб были верными вере. Гойтемир писал, что тайного богатства у него нет. А то, которое есть, он завещает родным: дома - тем, кто в них живет, лавку и товары - двум старшим сыновьям. Хозяйство в горах -половину Чаборзу, а половину продать. И пусть Наси отвезет вырученные деньги в Мекку и раздаст бедным, чтобы они помолились у могилы пророка за его душу. «Записал мою волю Хасан-мулла из Эги аула. Свидетелями перед людьми и перед Богом были Чонкар-хаджи и Юсуп из Гойтемир-Юрта».

В комнате воцарилась тишина.

- Ну что ж, - сказала Наси, первой выходя из оцепенения. - Хотя я и не получаю ничего, я довольна своей долей. Мне хоть не надо теперь присягать перед вами! Бог-Аллах и он из своей могилы защитили меня от гнусных подозрений. Во имя этого я исполню его волю. А в куске хлеба сын мне не откажет!..

Муллы для порядка решили опросить свидетелей. Но Чонкар-хаджи умер еще в прошлом году. А Юсуп болел. Явившись к нему, муллы застали его в тяжелом состоянии. Он лежал в темной сакле, на грязной дерюге. Дар речи давно оставил его. И

на вопрос Хасана-хаджи, помнит ли он о завещании Гойтемира и подтверждает ли его, Юсуп замычал, замотал головой так, что это можно было принять за подтверждение слов Хасана-Хаджи. Пожелав ему излечения, муллы постарались скорее выйти на воздух из смрада, который здесь стоял от грязного человеческого тела и козьего стада, дремавшего в углу.

Наутро муллы и старшие братья с матерью покинули двор Гойтемира.

До вечера Чаборз и Наси с помощью Хасана-хаджи подсчитывали ценности всего хозяйства, которое было в горах. На этот раз не была забыта и отара с Цей-Лома. А для честности перед Богом были учтены и неубранные хлеба с полей и сенокосы и все поделено пополам между сыном и отцом, во имя которого следовало превратить в деньги и раздать его долю.

Чаборз предложил матери поехать в Мекку вместо нее. Но она решительно отказалась. Это была последняя воля мужа, и, если она ее не исполнит, ей этого не простят. Да и дом бросать и Зору с первых дней нельзя. А главное, в таком пути всякое может случиться... И она не даст сыну рисковать молодой жизнью.

После этих доводов Чаборз не стал настаивать и, пообещав вернуться на уборку через пару дней с женой, уехал.

Было видно, что ему самому не очень хотелось надолго разлучаться с Зору, и предложение его было скорее знаком приличия.

В этот вечер Хасан долго сидел при открытых окнах и, превосходя самого себя, так пел стихи из Корана, что многие соседки Наси, хоть и не понимали, о чем он поет, потому что это был арабский язык, взволнованные красотой и задушевностью его грудного голоса, плакали от умиления.

Было за полночь, когда в окнах гойтемировской башни погас свет. В кунацкой открылся в полу люк, и Наси, юркнув под одеяло Хасана, затряслась от смеха.

- Как я не умерла со вчерашнего дня? Глядя на них, у меня кишки заболели! Ну и придумал же ты! - Она обвила вокруг шеи возлюбленного руки и горячо прижала его к себе.

- Не зря же я думал сорок дней, как помочь делу! — ответил Хасан, ласково погладив ее.

- Слушай, а ведь все это грех! - воскликнула Наси, поднимаясь на локти.

- Конечно, - ответил Хасан-хаджи. - Безгрешны только младенцы. Но мы с тобой не во всем виноваты. С самого начала было не так... Все не лучше нас. А мы будем молиться всю жизнь... Одним здесь, на земле, рай и там... Другим и здесь ничего и там гореть, так, что ли? Нет, я сорок один день уже чувствую себя в раю! За это я воздаю хвалу Всевышнему. Это его милость! И с этой милостью отныне я не расстанусь до самой смерти!

И Хасан с пылкостью юноши предался своей, теперь уже безмятежной любви.

Только Наси знала, как беспредельны были силы этого аскета...

Когда наутро Хасан-хаджи покидал осиротевший двор друга, он, как всегда, был полон глубокомысленной задумчивости и печали.

Провожать его вместе с Наси вышли все соседи. Они благодарили его за труд, которого он не пожалел, чтобы помочь Гойтемиру на том свете, за его служение Аллаху.

- В этом наша обязанность! - ответил им растроганный Хасан-хаджи. — Спасибо вам за добрые слова! Все мы ничтожны и гости на этой земле: И мысли о вечной, потусторонней жизни никогда не должны покидать мусульманина! Тогда пути наши будут легкими и справедливыми!..

Он уехал, напутствуемый добрыми пожеланиями людей, которые были готовы почитать его за святого.

Убрали хлеба. Управились с косовицей. Чаборз и Наси продали половину скота и овец, половину урожая. Собралась огромная сумма, о которой они даже говорить боялись!

К этому времени Хасан-хаджи, как он рассказал, нашел группу паломников в Дагестане, которые охотно готовы были принять Наси, лишь бы он согласился возглавить их.

И так как неудобно было женщину-ингушку отправлять одну с чужими мужчинами, Хасан-хаджи решил еще раз совершить хаджж.

Чаборз был глубоко тронут поступком Хасана-хаджи и взял на себя расходы на его дорогу туда и обратно.

Дали ему деньги и другие братья.

Все складывалось хорошо. Был назначен день отъезда. Хасан-хаджи отвез свою сестру к дальним родственникам. Но когда наступило время расставаться, Наси не выдержала, ослабела. Прощаясь с Чаборзом, она рыдала. Ее долго не могли успокоить. Даже предлагали отложить поездку до следующего года. Но она не согласилась.

Чаборза потрясли слезы матери. Он никогда не видел ее в таком горе. Он отвел Хасана-хаджи в сторону и сказал:

— Я чувствую, что ей что-то подсказывает душа... Может, ты уговоришь ее?..

На это Хасан-хаджи, тоже грустный и печальный, ответил:

- Чаборз! Как ты мне дорог, ты никогда не узнаешь! Это судьба, и чего бы я не сделал ради тебя! Но, выйдя в дорогу, мы уже не можем повернуть назад. Это ее первое и, может быть, самое тяжелое испытание в жизни... Ты ведь частица ее сердца... Да, бывает так, что душа говорит с человеком своим языком. Предупреждает. И все-таки мы должны идти... Одно тебе скажу: я уйду с этой женщиной для того, чтобы сопровождать ее и никому в мире не дать в обиду!.. И если ей суждено плохое, то и меня никто из вас не увидит. Я разделю с нею ее судьбу... — Он дважды обнял Чаборза и, опустив голову, оставил сына, унося свою тайну навсегда.

Они ушли. И жизнь в горах, потревоженная их отъездом, улеглась, успокоилась, как зеркало родника. Упадет в него камень, круги разойдутся, сойдутся - и снова в его глади отражается чистое небо.

Перед самым снегом в горы приехал помощник пристава и назначил старшиной, как он сказал, «на время» Чаборза. Он пояснил, что Чаборз вырос при Гойтемире, знает людей и должен справиться с этой работой. Главное, чтобы никто не нарушал законов, не рубил государственный лес, не принимал участия в грабительских вылазках на Военно-Грузинской дороге.

Народ спокойно выслушал его. Горцам не было безразлично, кого назначат старшиной. Но так как Чаборз наполовину обосновался и жил теперь на плоскости, он был для них более подходящим, чем другие. В то время, когда он будет уезжать, можно, не боясь, работать в лесу.

На сходе выступил и Чаборз. Говорить он еще не умел, краска заливала его лицо и шею. Но все-таки кое-что ему удалось сказать. Он напомнил о том, что его отец был одним из тех старшин, которые еще очень давно подавали царю бумагу с просьбой, чтоб царь принял ингушей под свое покровительство, и что он, Чаборз, тоже будет стараться служить царю правдой и не потерпит, если кто-нибудь позволит себе нарушать порядок жизни, установленный властью и Богом. И еще он обещал выучиться русскому языку. У отца было много друзей казаков, и Чаборз, имея дом на равнине, теперь будет часто видеть их и учиться разговаривать.

Приехавший с помощником пристава ингуш-переводчик перевел речь Чаборза. Начальник был очень доволен.

Съев барана, гости и Чаборз на второй день уехали. А горцы отправились в лес, который считался государственным, и с особым усердием принялись заготавливать топливо, тщательно пряча щепу и срубая деревья низко, под самый корень.

Зима эта показалась Калою бесконечной. Не было Пхарказов, не было Хасана-хаджи, который мог посоветовать, рассказать что-нибудь интересное, пусто было в душе, не стало никакой мечты.

Иной раз ему лезла в голову мысль — жениться на первой попавшейся, но проходили дни — и он отвергал это желание.

Те, которые не знают любви, только так и женятся. Но Калой не мог уже представить себе жизни с женщиной, которая была бы ему безразлична.

Он перебрал в уме всех невест в округе, и ни одна из них даже сколько-нибудь не была похожа на Зору. Он привык только ее лицо считать красивым, только ее голос приятным, глаза живыми, смех веселым. Только ее шутки остроумными...

Не было второй Зору. А другие были ему не нужны.

Иной раз в памяти вставала короткая встреча с Наси. Если бы он мог найти хотя бы такую душевную и нежную. Но не было и второй Наси. И жизнь Калою казалась пустой.

Порой заходил Иналук. И тогда мысли принимали другое направление. Иналук, как больной по солнцу, тосковал по весне, чтобы снова сходить «на дорогу» или «за Терек». Легкая добыча вскружила ему голову. Калой без особого желания поддерживал его. Он был труженик, и его думы о жизни всегда были думами о земле. В эту зиму они помогли ему найти новую мечту. Он знал, что земля, которой он с братом кормится, - доля Гарака. Когда женится Орци, Калой должен будет вернуть ему эту землю. И тогда он останется ни с чем. Как некогда Турс. И Калой решил снова покрыть землей обнаженные камни бывшей пашни отца. Он понимал, каким будет этот труд. Такое могли совершить только многие поколения людей. Но ведь кто-то из них начинал когда-то. И если не он, то, может быть, потомки его завершат этот труд. Другого выхода не было.

Правда, многие покидали горы, шли жить на плоскость. Но от этого в горах не становилось просторнее. Никто из них не бросал свою землю, и весной хозяева вновь появлялись, если не для того, чтобы пахать, то для того, чтоб сдать ее в аренду.

Прежде всего Калой решил соорудить на горе, выше будущей своей земли, три заслона из камней против паводка, углубить в овраге русло для сточной воды и только потом уже начинать носить землю.

И в первый же хороший день Калой приступил к работе. Жители аула знали, чего стоит этот труд, и с уважением относились к его намерению. Многие парни, видя, как братья с утра до ночи вдвоем складывали на горе валуны в невысокие водоотбойные заборы, поднимались к ним и помогали.

Покончив с заборами, Калой принялся за русло. А потом наступила главная работа. На быке и двух ослах братья начали возить землю к будущему полю. Брали ее в лесу, на другой стороне ущелья. Земля была под снегом. Калой расчищал его и мокрую землю бросал в корзину. Орци гнал караван на поле и, освободив плетенки, возвращался назад.

Через несколько дней ослы так привыкли к этой работе, что уже сами ходили в лес и возвращались к Орци для разгрузки. А бык неизменно следовал за ними. Уже весной, когда настало время возить навоз на поля, эгиаульцы всем селом вышли на помощь Калою. Десятки людей трудились с утра и до вечера и сделали за день столько же, сколько братья за всю зиму. Огромные кучи земли выросли на бывшем поле Турса. А когда кончился этот день, Калой угостил всех, кто работал.

Появилась гармонь. При ярком костре во дворе начались танцы. Это было первое веселье в Эги-ауле со времени свадьбы Зору.

И здесь, на людях, как поле по весне, немного оттаяло сердце Ка-лоя. Его давно никто не видел таким веселым.

Он снова был радушным хозяином, услужливым для старших и звонким заводилой у молодежи. Веселье продолжалось до петухов. А там все разошлись, чтобы после короткого отдыха еще задолго до солнца выйти на работу в первый весенний день.

На пахоту явился и новый старшина. Он, как и отец, сам не работал. Без него его земли вспахали и засеяли бедные родственники. За это он обещал им треть урожая. Правда,

Гойтемир отдавал им землю исполу. Но Чаборз, сославшись на то, что после раздела имущества он обеднел, сократил их долю дохода. А так как землю взять было неоткуда, родственники согласились и на это.

К концу пахоты над аулами прошел страшный слух. К Чаборзу приехал чеченец, который видел в Дагестане человека, рассказавшего ему, что партия паломников, в которой были ингуш и ингушка, во время возвращения из Мекки попала в бурю и погибла в пучине моря.

Чеченец этот, во имя Аллаха, решил разыскать кого-нибудь из родственников погибших ингушей и передать им печальную историю.

Для Чаборза это был тяжелый удар. Вместе с ним горевали многие.

Люди любили Наси за веселый нрав и мужскую сообразительность.

А Хасан-хаджи был уважаем за ученость и бескорыстное благочестие. Ведь никто не мог даже предполагать, во имя чего, кроме веры и долга, он поселился в горах и жил здесь чуть ли не отшельником!

Чаборз поехал в Чечню, в Дагестан. Про мать и Хасана-хаджи он больше не узнал ничего. Но о том, что какие-то люди, ездившие для совершения хаджа, потонули в море, говорили все.

И тогда, вернувшись домой, Чаборз объявил о поминках матери и у дороги из Гойтемир-Юрта поставил ей каменный обелиск. А эгиаульцы сложились и рядом с ним поставили памятник погибшему на чужбине Хасану-хаджи.

Только много лет спустя как-то еще раз в горах пронесся слух, что на базаре в Баку видели человека, как две капли воды похожего на эги-аульского муллу. С ним была женщина в черной чадре. Но когда опознавший обратился к Хасану-хаджи, тот ничего не ответил, ушел и исчез в толпе.

Кто был свидетелем этого? Как возник этот слух? Узнать не удалось. А у дороги стояли печальные обелиски, напоминавшие о трагической судьбе погибших...

Рано или поздно молва умолкает. А камни всегда говорят...

В это лето с горы, которая некогда была землей его отца, Калой снял первые герды[1] урожая. Много труда было вложено в нее, еще больших усилий она ждала, но тем вкуснее был первый хлеб.

Осенью ездили старики в Назрань просить, чтобы им дали муллу. Но никто не хотел забиваться в скалы. И еще больше люди сожалели о своем Хасане.

Изредка приезжал в Эги-аул мулла из Цори. Порой люди ездили к нему на моление. Но все это было от случая к случаю, и вера в Аллаха стала ослабевать.

И тогда снова старики обратились к жрецам, а те — к своим богам. Стали ходить к сельским молельням. А осенью справили древний праздник урожая.

Старый жрец Эльмурза вспомнил все молитвы, песнопения и обряды, что были когда-то, и старался обучить им молодых. Он выбрал для служб двенадцать девушек. Малхаазой[2] стала Дали, которая с детства славилась своим пением.

Дали была совсем молодая. Но умение играть на гармонии, красивый голос, способность сказать, где надо, хорошее слово и имя Малхааза выделяли ее в кругу подруг. Заглядываясь на нее, кое-кто из парней уже пытался выведать исподволь: не пойдет ли она замуж. Но Дали всем отвечала отказом. Говорила, что хочет служить богам. И ей верили, потому что знали, что певицей солнцу может быть только девушка, свободная от дум о себе и о делах земных.

Но почему Дали, такая веселая, остроумная и самая земная из девочек, с возрастом стала задумчивой и даже грустной? Этого пока не знал никто. Даже матери своей, с которой Дали была очень близка, она никогда ничего не говорила. И мать подумала: «Может, вместе с детством от дочери отлетела частица души? Говорят, так бывает».

Зачем на утренние и вечерние зори Дали ходит к реке, как в древности ходили ее бабки «вещать жалобу» владыке неба — солнцу? На что жалуется и что молчаливо просит у солнца его раба и «невеста», простирая к нему свои тонкие руки?

Этого тоже не знал никто.

Никто.

А сердце матери? От него печали не утаить. Оно не зрит. Оно не ведает слов. Но чувства свои ребенку не скрыть от него!.. И тогда велит матери сердце прижать дитя к себе. И скажет мать свои слова, которые больше не скажет никто!

Обнимет Зайдат под покрывалом дочь, согреет ее своим теплом. И услышит Дали:

- Пройдет время... Придет время. Как сегодня, настанет твой день... Приедут шумные поезжане, растянут девушки бесконечные мехи гармо-ней, заулыбаются в длинные бороды старые сваты, защелкают плети дружков жениха... И если это будет дождливый день, женщины скажут, что небо проливает над тобой свою благодать... А если день будет солнечным, скажут, что это знак вашей ясной и светлой жизни. В этот день, каким бы он ни был, добрые люди найдут теплые слова, потому что это будет твой светлый, твой настоящий день... Пройдет время... и придет твое время...

Дали слышит, улыбается матери, улыбается даже во сне...

Хорошо, что есть сны... Хорошо, когда человек улыбается во сне.

Приближалась зима. Как-то Иналук снова попытался зазвать Калоя в набег. Но тот не пошел. Душа не лежала. Втянулся он в заботу, в думы о земле и теперь не мог отойти от нее. Снова всю зиму возили они с братом землю на плато Турса, рубили в пещерах слежавшийся кизяк и спускали его на пашни.

Весной в горы приехала «комиссия». Ее сопровождали ингуши-переводчики и Чаборз.

Лазила «комиссия» по лесам, мерила склоны до вершины, писала и считала и высчитала, что горцы рубят лес и должны быть наказаны штрафом. Много денег

насчитали они на каждый аул, на каждый дым[3] и уехали, чтобы доложить начальству.

Хотелось Калою засесть где-нибудь над дорогой и перебить их за жадность, чтобы позабыли путь в горы, да старшие удержали. «Пришлют солдат, посжигают башни - тем и кончится все. На нас их хватит! Нету силе царя ни конца ни краю!.. Надо терпеть...»

Вскоре вернулся Чаборз и объявил, чтобы к осени с каждого двора готовили по две овцы...

Хмурой была эта весна. А для Калоя - вдвойне. Вместе с Чаборзом пришла весть о том, что Зору родила ему сына.

Только теперь сердце Калоя уронило ее. Только теперь он понял, что мысли о ней все время жили в нем.

Теперь Зору не стало. Где-то жила женщина Зору, чужая жена, хозяйка чужого дома, мать чужого сына... А та, которую он любил, исчезла навсегда.

Тяжело, когда умирает человек. Но еще тяжелее, когда живой становится мертвым.

2

Промозглая погода не давала работать. Порой тучи поднимались, казалось, вот-вот выглянет солнце и все вокруг оживет. Но снова из-за хребтов налетал ветер и начинал косить бесконечный холодный дождь.

Не помнили такого даже старожилы. Народ охватывало уныние. Еще далеким, еще неясным призраком, но уже начинала мерещиться ему беда.

Жрецы непрерывно молились, обращаясь то к Солнцу, то к богине ветра - Фурке, то к всеильному Ахкисела - богу лета. Но те словно отвернулись от людей и не принимали ни жертв, ни молитв. А наступившее лето выдалось таким засушливым и жарким, что в гибели урожая уже никто не сомневался.

Зной истреблял посевы и пастбища. Только те, у которых были заливные луга, могли еще надеяться запастись сеном. Над скотом, над всей живностью нависла угроза.

А когда на растрескавшихся полях выгорела бесколосая солома и желтизной покрылись вечнозеленые склоны, в Эги-ауле на совет старейших собрались представители родов всей долины Галгаев[4].

Говорили скупно, говорили, не тая правды. Народ постигло бедствие. Надвигался голод.

Потом старики собрали сход.

Все в тревожном молчании ждали, что скажут умудренные жизнью.

— Люди! — обратился к горцам Зуккур. — Мы прожили свое, и многим из нас давно пора на покой. Но наши думы о вас. За вас плачут наши сердца! Сегодня мы бессильны помочь народу, потому что спасти от гнева богов нельзя никого! Такого опустошения

никто из нас не помнит, а ведь если сложить нашу память, она достанет до первых дней жизни! Мы слышали от дедов - бывало с народом худо. Но такого -никогда. Что же делать?

Главное - укрепить свою веру в богов. Просить их милости. Не вызывать их гнева! Кто может, должен покинуть горы, искать убежища у родных и знакомых на плоскости. Остающиеся здесь должны скосить и собрать все, что попадется под серп и косу, даже бурьян и солому! Надо во время листопада послать малых и старых в лес собирать листья и ставить из них кучи, крепить прутьями и камнями. Зимой все пригодится! В такую зиму животные кору сгрызут! Не медлите! Не надейтесь! Не теряйте времени! Меняйте в городе скотину на хлеб, на зерно для посева, для весны! Режьте скот и сушите мясо, пока он не отошал, пока есть солнце! - Он подумал, припоминая что-то еще, и продолжал: -Сохраните рабочих быков да дойных коров! Будем просить Чаборза, чтоб он допустил их до снега побыть на его горе. Там холоднее и, говорят, еще много травы! В такой наш день он не откажет. Люди! Может случиться мор... И не только на скотину, но и на нас! Больные должны помнить о здоровых и скрывать свои болезни в солнечных могилах! Здоровые должны помнить о тех, кто уйдет жить и умирать в эти могилы. Им нужна будет чашка, ложка, вода... Сильный должен помогать слабому! Здоровый - больному! Богатый - бедному! Да помогут нам всем перезимовать Ганерда - бог листьев и бог Елта! Да пощадит нас Ун нанальг - мать всех болезней! Да вспомнит о нас по весне бо-жьеликая Тушоли - мать плодородия! Да поможет нам главный наш бог - Ерда! Амин!

- Амин! - повторил народ.

- Очи-ой - крикнул кто-то.

- Очи-ой! - подхватили все.

Зуккур оглядел толпу, словно прощаясь с народом, и, печально опу-стив голову, сошел с бугра. Больше не о чем было говорить. Тепер» жизнь каждого зависела от сноровки и умения воспользоваться совета-ми стариков. Но многим эти советы не были нужны. Им нечего было резать и продавать... Эти могли сделать только одно - спуститься с гор, пока не поздно, и надеть суму. Но на это не каждый был способен.

Трудолюбие, вечная борьба за кусок хлеба, взаимная поддержка в течение веков выработали в ингушах презрение к попрошайкам, как к бездельникам и лентяям. Они всегда были очень бедны. Но многие из них готовы были нищенству предпочесть голодную смерть. А голодной смерти - разбой.

До самого снега люди трудились — косили, сгребали и стаскивали под навесы все, что можно было собрать с опаленной земли. Косили в оврагах, в лесу. Но листьев, как советовали старики, набрать не удалось. Морозы ударили рано, и они опали вместе с первым снегом.

Зерно и мука в городе и в плоскостных селах вздорожали. А наплыв горцев на базары со скотом понизил на него цену. Купцы и перекупщики наживались на народном бедствии. Знали, что горцы отощавший скот обратно не погонят, и брали его за бесценнок. А те на вырученные деньги не могли купить почти ничего. Кому удавалось выменять скот на зерно для посева, тот для еды мог купить уже только отруби. Вскоре морозы, гололед и снег закрыли тропы, замуровав в скалах живых людей вместе с их

бедой. А Чаборз никого, кроме близких, на свою гору не пустил. Тогда старики попросили его прокормить рабочую скотину. Все знали, что у него в пещерах скоплено сена не на один год. Но он отказал и в этом.

- Никто не умрет моей смертью! И я ни за кого не должен умирать! — заявил он. И, пустив однофамильцев, у которых было по одной-две скотины, на свое пастбище, он вооружил их и приказал охранять гору от всех. А главные стада его овец пастухи погнали в далекие степи, где они могли перезимовать.

Сколько раз Калою хотелось за всех расправиться с ним! Но слово, которое он дал Зору, останавливало его.

К середине зимы запасы еды у людей стали подходить к концу. Ели березовую кору. Сушеную и молотую, ее добавляли к остаткам муки, к отрубям. Пекли лепешки, варили похлебки.

Орци с полураздетыми подростками и малыми детьми с утра уходили в лес. Там они разжигали костры и бродили в поисках падалицы дикой груши, яблок, обирали с кустов остатки барбариса, шиповника, терна. Вместе со скотом жевали молодые веточки кустарника.

Мужчины и юноши пытались ходить на охоту. Но далеко и подолгу ходить не было сил, а поблизости ничего не попадалось. Туры и серны покинули голодные места и ушли за перевалы.

Зато зверья развелось много. Ночами волки и лисы бродили у самых аулов. Запах оставшейся живности привлекал их. А голод делал бесстрашными.

Однажды на рассвете в сарай Иналука, где у стены стояла единственная нетель, обнаглев, стала подкапываться рысь. Собака, боясь ее, лаяла из чужого двора. Иналук вышел. Зверь метнулся в сторону, но не уходил. Иналук выстрелил. Раненая рысь, поднимая вихрь снега, кинулась к нему. Только удачный удар кинжала спас его от лап разъяренной гигантской кошки.

Стала падать скотина. Истощенных коров и овец резали, когда они не могли подниматься, и голодные люди варили скользкое, расползавшееся мясо. Начались болезни. В аулах, расположенных по склонам гор, каждый день хоронили людей. И не было сил пойти посочувствовать.

Калой прикинул, на сколько у него хватит запасов сена, и понял, что с лошадьёю и быком ему до травы не дотянуть. Быка пришлось зарезать. Себе он оставил только одну ногу, а всю остальную тушу разрубил на части и раздал соседям, у которых в доме были дети, старики и больные. Быстрый отощал. Все время из конюшни доносилось его ржание. Но Калой был неумолим и давал ему в день сухого бурьяна с крохами сена не больше того, что мог. Орци таскал Быстроу тонкие ветки деревьев, и тот грыз их, как собака кости. Умирали старики. Гибли дети. Умерла Фоди. Умер Зуккур. Люди отупели и стали безучастными к гибели близких. Не было сил плакать, горевать. На погребение Зуккура пришли Эги, которые могли еще двигаться. А остальные, опухнув, лежали по домам.

Калой смотрел на своих родичей и многих не узнавал. Одни казались располневшими,

другие напоминали живые мумии из солнечных могил. У людей погас свет в глазах.

После похорон Калой и молодые люди из Эги сошлись у Иналука. Панта, над которой Калой всегда подшучивал, за ее полные, красные щеки, стояла, понуро опустив голову, убитая тем, что ей нечего подать братьям мужа.

- А где твои щеки, Панта? - обратился к ней Калой.

Но его шутка не тронула молодую женщину. Она посмотрела на него, и Калой увидел жалкое скуластое старушечье лицо.

«Все до весны умрем...» — подумал он с ожесточением отводя в сторону глаза. И в этот час решил: надо рисковать, идти на все, но спасти народ.

- Вот что, - обратился он к братьям. - Несколько лет тому назад вы вот здесь упрекнули меня в трусости. Сегодня я возвращаю вам эти слова. Я считаю, что только жалкие трусы могут умирать так, как гибнем мы. Правда, в других аулах не лучше. Но чужими родами править нам не дано. А за своих людей мы должны отвечать.

- Короче! - перебил его Иналук. - Поучать нас было делом Зуккура, да простит его Аллах! Ты еще не Зуккур. Есть и постарше...

- Я знаю, что ты старше. Но если мы будем ждать повеления тех, кто еще старше тебя, ничего не дождемся! Зуккур народ поучал, а сам умер с голоду! Хватит. Я считаю, лучше умереть завтра, чем сегодня!

- Что предлагаешь?

- Иналук прав! Ты не тяни! Не испытывай терпения! - закричали на него братья.

- Сегодня, когда аул уснет, приходите ко мне.

- Пешими? - спросил один из братьев.

- Да, - ответил Калой. - Захватите пистолеты, веревки. Да наденьте на ноги хулчи.

Молодые люди снова вернулись во двор Зуккура, где под башней укутавшись в овчины и бурки, сидели одногодки покойного, отдавая ему последнюю дань уважения.

Пришла ночь. В башню Калоя один за другим сошлись его товарищи. Среди них были не только Эги. На этот раз с Калоем было семь человек. Но когда, выслушав его, они взялись за цепь, на ней оказалось восемь кулаков.

- Чья восьмая рука? - удивился Калой.

- Моя, - робко ответил Орци, но цепи не отпустил. Калой промолчал.

Парни дали присягу защищать друг друга до конца!

Зимняя ночь, когда все небо затянуто тучами, черным-черна. И все же с близкого расстояния можно было на горе различить восемь мужских фигур, которые шаг за

шагом поднимались вверх по узкой, незримой тропе.

Орци оказался незаменимым. Каждый из них вырос на этих склонах, но он знал дорогу лучше всех и вел старших так спокойно и уверенно, словно шли они по проулкам родного аула.

Глубокий снег затруднял движение. Приходилось останавливаться. Сердце колотилось в груди. Голод подточил силы даже этих парней.

Путь до пещеры казался очень долгим. Наконец послышался собачий лай, взметнулась из костра искра и тревожный голос прокричал:

- Э-гей! Кто там! Человек или зверь?.. Буду стрелять!..

Калой потянул за рукав Орци и, указав ему место в конце цепочки, пошел впереди.

Тот, кто был у пещеры, видно, прислушивался, присматривался к темноте.

- Э-гей! Кто вы?! - снова закричал он, - Стойте! Буду стрелять! Раздался выстрел. Звонкое эхо прокатилось в морозном воздухе. Калой остановил товарища, шепнул Иналуку, чтобы тот завел разговор с охраной пещеры, а сам метнулся в сторону и исчез.

- Ты что стреляешь? - закричал Иналук, - Здесь люди!

- Убирайтесь назад! - донеслось сверху. - Мы всех вас перебьем!

- Идите сюда! Есть разговор! - снова закричал Иналук.

- Поговорим при солнце! - ответил голос. - Нужно мне было идти к тебе!

А Калой уже подобрался к пещере сбоку. Два человека стояли к нему спиной. В руках у них были ружья.

- Бросайте ружья! - громовым голосом крикнул он из-за каменной плиты.

Мужчины вздрогнули. У одного выпала из рук и покатилась пороховница. Второй шарил глазами по темным очертаниям скал, пытаясь увидеть Калоя. Иналук и его друзья с возгласами врассыпную полезли вверх. Тот, что был с заряженным ружьем, кинулся назад, в пещеру. Калой вытянул свою берданку - человек споткнулся и полетел через нее. Щелкнул курок. Но ружье дало осечку. Калой сорвал с него кинжал с поясом, сгреб второго за ворот. И прежде чем они опомнились, Иналук с братьями были уже наверху.

Подняв обоих мужчин, эгияульцы ввели их в пещеру. При свете костра все сразу узнали друг друга.

Пещера была гойтемировского рода, скот Чаборза. Только один бык и две коровы принадлежали горцам, охранявшим стадо. За это Чаборз разрешил им пользоваться его сеном. В пещере стоял полумрак. Над головой висели черные, просмоленные кострами каменные глыбы. В глубине вздыхала скотина. Большая часть пещеры снизу доверху

была забита сеном. Здесь пахло кизяком, прелой травой и дымом, напоминая о добрых временах.

Калой поставил ружья гойтемировцев к стене, словно внес их из любезности, и сел к костру.

- Устали мы, а приглашения от вас не дожدهшься! Хороши хозяева! - мрачно сказал он.

- Какие гости, такие и хозяева! - огрызнулся бородатый гойтемировец. Второй, помоложе, угрюмо молчал. Он был заикой.

- Садись, Долтак, к огню и брось злиться! - обратился к старшему Иналук. - Мы замерзли!

Долтак нехотя сел. Иналук кивнул Калою, и тот заговорил.

- Долтак! Все мы горцы! Знаем друг друга. Соседи по аулам. Ты знаешь не хуже нас, что с народом. Каждый день и вы и мы хороним. У нас кончились запасы. Нечего есть. И мы решили прийти сюда и забрать скотину Чаборза...

- Что?! - взвыл Долтак. - Только убив меня! Мне поручена охрана! Я мужчина, как и вы! Вас много. Конечно, вы осилите... Но кровь моя не останется неотмщенной!

- Н-ни... н-и...ничего нне получите! — промычал младший гойтемировец.

- Да хоть ты, Галушка, помолчи! - разозлился на него Иналук. - Есть кому говорить и без тебя! Долтак, не кипятись! Ты не мальчик. Ты знаешь: раз мы сюда пришли, - значит, возьмем... Пойми, мы уже озверели от голода. Неужели ты хочешь, чтобы все мы подошли рядом с этой скотиной? Ну?

Долтак молчал. Взгляд его метался из стороны в сторону.

- Подбрось хвороста! - крикнул он, ни с того ни с сего озлившись на своего напарника. Тот кинулся за дровами и растянулся, вскочил и снова упал. Какая-то незримая сила бросала его на землю. Люди переглянулись.

- Джины спутали!

- Заячья хворь![5]

- 3-заячья х-ворь у в-вашей родни! Г-де т-ы, вислоухий п-пес?! - отряхиваясь, заорал Галушка, поняв наконец, что это Орци, крутившийся позади него, привязал его за ногу к стойке телячьего загона.

Как ни важен был разговор, происходивший до этого, все рассмеялись.

Калой позвал брата. Но Орци предусмотрительно исчез.

- Долтак, - снова заговорил Калой, когда все успокоились, - сейчас мы обогреемся и погоним... Если есть здесь ваша, отбейте. Хочешь - войди с нами в долю. А нет - оставайся так. Дело твое. Но у вас тоже дома семьи. Вы здесь молоко попиваете, а ваши

дети опухшие ходят. Чаборз небось не дал им на лепешки?

- Да его в горах и не видно. Старшина! Народ мрет, а он где? - злобно вставил Иналук. - Кончай разговор. Скоро рассвет, - бросил он Калою, поднимаясь.

Встал и Калой.

- Ну, Долтак, миром или враждой? - спросил он. - Смотри, мы тут от разных фамилий. Выживем - с нами трудно враждовать! Аул! А поймешь нашу нужду - и от Чаборза защитить сумеем... С миром и ему не под силу тягаться!..

- А что же мы своим скажем? - наконец сдался Долтак.

- Скажете, что мы были всем аулом... И это же правда! Мы ведь готовы и убить вас... Потому что нам иначе все равно смерть... - сказал Калой. - Но мы решили умереть только после того, как кончится все у тех, которых не трогает беда народа!

- Так вы нам-то дадите хоть что-нибудь? - вдруг жалостливо спросил Долтак. - Мы ведь здесь своих коров держали на его сене... Молоком питались. Вы-то себя спасаете, а нам погибать, значит?..

- Нет, Долтак. Вашего мы не тронем. И из чаборзовских дадим на двоих целую скотину! С ней дотянете до весны, - примирительно сказал Калой. - Когда рассветет, спуститесь к себе и скажете людям, что мы угнали чаборзовский табун с его разрешения...

На рассвете Эги-аул проснулся от рева скотины. Ее развели по дворам, а половину, поставили в пустой сарай Хасана-хаджи.

Все мужчины, которые были способны двигаться, собрались у Калоя. В башню набилось столько, что негде было встать.

Тревога на лицах смешалась с ожиданием чего-то хорошего...

- Сельчане! - обратился к ним Калой. - До весны далеко. А смерть уже в каждом доме. Мы пригнали одно из стад Чаборза...

Гул прошел по толпе.

- Это дело не простое. Может, обойдется, а может, кому-нибудь головы стоять будет. Если вы согласны, мы разобьем скот пополам. Половину разделим между собой - на три-четыре семьи по скотине. Если не обжираться, этого хватит до первой черемши! А вторую половину отдадим гойтемировцам. Там тоже мрут... Но мы не воры. Через год-два каждый вернет Чаборзу, что взял. Кто овцой, кто телком... Согласны?

В сакле поднялся невообразимый шум. Каждый хотел ответить Калою сам. Но в общем можно было понять, что все согласны.

- Я вижу у дверей Эльмурзу. Пропустите-ка жреца сюда! Эльмурза протискался к Калою.

- Мясо каждый готов съесть. Это известно. Но, для того чтобы нас никто не мог взять за горло, мы должны присягнуть не выдавать никого! И в этом деле поддерживать друг друга до смерти. Согласны?

- Согласны! Согласны! - завопили голодные.

- Здесь почти все магометане. Но нет ни одного, кто бы солгал, поклявшись богами Мятт-села, Тушоли и Ткамыш-ерды, Эльмурза, говори!

Эльмурза стал белее своей бороды. Он сдернул с себя шапку. Все последовали его примеру. Фотогена давно уже не было, и Калой поднял горящую головешку под потолок. На него смотрели изможденные лица знакомых и близких ему людей. На этих лицах сейчас он видел радость, нетерпение. Старики смотрели на него как на спасителя. И Калою стало не по себе. Неожиданное волнение взяло за горло.

- О! Владыки наши Мятт-села, божьеликая Тушоли и всеильный Ткамыш-ерды! Мы клянемся вам, что не вымолвим слова против тех, кто подумал о нас, не пожалел труда и головы своей, привел в аул благодать, покинувшую нас. Амин!

- Амин, - повторила толпа.

- Очи-ой!

- Очи-ой! Очи-ой! - откликнулись люди.

- Мы клянемся вам, наши милосердные боги, что не дадим друг друга в обиду никому! И, если потребуется, умрем друг за друга! Амин! - воскликнул Эльмурза.

- Амин! - повторил народ.

- Очи-ой!

- Очи-ой! Очи-ой! - повторили все.

- Ну, а если кто из нас нарушит эту священную клятву и отступит от этого слова, да покарает его гром Дяла-села! Да обрушит на него свой гнев мать всех болезней - беспощадная Ун нанальг! Амин! Очи-и-и-ой!

- Амин! Очи-ой! - гудело в башне.

Наступила тишина. Калой всматривался в обращенные к нему лица. Они терпеливо ждали.

- Расходитесь по дворам. Скотину уже развели. Будете делить - не ссорьтесь из-за кишок, из-за копыт. Но и не теряйте ни капли крови. Расходуйте понемногу! Если на нас пойдут гойтемировцы, займите места у бойниц. Вышлите ко мне всех женщин и детей. Если я подниму руку, стреляйте! Если упаду... - Он на мгновение задумался. - Стреляйте, чтоб они не отняли мясо, не перебили вас. Но, думаю, до этого не дойдет. Идите. Режьте и делите скот! Да примет Аллах его в жертву!

Народ кинулся к двери.

Когда все выбрались из башни и в ней осталось только несколько стариков, Эльмурза подошел и обнял Калоя.

- Я не знаю, чем это кончится, - сказал он, - но вас с Иналуком и ребят, накормивших аул, да охранят боги от зла и насилия! Никто не знает, кому это сохранит жизнь, и поэтому каждый должен быть благодарен вам!

Когда над горами взошло солнце, в Эги-ауле было тихо и спокойно. Трудно было бы найти след того, что еще час назад происходило в этих

дворах. Только из каждого тунгула в ясное небо поднимался столб жирного дыма.

Калой не взял себе ничего. У них еще оставалось мясо от своего быка. А о будущем он не беспокоился.

Часок поспав, съев по кусочку мяса и запив бульоном, братья вышли во двор. Орци сводил Быстрого на водопой и стал чистить.

- Вон в той башне, у Кагермана, мясо еще не готово, варится, -сказал Калой. - А Суврат шустрая, она уже ест... Баки тоже завтракает... А у Борцука — пока в котле...

Орци, выпучив глаза, уставился на Калоя.

- А ты откуда знаешь? - спросил он недоверчиво.

- Знаю, - с хитрой улыбкой ответил Калой. - Не веришь? Проверь...

Не успел он это сказать, как Орци опрометью кинулся к тем башням, на которые указал Калой. Обежав все четыре двора, он вернулся и с детской настойчивостью пристал к Калою, чтобы тот сказал ему, как он узнал, что делается у людей в доме, в котле. Калой смеялся, отшучивался, говорил, что он знает секрет.

Но Орци трудно было заставить поверить в это. Наконец Калой сдался.

- Смотри, - сказал он, ставя перед собой Орци, - в тех домах, где завтрак готов и все принялись за еду, топить незачем. Из их тунгулов дыма почти нет. А где еще не все готово, там хозяйка держит огонь, там валит дым.

Орци не поленился и побежал еще в несколько домов. Признак, о котором рассказал брат, почти ни разу не обманул его. Орци был в восторге. Он решил такой интересной тайны не выдавать никому и прослыть кудесником.

В полдень к Калою прибежали соседи. К аулу приближался разъяренный Чаборз со своими однофамильцами. Калой, как условились, велел мужчинам запереться в башнях, а женщинам, детям и старикам выйти с ним к старшине.

Захлопали двери, залязгали запоры. Кое-где из бойниц высунулись ружейные стволы. Орци на вершине боевой башни Эги приложился к винтовке Калоя. Он давно уже научился стрелять и сейчас решил держать на мушке только Чаборза. Но он повзрослому был осторожен, потому что знал цену своего выстрела и Калой предупредил

его.

Калой велел жрецу Эльмурзе и соседке Суврат быть рядом и делать то, что он скажет. Они направились на окраину села. Толпа женщин, стариков и детей следовала за ними.

Чаборз приближался верхом. За ним ехали на конях человек десять и десятка два вооруженных горцев шли пешком. Эти, видимо, уже съели своих лошадей. Когда они приблизились, Калой заметил серость их лиц. Они были такие же изнуренные, как и эгияульцы.

По дороге Калой подсказал Эльмурзе и Суврат, что говорить. И не успел остановиться конь Чаборза, как Эльмурза выступил вперед и, обнажив голову и воздев руки к небу, закричал надтреснутым, старческим голосом:

- Великие боги неба, гор и воды - Ткамыш-ерды, Тушоли и Мятт-села! Мы славим вас за то, что вы послали благодать дому Гойтемира и его сына - Чаборза, которая ныне спасла нас от верной смерти. Амин! Очи-ой!

- Амин! Очи-ой! - закричали все эгияульцы, снимая шапки. Многие из гойтемировских, не ожидая такой встречи, в суеверном страхе повторили вместе с ними «амин и очи-ой».

- Чаборз! - продолжал старик. - Ты веришь в бога-Аллаха и пророка Мухаммеда. Да примет Аллах в жертву за душу твоего отца еду, которую ты дал голодному народу, да пошлет он благо тебе, баракат твоему дому, долгую жизнь твоему сыну! Амин!

- Амин! Амин! - кричали женщины и дети.

- Чаборз! — выступила вперед Суврат. Она была худа, как обтянутый кожей скелет. - Ты не узнаешь меня? Я - Суврат... Это голод сделал меня такой. Когда ты женился, я собирала твою невесту... Ты зять нашего села! Ты не мог бы дать нам умереть с голоду ради своих животных! Если бы мы умерли, что бы ты сказал сыну нашей сестры, который растет в твоём доме? Ты, которому боги дали все счастье, не обижайся на нас! Не от жира, не от силы кинулись мы на твоё добро, а от бессилия своего... Вон и у братьев твоих, что стоят за твоими плечами, такие же, как и у нас, лица покойников! Они знают, что испытываем мы! Посмотри, - она махнула рукой в сторону кладбища, - вон сколько ушло! Расслабь своё сердце! Многих ты видишь здесь уже в последний раз, потому что им ничто не поможет... Не жалея добра, пожалей людей! Добро можно нажить, а умершего никто не поднимет!

Родственники Чаборза смутились. Многих речь Суврат проняла до самого сердца. Чаборз был сбит с толку этой встречей. Но мысль о том, что его обокрали, лишили одного из лучших стад, приводила в ярость. Глядя на Суврат и стоящих за нею людей, он не видел их. Он видел только Калоя и чувствовал, что виной всему был только он. Даже не оглядываясь, он понял, что его сородичи уже остыли и смущены тем, что услышали. Он должен был теперь повлиять не столько на эгияульцев, сколько на своих, чтобы не потерять их поддержки.

- Эльмурза, уважаемый жрец! И ты, женщина! Я благодарен вам за добрые слова! Но сытая кошка всегда красиво урчит! Вы просите Бога принять от меня в жертву то, что я не давал! Вы говорите о несчастье своём, позабыв о других! Да, я зять этого аула. Но

кому должен я раньше помочь, если я хочу это сделать: им или вам? — Побагровев, он показал плеткой на своих односельчан. - Здесь тоже люди! И не только моего рода, но и других фамилий. О себе вы знаете, что говорить, а о других вы думали? А может быть, я для того и приехал, чтобы помочь и вам и им? А что теперь? Вы ограбили не только меня, но и мой аул! И вы или отдадите сами все, что вы не сумели сожрать, или я заставлю вас вернуть мое добро! Мне стоит крикнуть — и здесь будут солдаты! Ишь вы! Вам жить надо, а другие пусть дышат?!

Чем больше говорил Чаборз, тем больше возбуждал он себя, и это передавалось окружающим. Теперь многим из его родичей Эги снова казались ненавистными людьми, потому что из-за них они, оказывается, лишились помощи Чаборза.

И в это время заговорил Калой.

- Чаборз, ты, конечно, был бы прав, если б все было так, как ты говоришь.

- А что не так? Что ты хочешь сказать?! - взорвался Чаборз.

Он ел Калоя ненавидящими глазами. Но Калой не замечал гнева старшины.

- Солдат вы умеете звать! Но что им здесь делать? Их ведь надо кормить, поить. А у нас, кроме снега и покойников, ничего нет! Да и что кому мы сделали? Мы не грабители. Мы голодаем. Но ты неправ. Мы понимаем тех, кто голодает так же, как и мы! Ты говоришь с народом языком святого! У тебя баранта в Гызляре[6]. Есть у тебя скот и в других местах! Но мы знали, что, когда ты захочешь помочь и нашим и своим людям, ты не возьмешь оттуда, а возьмешь только из этого табуна. Вот мы и сделали так, как ты надумал... Только не спросясь. Ведь тебя нет. А люди умирают. Но мы взяли не все, как ты сказал. Мы взяли на наш аул только половину. А остальную часть оставили для них. Выгоните скот! - крикнул он своим.

Тотчас же несколько парнишек кинулись к сараю Хасана-хаджи.

- И мы, Чаборз, не воры, потому что, если б мы хотели похитить, ты бы скотину не нашел... Есть такие пути, ты это знаешь. Скот этот мы у тебя взяли взаймы. Да. И вернем кто в этом, а кто в следующем году! А своим родственникам, конечно, ты волен раздать без отдачи. Это на твоём месте каждый сделал бы! Это ваше дело, родственное...

Калой отвел все обвинения Чаборза.

Мальчишки пригнали двадцать голов скота. Значит, столько же осталось за эгиаульцами.

«Дурак я! - клял себя в душе Чаборз. - Чего я расхвастался! Теперь хочешь не хочешь — отдавай своим! Вон как вылупились...»

И действительно, радость бедных родственников Чаборза вылезла наружу. Большинство из них хорошо понимали, что Чаборз вовсе не собирался никому помогать, а просто попался на слове. И втайне они от души благодарили Калоя за его мудрую речь.

Так и пришлось Чаборзу, потемнев от злости, уехать из Эги-аула ни с чем да еще выручать своих односельчан.

Ненависть к этим беднякам, у которых вечно чего-то не хватает и которые всегда зарятся на его добро, душила его, но он учился владеть собой. Без них ему тоже никак нельзя было обойтись.

То, что Калой и его друзья поделили стадо Чаборза, конечно, помогло жителям двух соседних аулов. Многим эта поддержка сохранила жизнь. Но голод и мор свирепствовали в горах и косили людей. Болезнь желудка валила с ног целые семьи. И, по обычаю далекой древности, они еще при жизни уходили в свои родовые надземные усыпальницы и умирали там или возвращались, когда болезнь проходила. Родственники носили им туда воду, пищу. Посуда и самые нужные вещи, которые они брали с собой, оставались там навсегда. Мертвых никто не тревожил. Они навечно застывали так, как их настигла смерть. Умирала мать, склонившаяся над люлькой, умирал младенец под пустой грудью. И никто уже не касался их. Горный ветер превращал трупы в мумии. Недаром мертвеца ингуши называют «дака» - сухой.

Еще задолго до наступления весны прямо из-под снега люди начали выкапывать корни черемши с крохотными нежными ростками. Они ели их и протирали ими кровоточившие десны. Кое-кому помогли зерном родственники, жившие на равнине. А с первой травой стали прибавлять молока уцелевшие коровы. Но болезнь не утихала, потому что не только дети, но и взрослые ели без разбору все, что пробивалось из земли. Слух о «чуме» в горах дошел до начальства, вызвал страх в городах, в станицах.

И было решено выставить заслоны на выходах из ущелий. Туда никого не впускали и не выпускали оттуда. Черные флаги на высоких шестах кордонов и политые известью тропы наводили ужас на тех, кто проезжал мимо этих мест. Горы для их обитателей стали каменной западней.

Но долго так продолжаться не могло. Весть о том, что их сородичи обречены на смерть, облетела плоскостные аулы, вызвала волнение. Даже те, которым некому было помогать, не оставались равнодушными. Ведь многие из них после пахоты отгоняли своих лошадей на отдых в горы.

Администрации пришлось пойти на уступки. Она разрешила прогонять скот и перевозить муку и зерно в аулы. Однако обратно по-прежнему не выпускала никого.

Вскоре после того, как была роздана чаборзовская скотина, у Калоя снова собрались его друзья.

- Когда родник кончается, ручей не течет! - начал Калой.

- Что, понравилось за добычей ходить? - засмеялся Иналук.

- Нет, Иналук, - ответил Калой. - Мне очень нравится, как пахнет свежая земля, нравится взять ее на ладонь, посмотреть, созрела она для хлеба или нет, нравится зерно с тока переносить в кладовые... Но что делать, когда нет ничего?... Да разве я о себе? Мы-то с вами как-нибудь обойдемся. А вдовы, сироты?... Сколько их у нас теперь!.. - Он помолчал. - Конечно, и самому нужно, а где взять... Бывает, что человек повиснет над, бездной, и кажется: конец... Но вдруг под ногой уступ... Обопрется, передохнет и

выкарабкается. Так и наши сейчас... Кому сахь[7] муки, кому коза, если не корова, достанется - и семья спасена. А нет, - значит, конец... И думаю я: хотим не хотим, волки, а нужно в седла. Бедных разорять не будем. У них у самих ничего нет. А у тех, которые имеют, «займем». С них не убудет! Как думаете?

Друзья поддержали его.

С этого дня водил Калой своих «волков» на добычу через хребты и ущелья. Приводили они коров, лошадей, быков. Знали, кому нечем детей кормить, кому не на что зерно выменять, и понемногу раздавали добытое людям.

Придут ночью, вызовут во двор вдову и скажут ей:

- Бери, мать, корову. Свою в городе на зерно выменяй, а эту держи дома, чтоб молоко было детям.

- Да что вы! Мне не за что купить ее! - взможится та.

А когда объяснят, что им ничего не надо, в удивлении поглядит им вслед, помолится.

Думали Калой и его товарищи, что это только они так промышляют. Но горные тропы свели их с другими людьми, и поняли они, что многих признак смерти выгнал на большую дорогу.

Помощи неоткуда было ждать.

Как-то уже по весне, когда горы покрылись нежной зеленью, а деревья алычи стояли белые, как девушки на свадьбе, рассвет застал их на пути из набега. Чтобы не гнать добычу на виду у всех, Калой отпустил друзей, а сам с Иналуком свернул в сторону и загнал скотину на соседний хутор, где вымерли и разбрелись все жители, кроме одной семьи, в которой тоже недавно похоронили хозяина.

Это была семья Дали - помощницы жреца, певицы солнцу.

Их встретила еще не старая женщина - мать Дали - Зайдат. В ее больших светло-карих глазах застыло горе.

Она указала молодым людям на кунацкую, а сама пошла отдаивать коров, которых они пригнали. Калой и Иналук стояли еще во дворе, когда из башни вышла Дали, поздоровалась с ними.

- Что же вы тут стоите? Заходите в комнату! - предложила она. Молодые люди колебались.

- Вы думаете, нет отца, так вас и принять некому будет?.. - скрывая в улыбке скорбь и набежавшие слезы, сказала Дали, как и мать приглашая их в кунацкую.

- Ладно, - согласился Иналук, - ты не думай, что мы вас сторонимся. У нас мужские дела, о которых надо было поговорить... Куда бы поставить коней?..

- Идите. Все будет сделано, — деловито сказала Дали и проводила их в дом.

В комнате, в которую они вошли, видно, никто не жил. Стены были украшены войлочными коврами. На нарах тоже лежали войлоки. В углу была горка запасных тюфяков и одеял. Но было здесь холодно, как в подземелье.

Иналук подошел к окну.

- Сноровистая! - воскликнул он. - Погляди!

Дали уже расседлала лошадей, протерла спины куском потника и повела их в конюшню. Во дворе застучал топор. Иналук и Калой отошли от окна. Дали могла увидеть, что они наблюдают за ней.

- Огонь-девка! — заключил Иналук, поеживаясь от холода.

Дали внесла в комнату маленькую железную печурку, которая была уже убрана в клеть до зимы и смазана салом. Ловко поставив ее на место и установив трубы, она зажгла смолистые сосновые дрова, которые вспыхнули как порох. От печки повалил чад.

- Вы уж извините... Это сейчас пройдет, - сказала она и вышла, оставив двери открытыми.

Печурка с боков накалилась докрасна.

Дали предложила гостям умыться. А через некоторое время подала мясо, галушки вместо хлеба и стопку лепешек с творогом...

Иналук не удержался от удивления.

- Давно я не видел такого!

- И мы не видели, - потупясь, ответила Дали. - На поминки приезжали родные наны... Привезли кое-что...

Иналуку стало неудобно за то, что он вызвал в ней печальные воспоминания. Родные, видимо, помогли им только тогда, когда отец умер. Но время было тяжелое. Чтобы помочь другому, человек должен был отрывать от себя, от семьи.

Попозже Дали принесла молодым людям миски с пахучим калмыцким чаем.

- Это уже ваша еда, - улыбнулась она. - У нас скотины теперь нет. Молоко в чае от ваших коров.

Пока они пили, Дали стояла около дверей и старалась развлекать их разговорами. Но обычной веселой беседы, какая бывает между молодыми людьми, не получалось. Слишком много печальных событий накопилось за этот год.

Вошла Зайдат. Гости встали. Она поблагодарила за оказанное уважение, попросила сесть. Пожурила за то, что мало ели. А потом прямо, без хитрости спросила про коров.

- У людей угнали?

- Угнали, - ответил Иналук.

- Вам, конечно, виднее, — заметила она, — но я знаю, что такое корова в хозяйстве. И если кто угоняет ее, он за всех, кого оставил голодными, берет грех на душу... Надо ведь не только жить, но думать и о смерти... Не обижайтесь. Я говорю, как понимаю.

Наступило молчание.

- Зайдат, - сказал Калой, — тебе спасибо за заботу, за мысли о нас. Ты хочешь предостеречь нас от греха. Мы ценим это. Мы люди взрослые и сами отвечаем за себя. Мы могли и промолчать. Но, уважая тебя, я скажу правду. В эту зиму и весну мы не раз ходили в набеги. Немало добыли мы этим, пожалуй, не лучшим путем. Но ты запомни: мы не угнали ни одного сельского стада, не вырвали ни одного куса из рук людей. Ни один из нас, эгияульцев, не обогатился. Правда, мы ели. Но главное — раздавали тем, кто не имел ничего. Брала мы у тех, у кого не убывало из-за этого, да отнимали у царской казны. Думаю, Бог нас за это не покарает. - Он посмотрел на Иналука.

- И самую малую долю, - сказал Иналук, - можешь поверить мне, Зайдат, берет себе он. А в опасности - самая большая доля его.

Наступило неловкое молчание. Нарушила его хозяйка. Подбросив дрова в печурку, она отошла к стенке, сложила под платком руки на груди и заговорила:

- Вы возмужали на моих глазах. Я знаю вас, вот как ее. — Зайдат кивнула на дочь. - Верю вам. - Она подняла на них большие печальные глаза. — Но, если б вы послушали меня не как мудрую женщину, а просто как мать, вы бы теперь остановились... Народу легче. Весна. Одно тепло помогает жить! Я не желала бы видеть вашего горя! Мы и так много перенесли... У тебя жена, мать... У Калоя брат еще ребенок... Подумайте о них... Не рискуйте! - Зайдат настойчиво продолжала смотреть на братьев. Ждала ответа. - Вас Бог поберег до сих пор, так не испытывайте судьбу! Хватит, а то поднимете против нас сильных. За ними власть. И покарают они всех! Ведь не раз горели наши башни, даже без всякой причины.

- Зайдат! Спасибо тебе! - сказал Иналук. - Я думаю, что ты права. И хоть говоришь, что ты не умна, это неправда. О твоих словах нам надо подумать!

А Калой ответил хозяйке еще прямее:

- А я уже подумал. Это Бог привел нас с прямой тропы в сторону, под ваш кров, и вложил в твои уста такие слова. Они попали в цель. Когда камень катится с горы, его от пропасти может удержать даже былинка. Считаю, что я ездил в последний раз! - закончил он, проводя ладонью черту. - У меня нет матери. Но если б она была, ее слова, наверное, были бы такими, как и твои...

- Ну что ж, ты, пожалуй, прав. Остановиться на полном скаку - тоже нужна сила! - согласился с ним Иналук.

- Лучше работать! Скоро пахать! Только на чем? - усмехнулась Зайдат. - Ну да ничего - были бы живы!

Ни братья, ни Зайдат не заметили, как обрадовалась девушка, как засияли ее глаза, когда гости дали матери такое слово.

- Зайдат, - сказал Калой. - Пусть скотина побудет у вас дотемна. Спасибо тебе за приют, за добро. Мы, наверное, теперь поедем, потому что, по правде сказать, ровно две ночи и два дня не спали и я не знаю, как мы держимся на ногах!

- Эх ты, нарт! - засмеялся, поднимаясь, Иналук. - Он прав. Мы пойдем...

- Послушайте, — ласково сказала Зайдат. — Если у вас всего делов, что выспаться, так никуда вам не надо идти. Вот комната, вот постели, ложитесь и спите хоть двое суток. А потом заберете скот и поедете себе домой! Нечего стесняться!

Братья заколебались.

- Стели постели! - сказала Зайдат дочери. - Чувствуйте себя как дома!

Через некоторое время в полутемной кунацкой, освещаемой только из поддувала печки, слышался уютный треск горячей сосны и богатырский храп Иналука. Калой долго лежал тихо, не двигаясь, потом сел, сокрушенно покачал головой и, повязав уши попавшейся под руки шалью, спрятал голову под подушку.

Несколько раз Дали бесшумно появлялась в кунацкой, подкладывая дрова. Она унесла обувь гостей. Высушила ее и смазала салом. А когда в последний раз вошла, один из них зашевелился. Дали замерла. Иналук, не просыпаясь, повернулся к стенке, а Калой продолжал спать, закинув руки за голову. Глаза Дали привыкли к темноте. Она увидела шаль матери на полу. Тихонько подошла, подняла ее. Калой спал. Надо было отойти, но она не отходила. Она впервые могла так близко рассмотреть его, и она смотрела. С детских лет она знала Калоя, восхищалась его удалью, силой. Она видела его на свадьбе у Зору, знала их тайну, о которой не знал никто. Она хорошо помнила все, что говорила ей Зору, передавая подарок Калоя, но сейчас, стоя возле спящего юноши, не в силах оторвать глаз от его спокойного лица, она, как и тогда, не могла понять, почему Зору не ушла за ним, хоть на смерть, если только он любил ее.

Дали отступила назад на шаг, другой... Отошла еще... А глаза ее так и не отрывались от него, такого близкого и бесконечно далекого. Что для него, большого, могучего, самого красивого человека на земле, она, еще почти девчонка, неприметно живущая где-то на одиноком хutore, между синим небом и черной скалой?!

Солнце скрылось за ближайшей верхушкой, а гости Зайдат все еще не просыпались. Казалось, они легли для того, чтобы проспать всю свою жизнь.

Но она знала, что им пора вставать, и вошла шумно, хлопнув дверью. Гости проснулись.

- Ну, как отдыхалось? Будете вставать или еще полежите? Я ведь разбудила вас, потому что вы вечером собирались домой!..

- Да, слава Богу, что ты нас разбудила! — вскочил, протирая глаза, Иналук.

Они умылись, наотрез отказались от ужина и вышли во двор. Их кони были уже

оседланы. Сбруя, как и обувь, вычищена и смазана салом. Вечерело. Зайдат выгнала коров.

- Которая из них, по-твоему, самая хорошая? — спросил Калой, разглядывая скотину,

- Вот эта, конечно, - не задумываясь, ответила Зайдат, показав на черно-бурую корову. - Вымя большое, шесть сосков, жилы под брюхом толстые и молодая - вторым или третьим телком. Эта кормилица! Я их всех пересмотрела. Все хороши. Но эта особенная.

- Ну так загони ее обратно, - просто сказал Калой. Зайдат не поняла его.

- Для чего?

- Как для чего? Для молока! Вы же без коровы.

- Но у меня сейчас нечем заплатить...

- Столько, сколько мы за них заплатили, найдешь! — засмеялся Калой. - Загоняй! Загоняй!

Мать с дочерью не знали, что и говорить за такой дорогой подарок. Они так и стояли рядом на бугре, пока гости были видны.

- Слушай, а почему бы тебе не подумать о Дали? - неожиданно сказал Иналук, когда они уже подъезжали к себе.

- Что подумать? - удивился Калой.

- Как что? Зарок у тебя, что ли, всю жизнь ходить бобылем?

- Ах, ты вот что! - и, подумав, Калой добавил: - А стоило дать такой зарок. Друзья жили бы спокойнее.

- Брось дурачиться! - воскликнул Иналук. - Да эта девчонка ничуть не хуже тех, что мы знали...

- А чем лучше? - спросил Калой. Иналук молчал.

— Вот именно... все они, эти красивые, на один лад! Князей ждут за свою красоту! А я не знаю, на чем еще пахать буду!

— Ну и сиди себе один до ста лет! - разозлился Иналук. — Хорошо еще, что коровы не имеешь. А то б тебя давно ославили...

— Ты, когда тебе в мозги ударит, любую глупость можешь изречь! Не хуже сплетницы Суврат! — тоже взорвался Калой. - Едва не подошли сами, из каждого солнечного могильника свежие трупы смердят, а он о женитьбе! Да если у меня однажды жизнь не вышла из-за того, что родители оставили меня голым, где я теперь возьму? Или ты думаешь, я и дальше буду вот так охотиться?

— А кто тебе говорит! Именно сейчас ты и можешь взять любую... Иные за прокорм отдадут. Времена, когда женихи снова с полным выкупом будут являться, еще не скоро вернутся! Так что ж, девкам ждать твоих коров и стареть, что ли? Думать надо. Другой раз небогатому и беда в помощь...

— Не собираюсь за беду прятаться и на ней счастье искать! - буркнул в ответ Калой и замолчал.

Из аула навстречу бежал, запыхавшись, Орци. Он поймал стремя Калоя и зашагал рядом, едва переводя дыхание.

— Ну, что здесь случилось? - спросил Калой брата, видя его сверкающие в сумерках глаза.

— Панта родила мальчика! - воскликнул наконец радостный Орци.

— Вот это новость! - Калой, сразу же забыв неприятный разговор с Иналуком, прямо с коня так обнял друга, что тот застонал.

— Да ты что, хочешь, чтобы в моем доме больше одного мужчины не оставалось! - закричал он, расправляя сдавленную грудь. И, сняв с пояса кинжал, протянул его Орци: - За добрую весть!

Кажется, первый раз в душу Калоя прокралась маленькая змейка зависти к Иналуку. Сын...

3

С каждым днем весна набирала силу. Прошли первые дожди. Все темнее становилась листва в лесах. Все ярче блестели травы. Солнце близилось к заветной вершине горы Чубатого дерева. С незапамятных времен Эги-аул начинал пахать в тот день, когда впервые весенние лучи достигали этой вершины.

Теперь каждое утро Эльмурза становился лицом к восходу и следил за лучами. Наконец наступил долгожданный день, когда он объявил:

— Завтра будем встречать солнце на горе!

На рассвете следующего дня жрец Эльмурза и все, кто мог, поднялись на вершину горы Чубатого дерева. Было холодно. Дул сильный ветер. Но всех волновало одно - придет ли солнце на вершину сегодня или жрец Эльмурза ошибся?

Он стоял впереди всех и неотрывно смотрел на ясное очертание хребта на утреннем небе. И все смотрели туда. Вот в том месте, где должно было показаться солнце, над кромкой гор далеко вправо и влево обозначилась темно-синяя полоска. Она становилась все ярче, все сильнее. Вот она стала сиреновой - и вдруг из-за вершины Цей-Лома показался тоненький край расплавленного солнца. Лучи его отразились в глазах людей...

- Ма-алха! Ма-алха[8] - крикнула Дали высоким, радостным голосом.

- Ма-алха! Гелой! Гелой! - закричала толпа. Мужчины обнажили головы. Жрец повернулся к людям.

- Очи-ой! Очи-ой! - произнес он. Ему ответили:

- Очи-ой!

А Дали запела:

Ма! Алха-ма!

Только ты, недоступное, вечное,

Согреваешь и землю и души людей!

Ниспошли благодать нам свою бесконечную!

Нас, рабов божества твоего, пожалей!..

Зачарованный народ слушал...

Поднималось солнце, все ниже бежали по горе его лучи, все быстрее убегала тень, все выше и выше, словно радостный жаворонок, лилась ввысь песня, в которой люди просили пощады и блага у богов всеильной природы.

Калой стоял позади всех. Он поверх толпы видел Дали. Вместе со всеми он с трепетом слушал ее пение и таинственные заклинания жреца. А когда поймал себя на том, что мысли о Дали уводят его от молитвы, он разозлился и на себя и на Иналука, который обратил его внимание на эту девушку.

«Она, Малхааза, самая чистая, совсем ребенок, молится за весь народ, а я?.. Видно, человек тоже может быть псом, - думал он о себе, - только не хватает такому человеку хвоста!...»

На этот раз моление было коротким. Эльмурза произнес всего несколько просьб и пообещал солнцу и всем богам обильное жертвоприношение осенью, если они пошлют урожай. Потому что они же сами знают, что у народа сейчас нет ничего!.. Был зарезан баран с рогами, повязанными белой материей. Молодежь немного поплясала. Эльмурза объявил, что завтра можно начинать пахать, и люди вернулись домой.

К полудню мальчишки обежали дворы, созывая народ на площадь аула.

Все думали, что приехал старшина, чтобы снова объявить о каком-нибудь поборе.

Но старшины не было. И никто не знал, по какому делу сход и кто будет говорить.

Когда пришли все мужчины, и женщины от тех дворов, где не стало мужчин, на камень встал Калой и сказал:

- Люди, мы собрались, чтоб поговорить о пахоте. На нас в прошлом году свалилось такое несчастье, какого одногодки Зуккура не помнят. Завтра - пахать. Но у многих нет

ни быков, ни коней... Что же будет с народом? Кто старше - пусть скажет, посоветует.

Он сошел. Площадь зашумела, люди переговаривались. На камень взобрался старик по имени Зем. Лицо у него было красное, с белыми пятнами, глаза без ресниц, рот маленький, словно сдавленный с боков. Знали его в селе как скрягу-сутяжника.

- Кто тебя просил созывать людей? - обратился он к Калою. - Сам говоришь, что еще ничего на свете не видел, а скликаешь народ, как старшина! Ишь какой!

- Ты его не кори, а ответь человеку, если можешь! — крикнула одна из женщин.

- А чего отвечать! Дело простое! У кого есть пара - пашет сам. У кого одна скотина - ищет супругу, у кого вовсе нет - нанимает с половины урожая! Вот и все. Дело простое! А то - сход!..

И снова загудела толпа. Зем с самодовольным видом спустился.

- Я прошу народ простить меня за глупость! - сказал Калой, встав на камень. — За то, что по своей молодости потревожил вас, — в голосе его слышались злость и насмешка. — Но все помнят, когда зимой глупая молодежь пригнала табун Чаборза, как Зем торопился получить свою долю, которая спасла ему одного из двух его бычков, и на них он завтра начнет пахать! По глупости своей мы с Иналуком имеем по быку. У него лучше, у меня хуже, но и мы завтра можем начать пахоту! И управимся! Управимся раньше Зема! И раньше, чем он сумеет поработать у тех, которые должны будут нанимать его быков под урожай!

- Ну и нанимайтесь! - весело воскликнул Зем. - Всем хватит! Полаула без скота!

- Но не будет этого, Зем! - закричал Калой. - Вот для чего созвали народ!

Аул притих. Калоя после этой зимы стали не только больше уважать, но и побаиваться. Друзья его по набегам тайно рассказывали своим, какой он бесстрашный в деле. Но разве такое могло остаться тайной! А род Эги после смерти Зуккура, не сговариваясь, стал почитать в нем своего главу, хотя он был одним из младших. С этим должны были считаться мелкие фамилии. Да и разговор его с Чаборзом был у всех на памяти.

- А мы, по своей глупости, думаем так, - продолжал Калой. - Не будем наживаться на бедности сирот, на седирах вдов! Это наши люди. Вот они, кто им поможет? Мы думаем, Зем, что я дам своего быка, Иналук - своего, ты - свою пару и так все остальные, у кого есть скот и ярмо. У кого нет - коров дадут на несколько дней... И, по жребию, начнем пахать все наши земли сообща. Мы пережили тяжелый голод. Делились, кто чем мог... Люди знают... А если б не делились, у многих было бы больше могил. А кой у кого загоны трещали бы от скота.. Вот так, Зем! Давайте не ссориться, не разбегаться, а вместе!

- Правильно!

- Спасибо тебе, Калой!

- Вместе! - гудела толпа.

Старики стояли кучкой, переговаривались. Один из них тоже взошел на камень, поднял руку. Народ прислушался.

- Помогали, когда у кого-нибудь одного не хватало скота или рабочих рук. А чтоб полсела на другую половину работало - такого не бывало!

- Но и голод не каждый день!

- И падеж! - кричала толпа.

- Да подождите вы горло драть! - закричал старик. - Я же не сказал еще!.. Но нам думается: Калой прав. Не о себе он печется. Для себя - каждый знает! А вот для всех - не каждый! Давайте так: кто согласен с ним, пусть отойдет вправо, кто нет - влево!

С криками, с тревогой, со смехом, толкая друг друга, люди шарахнулись вправо. В левой стороне остался один только Зем. Увидев это, он взмахнул локтями, словно вспугнутая курица, и под общий смех тоже перебежал вправо.

- А чего лопааетесь! - закричал он на толпу. - Я просто не понял: кому куда переходить! Что мне бычков жалко, что ли?!

Тут же было подсчитано все тягло, потом тянули жребий, и к вечеру каждый знал, когда и за кем ему выходить на работу.

Калой вернулся домой, уставший от этих подсчетов больше, чем от любой другой работы.

Поужинали. Пораньше легли. Заметив, как Орци любовно снимал свой кинжал, Калой улыбнулся. Он уважал в нем будущего мужчину. И Орци больше всего за это любил Калоя.

Не спалось. Вспомнил свою встречу с Чаборзом. «Хорошо, что тогда не подумал о том, чей он муж... Не смог бы сдержаться! А ведь хочешь не хочешь - это старшина... Его осилить нельзя. Его обхитрить надо, а здесь - злость не советчик...» Потом его мысли вернулись к делам, что были сегодня. Как много людей встречало его и провожало, как родного. И теплела душа. И казалось ему, что он уходил куда-то и теперь снова возвращается к людям. Горе и радость всех были больше, чем радость и горе свое.

В очаге потрескивали дрова, мигал свет. Незаметно подкралась дрема, закрыла глаза. А засыпая, он слышал голос далекой Малхаазы...

Утро нахмурилось, попугало людей. А потом туманы взошли на вершины, растаяли в легком небе и на пашни спустился ясный, нежаркий день. Казалось, он знал, что люди не в прежней силе. Они хоть и стараются держать соху, ровнять борозды, но им нелегко. Они часто останавливаются. Пот струйкой бежит у пахарей по спине, у животных чернеют бока. И день щадит их, не мешает работать. Как много будет еще этой работы, прежде чем в башнях запахнет свежим хлебом!

До позднего вечера слышались возгласы мальчишек-погонщиков. Они шли впереди упряжек, ухватившись за поводки, и тянули животных за собой. С быками было проще. Те умели ходить. А вот с коровами получалось не так. Их одному приходилось вести,

другому погонять.

То и дело слышалось: «Харш! Харш!»[9], - словно бедная пара коров могла понять, что одну из них просят идти в борозде. Трудно было всем.

Но наступил день, когда на последнем поле лег последний перевернутый пласт земли и пахарь, положив на бок соху, смахнул со лба пот.

Калой был рад больше других, потому что, узнав о том, что Эги-аул пашет общими силами, их примеру последовали и другие аулы. А эги-аульцы вспахали земли даже соседям с ближайших хуторов. И Зайдат была одной из тех, кому помог Калой.

4

Лето выдалось хорошее, с небольшими дождями и жарким солнцем. Природа, словно устыдившись прошлогодней жестокости, заглаживала свою вину.

Ячмень, овес, а за ними и кукуруза созревали дружно. Урожай обещал быть отличным. Не сам-два, как всегда, а сам-три и четыре. На щедрых травах подрастал молодняк овец, телята. Правда, нужен был еще один год, чтобы хозяйству горцев выравняться, но голод им уже не угрожал.

Перед самой уборкой и покосами всегда справлялись праздники в честь божьеликой Тушоли и Мятт-села. Но в этом году жрецы перенесли торжества на более позднее время, чтобы у народа было чем воздать должное богам за ниспосланную им благодать.

И вот, когда со всеми работами было покончено, когда обмолоченное зерно ссыпали в амбары, а побуревшие луга покрылись бесчисленными копнами, Эльмурза объявил праздник на первое воскресенье в сей ахя бут[10].

К нему с радостью стали готовиться все. Женщины пекли божиль-ги[11]. Жалея хлеб, из ягод гнали напитки. Мужчины готовились в складчину купить белого быка. Девушки обновляли наряды.

В последнюю пятницу жрец Эльмурза поднялся к элгацу бога Елты, чтобы обновить цув[12]. Был обычай после народного бедствия делать новое древко.

Чтобы лишний раз посмотреть на святой предмет, с Эльмурзой поднялись ребятишки, свободные от дела женщины, старики.

Эльмурза вынес цув. Люди с трепетом смотрели на этот божественный флаг. Лоскут белой материи висел на высокой палке с наконечником и бубенчиками. Эльмурза снял с цув все украшения и порубил кинжалом палку, на гранях которой были зарубки, сделанные еще его дедом и отцом, такими же, как и он, жрецами, отмечавшими насечкой каждый год своего служения. Из палок он сложил костер и поджег его. Люди отвернулись от костра и, пока он горел, шепотом повторяли: «Очи-ой...» Потом Эльмурза послал Орци в лес, чтобы тот вырубил новое древко. По пути туда и обратно Орци не должен был произнести ни слова.

Орци охотно побежал. Но когда, срубив шест, он шел обратно, люди стали давиться от смеха.

Орци приближался к жрецу, высунув язык.

- Дразниться! В такой час! - разозлился старик и, выхватив у Орци шест, замахнулся.

Но Орци отскочил в сторону.

— Что ты, Эльмурза, — смутился он, — это же я просто прикусил язык, чтоб не разговаривать.

Эльмурза посмотрел на него - поверил.

Когда новый цув был готов, Эльмурза сказал людям, чтобы завтра к полудню сюда собрались все девушки и парни, желающие принять участие в торжественном шествии.

В этот вечер праздничное оживление охватило все ближайшие аулы и хутора. После стольких мук и страданий, что выпали на долю людей за этот год, после тяжелого труда и волнений за новый урожай всем хотелось повеселиться, отдохнуть, забыть невзгоды.

Больше всех суетились девушки. Каждой из них хотелось завтра показать себя.

К середине следующего дня под деревьями священной рощи вокруг элгаца Елты не было места от множества людей. Девушки собирались на окраинах своих аулов и группами шли сюда с песней солнцу — «Ге-лой». Пожилые мужчины и женщины грузили на осликов корзины еды, бурдюки, войлоки и шали для ночевки и, прихватив детей, отправлялись на гору, подгоняя жертвенных козлят. В аулах оставались только самые старые да малые.

Иналук привел белого быка, купленного эгиаульцами. Эльмурза повязал рога его белой лентой, вынес свой новый цув и, встряхнув бубенчиками, призвал людей к тишине.

Он велел Дали начать шествие и пошел вслед за ней, держась за длинный рукав ее черкески. За ними Иналук повел жертвенного быка. Следом тронулись девушки. Они подавали парням рукав или полу черкески и уводили их за Малхаазой и жрецом. Никто не знал, откуда такой обычай. В этот день девушка выбирала себе юношу и вела его за собой. Но благодаря этому обычаю праздник жил до сих пор, и люди молились старым богам. От восхождения к Мятт-села не отказывались даже ярые мусульмане, религия которых не допускала такого вольного общения между женщиной и мужчиной.

Малхааза была уже высоко, а внизу на тропу вступали все новые и новые пары.

На всех девушках были курхарсы. У многих на груди красовались золоченые фета[13], звенели родовые ожерелья из монет.

Дали оглянулась. По извилистой тропе девушки вели своих спутников. Где-то внизу она увидела Калоя: он шел за стройной девушкой из Гойтемир-Юрта. На ней был ярко-красный курхарс и светло-розовая черкеска. У Дали болезненно сжалось сердце. Неужели этой бледнолицей красавице с черными бровями она должна будет передать шарф Зо-ру? Ведь раз Калой сейчас достался ей, она сегодня и завтра днем и ночью, до самого возвращения домой, может оставаться с ним и не отпускать от себя. И как часто пары с этой узкой тропы потом вместе уходят в жизнь. Ведь выбор, сделанный на этом

празднике, считался счастливым.

Малхааза постаралась отогнать от себя эти мысли и запела хвалу богине Тушоли. Песню эту подхватили другие, она ручейком разлилась по горе.

Дали знала, что на нее смотрят все, и больше не оглядывалась. Вся в белом, невеста солнца вела за собой жреца, одетого в белую шапку и белый бешмет, а за ним шел белый бык с белоснежной лентой на рогах. И этот белый цвет внушал людям уважение, укреплял веру в чистоту и святость предстоящего моления.

К вечеру процессия дошла до первых пещер, где обычно ночевали и откуда на заре поднимались на вершину горы и начинали моление.

Народ, который добрался сюда более коротким путем, шумно приветствовал появление первых молодых пар.

Горели костры. Женщины готовили ужин, устраивались на ночлег.

Жрец удалился в пещеру, поставил в угол цув и вышел к народу.

- Люди! - обратился к ним Эльмурза. Рядом с ним стояла Дали.

- Мы должны послать на ночь в Пещеру чудес самую чистую девушку и самого чистого юношу, чтоб они принесли нам оттуда свои сны, которые скажут, что ждет нас в новом году. Я думаю, что нет у нас плохих девушек и парней... Но так как нужны только двое, я хочу, чтобы туда пошла Малхааза...

Он сбоку взглянул на Дали. Она стояла белая, как лик луны, опустив глаза в ожидании другого имени, которое он назовет.

- И сын Турса — Калой. Дали не выдала себя.

Толпа одобрительно зашумела.

- Где он? Пора идти! Путь неблизкий! - раздавались голоса. Калой не ожидал этого. Он вышел вкруг стоявших перед жрецом людей.

- Я готов исполнить все, что ты велишь, - сказал он Эльмурзе.

- С этого момента и до тех пор, пока вы не вернетесь сюда, ты отвечаешь перед богами, перед народом и своей совестью за эту девушку. Вы удалитесь в пещеру могущественного бога Ткамыш-ерды, который для хороших - меньше маленького, для плохих - больше большого, и переночуете в ней. То, что привидится вам в эту ночь, вы расскажете мне и это поможет нам узнать судьбу народа. Поняли?

- Да, - ответила Дали.

- Да, - ответил Калой.

- Веди ее - в ночь... В утро - она приведет тебя! - торжественно заключил Эльмурза.

Калой молча повернулся и пошел, ни на кого не глядя. Люди расступились перед ним, как перед божеством. Мужчины старались коснуться его одежды. Женщины дотрагивались до платья Дали, чтобы их незримые следы она унесла с собой в эту таинственную ночь.

Какая-то женщина протянула Дали теплую шаль. Та взяла ее и продолжала идти за Калоем.

Так и скрылись они от взора людей за дальней скалой. Тропа уводила их от пещер под отвесными скалами Цей-Лома до Пещеры чудес.

Слева над ними стояла каменная стена. Справа крутые склоны уступами уходили к реке, которая ниткой бежала на дне ущелья.

Темнело. Они шли. Впереди стоял дремучий лес.

А у пещер, оставленных ими, в свете костров до глубокой ночи плясала молодежь. Далеко вокруг разносились звуки гармоней. Старики вспоминали былое, слушали Эльмурзу.

- Эльмурза! - говорил один из них, устроившись полулежа у костра. - Вот мы молим и просим всех богов и жертвами ублажаем их, а они нет-нет, да и нашьют на нас голод или мор. Почему это?

Эльмурза задумался и ответил:

- Я не святой. Это известно только самим богам. А если хочешь знать, что я думаю, скажу. Не верим мы по-настоящему. Делаем недозволенное. За это и гнев их. Они терпят наше безумство, а потом возьмут, да и покажут, кто мы и кто они... Вот тогда только мы и начинаем уважать их, ублажать их... Значит, верим не за совесть, а за страх... Я считаю, что и бог-Аллах велик. Но земля наша, горы, вода, воздух имеют своих богов, и мы не должны о них забывать. Что было бы без солнца? Да ниспошлет оно нам свое благо!..

Никто не ответил ему.

- То-то...

Постепенно все затихло. Костры догорали. Людей одолевал сон.

Яркие звезды одна за другой выходили из-за горы и заглядывали в ущелье.

А Калой и Дали шли. Они не разговаривали. Очень необычно было находиться вдвоем, наедине.

- Не быстро ли я иду? - спросил Калой.

- Нет, - тихо ответила Дали.

На пути стал попадаться кустарник, а немного погодя, начался лес. Тропы не было видно, но Калой шел уверенно, не сбавляя шага.

- А мы не заблудимся? Мне кажется, мы идем без дороги... - забеспокоилась Дали.

- Вот сейчас я сойду с тропы, и ты узнаешь... - ответил Калой. Дали шла за ним.

- Ну что?

- Узнала, - ответила Дали. - Тропа жестче. А здесь ноги вязнут в хвое.

- Верно, - сказал Калой и вернулся на тропу.

И опять они шли молча. В стороне загорались холодные огоньки светлячков. Лес казался волшебным. Веяло прохладой. Усталость от подъема проходила. Тропинка бежала вдоль горы. Дали чувствовала себя совсем легко. Впереди был Калой, и в душу проникла тайная радость. Никто не видел, что легкая улыбка безотчетно светится на ее лице. «Как хорошо сказал Эльмурза, — думала она. — Калой отвечает за меня до нашего возвращения... Я его — до рассвета...»

И в первый раз свое влечение к нему, возникшее в далеком детстве, когда она была еще девчонкой, а он уже посвящался в мужчину, она осознала как любовь, от которой некуда деваться. Впервые с тех пор, как Зору передала ей шарф, она призналась себе, что отказывала всем, кто хотел на ней жениться, потому, что втайне надеялась быть замеченной им. И только, если б ей пришлось отдать его подарок другой, она бы рассталась со своей надеждой.

Чем больше она думала об этом, тем страшнее становилось ей оттого, что он молчит.

Он не замечает ее. Иначе разве не воспользовался бы парень такой ночью, чтобы сказать ей хоть несколько слов!

Неожиданно Калой остановился. Он стоял и, как казалось, прислушивался. Прислушалась и она. Было тихо. На макушки сосен налетел короткий ветер, повздыхал в ветвях, и снова замерло все. Вдруг Дали увидела в чаще две ярко-зеленые точки. От неожиданности она ахнула.

— Что? - шепотом спросил Калой, мгновенно обернувшись.

Дали рукой показала ему в сторону. Светящиеся точки исчезли и тотчас снова появились. Из чащи кто-то смотрел. Калой вытянул вперед руку. Сверкнув, раздался выстрел. Ночь мгновенно сгустилась вокруг них. Светящиеся точки исчезли. А немного погодя, откуда-то снизу раздался вой.

— Где ты? — спросил Калой, оглянувшись и не увидев Дали.

- Здесь... - едва уловил он ее шепот у своих ног. Она сидела, укрывшись с головой шалью.

— Вставай! - весело воскликнул он и громко рассмеялся. Она поднялась.

— А что это было?

- Кто его знает! - ответил Калой. - Может, лиса, волк или кошка... А может быть, рысь или барс. Тут всего хватает. Да ты не бойся! Не хотелось время терять, но, видно, придется.

С этими словами он достал из-за пазухи огниво, высек искру, раздул трут, и вскоре в лесу запылал костер, а вокруг него мрак еще больше сгустился, обступил непроглядной стеной.

- Поддерживай огонь, а я поищу смолистый корень! - сказал он. Но когда Калой двинулся в сторону, Дали, как ручная овца, пошла за ним.

Он оглянулся.

— Ты что?

- Боюсь... — тихо ответила она.

Калой снова рассмеялся. Ни слова не говоря, он взял ее за талию, поднял, посадил на ветвь ближайшей сосны.

- Держись!

Он срубил кинжалом несколько веток, бросил их в огонь и исчез в темноте.

Иглы сосен трещали, разлетаясь в разные стороны голубыми искрами.

Дали судорожно ухватилась за дерево. Но высота прогнала страх. Раздались удары его кинжала, а вскоре появился и он с длинными корнями сосны. Бросив их к костру, он так же просто, как и посадил, снял Дали с дерева.

— Бага нашлись гораздо скорее, чем я думал, - сказал он. - Теперь мы при свете быстро пойдем!

Он сунул корни в огонь и, когда они разгорелись, источая приятный запах и черные струи дыма, подал один из них Дали и затоптал костер. Не прошли они и десятка шагов, как Дали остановилась.

— Ты прости, - сказала она, - но я не могу идти...

— Что случилось? — он с тревогой оглядел ее.

Нежный овал бледного лица, ровные тонкие брови, чуть изогнутые к концам, и большие карие глаза... Они смотрели на него виновато и робко. Забыв о приличии, забыв обо всем на свете, он стоял перед ней с факелом в руках и рассматривал ее так, словно перед ним была какая-то диловинка. Шаль свалилась ей на плечи. Курхарс она давно сняла и несла в руках, чтобы его не сбивали ветки. Темно-каштановые волосы, гладко причесанные на пробор, обрамляли ее лицо и, прикрывая уши, падали вниз тяжелой косой. На нежных мочках блестели полумесяцы серег.

Увидев, как он жадно рассматривает ее, она отвернулась.

Он с трудом отвел глаза в сторону и глухо переспросил:

— Что случилось?

Женское чутье подсказало ей, что он только сейчас увидел ее. Увидел так, как никогда. Она даже забыла, почему остановилась.

— Пойдем... — словно издали донесся его голос. Она овладела собой.

— Мне все время кажется, что кто-то хочет схватить меня сзади...

— Так иди вперед! - ответил он, пропуская ее.

Они пошли. Она шла уверенно, освещая себе дорогу. Но в нем исчезла уверенность в себе. Он понял, что для того, чтобы выполнить поручение Эльмурзы, ему надо сберечь ее не от зверей или нечистой силы, а от самого себя...

Ее стройная спина, покатые плечи, тонкая, гибкая талия, по которой мерно, из стороны в сторону двигалась тугая коса, кружили голову. Звериное желание овладевало им. До нее стоило только протянуть руку. И рука, державшая корень, стала вытягиваться, пальцы готовы были уже выбросить факел... Но в этот миг, когда в голове почти угас разум, кто-то внутри строго сказал Калой: «Позор!..» И он, выхватив подкинжальный нож, рассек им ладонь. Боль вернула угасавшую ясность ума. Он зажал пораненную руку и продолжал свой путь. А Дали, покачиваясь, спокойно шла впереди, даже не подозревая, какую силу ада он победил за ее плечами.

Немного погодя, он, вспомнив ее слова, спросил:

- А теперь тебе не кажется, что тебя кто-то хочет схватить сзади? И она, не задумываясь ответила:

- Теперь нет...

Лес кончился. Тропа снова пошла под каменной грядой. Только с правой стороны у них все чаще пологие склоны сменялись обрывами, глубины которых скрывала чернота ночи. Калой остановился и осветил камень. Дали оглянулась. На камне был железный крест.

- Правильно идем, - сказал Калой. - Скоро начнутся ступени.

И действительно, через некоторое время тропа сузилась и пошла вверх почти по гладкому камню.

- Здесь сорвешься - зацепиться не за что... Надо идти вместе.

Он протянул ей руку. Она послушно приняла ее. Калой крепко сжал небольшую ладонь девушки, и они начали осторожно подниматься вверх.

Налетали порывы холодного ветра, но Калой поворачивался, не давал погасить факел.

Наконец они достигли места, где еще в незапамятные времена кем-то в стену были

вделаны медные кольца. Только с их помощью можно было здесь подняться на каменную гряду. Калой легко преодолел препятствия, а Дали с его помощью почти не почувствовала, как очутилась рядом с ним на карнизе. Вскоре они добрались до площадки, в конце которой чернел вход в таинственную Пещеру чудес.

Зная, что такие места иногда служат убежищем для зверей, Калой свистнул, а потом с револьвером в руках осмотрел все ходы пещеры. Но кроме испугнутых светом птиц, в ней не оказалось никого.

У стен стояли цув, сложенная в кучу деревянная посуда, на поперечных палках висели туры и бычьи рога. Все как во всех иных храмах. В центре пещеру подпирала толстая палка из турсового кустарника, которая должна была своей святостью поддерживать от обвала каменный свод.

- А как же здесь спать? - шепотом спросила Дали, оглядываясь. В пещеру врывался холодный ветер.

- Сейчас узнаем, — сказал Калой и вышел. Вернулся с большой охапкой сена. Дали обрадовалась. Калой бросил сено в угол, разровнял его. Потом принес вторую охапку и предложил Дали устраиваться. Она стояла в нерешительности. Тогда он взял у нее шаль и расстелил на сене.

- Ложись, - сказал он так, что она уже не посмела ослушаться и легла, сжавшись в комок.

Когда Калой скинул с себя черкеску, Дали хотела вскочить. Но внезапный страх перед мужчиной, о котором еще совсем недавно она только мечтала и с которым где-то под облаками осталась теперь наедине, сковал ее холодным ужасом. «Если он задумал плохое, мне уже ничто не поможет...» - мгновенно пронеслось в ее голове.

А Калой укрыл Дали черкеской, положил сверху вторую охапку сена и, опустившись у стены на камень, потушил огонь.

- Сейчас согреешься, - спокойно сказал он.

Страх Дали исчез. Если б теперь он даже лег с ней рядом, она не побоялась бы его. Настороженность сменилась полной уверенностью в его чистоте. Ей стало жаль его.

- А что ты для себя не принес сена? - спросила она.

- Если я согреюсь и усну, меня никто не разбудит! - усмехнулся он. - Просплю все молитвы! Да к тому же мы с тобой здесь не в башне. Одному нужно быть начеку. Ты спи. Может быть, тебе приснится и мой сон, - он тихо засмеялся. - Спи.

В пещере наступила тишина. Калой вытянул ноги, подложил под спину папаху, потому что стена пещеры была холодна, как лед.

Шла ночь. Казалось, время остановилось. А сна не было. Он видел, как в пещеру влетела и, бесшумно покружив, вылетела огромная птица. Где-то на горе, через ущелье, были волки. Попискивали летучие мыши... Ночь жила своей жизнью, и было в ней все как всегда. Только не было сна для Калоя и Дали.

Он слышал: она не спит. «О чем мечтает? Что она думает обо мне? Как это Иналук увидел ее, а я не заметил?!» Калой попытался сравнить свои чувства к Зору с тем, что он испытывал сейчас к Дали. Но это не удавалось. Чувство к Зору было первое и далекое. К нему примешивалась глубокая обида. А здесь рождалась новая любовь, и он не знал о ней еще ничего...

Он знал всех парней, которые хотели взять ее в жены. И если прежде он не задумывался над тем, почему она отказывала им, то сейчас ему непременно захотелось узнать это от нее самой.

- Спишь? - тихо спросил он.

- Нет, — шепотом ответила она.

- Я хочу спросить тебя...

- О чем?

- Почему ты отказываешь женихам?..

Дали долго молчала. Видно, этого вопроса она не ждала.

- Я дала зарок, - также шепотом ответила она.

- Кому? Зачем?

- Тебе будет тяжело, — пересилив себя, сказала она.

- Мне? Почему? - Калой насторожился. - Расскажи...

- Хорошо, - согласилась Дали. - Когда выходила Зору, ты попросил передать ей сверток. Я сделала это. Там оказался шарф. Зору чуть не умерла от горя... Она дала мне понять, что было между вами... Она заклинала меня не изменять любви... И я обещала... Она отдала мне твой подарок, сказала, что не может взять его. Велела передать той, которая будет достойнее ее. Будет твоей невестой...

Калой не сразу смог продолжать разговор. Рассказ Дали всколыхнул прошлое... Она почувствовала это, и ей захотелось смягчить его боль.

- Если вечно помнить о прошедшем дне, - сказала она, - то, видно, новый не наступит никогда...

- Прошлое оставляет след, - сказал Калой. - Так созданы люди. - И, помолчав, с грустью добавил: - «Жаворонок, упав с неба, может снова взлететь. Но любовь, которая выпала из сердца, никогда в него не вернется...» Значит, ты не можешь изменить своей любви?..

- Да, - сказала Дали.

- Значит, есть человек?

-Да.

Калой надолго умолк, а потом снова спросил:

- В чем же помеха? Неужели тоже в богатстве?

- Нет, - ответила Дали. - Не для всех оно - главное...

- А что же?

Теперь долго молчала Дали.

- Но, если он не видит... если смотрит только назад... Калой встал. Отошел к выходу. Вернулся. Сел.

- Спи! - сказал он через некоторое время. - Я, кажется, уже вижу сон Пещеры чудес...

Время шло, ничто не нарушало тишины. Будто уснула и сама ночь. Калой уловил ровное дыхание девушки. Что снилось ей?

Если б в пещере не было темно, он, наверно, увидел бы на ее лице улыбку.

Перед рассветом коротко вздремнул и Калой. В пещере едва заметно посветлело. И как ни жаль ему было будить певицу солнцу, он должен был сделать это, чтобы на священной горе народ в последний раз услышал ее хвалу небесному светилу.

- Просыпайся! — сказал он.

А Дали, забыв, где она и кто ее будит, потянувшись, забросила за голову руки и, вздохнув, заснула опять.

- Дали, пора возвращаться! — сказал он немного громче и осторожно коснулся ее руки.

Она вздрогнула, вскочила и, накинув на плечи шаль, отдала ему черкеску.

- Одень на себя. Холодно, — сказал он. И они вышли из пещеры.

Только небо, чуть побледневшее с одной стороны, говорило о том, что близится рассвет.

- Видела сон? - спросил он ее перед тем, как начать спускаться.

- Ага...

- Плохой или хороший?

- Это растолкует Эльмурза, - ответила Дали. - Приятный сон... Не хотелось просыпаться... А ты что видел?

- Тебя, - сказал Калой и подал ей руку. - Пошли. «Какая теплая у него рука!»

Путь обратно был легче и короче. Когда подходили к лесу, стало светать. Взглянув на себя, Дали сняла его черкеску.

- Зачем снимаешь?

- Не могу же я быть, как пугало! И мне даже жарко! - сказала она, приложив руку к щеке.

- Иди вперед! - предложил Калой. - Так полагается. Никто не должен идти перед Малхаазой.

Он на ходу надел черкеску. Не прошли они и сотни шагов, как Калой испуганно крикнул:

- Медведь!

Дали шарахнулась за дерево. Там, куда показывал Калой, в кустах лежал притаившийся зверь. Калой громко рассмеялся.

- Иди, трусиха! Это же пенек!

Еще в одном месте он показал ей «зайца», потом огромного «орла», который навис над тропой. И все это были причудливые творения природы - пеньки, сучки и деревья, очень напоминавшие птиц и животных. Но Дали уже не боялась. Она только удивлялась, как он замечает все это.

Дали легко бежала по тропинке. Шаль сползла с головы на плечи. Калой шел за ней, не отставая, и любовался ею. Глядя со стороны, можно было подумать, что они играют в догонялки.

При выходе из леса стояли солнечные могильники и старое покинутое поселение.

Дали приостановилась, чтобы надеть курхарс и сложить шаль.

- Как ласточки! Везде ютились наши предки! - с грустью сказала она. - Какое счастье они могли видеть здесь?

- А те, что живут в Назрани, на плоскости, считают нас несчастными... - отозвался Калой. - Конечно, нелегкая здесь была жизнь, да и у нас она нелегкая. Но счастье, наверно, было и тут, как оно бывает у нас... Я бы сегодняшнюю ночь у орлиных гнезд не променял ни на какие блага равнин... И разве прав будет тот, кто через сто лет, проходя мимо моего камня, пожалеет меня за то, что я здесь жил?

Дали молчала.

- Как ты думаешь?..

- Я думаю... - она взглянула на него почти сурово. - Да отдалят боги то время, когда люди смогут увидеть этот камень... - И, повернувшись, Дали пошла.

- Переходи вправо! - сказал Калой. - У пещер сейчас уже никого нет. Нам надо выходить прямо на вершину.

Новая тропинка через некоторое время вывела их на гребень горы. Справа, внизу, алел бескрайний горизонт, а далеко-далеко впереди виднелись древние молельни и около них - народ.

Дали пошла быстрее.

Многие паломники еще с вечера, не останавливаясь у пещер, шли прямо на вершину горы. В большинстве это были бездетные женщины. В сумерках они подходили к Кобыл-кера[14], преклонив колена, показывали ему обнаженную грудь, просили дать им младенца и ложились спать в кругу костров.

Эльмурза поднялся на гору с первыми проблесками света.

Он не знал, успеют ли до восхода вернуться Дали и Калой, и это тревожило его.

Конечно, он проведет моление и без них. Но уж очень хорошо получалось, когда Дали песней встречала солнце.

Посмотрев вниз на тропу, он увидел на ней только запоздалых паломников. Ни Калоя, ни Дали не было. А солнце вот-вот могло засиять над горизонтом. Потеряв надежду, Эльмурза расставил замкнутым треугольником двенадцать мужчин и, заняв место впереди них, стал лицом на восток в ожидании солнца. Обнажив головы, позади них стоял народ.

Если б кто-нибудь в это время оглянулся, он увидел бы, как не снизу, с тропы, а прямо по хребту быстро спускались к поляне Калой и Дали.

Когда они приблизились, Дали замедлила шаг, перевела дыхание. Щеки ее залил румянец. Глаза сияли.

- Дай мне! - сказал Калой, забирая у нее шаль. - Ты должна быть свободна.

Дали взглянула на него с благодарностью, улыбнулась. В этих глазах, в этой улыбке были все ее чувства. И вдруг ему показалось, что народ собрался сюда не из-за солнца, не в честь божьеликой Тушоли, а ради нее, что это ее праздник.

- Ты божьеликая! Ты! - вырвалось у него.

- Да простят нам боги! - в ужасе вскрикнула Дали.

- Они не простили бы мне, если б я не сказал тебе этого!

Дали в замешательстве отвернулась. А в это время из-за тонкой полоски золотых облаков появилось солнце. Люди замерли, обратив к светилу лица. И вдруг в тишине, откуда-то сверху, к ним донесся знакомый голос:

- Ма-а-а!.. Ал-ха-ма-а-а! — пела Дали. Все повернулись к ней.

Только ты, недоступное, вечное,

Согреваешь и землю и души людей!

Ниспошли благодать нам свою бесконечную!

Нас, рабов божества твоего, пожалей!..

Даже Эльмурза повернул голову: «Откуда она?..»

Дали шла к народу.

В белом платье, с сияющим знаком солнца, Дали казалась отрешенной от земли, настоящей невестой солнца. Положив руку на кинжал, за ней шагал Калой.

Одна только встреча с ними уже должна была дать человеку радость.

Эльмурза, довольный тем, что они успели вернуться, служил с большим вдохновением. Поток красноречивого прославления бога солнца и просьб к богине Тушоли был бесконечным. Потом он выпил из чаши пива и вынес к народу цув и деревянное изображение богини.

Вереница людей потянулась к нему. Они несли жертвенные блюда. Четвертую часть клали около храма, в корзины.

Эльмурза касался рукой каждого и приговаривал:

- Кто не родился, пусть родится! А кто родится - пусть живет!

Но к концу церемонии язык у старого Эльмурзы от пива и усталости начал заплетаться, и, к ужасу богомольцев, он уже не раз выкрикивал:

- Кто не родился, пусть родится! А кто родится - пусть умрет! Наконец прошли все, и жрец удалился в храм.

Люди резали жертвенных овец. Иналук зарезал белого быка.

Пока свеживали туши и готовили на кострах еду, молодежь начала танцы. На широкой поляне плясало сразу несколько пар. День был яс-ный, солнечный. Но здесь, на вершине горы, все время стояла ровная прохлада.

Эльмурза позвал в храм Дали рассказать свой сон. После нее вошел Калой.

В храме было светло, горели принесенные людьми свечи. Но стены и сводчатый потолок за многие века так прокоптились, что их чернь не могли осветить никакие огни.

Калой задел рога, которыми были заполнены поперечные шесты. Пара из них сорвалась и угодила на шею Эльмурзе, отдыхавшему прямо на полу.

- Ах, чтобы сгнуло ваше имя! - закричал он, хватаясь за голову и глядя на ладонь. Но

крови не было, и, отделившись шишкой, старик успокоился. Он не догадался, что рога шапкой сбил на него Калой.

- Ну, а что ты видел? Или, может, не спал? - спросил он, подозрительно глядя на юношу снизу.

- Я очень мало спал, - ответил Калой. — И, по правде говоря, никакого сна не видел. Потому что нельзя же считать сном, если я видел только Дали.

Эльмурза рассмеялся.

- Нет, это тоже сон, - сказал он. - А как ты ее видел?

- Стоит она у криницы под памятниками моих родителей и смотрит в воду. Воды полно. Она чистая, бежит, как всегда, через край. Я говорю: «Пей, если хочешь». Она присела и напилась. Встав, говорит: «Хорошая вода», - и вытирает рукавом лицо. Я говорю: «Эту криницу я выстроил в память о родителях...» Она удивленно смотрит на меня, идет к памятникам Турса и Доули, дотрагивается до камней и становится между ними. Вот и все.

Эльмурза задумался.

- Вы как сговорились, - сказал он. - Это хороший сон... Это большой сон! Для народа полная криница - благодать земли! Для тебя... Дали прикоснется к чаше жизни вашего дома... Но уйдет она к твоим родителям раньше тебя...

Калой был потрясен словами Эльмурзы. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу.

- Значит, я должен думать о ней?.. - наконец спросил он.

- Это решение вам подсказывает божьеликая Тушоли и всеильный Ткамыш-ерды. А там поступай как знаешь...

- Эльмурза! - сказал Калой, волнуясь. - Может остаться в тайне то, что будет сказано здесь, в этом убежище от грехов?

- Да. Я готов выслушать тебя. - Эльмурза встал.

- Клянусь вот этой Тушоли, - сказал Калой глядя на деревянное изваяние человека с блестящей зеленой маской на лице, - и чтоб мне не видеть на этом свете солнца, а на том своих родителей, я чист перед этой девушкой!

Эльмурза удивленно вскинул брови.

- Но кто сомневается?

- Сегодня - никто, - ответил Калой. - А завтра, когда я заберу ее добром или силой, найдутся, которые станут грешить на эту ночь, проведенную нами в пещере!.. Мне безразлично, что будут говорить. Но я хотел бы, чтоб ты, старик, доверивший мне ее ради обычая народа, знал: не потому, что она тронута мною, а потому, что я без нее не могу, заберу я ее!.. И не думай, что я чист, как ангел. Мысли мои, тело мое толкали

меня к ней. Но я выпустил взбесившуюся кровь, которая кипела в жилах, и успокоил себя...

Он размотал тряпку и протянул к Эльмурзе ладонь, на которой зияла рана.

- Иш-ша![15] - воскликнул Эльмурза, отворачиваясь. - Завяжи! Ты настоящий человек! И не зря я тебя послал с нею!.. Клянусь, хоть я и стар, но понимаю, какому искушению подвергал тебя! Я освящаю твое намерение! - Он положил руку на плечо Калоя. - Что не родилось - пусть родится! А что родится — пусть живет!

- Спасибо, Эльмурза! Долгих лет тебе!

Калой вышел от жреца возбужденный, окрепший в своем решении. Он тоже был теперь убежден в том, что Дали наречена ему богами.

По всей поляне пировали люди. Они тут же отправлялись друг к другу в гости - семья к семье, село к селу. Ходила по рукам круговая чаша. Раздавались пышные тосты. А у молодежи, которая не пила, звенела лезгинка, гремели выстрелы в честь танцующих, слышались острые шутки.

Праздник продолжался весь день, допоздна. Веселье царило на горе.

Дали держалась в кругу подруг. Калой был с молодыми людьми. Но они ни на миг не выпускали друг друга из виду. Свидание их продолжалось. Несколько раз они вместе танцевали, вызывая восторг у друзей. Иналук расстрелял им под ноги все свои газыри. С каждым часом Калоя все больше тянуло к ней. К вечеру он уже не мог представить себе, как останется без нее. Отозвав в сторону Иналука, он сказал ему:

- Все наделал ты. Ты однажды указал мне на Дали. И теперь я решил жениться...

- Давно пора! - радостно воскликнул Иналук. Он, как человек, уже имеющий жену и детей, успевал повеселиться с молодежью, но не забывал за чаркой посидеть и у старших и теперь был в благодушном настроении. - Через день-другой зашлем к ним сватов!

- Сватов ты будешь засылать к кому-нибудь другому! - возразил Калой совершенно серьезно. - А что касается ее, предупреждаю тебя, а ты братьев: я заберу ее сегодня...

- Как сегодня? Я не пойму! Или кто перебивает? Правда, она всем отказывает, но, может, она тебе не откажет? Зачем же сразу красть?

- А я не собираюсь второй раз испытывать судьбу. Если все кончится миром, добро. А если нет, чтоб не говорили, что я вас не предупредил!

Иналук расхохотался.

- Вот это припекло! А я думал: ты на всю жизнь зарекся! — воскликнул он. - Что ж, ваяй! А если что надо, мы, все как один!..

В сумерках люди начали спускаться в аулы.

При свете костров танцы еще продолжались, когда Калой, обойдя круг, подошел к Дали сзади и громко, так, чтобы слышали и другие, сказал:

- Нас с тобой зовет Эльмурза! Они пошли и скрылись в темноте. Немного погодя Калой остановился.

- Никто не зовет. Это я нарочно, — сказал он. — Надо поговорить. Дали молчала.

- Эльмурза растолковал наши сны. Мы должны быть вместе... Что ты на это скажешь?..

Дали молчала.

- Что же ты молчишь?

- Мне нечего сказать... - тихо ответила она. Пальцы ее нервно перебирали кромку рукава черкески.

- Как тебя понять?

- Мне казалось, что ты ночью понял все...

- Да, я понял. Но я должен убедиться в том, что я не ошибся.

Он подошел к ней и взял ее за руку, и рука эта покорно осталась в его ладони. Это был старинный знак. И этим было сказано все. Теперь она принадлежала ему как невеста, как жена, навсегда.

- Ты сегодня войдешь в мой дом, - сказал он. Дали вздрогнула.

- Зачем так? - спросила она. - Мы обидим родных...

- «Кто летом напуган змеей, тот зимой боится веревки!» — сказал Калой. - Дали, я уже знаю, что такое время и родители... Не хочу ждать. Ты не думай, что я из-за средств. Я научился отнимать у богатых. Если надо, я приведу за тебя целый табун! Дело не в этом... Я не могу без тебя... А теперь - тем более... Мы можем уйти другой тропой... Нас никто не увидит...

- Нет, - сказала Дали, — этого не будет. Меня хватятся мать, дядя. Начнут искать здесь, по всем горам, всем народом... А потом, когда узнают, засмеют... Некрасиво получится... Стыдно...

- Ты хочешь, чтоб я как бы силой забрал тебя?..

- Нет. Я не думаю притворяться... - с гордостью ответила Дали.

- А что же?

Дали волновалась, не могла говорить.

- Хорошо, - наконец сказала она. - Я выйду... Но не отсюда, а из нашей "башни... А отсюда вернусь со всеми.

- Я буду ждать. Я увижу, когда ты выйдешь... - сказал Калой. - Но буду ждать только до того, как начнет светать...

- А тогда что? - насторожилась Дали.

- А тогда я проникну к вам в дом и заберу тебя, хоть весь свет встанет против!

- А я думала... откажешься... — улыбнулась она. — Пойду...

- Дай залог!..

Дали подала колечко.

- Теперь иди! Буду ждать!..

Когда Дали, пробираясь к костру, где сидели ее родственники, скрылась из виду, Калой пошел к храму.

Эльмурза уже переоделся в черкеску и вместе со своим сыном готовил корзины подношений, мясо, треугольные хлебцы к отправке домой. Теперь предстояло пересушить все это, и тогда до весны он мог ни о чем не думать.

Калой подошел к нему и тихо сказал:

- Эльмурза, я прошу тебя завтра утром подойти к Зайдат. И если понадобится, помочь мне словом.

- Мой мальчик! - ответил ему вконец измученный старик. - Ты-то просишь меня просто прийти... А я за тебя готов был бы на коленях ползти куда угодно! Погляди, - он повел рукой в сторону поляны, где еще оставался народ, и перевел ее вниз на гору, по которой извилистой лентой растекались огоньки факелов спускавшихся паломников. - Если сказать правду, не будь прошлую зиму тебя и твоих друзей, ни меня, ни этих огней сейчас уже никто не увидел бы.

- Ну что ты, Эльмурза! Ты перехваливаешь нас! - возразил Калой. Но Эльмурза, задрав голову, замотал кудлатой бородой.

- Ты этого мне не говори! Я сам видел и пережил все! Я знаю все! Все!

Калой собрался уезжать, когда к нему подбежал Орци.

- Можно остаться до утра? Все мальчишки остаются! - попросил он.

- Ну что ж, оставайся, только завтра пораньше домой!

Зайдат с дочерью провожал ее брат Хусейн из соседнего аула. У них он и остался ночевать. Ужинать не стали, все измучились за день и хотели как можно скорее улечься. Дали постелила Хусейну постель. Это был пожилой и очень жизнерадостный мужчина. Он брил бороду и подкрашивал седеющие усы.

- Ну-ка Расскажи, как ты ночевала с этим великаном? - докучал он Дали. - Что он тебе говорил?

Дали только отмахивалась от него.

- Вот бы тебе такого мужа! - продолжал он свое, снимая черкеску. - Такому бы, наверно, не отказала? А? А то все не по ней! Избаловали мы тебя!

- Да что тебе, мамин брат, не о чем больше говорить? - злилась Дали.

- Нет, - не унимался Хусейн, - не те мужчины теперь! Да я бы на месте этого Калоя, хоть бы солнце никогда не взошло, не привел такую обратно!

- Брось ты ее изводить! - вступилась за дочь Зайдат. - Ложись наконец, а то вторую ночь просидим!

Она вышла. Дали стянула с дяди ноговицы. И когда он снова хотел сказать что-то, перебила его:

- Ты все шутишь, мамин брат. А ты вот ответь мне на один серьезный вопрос, над которым я думаю, чтоб я знала, как мне поступить.

- Давай, говори! - согласился дядя.

- Что мне сделать? То, что можно сделать и не сделать, или сделать то, чего не сделать нельзя?

- Какой же это вопрос? - рассмеялся дядя, вытягиваясь под одеялом. - Ну, конечно же, надо сделать то, чего не сделать нельзя! А к чему ты это? О чем? - стал допытываться он.

— О! Это секрет! - засмеялась Дали. - Ты о нем узнаешь только завтра. А я даю тебе слово, что поступлю по-твоему. Пожелав дяде Хусейну доброй ночи, Дали ушла. Когда она вернулась в общую комнату, мать спала на нарах, не раздеваясь. Дали постелила ей постель, помогла раздеться, дала воды, и когда та снова уснула, села рядом с ней и задумалась.

Здесь она родилась, здесь выросла. Здесь ее любили родители, и теперь в этой башне наступила для нее последняя ночь. Ночь, с которой она должна проститься. Здесь останутся все ее девичьи сны...

В стороне от тропы, убегавшей на хутор, где жила Дали, пасся Быстрый. Его хозяина не было видно. Он полулежал на возвышенности, подстелив под себя бурку, и из-за камня наблюдал за башней. Там в окнах еще горел свет. Иногда его заслоняли люди, и тогда она терялась в ночи.

Но вот совсем погасло одно окно. Какое-то время спустя не стало света в другом.

Калой встал, накинул на одно плечо бурку и пошел к хутору. Быстрый продолжал пастись.

У каменного забора Калой остановился, подождал. Скрипнула дверь. Кто-то, одетый в темное, появился на терраске. Заскрипели деревянные ступеньки... Человек направился к калитке. Калой двинулся вдоль забора навстречу... Собаки он не боялся, потому что заранее бросил ей бычий рог, заполненный курдючным салом, и она, стараясь вылизать его, наверно, теперь уткнулась в какой-нибудь угол, позабыв обо всем на свете.

Не заметив Калоя, Дали вышла за калитку, остановилась. Неожиданно на плечо ее легла рука. Она вздрогнула. Калой повел ее вниз, свистнул. Быстрый вырос перед ними словно из-под земли. Вскочив в седло, Калой перегнулся, взял Дали и посадил перед собой. Быстрый устремился вперед.

Когда они уже подъезжали к башне, Калой почувствовал, что тело Дали расслабло, руки обвисли.

- Что с тобой? Что с тобой? - испуганно зашептал он, встряхивая ее. Но она не отвечала. Быстрый повернул во двор. Калой направил его

к лестнице. Не выпуская Дали из рук, он сошел на ступеньку, поднялся к себе и, положив ее на нары, раздул огонь. Смолистые щепки загорелись ярким пламенем. Отшвырнув бурку, Калой подбежал к Дали.

Розовый шарф с серебристыми нитями - свадебный подарок Зору... Бледное, как неживое, лицо...

- Дали! Дали! Что с тобой?

Он стал тормозить ее. Кинулся за водой. Но, когда вернулся, Дали сидела.

- Что с тобой? Да говори же! Почему ты не отвечаешь?

- А что со мной? Я не знаю... - виновато ответила Дали. - Я дрожала... Наверно, замерзла...

Калой закутал ее в свою шубу, напоил чаем. Дали быстро пришла в себя.

Успокоившись, он вышел во двор, расседлал Быстрого, задал ему корму и вернулся в дом.

Дали, как ни в чем не бывало, приводила в порядок комнату.

- Ты что делаешь? - удивился он.

- Живу, - ответила Дали. - Разве не для этого ты привез меня сюда?

- Не для этого! Для себя привез! - сказал Калой и обнял ее. Стон вырвался из груди девушки. Калой испугался, отпустил. Дали улыбнулась.

- Руки... - тихо сказала она.

Калой расхохотался и снова обнял жену... В окно осторожно пробирался рассвет.

- [1] Герд — старинная мера сыпучих тел у ингушей, равная 25 пригоршням.
[2] Малхааза - поющая солнцу (чеч.).
[3] Дым - очаг, двор, дом.
[4] Долина Галгаев - название местности (инг.).
[5] Заячья хворь - припадок.
[6] Гызляр — город Кизляр.
[7] Сахь - сыпучая мера, равная пяти пригоршням.
[8] Малх — по-ингушски солнце. Как говорят старожилы, прежде солнце называли ма, а слово алха означает – только. Этот возглас в древней религии ингушей, обожествлявших солнце, означал — только солнце!
[9] Харш — борозда (инг.)
[10] Сей ахь бут - месяц, когда ревел олень. Приблизительно сентябрь (инг.).
[11] Божильги - треугольные хлебцы культового назначения (инг.).
[12] Цув — хоругвь, священный флаг (инг.).
[13] Фета - нагрудные крючки - украшение. Принадлежность женских черкесок (инг.).
[14] Кобыл-кера - камень, одобряющий просьбу паломника. Каменное изображение фалоса как бога деторождения (инг.).
[15] Иш-ша - восклицание вроде ой-ой-ой (инг.).

Глава шестая. Перед рассветом

1

Устав за день, ни Зайдат, ни Хусейн не просыпались всю ночь. Утром первой встала мать Дали. Надо было подоить корову. Обычно в это время дочь уже готовила, пекла чурек. Но Дали не было видно.

«Куда она запропастилась?» - думала Зайдат, готовя завтрак. Хутор их стоял особняком, и пойти ей было не к кому. Отсутствие дочери начинало волновать ее.

Не тревожа Хусейна, она обошла все сарайчики, башню, с бугра оглядела окрестность. Но дочери не было. Зайдат прибежала домой, кинулась к постели, к ее вещам и поняла: Дали ушла... Но куда? Зачем? С кем-нибудь или одна?

Проснулся Хусейн. Узнав о том, что Дали нет, он вскочил.

- Убежать не могла! Ведь она всем отказывала! Наверно ее похитили! Зайдат побледнела. Неужели перенесенных невзгод мало!

Но, подумав, она возразила Хусейну.

— Похитить могли. Но кто же собрал ее вещи?

- Ну если так, - значит, выбрала какого-нибудь, которого и в дом пустить стыдно! — воскликнул разгневанный Хусейн. — Ух, с каким удовольствием я излупил бы ее! Да так, чтоб люди подумали, что она кизил ела!

Хусейн быстро оделся. Надо было поднимать в погоню сородичей. И в это время у ворот залаяла собака.

Зайдат посмотрела в окно. К башне шли жрец Эльмурза и два старика из Эги-аула.

— Вот тебе и разгадка идет! - воскликнул Хусейн. — Недолго заставили ждать!

Он вышел навстречу старикам, поздоровался с ними и ввел в дом. Зайдат с трудом удержалась, чтобы не кинуться к ним с расспросами. Ведь они уже знали все!

А старики вежливо спрашивали ее и Хусейна о жизни, о здоровье...

Наконец, откашлявшись, Эльмурза сказал:

— Дайте мне хлеб и медь.

Зайдат подала ему свежую лепешку на деревянном блюде и старую медную расческу, которая неизвестно сколько лет жила в этой башне.

Эльмурза дотронулся до них:

- Клянусь этим беркатом[1], что буду говорить правду! Только правду! И все — от сердца!

Он вернул хозяйке расческу и блюдо.

- Не было у меня за всю мою долгую жизнь более приятного поручения, чем то, с которым я пришел сюда!

Зайдат, скрестив руки под платком, стояла с широко открытыми глазами. Губы ее тряслись.

- Ваша дочь, моя помощница, чистейшая из чистых Малхааза, вышла замуж! Вышла за лучшего из лучших юношей этих гор... - Эльмурза помолчал - ...за Калоя!..

Хусейн от изумления, как глухой, наклонился к Эльмурзе и заглянул ему в лицо. А Зайдат, внезапно обессилев, присела на край нар.

- За какого Калоя? - переспросил Хусейн.

- Да что ж, вы не знаете нашего Калоя? - удивленно вскинул руками Эльмурза. - Сына Турса, что ушел в Турцию?

Старики, пришедшие с Эльмурзой, разом и наперебой начали расхваливать Калоя. Дождавшись, когда они умолкнут, Зайдат дрожащим голосом прошептала:

- Эльмурза, и вы, старики, я, видимо, с ума сошла. Зачем вы расхваливаете Калоя? Кто же не знает его?.. Выходит, что она сбежала к нему без его желания? Потому что, если бы он захотел посвататься, я бы или выдала ее, или, если б она воспротивилась, выгнала из дому! Кто б ему отказал?

- Не ты с ума сошла. Я! - закричал Хусейн. - Моя племянница решила сама навязаться кому-то! Позор!

- Нет, это я, старый, одурел! - воскликнул Эльмурза. - Потому что и сказать-то толком уже не умею, что надо! И Калой сошел с ума! И в этом тоже я виноват! И весь народ виноват! Мы сами послали их в Пещеру чудес, и вот свершилось чудо - одно из самых замечательных! Возвратившись из пещеры, Калой поклялся мне, что не может больше жить без Дали! Я поверил и сказал: «Забери ее, и пусть будет у вас счастье! А родных я буду просить...» Вот я и пришел с повинной! Я виноват!..

Зайдат и Хусейн ожидали несчастья, а случилось такое... Даже ради приличия они не могли скрыть свою радость. Зайдат плакала. А к Хусейну тотчас вернулось хорошее настроение, и он рассказал старикам про свой вечерний разговор с Дали, как она спрашивала у него совета, что ей делать. И старики в один голос воскликнули, что Дали умница и вышла замуж с согласия и благословения родного дяди, заменившего ей отца!

Весело позавтракав вместе с Хусейном, пожелав счастья этому дому и жизни молодым, старики ушли.

- Видно, правду говорят в народе! - воскликнул Хусейн. - Кто умеет ждать, тот дождется! Ведь скольким отказывала, а?!

- А как глубоко скрывала тайну сердца! Даже мне не открылась! - вытирая слезы, говорила Зайдат. - Мы свои, и скажу тебе: когда умер ее отец, люди говорили мне обычные слова утешения: «Дай Бог, чтоб пришла к тебе в дом радость, которая убавит твое горе!» А я думала: ну откуда ей взяться? Что за радость может быть теперь у меня и у моей сироты? Кому нужна теперь моя дочь - дочь вдовы, безотцовщина? А вышло вот что!

- Да брось ты так гордиться им! — воскликнул Хусейн, в душе обрадованный не меньше, чем Зайдат. - Да ты знаешь, что за девка у нас была? Да за нее любой парень голым против комаров простоял бы ночь на болоте! - Он засмеялся, но, внезапно оборвав смех, сказал: - Да. После смерти отца Дали жила с побежденным сердцем. Но любовь настоящего мужчины поднимет ее. Сестра, ты оказалась не совсем несчастливой! Калой! Теперь тебе не о чем думать. Все заботы ушли. В один день!

Новость облетела горы. Все знали жениха и невесту. Много добрых улыбок вызвала эта весть. Хорошие люди нашли друг друга, а это не часто случается!

Только в один дом в пасмурный вечер она не принесла радости. В дом Чаборза.

- Разбойник! Вечно ему везет! - воскликнул Чаборз, когда услышал об этом от приезжего родственника. - Все-таки самая лучшая девушка гор досталась ему!

Зору, склонившись над люлькой, кормила в это время второго сына. Она опустила голову и натянула на глаза платок, скрывая слезы горечи и обиды.

Женитьбу Калоя праздновал весь Эги-аул. Это было первое веселье после всех невзгод, выпавших на долю этого дома. Весь день плясала и веселилась молодежь. Вечером затеяли играть в «невесту». Девушки с песнями расходились по горе и прятали одну из своих подружек. А когда они возвращались, молодые люди с зажженными факелами кидались отыскивать ее. Тот, кто находил «невесту», приводил ее во двор и при всех получал от нее поцелуй.

Когда спрятали Матас, Иналук, до этого не принимавший участия в игре, схватил факел и закричал:

- Ребята! Прошел не один год, как на празднике женщин Матас целовала меня, а я до сих пор не могу забыть этого! Дайте, чтоб я не умер, еще хоть раз в жизни насладиться! Не находите ее, ради Бога!

И случайно или по указке ребят именно он отыскал Матас.

Узнав, кто ее нашел, девушка кинулась убежать. Но Иналук настиг ее и привел за руку в круг. Поднялся шум, хохот. Матас отказалась целовать Иналука. И когда тамада игры потребовал у нее объяснения, она сказала:

- Не все ж его целовать! Обманщик! Он давно получил свое! Еще на женском празднике!

Тамада решил, что Матас права. Она действительно не обязана целовать только одного Иналука. Помирились на том, что Матас станцует с ним. И она решила еще раз проучить его. Подмигнув девушкам, она пошла в круг. Иналук лихо устремился за ней. Долго танцевали они. Иналук уже несколько раз переходил на плавный танец, давая Матас понять, что ей пора уходить, но та прикинулась непонимающей и не покидала круга. Долго держался Иналук. Бледный он все еще плясал. Все с интересом следили за их поединком. Но вот тамада заметил, что Иналук изнемог и уже спотыкается, и приказал Матас прекратить издевку. Многозначительно улыбнувшись, она проплыла к девушкам и встала на свое место. А Иналук, злобно взглянув на нее и едва переводя дыхание, протиснулся в задние ряды.

А когда снова заиграла гармонь, от девушек в круг, как ни в чем не бывало, вышла Матас и повела за собой нового танцора. Иналук был наказан при всех.

В башне уже не осталось никого постороннего. И Дали захотелось самой накормить мужа и Виты, который приехал на их торжества. Они сидели в соседней комнате. Виты рассказывал, что пережил в прошлую зиму и почему не приехал на похороны матери.

— Когда я узнал, что здесь у вас голод, - говорил Виты, — решил приехать за матерью и забрать ее в город. Мы вдвоем прожили бы на мой заработок. Да и она могла бы еще наняться носить людям воду или подметать. Я направился к нашему ущелью, но там была стража, и мне сказали: если я войду в горы, то обратно не выпустят. А чем бы я тогда помог ей? Вдвоем мы только скорее съели бы все ее запасы! И я решил по-другому. Я вернулся, продал все, что у меня было, и на все деньги купил десять мерок кукурузы. Это пригоршней сотни четыре! Мы могли бы прожить до весны. Договорился я с казаком, из тех, что из аула Бартабос, чтоб подвез меня с мешком до хутора. А там думал встретить на Ассе кого-нибудь из наших. Ехали. Разговаривали. Курили. Я был рад, что попался мне мирный человек. Как свернули в лес, на Ангушт, я вздремнул... Очнулся — голова раскалывается, гудит... Лежу на земле. Ночь. Тишина... Попробовал встать - ноги, как не мои... Одно успел подумать: «Двоих ты нас убил - меня и мать». И снова «заснул»... Пришел я в себя уже на другой день. Подобрали меня лесорубы с хутора Длинная Долина. И пролежал я у них до самой весны. Говорить не мог. Они даже не знали, чей я и откуда. Учился ходить... Теперь ничего! А был совсем плох. Молотком работать и сейчас не могу. Руки дрожат. Свои же, мастеровые, нашли

мне другое место, на свечном заводе. Там и живу пока. Нас у хозяина четверо. Двое из России, из мужиков. Один осетин и я. Люди они неплохие. Не обижают друг друга. - Виты снял шапку и нагнул голову. - Вот как он меня... — Над ухом, в проломленном черепе была глубокая рана. — Немного неудачно, а то б встретились мы с тобой только на том свете!.. — Виты надел шапку и печально улыбнулся своей широкой улыбкой.

Калою невыразимо тяжело было слушать его историю. Ведь их вскормила грудью одна женщина, и они были молочными братьями.

— Фоди умерла, — сказал он, - но хоть тебе от этого не легче, все же ты должен знать: погибла она не от голода. У нее было все, что было у нас с Орци. Одному человеку много ли надо! Она умерла от переходящей болезни, потому что ухаживала за всеми соседями, когда они уходили умирать в солнечные могильники. Она носила им туда воду и все, что могла достать... Да зачтется ей на том свете! Послушай, — обратился он к Виты, меняя тему разговора, - бросай ты этот город, где всем ты чужой и тебе все чужие! И что ты в нем нашел? Оставайся здесь. Поможем. Сообща будем жить. Женишься...

Виты усмехнулся.

— Нет, Калой, из меня пахарь не выйдет! Отвык я. Люблю инструментом работать. А жениться - нищих плодить? Да и город - это такой аул, что человек к нему накрепко прирастает! Тесно мне здесь. Скучно. Там разных людей увидишь. Есть среди нас рабочие, которые читают, так те рассказывают много интересного. Вечером в саду музыка. Бедных, правда, туда не пускают, там богатые да офицеры с женами своими прогуливаются. Но музыка и до нас доходит... И хоть не легкая у нас жизнь, но тут и вовсе гибель. Раз в год заезжего человека увидите, а то все одни и те же лица, одни разговоры.

— Ну как знаешь, - сказал Калой. - А я здесь как рыба в воде! Скучать работа не дает. На горы гляну - глаза отдыхает. И отец завещал: живи и добивайся счастья на своей земле! А уж он, наверно, хлебнул от чужих мест! Даже умирая, завещал, чтобы я не уходил отсюда! Я — Эги. И род свой буду держать здесь. Чтоб гнездо моих предков не поросло бурьяном!

— Может, ты прав, - согласился Виты. - Но кто к чему привык!.. Дали подала шу с горячим мясом и поставила перед друзьями-братьями.

2

Прошла свадьба Калоя и примирение его с родственниками Дали. Печальный Виты, побывав на могиле матери, снова уехал в город. И жизнь в Эги-ауле успокоилась и потекла, как ручей, вернувшийся после дождя в старые берега.

— Я и не знал, что можно жить без лампы, без теплого очага, без солнца днем, без луны ночью! — сказал однажды Калой, лежа на своей медвежьей шкуре и любуясь Дали, которая ходила по комнате.

В недоумении она остановилась, посмотрела на него.

— А как это можно?

— Очень просто, - ответил Калой, - все это - ты! Он улыбнулся.

Дали подошла к нему, стиснула рукой его губы и, с опаской оглянувшись, сказала:

— Молчи! Молчи, а то услышат... Они... и все напортят!..

— Ха-ха! - рассмеялся Калой - Я тоже не дурак! Посмотри... — И он показал ей на свой кинжал, который был неправильно вложен в ножны — рукояткой в обратную сторону.

— Теперь «они» ничего не могут!

Любовь Калоя и Дали росла. Их душевная теплота согревала и Орци. Дали, оказывала мальчику уважение, как взрослому. В ответ Орци готов был сделать для нее все, что она пожелает.

В башне Калоя поселилось тепло.

И снова все вместе принялись они за восстановление своей земли. Втроем куда лучше было работать!

Они подсчитали, и выходило: если трудиться всю зиму до пахоты, клин земли Турса снова оживет. И они работали от зари до зари. Только Дали в полдень уходила готовить, а потом опять возвращалась к своим мужчинам. Жизнь на воздухе, на ветру спалила их кожу, сделала черными. Но Дали казалась братьям еще красивее.

— Хорошая была Зору, — сказал Орци, когда однажды они с Калоем отдыхали после завтрака, - но до нашей ей далеко!

Калой промолчал. Это признание брата, еще ребенка, было очень важно для него. Слова Орци окончательно отсекали все прошлое.

Весной Калой и Орци вспахали свою землю. Теперь она была почти такая же, как до наводнения. Глядя на них, старики вспоминали Турса и жалели, что он не нашел в себе силы сделать то, что сделали его дети.

В первую осень после голода Чаборз не стал требовать от должников скотину. Он знал, что многие все равно не смогли бы отдать. Но зато в этом году он заранее оповестил и своих и эги-аульцев, чтоб они вернули весь долг и с приплодом, который могла бы дать взятая у него скотина.

Народ возмутился. Даже сородичи его негодовали. Но Чаборз был неумолим.

От своих он еще принял голова за голову, но эгиаульцам не уступил ни ягненка.

Через неделю после разговора с ними в горы прибыл отряд казаков во главе с урядником и стал в Эги-аул на постой.

На каждый двор пришлось по два-три человека. Их надо было поить, кормить. Они ложились, где хотели, когда хотели, не считаясь с нуждами хозяев, и вели себя, как победители в завоеванном краю.

Девушки и молодые женщины от их домогательств ушли в другие аулы.

Не считаясь ни с чем, стражники скармливали лошадям ячмень, который горцы с таким трудом добывали на хлеб, шашками рубили головы птице и все пожирали, как саранча.

На третий день Эги-аул согласился на требования Чаборза и отогнал в Гойтемир-Юрт стадо овец и телят.

— Да будет тебе греховным на этом и на том свете наше добро, которое ты бессовестно отнимаешь! - крикнул ему один из стариков Эги.

Но Чаборз только расхохотался.

— Ваши проклятия для меня - что добрые пожелания!

Получив от Чаборза куш, урядник снял постой и, пригрозив горцам в случае чего еще более жесткой расправой, покинул ущелье.

Этот подбор старшины тяжелым бременем лег на плечи аула.

О зиме мог не беспокоиться только жрец Эльмурза. В этом году праздники и моления щедро наделили его мясом и лепешками. А других ждала жизнь впроголодь.

И снова пришлось у Калоя собраться его друзьям. Посоветовались. Решили добыть на аул голов десять скотины. Иналук взялся разведать, откуда можно увести. Через несколько дней он сообщил, что скотина есть в имении помещика Серпухова. Сам помещик в нем не живет. Хозяйством занимается управляющий.

Однажды уже перед самыми холодами друзья ушли на вылазку. Ночью лесными тропами им удалось выйти на плоскость, незаметно проехать до усадьбы помещика и скрыться в саду.

Разобрав кирпичную стену сарая, они увели двенадцать коров. Их нельзя было гнать в горы. Встреча с казачьим разъездом была бы неминуемой.

Разбившись на три группы, они погнали скот в Осетию, в Чечню и Кабарду. Благополучно сбыв его, они вернулись домой и на вырученные деньги купили скотину в горах. И снова эгиаульцы были на зиму с мясом.

Угон скота у помещика не прошел бесследно.

Полиция, жандармерия, милиция[2], станичная охрана - все было поднято на ноги.

Обыскали чуть не каждое село в горах и на плоскости. Но это не дало никаких результатов. А вскоре выпавший снег окончательно замел следы и сделал бессмысленными попытки что-нибудь обнаружить.

Но кто-то все же сообщил Чаборзу, что в Эги-ауле заготавливали на зиму скот. Он снова явился туда с казаками. Обыскал все башни, осмотрел все шкуры забитых животных и, не найдя ни одной из тех, что были угнаны у помещика, ушел не солоно

хлебавши...

Он ломал себе голову над тем, откуда эта голытьба взяла столько денег, чтоб закупить скотину на зарез.

А через некоторое время подосланный им человек принес ему удивительный хабар. Все, кто нуждался в деньгах, чтоб купить скотину, обращались к Калою. Доносчику говорили, будто Калой получил несметное богатство от родителей, через старика, который много лет тому назад приходил к нему из Турции.

«Сказки!» - решил про себя Чаборз. Но не сказал ничего.

Как-то уже весной, когда тропы освободились от гололеда и в логах запахло подснежниками, к Калою на рассвете прибежал гойтемировский парень Галушка. Он и его родственник Долтак не могли забыть, что Калой спас их семьи во время голода. И при удобном случае они всегда были готовы оказать ему услугу.

Калой позвал парня в дом. Но тот отказался. Он зашел за башню, заикаясь, начал рассказывать. Калой с трудом понимал его.

- В-в-вчера к нам п-п-приехал Ч-чаборз... — Бедняга очень страдал от того, что заикался.

Калой слушал его внимательно и понял, что Чаборз приехал не один. С ним какое-то начальство, стража, и они говорят о деньгах, которые Калой роздал односельчанам прошлой осенью. Все они собираются ехать сюда...

Поблагодарив Галушку, Калой отпустил его, а сам сел на камень возле башни и задумался.

Подошла Дали. Она поняла, что мужу принесли недобрую весть. Было холодно. Укутавшись в шаль, Дали стояла, прислонившись к башне, и ждала: Калой не любил, когда ему мешали думать.

- Чаборз собирается к нам, — наконец сказал он. - И, кажется, не один.

- А что ему надо?

- Все хочет дознаться, какие деньги я раздавал! А в общем-то старая история. Продолжает козни своего отца. Хочет один хозяйничать в горах, чтобы все перед ним зад по земле волочили... Только раньше, чем это случится... — Он не договорил, встал и направился в дом.

Дали пошла за ним. Подала еду. Дома никого не было. Орци уехал на пастбище, и Калой посадил Дали с собой. Когда они оставались одни, он бывал ласков с ней и не скрывал, что любит ее.

- Боюсь я этого Чаборза... И особенно когда он с солдатами. По-хорошему они еще ни разу не приезжали сюда... - в раздумье сказала Дали, и видно было, что кусок хлеба не лезет ей в горло. - Что они могут сделать?

- Ничего, — ответил Калой. — Если на то пойдет, я их не выпущу отсюда живыми!

- Побережет нас Бог! Они же не простят нам!

- Только что это... Вечно приходится бояться за старых да малых! Но ты не бойся. Ничего не будет. Позавтракаем - сходи к Иналуку. Скажи, чтоб коней держали в седлах. Он поймет.

Солнце уже было высоко, когда Дали, вернувшись от Иналука, увидела из башни конный отряд. Впереди ехал офицер, рядом с ним — Чаборз. За ними человек десять казаков. Она предупредила Калоя, который возился во дворе с сохой. Засунув берданку и подсумок с патронами под копну сена и положив в карман револьвер, Калой спокойно продолжал крепить сошник.

Башня Калоя стояла на краю аула, и подъехать к ней можно было по широкой тропе, уходившей к перевалу Трех Обелисков.

Оставив казаков на тропе, офицер в сопровождении Чаборза и переводчика подъехал к башне.

- К весне готовишься? - спросил он Калоя.

- С приездом! — ответил Калой. - Слезайте. Заходите, будете гостями!

- Благодарю за приглашение! - ответил офицер. - Нам некогда. Хочу через Джарах спуститься. Но решил проведать тебя. Говорят, ты всю зиму целое село кормил! Богач! А возишься с сохой! Как же это так?

- Понять это просто, - ответил Калой очень спокойно. - Я людям не свое, а чужое раздавал. А для себя, если я сам не поработаю, то взять негде будет!

- Это как же понять — «чужое»? - офицер, явно не доверяя его словам, с любопытством смотрел на Калоя. Держался офицер в седле браво и был еще очень молод. Круто закрученные черные усы придавали его лицу выражение нагловатой смелости.

- Мне отец из Турции прислал туманы. Но я их не зарабатывал. Значит, они не мои. И я отдал их селу...

- Интересно! - протянул начальник. - А может, ты врешь?

- Может быть, и вру, - согласился Калой. - Только что из того, если я и вру? Другого же я не скажу, пока не найдется человек, который докажет, что я раздавал его деньги.

Офицер вопросительно посмотрел на Чаборза.

- А что на это старшина скажет?

Чаборз не ожидал вопроса, закашлялся, но потом, спохватившись, заносчиво воскликнул:

- В голод он угнал мое стадо и роздал его народу, как хозяин! Может быть, и деньги

добыл таким же путем?

Калой тяжелым взглядом посмотрел на Чаборза. Злость вскипала в нем.

- Не я, а народ взял твою скотину, когда голод стал валить с ног... А ты хотел бы, чтоб все подошли. Лишь бы ты жил, любуясь своими коровами!

- Так что ж, по-твоему, если у тебя нет, то надо грабить? — взорвался офицер. - Разбойник!

Уже поняв характер Калоя, переводчик замешкался. Но Калой ждал. Он смотрел ему в глаза, желая точнее узнать, о чем горланит эта пестрая сойка.

И переводчик точно перевел слова офицера.

- Скажи ему, что Чаборза не ограбили. Целый аул не может быть грабителем! Скажи ему, что Чаборза не ограбили, потому что не скрывали, что взяли у него. Его не ограбили еще и потому, что обещали вернуть скотину, и вернули. Вернули все. Он не только с коров, с бычков посчитал приплод и содрал его с нас. Шкуру содрал с людей! Разорил вторично! В эту зиму уже не по Божьей воле, а по его воле народ бедствовал! Скажи, что я не разбойник, а пахарь. Но чтоб не оказалось так, что такой начальник говорит неправду, я готов оправдать слово, которым он меня назвал. Только для этого мне надо, чтоб он сказал, где он живет...

- Не болтай лишнего! - строго сказал Калую переводчик. — Знаешь, что он тебе сделает?

- Ты меня не учи! Ты за их деньги брешешь и вправо и влево. Переводи! А то, кому что будет, - это я знаю...

Обозленный переводчик, а с ним и Чаборз стали наперебой пояснять начальнику все, что сказал Калой. Тот взбесился.

- Казаков! — крикнул он.

Чаборз взмахнул рукой, и отряд тотчас подскочил к башне. Но вокруг приезжих уже собрался почти весь аул. Люди с тревогой слушали эту перебранку. Дали, следившая из глубины двора за Калоем, увидев казаков, с воплем кинулась к мужу. И, споткнувшись о колоду, упала. К ней подбежали соседки, подняли, отнесли в дом.

- Кто посмеет шагнуть во двор, - сказал Калой, - пусть считает себя покойником!

Не поняв этих слов, офицер направил было на него лошадь, а казаки вскинули карабины, но переводчик удержал офицера, а двор Калоя до отказа наполнился народом.

- Чаборз! Ты занимаешься не тем, чем нужно! - закричал Иналук. И, обратившись к переводчику, сказал: - Переведи начальнику, пусть он уезжает. Мы никого не трогали. А если он, как и Чаборз, жалеет, что мы не сдохли с голоду, так мы не побоимся умереть сейчас в борьбе с вами, но Калоя тронуть не дадим! Чего вы хотите? Что вам от него надо? Чаборз клеветает на него, потому что боится. Они со своим отцом

погубили отца Калоя, мать и дядю его с женой! Русский офицер не знает этого и пусть не лезет в наши дела! Скажи!

Толпа негодуяще шумела.

Переводчик поняв, чем может кончиться вся эта заваруха, быстро переводил речь Иналука, стараясь охладить пыл своего господина. Да тот, видно, и сам понял, что здесь можно хватить беды, и готов был ретироваться.

Пригрозив Калою посчитаться с ним за наглость и посулив прислать отряд на постой, он удалился. Горцы с ненавистью смотрели им вслед.

В полдень, когда отряд выехал в низину реки Арам-хи, Чаборз повернул обратно. Он получил от начальника срочное задание: подать на Калоя рапорт и установить за ним негласную слежку для того, чтобы при первом подходящем случае арестовать его и выслать в Сибирь как смутьяна, имеющего непомерное влияние в горах.

Размышляя об этом, Чаборз ехал, бросив поводья.

Тропинка то поднималась вверх и шла по-над пропастью, то сползала к реке и вилась меж кустов дикой розы. Настроение у Чаборза было скверное. Должность старшины приносила ему много хлопот, ставила в зависимость от начальства, заставляла следить за людьми, писать доносы. А это рано или поздно могло кончиться плохо. Он знал, что ингуши не считались с тем, что человека арестовывала власть. Не дай Бог, умрет такой в тюрьме или в Сибири, родственники погибшего тут же объявят кровную месть доносчику или тому, по чьей вине погибший был арестован! Вот и с Калоем может случиться так. Да черт с ним! Чаборз готов заплатить Эги двенадцатью коровами, лишь бы убрать наглеца, который с самого детства стоит на его пути! Он вспомнил игры, в которых Калой побеждал его, драку на поле, подозрения по поводу странной смерти Гойтемира, раздачу стада, изгнание родителей Зору... Он даже стал ревновать жену... И это наполнило его ядом еще большей ненависти. «Но откуда, откуда у Калоя такие огромные деньги? - с жадностью думал Чаборз, снова возвращаясь в мыслях к событиям этого дня. - Конечно, он грабит, - решил старшина. - И на этом рано или поздно я его, негодяя, поймаю! Двух старшин в горах не будет!..»

Тропинка вступила в лес и пошла ровно, огибая склон горы, густо поросшей стройной молодой сосной.

За одним из поворотов широко расставленные глаза Чаборза уставились в одну точку. Его тело пронзил смертельный холод ужаса. Он перестал дышать, оцепенел, не в силах взять поводья...

Лошадь остановилась, уткнувшись грудью в дерево, перегородившее тропу. Мгновение казалось Чаборзу вечностью, а черная точка направленного ему в лицо ствола револьвера со взведенным курком - немигающим глазом смерти... «Вот... Вот сейчас конец...» - мелькнула мысль. Но Калой не стрелял. Он приблизился к Чаборзу, вынул из его кобуры револьвер и продолжал смотреть на него в упор. Страх в душе старшины уступил место тупому безразличию. Он ощутил во всем теле вялость, на лбу капли пота.

- Что ты смотришь? - сказал он голосом, который ему самому показался чужим и

далеким.

- Любуюсь. Сейчас ты перестанешь быть... - донеслось до его слуха.

- Почему? — выдавил из себя Чаборз.

- Ты убийца...

- Чей убийца?

- Моего ребенка...

У Чаборза мелькнула страшная мысль: «Сумасшедший... О чем говорить с безумным? Случайное, бессмысленное движение его пальца - и конец...» И все-таки в оставшееся до смерти мгновение он решил хоть чудом предотвратить ее.

- Калой, я не убивал твоего ребенка! Ты ошибся! - сказал он как можно спокойнее. - Да у тебя, кажется, и нет еще детей... - Самообладание медленно возвращалось к нему. — Отведи револьвер в сторону... Ты нечаянно можешь выстрелить...

- Нечаянного выстрела не будет. Я ждал... тебя... Ты привел ко мне казаков. Ты напугал женщину. Она упала, и ты убил в ней дитя.... На тебе кровь...

Нет, Калой не был сумасшедшим. Теперь все ясно. Чаборз понял все. Теперь можно было говорить, спасать себя, оправдываться, доказывать. Какое счастье! Здоровый человек мог выслушать его... Только не медлить! Надо обезоружить в нем ярость отца...

Чаборз в знак смирения слез с коня.

- Если это правда, я виноват. Хотя никто не мог знать, что она ждет ребенка, и я не приводил к тебе отряда. Есть и помимо меня люди, которые доказывают начальству... Но сегодня так получилось... Что бы я ни говорил - я виноват... И я готов искупить вину... Убийство без намерения - нечаянное убийство... За это не берут кровь. Не лишают человека жизни... Ведь ты не раб, ты эзди[3], ты знаешь законы гор... - Чаборз лихорадочно вспоминал, на чем люди мирятся в подобных случаях. - Хочешь, я отдам тебе сына?... - Нет, так я готов признать любой суд адата!.. Что мне говорить? Виноват...

Чаборз в смятении не заметил, что огонь в глазах Калоя уменьшился... Испуг, податливость, смирение врага разоружили его. Правда, еще не настолько, чтоб он простил Чаборза совсем.

- Чаборз, - сказал он, глядя в упор в его большое, смертельно бледное лицо. - Здесь тебе никто не может помочь, и ты крутишься, как лиса под беркутом! Твой отец тоже думал, что мир у него за пазухой, что люди созданы им... Чем кончил он, известно. Ты хуже него. И ты всего лишь из мяса, а не из железа. Тебя уничтожить ничего не стоит... Но есть условие, за которое я, ради детей твоих и ради твоей жены, могу продать тебе твою жизнь. - Калой выжидающе замолчал.

- Я слушаю, - как можно смиреннее откликнулся Чаборз.

- Прежде чем я вернусь в дом, ты пришлешь мне за загубленного ребенка все, что

положено, и еще вот этого коня с седлом. Если пришлют на наш аул постой, ты заберешь его в свой аул... Если будут присылать за мной казаков, ты будешь заранее извещать меня об этом... Покупаешь за все это свою жизнь?

- Покупаю! - согласился Чаборз, все еще с недоверием поглядывая на ствол револьвера, направленный, как ему казалось теперь, прямо в сердце.

Калой опустил револьвер.

- Ты легко соглашаешься. Но нелегко будет тебе, если ты нарушишь этот уговор. Со мной присягнуло семь человек... За обман - пощады не жди, даже если не станет меня! Торопись!

Чаборз вскочил на коня и, не оглядываясь, помчался домой. Когда некоторое время спустя он пришел в себя, нестерпимое чувство досады охватило его. Он впервые узнал настоящую цену себе. И цена эта оказалась такой низкой, что стыдно было признаться.

«Я должен вернуться, отнять оружие, отказаться от всех обещаний или умереть! Иначе я не мужчина! Позор! Позор!...»

Но, думая так, он ни разу не натянул повод, чтоб повернуть коня, а, наоборот, гнал его вперед и ловил себя на том, что, куда бы он ни смотрел, перед ним все еще стоит дуло калоевского револьвера и по-волчьи горящие его глаза.

Уже перед самым Гойтемир-Юртом Чаборз заметил: из-под нагрудника лошади на землю валятся хлопья желтой пены.

Он слез, протер коня жгутом из травы и повел в поводу, чтобы дать хоть немного отдышаться.

Во дворе Чаборза встретили сородичи. Они поднялись, приветствовали его. Но он сразу заметил, что они чем-то взволнованы.

Бросив на руки подбежавшего парнишки повод и плетъ, Чаборз пошел в башню и пригласил всех за собой.

Два седобородых старика забрались с ногами на нары. А все другие остались стоять. В комнате воцарилось тревожное молчание.

- Что с вами? Кто-нибудь умер у нас? - будто ничего не зная, обратился к ним Чаборз.

И тогда один из стариков рассказал, что после ухода отряда из Эги-аула, во главе которого был он, Эги известили их о том, что из-за него у жены Калоя погиб ребенок...

- Вы уверены, что это так? - спросил Чаборз.

Старики сказали: женщины из гойтемировского рода, что замужем за эгиаульцами, подтвердили все. Честно. Чаборз задумался.

- Ну и что они хотят? - спросил он.

- Да они ничего... известили и все... Теперь дело за нами. Примем на себя - придется платить. Нет - так надо будет выставить причину отказа... - проскрипел другой старик, почесывая подбородок.

- Видимо, за какие-то наши грехи Бог выдумал этих Эги и поселил рядом с нами! - воскликнул Чаборз, поводя страшными глазами. - То им земля поперек горла, то скотина, теперь рожать не в срок начали! Что угодно придумают, лишь бы содрать с нас!

- Действительно! Кто напугал Дали? Не Чаборз же, а казаки! - воскликнул один из молодых.

- Это не наша вина! - поддержал его другой.

- Отказаться! Отказаться надо! - зашумели остальные.

- А вы что скажете? - обратился Чаборз к пожилым. Те сосредоточенно молчали, а потом старик с голосом, как намазанная телега, снова заскрипел:

- Можно и отказаться. Только не отстанут они. У каждого рода бывает такое время, когда с ним другие не считаются. А бывает и такое, когда считаются. Это зависит от того, какие сыновья у этого рода вырастут. Сейчас у Эги подросли люди, мир с которыми лучше, чем вражда... Чтоб совершить беду, ума немного надо! Грубости и глупости достаточно! А у Эги есть теперь и такие люди. Есть. Не из боязни я, а так, ради спокойствия, посоветовал бы откупиться от них... Как-никак Чаборз был там... Махнул рукой казакам, чтоб те подъехали... Дело ведь было на глазах у всего мира... Вот если б не махнул... А то ведь махнул... видели... Тут уже не только начальника вина, но и наша... Ты не обижайся! Мне думается, сколько ни гадай, если сядут люди, чтобы рассудить, придется нам тянуть...

- Тогда так: у людей спрашивать я не собираюсь. На судилище с Эги не сяду. Лучше вас мне советчиков не нужно. Говорят, больной, которому не суждено поправиться, пусть не доживет до рассвета! Долтак! Сходи в стадо, отбей шесть скотин, садись на мою лошадь, отгони их во двор Калоя и оставь там вместе с лошадью и седлом.

- Ну и подвалило им! — крикнул кто-то.

- Еще неизвестно, что бы у него там родилось, а такое богатство огреб!

- Мир с соседями - это и есть богатство! - загудели другие родственники Чаборза. Но в душе и те, что возражали против уплаты, тоже были довольны. Потому что, когда между родами возникает вражда, беда другой раз приходит к тому, который меньше всего повинен в этом.

Долтак исполнил поручение Чаборза.

Наутро лошадь с седлом была возвращена назад. Человек из Эги-аула, пригнавший ее, сообщил, что старики рода Эги решили: неприкосновенность двора Калоя Чаборз не нарушил, личной обиды не наносил, и поэтому коня они возвращают ради справедливости.

Эта честность очень польстила гойтемировцам, а Чаборз, хоть и не подал виду, но был обрадован больше всех. Коня, которого потребовал от него Калой, он считал лучшим из своего табуна.

Через день Чаборз возвращался домой. Он имел много времени, чтоб наедине подумать о том, что произошло. Погода была изменчивая. Над горами проносились облака, то разрываясь и пропуская солнце, то снова сгущаясь, и тогда казалось: на дне ущелья наступают сумерки. Дул резкий ветер. Чаборз, укутавшись в бурку, ехал шагом, не торопясь. В этот ненастный день ему было тепло и даже весело.

«А чему я радуюсь? - подумал он и сам же себе ответил: — Ведь скотина Калой мог в бешенстве убить меня. Но этого не случилось... Разве это не радость? Мои родственники поняли мое согласие на примирение как благородство... Калой лишился первенца. Может быть, даже наследника... И это радость! Он уверен, что я теперь для него безвреден, и перестанет таиться. Значит, уснет его осторожность, и тогда, оставаясь в стороне, можно будет помочь власти накрыть его, расквитаться с ним!» О! В этом у Чаборза не было колебаний! А о позорной встрече с Калоем никто не знает, кроме самого Калоя. Так черт с ним! Было бы глупо лишаться из-за этого жизни! Ему-то что терять? Голую башню! А у Чаборза богатство, земли, скот, мельница, братья-купцы, должность почетная, два сына, жена красивее всех! Нет, жизнь у Чаборза не такая уж скверная, чтобы ею рисковать из-за самолюбия! И он сделал вывод, от которого у него на душе стало совсем хорошо. «Слава Аллаху, - сказал он себе, - что я испугался и не наделал глупостей! А то были бы по мне сейчас женщины и лежал бы я в холодной земле, не видя этого света!» И как бы для того, чтоб подтвердить его мысли, облака разорвались и яркое солнце золотыми бликами легло на тропу, на веселые волны Ассы.

Когда он приехал, во дворе его встретили малыши. Зору стояла в дверях и любовалась ими. И Чаборз удивительно ясно услышал голос врага: «Я, ради детей твоих и ради твоей жены, могу продать тебе твою жизнь...»

«Ради детей? Нет, не ради них, а ради нее продал он мне мою жизнь!.. А я купил свой позор, как покупают корову...» - подумал он, с глубокой неприязнью взглянув на Зору, словно она была виновата. Как всегда, она приняла от него бурку, плетъ, отвела коня под навес, сняла седло. Постепенно ее спокойствие передалось и ему. «Что человек не знает, то для него не существует вовсе», - сказал себе Чаборз, и успокоившись, вошел в дом.

Вечером, после ужина, он рассказал жене, что с ним приключилось в горах. Рассказал все так, как было, умолчав лишь о том, что он наговорил начальнику на Калоя, и переврав разговор, который произошел между ним и Калоем в лесу.

- Калой был убит потерей ребенка и подозрением начальника. На обратном пути он встретил меня и просил помочь ему. Я подумал: все-таки это ваш бывший сосед, человек, обиженный судьбой, и я решил сделать что-нибудь для него. Я научил его направить ко мне людей с известием, что из-за моего приезда к ним Дали испугалась и сбросила... Он так и сделал. И я тут же велел послать ему шесть коров... Пусть поживет... Ведь что там ни говори, а отец мой был не совсем справедлив к его родителям...

- Как хорошо ты сделал, - сказала Зору, от радости даже не заподозрив Чаборза во лжи.

- Бог-Аллах примет это в жертву за твоего отца!

В эту ночь Чаборз почувствовал, что жена, кажется, впервые приняла его ласки. Обрадовался. Но когда подумал о том, что мягкость Зору, конечно, всего лишь награда за доброту к Калою, ненависть к этому человеку снова опалила его душу.

Всю ночь пролежал он с открытыми глазами. Спади дети, и он слышал их ровное дыхание. Тихо, словно притаившись, спала Зору. А перед ним вставала картина встречи с Калоем, возникали обрывки их разговора. Потом Чаборз начал припоминать, что Калой говорил про его отца, про смерть его... И он подумал, что Калой знает причину смерти Гойтемира. А может быть, даже причастен к ней?..

Чаборз потерял покой. «Еще и за отца я должен убрать его!» - решил он. И только после этого наконец успокоился и ненадолго уснул.

3

Так со своими радостями и печалью проходила у горцев жизнь. У одних радостей было меньше, печалей больше. У других - наоборот. Но счастливых было немного.

Вражда свила прочное гнездо между людьми, которым от века суждено было жить бок о бок.

Наделенные чужими землями казаки зорко следили за тем, чтоб ни один ингуш не появлялся в их лесу, не проехал станицей, не прошелся по тому полю, которое еще недавно принадлежало его отцам. Хевсуры, забравшиеся в поднебесье на складки горных вершин, цеплялись за каждую скалу, на которой мог прорасти хоть клочок зеленой травы, готовы были пролить за нее кровь. И ингуши, отбиваясь от одних, при случае мстили другим, живя на родной земле, как в осажденном краю.

Но не было мира у них и между собой. Давили богатые бедных, сильные слабых.

Кинжал и ружье не покидали мужчину от зари до зари, от рождения до смерти. И горец привыкал к ним, как к самому себе.

Калой стал зрелым мужчиной. Давно женили Орци на девушке, родителям которой вскоре удалось перебраться на плоскость, в зеленый Долака-Юрт.

Все у братьев было, как в прежние годы: мир и дружба в семье, скромный хлеб, добытый тяжким трудом. Только не было детей. И это омрачало их жизнь. Разве можно назвать настоящим тот дом, где не раздаются детские голоса, где кто-то не тянет мать за юбку или не просит отца посадить в седло? Обидно. Но после первой болезни Дали никак не могла доносить свой плод до конца. А Орци с женой не сумели сохранить двух своих малышей от болезней желудка. Много умирало детей в ту пору. Знахарство и заговоры перешли от жрецов к муллам, которых хватало теперь на каждый хутор. Но их амулеты помогали плохо. А другой помощи народ не имел. И старики говорили, что в прежние времена знающие люди умели лечить! Припоминали случаи, когда они помогали больным, и забывали о тех, когда несчастные умирали, несмотря на старания жрецов и мольбы ко всем богам.

Дали и Гота - жена Орци - не раз ходили в аул Кек, где стоял каменный столб Кобыл-

кера. Говорили, их матерям удавалось выпрашивать здесь детей. Но, видно, древние боги обиделись на новых людей, изменивших им, или эти невестки не умели просить, как надо, только им ничего не помогало.

Чем старше становился Калой, тем чаще он думал о жизни. Думал о правде и неправде ее. Порой в нем все начинало кипеть против зла. И, не зная, как победить его, он говорил себе, что все на земле от Аллаха и надо больше думать не о жизни здесь, а о вечности, в которую должна перейти душа. Но как ни старался он долгими молитвами отвлечь себя от земли и устремить свой взор к небесам, научиться безропотно переносить невзгоды, не замечать корысти и лжи, это не удавалось ему.

С годами он стал чаще бывать в плоскостных аулах, видеть жизнь людей, слышать ропот и бессильное барахтанье одних и сытое благодушие других. И сильная натура человека-борца восставала в нем и требовала действия. Но на вопрос, что делать, он не находил ответа.

Что он мог сделать с тем, что лучшие земли ингушей царь отнял силой оружия и наделил ими своих подручных?

Против царя много лет воевал сам имам и был побежден. В памяти Калоя вставали рассказы стариков о том, как однажды народ поднял бунт и в крепости Назрань были повешены посланцы горцев-крестьян, которые пришли, чтобы поговорить с властью о своей доле.

Чего мог добиться один человек? Или даже целый народ? Жестокой расправы?

Но у Калоя были зоркие глаза. Он видел не только это. Он видел людей из своего народа, которые щеголяли в погонах и тоже получали в награду за верную службу царю землю. Прапорщиком стал Андарко. В городе на базаре открыл мясную лавку Чаборз. По обе стороны улицы в поселке Назрань, как грибы после дождя, вырастали бакалейные лавки, мануфактурные магазины, лабазы, ювелирные мастерские, шапочные и сапожные дела. И всюду за прилавком стояли солидные ингуши, руки которых уже не знали мозолей.

Они ловко обирали своих, пользуясь их темнотой и забитостью. И каждый из них был неприкосновенен, потому что за ним стояла не только власть, но и его род. Даже беднейшие люди из тайпа такого человека по адату должны были держать его сторону и защищать от всех. Что же тут мог поделать Калой! Он сумел когда-то, рискуя жизнью, спасти свой аул от голодной смерти. Он мог поделиться с соседом последней коркой чурека, мог по-мужски поговорить со старшиной и припугнуть его. Но этого было так мало по сравнению с тем, какие беды и лишения претерпевал народ. Калой страдал от того, что видел. Страдал от своего бессилия.

А Орци или по молодости, или по складу характера был иным. Он был такой же отзывчивый к людям, как и Калой. Но он никогда не мучил себя тем, что окружавший мир устроен иначе, чем ему бы хотелось. Он знал, что ему под силу, и трудился легко и весело, не задаваясь целью изменить что-нибудь. Жизнь он принимал такой, какой она сложилась до него.

Но когда ему приходилось слушать Калоя, он соглашался с ним, говорил, что он прав. Только Орци не мог понять, зачем утруждать голову, беречь сердце такими мыслями,

от которых человеку не могло быть ничего иного, кроме душевной боли.

Наверно, братья так бы и прожили свой век, не видя выхода из нужды, не ведая иного пути, чем тот, начало которого терялось где-то во тьме веков, если б родились они раньше, а не в тот век, когда над Россией занималась заря и когда первые порывы могучего, свежего ветра нарождавшейся грозы потрясали до самых основ одряхлевшие устои жизни.

Как-то поздней осенью в горы приехал Виты. Он по-прежнему оставался бобылем, и это многим не давало покоя. Над ним трунили, предлагали красавиц невест. Особенно волновались женщины. Им было не по себе оттого, что ходит по земле живой мужчина без пары, когда чуть не в каждом доме есть женщина, которая давно ждет его и никак не может дожидаться.

Но Виты привык к их вечным уговорам, и они его не трогали. В молодые годы он не женился, потому что не знал, как прокормить себя самого. А теперь - старую брать не хотелось, а молодая, наверно, не захотела б его. И он научился переводить разговор на другую тему, чтоб не обижать друзей и не давать в обиду себя.

В этот приезд, когда Виты пришел к Калою, в доме оказались только женщины да забежавшая к ним Матас. Братья были в лесу.

Женщины встретили Виты как близкого человека и очень обрадовались ему, потому что он всегда много интересного рассказывал им о том, как живут люди в городе и что нового на свете. Матас вскоре собралась уходить. Но ее непустили. И хозяйки, пользуясь случаем, что мужей нет, засыпали Виты вопросами и в конце концов снова направили разговор в ту сторону, которую он больше всего не любил: о семье, о женитьбе.

Братья вернулись поздно. Виты засватал Матас - вот первое, что узнали они, не успев еще даже войти во двор.

Калой и Орци решили, что над ними шутят. И поверили только тогда, когда признался сам Виты.

- Это все из-за вас! - говорил он братьям. - Целый день пропадали где-то, а я остался тут один против троих! Разве устоишь! Только я теперь ничего не знаю. Жениться, пожалуй, можно, но без всяких этих, наших дел! А если со сватовством да с причудами, я убегу!..

И видно было, что он говорил не в шутку!

- Да разве можно! - возмутилась Дали. — «Убегу!..» Ты же мужчина!

- Нас осрамить, опозорить и обидеть Матас? - поддержала его Гота. Калой понял, что женщины наконец добились Виты и вынудили его

согласиться на брак. Но он видел и другое. Если не вмешаться, ничего из этого дела не получится и Виты действительно убежит, не посчитается ни с чем. Ведь он отвык от многих обычаев, и многое в их горской жизни ему уже стало чужим. Калой любил Виты. Он сразу понял и оценил то, что случай помог ему другу найти такого человека,

которого ему надо было встретить еще много лет назад.

Матас осталась старой девой. Все знали это, и никто не мог сказать почему. Она была очень веселой, милой девушкой, хорошо танцевала, славилась рукоделием, шила черкески, башлыки, была хорошей хозяйкой. Но как-то так прошло ее время, повыходили замуж ее одноклассники, потом стали обходить младшие подружки, и осталась она на многие годы тамадой девушек на всех вечеринках и свадьбах родного аула, пока не пришел тот возраст, когда и в этой роли уже стало неприлично показываться на люди. И тогда села, как говорили, Матас у себя в доме навсегда.

И вдруг эта встреча с Виты, с человеком, которого она знала с детства, имя которого не было запятнано ничем. Он честно ел свой хлеб и имел такие же мозолистые руки, как и любой горец Эги-аула, ходивший за сохой.

Сначала, как всегда, с ним шутили. Потом шутки перешли в серьезный разговор, и Дали предложила Виты жениться на Матас. Он растерялся, но сказал, что согласен, если она не возражает. Матас смутилась еще больше. Решиться или нет? Но колебание ее было недолгим: обида на несправедливость судьбы, желание иметь семью - все это так было выстрадано ею, что она, рискуя подвергнуться осуждению родных, против обычая, тут же дала Виты согласие и убежала домой. А Виты, не допуская мысли, что все это кончится так, был готов пойти на попятную, лишь бы не попасть в нелегкое положение ингушского жениха.

Обо всем этом Калой узнал из шуток Дали и Готы, которых очень забавляло смущение Виты.

- Ну, хватит вам! - с деланной строгостью прикрикнул он на женщин. - Значит, ты в самом деле решил взять Матас? - обратился он к Виты.

- Да... Но если...

- Нет, Виты, я тебя не спрашиваю про «если», - перебил его Калой. - Если все будет сделано так, как надо, без твоего участия, ты согласен взять Матас?

- Конечно, согласен! - ответил Виты, с застенчивой улыбкой посмотрев на окружающих и ожидая новых шуток. Но никто уже не смеялся.

- Тогда так, - деловито сказал Калой, поднимаясь, - сколько дней ты можешь побыть у нас?

- Два... Три... - неуверенно ответил Виты. - Но вы поймите, я не ожидал этого... Я ничего не захватил... У меня дома есть кое-какие сбережения... Я хотел купить себе хатку... Но раз такое дело, я поеду и...

Но Калой не дал договорить, подошел к другу, взял его за плечо и, с любовью глядя в глаза, суровым голосом сказал:

- Фоди мне была матерью... И ты это нехорошо придумал... Не надо никуда ехать... Отдыхай. Побудь с этими бездельниками. И положишься на нас, — он кинул взгляд на Орци, — мы знаем свое дело!

Оставив дома окончательно растроганного Виты, братья ушли к родственникам Матас.

Никто в этом ауле не мог отказать Калою, когда он о чем-нибудь просил. Так было и на этот раз.

В полночь Калой вернулся. А в башне, где жила Матас, старики, согласившись выдать ее, ели зарезанного на сватовстве барана.

Всю ночь родные собирали невесту.

Всю ночь в башне Калоя трудились над огнем Дали, Гота и ближайшие соседки. Мужчины, разделав бычка, пекли на углях печень, жарили почки. Шутки, смех не умолкали.

Утром весь аул пришел на свадьбу Виты. Ее сыграли во дворе Калоя. Веселье длилось до позднего вечера. А когда все разошлись и в доме остались только братья с женами, Иналук с Пантой и Виты с Матас, Калой, приказав завесить окна, заставил всех вместе есть, пить и плясать, в том числе и невесту.

На рассвете, измученные весельем, они легли, чтоб немного отдохнуть. Через некоторое время Калой, как бы отвечая кому-то, сказал:

- Все же есть счастье на земле! Только неодинаково оно людям дается... Хорошо, чтоб всем да помногу было!

- А может, тогда люди и не знали бы, что такое счастье? - неожиданно раздался с женской половины голос Матас.

Все задумались. «Кто же прав?» Но, поразмыслив над непростыми словами этой девушки, много и мучительно мечтавшей о счастье, Калой сказал:

- Нет, Матас, голодный, конечно, знает цену хлебу. Но богатый, у которого много разной еды, тоже не теряет вкуса!

Через день Виты возвращался в город. Калой поднял всех чуть свет, и когда аул проснулся, они были уже далеко. Вместе с Виты и Матас в город шли Калой и Дали. Быстрый и конь Орци несли вьюки с вещами молодоженов, продуктами, которые Дали прихватила с собой для того, чтобы угостить друзей Виты, и кое-что для продажи.

После перевала тропа пошла под гору. Идти стало легко, дышать - свободнее. Утренний ветерок едва колыхал воздух, чистый, как струя родниковой воды.

Необозримые леса на склонах гор цвели огненными красками. Только здесь, где человеческий глаз не мог сразу охватить простор долин и глубину ущелий, перед ним открывались щедроты и богатства осени. В воздухе проносились радостные стаи молодых птиц. Травы звенели хором кузнечиков и трепетали крылышками стрекоз.

Остановились. Подтянули ослабевшие ремни на вьюках. Виты восторженными глазами смотрел на чудеса своей родины, от которой он оторвался давно и навсегда. Но любовь к ней согревала душу, и каждый раз, когда он уезжал с гор, он любовался ими, словно видел их в последний раз.

Теперь он испытывал к ним и чувство особой благодарности. Они снова одарили его чем могли. С ним уходила в неведомую ей жизнь их дочь, его землячка, его осеннее счастье - жена...

— Калой, — сказал в порыве благодарности Виты. — Ты знаешь, я не живу здесь и, наверно, никогда не буду жить. Я привык к другой жизни, к новым друзьям, к шуму города, к другой работе, к людям. Я стал другим» Но я по-прежнему люблю наши горы... И вот, когда я вижу свою башню, клочок родной земли пустыми и ухожу от них, мне кажется, что они зовут... И это тяжело. Возьмите вы с Орци мою башню. Пашите землю, которая вскормила меня... чтобы не пропадала...

Калой остановился.

- Виты, - сказал он, глядя куда-то вдаль. - Ты заговорил о главном. О земле. Многие умерли, не имея клочка ее для могилы. Мне жаль, что ты ушел. Но то, что ты хочешь при жизни отказаться от земли, я не могу слышать! Человек без земли - тля, которая ест чужое! Сегодня у тебя в городе жизнь, а завтра? А что если завтра скажут тебе, как сказали когда-то нашим отцам: уходи! К кому пойдешь, если у тебя не будет здесь ничего? А башня примет. Ее стены слышали первый плач твоего предка, и не известно, чей плач они услышат последним... Но пока ты жив, у тебя должна быть башня и горсть земли. Иначе - ты раб, у которого только руки... Каждую весну я буду оживлять твою землю, переворачивать ее пласты. С женой приедете раз-другой, посеете, пожнете - и будет у вас хлеб. Свой хлеб! И будет рада земля, и будете рады вы... А башня - пусть стоит. И никому не говори этих слов! - Он повернулся и пошел.

Но мысль, которую затронул друг, не покидала его. Уже где-то на выходе из ущелья он снова обернулся к Виты.

- Те, у которых и здесь и на плоскости земли да овцы ходят тысячными отарами, и то ни клочка своей земли не уступают другим. Даже за деньги! А ты так легко готов избавиться от нее? Не хочу обидеть, но если б ты ее своим горбом натащил, ты бы знал ей цену! - И, в сердцах дернув коня за повод, зашагал дальше.

Некоторое время все шли молча. Потом заговорил Виты.

- Мне понятны твои слова, - сказал он, - но и ты пойми: она мне отболела...

Калой молчал.

- Люди вечно мучаются здесь и мучают землю. Стараются надточать ее. А она не бешмет. Народ прибавляется, а она нет. - Он окинул взглядом горы, словно сверяя с ними свои мысли. - Каждый род топчется вокруг своих камней, вокруг башни, вокруг своей беды... - И, подумав, закончил: — А мы, рабочие - тоже род! Большой! Только другой. Едим то, что дает умение вот этих рук. Живем дружно, не завидуя. Делить нам нечего. Но тоже думаем, как сделать жизнь лучше. Только не в одиночку, а все вместе... для всех. Увидишь моих друзей - узнаешь. Я так понимаю: когда человек прирастает к своей земле, он скорее похож на раба, чем мы.

Калой никогда не спорил, не имея своей твердой мысли. А рассуждения Виты были не обычные. Тут, прежде чем ответить, нужно было крепко поворочать мозгами.

Но одно стало для него ясно: Виты не просто беглец с этих мест, а хозяин какой-то правды, которую он, Калой, пока не понимал.

За поворотом открылось Дарьяльское ущелье и разлившийся мутный Терек. Сбоку в него врывались зеленые прозрачные волны Амархи. Калой остановился, окинул взглядом простор и, указав на слияние рек, полушутя, полусерьезно закричал:

- Вон твоя, а вот наша жизнь!.. Она хоть и не такая глубокая, но зато чище! - И ветер унес назад, в ущелье, его веселый раскатистый смех.

Вечерело, когда они подходили к Владикавказу. Внезапно издали донесся могучий, протяжный вой. Женщины, которые первый раз в жизни шли в город, остановились, оцепенев от страха. Среди бесчисленного множества крыш, утопавших в золотистой листве садов, их поразили гигантский столб, одним концом упиравшийся в самое небо. От него и шли эти страшные звуки.

Охваченные ужасом женщины кинулись друг к другу.

— Сармак![4] - закричала Дали, задрожав. - Стойте! Стойте!

А чудовищный вой повторился с новой силой.

Сказки далекого детства о неведомых странах, одноглазых вамполах и кровожадных сармаках, которые в долгие зимние вечера, сидя рядом с матерью у очага или лежа под теплой овчиной, они слушали с замиранием сердца, теперь мгновенно ожили в памяти и приняли угрожающие очертания страшного столба и его голоса. Им казалось, что чудовище движется на них.

Калой и Виты оглянулись. Сначала они не поняли, что привело их жен в такое смятение, что они готовы броситься бежать. А когда догадались, много было смеха.

Виты рассказал женщинам, что это не сармак, а кирпичная труба и рев - это просто гудок завода, который зовет людей на работу.

В город вошли, когда стемнело. У подъездов домов в фонарях зажигались керосиновые лампы. Перекрестки освещались бело-синим пламенем газовых фонарей. Изредка проезжали фаэтоны, на которых сидели люди в пышных нарядах.

Виты и Калою все это было не в новинку. Но жены их удивлялись на каждом шагу.

Виты снимал комнату в просторном дворе, который со всех сторон был окружен ветхими постройками под одной черепичной крышей. В этом приземистом сарае с подслеповатыми окнами жили мелкие служащие, лоточники, рабочие, - словом, все те, кого называли простонародьем. Двор был грязный, с вонючей помойной ямой и мусорниками, из-под которых сбегал на улицу ручей нечистот. Возле каждой квартиры горбились кучи дров. На веревках висело серое тряпье.

Комната у Виты была небольшая. Кровать, пара табуреток, стол - это все, что в ней стояло, если не считать большой русской печки, занимавшей чуть ли не половину помещения. Сняв вьюки и поставив лошадей под навес, Калой и Виты вернулись в дом.

Женщины торопились навести порядок, раскладывали привезенные вещи.

Виты стеснялся своего жилья и все время напоминал о том, что он уже облюбывал на окраине маленький домик с отдельным двором, который ему скоро удастся купить.

Наутро Калой и Дали отправились на базар, Виты ушел на работу, а Матас осталась дома. Виты предупредил, что позовет нескольких товарищей, и ей надо подготовиться к встрече.

Когда в конце дня он с вином и сладостями вернулся домой, его еще на улице соседки встретили поздравлениями. Матас успела понравиться всем. И действительно, подойдя к своему крыльцу, Виты сам от удивления остановился. Жилье его так преобразилось, что ему показалось, будто он попал не к себе. Перед домом было подметено, комната снаружи и внутри выбелена. Полы выскоблены. Над прибранной кроватью на стене висел трехцветный узорный войлок. Плита сверкала кастрюлями с готовой едой. Стекла окон и лампы сияли невиданной чистотой.

- Да когда ты все это? - невольно воскликнул Виты.

- Тут и делать-то нечего было... - смутилась Матас. - Вот и сажу сложа руки.

- Как давно ты должна была быть здесь! — негромко воскликнул Виты.

Матас смутилась, вспыхнула оттого, что он так оценил ее простой женский труд. Она даже стала молодой и красивой, словно ей было ровно в половину меньше лет. Виты положил покупки на стол, подошел к ней. Первый раз в жизни Матас обнял мужчину.

К вечеру вернулись Калой и Дали. Начали собираться и городские друзья Виты с женами. Это были рабочие железнодорожных мастерских, где Виты работал уже много лет, уйдя со свечного завода. Горцы видели: гости одеты по-праздничному. Мужчины скромнее, в куртках, косоворотках. Женщины в цветастых платках, накинутых поверх ярких кофточек, в юбках чуть не до самого пола. Виты тоже был одет по-городскому. Только смуглостью лица да остротой и беспокойством взгляда отличался он от них.

Матас собралась хозяйничать, но соседки решительно отстранили ее от домашних дел и, усадив рядом с Виты, сами стали накрывать на стол. Калоя тоже посадили ближе к красному углу и рядом с ним поставили табурет для Дали. Она заупрямилась, не хотела садиться с мужем. Но он улыбнулся ей, подмигнул.

— Здесь то, что мы с тобой думаем, не будет! Здесь у жизни иная походка! Садись!

И Дали села.

Временами ей хотелось вскочить и отойти в сторону. Но она понимала, что это только привлечет внимание, всполошит гостей, и продолжала сидеть. И было для ингушских женщин в этом так много необычного и в то же время так много приятного, что они с Матас переглядывались, втайне удивлялись своей, как им казалось, наглости и не нарушали необычного для них порядка.

Вечер начали с того, что предложили выпить за новобрачных. Тост говорил один из товарищей Виты. У него было сухое, гладко выбритое лицо, высокий лоб, русый

бобрик, усы. Он работал токарем, был человеком грамотным и понимал жизнь. Все его величали по имени и отчеству - Ильей Ивановичем, хотя он и не был старше других.

- Любим мы нашего Виты...

- Витю! - поправила его жена, голубоглазая блондинка.

- Любим мы нашего Виты, - не приняв замечания, продолжал Илья Иванович, - за то, что он умеет быть другом, товарищем, за его человечность и простоту. Был он горцем, а теперь это наш рабочий человек. И он не может без нас, как мы без него. Но была у него одна беда: ходил человек по земле без пары. А теперь пожелаем им долгой, счастливой жизни! И будем вместе любить ее, как и его! Дай Бог вам счастья, дорогие наши молодожены!

Гости поднялись, чокнулись и дружно выпили. Калой поставил свою стопку на место, не дотронувшись. Дали и Матас тоже не стали пить.

Илья Иванович и гости запротестовали. Но так как Дали и Матас никогда не пробовали водки, им заменили ее чихирем. А Калою пришлось хуже. Как он ни отказывался, от него не отступились. Особенно шумели женщины.

- Мужик под притолоку! Косая сажень в плечах! Да коли мы, бабы, стакашками пьем, так тебе ее квартой давить!

И пришлось Калою ради такого случая нарушить свое старое слово и выпить монопольки. С непривычки ему показалось, что в него льется чистый огонь. Но он выпил, не дрогнув, не поморщившись, и вызвал общее одобрение. Потом пили еще, говорили много и хорошо, пели песни. И вот кому-то пришло в голову крикнуть «Горько!»

Калой и обе ингушки не понимали, чего хотят гости. А когда Виты, смущаясь, объяснил им, развеселившийся Калой сказал, что надо делать все, чтоб гости были довольны. И не зная, что это касается только жениха и невесты, обнял свою растерявшуюся Дали и поцеловал при всех. Гости пришли в восторг.

- Ах, чертов Шамиль! — кричали они. - Как целовать - сразу понял!

- Так он же за старое! Небось, когда женился, там некому было кричать «Горько!»

Но не забыли и Виты. Пришлось и ему целовать Матас.

Откуда-то появилась балалайка. Сдвинули в сторону столы, и музыкант заиграл плясовую.

Захмелевшие гости ударили в ладоши. Но никто не решался выйти первым.

- Вера!

- Иди, Вера Владимировна! — слышались голоса.

И высокая, статная жена Ильи Ивановича встала, поправила на плечах платок в красно-

желтых цветах и, чуть откинув голову с короной тугой косы, пошла. Пройдя по кругу, она остановилась против мужа и задорно пропела:

Ох, Илья, для всех Илья,

А для кого - Ильеночек,

Если б сбрил свои усы,

Ты стал бы ангеленочек!..

Э-э-эх!

И снова раздался перебор ее ботинок, а руки, подхватив концы соскользнувшего с плеч платка, повели их в разные стороны.

Илья Иванович покачал головой, расправил рубаху под ремнем, подкрутил ус и лихо кинулся за ней. То он подбивал каблуками под ее мелкую дробь, то шел вприсядку, закидывая руку за голову, то останавливался и рассыпал ладонями треск по груди да по голенищам до самого пола.

- Эх! Давай, давай, давай! - кричали мужчины.

- Не поддайся! - перебивая их, кричали Вере женщины. Пальцы рвал о струны балалаечник, вздрагивало на стенах пламя в лампах.

Наконец, устав до изнеможения, они оба кинулись на лавки. Но Илья тут же вскочил и, обращаясь к женщинам, нараспев продекламировал:

А не сбрею я усы

И не пойду в святые,

Потому что вы у нас

Уж больно озорные!..

Потом плясали барыню, краковяк, добрались и до лезгинки. На этот раз Калоя просить не пришлось. Он вывел в крут невесту, сплясал с ней, потом с Дали. Гости были в восторге. Большой, он танцевал легко и ловко, так, что не было слышно.

- Ай да Шамиль! Вот это джигит! - кричали ему.

Поздно ночью, когда все уже были сыты и пьяны, Илья Иванович объявил конец.

- Ну вы, мамаевское нашествие! - крикнул он. - Будет! Пора и честь знать!

Когда стали расходиться, он остановился, подумал и, обращаясь к Калоя, спросил:

- А ты где сегодня?

Калой сказал, что остановился у Виты.

- Э-э, нет! - запротестовал Илья Иванович. - Где же тут всем в одной хате? Это не пойдет! А ну, Вера, води ее, а я этого! К нам! К нам! Тут промеж них нам нынче делать нечего! Не гоже! - И он увел от Виты всех гостей.

По улицам шли, взявшись за руки, с песнями. Дали раскраснелась от чихиря. Ей было удивительно весело и хорошо.

Калой шел и думал: «Какой простой и хороший этот городской народ... Не зря Виты дружит с ними... Но почему ж с казаками так не бывает? — и сам себе ответил: - Нельзя. Землею рассорили нас! А с этими нечего делить...»

У Ильи Ивановича и Веры Владимировны был свой домик в две комнаты с садом. Когда они вошли, дети спали все трое на одной кровати. Два мальчика в одну сторону, а младшая курчавая девчушка - в другую. Старшим было пять и шесть лет, младшей - два годика.

Дали с завистью смотрела на детей.

— А у тебя сколько? - спросила ее хозяйка.

Дали поняла и отрицательно покачала головой. Вера Владимировна пожалела ее, но на этом разговор их оборвался. Дали ни слова не знала по-русски.

Илья Иванович и Калой легли в первой комнате, женщины - во второй. Они закрыли дверь и вскоре уснули. А мужчинам не спалось. Калой неважно чувствовал себя после водки, а хозяин и того хуже. Он принес из кладовой холодного квасу, угостил Калоя, выпил сам. Открыв настежь дверь, расстегнув ворот рубахи, Илья Иванович подсел к окну. Из сада тянуло свежим ветерком.

Ему хотелось поговорить с Калоем, но тот плохо понимал его. И все-таки в конце концов между ними завязалась беседа. Говорили долго и о многом: о жизни в аулах, в городе. Здесь тоже одни вечно бились и не могли выбиться из нужды, а другие, у которых и сила и власть, рвали у них последний кусок из горла и не давали поднять головы. Калой впервые услышал мысли русского человека об этом. Они поразили его. Как они были близки и понятны ему! Но какие это были страшные и мужественные мысли! «Прогнать царя! Прогнать богачей!»

Глаза Калоя привыкли к темноте, он с удивлением рассматривал Илью. Прямой нос, мужественный подбородок... Как не похож он был сейчас на того беззаботного человека, который совсем недавно плясал в кругу друзей и пел веселые, душевные песни. Илья смотрел в ночной сад и, казалось, видел все, о чем говорил. Голос его звучал резко. Рука, сжатая в кулак, изредка твердо опускалась на подоконник.

Теперь он рассказывал о войне царя с японцами — с народом, у которого узкие глаза.

- Япошки нас бьют, потому что начальников над войском ставят не по уму, а по знатности, по наследству. Воевать не умеют, а народ за них расплачивается: голодает, гибнет на фронте тысячами... Кончать все это пора!

Долго слушал Калой. Потом, когда Илья замолчал, на ломаном языке спросил, каким образом в такой большой стране люди смогут узнать мысли друг друга, чтобы решиться на что-то сообща? Как живущие друг от друга за тысячи верст узнают, что наступил день, когда надо подняться? Кто-то ведь должен быть головой?

Илья Иванович повернулся к Калой, с удивлением посмотрел на него и, стараясь говорить как можно проще, ответил:

- Мысли друг друга люди узнают из книг, из газет. Кто умеет, читает и рассказывает тем, которые не умеют. Те - другим. Так и идут мысли в народ. Вот которые пишут все это — они и есть голова. Они знают все! А когда начнется пожар, восстание, все узнают! Сразу подхватят!

Калой оживился.

- Это правда! - сказал он. - Когда я был мальчишкой, я старшины поле зажигал. Здесь маленький огонек ударил... - Он показал, как он высекал огонь. - Сразом все поле горел!

- Вот! Точно! - обрадовался Илья. - А за что ты старшине петуха пустил?

- Нет, - пояснил Калой, - не петух, огонь... Огонь знаешь? Огонь пустил!

Илья рассмеялся.

- Ну да, огонь! Это у нас говорят: огонь - петух... За что же ты его?

- Наша земля сопсем мала-мала. А он один се земля себе брал. Как казак он!

- Во! В этом вся штука! Один хапает себе все, а другому ничего не достается! Нельзя так! Неправильно.

- Очень неправильно! - согласился Калой.

Уже на рассвете им все-таки пришлось прервать этот большой разговор, и они вздремнули.

Но Калой очень скоро поднялся, разбудил Дали, и они тепло, душевно простились с хозяевами, пообещав приезжать в гости.

Виты и Матас были уже на ногах, когда они постучались к ним. Матас успела привести в порядок комнату, приготовить чай в самоваре. Оказывается, Илья с женой подарили им этот удивительный, блестящий, как солнце, котел, в котором вода и огонь были вместе! Позавтракав, еще раз пожелав Виты и Матас счастья, Калой и Дали пошли домой.

Город только что просыпался. С лязгом открывались ставни, засовы ворот. На площади собирался табун. Торговки спешили с корзинками на базар. Рабочие шли на работу.

На всю эту незнакомую жизнь Дали смотрела с большим интересом. Они шли пешком и вели коней в поводу. На одном из перекрестков со скрежетом и визгом прошел

трамвай. Дали он показался настоящим чудовищем. На следующем углу она увидела бассейную будку. Около нее с ведрами толпились люди. С другой стороны будки стояло корыто, в котором извозчики и дрогали поили лошадей.

- И наши сегодня не поены, - заметила Дали.

- За городом в роднике попьют, - отозвался Калой. - Здесь деньги за воду берут.

- Как деньги? — удивилась Дали. - За воду?

- Здесь за все платят, - пояснил Калой, и они пошли дальше. Внезапно над головой Дали раздался могучий удар колокола. За ним второй... Она вместе с конем шарахнулась в сторону и зажала ладонями уши. Взглянув вверх, Дали увидела огромный колокол, в котором язык величиной с оглоблю мотался из стороны в сторону, готовый сорваться на мостовую. Дали кинулась бежать.

- Да ты что, очумела, что ли? — закричал ей вслед Калой.

Она остановилась, поймала коня и пошла, опустив голову. Уже на окраине города ее снова оглушил взревевший поблизости фабричный гудок. Звук этот заполнил и землю и небо. Калой улыбнулся. Дали придержала коня, закинула на шею повод и, вскочив в седло, помчалась галопом. Калою ничего не оставалось, как кинуться ей вдогонку.

- Что с тобой? - спросил он ее, когда они поравнялись на выгоне.

- Ничего, — уже спокойно ответила Дали. — Со вчерашнего дня я наелась этим городом вот так! — Она провела пальцем по шее. — Или в нем живут только глухие? И бог у них глухой, что ли? Матас через неделю дурочкой станет! Чтоб им огнем сгореть!

Калой расхохотался.

- Не бойся. За неделю привыкнет! И ты привыкла бы. Некоторое время они ехали молча.

- Может быть, - откликнулась Дали. - Только я не знаю, зачем нужно привыкать к этому? Ведь есть места на земле, где можно жить спокойно...

Она расправила шаровары и платье.

— Давай поторопимся, пока нет на дороге людей! - озорно взглянув на мужа, предложила она. И, подравняв коней, они рысью помчались в родные горы.

А Матас по-настоящему чувствовала себя хорошо. В воскресенье открылась ярмарка. День выдался солнечный, ясный. Еще в субботу Виты купил ей обнову: бархатный жакет фиолетового цвета, полуботинки с пуговицами из стеклянных алмазиков и кашемировый платок с красно-зелеными цветами.

Под этот жакет Матас надела свое самое лучшее, атласное платье цвета спелой вишни, и они отправились гулять. На Виты был черный костюм, хромовые сапоги, черный картуз и белоснежная рубаша.

— Мы во всем, как они! — заметила Матас, глядя на русскую публику. — Наши не узнали бы!

Виты сказал, чтоб она взяла его под руку. Она засмушалась, но все же подсунула руку кренделем под его локоть. Это было очень кстати, потому что без привычки сразу с чувяк встать на наборный, высокий каблук было не менее сложно, чем влезть на ходули. Но она из всех сил пыталась не подать виду, что ей тяжело, и шла, стараясь перенять походку городских.

Ярмарка поразила ее многоголосьем, шумом и невиданным скоплением народа и подвод.

— Если б раньше мне сказали, что на свете столько людей, я бы не поверила! — говорила она Виты, судорожно схватившись за него, чтоб не потеряться в толпе.

Подводы, палатки, лавки и магазины стояли длинными рядами. Продавцы на все лады и на всех языках зазывали покупателей. На помосте возле балагана гремел большой барабан и ухала труба. Под звуки шарманки и звон тарелок вертелись перекидные качели и карусель. Где-то за спиной гудели гусли и гнусавил слепец. Хмельные голоса горланили песни. Мелькали ленты, звенели монисты, визжали на разные голоса свистульки.

У Матас рябило в глазах. Кружилась голова.

Виты угощал ее пончиками. Поил лимонадом. Катал на карусели, на перекидных качелях. Матас измучилась. Но она видела, какое удовольствие доставляет Виты показывать ей все эти новости, и, преодолевая усталость, с улыбкой шла за ним. Уже на пути домой им повстречались люди, танцевавшие под гармонь. А при выходе с ярмарочной площади они увидели большую толпу, в центре которой пели два бородатых солдата. Один из них был слепой, другой - без руки. Толпа с глубоким сочувствием слушала их. Лица мужчин были хмуры. Женщины вытирали слезы.

— Что случилось? О чем они? — тихо спросила Матас у мужа.

Виты не сразу ответил. Он постоял, послушал. А когда солдаты умолкли, вместе с другими подошел и бросил в их шапку пятак. Солдаты крестились и кланялись народу.

Виты и Матас выбрались на улицу. Было за полдень. Они дошли до сквера, сели в тени на скамейку. И тогда Виты сказал, что сейчас где-то далеко, на краю государства, идет война. Воюет Россия с народом, который называется «япошка». Япошка похож на ногайцев, только говорят, они очень злые и маленького роста.

Эти солдаты воевали против них, и япошка отрезал одному из них руку, а другому выколол глаза. Солдаты пели о том, как ночью враги тайно подкрались к русским кораблям и русские солдаты бились, пока не умерли все до единого.

- А если они победят царя, они всем будут выкалывать глаза и резать руки? - со страхом спросила Матас. - И почему русские танцуют и поют, когда там у них война?

- Много их. Одни воюют, другие пляшут и поют. Они не боятся япошку.

К вечеру Виты и Матас добрались до дому. Виты умылся и, переодевшись, лег отдохнуть, а Матас сняла свои обновы, почистила и любовно сложила в сундук. Старые чувяки показались ей милее самых дорогих ботинок. Она принялась разогревать обед. Из всего, что она видела за этот день, ее поразили эти два бородатых солдата. И она снова и снова возвращалась к рассказу Виты о войне.

А еще больше ее удивило, что в русских войсках против япошки сражаются отряды от всех народов и даже от ингушей.

- Что же это за люди, что их столько народов не могут победить?

- Япошка дерется около своих ворот, а нашим надо полгода пешком до них добираться, - ответил Виты.

- Говорят, - сказал он, - один ингуш прислал домой такое письмо: «Мы каждый день стреляем вперед, а идем назад. Ночью возвращаемся и ищем у убитых, чего бы поесть. Но наши лошади боятся к мертвецам подходить, пятятся, храпят. Когда одному всаднику не удалось дотянуться обобрать убитого, он так разозлился, что встал и во весь голос обругал коня: «Если от живых япошков я бегу, а от мертвых ты шарахаешься, я не знаю, кто царя Николая в таком случае будет спасать!» Япошки услышали его и открыли такой огонь, что чуть всех ингушей не перебили. Те едва на конях спаслись».

Матас, затаив дыхание, слушала рассказы мужа.

- Эти ингуши попадут в ад! - сказала она печально, опустив свои большие веки. - Разве можно воровать с покойников! Грех это!

Виты усмехнулся.

- Говорят, они там всех собак и даже крыс поели! Народу много. А еды нет! И взять негде! Они и так уже в аду, хоть и на земле!

Спать легли рано, сразу после ужина. Усталость быстро проходила. Матас обняла Виты:

- Чего только не увидела я! И все за один лишь день! А ведь могла умереть, не зная и не ведая ничего, если б не ты!.. Тебя Бог мне послал...

Калой и Дали очень поздно приехали к себе. Они проспали ночь и большую часть следующего дня. И только вечером, узнав об их возвращении, к ним начали сходить соседи.

Поездка в город всегда была событием в ауле. Вот и на этот раз народ шел к Калою за «новым хабаром». А хабар у него действительно был новый. И, не дожидаясь, когда люди соберутся, он за многими сам послал Орци.

Погода испортилась. Пошел дождь. Один из тех холодных, осенних дождей с резкими порывами ветра, который однажды, смешавшись с мокрым снегом, неожиданно возвещает о начале зимы.

Калой приглашал людей на нары, сажал вокруг очага. Те, что помоложе, стояли.

Последним пришел Иналук. Он стряхнул в стороне мокрую папаху и продвинулся к огню.

- Погодка! - сказал он, поеживаясь. - В такую ночь даже за отца мстить не выйдешь!

- Дай Бог, чтоб никому из нас это не привелось, - суеверно воскликнул кто-то.

Когда большинство друзей и соседей собралось, Калой со всеми подробностями рассказал им, что было в городе. Люди слушали его с жадностью. Изредка кто-нибудь вставлял словечко, и снова звучал голос хозяина.

- Но все это мог бы вам рассказать любой, кто привез на базар хоть пару головок сыра, - сказал в заключение он. - А вот то, что я услышал в доме моего нового друга Ильи, - это... - он обвел всех многозначительным взглядом, - настоящий хабар! Не тот, что можно услышать и забыть, а тот, который, раз услышав, не забудешь, пока не уляжешься в землю!

- О! - удивленно воскликнули горцы. - Не мучай нас, Расскажи, ради Бога!

- Илья - это рабочий человек. Но он умеет читать книги. Он читает книги таких людей, которых все знают! Мы не спали целую ночь. Илья рассказывал, что в России простые люди очень бедно живут, много работают, мало получают. У земледельцев земли нет. А у помещиков по многу тысяч десятин!

- Вот так новость! Хабар! Это каждому известно! - заметил один из присутствующих. Остальные неодобрительно посмотрели в его сторону, а Калой сделал вид, будто не услышал его.

- Я Илье говорю: мы тоже так живем. У одних — все, у других - ничего! А он, не отвечая мне, дальше говорит: «В России большой пожар. Люди с неправильными глазами напали на нее и хотят отнять синюю Сибирь. Царь сидит дома, а его генералы плохо воюют. Народ гибнет. Обиделся русский народ на царя...»

Калой встал от волнения.

- Русские решили в один день всех помещиков и князей арестовать... Самого царя арестовать. И посадить всех набахте[5].

- Ого! Вот это да!

- Да он сам всех их в синей Сибири убьет!

- Подождите вы, дайте дослушать, - одновременно зашумели эгия-ульцы. Калой выждал, пока все стихли.

- Я Илье говорю: как же это вы без царя будете? У пчел матка есть.

У баранов - козел впереди. Журавлей и то вожаки водят! А как же вы? А он мне отвечает: «А мы, как вы... Как ингуши будем! Где у вас царь? Не было у вас царя! Даже

князя не захотели вы себе выбрать. Мне Виты рассказывал, как это было. И молодцы. Вам теперь немного осталось: богачей своих под зад чувяком, от казаков земли — назад! И все. Жить будете!»

- Ох, и умный он, этот твой Илья! — не выдержал Иналук. — Это бы и я мог посоветовать. Сказать легко, а сделать как? Вон она, тронь гойтемировскую землю... Солдаты все башни за него повзрывают, это тебе одно. Родня его кровную месть объявит, это тебе другое. А казаки? Случайно, от них же отбиваясь, одного зацепишь, так десятка своих недосчитаешься, на каторгу сошлют! Забыл, как два года тому назад кара-булакский атаман со своими дружками за один месяц два раза ограбил аул Яндыре? А в прошлом году что сделали с Экажконьги-Юртом? Армия в несколько сот человек с самим Сунженским атаманом окружила, ограбила село, увела людей в каторгу... Это знает твой Илья или нет? Хорош друг!

- Правильно! - поддержал народ Иналука.

- Что правильно? - взорвался Калой. - Я сам знаю, что правильно. А кто говорит вам: зажмурьтесь и прыгайте с кручи? Нам говорят: знайте, не все русские за царя. Не все русские против вас! Не все русские сладко едят, мягко спят! Не все собираются век в ярме ходить... Они говорят: «Когда мы поднимемся и сбросим с плеч свой груз, не зевайте! Вы нам поможете, мы - вам!» Что в этом плохого? - Никто Калою не возразил. - Конечно, одни мы ничего не можем. Но когда нам говорят, что мир будет меняться, надо прислушиваться! Думать надо!

Долго в эту ночь шел в башне Калоя спор о жизни. И в конце концов все сошлись на одном: если в России начнется пожар, горцам надо подниматься, сообща бросить в это пламя и свою охапку хворосту.

Это была первая искра надежды, которую занес в горы ветер нараставшей в России бури. Искра, которой суждено было позже разгореться в сердцах людей и повести их на борьбу за лучшую жизнь.

4

Уже несколько лет кое-кому из горцев удавалось арендовать земли у зажиточных казаков. И хоть это обходилось недешево, все же что-то из урожая оставалось и землепашцу. И на этот раз к весне приехал в Гойтемир-Юрт Чаборз и предложил людям горского общества свою помощь. Он сказал, что может достать всю землю для аренды в одном месте, около аула Галашки, у одного хозяина.

Желающих оказалось очень много. Люди продавали скотину, занимали друг у друга деньги. За десятину платили по пятнадцать рублей. Рады были взять и за столько, потому что земли, о которых говорил старшина, находились недалеко от гор, а главное, работать рядом, друг около друга, намного безопаснее. И никто не знал, что Чаборз платит хозяину всего по десять рублей за десятину, а барыш забирает себе.

Пришло время пахоты. Орци и Гота остались работать в горах, а Калой и Дали выехали на арендованный участок. Пахали в супраге с Ина-луком на быках, жили в землянке.

Однажды пришел родственник из Галашек и пригласил их к себе в гости. Когда стемнело, поручив соседям присмотреть за скотиной, Калой, Дали и Иналук

отправились в село. Родственник принял их, угостил настоящим городским чаем, а потом предложил пойти к соседу, послушать юношу-ингуша, который уже третий раз приезжает из города и рассказывает людям новые хабары.

Братья согласились и, оставив Дали беседовать с хозяйкой, пошли.

Сакля, куда их привели, была небольшой. Под навесом две комнаты: одна жилая, другая кунацкая. В каждую - отдельная дверь. Потолки из жердей. Поверх наката - глина.

Когда братья Эги вслед за своим родственником вошли, все, кто находился в кунацкой (а там был хозяин и четверо его соседей), поднялись. После приветствий хозяин сказал, что гость из города скоро придет.

- То, что он говорит, если захотите, вы можете рассказать другим. Но прошу не рассказывать про мой дом и про тех людей, которые здесь будут. Власть зла сейчас на всех, а иметь с ней дело, думаю вы меня поймете, никому нет охоты.

Он вышел.

Калой оглядел присутствующих. Двое пожилых. Бороды с проседью. Двое других - помоложе. Руки у всех загрубевшие от сохи и топора. Из тех, которые тонкими пальцами умеют делать только одну работу - считать деньги, тут не было никого.

Вскоре хозяин вернулся, в сопровождении молодого человека, одетого по-русски: в длинные брюки и куртку с металлическими пуговицами от верха до самого низа. Из-под высокого воротника выглядывал второй - чисто белый. У гостя было кавказское лицо, нос с небольшой горбинкой. На голове фуражка. Когда он снял ее, на лоб упала густая шевелюра волос. Эти волосы испортили хорошее впечатление, которое он произвел на Калоя. Сам Калой в последнее время голову брил и носил короткую стриженую бороду. У него даже с Виты был по этому поводу спор. Из городских ингушей редко кто не носил волос еще и потому, что мусульман за бритую голову дразнили «гололобыми».

«Лет двадцать - двадцать пять, - подумал Калой. - А глаза умные».

Молодой человек по просьбе старших сел, хотя по всем правилам должен был здесь только стоять.

Разговор, как обычно, начался с обмена приветствиями. Хозяин сказал, что зовут гостя Мухтаром, и беседа началась.

Мухтар говорил хорошо, складно. Он сразу завладел вниманием горцев, и Калой позабыл даже о его длинных волосах. Мухтар рассказал о войне, о том, что народ не хочет воевать. Что ему и так жить нелегко. Горцы впервые услышали, что есть люди, которые называют себя партией. Что таких людей много, а будет еще больше. Партия говорит народу правду о царе, зовет бороться за лучшую жизнь. Он рассказал, как по приказу царя в начале этого года была расстреляна в Петербурге демонстрация рабочих, как убили там и ранили более трех тысяч человек! Эта новость очень удивила горцев, взволновала их.

Они разом заговорили. Возмущению их и вопросам не было конца.

«Зачем пошли рабочие к царю? Почему его никто не убил? Большой ли у него род? Что говорят те, которые партия?» И Мухтар отвечал горячо, призывал горцев тоже бороться против царских слуг, требовать назад свои земли, леса, требовать, чтоб уменьшили налоги и оградили от произвола атаманов.

Уже было поздно. Пришла пора расходиться, когда Калой обратился к Мухтару.

- Тебе спасибо, молодой человек, - сказал он. - Не знаю, как другим, а мне ты передал много ума. Все, что ты говорил, я принимаю. Когда ты вернешься в город, где живут люди из рода партия, ты скажи им, что среди нас есть такие, которые их не подведут! Если они хотят поделить землю на всех, если они хотят, чтобы рабочий работал хоть немного меньше, - а я знаю, какая у них работа, там у меня брат Виты, - если они говорят, что ингуши, осетины, русские и все люди должны быть в одинаковом почете, это хорошие люди и с ними надо иметь дело. Правда, они хотят еще убрать царя. Тут мы не сможем помочь. Если пообещать, будет обман. До него нам не добраться. Но если б мы могли увидеть его на расстоянии выстрела, воллагги[6], за этих убитых людей я бы сам продырявил его башку! Скажи, пожалуйста, - продолжал Калой, - как ты сумел, выучиться? Если б у нас было таких, как ты, десять человек, мы тоже среди людей людьми считались бы!

Мухтару пришлось рассказать собравшимся о себе. Его дядя был в детстве увезен в Россию заложником. Их русские называли аманатами. Аманатов кормили, поили, одевали, учили.

- Так мой дядя выучился и стал юристом, человеком, который знает законы. Он служил в городе, зарабатывал хорошо и отдал всех своих племянников в учение. Вот мы и учимся, - закончил Мухтар.

- Да оплатит ему Аллах за его доброту! - воскликнул Иналук, который с большим уважением глядел на Мухтара. - Хоть бы ты к нам в горы приехал, рассказал людям... Вот обрадовались бы!

- В этом году не смогу. Мне скоро в Петербург возвращаться. Там много дел сейчас, - ответил Мухтар. - Но в следующий приезд обязательно заберусь к вам!

Братья возвратились в землянки. Надо было спать. Дали, видно, уже легла, а Калой и Иналук все не могли успокоиться, вспоминали беседу с Мухтаром и прикидывали, может ли что-нибудь выйти из того, что задумали люди, которые называются партия...

Этот год был не таким, как другие. Горцы, у которых прежде вся жизнь проходила в заботах о работе, о пропитании, во взаимных столкновениях и междоусобицах, стали интересоваться событиями в далекой России, правами одних и бесправием других людей и мыслить о том, как изменить жизнь.

Эти мысли шли из города. Разными путями и тропами добирались они до самых отдаленных уголков края, забирались в ущелья, в горы.

В середине лета стало известно, что где-то около Владикавказа группа ингушских всадников столкнулась с отрядом стражников. С обеих сторон были раненые.

В месяц этинг, в пору сенокоса, пришла весть о том, что плоскостные ингушские общества во главе с Плиевским и Яндырским послали выборных к начальнику области с просьбой выделить ингушей из казачьего Сунженского округа.

Не успела весть облететь аулы, как пришла другая: просьба обществ принята. Для ингушей открыт новый, свой округ — Назрановский.

Это была удивительная, обнадеживающая новость. Значит, не здорово живет начальство, если соглашается на просьбы и пожелания народа!

И тогда горские общества тоже решили подать свой голос. Они отрядили по человеку от аула в город и там с помощью защитника написали бумагу начальнику области. Они просили вернуть им земли, отобранные в казну царя и для поселения станичников, или дать новые наделы из свободных казенных земель.

Эти горцы побывали в гостях у Виты.

Матас уже привыкла к городской жизни, но очень боялась за мужа.

- Он часто задерживается на собраниях. Очень встревожен. Правда, меня он старается оградить от своих, мужских дел и волнений, да разве я сама не чувствую, - говорила она.

За год Матас научилась понимать русский язык. От женщин-соседок и из случайных разговоров на базаре она знала, что в городе неспокойно, знала много и других новостей. Она рассказала гостям, что враг япошка одолел царя и отнял у России кусок земли.

Тревожные вести увезли горцы в аулы.

А Виты участвовал в демонстрации, бастовал. Против забастовок Матас не возражала. В это время Виты бывал дома, с нею. О потере его заработка она тоже не особенно беспокоилась, потому что умела приработать иглой, и на жизнь им хватало.

А то, куда поворачивались эти дела, она поняла позже, когда несколько раз на ее глазах на базаре толпа каких-то головорезов избивала евреев и ингушей. Она слышала, как, расвирепев, они кричали, что только жида да басурмане повинны во всех беспорядках России. И Матас стало страшно. Ей захотелось назад, в горы. Уйти и спрятаться от этой злости. Но приходили Илья, Вера. Вместе с Виты они смеялись над ее тревогой, говорили, что скоро не будет царя, что народ установит свои порядки, и Матас верила им и стыдилась своих опасений.

Однажды вечером Виты взял ее с собой к Илье Ивановичу. Там их уже ждало несколько человек, среди которых были грузины, армяне, осетины. Вера Владимировна подала чай. Матас с трудом догадывалась, о чем толковали эти взволнованные, серьезные мужчины. Поняла: царь прислал какую-то бумагу - «манифест», в ней он обещал защищать каждого человека от беззакония, разрешал верить в Ису, Мухаммеда и говорить против начальников, не боясь наказания. Он обещал собрать умных людей всей России, чтобы они думали вместе с ним, как лучше управлять народом.

И Матас решила: «Какой хороший царь, зачем его убивать? Чем еще недовольны эти люди?» И, как бы отвечая на ее мысли, заговорил Илья. Царь хочет обмануть народ этой бумагой, успокоить его, собраться с силами и ударить тех, кто шел против него.

- Манифест семнадцатого октября - это обглоданная кость! - говорил Илья. - Ни в коем случае не соглашаться! Реакция сейчас только отступает, но не сдается. И мы должны добиваться свержения царя и созыва Учредительного собрания! Без революции они на это не пойдут! Надо готовиться к вооруженной борьбе.

- Сегодня, как только был обнародован текст манифеста, - сказал один из гостей, молодой синеглазый парень, — реалисты старших классов и учащиеся других мужских и женских учебных заведений забастовали, вышли на демонстрацию и столкнулись с группой черносотенцев. Произошла потасовка.

Илья понимающе кивнул головой.

- На завтра, товарищи, - сказал он, - комитетом партии назначена общая забастовка и выход на митинг протеста к памятнику Архипу Осипову. И против нас могут двинуть черносотенцев. Но мы должны быть начеку, не поддаваться на провокации. Выступать с оружием до решения комитета не будем. А ждать такого решения нужно в любой момент.

После Ильи говорили другие. Спорили, горячились. Матас поняла: завтра будет что-то такое, от чего можно ожидать больших неприятностей.

Дома, уже в постели, она спросила мужа, пойдет ли завтра он туда, куда собираются все. И Виты сказал, что пойдет.

- Послушай меня, - заговорила Матас, - я не знаю столько, сколько знаете вы, но чувствует мое сердце, что это может кончиться бедой... Уедем в горы! Поживем, пока пройдут все эти дела, а потом, если тебе захочется, вернемся...

- Нет. Не поеду. Ты зря боишься. Когда поднимется весь народ, то будет так, как он решит!.. А опасность везде. Сколько раз в детстве идешь, бывало, по-над скалами - и вдруг сверху камень... Пролетит рядом, но мимо!.. - говорил Виты, стараясь успокоить жену

Но ее нелегко было вразумить. Она не переставала просить его уехать домой, пока он не дал согласия подумать над этим.

Наутро Виты надел свой праздничный костюм и ушел в мастерские.

Матас не находила себе места. Чувство тревоги не покидало ее. Наконец, не выдержав, она оделась и побежала к Вере Владимировне.

Жена Ильи Ивановича тоже была неспокойна.

Она хорошо понимала Матас, и они вместе пошли туда, где должен был состояться митинг.

- Сердце болит! Душа болит! - говорила Матас, не зная, как объяснить Вере

Владимировне, что ее терзает предчувствие.

- Конечно, всякое может быть, - отвечала Вера Владимировна. - В Петербурге вон сколько народу ни за что, ни про что погубили. Но здесь до этого, наверно, не дойдет. Наши ведь собираются пройти мирно.

Когда женщины подошли к памятнику Архипу Осипову, уже начался митинг. Но с разных сторон еще подходили колонны учащихся, рабочих. Вокруг памятника стояла огромная толпа, и кто-то, поднявшись на ступеньки пьедестала, энергично жестикулируя, произносил речь.

Во многих местах над народом были видны красные флаги. День был ясный, солнечный. Люди, одетые по-праздничному, казалось, собрались сюда на гулянье. Матас успокоилась.

Но вдруг ее кинуло в жар. Она не поверила глазам своим. Там, где только что стоял и что-то говорил человек, похожий на грузина, появился Виты... «Что он делает? Что он собирается сказать этим людям?» - мелькнуло у нее в голове. А Виты говорил. Она ясно видела его смуглое лицо, большой рот, острые глаза. Он однообразно махал рукой... Матас ринулась из задних рядов вперед. Вера Владимировна - за ней. Люди пропускали их. Но наконец толпа стала такой плотной, что дальше невозможно было сделать ни шага. В толпе захлопали, кто-то закричал: «Молодец, ингуш! Правильно!!!», а когда Матас снова посмотрела туда, где был Виты, там уже стоял бледный человек и что-то говорил резким голосом, разносившимся далеко вокруг.

- Это осетин. Из газеты «Искра», - шепнула Вера Владимировна Матас, но та не слушала ее.

«Зачем он путается не в свое дело! - думала она о муже. - Эти люди что-то знают, чего-то хотят. А ему что среди них надо?» А оратор увлек толпу. Народ слушал притихнув. Когда над головами людей прозвучали слова: «Да здравствует вооруженное восстание! Да здравствует революция!» - раздалось «ура» и громкие аплодисменты.

В это время где-то сбоку грянул оркестр. Матас вместе со всеми повернулась в ту сторону. По широкой улице приближались люди. Они шли рядами.

Впереди, в сапогах, блестящих, как стекло, шел человек без фуражки. Его почти целиком скрывала картина, на которой был нарисован царь Николай. Матас сразу узнала его по голубой ленте. По бокам несли лики богов. Сзади, на высоких палках — два трехцветных флага. Люди эти шли чинно, без шапок. Впереди, в черных костюмах - начальники. Важные. Бородатые. В медалях.

- Купцы это. А позади - мелкие чиновники, приказчики... разный сброд... Такие за рюмку водки на любое готовы!.. — сказала Вера Владимировна растерянной Матас.

Приближаясь к митингу, манифестанты запели «Боже, царя храни!..».

Толпа опешила. Матас видела, как с каждой минутой росло напряжение. Вот кто-то свистнул, кто-то заулюлюкал, и начался такой гам, что оркестр сбился. Замолк и хор, подпевавший ему. Раздался выстрел - и человек, несший портрет царя, упал на мостовую.

Из рядов друзей этого человека прогремели ответные выстрелы. Послышались крики, стоны раненых. Смятение охватило площадь. А когда из боковой улицы, сверкая обнаженными клинками, показались казаки, народ бросился врассыпную, дав друг друга. Толпа увлекла с собой Матас и Веру Владимировну.

Настигая бегущих, казаки осыпали их фухтелями[7].

В несколько минут все было кончено. Очистив площадь, казаки перекрыли поперечные улицы. На мостовой корчились раненые и неподвижно лежали убитые.

Бронзовый орел на вершине памятника Архипу Осипову замер, подняв крылья. Казалось, он сейчас улетит прочь от этого страшного места.

Матас и Вера Владимировна в панике бежали вместе со всеми. Но внезапно Вера Владимировна остановилась и сказала, что пойдет обратно посмотреть убитых и раненых...

- Ты думаешь Илья?.. - спросила Матас. - Нет. Я сам видел: которые упал, все крайний люди был. Виты, Илья вместе был. Они далеко был, середина был...

И, подумав, Вера Владимировна решила, что Матас права: пострадать могли только крайние. А те, что были в центре митинга, наверно, ушли невредимыми.

И они побежали домой.

Первыми по пути жили Виты с Матас, и женщины вместе свернули к ним. Какова была их радость, когда они увидели дома своих мужей!

Илья Иванович и Вера Владимировна заторопились к себе, к детям. А Матас впервые за год жизни начала с мужем разговор в таком тоне, какого никто от нее не мог ожидать. Она требовала, чтоб они немедленно уехали домой.

-Здесь живут жестокие люди! - говорила она. - Их царь не умеет воевать с врагами, и его побил япошка. Но зато он знает, как стрелять в своих людей! Их много, как муравьев. И им не жалко друг друга! Я видела, как падали люди - женщины, дети... Лучше б я умерла, чем видеть это!

- Да, но не все же здесь жестокие! - пытался возразить Виты.

Но Матас не была сейчас той скромной женой, которую он привык видеть. Матас взбунтовалась. Она ничего не хотела знать и слушать.

- Да, не все такие. Илья хороший. Вера хорошая. Много хороших! Но у них нет жалости к себе, и это их дело. Кто хочет умирать, это его дело. А нас мало... Ты у меня один. Если тебя не станет, для меня нет жизни! Пускай будет царь, пускай будет царя отец, пускай вся жизнь будет неправильной, лишь бы они тебя не бросили в крови на мостовую так, как я видела других! У меня нет сил, нет желания бороться с царем, который в один час может бросить навзничь тысячи убитых! У меня есть только один человек, и я не хочу его смерти - ни за какие блага земли!

- Да подожди ты! Никто у тебя не отнимает твоего человека, и ничего со мной не будет.

- Матери, жены и дети тех, которые сегодня покатились с простреленными телами, тоже не думали утром, что будут сейчас уже сиротами и вдовами... - кричала Матас.

- Но ты пойми: вот за то, что они творят такое, народ и должен избавиться от них!

- Послушай, мужчина! — внезапно сбавив тон, спокойно обратилась к мужу Матас. - Я тебе еще раз говорю: я не хочу воевать с царем. Не хочу видеть обнаженные сабли над головой. Я не солдат. Ты отвези меня домой. Хотя бы на то время, пока царь и его войска не умрут от ваших вечных разговоров.

- Хорошо. Я отвезу тебя, - согласился Виты, не подозревая хитрости женщины, которая решила заманить его в горы, где она в своих просьбах не останется одинокой и как-нибудь удержит его от возвращения сюда.

Они связали ее вещички. Причем он не заметил, как много его белья и одежды пошло в узлы и хурджины, и отправились на базар искать какую-нибудь попутную подводу, чтобы доехать хотя бы до Длинной Долины.

Виты был грустен. Ему очень не хотелось расставаться с женой. Но он понимал, как велик был ее испуг, и не старался больше отговаривать ее.

Базара почти не было. Многие лавки стояли на замке. Толкучка тоже разбежалась. На привозе - ни одного горца. С подводами стояли только казаки.

Матас была удручена. Они уже собирались домой, когда Виты неожиданно остановился против одного казака, сидевшего на подводе, груженной пшеницей, и уставился на него не мигая. Тот заметил это и сам стал присматриваться к Виты и вдруг, побелев, сорвался с фургона и забежал за лошадей. Соседи казака, стоявшие на своих подводах, ничего не могли понять. У того, что забежал за коней, тряслись руки, тряслась губа. А Виты продолжал молча глядеть на него.

- Тю на вас! - закричал один из соседей казака. - Что с тобой, Федор? Аль он тебя гипнозой оглушил? Так и рехнуться недолго!

- Это не я! Вот те крест, не я! - закричал наконец тот, которого называли Федором.

- Нет, ты! - отозвался Виты.

- Нет, не я... Это не я!.. - закричал Федор.

- Да что между вами? — спросил кто-то из ротозеев, которые мигом собрались полукольцом позади Виты.

- Он подрядился свезти до Бартабоса мешок с зерном... В горах голод был. Я матери вез хлеб... А он убил меня в лесу, ограбил... Мать померла. Меня отходили люди... - Виты говорил негромко, как во сне. Окружавшие были потрясены. Виты сорвал с себя картуз.
- Смотрите!.. - И люди увидели над его ухом огромный, лысый шрам.

Растерявшийся грузный Федор неуклюже кинулся наутек. За ним погналось несколько

человек. Его схватили и привели на место.

- Душегуб!

- По соплям его!

- Бей! - кричала толпа.

Федор стоял, втянув шею в бешмет, обрюзгшие щеки его дрожали. Казалось, он сейчас рухнет на колени и начнет у мира просить прощения. Но если растерялся он, то друзья его, станичники, почуяв беду, пришли к нему на выручку.

- Эй! Черномазый! - закричал один из них прямо с воза, обращаясь к Виты. - А где это у тебя мать? В горах? Так ты кто будешь? Ингуш?

- Кому поверили? - закричал второй. - Зверь[8], должно быть, глаза залил, вот и померещилось! Полезай, Федор, на подводу!

- Позволь, как это полезай? - крикнул в ответ кто-то из горожан. - В участок его! Разобраться надо!

Виты схватил за грудки Федора, пытавшегося уйти.

- Позовите городского! — крикнул он. Но станичники уже бежали к нему.

- Ты какое имеешь право? - крикнул один из них, верзила с добрую сажень. - Брось!

Он сорвал руку Виты с Федора.

- А не то я так возьму, что на этот раз не очухаешься!..

- Пойдем! Пойдем отсюда! - потянула Матас мужа. Но он отмахнулся от нее и снова схватил Федора.

- Не уйдешь! — закричал он. - Пойдем к Закону!

- Ах, ты вот как! - Верзила свистнул. - Ро-бя-та-а-а!!! На-ших бьют! - И, не дожидаясь помощи, размахнулся и ударил Виты.

Тот как подкошенный свалился на землю. Станичники мигом по-спрыгивали со всех подвод. Кое-кто из городских тоже получил по уху, и все кинулись врассыпную. Федора вместе с подводой свои угнали с базара. Над Виты и плачущей Матас, посмеиваясь, стояла толпа их врагов...

От центра города на рысях подскакал офицер с конвоем.

- А ну, р-разойдись, - крикнул он еще издали.

Станичники разбежались по подводам. Виты с трудом поднялся на ноги. Из уха его струйкой сочилась кровь. Матас обливалась слезами.

- В чем дело? — закричал офицер.

- Не зна! Ваше благородие! Чи пьян, чи дурнопьяна нажравси, ев-тот вот янгуш! Лезет до всех, башку резаную показывает да своо убивцу промеж нас ищеть! А нам только и делов, чтоб дурнив бить! Привязался!

Офицер посмотрел на Виты и, оглянувшись, негромко приказал:

- Связать. Доставить на гауптвахту. Вести строго.

Конвойные мигом сорвали с Виты ремень и скрутили ему руки за спиной.

- За что, господин офицер? За что вы?.. - крикнул Виты.

- А так! За здорово живешь! - ответил офицер. - Физиономия у тебя, мерзавца, приметная. Смутьян! Из-за ваших речей беспорядок, убийство! В царя стрелял и здесь людей всполошил! Я тебе покажу! Ведите его!

И, став с четырех сторон, казаки с шашками налоге повели Виты по городу.

Матас кинулась к офицеру. Схватила за стремя.

- Не надо!.. Не надо!.. Домой надо!.. Гора надо! - кричала она, уронив платок и с мольбой заглядывая в лицо офицера.

Он брезгливо отвернулся от нее и, тронув коня, поехал с базара в сопровождении оставшихся казаков. Матас кинулась догонять Виты. Люди, кто с сочувствием, кто со злорадством, провожали их глазами. Матас кинулась к мужу, но конвоир грубо оттолкнул ее.

- Ой! Что я буду делать, что делать теперь! - кричала она по-ингушки.

И Виты было очень обидно, что все видят ее в горе. А эти, что ведут, еще подсмеиваются и издеваются над ней.

- Не бойся, не убьют меня! Выйду! - крикнул он ей тоже по-ингушки. - Передай Илье, чтоб уходил!

- Замолчать! — гаркнул на него урядник. Тогда Виты сказал жене последнюю фразу:

- В тебе нет достоинства! Не показывай им сердца или уйди!

И Матас опомнилась, преобразилась. Пошла поодаль, чуть впереди, стараясь, чтоб Виты видел ее улыбку.

Она проводила его за город. Перед тем, как войти в тюрьму, он обернулся, кивнул ей и скрылся за воротами. А когда замер скрип петель, Матас увидела, что осталась одна. Она горько заплакала и поплелась назад.

Не заходя к себе, она, как просил Виты, пошла к Илье Ивановичу. Его дома не оказалось. Вера Владимировна, увидев ее, попятилась: так она изменилась за эти часы.

Матас рассказала все, что случилось, и передала слова мужа. Вера Владимировна была потрясена. Она тут же кинулась на розыски Ильи. Матас пошла домой.

На столе, на кровати лежали связанные вещи. Зачем, зачем она умоляла его уехать! Не ходили бы на базар, наверное, ничего этого и не случилось бы! Только одна она виновата, что его забрали! В исступлении она била себя и плакала бессильными слезами. Вконец измученная, она свалилась на кровать и погрузилась в сон, который скорее походил на забытье...

Неизвестно, сколько прошло времени. Она очнулась от скрипа дверей. Открыла глаза. В комнате было еще не совсем темно. Вещи стояли на своих местах. Она вспомнила снова все, что произошло... Потом посмотрела на дверь и вздрогнула. У косяка стоял человек. Матас вскочила. Это была Вера Владимировна...

- Увели... - услышала она ее голос. - Сейчас увели...

Уже люди управлялись с покосами, с уборкой и наступил месяц заготовки мяса, когда однажды утром, посмотрев в окно, Калой увидел внизу, на тропе, одинокую фигуру женщины. Приглядевшись, он сказал:

- Идет Матас.

Дали и Гота выбежали из башни и поднялись на бугор. Матас шла налегке, с узелком в руках. Вид у нее был усталый, плечи опущены.

- Что-то неладное с ней, — с тревогой заметила Дали.

Когда Матас поднялась на последний поворот, невестки пошли ей навстречу.

Калой и Орци тоже встречали жену своего друга.

Матас не в силах была заговорить и даже поздороваться.

«Неужели рассорились?» - мелькнула у Калоя мысль. - Пойдем в дом! - сказал он, не став ее расспрашивать.

Матас плакала. Плечи ее заострились, лицо осунулось. Немного успокоившись, она начала говорить. Калой слушал, не перебивая. Но когда она сказала, что был суд и Илью и Виты сослали в Сибирь навечно, он вскочил, заметался, подошел к Орци и, словно тот был глухим, крикнул:

- Ты слышал? Навечно!.. А ведь он не стрелял! Нам-то она правду говорит! Значит, за это у человека отнимают жизнь?

- Надо, чтоб грамотные люди написали царю, что Виты не стрелял. И, может быть, его освободят, - неуверенно предложил Орци.

Калой остановился, подумал и, обращаясь к Матас, сказал:

- Не плачь. Все от Аллаха! Он захочет — вернет его сквозь все их запоры! А то, что

Орци говорит, правильно. Мы это сделаем. Я найду людей, и они напишут... Но ты можешь не сомневаться в одном: выпустят они его или нет, а я не одного из них, подлецов, пушу вслед за их родителями! Ты будешь жить с нами. Мы привезем твои вещи.

- Спасибо, Калой... Только я хочу жить в его башне... Это же мой дом, с ним или без него... Я там буду ждать...

- Хорошо. Живи, - согласился Калой. - Я думал, чтоб тебе не было тоскливо... Ну, ничего, мы тут, рядом. Вместе будем.

В этот же день братья поехали в город. К вечеру они добрались до окраины Владикавказа. Но въехать туда им не удалось. Навстречу вышел солдат, остановил их и сказал, что на ночь в город нельзя. Калой не мог понять, в чем дело. Он не раз проезжал и ночевал в городе.

- Приказ! Понимаешь? - говорил солдат, опираясь на винтовку. За ним издали наблюдали его товарищи. - Велено на ночь ингушов в город не запускать. Завтра приедитя.

- Кто сказал? - спросил солдата Калой.

- Я сказал, - ответил солдат. - И вся тут. Не рассуждай! Поворачивай, говорю. Нынче - дац[9]! Утром хаволе[10].

- Мы гора пришел. Далеко. Лоша устал. Куда пойдем? Зачем держать надо? - пытался объясниться Калой.

Но солдату надоело.

- Эх ты ж и бестолковщина гололобая! - выругался он. - Мне какое дело - откедова ты и куда! Иди, говорю, хоть куды! Вон на хутор айда! К своим. Али к Тереку, в кусты! Не велено пущать! Приказ командующего!

И в знак того, что разговор закончен, он отступил назад на три шага и, сделав артикул, взял ружье наизготовку.

Калой с презрением посмотрел на него и, повернув Быстрого, поехал обратно. Орци последовал за ним.

Объехав кругом с полверсты, Калой спешился и попытался войти в город по одной из боковых улиц. Над головой его пропела пуля. С далекой вышки донесся выстрел.

- Может, быть, если нас здесь убьют, мы попадем в рай? - спросил его Орци. - Ведь это им одно удовольствие - выпустить масло из наших голов. Скажут, что мы на них нападали, и ни перед кем не в ответе.

- Ты прав, - согласился Калой. - Им за нас еще и медали дадут! И братья уехали на ближайший хутор ингушей.

Наутро они снова направились в город. Застава стояла по-прежнему, и часовые издали

поглядывали на всадников. Но придратся было не к чему. Кинжалы братья оставили на хуторе, потому что узнали, что в городе хорошие кинжалы отбирают, а плохие просто втыкают в землю и обламывают по рукоять. Правда, ингуш в черкеске и без кинжала выглядел так же нелепо, как баба без волос. Но делать было нечего. На чьей арбе едешь, того песню и пой! Чужие законы не считались с их традициями.

Первым долгом братья поехали к семье Ильи Ивановича.

Вера Владимировна стала другой. Похудела, постарела. Под глазами появились нездоровые отеки. Увидев Калоя с братом, она расстроилась, но сдержала себя и пригласила их в дом. Присмирившие дети ушли в другую комнату. Вера Владимировна почти полностью повторила историю, которая была им известна со слов Матас. Новое в этом рассказе было лишь то, что прошение на имя государя уже послано. Но Вера Владимировна не ожидала милости.

- Перед самой отправкой видела их, - говорила она, - держались они бодро. Их было восемь человек. Виты говорил о Матас. Просил ее жить с вами. А если придется... замуж выйти. Ведь кто знает, свидятся ли еще? Только я б ей не советовала. Да она и сама не такая! Будет ждать. А они выйдут! Я верю. Не даст народ этим иродам вечно лютовать! Наших сгубили - другие придут! - с ненавистью вырвалось у нее. И немного успокоившись, она продолжала: — Я собираюсь ехать к своим. Есть у меня родные в деревне, есть и в Ростове. Отец тоже на дороге работает. Зовет.

Она задумалась.

- Матас - одна голова и то бедна, а у меня вон тройка... Помереть захочешь — не дадут, хлеба просят!

Братья старались утешить Веру Владимировну, а потом попросили ее проводить их в бывшую квартиру Виты, чтобы забрать вещи.

Перед тем, как уйти, они сняли с лошадей хурджины, принесли в дом. В них оказалось масло, овечий сыр, копченый курдюк и мед в сотах.

- Другой кушайт нас нету. Это Илья дети отдай! - сказал Калой. Вера Владимировна заплакала. Жена лучшего токаря, она никогда не нуждалась в хлебе. А тут не могла отказаться. Издержалась семья без кормильца. Дети отощали. Вот они укладкой смотрят на стол, куда ингуши выкладывают свои нехитрые гостинцы.

- Не плакай! Чижолый будет тебе - ходи наш дом. Много нет. Кушайт есть. Илья - Виты брат, значит, мой брат. Илья дети, твой дети -наши дети! Приходи. Месте будем!..

Вера Владимировна поняла Калоя. И главное, поняла, что его слова - это не утешение, а верность, которой славился этот народ. И хоть она знала, что вряд ли ей придется воспользоваться предложением поселиться вместе с ними, но от одного того, что эти простые люди пришли к ней, ей уже было легче. Прощаясь с детьми, братья подержали каждого из них на руках, а Калой подарил им по рублю из тех, что припас для защитника на прошение.

В полдень, погрузив весь скарб Виты и Матас на лошадей, братья тепло простились с Верой Владимировной. На углу они оглянулись. Вера Владимировна все еще стояла у

ворот с соседями Виты и смотрела им вслед. Она помахала рукой. Горцы подняли мохнатые папахи.

Их дружба была короткой. Но в сердцах этих людей она осталась навсегда.

5

Давно покинутая башня Виты ожила вновь. По утрам над нею струился дым. Вечерами в окнах теплился свет. Изредка на башне появлялась одинокая женщина, которая долго глядела в ущелье, а потом вновь исчезала в каменных стенах.

Матас тяжело переживала свое горе. Но никто не знал всей меры этой тяжести. Ведь она считала себя одну виновной в несчастье, что обрушилось на их семью.

Друзья не забывали о ней никогда. Дров и хлеба у нее было достаточно. Калой дал ей корову, ягнят, кур, чтоб она отвлекалась от своих мыслей в заботах о хозяйстве.

И, кажется, это помогло. Теперь реже можно было увидеть в ее глазах слезы. Дом она держала так, словно каждый день ждала именитых гостей. Все было выбелено, вычищено, как на праздник.

Зимой Калоя вызвали в правление участка, в Джарах, сообщили, что в помиловании Виты отказано.

Он не сказал об этом даже дома. Но с этого дня всю царскую власть, ее слуг Калой объявил своими кровниками. Неважно, когда он отомстит за молочного брата и за Илью, но отомстит. Он знал, что сделает это.

Весной пахать арендованную землю выезжали, как на войну. Под тряпьем лежали ружья. Боялись налета стражников, казачьих разъездов, которые обезоруживали одиночек, отнимали фамильную ценность: дорогие кинжалы, сабли с чеканной отделкой, шарилы в карманах.

Уже все знали о том, что зимой не удалось бедным людям России сбросить старую власть, что войска побили их, посажали в тюрьмы.

И когда Калой вновь оказался в доме, где еще год тому назад студент Мухтар рассказывал, как народ думает устраивать новую жизнь, он сказал собравшимся людям:

- Мухтар много знает, и он хороший парень. Но чтоб живого царя, у которого войска под рукой, можно было убрать одними словами на сходках, так это детские разговоры. Наши проклятья - ему и его подручным во здравие! О чем можно дотолковаться с рысью! Бить их надо везде, где можно! За себя и за других!

Через несколько дней, когда пахари полдничали, как бы мимоходом подъехал к ним Чаборз. Пожелав удачи в труде, он сообщил, что на жалобу горцев о земле пришел ответ.

- В нем написано, — сказал Чаборз, — что земли, на которых поселены станицы и которыми наделены станичники, никогда горцам возвращены быть не могут! - Чаборз помолчал, поглядел на всех и глубокомысленно изрек: - Там написано, что скоро люди,

назначенные властью, будут думать, как поступить с безземельными. Значит, мы с вами неглупо сделали, что арендовали эти земли! Сколько они будут думать и что надумают? Должен еще всем сказать, что кое-кто из вас здесь плохо говорит о царе... Я не советовал бы. У власти длинные уши...

- И у ослов!.. — не выдержал Калой, поняв, что речь идет о нем и что кто-то из тех, которые были с ним в гостях, уже успел наябедничать старшине.

- И крепкая тюрьма... - будто не расслышав дерзости Калоя, закончил свою мысль Чаборз. И уже на ходу пожелав «счастливой работы», уехал.

Кто-то голосом, в котором больше звучала обида, нежели уверенность, крикнул старшине вслед:

- Ничего, река никогда не течет по одному и тому же руслу!

Калой нагнулся, поднял с поля ком черной, маслянистой земли, легонько подкинул его на ладони, размял в руке и, вздохнув, бросил обратно, как хлебное зерно.

- Все из-за тебя... Всегда!.. - сказал он так, ни для кого, и пошел запрягать быков. - Отдохнули? Подкрепились? Пора и в плуг!

А плуг, пришедший на смену сохе, недавно купленный плуг, дожидался их, стоя в борозде и сияя серебром полированного отвала. Больше всего любил Калой весеннюю пахоту. Начало всех начал.

Чаборз ехал домой в хорошем настроении. Земли, арендуемые им у казака-хозяина, приносили немалый доход. А то, что горцам было отказано в их просьбе, сулило эту выгоду еще на многие годы.

Мясная лавка в городе недавно была отремонтирована, расширена и приносила хорошие деньги. В общем все было хорошо. Но, когда он свернул к себе во двор и увидел у коновязи чужую горскую лошаденку, под бедным седлом, с овчинными подушками, настроение у него сразу испортилось. Мало ли приезжало к нему разного люда. Старшина все же! И вот на этот раз он почувствовал, что гость, поджидающий его, не принесет ему радости. Бывает так.

- Кто он? — спросил Чаборз жену, отдавая ей нагайку и бурку.

- Не говорит. С утра ждет тебя.

- Коня не расседывай. Пусть поостынет, - бросил Чаборз и вошел в кунацкую.

Навстречу ему поднялся человек лет пятидесяти, одетый в овчинную шубу, какие носят зимой. Но те, которым нечего сменить, таскают ее на голых плечах круглый год. Черная шапка, черная борода с проседью, бледное лицо, красные веки без ресниц и потускневшие глаза. Один облик гостя производил гнетущее впечатление. «Откуда и зачем этот дервиш здесь?» - мелькнуло в голове Чаборза. Но он не подал виду и мягко заговорил:

- Садись! Садись, гость!

- Да какой я гость! Я недостойн быть гостем в таком доме! Нужда привела меня к тебе.

- Садись! - вторично предложил Чаборз, усаживаясь напротив него. - Откуда ты? Чей? Все ли здоровы у тебя дома?

- Спасибо... пока Бог миловал. Я из Кия. Ты меня не знаешь. Когда-то мы жили в Цоринском ущелье, около вас. Но случилось убийство... И нам пришлось уйти... Это было давно. Я - Махти, сын Тормика. Отца кровники все же убили... Это было, когда мне исполнилось два года. Ты меня не можешь знать. А я и тебя и твоего отца знаю... Вы люди именитые! Вас в народе знают!

Голос у гостя был резкий, напоминающий клекот старого ворона. Он посмотрел на Чаборза сквозь больные веки и, так как тот ни о чем его не спросил, продолжал:

- Ты не подумай, что я вымогатель или попрошайка. Нет. Я просто очень обеднел. Недавно сдохла последняя корова, а у меня дети... В таком положении человек думает... Думает, где бы ему взять или что бы ему продать?.. Взять мне негде, я беден. А родичи у меня сами такие, что им бы кто дал. И продать у меня нечего, кроме вшей... Несчастье это и привело меня к тебе. Но я не пришел просить! Пусть лучше подохну и вся моя семья пусть сдохнет, прежде чем стану просить. Я пришел к тебе продать то единственное, что у меня есть, что никому, кроме тебя, не нужно! Я пришел продать тайну...

Чаборз слушал горца, не понимая еще, к чему тот клонит.

- Ты говоришь загадками...

- Я говорю то, что есть...

Гость умышленно замолчал, чтобы повысить у Чаборза интерес к себе. Но старшина не проявлял никакого любопытства.

- Я был свидетелем... - сказал тогда горец, немигающими глазами уставившись на хозяина, - как умер старшина Гойтемир...

Если б потолок рухнул на голову Чаборза, он не был бы так потрясен, как этим признанием. Кровь прилила к его лицу. Он готов был кинуться на гостя, схватить его за шиворот и вытрясти из него, как из прохудившегося мешка, все, что ему было известно. Но он выдержал взгляд бедняка и спокойнее прежнего сказал:

- За последнее время мне об этом кое-что стало известно. Но я готов выслушать и тебя...

Гость был поражен. Значит, кто-то уже опередил его. Ускользала последняя надежда добыть что-нибудь у этого богача. А может он хитрит и ничего не знает? Надо проверить. Он встал.

- Прости, что побеспокоил. А мне говорили, что вы об этом не знаете ничего... Ну, а раз нашлись другие, раз знаете - мне делать нечего. Пойду.

- Ну, как же так! - воскликнул Чаборз. - Ты человек издалека. Не коснувшись хлеба-соли, от нас никто не уходил! Садись. А потом мне очень интересно сравнить то, что я узнал от других, с тем, что известно тебе. Я слушаю тебя.

Гость понял, что если Чаборз и знает что-нибудь, то он еще совсем не уверен в правде того, что ему известно. Может, еще и купит его тайну... Он сел.

- Хорошо, - сказал он. - Я иду на твою честность. Если то, что я расскажу, еще никто тебе не рассказывал, ты не возьмешь на свой дом греха оставить моих детей голодными... Ты дашь им хоть что-нибудь из своего добра... - Он замолчал, обдумывая, как лучше начать. - В тот день, когда погиб твой отец, я, приехав в гости к родным, ходил на охоту. Мне удалось подранить козла, и я пошел по следу. Звериными тропами я добрался до отвесной скалы. Внизу протекала Асса. На другой стороне шла ваша тропинка. Я поглядел на нее и увидел на горе с одной стороны двух всадников, с другой, внизу - одного. Они двигались друг другу навстречу. Это место, где тропа, огибая гору, проходит над обрывом. Не доезжая до поворота, двое остановились. Один вернулся назад. Другой спешился и продолжал путь. На нем блестела цепь старшины. Это был твой отец. Обогнув гору, он увидел того, который ехал навстречу. Одиноким всадник тоже сошел с коня и стал пить воду. Твой отец сверху прицелился в него из пистолета и выстрелил. Я не услышал выстрела, его унес ветер. Но я видел дымок, который оторвался от дула. Пивший воду кинулся за твоим отцом. Старик побежал вверх. Когда он добрался до поворота, дорогу ему преградил тот, который до этого ехал с ним. Он стоял с пистолетом, наведенным на твоего отца. Как я понял, эти люди были его врагами. Но они не схватились. Некоторое время все трое так и стояли. Потом твой отец запрокинулся и упал с обрыва. От страха крик вырвался у меня из груди. В ущелье шумела река, дул ветер. Меня никто не услышал. Вода унесла Гойтемира... А двое вернулись в горы. Прячась в зарослях я убежал и никому никогда не говорил ни слова. Если бы я объявился, они, не выдавая себя, могли легко покончить со мной, потому что я даже не мог бы остерегаться их. Я не узнал их...

Наступило молчание.

Чаборз все же задал Махти два-три вопроса, из которых узнал лишь то, что один из двоих был очень высокого роста. Махти не совсем уверенно назвал масти коней. У Чаборза сразу мелькнула догадка: высоким был Калой.

- Скажи, - спросил Чаборз горца, - а чем ты можешь подтвердить все это?

- Кораном! - ответил тот, не задумываясь. - Бог и я свидетели, что все это правда! В твоего отца не стреляли. Ни один из них не тронул его пальцем... Я долго думал об этом и решил, что он упал от усталости... На очень крутую гору взбежал он тогда. У него могло лопнуть сердце...

Чаборз задумался, что-то прикидывая в уме, сощурился, словно глядя в далекое прошлое, и наконец изрек:

- Махти, тебе спасибо за то, что ты рассказал. Но в этом нет для меня ничего нового. Вот если б ты мог назвать хотя бы одного из двоих!..

Махти покачал головой.

- А так, ты и сам понимаешь, ничем из твоего рассказа я не могу воспользоваться. Убийцы нет. С кого мне спросить?.. Так за что же мне одаривать тебя?

Махти поник головой:

- Да. Ты прав... Прямого убийцы нет... Что ж, прости меня... Беда и умного толкает на глупость. А что ж с меня-то взять!.. Я пойду...

- погоди, поешь! - снова предложил Чаборз.

Но горец отказался, встал и вышел. Чаборз последовал за ним. Из общей комнаты показалась Зору. Она отвязала лошадь гостя, подвела ее к нему и подержала стремя, пока тот садился.

- погоди, - сказала она, когда гость повернул к воротам, и скрылась в сарае. Через минуту она вывела нетель.

- Веди потихоньку. Отдыхать давай. Доведешь - корова будет, - сказала она.

Горец растерялся, оглянулся на Чаборза.

- Не гляди, не гляди! Только скверной жене муж должен растолковывать, что он хочет! А хорошая понимает своего с одного взгляда! - Зору улыбнулась.

Призывая все блага на крышу их дома, на хозяина, на хозяйку и детей, Махти, понукая лошадь, задвигал локтями и погнал свою драгоценную находку детям.

- Да простит Бог грехи ваши!..

Когда он был уже далеко, Чаборз вошел в общую комнату. Зору возилась у плиты.

- Что ты сделала? - спросил он ее сквозь зубы.

Шрам на лбу его побагровел, глаза раскосились. Казалось, он сейчас убьет ее. Но Зору даже не оглянулась. Она молча указала ему на маленькое окошечко, которое соединяло ее комнату с кунацкой.

- Он детьми заклинал тебя, а ты хотел обмануть?.. У меня тоже дети... И если ты не боишься Бога, то я не могу, чтоб они расплачивались за тебя! Ты же ведь ничего не знал об отце!..

- А кто тебе разрешил добром распоряжаться?!

- За меня ты недодал моим родителям шесть коров... Теперь за тобою - пять... - жестко ответила Зору и вышла с подойником.

Чаборз только скрипнул зубами.

Справедливости ее дивились люди. И он ничего не мог с этим поделать.

Чуть свет Чаборз отправился в Ассиновское ущелье, к тому месту, о котором рассказал

Махти. Сотни раз он ездил по этой тропе днем и ночью, зимой и летом и никогда не обращал на нее внимания. Разве только тогда, когда вода сносила какой-то из тринадцати мостов и надо было выгонять людей, чтобы снова навести его. А теперь он ехал и присматривался к каждой каменной ступеньке, к каждому обрыву. Да. Здесь смерть всегда шла рядом с человеком. И один неверный шаг мог стать его последним шагом.

Но вот и поворот и обрыв, о котором рассказывал Махти. Чаборз слез с лошади и шаг за шагом начал осматривать каждую петлю дороги, каждый камень. Он постоял на том месте, где в последний раз стоял Гойтемир. Заглянул вниз - и голова пошла кругом. Асса нагоняла волны - одна на другую, и не было им конца. Пропасть стала тянуть его. Чаборз отпрянул... По тропинке он спустился вниз. Узкий клин каменистой земли уходил под скалу. Чаборз побрел, спотыкаясь о камни, по этой земле, сам не зная зачем.

Местами ноги его проваливались в песок. И когда он уже собирался вернуться, он наступил на палку, которая одним концом ушла в ил, а другим поднялась вверх. Чаборз увидел рукоятку кремневого пистолета. Он вытащил его. Вытер. Это был пистолет Гойтемира. Находка потрясла Чаборза. Старшина как бы из могилы вкладывал в его руки оружие и требовал завершить то кровавое дело, которое не удалось ему.

«Да, - подумал он о Калое, - тесно нам ходить по одной тропе. Не разойтись. И я постараюсь, чтоб сошел ты... как некогда здесь сошел мой отец...»

6

С тех пор как Матас поселилась в башне мужа, она жила надеждой однажды встретить на пороге Виты. Она старалась сделать свое гнездо таким уютным, чтоб Виты никогда уже не захотелось возвращаться в город, который показал ей так много хорошего, но и принес такое горе, которое не могло быть искуплено ничем. Она следила за собой, старалась сохранить свежесть и красоту. И все же в последнее время она похудела, хотя румянец на щеках и золотистый блеск в глазах говорили ей о том, что Виты остался бы ею доволен.

Однажды, когда Матас пришлось пойти на похороны родственницы в соседний аул, там оказались женщины из Джараха, и они, не зная, что отказ о помиловании держался от нее в секрете, начали высказывать ей сочувствие.

Вернувшись домой, Матас слегла. Через день она попросила, чтоб ее навестил Калой. Он пришел. Матас встретила его, сидя в постели. На ней было голубое платье с белыми цветочками и оранжевый кашемировый платок. Она посмотрела на Калоя грустными глазами, улыбнулась ему и спросила:

- Брат мужа (чаще всего она так называла Калоя с тех пор, как вышла замуж), ты обманул меня?

Калой не ожидал этого вопроса. И прежде чем успел что-то придумать, встретил такой прямой и такой умоляющий взгляд, что не выдержал и опустил глаза.

- Да. Я соврал...

Матас прижала платок к лицу, подождала немного и, успокоившись, сказала:

- Это неплохо, что ты соврал... Тогда хоть надежда была... А что у меня теперь?..

Сильный, как дуб, Калой показался себе ничтожно маленьким и беспомощным. Его ум искал, что сказать этой женщине, и не находил ничего. Наконец мысль все же озарила его. Он опять почувствовал под ногами почву, обрел силу и, смело посмотрев ей в глаза, заговорил:

- Матас, не было у Виты тебя - и не было у него ничего! Ни дома, ни родных! С тобой он узнал счастье. Дороже тебя у него нет ничего! Я не знаю, говорил ли он тебе об этом или нет, но мы братья. Одногодки. Мы делились друг с другом... И я эту правду тебе говорю!

Матас слушала его со счастливой улыбкой на лице. Эти слова ласкали ее душу. Глаза просили продолжать.

- Ты не травми свое сердце. Береги себя. Мы обязательно получим от него весточку и тогда соберем тебя в путь... Все, что тебе нужно будет, - вещи, деньги - я все добуду! И, ты поедешь туда, где будет он. В Сибири есть русские, которые не арестованные. Поселишься у них, найдешь дорогу повидаться с ним. А там вместе решите, что делать!

Матас расплакалась. Но это были слезы радости. Калой снова вдохнул в нее жизнь. Ей хотелось сейчас же встать и начать что-то делать.

- Брат мужа! - воскликнула она. - Ты исцелитель! У тебя доброе сердце и умная голова!
- Она попыталась встать. Но комната покачнулась в глазах, и она снова легла в постель.
- Простыла я... Ночью был сильный кашель... Это пройдет! Ты мне дал такой амулет, против которого не устоит ни одна болезнь!

Весело пошутив с нею еще, Калой ушел. Однако болезнь и слабость ее очень встревожили его.

Вернувшись к себе, он собрал своих и сказал:

- Матас больна. Она очень больна. Не давайте ей знать. Кормите ее жирным. Ты, - обратился он к брату, - подстрели одного-двух барсуков. Стопите сало и пусть пьет. Надо будет тайно скормить ей несколько ежей... Если я не ошибаюсь, у нее кашель[11]... А ошибиться мне трудно. Я на всю жизнь запомнил писаря, который учил меня, запомнил и Гарака... Они и сейчас, как живые, стоят перед глазами и кашляют... Эта болезнь входит в человека вместе с горем!..

Дожди в том году прошли хорошие. Кукуруза всходила темная, сочная. После первой прополки стебли укрепились. Оставалось проредить их, подбить и ожидать урожая.

Горцы торопились покончить с работой на плоскости, чтобы успеть перейти на поля в горы, где все росло и созревало позднее.

Дел оставалось на день, на два, когда неожиданно к ним подъехал верхом на доброй лошади седуусый казак в каком-то чине и с ним трое помоложе.

- Ну, как работается? - спросил он ближайшего горца. Тот улыбнулся, но ничего не ответил. Не понимал языка.

Стали подходить другие. Запыленные, почерневшие от солнца и ветра, в серых от пота рубахах, они загибали полы своих войлочных шляп и с любопытством смотрели на приезжих.

Опираясь на тятку, как на трость, подошел Калой. Женщины остались на своих местах, но и они с интересом смотрели на чужих людей.

- Так никто из вас и не понимает по-русски? - спросил усатый, когда все собрались и обступили его.

- Мало понимает... я... - ответил Калой.

- В прошлом году я сдавал вам эту землю по десять рублей за десятину. Понял? В этом году такой цены нет. Вы по десять рублей дали и еще по пяти за десятину с вас причитается! Понял?

- Что он говорит? - зашумел народ.

Калой объяснил. Шум и галдеж поднялся еще больше.

- Чего они орут? - спросил Калоя усатый. Вместо ответа Калой сам задал ему вопрос.

- Ты кто?

- Как кто? Я хозяин этой земли! - возмутился усатый. - Еще тыкает, будто я с ним свиней пас! Ровня нашлась! - Он с возмущением оглянулся на своих.

- Два года мы здесь работаем... - не обращая внимания на его тон, ответил Калой. - Один раз ты мы не видел. Кто ты - мы не знаю. Тот год - десятина один тум[12], еще один полвина мы отдал Чаборзу. Эта год - тоже отдал. Что надо?

- Экая бестия! Понимай его! Я говорю: один туман в прошлом году вы давали. А в этом - один не пойдет! Еще половина надо!

- Отдал! - воскликнул Калой, поняв, чего тот от них добивается. - Мы твой не знаю. Мы знаю Чаборз. Мы его один половина туман отдал тот году. Теперь тоже отдал. Один половина. Иди возьми. Там твой деньга!

- Ну, ежели Чаборз надувает вас, это ваше дело! А я с него брал по одному туману. А коли вы мне через три дня еще по пяти рублей не внесете, я всю эту вашу зелень потравлю!

Горцы не поняли. Даже Калой.

- Табун, говорю, напущу сюда! Кукуруза ек! Корова, бык кушать будет!

- Нельзя, - строго сказал Калой. - Эта корова кушайт нельзя. Это луди халеб. Наша халеб. Луди, дети, что будим кушайт? Нельзя. Чаборз визял твой деньги. Наша дела

нет. Чаборз дело.

- Ах, вот как! Так иди ты к своему Чаборзу и скажи ему. А я бегать не буду! Не принесет он в три дня - ничего этого не будет! - Он показал на зеленое поле пухлой рукой. Лицо его лоснилось. Красная шея тугой складкой лежала на белом воротнике бешмета.

- Нельзя, - снова сдерживая гнев, спокойно ответил Калой. - Люди умирайт будит!.. Голодни...

- А я не обязан кормить вашу орду! Предупредил - и знать ничего не знаю! - И, повернув холеного коня, он уехал вместе с другими, покачиваясь широкой спиной.

У горцев опустились руки. Новая беда нависла над ними неожиданно-негаданно.

Они обступили Калоя и ждали, что он им скажет. Калой передал весь разговор.

- Эта жирная свинья, видимо, говорит правду, - заключил он. - Чаборз драл с нас по пятнадцати рублей, а у него арендовал по десять! Пять рублей брал себе!

Подошли встревоженные женщины.

- Что же делать?

- Если он исполнит угрозу, мы пропали!

- Не посмеет! Где это видано, чтоб хлеб губить! — кричали другие.

- Да хватит вам галдеть! - замахал рукой беззубый старик. - Дети вы, что ли? Надо думать, как быть! Эта беда хуже града. От того хоть солома остается, а эта угрожает всему!

- А чего думать, - крикнула из задних рядов Суврат. - Идите к Чаборзу и скажите, чтоб он сейчас же свез наши деньги хозяину! Да и за прошлогодние, если б было кому, надо было с него спросить!

- Правильно! - поддержал народ.

На этом и порешили. Отрядили двоих съездить к Чаборзу, а их работу артелью приняли на себя.

Посланные вернулись ночью. Чаборза дома не оказалось.

- Уехал куда-то, - сказала жена и обещала передать мужу. То же повторилось на другой день.

К этому времени все кончили работу, и нужно было отправляться домой. Но как покинуть поле, которому посулили такое? А вдруг хозяин сдержит слово?

Посоветовались и решили женщин отправить домой, а самим покараулить еще денек. Может быть, человек был пьян и просто решил попугать их?

Сложили вещи, навьючили лошадей. И караван, сопровождаемый женщинами, направился в горы.

Уходя, Дали отозвала в сторону Калоя и, заглядывая ему в глаза, тихо, чтоб никто не услышал, сказала:

- Ты у начальства на заметке. Всегда все на себя берешь... Я очень прошу, не рискуй зря! Я боюсь... Ты видишь, что с Матас?.. Не оставь свою семью так же! Будь что будет с посевом... Но нам нельзя без тебя...

В этот день к Чаборзу поехали те, что уже были раньше, и беззубый старик цоринец.

Чаборз не возвращался.

- Зору, - сказал цоринец, - может приключиться большое разорение людям... Твой муж подвел нас. Он два года обирал нас, а теперь из-за него нам грозит разорение. Вся наша надежда в этой земле! А вся власть у станичников. Они могут все. Им ничего не жаль. Подумай. Ты - тоже хозяйка этого дома. Подумай. Ведь деньги-то все вместе едите! Может, отворишь беду?

- Если б он был здесь! - вырвалось у Зору. - А что я могу без него? Я даже не знаю, куда, к кому идти, кто этот хозяин... Но я спрошу у мужчин нашего села... Да и он, может, еще вернется...

Горцы ушли. Зору металась по селу до рассвета, но ничего не смогла узнать. Чаборз не имел привычки посвящать других в свои дела.

Ночь выдалась тихая, звездная. Поздно взошла желтая, страшная луна. Она тускло осветила поле кукурузы. Вдали черной стеной встали горы. Люди развели один на всех костер. Тревога сблизила их. Что будет завтра?.. Поужинали. Устроились вокруг огня. Кто лег прямо на траву и, положив голову на руки, смотрел, как разгорался хворост, кто задумчиво глядел на языки пламени, улетавшие вверх, и подбрасывал в костер ветки.

- Если завтра действительно явятся эти свиньи, что делать будем? -спросил самый старший здесь, беззубый старик, оглядывая всех щелочками маленьких глаз, на которые сползли длинные, прямые, как щетина, брови.

Все молчали.

- Что сказать? - промолвил Калой. - Кто знает, что будет? Если удастся, отстоим поле...

- А я думаю, мы свое все равно у Чаборза возьмем! - откликнулся кто-то позади.

- Сказать легко! - заметил другой.

- Ну что ж, если мы такие бессильные, надо собрать и отнести старшине штаны! - воскликнул старик.

Ему никто не ответил. Тишину ночи нарушали только бесчисленные сверчки.

- Горишь! — вдруг крикнул старик сидевшему напротив мужчине. Тот подпрыгнул, схватился за мотню и отдернул руку. Его подняли на смех. Испугавшийся, желая скрыть смущение, рассмеялся и сам.

- А что мне их беречь? Штаны, я говорю, если все равно завтра Чаборзу понесем!..

Но случай не развеселил горцев. А немного погодя, они незаметно стали засыпать.

Калою вспомнилось детство. Сколько раз вот так он с ребятами сидел у костра! Вспомнилась скала Сеска-Солсы, на которую он убегал от всех тягот жизни и находил радость в своем рожке... А куда убежишь теперь?.. Куда спрячешься? Кому пожалуешься? Самому надо решать свои дела. Да и только ли свои?.. И Калой запел. Он пел тягуче, тоскливо и длинно.

Мы родились ночью, когда щенилась волчица,

Имя дали нам утром, под барса рев заревой.

Выросли мы на камне, где ветер в сердце стучится,

Где снег, как смерть, нависает над бедною головой.

Но мы никогда не сдадимся.

Накинем ветер, как бурку,

Постелью нам будут камни, подушками - корни сосны.

Проклятье врагам и рабам их, собакам лохматым и бурым!

Их кровью заставим мочиться, когда доживем до весны...[13]

Заснули люди.

Незаметно заснул и старик, утомленный всей своей длинной дорогой жизни.

И только посветлевшая луна, догоравший костер и песня Калоя оставались вместе до самого рассвета...

На заре пришел ветер. Зашумел в шелковых листьях кукурузы, поднял на поле рябь, как на воде, и укрылся в ближайший лесок. От его шума проснулась иволга, увидела на востоке белесые полосы неба и, словно боясь опоздать, первой возвестила миру о приближении утра.

Долго ее настойчивый и звонкий голос раздавался один. Потом ответил снегирь, запиликала синичка, пробудившись, ожил весь лес.

Калою снилось ущелье, шумящий поток реки и дождь...

Вот большая капля упала ему на лицо, упала другая... Он открыл глаза. Было ясное

утро. Ни облачка на прозрачном, голубом небе... И снова капнуло. Он повернулся. Над лицом его свисали изогнутые сабли кукурузных листьев. На кончиках их - капельки росы...

Калой сел и сладко потянулся.

Помывшись в ручье, позавтракав тем, что оставалось, горцы ушли с открытого места под дикую грушу и стали ждать. Без дела время тянулось медленно и долго.

Двое, что были помоложе, сходили на ближайший курган и оглядели окрестность. Нигде ничего тревожного не было видно. Через час-другой посмотрели еще раз, и опять та же безмятежно-спокойная природа в лучах яркого летнего солнца. И людям стало смешно и неловко друг перед другом за свои опасения. Как можно было поверить, что кто-то решится уничтожить такой труд, труд, от которого зависит жизнь сотен людей? Конечно, хозяин земли сдерет с Чаборза еще по пятерке. Но народ от этого не пострадает. Он заплатил свое.

Надо было торопиться домой, и горцы поднялись и пошли на дорогу, которая проходила мимо пашен. Впереди, опираясь на посох, шагал старик.

В это время кто-то из них заметил в стороне пыльное облачко. Оно постепенно росло, и скоро за ним стало видно смутное очертание какой-то массы.

- Не может быть... - прошептал побледневший старик. - Не знаю, это то, что нам обещано, или другое, но это табун...

Еще через мгновение ветер отнес пыль в сторону, и все стало ясно. Шел табун из многих сотен голов. А за ним двигалось человек пятьдесят конных погонщиков, за плечами у которых были винтовки.

Сомнений не оставалось. Они двигались сюда.

- Что делать? Как остановить? — закричали люди.

- Может быть, они еще поговорят с нами? Мы расскажем, что Чаборза не было дома... Только не лезьте в драку! Видите, сколько их. Все с оружием! Да и подмога может быть в том лесу! Раз уж суждено такое, так им на радость хоть не оставим наших семей в сиротстве! - кричал старик.

А табун шел. Разноголосое мычание доносилось сплошным ревом. Погонщики гикали, улюлюкали, свистели, рассыпая удары бичей, как выстрелы.

Жалкой казалась кучка землепашцев, которая пыталась прикрыть собой огромное синее поле, расстилавшееся позади.

Вот живой поток, вытянувшийся по дороге, под ударами бичей повернул вправо, к людям, и, сотрясая землю, устремился вперед.

- Нельзя!!! - закричал в отчаянии Калой, подняв вверх руки.

- Нельзя! Нельзя! - закричали горцы. Для большинства из них это было первое слово,

произнесенное на русском языке. Их голоса потонули в реве животных.

Люди пятились, размахивая руками, палками, швыряя комья земли в остервеневшее стадо. Но на передние ряды сзади напирала вся масса, и, отворачиваясь от ударов, быки и коровы шли напролом.

Никто не заметил, как на дороге, со стороны гор, показалась вскачь несшаяся арба. У табуна арба остановилась. С нее прыгнула женщина и кинулась наперерез стаду. Она сорвала с головы платок и, размахивая им, что-то закричала погонщикам.

Но ее никто не услышал. Животные настигали людей, и тем ничего уже не оставалось, как только спасать себя, держаться на ногах, чтобы не быть растоптанными насмерть. С искаженными лицами, как в бурном потоке, стояли они, застигнутые стадом.

В этот миг Калой увидел: взмахнув рукой, упала сбитая с ног женщина...

Он кинулся к ней, расталкивая животных, отводя от себя их рога, нанося им удары. Вот он уже над ней... А стадо ревет, бушует вокруг, слепо тычутся морды... Калой хватается широкие рога, устремленные на него, упирается в них... Ноги уходят в землю. Мышцы его каменеют, вздуваются жилы... Еще миг - и хрустнет спина... И тогда, собрав все свои силы, он рывком сворачивает быку шею, и тот замертво валится на бок... Еще и еще раз хватается он за рога. Животные падают друг на друга, роют копытами землю... В ужасе шарахаются от них другие... А Калой стоит с налитыми кровью глазами, дикий, готовый валить их без конца...

Вот он пришел в себя, поднял женщину. Лицо, руки, тело ее в крови, в земле...

Стадо редело. Наконец последние быки и коровы промчались мимо. Проскакали угрюмые погонщики, с опаской поглядывая на человека, который на их глазах совершил чудо. К Калою с разных сторон бежали горцы. Пот и пыль грязными ручьями текли по их лицам, по изодранным телам.

- У народа, который забудет этот день, пусть не живет потомство!.. - как безумный закричал Калой.

- Амин! - откликнулся старик.

Молодые люди приняли от Калоя женщину, понесли к арбе.

- Да это ж его жена! - воскликнул старик, глядя ей вслед.

- Чья жена?

- Чаборза!

Калой с трудом понял старика. Он нагнулся, поднял платок Зору. В завязанном конце его сквозь шелк блеснули золотые.

- Спасти пришла! - сказал старик. - Нас спасти...

А табун мчался уже далеко, вытаптывая поле. Зеленое, после его копыт оно

превратилось в серую грязь с истерзанной листвой. Ни один горец больше не посмотрел в его сторону. Души их были преисполнены чувством гадливости и презрения к грубой силе, бессмысленно подвергшей уничтожению их тяжелый человеческий труд.

Набив арбу свежей травой, горцы уложили на нее Зору, прикрыли пастушеской буркой, которую носил и ее отец, и, окружив тесным кольцом, повезли домой.

Печальная процессия проходила через аулы, что стояли на пути. К ним присоединялись все новые люди. Толпа росла. И когда арба подходила к дому Чаборза, народ, следовавший за ней, заполнил всю ширину улицы...

Все эти дни Чаборз скрывался за селом, на своей мельнице. Он ел жареные лепешки из свежей муки, молодую баранину, пил пиво и спал. Мельник и его жена никому не говорили о нем и только узнавали для него, что происходило на поле.

Чаборз пронюхал, что хозяину земли стало известно, как он плутует. Боясь встречи с ним, да и со своими, он решил пересидеть здесь, пока люди не кончат полоть. А там можно будет что-нибудь придумать! Мельник рассказал ему и об угрозе хозяина уничтожить посев. Но Чаборз только презрительно улыбнулся: «Шутка ли! Уничтожить посев!»

На рассвете четвертого дня он послал мельника посмотреть, что делается на поле. Тот не увидел там ни души.

Успокоенный Чаборз вернулся домой. Он хорошо отдохнул за эти дни, считал, что перехитрил хозяина, и у него было хорошее настроение. Оно немного испортилось оттого, что не было дома Зору. Но дети сказали, что она выехала налегке. Значит, скоро вернется. Он прилег и заснул крепким утренним сном.

Проснулся Чаборз от пения мюридов. «Что это? - подумал он. - Умер кто-нибудь, что ли?» Накинув на себя верхнюю одежду, он вышел во двор. Пение приближалось. Никого не было видно.

Но вот из боковой улицы выбежали дети. Перегоняя друг друга, они кинулись к его двору и стали карабкаться на деревья, которые росли перед забором... Не успел Чаборз крикнуть на них, как показалась лошадь с арбой. Ее под уздцы вел какой-то оборванец. С боков и позади шла толпа.

- Оллохума сали алла-а-а! Мухаммади во ал-ла а! Али сайедин Мухаммад...[14] - запевал мюрид высоким голосом, и ему вторили остальные.

«Это моя лошадь... моя арба... Зору везут...», - подумал он.

Первым желанием было кинуться к ней... Но Чаборз удержался. Какой горец не умеет владеть собой, когда приходит к нему беда? Лицо его стало серым. Но он спокойно подошел к воротам из жердей и, широко открыв их, отошел в глубь двора, готовый лицом встретить свою беду. В стороне мелькнули его перепуганные дети. «Сироты...» - пронеслось в его голове. Сердцу уже некуда было падать.

Может быть, только сейчас он понял, чем для него была Зору... Она была добро и

правда его дома. Без нее оставалась злоба и ложь...

- Оллохума сали алла-а-а... Мухаммади во алла-а... Али Мухаммада во сали...

Песнопение заполнило весь мир, все уголки его двора, его души и остановилось у ворот.

Во двор вошла арба, окруженная только одними женщинами. Горцы, грязные, босые, в изодранной одежде, многие без шапок, остановились в воротах, а толпа односельчан Чаборза встала за забором.

- Что случилось? — спросил Чаборз того, который ввел арбу.

- Упала под ноги стада, которое топтало наши посевы...

Чаборз хотел спросить, жива ли она, но, когда услышал о стаде, слова замерли на его губах.

В это время женщины понесли Зору. Раздался стон... «Жива! Жива!» - закружилось у него в голове. И от этой своей радости, позабыв обо всем на свете, он широким жестом пригласил людей во двор.

- Заходите! Что ж вы остановились там?! Здесь найдется кому вас принять!

Но никто не шелохнулся. Горцы смотрели на него. Взгляд их был тяжелым.

- Чаборз! - выкрикнул старик цоринец. - Вот при этом твоём народе, с которым ты живешь, я скажу тебе несколько слов. Ты не отдал наших денег хозяину, и он лишил нас труда и хлеба. Ты прятался здесь три дня и три ночи и предал нас. У нас нет теперь ничего! Мы должны все свое получить с тебя или взять твою кровь. Нас много. Много фамилий. С одной из нас гойтемировцы могли б тягаться. Но с целым обществом — никто не в силах!

По мере того, как говорил этот маленький, щуплый, беззубый старик с измазанным лицом, в разорванной рубахе, в глазах людей он становился грозным великаном, которому ничто не страшно и все под силу.

Позади старика стоял Калой. Рубаха его тоже лохмотьями висела на поясе. Бока и грудь были в кровоподтеках и ссадинах с запекшейся кровью. Но руки, каких еще не видел никто, в знак глубокого уважения к своему народу были опущены вниз. За ним стояли все остальные.

- Люди! - обернулся старик к жителям аула. - За мною двадцать восемь мужчин из тринадцати тейпов! Скажите: хватит ли у нас силы бороться против одного мужчины, бороться против одного рода или откупиться от него, убив этого человека?

- Конечно, хватит! - ответил за всех старший из местных жителей.

- Ты слышал это, Чаборз? - спросил цоринец старшину. Тот не ответил. Глаза его налились ненавистью и страхом.

- Тогда я скажу тебе еще... — Он достал из кармана платок Зору. — Вот деньги, которые ты украл у нас и у казака-хозяина! — Он высыпал золото на ладонь. И люди увидели блеск его. — За них ты продал нас. Но мы не причиним зла этому дому... Потому что Зору принесла их, пришла спасти нас, чего не сделал ты! И еще, - он помолчал, - потому, что, по горскому обычаю, вражда с женщиной - позор! А в этом дворе она поступила по-мужски. А ты - женщина!

Чаборз рванулся к старику. Но Калой встал с ним рядом.

- Сними цепь старшины! - услышали люди голос Калоя. Чаборз отступил.

- Не ты мне ее дал и не ты возьмешь! - яростно закричал он. Но в его голосе уже слышался надрыв и слабость.

- Не я дал. Не я и возьму, - согласился Калой. - Но вор... вор... -загремел он над головой Чаборза, - не может быть нашим старшиной! Сними цепь, или мы сами снимем ее! Это я говорю.

Взгляд Чаборза заметался. Он искал в толпе односельчан своих дальних родственников, на которых можно было бы опереться. Но те предусмотрительно исчезли. А больше ему не от кого было ждать помощи.

Чаборз в сердцах сорвал с себя цепь и ударил ею о землю.

- Я рад избавиться от вашего ярма!

- Это не наше ярмо, а твоя царская выслуга! Ему и снесешь... - сказал Калой.

- Эй! — позвал он какого-то парнишку и высыпал ему в руки золото.- Отдай хозяйке... А это тебе! - он швырнул Чаборзу в лицо головной платок Зору.

Тот взвыл, как раненый, и прыгнул к Калою. Но горцы схватили его за руки и, передав жителям аула, пошли на дорогу.

- Послушайте! - обратился к ним старик с седой бородой. - Не уходите. Будьте гостями нашего аула! Не отвергайте наш хлеб-соль! Мы не виноваты ни в чем!

- Баркал! - ответил цоринец. - Не обижайтесь! Но до тех пор, пока общество вашего аула будет держать у себя этого нечеловека, до тех пор никто из нас никогда не зайдет под ваш кров и не заключит с вами родства!

- Послушайте! - снова закричал старик. - Хоть за селом подождите. Не позорьте нас! Мы принесем вам одежду на плечи!

- Баркал! - ответил Калой. - Мы обнищали. Но нищими мы не были и не будем никогда!

На глазах у аула они уходили в синие камни своих гор и вскоре скрылись, утонув в густых зарослях кустарника.

- Мужчины! - восторженно сказал тамада аула. - Мужчины они!..

Был поздний вечер, когда горцы пришли на развилку тропы, откуда каждый должен был идти своей дорогой: цоринцы прямо, эгиаульцы вправо.

- Старик! - сказал Калой. - Ночь идет. Сверни к нам. А утром пойдете домой. Не будет гостей почетнее вас.

- Спасибо, мальчик! - ответил цоринец. - Говоря по правде, нет желания сейчас ходить по гостям... Не с таким сердцем мы...

- Что вам сказать? Дело ваше! - Калой пожал плечами. - Только не сильно горюйте! - обратился он к спутникам старика. - Бог взял здесь, Бог даст в другом месте!.. Если б по-моему, я хотел бы, чтоб вечно цвела весна! Люблю пахать! Ну а если не дают! Если нет житья, если издеваются, если жульничают, если травят, врут, что делать? Неужели умирать с голоду, глядя, как они жиреют? Я буду брать свое силой! Мстить, покуда земля не станет моим одеялом, раз мне не суждено быть хозяином ее. Двух смертей не бывает. У кого не заячье сердце, тот будет с нами. А ты, старик, пока я жив, в хлебе не будешь нуждаться, если за деньги его будут продавать!

Обнявшись, они расстались.

- Даже мышь старается укусить, когда ее душат... - сказал цоринец своим, когда эгиаульцы ушли. - А мы - люди... Держитесь этого мужчины. У него хватка волка, сердце льва.

Весть о гибели поля и том, что было у Чаборза, как на крыльях прилетела в Эги-аул.

Калой и его односельчане еще брели по ущелью, когда их жены со слезами на глазах метались от башни к башне и делились навалившимся горем.

Бывала засуха, бывало, когда ливни и ливневые потоки смывали земли, и народ терпел бедствие от природы. Во время войны солдаты полуцаря Эрмало (да сгорит он в огне!) сжигали поля и посевы, вырубали леса. Но то была природа, то была война. А как же можно, чтобы в мирное время из-за корысти двух человек страдало столько народу?

- Что случилось, того уже не вернуть! - сказала Дали собравшимся к ней подругам. - Я думаю, мы должны сделать все, чтобы облегчить нашим мужьям их сердца... Выйдем за село и без стариков и старух встретим их, согреем женским словом.

И они вытерли слезы, надели свои лучшие платья и пошли. И, как прежде, запели песни о юношах, о рыбке-форели, о смелом соколе.

Далеко за аулом, на бугре, откуда была видна тропа, на которой должны были показаться их мужья и братья, они остановились и сели на траву...

Калой и его друзья еще издали увидели смутные очертания аула и свет в окнах. А немного погодя, услышали песни... Пели женщины.

- Не знают, с чем мы идем... - грустно сказал один.

- И где-то у тропы сидят... Пойти в обход, что ли? Как в таком виде показываться?! - предложил другой.

- А мы не сваты! Идем к себе! Кого стесняться? Кого обманывать? Битые мы сегодня! - сурово ответил Калой и пошел первым. И вот уже слышит он и слышат все голос той, которую народ годами привык называть Малхаазой...

Горцы остановились: не спугнуть бы! Дали пела их любимую старинную песню:

Костры мы поставим в пещерах и шашек дамасских концами

Усилим огонь их. И пулями пробитые башлыки

Накинем на сыновей мы, пускай они за отцами

С неправдой схватятся в битве, когда умрут старики.

И нашим любимым мы скажем: мы ждали с набега так долго,

Я ждала - и вот я целую, я ждала, не смела устать,

Я даже тогда целовала б, когда бы уста, как у волка,

От крови врагов багровели, но я б целовала уста!

Я дам ему карак и пива, сушеного турьего мяса,

Я косы отрежу, чтоб косы пошли на его тетиву.

Сама наточу его шашку, когда он уснет, утомясь,

А если он ранен и стонет, и кровью он моет траву,

Спою ему песню, и песней заставлю рану закрыться,

Напомнив о том, что весь род его - вольный и боевой,

О том, что родился он ночью, когда щенилась волчица,

Что имя сыскали утром, под барса рев заревой...[15]

- Спою ему песню и песней заставлю рану закрыться!.. - повторил Калой. - Волки, молодцы вы мои! Вот они, наши сестры и жены! О! Они знают, что у нас раны! И они вышли, чтобы эти «раны закрылись...» Что не под силу нам, если с нами они?!

И он быстро, почти бегом, стал подниматься по тропе. А им навстречу с горы в свете вчерашней красно-желтой луны спускались женщины. Когда они сошлись, Калой спросил:

- Знаете ли вы, что с нами случилось? Узнаете нас?

- Нам все известно - крикнула в ответ Суврат. А Дали вдохновенно пропела:

Известно и то, что летом линяют все звери лесные!

И то что зимой на медведе будет и сало и шерсть!..

Были бы острые когти, были бы зубы стальные,

Были б сердца мужские и незапятнанна честь!..

7

Кончилась прополка в горах. Калой и Иналук поехали в Назрань искать человека, чтобы написать жалобу на Чаборза и на хозяина земли за их обман и самоуправство. Просить начальство заступиться за горцев и заставить виновных возместить убытки за погубленный урожай или хотя бы вернуть арендные деньги и посеянное зерно.

Жалобу эту написал им ингуш - учитель единственной двухклассной школы, которая была в крепости. Он даже пошел с ними к писарю начальника участка и вручил ему их бумагу. Но когда они вышли, он безнадежно махнул рукой:

- Я думаю, не найти вам у них ничего! Гиблое это дело, как камень, брошенный в речку, - сказал он, расставаясь с братьями. - Как бы вам еще не нагорело за то, что вы заставили старшину снять цепь. Начальники злы стали. Везде и во всем видят бунт...

Расставшись с учителем, братья пошли на вокзал посмотреть на поезд. Это было особое удовольствие. Доехать до Назрани и отказать себе в этом они не могли.

На радость им поезд скоро пришел.

Хоть братья и видели и знали, что паровоз железный, но им он казался живым чудовищем.

- Ты погляди, как пытит, как дышит... Нелегко и ему! - говорил Калой.

А когда паровоз свистнул и пошел, он вздрогнул, как ребенок. Удивительное это было зрелище, когда на колесах один за другим уползали привязанные друг за друга целые дома вместе с людьми!

- Да, - сказал Иналук, вздохнув, - весь ум на земле Аллах отдал христианам!

- Зато на том свете мы вечно будем в раю, а они в аду!.. — ответил Калой.

- Об этом мы ничего не знаем... - в раздумье сказал Иналук.

- Как ты не знаешь? А Коран?

- Очень просто, - ответил Иналук. - Вот эту машину я сейчас видел и трогал. А что на том свете, мы узнаем, когда умрем. Но кажется мне, что тот, кто на земле придумывает такие вещи, как эта арба, на которой за один раз может уехать целый аул с вещами и со скотом, - тот и на том свете придумает себе что-нибудь хорошее!

- При мне, я прошу тебя, так не говори, - сказал Калой серьезно. - Это начало неверия.

А все наши беды только из-за него.

Иналук не стал ему возражать.

Они зашли в лавку, чтоб купить кое-что для дома. Женщины просили их достать мыла. Они давно уже перестали мыться и даже стирать глиной и золой. А Дали намекнула мужу, что ей хотелось бы иметь железку, которая делает одежду гладкой.

За прилавком стоял пожилой ингуш в зеленом сатиновом бешмете с серебряной цепочкой поперек груди. На голове у него была красная турецкая феска. При первом взгляде на него братья поняли, что перед ними старший сын Гойтемира, которого они видели когда-то только в детстве. Он был похож на отца, как две капли воды.

Купец, не глядя, поздоровался с ними, продолжая взвешивать соль и ссыпать ее в сумку женщины. Та внимательно следила за его руками и, не выдержав, возмущенно воскликнула:

- Эй, мужчина, что же ты делаешь? Ты же на каждом весе обвешиваешь меня!

- Не говори глупостей! - возразил купец.

- Ты же мусульманин! - не унималась покупательница. - А мусульманину пользоваться чужим добром - грех! В судный день с тебя спросится за это!

Сын Гойтемира посмотрел на нее, словно увидел в первый раз, а потом расхохотался, не стесняясь гнилых зубов.

- Дура! - сказал он наконец. - Так до судного дня надо же мне чем-то прожить?

Ошеломленная откровенным признанием и не найдя что ответить, женщина ушла, бормоча что-то себе под нос.

Калой с интересом наблюдал за развеселившимся богачом. «Вот, оказывается, каково семя Гойтемира... Пауки! И смерти не боятся!»

- Если не столкнешься с глупым, не узнаешь и своего ума — самодовольно гудел хозяин магазина, с трудом переставая смеяться. — Она не знает, что если купец не выгадает, когда покупает товар, то на продаже его он уже никогда не наживется!.. Чем могу быть для вас полезен?

Сделав нужные покупки, братья ушли. Они не заметили, как сын их бывшего старшины исподволь приглядывался к ним. Задав один лишь посторонний вопрос - не горцы ли они - и получив утвердительный ответ, он изменился в лице...

Домой братья возвращались ночью, чтобы меньше было встреч. Потому что каждая из них - с сельской ли милицией или с казачьим разъездом — могла сулить только неприятности. А в горы невозможно было проехать незамеченными ими.

Ехали тихо, думая о своем. Но вот слабый попутный ветер донес голоса, конский топот... Следом ехало несколько всадников.

- В кусты! Пропустим! - приостановил Быстрого Калой.

- Потом все равно обгонять! На развилку! Посмотрим, куда свернут, и - в другую! - ответил Иналук.

Братья на рысях помчались к перекрестку.

Но их уже заметили. Конский топот усилился. Началась погоня.

- Стой!.. Стой! - услышали братья и по-русски и на своем языке. И прежде, чем они решили, что делать, раздались выстрелы.

Над головой просвистело несколько пуль. У Быстрого подломились ноги, и он повалился. Калой упал вместе с ним, но тут же вскочил.

- Вперед! - крикнул он приостановившемуся Иналуку. - Уводи за собой!.. - и скрылся в кустах.

И тотчас проскакало шесть человек сельской милиции.

- Они на одной лошади! Далеко не уйдут! - крикнул их начальник, оставив двоих около убитой лошади. Остальные умчались за Иналуком.

А двое спешили. Подошли к Быстрому.

- Приподними за хвост! - сказал один из них другому. - Я вытащу из-под него хурджин. Надо посмотреть, что в нем, пока наши не вернулись...

Калой стоял рядом. Все видел, все слышал.

Нет, не о себе думал он сейчас, не о спасении своей жизни.

Его Быстрый... Быстрый упал... Упал...

Мысли Калоя метнулись назад, в прошлое.

Вот он жеребенок... Вот бежит на его голос, высоко закидывая тонкие ноги... Вот они вместе мчатся по ночным тропам, по скалам... Утром ржет, здоровается, тычется мордой в руки...

Быстрый - это жизнь... Упал...

Стонет грудь Калоя.

- Нечего смотреть! Бери хурджин и приторачивай к своему седлу! Дома поделимся, - донесся голос второго стражника.

Ухватившись за хвост он крикнул, приподнял круп коня. И в то же мгновение удар в затылок свалил его замертво.

- Руки вверх! - скомандовал Калой другому, направив на него револьвер. Тот обмер.

Поднял руки. Калой сорвал с него винтовку. - Ложись! Лицом вниз!

Стражник повалился на землю. Калой подобрал вторую винтовку, забрал свой хурджин, сорвал с обоих стражников патронташ, вскочил на их коня и, взяв второго в поводу, ускакал в обратную сторону.

Через некоторое время он свернул с дороги и по-над опушкой леса поехал назад. Он знал, что Иналук не уйдет далеко и, если избавится от преследователей, будет искать его здесь. Ну, а если они настигнут брата? Калой сумеет посчитаться с ними...

Ветер подгонял вереницы облаков. Они то заволакивали, то открывали луну. Временами все вокруг заливалось ровным светом, но потом снова земля погружалась в глубокую тень.

Калой увидел на дороге четырех всадников. Они возвращались обратно. Значит, Иналук перехитрил их, ушел. Калой остановился, повернул коней головами к дороге, чтоб меньше быть заметным. Вот всадники подъехали к тому месту, где погиб Быстрый, потолкались вокруг лошади и, видно, подобрав своих товарищей, пустились вдогонку за Калоем.

Он знал, что ночью они никак не могут увидеть его след, и осторожно, прикрываясь кустарником, спустился вниз. На случай засады он поставил коней в разных местах и, прихватив с собой только револьвер, с предосторожностями, останавливаясь и прислушиваясь стал пробираться к дороге. Убедившись, что вокруг нет никого, он вышел. Быстрый лежал на том же месте.

Вот он четвероногий брат... помощник... Свидетель любви и горя...

Калой опустился на колени, припал к шее Быстрого. Рука бессознательно обняла голову друга, пальцы запутались в гриве... Как терпеливо заплетал ее Калой в косички! А потом она волнами рассыпалась по могучей шее... Какой он теплый... может, только ранен?

Снова показалась луна. Тень соскользнула, ушла стороной. Строгим, немигающим глазом Быстрый смотрел на Калоя, словно укорял его за слезы, которых при жизни своей он не видел у хозяина никогда.

Калой встал, хотел уйти, оставить Быстрому его последний наряд - уздечку, седло, сбрую, но вспомнил земные дела, вздохнул и снял их, чтобы не оставлять улики. Даже амулет - медвежью лапу — унес. Не помог Быстрому амулет. А может, без него он еще раньше бы умер? Кто знает, кому что помогает.

Тяжело нес на себе Калой седло, на котором Быстрый легко носил его двадцать с лишним лет... Тяжело нес. Но от всех невзгод и ударов судьбы сердце его всегда только крепчало.

Как и ожидал Калой, Иналук не ушел. Он на развилке дорог укрылся в лесу и, дождавшись, когда погоня вернулась назад, стал осторожно пробираться вслед за нею к тому месту, где упал Быстрый.

Увидев Калоя с лошадьми, Иналук был так удивлен, что не сразу поверил своим

глазам.

Калой передал ему одну из винтовок и патронташ. Оружью этому не было цены. Это были новые, пятизарядные винтовки, каких в горах еще даже не видели.

Поскакали. Поздно ночью они добрались до своего аула. Лошадей спрятали в конюшню Калоя, винтовки тоже. Решили о случившемся никому не говорить.

Через два дня лошадей сбывли в Осетию. А еще через пару дней односельчане увидели у Калоя нового горбоносого кабардинца темно-гнедой масти. И немногие поверили в то, что Калой продал своего Быстрого, так как тот уже постарел. Но все знали: раз он так говорит, - значит, так надо.

Только дома у Калоя было горе. В особенности у Орци. Однажды, застав его в сарае у места, где всегда стоял Быстрый, Калой сказал:

- Это был не конь. Душа в нем была человеческая! И умер он от пули... как мужчина... Теперь он уже навсегда с тем, кому был посвящен, - с Гараком... Не будем об этом жалеть... Нам только в будущем предстоит это счастье...

Орци в удивлении посмотрел на брата! Как тот всегда находит нужные слова и понимает жизнь!

Дали и Гота, казалось, меньше переживали потерю коня. А может быть, они хотели уменьшить боль своих мужей?

Несколько дней они стирали мылом и гладили железкой все, что попадало им под руку. Сначала им это плохо удавалось. Материя горела! Но они быстро привыкли к утюгу и даже начали удивляться, как могли обходиться деревянными досками, между которыми до этого гладили одежду.

А Матас чахла. Чахла, как сосенка на скале, из-под которой выпал ее главный камень. Стоит такое деревцо на удивление всем, и зеленеет верхушкой, и птице дает ночлег в своих ветвях. Но корни его уже омывают дожди, а ветви иссушает солнце. И когда иссякнет в них сила, взятая из земли, побуреют зеленые иголки, и рухнет оно на дно ущелья под напором осеннего ветра.

Думала ли Матас, что ей суждено увидеть Виты, или это просто надежда теплилась в ее истомленной душе, не покидала ее - только поставила она свои нары под самое окно так, чтобы, лежа на них, ей видно было родное ущелье и бесконечная ниточка узкой тропы.

Шел ли по ней пешеход, ехал ли всадник, жадными глазами вела она его по этой тропе и, не узнав, угасала, пока кто-нибудь снова не показывался впереди...

Жар ее глаз давно иссушил слезы. Тихая, грустная песня сменила жалобы на злую долю.

Любили братья Матас, как родную сестру. Калой и Орци не покупали своим женам ничего, чего бы не купили ей. Но ничто не могло спасти Матас от тоски. Бывало, подойдет к ее башне Калой, чтоб повидать ее, услышит песню, как плач, опустит

голову, постоит и уйдет, не в силах нарушить ее печали.

Уйдет, а над башней Виты заблудившимся голубем вьется тихий голос женщины:

Слышите!

Ноги не в красных чувяках,

Грубый опорок их кровью покрыл.

Слышите!

Тело не в ткани из пуха.

Царь нам дерюгой ее заменил.

Слышите!

Вместо папахи кудрявой

Плоская тряпка на голове.

Слышите!

Пальцы, что знались с оружием,

Держат лопату на слабом плече.

Слышите!

Тонкая голень не в стремени.

Кандалы это, железа звон...

Слышите!

Там, где оказии мчатся,

Синей Сибирью в оковах бредем...

Люди, молитесь за нас, безмогильных!..

Ворон, поплачь нам, когда мы умрем!..

Незаметно наступила осень. Воздух звенел от кузнечиков и цикад. День за днем в ясном высоком небе ветер гнал вереницы легких облаков. В лесах, оглашенных радостными детскими голосами, созревали ягоды и фрукты.

Но однажды с горы на гору, от аула к аулу понеслось тревожное: «Са-а-л-ти-и! Са-а-л-ти-и!» Это означало: идут солдаты. Идет опасность.

А спустя несколько часов в Эги-аул вошел отряд, во главе которого были жандармский офицер и Чаборз. На нем снова красовалась цепь старшины.

Отряд окружил башню Калоя. Людям аула было приказана собираться на сход.

У Калоя начался обыск.

Дома были обе женщины и Орци. Калой с утра ушел в лес, прихватив с собой топор и новую пятизарядную винтовку.

Когда в комнатах все было перевернуто и выстукан каждый камень в стене, офицеру доложили, что ни оружия, ни других вещей, уличающих хозяина башни в грабежах, не найдено. Тот приказал вывести из сарая его скотину. Жандармы вывели трех коров.

- Где лошади? - спросил офицер у Орци. Тот показал на дальнюю гору.

- Туда выгнали, пастись... - пояснил он через переводчика.

- Где разбойник Калой? - снова обратился к нему офицер,

- Если он спрашивает о моем брате, — ответил Орци, — то передай, что он не разбойник. Мы все здесь землю пашем и пасем скотину. А Калой поехал к вам, чтоб узнать, когда царь прикажет вернуть нам зерно и деньги за потравленную кукурузу.

Офицер расхохотался.

- Царь только и думает о том, как бы побольше добыть для вас денег и хлеба! - Он снял с дома окружение и приказал вести со двора коров.

В это время Дали увидела на противоположном склоне Калоя. Он шел домой. Сердце ее оборвалось.

«Как остановить его?..»

К счастью, начальник и стража стояли спиной к лесу. Она проскользнула в башню и, до половины высунувшись из окна, стала размахивать белым платком. Калой заметил, остановился. Дали перепала махать. Калой опять пошел. Она снова замахала. И Калой понял. Он зашел за кусты и скрылся из виду. Дали подождала немного, он не появился. Она вышла во двор.

- Мне поручено дать вам ответ на вашу жалобу! - говорил в это время офицер, щуря глаза и поджимая губу. Его слушали всем аулом.

- Власть не имеет отношения к аренде земли и другого личного имущества верноподданных! Это ваше частное дело. Его может рассмотреть суд. Что же касается убитых живодером Калоем Эгиевым трех скотин, принадлежавших даже не хозяину земли, на которой был ваш посев, а совсем другим, ни в чем не повинным людям, то мы за это вернем пострадавшим вот этих коров.

Внимание всех было поглощено речью офицера. Дали потихоньку зашла за башню. Отсюда она соскользнула в овраг и, перебравшись через обмелевший поток, по-за

кустами побежала вверх, к лесу. Сердце у нее трепетало, как пойманная рыбка. Ей надо было во что бы то ни стало удержать Калоя от встречи с отрядом, потому что она знала: он не был готов к их приходу, а в волнении человек никогда не поступает правильно.

Когда начальник кончил свою речь, Орци обратился к нему.

- Ты слуга царя и должен быть умным человеком, - сказал он. - Но те слова, с которыми ты приехал к нам, нам трудно понять... Если я пастух, и у меня овцы не в порядке, я должен следить за ними. Я должен следить, чтобы все они мирно паслись. Я не должен бить одну и кормить другую. Почему же, когда нашу кукурузу погубил Чаборз и хозяин земли, когда они оставили нас без хлеба, это не дело власти? А когда мой брат, спасая жену Чаборза, свернул шею быкам, дело хозяев этих быков становится вашим делом и вы отбираете у меня последнюю скотину? Если уж кто и обязан вернуть хозяевам их потерю, так это Чаборз. Потому что Калой не украл быков, не съел их, а спас мать его детей!..

Когда офицеру передали речь Орци, он в гневе заметался пуще прежнего.

- Умники стали!!! - закричал он. - А кто вам дал право снимать цепь со старшины? Я вас спрашиваю! Кто дал такое право моему брату-разбойнику? Кто он? Начальник участка? Начальник округа? Грозил применить силу! Бунт? А где его всем известный конь? Убит под ним на дороге из Сурхахи, где он совершил нападение на милицию и ранил человека! Пусть попадется! Убийца! Я посажу его за решетку! И тебя упрячу, если не перестанешь язык распускать!

Орци собрался было ответить, но старики, поняв, что разговор может кончиться плохо, закричали на него и заставили замолчать. И все-таки Орци не выдержал.

- Начальник! - сказал он срывающимся голосом. - Когда приедешь домой, вспомни меня. Подумай, чем я должен буду жить, если посев мой уничтожен скотиной, а скотину, забираешь ты?..

Народ зашумел. Жандармы погнали коров. Гота зарыдала и кинулась за ними. Но стражники конями оттеснили ее.

За все время ни слова не произнес только один Иналук. Он, словно немой, слушал и молчал.

Уезжая, начальник сказал:

- Запомните: Чаборз был, есть и будет у вас старшиной, пока мы хотим этого! А если осмелитесь перечить, знайте: бунтарей не потерпим! Предупреждаю!

Сход угрюмо глядел на расходившегося начальника. Никого из горцев он не устрасил. Они хорошо знали, что не мужество говорит в нем, не сознание правоты, а власть и сила ее.

Дали нашла Калоя.

- Что происходит в ауле? Почему ты не хотела, чтоб я шел домой? Дали рассказала мужу все. Выслушав ее, Калой решительно направился вниз. Дали кинулась следом,

преградила дорогу.

- Не ходи! Ради всемогущего Аллаха! Ради моей жизни!

- Да в своем ли ты уме? - удивился Калой. - Страшнее смерти - позор! Что подумают люди?

- Нет... нет!.. Не ходи! Ради Аллаха!.. - плакала Дали, не уступая ему тропы. - Ты пойми: им ничего не стоит убить тебя! Им скажут спасибо... мы останемся сиротами! Аул останется без тебя!.. Чаборз будет радоваться!.. Чтоб мне умереть, если ты пойдешь!

- Тоба! Тоба, астах фирулла![16] - с испугом воскликнул Калой. - Только этого мне не хватало! Что ж, выходит, они издеваются надо мной, над аулом, а я прячусь за женину юбку?

- Хороший мой, ну послушай меня! Ну послушай меня! Я ведь не желаю тебе позора... Я не жила бы с тобой, если б ты был трусом! Но ты не -в себе от ярости. А злость не учит уму... - Она упала на колени и обхватила его ноги. - Ну послушай меня! Захочешь отомстить - не стану тебя удерживать, я сама пойду с тобой! Но ты должен побереечь себя, чтобы вечно сражаться с ними, а не пасть от их пули на радость им! Их же вон сколько!

- Встань! Встань, говорю! - он поднял ее. - Кажется, ты права. Немного остыв, Калой обнял Дали за плечи.

- Но я их так отсюда не выпущу. Они получают свое.

- Ну, конечно! - обрадовалась Дали. - Они пойдут ущельем, а мы -поверху!.. И подальше, чтоб не подумали на наш аул. Там ты и пошлешь им свинца!.. - Она засмеялась по-девичьи молодо, задорно. - А то, что они скотину увели, так ты добудешь у них другую! Здесь Аллах взял, как ты говоришь, так в другом месте отдаст!

Калой рассмеялся.

- Зачем только вас женщинами называют! Вы же хитрее шайтана!

- Нет, мой хороший, - серьезно ответила Дали, - это не хитрость. Когда ты спокоен, я верю в твой ум, в твою удачу, в твою руку... Но когда ты расстроен, ты как все, ты можешь поступить неразумно... А мне без тебя нельзя... Неужели аулу не хватит одной Матас?!

Отряд ушел. Он двинулся вниз поASSE, надеясь встретить возвращающегося Калоя. Чаборз не особенно верил в то, что Калой в Назрани, и в душе был рад этому, потому что встреча с ним не могла кончиться миром. А кто-кто, но он-то знал характер своего врага и не думал, чтоб тот сдался им без боя.

Отряд уже выходил из узкой горловины ущелья, направляясь к аулу Эрш, когда откуда-то с горы раздалось два приглушенных рекой выстрела.

Конь под Чаборзом споткнулся и полетел с тропы. Лошадь офицера тоже упала, а он,

схватившись за руку, сломя голову понесся под деревья, стоявшие впереди. Чаборз, прихрамывая, бежал за ним. Стражники кинулись врассыпную... Одни поскакали вперед, другие побросали лошадей и, стреляя, побежали под скалы. Немного погодя, все стихло. И тишина казалась зловещей...

Отряд порознь собрался в ауле.

Офицер, падая, поранил руку. Кони его и Чаборза были убиты.

Старшина не сомневался в том, что это Калой. Однако, перепуганный насмерть, он решил не говорить этого офицеру, чтобы тот не затеял новой облавы, в которой Чаборзу обязательно пришлось бы принять участие.

В Эрш отряд заночевал. Офицера положили в кунацкую. Его лихорадило. Знахарь осмотрел его руку, сказал, что через три дня все пройдет.

Чаборз созвал сход.

Вернулся он поздно и сообщил офицеру, что отряд обстреляли охотники-хевсуры, которых сегодня утром пастухи видели на горе.

- Это опасные люди, - сказал он, - они враждуют с нами и, видимо, приняли отряд за ингушей.

Офицер, казалось, поверил старшине.

- Это не Калой, - сказал в заключение Чаборз. - Если он в Назрани, он не мог знать, что мы были у него. Если он был в ауле, он никак не мог догнать нас на таком расстоянии по верхней тропе.

Когда стемнело, Калой и Дали вернулись домой. Их с нетерпением ждали все родственники. Лицо Готы опухло от слез.

Увидев брата и невестку, Орци не мог скрыть своей радости.

- Где вы были? - воскликнул он, сияя от счастья. - Мы весь лес избегали - ни тебя, ни следа твоего! Да еще эта, как оборотень, исчезла на глазах у всего аула...

Калой ухмыльнулся. А Дали с гордостью рассказала собравшимся, как они догнали отряд и Калой перебил лошадей Чаборза и начальника.

- И это не случайно! - заключила она. - Он сказал, что не убьет их самих, а только покажет мне, как эти храбрецы умеют бегать! И когда кони упали, они так заторопились в Эрш, что верховые стражники отставали от пеших начальников! - И Дали залилась таким смехом, словно все, что с ними сегодня произошло, было не больше, чем детская забава.

- Вы стоите один другого! - не то зло, не то с одобрением заметил Иналук. - Калою иная жена, видимо, и не подошла бы! Абречка!

- Да, абречка я. Только жаль, что женщина. А мужчины должны мстить.

Проводив всех, Калой о чем-то долго говорил с Иналуком. А когда ушел и он, сладко потянулся, захотел спать.

Орци и Гота давно уже уснули. А Дали, постелив две постели, ждала. Когда муж лег, она погасила свет и пошла к нему.

- Ты что, жалеешь меня? - спросил он.

- Нет, - прошептала Дали. - Тебя нечего жалеть. Пусть жалеют своих жена офицера да Чаборза жена... Я хотела сказать тебе о другом... - она в нерешительности замолкла.

- Ну!

- Не дадут они тебе житья... - начала Дали, вздохнув. - У каждого своя судьба. Но вижу я, тебе и мне выдалась неспокойная... Жизнь твоя теперь еще больше будет в седле, под синим небом... Они травят тебя, как волка. Но известно: волчья доля не только убегать, но и огрызаться, нападать... И тут всякое может случиться... А у тебя нет наследника...

Калой почувствовал, как на его плечо упала капля с ее щеки. Он молчал.

- Мужчина без наследника - дуб без корня! А я, видно, с того раза... испорченная. Годы идут... и ничего нет... И я думаю: ты должен взять... другую... Я клянусь Аллахом и тобой, а дороже тебя у меня на земле никого, - заторопилась Дали, - никогда в жизни вы не услышите от меня упрёка!.. Я буду, как своих, любить твоих детей... - она незаметно стерла назойливые слезы.

А Калой молчал.

Где-то точила мышь. Издали донесся крик ночной птицы.

И снова зашептала Дали:

- Иналук сказал: «Тебе, видимо, другая жена и не подошла бы...» Может, это он так сказал, а может, и неспроста... с намеком... И я подумала: какая я жена? Поспать да еду сготовить... Жена без детей - что сухой пенек. Ни тени от него, ни плода!..

И снова Калой не ответил ей. А Дали с помертвевшей душой ждала. Но вот он протянул руку, накрыл всей пятерней ее лицо, сжал его так, словно хотел раздавить, и задыхнувшаяся Дали услышала:

- Даже самая умная из вас - все равно дура! Был у тебя плод, будет и еще, если Бог даст. А не даст, - значит, так и должно... У нас не будет, у брата будет... Для рода это все равно! Но чтоб я в дом вторую жену привел - так этого не дождется никто! Я же знаю, что ты, хоть и говоришь смелые слова, сама умираешь от страха... Не бойся. Пока ты жива, я не обновлю нашей постели...

Дали уткнулась лицом в его плечо и заплакала.

- Перестань! Людей разбудишь! - прикрикнул он, крепко обняв ее молодое и здоровое тело.

- Душа и сердце мое! - страстно прошептала она и мысленно еще горячей взмолилась: «Дай, дай мне ребенка хоть на этот раз!...»

Утром во всех горах стало известно, что возле аула Эрш отряд обстреляли хевсуры.

- Вот ведь какие отчаянные! - удивлялись простаки. - Куда забрались! Так они скоро и в самой Назрани начнут стрелять!

А вечером Иналук, Калой и их друзья снова исчезли из Эги-аула, распустив слух, что едут на туров...

Все знали: охота на туров нелегкая. За день не обернешься...

До самого снега ездили Калой и его друзья на «охоту». Убитых туров не ели. Но у братьев появились две коровы, а у тех горцев, у которых пыл сгублен посев, - зерно на зиму.

И беззубого старика цоринца Калой не забыл, сдержал слово, купил и ему хлеба.

В станице Фельдмаршальской, что по плану покорителей Кавказа замыкала в Ассиновском ущелье горных ингушей, в одну из темных ноябрьских ночей вспыхнул пожар. Горела усадьба того самого хозяина, который потравил кукурузу. Одни считали, что это Божья кара, другие - что это дело рук разоренных им ингушей. Кто из них был прав, оставалось тайной, но только с того времени двор Чаборза ночью стали охранять три кудлатые овчарки, которых на день работник спускал в темные ямы, где они не видели ни света, ни людей.

В эту же осень ночью по поселку Назрань проезжала арба с сапеткой. Она остановилась против магазина с вывеской «Братья Гойтемировы». Возница спросил у сторожа, как проехать к одному из местных жителей, и назвал имя сторожа. Тот ответил, что это он. Но так как проезжий оказался глухим, сторожу пришлось подойти к арбе. Глухой прыгнул на землю, и, назвав сторожа дорогим дядей, обнял его и... положил в арбу. Арба тронулась. Двое скрывавшихся в сапетке, засунули сторожу в рот тряпку и связали его по рукам и ногам. Арба подъехала к магазину с задней стороны, злоумышленники перенесли сторожа в магазин, а из магазина вынесли мануфактуру, чай, сахар и другие товары.

Утром сторож уверял, что подозвал и обнял его сам сатана, потому что сила в нем была нечеловеческая.

В это время во владикавказских газетах все чаще стали появляться сообщения об усилившихся в Терской области разбоях и грабежах. Самые дерзкие налеты связывали с именем знаменитого чеченского абрека Залимхана. Много, наверно, смогли бы рассказать и Калой с его друзьями. Однако в горном участке, где он жил, все было спокойно, и его никто по-настоящему не преследовал.

До Чаборза доходили слухи об эги-аульских «охотниках». Но он до поры до времени предпочитал не докладывать, веря в то, что рано или поздно Калой попадется сам.

Ведь если не мешать ему, он поверит в то, что его не подозревают, и обязательно сам

приблизит развязку!..

8

Солнце и луна, добро и зло, любовь и ненависть, победа и поражение живут рядом. Почему это? С каких пор так повелось, Калой не знал. Но если приходило счастье, он знал, что оно может смениться горем. Если приходило горе, он верил, что оно не вечно.

Весна принесла в башню Калоя радость. Но никто не говорил о ней вслух, чтоб не спугнуть, не сглазить ее. По углам двора, на заборах появились лошадиные черепа. За дверями - камни с дырой в середине, в комнате, в нише, - Коран, завернутый в материю, на стене желто-зеленая картина с изображением мечети и письменами на арабском языке.

Все это было призвано сохранить плод, который понесла Дали.

Видно, сама природа сжалилась над ней и наградила ее за любовь и преданность.

Калой стал реже отлучаться из дому. Но признаков радости не проявлял. И только Дали знала, как иногда, забывшись, он совсем по-иному, совсем другими глазами смотрел на нее. И ей казалось, что само солнце заглядывало к ней в душу. Ей хотелось и плакать и смеяться. Но она держала себя в руках. Ведь злые силы таятся везде. Им бы только заметить человеческое счастье, так они тотчас кинутся на него и не отступят, пока не убьют.

Порой Калою что-то казалось подозрительным. Дверь ли открывалась сама по себе, скрипела ли половица. Он выходил, прислушивался и, негромко крикнув: «Шох, шейта!»[17] - стрелял в воздух.

Даже если в это время Дали спала, улыбка счастья набегала на ее лицо. Она знала: он стерег ее...

Но вскоре жизнь их омрачилась печалью...

Недалеко, в одинокой башне Виты, догорал огонь сердца Матас.

Калой и Орци исполняли все ее желания, даже случайно оброненное ею слово они подхватывали и предпринимали далекие поездки, чтобы купить то, что она хотела. Как-то зимой, в мороз, когда волку не вылезть из своего логова, Орци помчался в город и привез больной яблоки и виноград. Он стрелял для нее барсуков, свежеввал ежей. Жены братьев тайно скармливали Матас мясо и жир этих животных. И, может, только этим и держалась она так много дней. Но, несмотря на все их усилия, Матас таяла. Ее уже не оставляли одну. Чаще всех у нее ночевала тихая и мягкая Гота. Сон Готы был легкий, как у птицы. Стоило больной зашевелиться, как она уже появлялась у ее постели, помогала ей.

- Свалилась я на ваши плечи... Вы уж простите меня... не опекайте так! - говорила Матас. - У каждой из вас есть и свой дом и свои дела...

Гота сердилась и отвечала, что они не делают для нее ничего такого, чего бы она не сделала для них.

Порою обласканная и успокоенная Матас начинала мечтать. Тогда она говорила, что обязательно поправится. Во-первых, потому, что ее «держат на ладонях», поят и кормят легко, как ребенка, и обильно, как богатыря. Во-вторых, потому, что Калой обещал поехать с нею к Виты!.. Они найдут его, где бы он ни был! Калой все сможет... У Калоя - слово мужчины! Когда он говорит и смотрит человеку в глаза, это правда...

Они с Калоем возьмут с собой кукурузной муки, черемшовых чувячков и сушеной баранины... А она там, в Сибири, сготовит ему галушки и черемшу. Русские, наверное, будут убегать от ее запаха! Матас тихо смеялась.

- Ну, ничего, как попробуют раз - поймут! Я своих городских соседок всех приучила!

К концу весны здоровье Матас, казалось, стало лучше. Она реже грустила. Глаза сделались еще больше. В них появился такой красивый огонек, какого не было даже в юности. Но она по-прежнему была бледна, хотя щеки нередко загорались ярким румянцем. Однажды утром Матас чуть не задохнулась кровью. Но потом все прошло. Она отдышалась и опять стала веселой.

Она попросила Готу подать ожерелье, которое недавно принес ей Калой.

- Ты как голубка Сеска Солсы[18] в нем! - воскликнула Гота, когда драгоценное ожерелье каплями крови легло на белую шею Матас.

Поглядев в зеркало, Матас с досадой отложила его.

- Ведь не было же счастья, чтоб он увидел меня такой!

Гота выбежала из комнаты и, спрятавшись в чулан, уткнула лицо в колени, чтоб заглушить слезы...

У Калоя были теперь свои люди в аулах, что лежали на тропах Ассиновского и Джарахского ущелий. Эти люди предупреждали его, когда в горах появлялся кто-нибудь чужой.

Вот и сейчас Калой знал, что со стороны Военно-Грузинской дороги в Джарах вошел какой-то человек, который заходит в аулы и разговаривает с людьми. Его интересует все: что они едят, где спят, как работают...

Кто он? Друг или враг? И что ему надо?

На всякий случай Калой велел брату, если незнакомец появится в Эги-ауле, пригласить его к себе, а сам решил встретиться с ним как бы случайно.

В доме у Калоя и Орци по-прежнему было бедно. Ни одной лишней вещи не покупал Калой на деньги, которые добывал, рискуя жизнью. Он думал только о том, чтобы в семье его всегда был хлеб и одежда, чтоб у близких был хлеб, чтоб у бедных был хлеб. Вот почему он давно уже стал тамадой аула. Даже Иналук, забывшись, иногда вставал перед ним.

Днем прошел сильный дождь. Но потом ветер прогнал тучи в хев-сурские горы, а к

вечеру горизонт разорвало, и в голубое окно с золотистыми краями ударил свет далекого заката. Он упал на тропу и осветил человека, поднимавшегося в гору. Завидев его, Калой сразу догадался: это тот, о котором недавно предупредили друзья.

Он взял свое драгоценное приобретение - подзорную трубу - и навел ее на человека.

Шел статный мужчина средних лет, с красивым лицом, обрамленным бородкой. На голове - горский войлочный лопух, одет в русский костюм. За плечами котомка.

Вот он остановился, вытер лицо платком. Устал.

Значит, не горец. Сложив руки на палке, он оглядел дальние вершины, леса, посмотрел в ту сторону, откуда пришел, и снова зашагал наверх, медленно, шаг за шагом... Усталый человек...

Разглядывая его, Калой думал: «Нелегко тебе. А каково нам? Но ведь даже здесь покоя не даете!.. Иди, иди. Это тебе не городской бульвар...»

Пришелец шел. Какое дело гнало его сюда?..

Калой позвал Орци, и они вышли за околицу. Через некоторое время незнакомец поравнялся с ними.

- Здравствуйте! - поздоровался он. Застенчивая улыбка мелькнула в его глазах и слегка тронула уголки рта.

И сразу предубежденность и холод, с которыми Калой вышел навстречу к этому человеку, уступили место радушию доброго хозяина. Бывает так, что с первого взгляда складываются отношения между людьми. И очень часто они сохраняются навсегда. «У этого нет ни злобы, ни хитрости», - подумал Калой, но все же решил до конца проверить впечатление.

- Здравсьте! - ответил он.

- Драсьте! - повторил за ним Орци, который имел удивительную способность запоминать и коверкать слова чужого языка.

- Куда едем? - спросил Калой человека.

- Иду к вам. В Эги-аул, - ответил тот и замолчал в ожидании нового вопроса. Видно, он решил, что ему так легче будет разговаривать с этими горцами.

- Тебе здесь кунак есть?

- Нет. Кунаки у меня везде, где живут хорошие люди. Я знаю, что мне дадут крышу... - человек внимательно посмотрел на Калоя и почувствовал, что тот его понимает. - Ночь я побуду здесь, с вами, а завтра вернусь домой.

- Пейдом, - сказал Калой и направился к своей башне. Пришелец последовал за ним.

- Может быть, у вас дела, а я помешал? - спросил он несколько позже, но Калой

прервал его.

- Если идет госте, другой дела нет. Госте - самый большой дела! Госте Аллах дал... Хороший дела... — И он велел Орци поторопиться зарезать барашка.

Когда Калой и пришелец подошли к башне, Орци уже свеживал тушку.

Увидев это, гость искренне расстроился.

- Зачем? Зачем вы это сделали? - воскликнул он, снимая с головы лопух. — Ведь я один... Один человек... - он показал палец. - Один! Что мне надо! стакан воды и место...

Орци улыбнулся и больше руками, чем словами, сказал:

- Один, один, один, - он показал на него, на себя, на Калоя, - много один!

- Яво руски - по-русски не знай! - пояснил Калой. - Это ми се надо кушайт! Пейдом! - И он повел гостя в кунацкую.

Прошло немного времени, а они уже хорошо понимали друг друга.

Гость оказался осетином, человеком ученым, который пишет на большой бумаге. Калой видел эти бумаги в городе. Там, на бульваре, люди держат их двумя руками и читают. И Калой показал, как они читают. Из этих бумаг одни люди узнают, что делают другие люди на земле. Очень интересно!

Гостю нравилась беседа, и он часто смеялся.

Он сказал, что когда-то, очень давно, его предок был ингушом. Предок убежал в Осетию от кровников... Что его самого зовут Георгием...

- Да? - удивился Калой. - Ты наш человек! Георг - наш человек. Спасибо...

Узнав, что Георгий прежде был в осетинском ауле писарем, Калой вспомнил своего учителя из Джараха и рассказал о нем. Георгий еще больше вырос в его глазах.

Гость достал из сумки книжку с чистыми листами и начал делать в ней записи, пометки.

- Царь далеко, - пояснял он Калую. - Его помощник — Государственная дума - тоже далеко. Они не слышат, как стонут кругом люди... Кто-то должен заставить их слушать! Надо писать! Надо рассказывать всему миру горе нашей земли. И, может быть, тогда что-нибудь изменится...

Окончательно убедившись в добрых намерениях гостя, Калой послал за Иналуком и другими родственниками. Через некоторое время Дали подала чай вприкуску и чапилгиш[19]. Позже внесли свежую баранину, суп и галушки. Калой и Иналук наперебой угощали гостя, клали перед ним самые лучшие куски.

После ужина разговор продолжался. Калой переводил вопросы, которые интересовали Георгия, горцы наперебой отвечали ему. Он спрашивал их о жизни, о земельных делах,

о болезнях, о нужде...

Калой рассказал ему, как во время голода и мора их заперли в горах, обрекая на гибель, как в прошлом году уничтожили посев, как старшина обирает их.

Все беды свои высказали ингуши Георгию в эту ночь. Даже признались, что далеко не всегда и не каждый имеет чем попотчевать гостя... А Георгий все записывал в свою толстую чистую книгу. И листы ее быстро покрывались черными нитями. Такими же черными, как жизнь, о которой он писал.

Разошлись поздно. Никому не хотелось расставаться с этим человеком. Он с болью в сердце слушал о их невзгодах и не из любопытства, а для того, чтобы рассказать в большой бумаге, которую он называл газетой. Это было необычайное дело!..

Когда гостю постелили в кунацкой чистую постель, он удивился, сказал, что во всех аулах находил добрых людей, но они не имели возможности так принять его. У них не было таких вещей...

Калой промолчал, хотя ему очень хотелось рассказать Георгу, каким путем он добывал эту, материю! Рассказать, что рукава и полы его черески были пробиты пулями... Но, может, узнав такое, гость откажется от его крова? Ничего! Он завтра все равно скажет ему об этом! Обязательно скажет! Говорят, в газетах пишут много плохого про эбаргов[20]. А надо бы, чтоб Георг рассказал всем, как из тружеников земли получают эбарги...

Калой и Орци помогли гостю умыться, раздеться и лечь спать.

Он попросил оставить ему лампу.

Давно уже спал аул, давно заснули и хозяева Георгия, а он все думал и писал в своей тетради. Перед ним проходили картины жизни его родного аула... Ему казалось, что в эту ночь в этом каменном доме говорили с ним те обездоленные горцы-осетины, в среде которых прошло его детство. Какой одинаковой была судьба этих народов! Он смотрел на белые листки страниц далекими глазами и писал:

Не ждите же правды здесь!..

С высот своих лазурных

Сама на землю к нам не спустится она.

Берите силой все!.. И дней не бойтесь бурных!

Над счастьем сила здесь господствует одна...[21]

Перед рассветом Калой поднялся для молитвы. Он заглянул к гостю. Тот спал, сжимая в руке черную книжечку. Калой потушил лампу. Гость вздохнул, повернулся, что-то сказал на своем языке...

- Что-нибудь надо ему? - услышал Калой шепот Дали.

- Нет... - ответил он. - Хороший человек... Только очень мягкий... В царских слуг стреляешь, не помогает... А писать... Разве это поможет?..

Помолившись, Калой снова лег.

Едва забрезжил рассвет, на свою половину прибежала Гота и увела Орци к Матас. Потом поднялась Дали, начала готовить завтрак. А немного погодя, послышался кашель гостя.

Калой вышел к лошадям. После дождя утро обещало быть ясным. Розовел восток.

Когда Калой вернулся, его ждал взволнованный Орци. Гость, умывшись, вытирался.

- Что случилось? - спросил Калой у брата, заметив его волнение.

- Матас стало хуже, и она просит прийти к ней.

- Можно, я пойду с вами? - попросил Георгий, когда узнал, кто такая Матас и что с нею. Калой разрешил. Он вкратце рассказал гостю о жизни этой женщины, о том, как после ссылки мужа болезнь подкосила ее.

- У меня есть доктор, друг мой. Хороший доктор. Если надо будет, он приедет сюда... - сказал Георгий, и они пошли.

Матас лежала против своего окна с закрытыми глазами. Не то она думала, не то находилась в забытии. В башенной комнате еще царил полумрак.

Лицо ее было матовой белизны, черты его заострились. Оно было удивительно красиво. Длинные, темные ресницы... приподнятые брови... чуть приоткрытые губы...

Матас дышала часто, но неглубоко.

Георгий не двигался. Он не мог отвести от нее глаз. Он видел в ней печальные черты отрешенности. Рядом с больной на скамеечке лежало простое зеркальце в медной оправе и... рубиновое кольцо... Георгий чуть не вскрикнул. Он не поверил своим глазам.

В этом каменном мешке среди старинных предметов нищенского обихода простых горцев - драгоценная вещь, о которой могла бы мечтать любая дама высшего света.

Он сразу вспомнил слухи, которые долгое время ходили по городу Владикавказу после дерзкого ограбления магазина ювелирных изделия местного богача. Рассказывали, будто тот заявил, что он готов был бы пожертвовать в пользу полиции всем, что у него было украдено, лишь бы ему вернули одну только вещь - рубиновое ожерелье...

Ни подтвердить, ни опровергнуть этого слуха газетчикам не удалось. Но слух этот, как и сам налет, совершенный среди бела дня на центральной улице города, запомнился, как легенда. И вот это сказочное ожерелье, небрежно брошенное на старую деревянную скамью... Какое отношение оно имеет к этому дому, к больной? Может быть, его принесли сюда как талисман?

Георгий слишком долго задержался взглядом на этой вещи. Удивление его было

замечено хозяином.

Калой и гость потихоньку вышли на терраску.

Гота сказала, что Матас почти всю ночь провела в бреду: разговаривала с мужем, смеялась... А перед рассветом кашель чуть не убил ее. Выбившись из сил, она послала за мужчинами и заснула.

Георгий видел: Матас погибала. Дни ее были сочтены. И он сказал об этом Калою.

Калой с грустью поведал ему, как все время он обманывал бедную женщину, обещая поехать с ней к Виты. Когда он, задумавшись, замолчал, Георгий не удержался и спросил, откуда у Матас ожерелье.

На мгновение в глазах Калоя мелькнула досада, недоверие. Он пристально посмотрел на Георгия, а потом на своем ломаном языке просто сказал:

- Я давал... Городе большой лавка, золотой лавка, знаешь?.. Это мы карабчил...[22] Это хороший женчин... Бедный... Яво любишь такой... разный чепуха.. Пускай играют...

Удивленный Георгий некоторое время не мог говорить. Перед ним стоял простой ингуш, хлебосольный хозяин, человек, убитый горем потому, что гибнет жена его друга, вчерашний рассказчик и он же участник одного из самых дерзких, нашумевших грабительских налетов, поднявших на ноги военную администрацию целого края. Значит, он абрек? А может быть, даже главарь абреков?.. Об этом Георгий и спросил Калоя, когда они снова заговорили.

- Да, - ответил Калой. - Теперь я эбарг...

И он рассказал, как начальники и нужда с самого раннего детства преследовали его, пока наконец, оставив плуг, он не взялся за оружие.

Георгий, не перебивая, слушал взволнованный рассказ Калоя.

Может, теперь этот человек счастлив? Ведь он, наверное, богат, если дарит вещь, которая стоит целого состояния!

Но оказалось, что у Калоя есть только одежда и еда. Все остальное он отдает тем, которые нуждаются больше него.

А таких много! Ой, как много!..

- Калой, но эта вещь не чепуха... - говорил Георгий. - Это как брильянт, знаешь?

Калой кивнул головой.

- За это тебе могут дать много денег... столько, что ты сможешь купить... Ну... целый табун!..

Нет, Георгий не заметил в глазах абрека алчного огня грабителя или хотя бы беспокойного волнения. Он только покачал головой и, соглашаясь с ним, неожиданно

предложил:

- Бери себе... Яво это больше не надо... Яво земля хочет... Бери себе... Так в горах было всегда. Стоило гостю похвалить что-нибудь в доме хозяина, как тот обязательно старался подарить ему эту вещь. Но какой подарок мог пойти в сравнение с этим? Бурка? Лошадь? Кинжал?

Георгий замахал руками и наотрез отказался. Он только предупредил Калоя, что полиция ищет ожерелье по всем городам Кавказа и с ним надо быть осторожным.

Калой усмехнулся.

- Есть такой луди: ты гора карабчит - яво покупайт будит! Разный луди есть... Свой мат яво продавайт можно, если деньги даешь! - грустно заключил он.

Гота позвала мужчин. Орци остановился у дверей. Калой и Георгий подошли к постели. Увидев гостя, Матас долго смотрела на него, а потом едва слышно спросила:

- Кто это?..

Калой сказал. Георгий подсел к ней, взял за руку. Пульс бился слабо и очень часто... Рука Матас не шевелилась, но глаза по-прежнему пристально смотрели на незнакомца и, казалось, чего-то ждали от него... удивительно красивые, близкие и далекие глаза.

И, сам не зная почему, Георгий оживленно заговорил:

- Мы с Виты были вместе... Он жив и здоров... Меня раньше освободили. Но скоро выйдет и он. Приедет сюда... Он просил проведать тебя, передать тебе его салам...

И Калой серьезно переводил эту ложь, сам не зная зачем.

- Скажи ей, что уже недолго осталось ждать... И они больше никогда не будут разлучаться... - Георгий гладил ее исхудалую руку, Матас внимательно смотрела ему прямо в глаза. Наконец губы ее что-то зашептали.

- Даже, если не так... Он красиво рассказывает... Спасибо...

- Нет, Матас, я не обманываю тебя!.. Это все так... Мы оба были арестованы... Он скоро придет... - страстно повторил Георгий.

Матас закрыла глаза. Не то она утомилась, не то обдумывала что-то.

Шли долгие печальные минуты. Решив, что она уснула, Георгий хотел отпустить ее руку. Но она неожиданно с силой удержала ее, села. Широко открытыми глазами пристально посмотрела она в окно на тропинку... потом откинулась на подушки... затихла...

Наконец пальцы медленно разжались... она перестала дышать... Георгий осторожно закрыл ее остановившиеся удивленные глаза...

Орци вывел обессиленную Готу на воздух.

Наступила тишина, которую никто не смел нарушить. Георгий встал. Казалось, Матас спала. Только с уголка ее губ сбежала на шею тоненькая алая полоска. «Рубиновое ожерелье!» - мелькнула у Георгия горькая мысль, и он отвернулся.

С суровым лицом строго стоял Калой перед святостью вечной минуты. Гость знал: мужчины этого народа не плачут. Может быть, потому, что они слишком часто встречаются с горем?!

Немного погодя, Калой четко отдавал распоряжения брату и невестке.

Георгий вышел, по лесенке вдоль наружной стены поднялся на плоскую крышу башни, снял лопух. Прохладный ветер кинулся в его волосы. Георгий поглядел вокруг.

Горы, камни, шнурочек воды на дне ущелья. Черные полосы пахотной земли, в который раз готовые родить все, что им удастся!.. И ему непомнились слова, явившиеся к нему в ином месте, при иных обстоятельствах. Но сейчас казалось, что они могли родиться только здесь, у изголовья этого несчастья, у колыбели этого народа.

...Остановись, певец!

Не оскорбляй слащавым

Напевом этот край страданья и труда.

Край, захлебнувшийся в пучине волн кровавых,

Край, не выдавший счастья никогда!

Он не заметил, как начал читать вслух, протяжно и грустно:

Молю тебя, ты брось вокруг свой взгляд пыливый,

И ты поймешь тогда, что в этой красоте,

Что в этом мире скал, средь этих гор тоскливых

О смерти все гласит, о рабстве, нищете...

Внемли, как стонет там, в горах, поток кипучий,

Как плачет там орел и как шумит там лес.

И ты уловишь в них протест немолчный, жгучий,

Все ждущий правды здесь с сияющих небес!..[23]

Георгий почувствовал, что сзади кто-то стоит. Он оглянулся. Калой и Орци, приняв стихи его за молитву, сложив по-мусульмански руки, молились.

Георгий попросил разрешения остаться на похоронах. Калой не возражал. Он отвел его

к себе, заставил выпить стакан чаю.

В полдень Матас понесли хоронить. У ограды мулла, приехавший из соседнего аула, высказал сомнение: можно ли впустить на кладбище христианина. И Калой, как хозяин похорон, ответил:

- Земля Божья, люди Божьи. Наши отцы еще вчера были христианами. А это - гость. Он дал Матас последнюю радость! Он пойдет. Хороните!

После похорон Калой спросил Георгия, что тот собирается делать. И предложил погостить у них несколько дней. Но Георгий поблагодарил, отказался. Объяснил, что его ждут дела.

- Тогда месте пойдем, - сказал Калой и вышел, чтобы распорядиться и предупредить стариков, что он едет проводить гостя.

Георгий собрал свою сумку, сделал несколько последних заметок в тетради, пробежал прежние записи... Собранного материала было вполне достаточно, чтобы начать задуманную работу. Трагический итог того, что за многие годы видел и слышал он в народе.

Открыв новую тетрадь, он задумался, машинально поставил на первой странице «1907 год» и вывел заголовок будущей книги: «Край беспросветной нужды...»

Калой проводил нового друга до аула Лежг. Там он оставил ему коня до конца пути и поручил своему родственнику посадить его на Военно-Грузинской дороге в тифлисский дилижанс.

Расставаясь, они обнялись.

Георгий дал Калою свой адрес и на прощание сказал:

- Я никогда не забуду тебя, твой дом, твою семью. Я никогда не забуду сестру вашу Матас... Я буду писать это кровью... Кровью буду писать слова о вас! А ты... Береги себя - и бей! Бей их! А придет время, ты, я, другие - все вместе ударим! Придет время!..

Они расстались.

На обратном пути Калой много думал над словами этого человека.

Он вспомнил Илью, Виты, вспомнил юношу Мухтара, который беседовал с людьми в Галашках, и, грустно усмехнувшись, произнес:

- Если ученым ты опостылел, а нам, простым людям, нет житья от слуг твоих, не усидеть тебе, царь Никола, на стуле отца твоего!

Чем ближе к аулу подъезжал Калой, тем яснее доносилось пение мюридов на тризне и тоскливее становилось на душе.

Вечерело, когда он проезжал мимо своего поля. Каждая пядь земли здесь была полита его потом. Как всегда, весна волновала его! Сколько возникало надежд. Как любил он

проводить первую борозду... А теперь?..

А теперь он должен был думать о том, где бы взять побольше, чтобы разбить, взломать, как бы отбить косяк коней! Сколько раз мушка его винтовки останавливалась на человеке!

Правда, это были его враги. Но враги — это ведь тоже люди...

Калой стреножил коня, а сам поднялся на скалу Сеска-Солсы.

Давно он не поднимался сюда. Очень давно, с детства. А поднялся -и показалось, что было это только вчера.

Все здесь так же, как и много лет назад. Только сосна стала толще, макушка раскидистой. Как всегда, Калой дотронулся до ствола. Ведь где-то на этой коре было место, которое трогали руки его отца... Калой опустился у дерева. Солнце зашло. Но дальние вершины еще розовели. Высоко в фиолетовом небе лежала полоса медно-красного облака.

В памяти Калоя вставали близкие люди: отец с матерью, которых он представлял себе только по рассказам, Гарак и Докки, Фоди, Виты, наконец Матас... А сколько было других, которых уже нет!.. Вспомнил он Зору, Хасана-хаджи, Гойтемира, Наси... наконец, друга детства - Быстрого... И мир показался Калою пустым осенним полем.

Щемящее чувство тоски охватило его. Стало плохо. Так плохо, что захотелось не жить...

Калой заметался, вырвал с корнем попавшийся под руку куст... Как много было в жизни всего и всех, и все прошло! Что он делает теперь на этой земле? Зачем он здесь?..

Вдруг на тропе послышался шорох.... Калой вздрогнул. Ему почудилась нечистая сила... Он вскочил и... растерянно опустил руки. Перед ним стояла Дали.

Кого угодно мог он представить себе на этой тропе, но только не ее.

- Откуда ты?

Она виновато улыбнулась. Тяжелое дыхание мешало говорить.

- Такая тоска... - Дали опустила голову, отвернулась. — И царь, и болезни, и одиночество - все навалилось на одну Матас, задушило ее... А одиночество тяжелее всего!.. Я ходила к ней... А потом ждала тебя...

Дали думала, что Калой рассердится, но он подошел и мирно сказал:

- Хорошо, что пришла. Это мое любимое место. А это дерево отец сажал... когда покидал родину... Видишь, как давно! А мы с тобой еще ни разу не приходили сюда вдвоем.

И теперь не вдвоем... - улыбнулась Дали и прислонилась головой к его груди.

«Не вдвоем...» - мысленно повторил Калой, мечтавший о сыне. Он улыбнулся. К нему возвращалось и снова звало за собой могучее желание - жить!..

[1] Беркат — благодать, изобилие (инг.).

[2] Милиция — род ополчения, которое покорители Кавказа создавали из местного населения.

[3] Эзди - в данном случае воспитанный. (Вероятно, относящийся к езидам (езди). Религия езди – переплетение зороастризма, иудаизма, манихейства. Возможно, в древности религия ингушей).

[4] Сармак — дракон, смерч (инг.).

[5] Набахте — гауптвахта, тюрьма (инг.).

[6] Воллаги - ей Богу (инг.).

[7] Фухтель — удар плашмя обнаженным клинком.

[8] Зверь - кличка, которой поносили горцев в царское время.

[9] Дац - нет (инг.).

[10] Хаволе - приходи (инг.).

[11] Кашель - чахотка (инг.).

[12] Тум — десять рублей (инг.). (Туман - золотая монета в Иране).

[13] Народная песня. Перевод с чеч. Н. Тихонова.

[14] Религиозное песнопение мюридов, хвала Мухаммеду (араб.).

[15] Народная песня. Перевод с чеч. Н. Тихонова.

[16] В данном случае в значении — чур, чур тебя! (араб.).

[17] Шох, шейта! — Кыш, шайтан! (инг.).

[18] Голубка Сеска-Солсы - горлица с ободком на шее (инг.).

[19] Чапилгиш - ячменные или пшеничные лепешки, начиненные творогом (инг.).

[20] Эбарг — абрек (инг.).

[21] Г. Цаголов. Песнь Кудайнаты.

[22] Карабчил — украл (кавказ.).

[23] Г. Цаголов. Песнь Кудайнаты.

Глава седьмая. Солдаты

1

С того скорбного дня, как не стало бедной Матас, прошло несколько весен. Каждая из них несла людям то страх и опасение, то надежду. Чаще стали доходить в горы новые мысли. Жизнь становилась тревожнее, быстрее. В аулы наезжали теперь молодые ингуши. Они называли себя студентами, рассказывали о борьбе, которую вели в России рабочие, чтобы облегчить людям жизнь, изменить вековечный порядок, когда богатым достается все, а бедные должны работать на них и голодать.

А в башню Калоя пришла радость. Дали подарила сына - Мажита.

Калой перестал ходить в набеги. Уже два года он вместе со всеми пахал и косил, убирал урожай и заготавливал дрова. Снова братья арендовали на плоскости землю, только теперь в другом месте, и им удавалось сводить концы с концами. Запахивали и принадлежавший Виты клочок земли. Но не корысти ради, а чтобы поле не тосковало. С первого урожая справили поминки по Матас и поставили ей на могилку серую

каменную плиту.

Сам камень не стоил ничего. Братья вырубили его в горах. Но надпись обошлась дорого. Каждую буквочку, каждую точку посчитал грамотей-мулла. Каждый прочитанный стих из Корана пришлось оплатить зерном.

Но братья не скупились. Они знали, что Матас видит все и, конечно, довольна ими.

Что может быть дороже почести, воздаваемой памяти ближнего!

Однажды пришло братьям письмо. Было оно от Виты, из Сибири. Рассказывал он о тяжелой жизни на каторге. Но о себе писал мало. Все больше спрашивал про дела горцев и только в конце, чтобы не подумали, что очень тоскует, просил написать про Матас: где она, как живет и здорова ли?

Прочел братьям это письмо писарь, который в ту пору объезжал свой участок, проверяя подворные списки.

Калой едва понимал его. Но когда писарь прочитал письмо второй раз, стало яснее, и Калой рассказал своим, о чем написал Виты. И снова плакали женщины по бедной Матас, расстроился и ушел в сарай Орци. А Калой завалился на нары и, пока писарь ел, думал и думал о том, что говорил ему из далекой Сибири молочный брат.

Но одно место в письме он так и не понял: «Заключенные ждут амнистии!» О чем это речь? И когда писарь поел, он снова начал его допрашивать.

- Чаво это - амнести? Какой слова?

С большим трудом писарь пояснил Калою, что сейчас 1909 год, а через четыре года исполняется триста лет, как Россией правят цари из рода Романовых. Что по этому случаю царь-батюшка для праздника помилует своих врагов, и арестанты надеются на эту милость.

Калой усмехнулся:

- Кто знает, что будет через четыре года! И сколько людей не доживет до этого праздника!

Но самое главное, Виты жив. Есть его адрес, и хоть изредка можно будет посылать ему гостинцы.

Калой дал писарю целковый за бумагу и за ответ, который тот написал брату. В нем Калой рассказал Виты о жизни в горах и о том, что Матас умерла.

Женщины, затаив дыхание, сидели в углу башни, прижавшись друг к другу, слушая, как Калой диктует письмо. Когда он называл имя Матас, они догадывались, о чем идет речь, и снова плакали.

Только один Мажит ничего не понимал. Сидя у матери на руках, он старался достать за хвост кота, который залез от него под нары.

В этот месяц Калой отослал Виты две посылки с сушеным мясом. Не забыл положить туда и цу мажиргиш[1]. Эта пища была очень сытной и могла не портиться годами.

Но не одна любовь к мирной жизни удерживала Калоя от дерзких набегов.

Царские власти, бессильные бороться против самих абреков, подвергали экзекуции, штрафам их аулы, а родных и близких поголовно ссылали в Сибирь.

Калой, да и все в горах, знали, сколько безвинных чеченцев было разорено и сослано за неуловимого эбарга Зяламха.

Жестоко, но справедливо наказывал Зяламх своих врагов. Он убивал карателей, грабил богачей. Однако тяжелой ценой оплачивал это народ. Зяламх тайно покинул Чечню и вместе со своей семьей скрылся у ингушей. Он готов был прекратить борьбу, потому что сотни чеченцев уже томились из-за него в тюрьмах. Но власть продолжала преследовать его. Для его поимки был создан отряд добровольцев-охотников во главе с есаулом Вербицким. Отряд этот так жестоко расправлялся с горцами, что о нем в народе сложили песню:

...В огне сгори, Вербицкий!

Палач детей и жен!..

Калой не мог допустить, чтобы из-за него разорили Эги-аул, сослали людей... Ведь только ради них он шел на отчаянные дела, рисковал жизнью. Вот еще почему он стал «мирным».

Около года Зяламх и его семья тоже мирно жили в ингушском селении на плоскости. Но царские люди узнали об этом, и ему пришлось покинуть гостеприимный Экажконьги-Юрт.

Куда идти? Где искать спасение?

Многих ингушей знал эбарг Зяламх. Со многими из них ходил на большие дела... Но сейчас ему нужен был человек, слово которого было бы свято для всех других. И он решил искать Калоя.

Тайными тропами в ночную темень шла семья Зяламха в горы. Шли женщины, дети... В ауле Лежги пришлось искать приюта. Жене Зяламха стало плохо. А к утру она принесла ему сына. Что за судьба родиться от людей, у которых ни крова, ни очага, все богатство которых - вражда, вся радость - прожитый день!..

Но было у них одно настоящее богатство: ингуш никогда не спрашивал у пришельца, кто он, откуда и куда держит путь. И если гостю его угрожала опасность, он готов был встретить ее, а если надо, умереть. Однако плох тот гость, который без крайней нужды злоупотребляет этим священным обычаем.

Через три дня Зяламх снова двинулся в путь.

Перед рассветом залаяли собаки. Калой проснулся, прислушался. Надрывный лай псов говорил о том, что в ауле кто-то чужой. Калой накинуд бешмет, вышел, окликнул

собак. Услышав голос хозяина, они осмелели и ринулись за ворота.

Калой сбежал с терраски и увидел людей, остановившихся поодаль. Прогнав собак, он подошел к гостям.

- Счастлив ваш приход! Заходите! Заходите! - обратился он к пришельцам, стараясь рассмотреть их.

Мужчина с конем в поводу, парень-подросток, две женщины и много детей... Мужчина шагнул вперед, и Калой тотчас узнал его.

Узнал не по лицу, а по росту, по излому шапки, по манере носить винтовку - вниз дулом под правой рукой. Это был Зяламх. Они молча обнялись. Калой взял под узду его лошадь и пошел вперед. Им не нужно было говорить, чтобы понять друг друга. Калой был рад гостю и в то же время глубоко опечален тем, что ему пришлось покинуть плоскость и со всей семьей, терпя лишения, скитаться по чужим людям, искать убежища в далеких от родины горах.

Значит, круг сжимался.

Орци выбежал им навстречу. Когда гости вслед за Калоем вошли в дом, обе хозяйки были уже на ногах. Дали убирала постели, Гота разжигала печь.

Не прошло и часа, как гость и вся его семья, обласканная, согретая теплом и радушием хозяев, спали в отведенной им комнате спокойным сном, каким давно уже не приходилось спать.

И хотя в эту ночь никакой опасности для Зяламха не было, Калой на всякий случай велел Орци расставить в разных дворах заседланных лошадей. А когда рассвело, братья принялись за обычные домашние дела. Глядя со стороны, никто не мог бы подумать, что в их доме есть посторонние. Так прошел день. Жена Зяламха, жена его брата, младший братишка и дети привыкли скрываться. Они научились всегда говорить вполголоса и не подходить к окнам. Здесь можно было и не таиться, но у них это получалось само собой.

Ни Дали, ни Готе не было известно, кто у них в гостях. Калой сказал им, что это семья чеченца, который из-за кровничества вынужден прятаться и избегать людей. И это было истиной, потому что Зяламх действительно стал знаменитым абреком Залимханом из-за того, что его оскорбителей и кровников взяла под защиту власть и всей своей силой обрушилась на него.

Когда стемнело, Орци привел лошадей, посадил на них детишек гостей и тронулся в путь. За околицей обе женщины тоже сели верхом на лошадей, и караван двинулся в глубь гор, к аулу Кек, где у Зяламха были близкие друзья.

Кек стоял так высоко в горах, что выше уже не было ингушских поселений.

Часа через два следом выехали Зяламх и Калой. Прощаясь с хозяйками дома, Зяламх тихо сказал:

- Спасибо вам за хлеб-соль! Молю Аллаха, чтоб вам никогда не приходилось искать

гостеприимства, скрываться, как это приходится нам!.. Счастливо живите!

- Счастливого пути!

- Да сжалится над вами Аллах! – ответили Дали и Гота. И, кажется, они впервые подумали, что беды и горе, изведенные ими, - еще не самые тяжкие испытания. «Не приведи Аллах вот так... бездомничать...»

Ночь была светлая, хотя луна еще не всходила. Калой и Зяламх проехали по дороге к аулу Пуй, что лежит на пути к Кеку, потом резко свернули в лес и направились в обратную сторону. Через некоторое время перед ними открылся вид на черную башню на горе. Это был замок Ольгетты. Оставив лошадей внизу, Калой провел гостя вверх пешеходной тропой, показал одному ему известный тайник и сказал, что здесь, если придется, он может оставаться и жить сколько угодно. Только никто не должен знать об этом убежище. Зяламх понимал, что Калой делится с ним самым сокровенным. Все меньше оставалось у него теперь таких друзей.

Вскоре они спустились к лошадям и вернулись на дорогу, по которой ушла семья Зяламха.

В Кек приехали поздно. Там все, кроме хозяина дома, спали. Орци давно уже угнал обратно лошадей. Калой не стал задерживаться и, поручив гостя хозяину, пошел со двора. Зяламх захотел проводить его, и они вместе вышли на дорогу. Поднялась луна, осветила горы. Было безветренно, тихо. Где-то журчала вода.

Калой и Зяламх остановились на крутой тропе. Их не смущала черная бездна у самых ног. Зяламх был спокоен.

- Вот куда загнали они меня... - грустно промолвил он, окидывая взглядом кольцо обступивших гор. - Такому, как я, не надо было иметь семью... Себя мне не жаль. Но их измучил... А ночью все мерещатся люди, что томятся и погибают из-за меня в тюрьмах...

- Да разве ты виноват в этом? - пытался успокоить его Калой. - Это трусость слуг царских! С тобой не могут справиться, так берут беззащитных...

Зяламх печально покачал головой.

- Я знаю тебя, Калой, - сказал он, - ты смелый человек, но ты добрее меня. Ты ради своей жизни не дал бы страдать другим... Вот они сожгли, разгромили ваш аул Цорх. А за что? Я же близко к нему не подходил! А я вместо того, чтобы смириться, свирепею! Ненависть к злодеям застилает мне ум. Я жажду их гибели и бью, бью, где могу, сколько хватает сил... - Глаза Зяламха горели. - Теперь это стало моей судьбой. Они меня сделали таким. Но ты свободен. Они еще не встали на твой след. Ты очень умно брал их за глотку, не открывая себя. Ты еще можешь вернуться к сохе. А разве есть что-нибудь вкуснее чурека, добытого своими руками из этой земли? Я хочу уйти за границу... Вот только достанем немного денег - и уйду... Мне как-то сказали русские - я тайно встречался с ними... не здешние были, - что таких, как мы, и в России много... Что они сбросят со своего стула царя Николая и сами станут хозяевами жизни... И будет большая война между русскими эбаргами и слугами царя! Вот тогда и я вернусь, и мы все вместе посчитаемся с ними за все! - Голос Зяламха был хриплый,

простуженный. Он то улыбался, то хмурил брови и зло поводил глазами.

- Власть царя — это гора! — сказал Калой невесело. — Трудно будет ее одолеть... И когда это будет?.. А пока тебе лучше притихнуть. Всполошились они!..

Зяламх улыбнулся.

- Да. Все они знают теперь чеченца из Харачоя - от царя и до последнего писаря! И многим хочется положить себе в карман обещанные за мою голову восемнадцать тысяч. Только я ценю ее дороже... И об этом узнает еще не один.

Они простились, условившись встречаться в башне замка Ольгетты. Калой из уважения к гостю пошел за околицу пешком, ведя коня в поводу. А Зяламх долго стоял, вспоминая свое село Харачой в веденских горах, где теперь не осталось ни одного родного ему человека. Он смотрел на яркую луну и думал том, что она сейчас видит со своей высоты и Ведено и его родной аул. Как хорошо луне!

Судьба Зяламха тяжелым камнем легла на сердце Калоя. Он с тоской думал о друге, о его несчастной семье. Ведь «даже самая длинная веревка всегда имеет конец...» Загнали его сюда, но остановятся ли на этом?

И яснее увидел Калой: есть люди, сильные силой власти, и есть люди, которым приходится самим стоять за себя... И вражда между ними - вечная. А раз так - нет нужды искать конец веревки... страшный конец... Надо просто жить и, где удастся, наносить удары.

Прошел год. Как-то разнесся слух, что Зяламх среди бела дня напал на город Кизляр и похитил все ценности из банка. Люди удивлялись его смелости. Многие завидовали его богатству, и никто не знал, что в числе его друзей были эбарги и с этих гор.

Слава и дерзкие налеты Зяламха не давали покоя властям. Он был укором их бессилию и заразительным примером для других.

К концу сенокоса в горах появился Чаборз. Он в сопровождении нескольких родовых братьев объехал свои угодья, заглянул в соседние ущелья, побывал в пещерах. Горцы поняли: старшина кого-то высматривает.

По дороге домой он встретил Орци и, отозвав его в сторону, сказал:

- Если установят, что твой брат бывал с Зяламхом, будет беда. Аул разорят. Сожгут.

Глаза Чаборза пытливо смотрели в глаза Орци. Но тот выдержал его взгляд и с невозмутимым спокойствием ответил:

- Видишь ли, один человек сразу в двух местах бывать не может, если он не джин или не оборотень. Спроси село. Мой брат - всегда с народом. На всех работах он дома... - Орци умолк и, поглядев на Чаборза, простодушно добавил: - А если нам когда-нибудь почему-нибудь придется уйти к Зяламху... - он улыбнулся, - ты, Чаборз, узнаешь об этом... И самым первым! Мы не обидим тебя, почтим твою власть, придем к тебе в гости...

- Оставь свои глупые шутки! - огрызнулся Чаборз. - И запомни: я предупредил вас!

- И я предупредил! - с той же наивной улыбкой ответил Орци, словно встреча с Чаборзом доставила ему огромное удовольствие.

Старшина уехал.

А позднее, к концу месяца ревущего оленя, когда леса почти обнажились, а на вершинах гор заиграли метели, ночью из всех трех ущелий к башне Эги прискакали родственники. Они принесли страшную весть: со всех сторон в ингушские горы вошли солдаты. Их сотни, тысячи! Русские пехотинцы, казаки, дагестанские всадники, ингуши из милицейской охраны. Их ведут важные начальники.

Калоя не было дома, и Орци не сразу сообразил, что делать. Страх за брата перепутал мысли. Наконец он побежал к Иналуку. Дали, Готу и Мажита они отправили к родственникам в другое село. Верный человек поскакал в Пуй, Кек и Нелх. Знали, что где-то там скрывается семья Зя-ламха. Но неужели ради двух женщин и детей собрано такое воинство? Неужели начальники хотят перенести на бессильных, беззащитных женщин свою злобу и ненависть к этому неуловимому человеку?

- Хотя ведь не зря говорится: «Кто не смеет ударить коня, тот бьет по седлу!» - усмехнулся Иналук, - Зная характер этого чеченца, они могут его семью превратить в приманку, в капкан для него. А может, что-то против нас замышляется?..

- Хоть бы Калой на них не нарвался! Он с оружием... Тогда конец... - нарушил молчание Орци.

Через несколько минут юноши рода Эги ускакали в разные аулы, чтоб предупредить друзей Калоя, просить их укрыть его от врагов, как только он появится.

Утром посланные возвратились и встретили новый день обычными делами.

К полудню прибыли военачальники и солдаты.

Вокруг аула встала охрана.

А пешие и конные отряды солдат по тропам и напрямик, через хребты и долины пошли дальше, к верховью Ассы. И тогда горцы поняли: облава. Только на кого? На самого волка или на его щенят?

В дом, где остановился главный начальник войск, изредка прибывали офицеры. Видимо, они докладывали, как идут дела.

Несколько раз появлялся и Чаборз. Туда приволокли двух баранов, развели костры.

Орци сидел у себя вместе с Иналуком. Из окна они наблюдали за тем, что происходило вокруг.

Взрослое население Эги-аула пряталось по домам, но дети, хоть и боялись солдат, гонимые любопытством, все-таки выбрались из башен и глазели на пришельцев.

В середине второго дня по общему оживлению военных стало ясно: случилось что-то важное. Один за другим на потных конях скакали посыльные. Офицеры отдавали какие-то распоряжения. Солдаты двойной цепью окружили аул. И наконец до жителей дошла весть: в хевсурских горах, совсем под ледниками, схватили семью Зяламха.

Через несколько часов под сильной охраной ввели в аул измученных женщин и кучу детей. Маленьких матери несли на руках, другие цеплялись за их юбки. Старшая женщина была женой Зяламха, вторая - женой его погибшего брата, Солтамурада.

Их привели во двор, где жил главный, теперь уже известный горцам начальник Назрановского округа князь Андроников - офицер из лучших царских войск, которые назывались «гвардия».

Жители Эги-аула поняли: князь решил, что семья Зяламха - это хвост, за который он вытащит из гор и самого эбарга. Не даст же тот на поругание врагам своих женщин! Чтобы выволить их, он, конечно, кинется в бой и сложит голову... Так думали и говорили жители аула. Осмелев, они понемногу стали выходить, взбираться на крыши башен, с которых были видны пленники князя, окруженные тройным кольцом солдат.

Наконец на террасе появился сам князь. Это был высокий холеный мужчина. Все пуговицы на его шинели, накинутой на плечи, блестели, как золото. Шашка была в серебре. Он внимательно посмотрел на женщин и спросил у старшей из них:

- Где твой муж? Переводчик перевел.

«Спрашивает, где Зяламх», - разнеслось по всем дворам, по крышам. И тотчас снова воцарилась тишина. Затаив дыхание, люди ждали ответа женщины, муж которой вот уже десять лет заставляет трепетать этих начальников и именем которого их жены пугают своих детей.

- Не знаю, - тихо ответила она. И это было сказано так обычно, как сказала бы любая женщина.

- Врешь! Где Залимхан? - повысил голос князь.

- Не знаю, - так же спокойно, как и в первый раз, ответила жена Зяламха.

- Где Залимхан? - вышел из себя и закричал Андроников.

Дети испугались, заплакали. Мать обернулась и велела им умолкнуть.

- Царем поставленный начальник должен быть умным человеком, - заговорила она, посмотрев на князя усталым взглядом. - Как же он не понимает, что такой человек, как мой муж, сам не знает, где он будет! Вы же гоните его, как зверя... Я знаю, где он, когда видят его мои глаза. А когда не видят, вы должны знать... У вас тысячи глаз...

- Умница!..

- Хорошо сказала!..

- Чего он терзает ее!.. - тихо переговаривались люди.

Князь был взбешен ответом жены разбойника. Она позволила себе поучать его! Но кругом стояли младшие офицеры, солдаты, горцы, и он сделал вид, что не понял насмешки.

- Пусть она не боится и расскажет, где он. Мы возьмем его живым, - пообещал Андроников.

- Я не боюсь, - ответила женщина, и горькая усмешка скользнула по ее лицу. - Он не такой мужчина, которого вы можете взять живым... Я боюсь другого. Если он узнает, что вы взяли нас в плен, вам не избежать встречи с ним... Ведь у вас, наверно, тоже есть родные, дети... Вспомните о них... Не надо больше крови!

Народ видел: женщина говорила от души. Но князь только рассмеялся.

- Не думаешь ли ты, что мы собрались для того, чтоб убегать от твоего Залимхана? Мы пришли изловить его! Он трус и грязный убийца из-за угла! Вот мы забрали у него жену и детей. А где он, хваленый джигит? Завтра я его самого схвачу, как телушку!

Жена Зяламха побледнела, но потом впалые щеки ее вспыхнули румянцем. Каким жалким казался ей этот самонадеянный человек, который каждым словом своим сам себе рыл могилу. Она не сомневалась в том, что весь их разговор станет известен мужу. Ингуши увидят его, расскажут. И она ответила князю последний раз:

- Нет. Он не трус. Это ты, чтоб схватить нас, беззащитных женщин и этих младенцев, пришел сюда с тысячами солдат. А если б моему мужу понадобилась твоя жена, он сам, один, сумел бы забрать ее у тебя с постели! Я хочу дожить до завтрашнего дня, чтобы узнать: будешь ли ты так смеяться, когда нас поведут с этих гор!

- Мужское сердце!

- Жена достойна Зяламха! - с восторгом передавали друг другу горцы. А князь, круто повернувшись на каблуках, ушел в саклю. Пленников затолкали в сарай, заперли и приставили к ним караул. Ночь наступила тревожная. Тучи заволокли небо. Порой начинал порошить сухой снег, но его сметал ветер. Вокруг аула и далеко по Ассе до утра горели солдатские костры. Всю ночь на хуторах тревожно лаяли собаки.

Орци не находил себе места. Ни он, ни Иналук не ложились. К полуночи стало светлее. Где-то над тучами взошла луна. В саклях, где расположились офицеры, долго был виден свет, хлопали двери. Начальство праздновало победу. Орци, поставив у дверей заряженную винтовку, каждую минуту ждал возвращения Калоя, ждал перестрелки с ним. Но ночь прошла спокойно.

Утром лагерь поднялся, зашумел.

Приехал Чаборз. Он прошел прямо к князю Андроникову и рассказал ему, что в ущелье Ассы отряду не избежать засады. Это сообщили ему верные люди. Река и неприступные скалы сделают Зяламха неуязвимым, и он попытается отбить семью.

Чаборз предложил выйти с гор на Военно-Грузинскую дорогу через другое ущелье - Джараховское.

Князь закурил, задумался. Он понимал, что этот старшина прав. Но старшина не знал, что при сложившихся обстоятельствах - после вчерашнего разговора с женой абрека в присутствии всего аула и офицеров, после обещаний, которые князь надавал генерал-губернатору, выступая в поход, после письменно отданного приказа о маршруте - начальник округа уже ничего не мог изменить, не рискуя навлечь на себя репутацию труса и насмешки товарищей по оружию. Нет. Не ему, князю, гвардейскому офицеру, отступать от слова.

И ровно в назначенный час он возглавил сводный отряд и вступил в Ассиновское ущелье.

Дул порывистый ветер. Недружелюбно шумела горная река.

Отряд двигался по узкой тропе бесконечной вереницей пеших и конных солдат. А скалы — слева и справа — таили загадочное молчание.

Чтобы нарушить тягостное безмолвие, командиры приказали солдатам петь. Но никакого пения не получилось. Люди шли цепочкой. Ревела река.

Начались мосты. Их на пути было тринадцать.

На втором мосту князя догнал поручик, которому было приказано взорвать башни аулов Нелх и Кек, где целый год ютилась семья Зяламха. Поручик рапортовал о выполнении приказа и добавил, что всех жителей этих сел, захваченных на месте, ведут под конвоем в конце отряда. Князь выслушал его и молча отдал честь.

«А может быть, старшину обманули? - думал он. — Может быть, умышленно хотели, чтоб мы пошли по другому ущелью, где действительно приготовлена засада? А я взял, да и не попался на эту уловку! В военном деле так: кто кого обхитрит!» Но от этой мысли его внутренне передернуло. «Тоже мне «военное дело»!

«Кампания»! Против кого? Против жалкого вора и казнокрада! Противничек!» - И он иронически улыбнулся. Оглянувшись, начальник округа увидел цепочки солдат, женщин, детей Зелимхана, идущих под конвоем. «Зачем солдаты ведут их под ружьем? Куда они здесь денутся?!» — подумал он. Поручик саперной части шагал рядом с командиром сотни Дагестанского полка, весело улыбаясь и жестикулируя. Видно, он рассказывал о том, как уничтожил ингушские села.

Миновали третий мост. Небо над ущельем то открывалось, и тогда видна была его узкая синева, подобная морской лагуне, то заволакивалось косматыми тучами, которые цеплялись рваной бахромой за макушки гор и вершины чинар.

Когда, бодро пофыркивая, довольный утренней прохладой конь начальника вступил на четвертый мост, раздался выстрел. Князь запрокинулся и упал навзничь. Выстрелы гремели с обеих сторон. Никто не мог понять, сколько человек в засаде и откуда стреляют. Солдаты в панике метались, валились под пулями и палили наугад...

Начальник округа лежал убитый. Тяжело ранен был командир сотни дагестанцев. Убиты поручик, ингуш из милиции, казак, много всадников Дагестанского полка. Раненые стонали, взывая о помощи. Семья Зяламха сбилась в кучу. Плакали дети.

Стрельба стихла так же внезапно, как и началась. Непривычной показалась тишина. Вдруг жена Зяламха, лихорадочно перебежавшая глазами от одной скалы к другой, от одного дерева к другому, сквозь слезы увидела его... Зяламх стоял на горе, около острой каменной глыбы, и смотрел в ущелье. «Он смотрит на нас... на детей». Крик замер на ее губах. «Сейчас убьют...» - пронеслось в голове. Она была уверена, что и солдаты видят его... Суеверный ужас исказил лицо одного из них... Вот другой сдернул с головы шапку... Третий приподнял винтовку...

- Не трожь!.. - крикнул кто-то. И ни один солдат не выстрелил... Или они верили молве, что Залимхан заговорен?.. Или не хотели стрелять в человека, который никогда не причинял вреда простым людям...

Что это? Рядом с ним встал горец. Лицо в башлыке... Но какой он огромный! Словно горный дух... Горец тронул Зяламха за плечо. Еще мгновение - и они вместе исчезли в чаще леса... будто их и не было.

А может быть, действительно все это ей показалось? Женщина повернулась к жене Солтамурада и поняла, что Зяламх был... что он прощался с ними...

Заломленная папаха, коричневое от вечного ветра лицо, короткая борода, винтовка в опущенной руке и гордый взгляд, устремленный на дно ущелья... Это конец... Только это осталось теперь ей навсегда...

Абреки ушли. Семью Зяламха повели дальше. Вместе с ними повезли трупы. И трупов больше, чем пленных.

Вечером на дальней горе Зяламх прощался с друзьями с берегов Ассы.

- Женщинам они ничего не сделают, - говорил Калой, а Зяламх глядел вдаль, словно надеялся увидеть их за горизонтом. - А тебе следует уйти совсем в другую страну, раз ты не хочешь остаться с нами. Сейчас они кинутся за тобой, как никогда прежде. А народу нужно, чтоб ты был на воле... Ведь это дает людям силу держать поднятой голову...

Зяламх вздохнул:

- Понимаю. Десять лет я на воле. Десять лет дерусь. А круг сужается. Отца убили, братьев убили, жен, детей отняли. Один я остался да он, - Зяламх показал на своего пятнадцатилетнего брата. - Убьют и нас... Но до тех пор, пока я жив, они будут чувствовать, что им не все дозволено. Спасибо, Калой, тебе, твоим людям. Вы всегда были настоящими горцами. Сердце плачет, отрываясь от вас... Но вы дорого заплатили за дружбу со мной. Цорх, Эрш, Кек, Нелх взорваны, сожжены. Люди - в Сибири. Теперь грозят выслать вас всех... И у них хватит на это силы... Разве я могу оставаться здесь? Сегодня они ранили меня в сердце. Многим я отплатил. Но со многими счеты еще впереди!.. Моя доля такая. А тебя как старшего брата прошу: ты побереги себя! Мы не должны дать им возможность уничтожить всех нас. Ты подожди... Потерпи. Душа подсказывает мне: такие, как мы, еще понадобятся народу. - Он обнял Калоя. - Может, и не увидимся... Так я перед всемогущим Аллахом прощаю тебе все на этом и на том свете! И за все прошу у тебя прощения!

- За все прощаю... И сам прошу прощения... - ответил Калой. Он придержал стремя, пока друг его и гость садился на лошадь. Потом отдал его брату своего коня.

— Бери! От всего сердца!..

Зяламх только покачал головой и поехал. Мальчик последовал за ним.

Долго двигались они по горе. А Калой со своими людьми стоял на вершине и смотрел им вслед, предчувствуя, что отважные харачоевцы покидают их навсегда.

Разные судьбы ждали их впереди.

Видел ли позже Калой Зяламха? Никто на это не смог бы ответить. Сам он молчал и жил, как все крестьяне-горцы, заботой о земле, о хлебе. И не было видно, чтобы его занимали другие дела.

Правда, иногда он уезжал из дому на несколько дней. Но это случалось редко, да и что удивительного! Ведь у Эги так много родни во всех плоскостных аулах.

Ровно через год после похода Андроникова, в том же месяце, когда ревет олень, пришла весть о том, что где-то в Чечне в стычке с войсками убит младший и последний брат Зяламха - тот самый мальчик, которому Калой подарил лошадь. А еще через два года — в месяц рогов - вернулся Калой из Владикавказа черный от душевной боли. Он привез газету, на которой был нарисован убитый Зяламх.

На это известие сбежался весь аул. Люди не могли поместиться в башне, и Калой вышел к ним на террасу. Впервые так много лиц глядело на него, так много людей ждало его слов. Говор стих. Казалось, все затаили дыхание. Калой поднял на молитву руки. Это был безмолвный ответ тем, кто еще сомневался. Вслед за ним поднимали руки все...

Когда кончилась дуа, Калой вынес газету, повернул ее темным пятном изображения к людям и негромко сказал:

- Вот он...

Только те, кто находился рядом с ним, могли рассмотреть на этом снимке босого горца в черкеске, который лежал навзничь и держал в мертвой руке браунинг.

Газета пошла над головами людей.

- Со времен имама Шамиля, - заговорил Калой, - ни один человек по всей Дягистане[2] не причинил царской власти так много неприятностей, как он. Они сами выгнали его из дому, сделали эбаргом, возненавидели и сами убили! Убили всех его родных! Тысячи чеченцев и ингушей разорили и сослали на каторгу! Я видел, я встречал городских ингушей, которые говорили, что все беды на нас навлекал он. Теперь его нет. Теперь увидим: он ли был виной всему?

Стояла осень. Близился вечер. Длинные тени от башен стелились по земле. «Но лица людей, обращенные к Калою, тонули в ярких и теплых лучах солнца. Кто с ними говорил так по-человечески? Их или страшил «пристой», сулил кары земные за

недоимки и разные «провинности», или стращал мулла за грехи и сулил муки ада. Но теперь они слушали своего односельчанина, который говорил с ними на их языке об их несчастной жизни и о том, что тяготило душу каждого из них. Нет, не было утешений в словах Калоя. Но зато это были слова и мысли, близкие людям.

- ...И не ждать нам от них добра! - говорил Калой, рассекая ладонью воздух. - Назрановские купцы считают, что нас никто не любит за то, что мы не совсем мирные. А русские люди... вот друзья Виты говорили мне, что мы и не должны быть мирными... Что же нам делать? Я вижу у многих здесь очень злые глаза. Это хорошо. Но чтобы от этого не стало плохо, я расскажу вам кое-что...

Калой задумался, поглядел на народ, что-то прикидывая в уме, и продолжал:

— Поехал я этой весной в город клешни да хомутину купить. Думал и гвоздей взять конских. Что ни говори, а фабричные гвозди хоть и дороже, но лучше! Приехал, а там все лавки на замке и в колокола бьют. Значит, праздник. Досадно стало. Но не возвращаться же сюда! Решил я на хуторе у друга переночевать. Повернул с базара, еду, приглядываюсь. Народ разодет. Много выпивших, шатаются. Я боковыми улочками к околице, чтоб избежать беды. И случайно попал прямо на их главную церковь. Новая она. Высокая — с три боевые башни. Сама белая, голова зеленая и золотые кресты на полумесяцах. Значит, их вера верх держит. Колокол на церкви бьет так, что себя не слышно. Вокруг церкви забор и земли прихвачено - на сотню наших хозяйств. И все это место народом забито. И видно мне с лошади: по краям — жители города, а в середине — войско. За оградой тоже людей тьма. Друг на друга напирают, хотят увидеть, что в середине. Оглянулся я: и в окнах, и на крышах - всюду люди, на деревьях не мальчишки - мужчины стоят! Захлестнуло меня с лошадей народом, как потоком воды, - ни вперед, ни назад выехать. В это время запели. Я смотрю: из церкви выходят мозгары[3], все по паре, в бурках из золотой ткани. В руках кресты и чашки на длинных цепочках качаются. Из чашек дым валит. Вышло их бесчисленное множество! Шапки высокие, волосы женские - по плечам, бороды до пояса. И все носом одну песню зудят. Солдаты сразу подняли винтовки перед собой, а народ схватился шляпы снимать. Ну, думаю, значит, стрелять будут, а эти боятся, чтоб шляпы ветром не сорвало. Я тоже натянул папаху на самые брови. Жду. Но стрелять не стали. Опустили винтовки, потом повернулись, заложили их за плечи, как косы. В это время заиграли медные дудки, длинные, вокруг человека обвиваются, грохнул барабан величиной с колесо казачьего фургона, и солдаты пошли... Впереди офицеры. Кто верхом, кто пеший. Шашками машут, ногами притопывают - все, как один! На мозгаров, на золотые флаги, что за ними, глядят, глаз не отводят. А мозгары еще сильнее зудят и на солдат конскими хвостами машут.

Я не помню, сколько времени все это было, а солдаты все шли и шли. Откуда только они брались и куда уходили! Где их столько поместиться могло! Думаю, может, это один и те же вокруг церкви кружат? Пригляделся: нет, разные. В это время народу вокруг поприбавилось. Меня все ругают. Вместе с конем к дому прижали. Смотрю: по середе не улицы люди рекой пошли. Впереди — картина. Над нею флаги несут. На картине приstop нарисован без шляпы и с синей лентой от плеча до печени.

Только я подумал, что мне отсюда до ночи не выбраться, как на меня начали кричать со всех сторон. Не пойму, что им надо. Тут подбегает стражник. Злой. Глаза навывкате. Весь красный.

«Басурман ты этакий! - кричит. - Шапку перед царем долой!» Это я сейчас знаю, что он кричал. А тогда не мог понять, что ему надо. Оказалось, на их картине не пристоп нарисован был, а сам царь, и перед ним полагалось шапку снимать. И вот к стражнику подбежали другие, человек двадцать. Накинулись они на меня, опрокинули вместе с лошадью, сорвали с головы папаху, выхватили кинжал мой из ножен, сунули его в землю и обломали по рукоять. А потом избили, измяли и вытолкали в боковую улицу.

Провожал меня дальше старик начальник в белом фартуке, с большой медалью на груди. Завел он меня почти за городскую стену и сказал: «Запомнил, бритоголовый, двадцать первый день февраля 1913 года[4]. В этот день исполнилось ровно триста лет, как род Николая стал в России царским».

Запомнил я этих Романов навсегда! Царь в России, а род его меня здесь, во Владикавказе, нашел и измочалил, как тряпку. До сих пор никому я этого не рассказывал. Кому приятно такое о себе! Но поглядел на вас, молодые люди, и подумал: злы вы на начальство. Не любите его, как и оно вас. Но надо терпеть.

Двадцать пять лет Шамиль воевал, десять лет Зяламх не сдавался, дрался с ними. А что вышло? Романы триста лет цари!..

За триста лет дерево и то вырастает корнями в землю на триста локтей. Кто его вырвет? Но всякому дереву есть срок. И, когда корни сгниют, простой ветер может повалить его. Человек сила, но род сильнее. Род сила, а племя сильнее... Сколько героев, сколько царей и их родов приняла эта земля? А род людской, племена не кончаются! И если при нашей жизни подгниет корень Никола Романы, мы будем с той бурей, которая обрушится на его ветви. Не доживем мы, вырастут другие сыновья у народа - доживут они!..

Что я хочу сказать? Как-то мне говорил мой друг Илья: «Придет наш день!..»

Когда меня били на празднике рода Романы-царя, я вспомнил это и сказал себе: нет, не мой это день... а их, и... стерпел... И хочу вам сказать: терпение - это ведь тоже мужество!

Калой умолк... Молчал и народ. Потом поднялся один из юношей и звонким голосом крикнул:

- Калой, мы поняли тебя. Правда, мы еще ничего не видели, ничего не знаем. Но ты заметил, как нам больно за вас, за Зяламху, заметил, что мы готовы на все. И если ты все же говоришь - надо терпеть, мы будем терпеть. Но когда придет время, ты скажешь нам. Юношу шумно поддержали его друзья и товарищи.

- Хорошо! - сказал Калой. - А теперь разойдемся и помянем, кто чем может, горца Зяламху, который жил и умер за правду.

Народ начал расходиться.

Мажит уже давно дергал мать за подол и незаметно тянул от окна Он знал, что, если она займется гостями, ей будет не до него. Мальчик заставил ее зайти в чулан и захлопнул дверь. Тихо поругивая его, Дали присела на корточки, а он привычным движением вытащил ее грудь/ и начал сосать.

Дали обняла сына, притихла. Перед ее глазами, как живые, встали дети Зяламха, его жена, невестка... Теперь они сироты... И Мажит мог остаться без отца, если б его убили в городе... Она еще сильнее прижала к себе «девушкой рожденного»[5], словно хотела уберечь от зла. Немного погодя, Мажит убежал играть. Пять лет было сыну, а Дали все не отнимала его от груди, стараясь передать ему свою силу.

2

В этот год зима выдалась бесснежная, холодная. Весна - дождливая, затяжная... Старые люди предсказывали сухое лето.

Горцы всегда боялись засухи. Самые большие несчастья приносила она. В засуху не родил хлеб. Сохла и не росла трава. Погибала скотина, умирали люди. Так было всегда. И в этот год ничто не вселяло надежды. Кто имел посевы на плоскости, тот еще мог как-то обернуться, а у кого все было только в горах, того ждала беда.

Много думал в это лето Калой. Был он уже в том возрасте, когда не все кажется просто. И мысль о том, что, может быть, снова придется вернуться к прежней жизни, рисковать, зависеть от случая, уже не грела его. Нелегко таиться по ночам, быть готовым к убийству или к тому, чтобы быть убитым... Ведь теперь у него было счастье - сын, жена, брат, невестка... Жили дружно. Любили друг друга. Но если наступит голод, он, конечно, пойдет доставать для них... Он снова будет отнимать у тех, по чьей вине он не имеет земли для пары здоровых рук.

Шло лето. Каждое утро выходили люди из башен и всматривались в небо. И каждое утро на него всходило только солнце. И чем веселее бежало оно к зениту, тем печальнее становились люди. Ни облачка...

Приближался месяц этинга, и горцы собирались хоть что-нибудь скосить, когда к ним пришла новая беда. Но на этот раз беда была не только их, даже не только одного народа, а всей России.

В полдень прискакал гонец от начальника округа. Он выехал на середину Эги-аула и хриплым голосом закричал:

- Эй! Выходите! Выходите! Объявление!

Встревоженные горцы выглядывали из башен и бежали к маленькой площади. Гонец держал пику с трехцветным флажком. Он торопился, не дожидаясь, когда соберутся все, поднял вверх пику, встряхнул флажком и что есть силы прокричал:

— Слушайте! Я, посланный начальником округа, объявляю! Слушайте все! Началась война!.. Царь германский напал на нашего царя! А вам приказано завтра в полдень собраться у Ассы! Всем мужчинам Хамхин-ского и Цоринского элу[6]! С вами будет говорить начальство! Меня ни о чем не спрашивайте! Все узнаете завтра! — И он поскакал дальше, в другие аулы.

Народ глядел ему вслед, пока мелькавший на пике флажок не скрылся из виду.

Война...

Еще никто не знал, где война, почему война, но все уже знали, что от нее не может быть добра. У горцев свежи были в памяти все беды от прежних войн, и они слишком хорошо знали поговорку: «Война не родит сыновей...»

Еще не все эгиаульцы успели побывать на площади, не все, кто был на ней, успели вернуться домой, как в соседние хутора и аулы, по тропам и без троп, через леса и ущелья, обгоняя вестника беды, бежало зловещее, черное слово — война!..

Иналук уже несколько дней болел и не выходил из дому. Калой проведал его, рассказал новость.

- Интересно, зачем они собирают все Цоринское и Хамхинское элу? К чему бы это? Объявили о войне - и ладно... А что же еще?

- Как что? - воскликнул Калой. - Хлеб, мясо, шерсть, пулю-порох где взять? Солдата - где взять?

Иналук только глядел на Калоя, с трудом соображая, что тот говорит.

- Вот для того и собирают, чтоб взвалить эту ношу на наши плечи!

- Но ведь мы и так... Калой не дослушал Иналука.

- Да, мы небогаты. Но каждый хоть что-то да сможет дать? А в казне из наших горстей горы соберутся. Только, думаю я, этим не обойдется...

Он не договорил, встал, пожелал брату здоровья и пошел к себе. Проходя мимо встревоженных односельчан, он приветствовал их. Всюду говорили о войне.

- Что они от нас хотят, как ты думаешь? - обратился к нему пожилой горец, у которого оспа, как лопатой, изрыла лицо. — На нас и так только кожа да кости!

Калой улыбнулся.

- Что нам гадать, — сказал он, — ведь говорят, что с того, на ком нет штанов, хоть всемером навались - не снимешь! До завтра недалеко, узнаем. Вот жаль только, что день пропадет. Косить бы надо...

Вечерело, когда Калой пришел к себе. Орци правили косы. Жены готовили ужин и с тревогой смотрели на Калоя.

- Ну чего вы? Давно не виделись, что ли? - в шутливом тоне прикрикнул он на них и сел ужинать.

После ужина, уже во дворе, он посмотрел на горы, прикинул что-то в уме и сказал:

- «На красный закат - готовь накидку, на красный восход — готовь еду...» Завтра быть погоде... Один пойдешь косить. А я схожу, послушаю начальство...

Орци хотел возразить ему, но не решился и только с еще большим усердием принялся

отбивать косу.

Когда наступила ночь и встревоженный аул погрузился в сон, Орци притянул к себе Готу и прошептал ей на ухо:

- Неспроста Кал ой отсылает меня косить...

- А зачем? - так же тихо спросила жена.

- Чтоб меня не взяли, если завтра будут брать на войну! Я сразу понял!.. Только ничего у него не выйдет. Я пойду сам. А его не пушу.

Гота ничего не ответила.

Чуть свет Орци сделал вид, что идет косить. А немного позже Калой отправился на сход.

К полудню у реки Ассы, в урочище Дорхе, собралось множество народу.

Начальник округа не заставил себя ждать. Он приехал верхом из Гойтемир-Юрта в сопровождении пристава, Чаборза и нескольких казаков. Видно было, что начальник очень озабочен.

Они остановились на возвышенности, лицом к реке, около которой паслось несколько сот стреноженных коней. Горцы окружили военных. Разговоры смолкли. Начальник, сняв картуз, вытер белоснежным платком вспотевшую лысину, расправил усы и заговорил. Чаборз, который теперь уже неплохо понимал по-русски, переводил его без особого труда. У одного из конвоиров на пике развевался трехцветный флаг, и он держал его так, чтобы полотнище колыбалось над головой начальства.

- Горцы Кавказа! Верные сыны России, дети все милостивейшего нашего монарха! — прокричал начальник округа и остановился. Подражая ему в интонации, Чаборз приблизительно перевел эти слова. — Мне приказано объявить вам, что пятнадцатого июля сего года Австро-Венгрия объявила войну родственной и союзной нам Сербии, а девятнадцатого в войну против нас вступила Германская империя. Великое испытание обрушилось на матушку Россию! Но через три дня на нашей стороне против Германии встали Франция и Англия. Верные сыны отечества, доблестные наши армии повсеместно атакуют и теснят противника! Врага ждет возмездие! Завоевать нашу землю ему не дано!

Чаборз переводил и орал еще громче и быстрее начальника. Казалось, все эти слова и мысли принадлежали ему. Народ с удивлением смотрел то на офицера, который багровел, чтобы перекричать шум ветра и реки, то на Чаборза, у которого от усердия глаза лезли на лоб.

- Победоносный конец войны - не за горами! Армии союзников достаточно сильны! - кричали начальник и Чаборз, и народ едва успевал понять, о чем их речь, и уж никак не мог успеть за ними рассердиться на врага.

- Идет мобилизация! - продолжал начальник округа. - Миллионы сынов отечества встают под наши победоносные знамена!

Тут он снова вынул платок, звучно высморкался и сунул его в карман. При этом на лицах одних слушателей появилось крайнее удивление, на других — сдержанная улыбка.

- Видели? Спрятал в карман! - непроизвольно вырвалось у кого-то. - Циска-мулла, добавь ему в платок! - выкрикнул другой.

Уже состарившийся дурачок из Гойтемир-Юрта вскочил, матерно выругался и, дико тараща глаза, стал отыскивать обидчика. Когда люди из дальних аулов увидели длинное, худое лицо того, кого называли Циска-муллой, и его огромный влажный нос, на который не хватило бы и двух платков, раздался дружный хохот. Начальник в удивлении посмотрел на Чаборза.

- Это они довольны, что много людей идет на немца, - выкрутился тот.

Вдохновленный таким патриотическим поведением людей, оратор продолжал:

- По воле всех кавказских народов будет сформирована кавалерийская армия, куда войдет и Ингушский полк! После моего отъезда во главе со своим старшиной вы путем добровольной записи или жеребьевки должны выставить от каждого пятидесяти жителей по одному воину с конем, сбруей, амуницией и в бурке. Если у воина все это имеется, ему общество за счет казны выплачивает двести рублей. Если нет — снаряжает его за свой счет! Понятно?

- Понятно! Понятно!... - раздались голоса.

Начальник округа с одобрением кивнул и снова потянулся за платком.

- Теперь голову вытрет!.. - крикнул тот же озорной голос.

Этого человека, видимо, больше, чем война, занимали манипуляции начальника с носовым платком. А начальник действительно приподнял фуражку и протер лысину.

- Циска-мулла, добавь ему! — не унимался шутник. И опять Циска-мулла вскочил и оскалился.

- Своей матери добавь! Своей матери! - орал он, размахивая руками и брызгая слюной.

На этот раз хохот разразился такой, что Чаборзу пришлось объяснить его дурачеством юродивого. В это время встал Калой, сидевший с мужчинами на бугре.

- Оставьте шутки! - сказал он достаточно громко и строго, так, что его услышали все. - Где-то умирают люди, завтра кому-то из нас надо будет встать с ними рядом, а вы дурака валяете!.. Глупые могут уйти!

Выждав, не возразит ли кто, он сел на место.

На сей раз начальник сам понял, что этот горец призывал к порядку, и, воспользовавшись воцарившейся тишиной, сказал:

- За разгром войска Шамиля под крепостью Владикавказ ингушское ополчение было в свое время награждено георгиевским знаменем! Оно почетно хранится во дворце войскового атамана! За отличия в турецкой кампании 1877 года на Дунае доблестные ингушские кавалеристы были удостоены двух серебряных труб и георгиевского штандарта. За участие в войне 1904 года против Японии ингушские офицеры и конники по приказу наместника Кавказа получили право оставить при себе навечно боевое оружие и каждый из них был награжден памятным подарком — серебряной чаркой и блюдом! Я уже не говорю о тех орденах, которые они получили. Эта слава, доблесть и верноподданничество ваших предков обязывают вас не посрамить их памяти и выставить полк, который в войне за Россию покажет пример храбрости и героизма на страх врагам! В полк надо послать лучших мужчин, потому что командовать армией дал свое согласие сам его императорское высочество великий князь Михаил Александрович, брат августейшего монарха!

- Ура-а-а! - подхватили в несколько голосов стражники, а за ними и Чаборз. А ингуши с удивлением и иронией смотрели на них, не понимая, зачем взрослые люди вдруг начали вопить.

- Кто-то должен ответить ему... так полагается, - подсказал Чаборз людям.

Но непривычный к беседе с начальством народ молчал. Потом как-то, не сговариваясь, все повернулись к Калою. Калой встал, подумал и начал.

- Скажи начальнику, - обратился он к Чаборзу, - и пусть он передаст царю, что мы опечалены тем, что началась война. - Чаборз перевел. - И мы знаем, что войну можно остановить только войной, как пожар в степи - только пожаром! Польза от этой войны для нас одна: мы хоть теперь узнали, как велика заслуга наших отцов перед царями и как она богато оплачена: два флага, две дудки и серебряные тарелки, с которых нечего было есть до сих пор...

- Для полного счастья нам только барабана еще не хватает! - неожиданно раздался голос Орци.

Народ рассмеялся, а у Чаборза глаза забегали, как у волка, попавшего в капкан. Он не мог придумать, что сказать начальству. Но в конце концов, видимо, все-таки нашелся, потому что начальник, слушая его, снисходительно кивал головой.

- Скажи, - продолжал Калой, сделав вид, что ничего не услышал, - война началась не по нашей вине и, наверное, не по нашему желанию кончится. Но раз все горцы собираются помочь русским людям, ингуши не отстанут от других, будут впереди! - Он замолчал. В голове его быстро пронеслась мысль: «Кому-то из нас двоих все равно придется идти... Так не Орци же, который вовсе не воин... Дадут деньги, - значит, дома будет хлеб... Жалованье... Зовут лучших мужчин...» И он громко крикнул: — В войско брата царя первым запишите меня!

Запись добровольцев и жеребьевка по аулам проходили в назначенные сроки.

По болезни врачи отстранили от воинской службы Иналука.

Были и такие, которые, не желая идти воевать, находили бедных людей, платили им и посылали за себя в полк. Это не запрещалось.

Но так как все говорили, что война продлится недолго, что за время службы всадники будут получать жалование - двадцать рублей в месяц, а отличившиеся еще и особое вознаграждение, то комплектование полка шло успешно. Для многих горцев в этот засушливый год война явилась неожиданным подспорьем, избавлением от голода. Почти каждый из них имел седло или лошадь, сбрую или бурку, поэтому, получив на покупки деньги, можно было запастись зерном и прокормить семью до следующего урожая.

А в доме у Калоя было плохо. Впервые за всю жизнь Орци восстал против решения старшего брата. Он говорил с ним как равный и требовал, чтобы тот остался дома, а сам собирался идти вместо него.

- Я тебя знаю, - говорил он. - Когда ты в день сходки элу хотел оставить меня на покосе, я сразу понял, для чего ты это делаешь. Но я не думал, что ты сам напрочишься идти в полк, не дождавшись жеребьевки. Вместо дяди Турса тебя воспитывал мой отец. Ты растил меня вместо моего отца. Теперь я вместо тебя должен растить Мажита? Да что же мы, прокляты, что ли, что у нас ни один отец не остается для своего сына?.. Я младший. У меня нет детей, и я...

- Ты плохо знаешь, что такое младший! - строго оборвал его Калой. - Иначе ты не возражал бы мне... Я плохо выучил тебя... Есть дети! Нет детей!.. Это причина для разговора?.. Нет, так надо, чтоб были!..

Орци опустил глаза, отвернулся.

- Я перед людьми дал слово и менять не буду!.. - отрезал Калой и замолчал.

Однако младший снова возразил.

- Ты несправедлив, - начал он с обидой. Калой уставился на него. Но Орци смело выдержал этот взгляд и продолжал: - Мне уже немало лет. И все, кроме тебя, считают меня мужчиной. А ты стараешься оберегать меня, как ребенка. Ты несправедлив. Ты не хочешь изменить своего слова, потому что тебя осудят. А что скажут про меня? «Младший брат дал, чтоб старший пошел на войну, а сам остался с бабами»?.. А если тебя искалечат, убьют?.. Скажут, что я ел хлеб, купленный ценой твоей жизни!.. Этого не будет! Ты должен понять меня. Если ты не разрешаешь мне идти вместо тебя, я пойду с тобой... У нас была одна жизнь. Одной она и останется.

Орци вышел. И Калой понял, что на этот раз он должен будет уступить. Со страхом думал он о том, что Орци попадет на войну... Орци, которого он действительно привык считать ребенком.

- Старший, - неожиданно обратилась к нему молчавшая все время Гота. - Каждой женщине тяжело, когда муж ее покидает дом для такого дела... Война - это не то, чему можно порадоваться. Но меня одной будет достаточно, чтобы заставить его уйти с тобой...

- Замолчи! Только тебя мне не хватало! - закричал на нее Калой и замотал головой, как бык на привязи.

Гота умолкла, но не испугалась деверя. Она знала, сколько доброты скрывалось в этом человеке за его порой свирепой внешностью. Дали подошла к ней, обняла за плечи, и они вместе вышли из комнаты.

В день, когда всадники обеих горских общин собрались у Гойтемир-Юрта, чтобы вместе тронуться в путь, из города пришла весть о том, что царь Япошка тоже начал войну против царя Германа.

- О! Теперь туго придется Герману! А когда подойдем мы, от него только клочья полетят в разные стороны, - говорили мобилизованные. - Хотя бы без нас война не кончилась!..

В полдень собрались все - и отъезжающие и провожающие. Было солнечно, но не жарко. В воздухе пахло пересохшей травой. Над головами то появлялись, то исчезали звонкие стаи шуров.

Приехал старшина. Он был весь в золоте, в белой черкеске, как князь. Чистокровный конь его ни минуты не стоял на месте. Чаборз поднял плетень. Люди утихли.

- Земляки! - воскликнул он. - Сегодня тот день, когда лучшие мужчины покидают горы, и никому не известно, кто вернется назад. Волей Аллаха и государя я был у вас старшиной. Но я рожден в этих горах ингушской женщиной, и когда наступил день испытания для всех, я не могу оставаться в стороне. Начальство приняло мою просьбу. Вместе с вами сегодня ухожу и я. И по моему ходатайству, с согласия начальника округа и назрановского пристава, я до своего возвращения передаю цепь и звание старшины народом уважаемому... - он замолчал, отыскивая кого-то глазами, - народом уважаемому, честному человеку Иналуку из Эги-аула.

Люди в удивлении зашумели. Все, что сказал Чаборз, было так неожиданно. Никто не мог подумать, что он добровольно уйдет со своего места, а тем более, что он станет тянуть на должность старшины человека из рода, с которым у гойтемировских вечные распри.

Иналук был удивлен не меньше других. Он подъехал к Чаборзу, взял цепь, поднял ее и сказал:

- Я никогда не был старшиной. Но, если вы хотите, я могу взять на себя эту цепь, хоть и не знаю, как справлюсь...

- Бери!

- Бери! - кричала толпа, и Иналук с волнением надел на себя знак власти.

За сто лет главенства в горах рода Гойтемировых оно впервые перешло к другим.

Мысль эта не сразу пришла Чаборзу в голову. Он долго думал и решил, что так будет лучше всего показать Эги свое дружелюбие, свою справедливость. Ведь дома у него оставалась семья, дети. А на войне могли и убить. Ну, а если все закончится благополучно, он не сомневался в том, что цепь снова вернется к нему, если он не поднимется еще выше, к начальнику округа или даже в канцелярию самого губернатора!..

Мулла призвал народ на молитву.

Всадники спешили, отдали лошадей близким и длинными, неровными рядами стали за его спиной. За ними расположились провожающие. Молились горячо, в голос. Стоял ровный приглушенный гул. Все понимали, что эта молитва для многих - последняя на родной земле.

Прощание было коротким. Только матери обняли сыновей, братья — братьев. Женам не полагалось подходить на людях к мужьям.

Новый староста и мулла первыми тронулись в путь. Они ехали рядом. За ними - Калой, к нему присоединился Чаборз. Остальные по двое следом потянулись к ущелью.

Провожатые стояли на возвышенности. Ни причитаний, ни слез. Все здесь знали и привыкли считать, что «мужчины рождаются для войны».

- Вот и конец всем распрям и вражде, - в задумчивости произнес Чаборз, искоса поглядев на Калою.

«К чему бы это?» - подумал Калой, которому и так было не по себе от соседства с ним. И, помолчав, он сказал: - А разве война не мать вражды?..

Калой уже понял, что Чаборз намекает на примирение. Но он не верил ему. Он знал, что у этого человека во всем - только расчет. И твердо решил никогда не впускать его в сердце.

Последним в колонне вел свою лошадь Орци. На ней сидел верхом Мажит. У поворота Орци обнял мальчика и отпустил к Дали и Готе, которые остались стоять наверху.

Вскочив на лошадь, он оглянулся, поднял руку и поскакал догонять остальных. Скоро он скрылся за поворотом, и только облачко пыли, взлетевшее за ним, кружась, оседало в кустах. Но вот не стало и его... Наступил покой и тишина, словно не было на земле людей...

Обе женщины молчали. Нарушил это молчание запыхавшийся Мажит. Увидев, что вокруг уже нет чужих, он сейчас же потянул мать за подол.

- Дай!.. - крикнул он властно и капризно.

- Отец сказал, что теперь в доме ты будешь мужчиной... - строго ответила мать, отцепляя его руку от подола. - А разве мужчина может быть сосунком?

Мажит в удивлении разинул рот. Дали ожидала, что он сейчас раскричится, но он только засопел и пошел за ней.

- А ты тоже слышала? - спросил он Готу.

Та подтвердила. Весь остальной путь все трое шли, не нарушая молчания. Каждый думал о своем.

Дома Мажит влез на нары и растянулся на отцовском месте.

- Я бы поел чего-нибудь, - сказал он матери точно так, как говорил иногда отец. - Подай-ка мне чурека с молоком!..

Дали отвернулась к полке с посудой, чтобы скрыть волнение и жалость, и поставила перед ним еду.

Весь этот день за тем, что делалось у ингушей, в котловине Дорхе, следили из лесных зарослей хевсуры. Они посчитали, сколько мужчин ушло, сколько осталось. Кто ушел. Многих они знали даже в лицо. И решили, что сил у соседей поубавилось много. В эту же ночь они загнали свою скотину и отары овец на пастбища ингушей. Надо же было и им делать что-то, чтобы прожить.

Мысль о том, как Орци оставить дома, не покидала Калоя. В пути он говорил об этом с Иналуком. Вместе они решили попросить сельскую комиссию, которая ждала их по выходе из ущелья, чтобы она как-нибудь забракела Орци, потому что дома без него женщинам будет трудно.

Им повезло. В комиссии нашлись свои люди, и Орци был признан негодным «по болезни глаз».

Он помрачнел, но спорить не стал. Может быть, он заподозрил братьев? Только когда рекруты тронулись дальше, в Назрань, в конце отряда Калой снова увидел брата. В облаке пыли тот понуро плелся следом, рассеянно глядя по сторонам.

В Назрани Орци снова был «забракован» окружной комиссией. Только теперь не по глазам - доктор нашел его здоровым, а уже из-за плохой лошади.

От обиды Орци готов был провалиться. Но он сдержался, бросил на своих судей злобный взгляд и исчез.

Здесь к горцам присоединились новые отряды из других аулов, и к вечеру всех их направили в город в казармы. На этот раз, как ни оглядывался Калой, брата он не увидел. И Калой решил, что тот, поняв его уловку, разозлился и уехал домой, даже не попрощавшись.

Ночевали во Владикавказе, в казармах. Наутро должны были пройти последнюю проверку.

Горланя непонятные для горцев команды, порой даже подталкивая руками, урядники кое-как выстроили их в колонну по три и повели за город на плац.

Здесь уже стоял стол под зеленой скатертью, за которым сидели офицеры. Позади стола толпились зеваки, собравшиеся с окраины. Стайками носились во все стороны неугомонные мальчишки.

Вскоре прискакал князь Химчиев, командир первой сотни. Это был красивый молодой человек с черными мефистофельскими усами и бородой. Он ловко спрыгнул с коня, поздоровался с товарищами и занял за столом главное место. Командир полка поручил ему сегодня заменить себя. На нем, как и на остальных офицерах, была серая,

дагестанского сукна черкеска, серебряные погоны с инициалами «ИН», белые газыри, черный бешмет. Химчиев снял папаху, вытер платком жесткий бобрик волос и приказал:

- Начнем!

Всадники поодиночке подъезжали к столу, называли свое имя и фамилию, показывали амуницию, сбрую и пускали впробежку лошадей. После этого их заносили в список полка и определяли в сотню.

Смотр близился к концу, когда Калой неожиданно увидел Орци на гарцующем коне. Он едва узнал брата. И, конечно, никто, кроме него, не мог даже подумать, что Орци подвыпил и подпоил свою лошаденку. Она настолько преобразилась, что не находила себе места.

Вот он лихо подскакал, осадил коня у самого стола, поднял его на дыбы и закричал по-ингушски:

- Я забракованный! В Мужичах меня назвали слепым, в Назрани моего коня - хромым! Если вы люди царя и вам нужны солдаты, запишите меня! И посмотрим на войне, кто раньше получит крест!

Ингуш офицер, сопровождавший всадников из Назрани, наклонился к князю и что-то шепнул ему на ухо. Но тот только отмахнулся.

- Пусть покажет лошадь! - крикнул он и тише добавил: - Если таких браковать, как же быть с теми, которых зачислили?!

Орци рысью отъехал на некоторое расстояние, резко повернул лошадь назад и, хлестнув ее, понесся прямо на начальство.

«С ума сошел!» — подумал Калой.

Народ шарахнулся в стороны. Офицеры едва успели пригнуться, как Орци перелетел через них и тут же помчался назад. Прыжок... и конь снова перескочил через стол.

Побледневшие офицеры вскочили.

- Хватит! Остановить! - закричал князь Химчиев, в удивлении вскинув могучие брови и потрясая над головой кулаками. - Если хоть один ингуш попадет на фронт, ты будешь первым! Слышишь?..

Когда ошеломленные люди пришли в себя, плац разразился хохотом. А Орци на своей сумасшедшей лошаденке выюном вился перед столом.

- Где самые плохие люди на земле? - вращая глазами, обратился он к князю.

- В четвертой сотне! - выслушав переводчика, подхватил его шутку тот и с издевкой указал на своего друга - командира этой сотни.

- Запишите меня туда! - прокричал Орци и, не дожидаясь ответа, умчался в строй.

«Сукин сын! - воскликнул про себя Калой. - Что ты с ним сделаешь! - И вместе с досадой он почувствовал радость за смелость брата и за то, что тот все-таки остался с ним. — Молодец!»

Прошла неделя. Каждый день в Ингушский полк прибывало пополнение из плоскостных аулов.

Начальство придумало называть солдат-горцев не солдатами или казаками, а всадниками.

С утра и до позднего вечера на площадях города, на окраинах шло срочное обучение новобранцев всех войск и национальностей. Всюду раздавались зычные команды: «Ать-два! Ать-два!», «Два шага вперед - коли! Шаг назад - отбей! От кавалерии - за-а-кройсь!..» И солдаты с яростью кололи штыками соломенные мешки и, приседая на корточки, перекладиной поднимали над собой винтовки. Пот струился с сосредоточенных лиц молодых парней, сроду не ведавших о такой сложности военного артикула. А унтер-офицеры к вечеру срывали могучие голоса и шипели на своих подопечных, как гусаки.

Солдаты-горцы были избавлены от необходимости колоть соломенные мешки. Но зато их день, начинавшийся с бесконечной чистки коней, заполняли не менее важные для войны занятия.

Всадников учили ходить и перестраиваться в конном строю, рубить лозу, стрелять. Учили рассыпаться лавой, собираться в нужном месте и с гиком нестись на «врага». Поначалу тут поднималась такая неразбериха, что командирам приходилось выезжать на видное место и голосом и руками созывать своих людей.

Но что было еще труднее, так это обучить их командам по сигналу трубы и отдаче чести.

Горцы терпеть не могли этой условности и всячески избегали ее. При встрече с офицером на улице они делали вид, что не замечают его, и переходили на другую сторону. На этой почве между ними и офицерами чужих частей возникали неприятные инциденты. Тогда по гарнизону было дано негласное указание не обращать на поведение всадников серьезного внимания. В конце концов кто-то наверху понимал, что не в этом главное, а тем более, что горцы никогда не служили в войсках.

А вечерами, когда с тягучим скрипом поднимались по проволокам газовые фонари, разливавшие вокруг себя бледно-зеленый свет, площади пустели, успокаивались. И город начинал жить иной жизнью.

На окраинах хлопали закрывающиеся на железные засовы ставни, за калитки выходили на лавочки старики и старухи и слушали, смахивая слезу, как в казармах заливались запевалы, а стоголосые хоры стройно выводили:

...Думала, думала

Цыганочка молода...

Вдоль казарменных заборов с приглушенным смехом бродили, покачиваясь на наборных каблучках, девушки в бархатных кацавейках, дожидаясь, когда там, за стенами, раздастся последняя команда «На молитву - шапки долой!» и после короткой тишины, во время которой, они знали, солдаты читают «Отче наш», полковые басы во главе с дьяконом затянут «Боже, царя храни...»

А тогда уже недолго и до смешного, но трепетного момента: на заборе то тут, то там начнут появляться молчаливые тени и, перевалившись на эту сторону, превращаться перед девушками в ладных парней, готовых за вечер, проведенный с ними, отсидеть любой срок на гауптвахте.

Этот ночной мир, приходивший к русским ребятам и казакам как награда за целый день муштры, был недоступен горским юношам.

Им полковой мулла внушал, что христианам ничего другого не остается, как только наслаждение этой жизнью, потому что «там», впереди, в царстве вечной жизни, их за неверие ждут муки ада... Мусульмане должны помнить о бренности всего земного и думать о спасении души для райских куш и вечно юных чернооких гурий. Он научил всех молитвам. Так как день всадников бывал занят, все пять намазов они вынуждены были совершать после вечернего отбоя. Позже одни, умаявшись, ложились спать, другие, веровавшие в шейха Кунта-Хаджи, пели скорбные назмы, призывая своего святого «сжалиться над ними, вернуться и спасти их души от греха».

А в это время в центре города, по Александровскому проспекту, залитому светом витрин и реклам, фланировали молодые люди и барышни, щеголи и кокетки, шокировавшие приличную публику бессовестно накрашенными губами. Гремели трамваи, цокали по булыжной мостовой кони, лихие извозчики, пощелкивая кнутами, то и дело выкрикивали привычное: «Эй, берегись!»

На треке, где у ворот висела надпись: «Водить собак и входить нижним чинам запрещено!», за оградой били фонтаны, горели цветами клумбы и в ажурной ротонде гремел военный оркестр.

В богатых особняках граммофоны картавили бесконечную «ой-ра!», в распахнутых освещенных окнах мелькали веселые, разгоряченные лица гостей. Рестораны, гостиницы наводняли военные и коммерсанты. Офицеры кавказских частей брали на откуп погреба, привлекавшие посетителей не только интимной обстановкой, но и названиями вроде «Сан-Ремо» или экзотического «Бедный Гиго». Там, в розовых стенах, расписанных амурами, видами Дарьяльского ущелья, портретами томной царицы Тамары с глазами умирающей газели и выразительным турнюром, стелился сизыми пластами табачный дым, сквозь который даже на низких потолках почти невозможно было различить золотые виньетки стиля рококо — свидетельство вкуса, щедрости и богатства владельца.

Звон посуды, гортанные возгласы, смех заглушались здесь непрерывной игрой сазандара, который или тоскливо рыдал «над разбитой душою», или встречал вновь входящего «Ингушским маршем» и внезапно переходил на залихватскую лезгинку.

И тогда с шумом отодвигались стулья и столы. На освобожденный пятачок пружиной выскакивал «джигит», вихрем кружились вокруг него руки, захлестывалась черкеска, из-под которой в неумолимом движении с пятки на носок мелькали сафьяновые

ноговицы.

— Ворс-тох! — неслось со всех сторон. Оглушительно хлопали ладоши.

В разгар танца перед ним появлялась женщина. Сиял на ней сиреневый атлас. Нетвердо ступали ее ноги в черных ажурных чулках. Нелепо поднимались к белокурой прическе руки в черных митенках.

Женщина конфузилась, знала, что не умеет танцевать, но все же шла. Ей нужно было, чтобы все видели ее глубокое декольте, рельефные бедра, жемчуг и тетовские бриллианты. Она улыбалась. И в этом кармагале никто не замечал в ее блеклых глазах ни затаенной скуки, ни просто человеческой усталости.

Танцор сейчас же кидался к даме, чтобы наладить с ней плавный танец. На успокоившихся плечах его теперь можно было различить сверкающие погоны корнета.

Минуту спустя его просили уступить место солидному штаб-ротмистру. Он охотно соглашался и тотчас же посылал полового за извозчиком.

Под возгласы «браво» кончалась лезгинка. Штаб-ротмистр галантно целовал даме ручку и успевал получить согласие на randevu... А юный корнет услужливо провожал даму «подышать свежим воздухом». Там он усаживал ее в фаэтон и коротко приказывал: «Редант!» или «Улановские сады!» и - «Пошел!...» Слышалось нежно-избитое «Душка!...» и зычный голос извозчика: «Эй! Берегись!...»

Здесь, в эту ночь, каждый, как умел, торопился прожигать жизнь. А там, в далекой Восточной Пруссии, солдаты Первой и Второй русских армий, не подготовленные, не снаряженные, безрассудно брошенные в бой бездарным высшим командованием, несли тяжелые потери и гибли в гнилых Мазурских болотах.

Чуть свет корнет Бийсархо и рядовой Гойтемиров, оставив постели сомнительной свежести и случайных подруг, наспех позавтракали форелью и выпив бутылку Абрау-Дюрсо, кинулись в сад. Чаборз на ходу сунул хозяину хрустящую бумажку. Корнет сделал вид, что в спешке не заметил этого. Они побежали к калитке. На шоссе стоял оставленный ими на ночь фаэтон. Они вскочили в него. Дремавший извозчик вздрогнул, схватился за вожжи. Но поняв, что рассвело и надо ехать, задул фонари и тронул. Видно, ездил он с этими господами уже не в первый раз, потому что, не спрашивая, повез их из ночного заведения прямо в город. Звонкая булыжная мостовая от Садов растянута на семь верст.

Корнет был в форме офицера Ингушского полка. Рядовой богатством одежды скорее походил на кавказского князя, чем на солдата.

Какое-то время они ехали молча. Чаборз еще морщил лоб от головной боли, но выпитое вино действовало безотказно. Самочувствие его быстро улучшалось.

Он вспомнил прошедшую ночь. Она представлялась ему в каком-то тумане. Вспомнил женщину... И это было самое ужасное. Она вынудила его тряхнуть кошельком, уже не юными силами и, не обращая внимания на его годы, проделала с ним черт знает что... От этих воспоминаний его передернуло. Он стал прикидывать в уме, сколько все это стоило... Но, отогнав досужие размышления, решил приступить к делу, ради которого

столько дней сорил деньгами и сам разошелся, как черт, угодивший в рай.

- Соси, - начал он, - мы скоро выступаем.

— Я не знаю, - отмахнулся от него все еще страдавший головной болью молодой человек.

- Ты не знаешь, а я знаю. Но дело не в этом. Солтагири - друг командира полка. Ты друг Солтагири. Кроме того, между вами дальнейшее родство... Я прошу тебя, поговори с ним. Если я буду торговать в полку, вы будете не в обиде. Видимо, на войне не так, как у нас, на проспекте: послал человека — и он принесет тебе что угодно... А я умею ценить добро... Конечно, я мог бы поговорить и сам. Или других послать к командиру. Да не хочется впутывать посторонних... Должен тебе сказать: если право на магазин получают люди, которые сейчас добиваются его, ты не сможешь найти с ними общий язык... А мы с тобой, хоть и разница у нас в годах, за короткое время поняли друг друга... Это большое дело! А тем более на войне!

- Хорошо, - ответил корнет. - Я поговорю с Солтагири. Но сухой разговор - плохой помощник... Начнутся занятия, я отпущу тебя. А ты возвращайся и приготовь здесь стол и все, что надо... Эти девчонки пусть тоже останутся. Они вполне приличные. Только скажи, чтоб для Солтагири вызвали свою «баронессу». Я бы и сам мог все это... но ты понимаешь, я буду занят... Словом, вечером мы с ним приедем и тогда вместе поговорим обо всем.

Чаборзу предложение Соси понравилось. Только мысль о чересчур резвой девчонке, которую он снова должен будет сегодня развлекать, приводила его в уныние. Хоть бы как-нибудь от нее избавиться! Попалась же такая честная, которая считает, что обязана расплатиться с ним за каждую истраченную на нее копейку!..

Фазтон въехал на окраину города. Бабы выгоняли скотину в стадо. На плацу кадетского корпуса под звуки «Амурских волн» духового оркестра кадеты в белых соколках делали вольные упражнения.

Бийсархо вспомнил училище, с которым он недавно расстался, и ему сделалось грустно. Юность ушла. Он дорвался до той самостоятельной жизни, о которой так много мечталось в юнкерские годы. Он жил этой жизнью. Но, может быть, от пресыщения ею она не казалась ему теперь такой привлекательной. Все было обыденнее, грязнее, чем в мечтаниях...

Навстречу шла на учение рота пехотинцев. Звонкий тенор выводил:

Взвейтесь, соколы, орлами,

Полно горе горевать!

Толь не дело под шатрами

В поле лагерем стоять!..

Из боковой улицы наперебой этой неслась другая песня:

Все тучки, тучки понависли,

А с моря пал туман,

Скажи, о чем задумался,

Наш грозный атаман...

Город казался лагерем. И запевалы заливались во всех концах, как петухи на заре. За чугунным мостом свернули влево, к своим казармам. А от Атамановского дворца вместе с осенним ветром донеслось:

Марш вперед,

Россия ждет,

Черные гусары!

Взвод лихой

Зовет нас в бой,

Наливайте чары!..

- Год лихой, - пробормотал в бороду извозчик-молоканин и тяжело вздохнул: - ...Россия ждет...

- Ты что сказал? - спросил его корнет.

- Нет, барин... Так... Думки всякие... - ответил тот. — Эй, поберегись!

Замешкавшийся дворник, которого лошади чуть не сбили с мостовой, отскочил в сторону и, увидев на сиденье корнета, по многолетней привычке старого солдата прижал к плечу метлу и приветливо гаркнул:

- Здравья желаю!

Бийсархо приложил руку к каракулю папахы.

Зная уже повадки своего офицера, всадник-денщик встречал корнета за воротами, держа под уздцы его лошадь с закинутыми на седло поводьями.

- Где сотня? - спросил тот, соскакивая с фэтона.

- Только что ушла. Вахмистр повел, — ответил денщик и едва успел схватиться за стремя командира, как тот уже вскочил в седло.

- Ступай! Устраивай!.. — бросил Соси Чаборзу. — Твое отсутствие беру на себя! - И лихо помчался догонять своих.

Сотня выходила на полигон, когда он подскакал к ней, щелкнул плетью и осадил коня.

- Здорово, молодцы! — крикнул он своему взводу по-русски.

- Здрав джилай, ваш сокородия! - послышался довольно дружный ответ ингушей, и они сами засмеялись от удовольствия, что могли так здорово сказать по-русски.

Через некоторое время маршевые роты и эскадроны были срочно назначены к отправке в действующую армию. Фронт требовал пополнений.

Вместе со всеми уходил и вновь сформированный Ингушский конный полк, который с полками соседних народов должен был образовать кавказскую туземную кавалерийскую дивизию.

В назначенный день, ярким солнечным утром, части начали прибывать на Апшеронскую площадь, именовавшуюся так по названию большой красной церкви, выстроенной здесь в честь и память воинов одного из старейших полков русской армии на Кавказе.

Шли с песнями. Несмотря на то, что на солдатах были скатки, лопаты, вещевые мешки, в рядах слышались скоромные шутки, смех. Прохожие останавливались, провожали их долгими взглядами.

В полдень войска были выстроены огромным квадратом, в центре которого оставалось свободное поле, где стоял аналой с Евангелием в кожаном переплете. Рядом табурет, на нем серебряная кропильница.

День был воскресный. В церквах звонили колокола, служили молебны за русское воинство. А воинство пока стояло вольно. К задним рядам подходили родные, знакомые. Кто просто беседовал о чем-то, кто тихо плакал, кто наставлял своего «воина» в последний раз.

Кавалеристы спешили. Бок о бок с Ингушским полком стояли казачьи сотни. Собравшись вокруг бывшего казака со шрамом на щеке, молодежь пела:

Не серые гуси во поле гогочут,

Не серые орлы в поднебесье клекочут,

То гребенские казаки перед царем гутарят,

Перед Грозным царем, Иваном Васильевичем.

Они самому царю-Надежде говорят:

- Ой ты, батюшка, наш православный царь,

Чем ты нас подаришь, чем пожалуешь?

- Подарю я вас, казаченьки, да пожалую

Рекой вольною, Терек-Горынычем,

От самого гребня до синего моря,

До синего моря, до Каспийского.

И только закончили они старинную, как рядом жаворонком взвилось:

Чубарики-чубчики вы мои!..

И вот «Чубарики» подхватывает вся сотня. Веснушчатый парень, задрав сморщенный нос, сует, указательный и мизинец в рот и, закрыв глаза, заливается таким посвистом, что кажется - жилы на шее лопнут. Даже кони, захрапев, сдают в сторону.

Со всех концов города к площади идет и идет народ. Тут важные особы, чиновники в форменных фуражках и молодежь.

Калой и Орци попали в один взвод. Но они редко подходили друг к другу. Орци чувствовал себя виноватым за то, что поступил в полк против воли брата. Но он иначе не мог.

Они стояли в разных концах взвода. Калой на правом фланге, а Орци где-то в хвосте.

Калой глядел на народ поверх всех голов. Он видел, как женщины передавали своим узелки с гостинцами, как крестили солдат, обнимали их. И только около ингушей не было ни родных, ни знакомых. Как безродные, стояли они в этом море людей.

Всадники понимали: это потому, что их родственники остались далеко в аулах. Но все равно от одиночества в такой день скребло на душе.

И случается в жизни, когда люди будто читают в сердцах друг у друга.

Забегали казачки одна к другой, зашептались, разбежались в разные стороны и снова сошлись, сгруппировались в каком-то заговоре. Вот они развязывают узелки-платочки, отбирают, откладывая в сторону колбасу и сало, а с тем, что осталось, направляются к ингушам. Тронулись смело. А подошли - оробели. Многие из них, может, никогда толком и не видели так близко этих смуглолицых мужчин, которых дома привыкли называть «зверьми» и «азиатчиной», считали врагами. Ан вышло сегодня, что враг не тот, с кем грызлись из-за плетня, а тот, кто шел общую хату палить, родину в полон брать. И перед этой бедой все прежние беды свои показались не стоящими ни вражды, ни злобы.

Ингуши с удивлением смотрели на подошедших женщин, переглядывались, думали, что те среди них ищут своих парней.

Немолодая, но красивая, яснолицая казачка подошла к Калою и ткнула ему в руки свой узелок. Осмелели и остальные.

- Нате! Берите!

- Угощайтесь!

- Это вам! - говорили они, краснея, и отдавали всадникам гостинцы. Ингуши растерялись. Молодые смотрели на старших, не зная, что

делать: брать или не брать.

- Чем богаты, тем и рады! Поделитесь промеж собой как-нибудь. Знали б, что вы здесь одне, без своих марушек, побольше бы захватили! - говорила женщина Калою.

- Зачем нада?.. Ми кушал. Свой мальчишка отдай. Пасиба... - бормотал Калой и пытался вернуть казачке узелок. Но она решительно отвела его руку:

- И своим есть... Да вы-то что ж, не свои, что ли? Это мы не от голода вам, а вроде... для сердца... Кунаками там будете с нашими ребятами... Может, кому и голову-то придется сложить одна на другую...

Она всхлипнула, но тут же овладела собой, улыбнулась.

Всадники тесным кольцом обступили казачек. Все были взволнованы. Наступила та особая минута, когда вдруг уходит прочь все, что разнит людей, и они остаются только людьми с неприкрытыми сердцами.

Сам еще не зная зачем, Орци протиснулся к женщинам, подошел к той, что дала Калою узелок, и, вырвав из черкески черно-белый газырь, протянул его ей.

- Бери!.. - обеими руками снимал он с себя газыри и раздавал их женщинам. - Бери... Бери...

А кончились газыри, он улыбнулся, сощурился и, стараясь, чтобы его поняли все, ясно проговорил:

- Чем богаты - я рад!.. Для сердца!.. Пасиба! Ваша мужчин била бы такой хороший, тогда мы родной брат была бы...

Ингуши дружно смеялись над речью Орци, но тоже говорили: «Пасиба!...»

Когда женщины вернулись к своим, сухопарая старуха, скривив презрительно губы и полузакрыв глаза, зло прошипела:

- Гордости нет! А еще казачки! Вон скока своих, а оне басурманев кормить... Срамота!

Красивая казачка смирила ее взглядом, сплюнула прилипшую к губе шелуху семечки и беззлобно протянула:

- А-а-а, Сивая Галчиха здесь? Людей поучаете?... - и строго отрезала: - Добро всегда есть добро! И не лезьте! Не пачкайте! - Она повернулась к старухе широкой спиной и, затаив с девочками шуточную, пошла по кругу:

Ахвицер молодой!

На ем чуб золотый!

И погоны да золотыя,

А мы девки да молодыя!

Эх, барыня, барыня,

Барыня-сударыня!

Ударил колокол.

- Равняйсь! - пролетело над площадью.

Войска пришли в движение. Народ отхлынул. Солдаты умолкли, выровнялись.

Под звон колоколов из храма вынесли распятие. Вышли священники. Над толпой заколыхались золотые хоругви... Послышалось торжественное пение.

Шествие направилось к центру площади. Народ и войска обнажили головы.

Начался молебен.

Служил старенький архиерей. Не стыдась и не замечая своих слез, он окропил застывшие ряды солдат святой водой и прочитал короткое напутствие к защите веры, царя и отечества.

И войска пошли. Впереди казачий оркестр в синих черкесках. Над ним, мерно вздрагивая и покачиваясь, поплыл бунчук с роскошным хвостом и золочеными бубенцами. Оркестр вел мобилизованных под звуки марша «Тоска по родине» с печальными словами:

Не для меня

Придет весна...

До самого деревянного моста через Терек в рядах казачьих сотен, ухватившись за стремена, шли жены. Но к Александровскому проспекту роты и сотни подтянулись. Пехота, строго чеканя шаг, пошла церемониальным маршем, держа равнение на памятник герою Кавказской войны Архипу Осипову.

Здесь оркестр встал в стороне и, пропуская мимо себя войска, грянул старинный марш «Под двуглавым орлом...»

Ингушский полк на ходу получил приказ вернуться на ночь в казармы, потому что на станции не хватало вагонов. На Вокзальной улице полк свернул вправо. Сегодня судьба подарила всадникам лишний день. И никто никогда не узнает, кому из них этот день сохранил жизнь или сократил ее.

А прочие части живым потоком стекали по вокзальной лестнице к железнодорожным путям, конец которых где-то далеко на западе упирался в войну.

Поручив штаб-ротмистру Солтагирию Байсагурову отвести людей в казармы, командир

полка уехал в штаб выяснять обстоятельства, связанные с отправкой части.

Байсагуров подозвал корнета Бийсархо, и они поехали рядом.

У обоих были прекрасные кони. У Байсагурова караковый с подпалинами, у Бийсархо серый в яблоках. Головы кони держали высоко, шли, слегка гарцуя. Прохожие любовались ими. Дамочки и гимназистки старались не заглядываться на офицеров дольше приличного. Зато на всадников они могли смотреть, не смущаясь. А среди них тоже были юноши и мужчины, достойные внимания. Кони у всех кабардинские. Серые черкески перетянуты в талии. Природная кавалерийская осанка. Суровые аскетические лица.

Офицеры тонко рисовались, незаметно работая шенкелями. А всадники вели себя просто. Поймав взгляд хорошеньких глазок, они подмигивали им или горделиво подкручивали усы.

Так бывало всегда, когда сотни проходили по городу. Но сегодня чувствовалось иное настроение. Его нельзя было назвать подавленным. Но проводы солдат, которые прошли на глазах полка, плач матерей и жен заставили всадников вспомнить о своих, подумать о предстоящей ратной жизни, полной опасностей, лишений и жертв.

- Хорошо, что остались, — сказал Байсагуров своему молодому другу. - Это же похороны, а не проводы! У нас должно быть иначе. - Он был не в духе. В такие минуты корнет знал: лучше слушать, чем говорить. И он почтительно молчал. - Сейчас же отбери по два всадника из селений Мочко-Юрт, Длинная Долина, Балта, хутор Льяновых. Пусть едут и привезут завтра на вокзал наших девушек-гармонисток.

- У нас должны быть такие проводы, чтоб весь город сбежался! Чтоб запомнили нас! - Он помрачнел еще больше и замолчал, а потом иронически улыбнулся, отчего на одной его щеке залегла глубокая морщинка. — Ведь о многих из нас это останется единственным воспоминанием...

- Дорогой Солтагири, не слишком ли мрачно? - тихо спросил Бийсархо.

Двух смертей ведь не бывает!

А одной не миновать.

И кавказцы это знают

И не станут унывать!..—

пропел он.

Командир улыбнулся.

- Ты, кажется, меня подбадриваешь? Вали, дорогой, и делай, что велел. Я хочу, чтоб, прощаясь с Кавказом, люди не чувствовали тоски. А к девяти часам будь в «Сан-Ремо». Только без б...й. Гульнем напоследок!

Бийсархо козырнул.

- Слушаюсь! Быть к девяти без 6...й!

Он рысью поехал назад, вдоль полка, выкликая по именам знакомых всадников. А через минуту Бийсархо уже промчался назад в сопровождении десятка парней.

На следующее утро, когда полк прибыл на товарную станцию, его встретили лезгинкой.

Сотни ингушей, старых и молодых, прибыли из ближайших аулов. Вскоре в разных концах перрона начались танцы.

Тем временем шла срочная погрузка лошадей, обоза, фуража. Около вагонов хлопотал Чаборз. Он продал в городе мясную лавку, закупил нужные для господ офицеров напитки, продукты, теплые вещи, которые могли пойти в зимних условиях, и теперь грузил все это в один из выделенных для него вагонов.

Время отправления приближалось, а он не управлялся.

Когда полковой интендант заметил это и обрушился на него с бранью, Чаборз попросил Бийсархо дать ему в помощь несколько всадников.

Тот приказал уряднику. Урядник вместе с другими направил к Чаборзу и Калоя. Но узнав, чьи вещи ему приходится таскать, Калой повернулся и, несмотря на угрозы, молча ушел к своему вагону.

Урядник доложил об этом корнету. Тот вызвал Калоя к себе и начал его распекать, требуя, чтобы он немедленно вернулся. Но Калой тяжелым взглядом посмотрел на офицера и спокойно сказал:

- Ты на меня не кричи. Я тебе в отцы гожусь. А Чаборза товар грузить не буду.

- Как так не будешь? Я приказываю!

- Приказывать - дело твое. А не выполнять - мое... - Он степенно удалился.

Корнет побледнел, заметался. Он понимал, что эти добровольцы еще не знают устава, не понимают дисциплины, но позволить не выполнить свои приказания...

Он кинулся к Байсагурову и официально доложил о происшествии.

- Меньше пыла, господин корнет! - так же официально ответил ему друг. - Пока невозможно требовать от них безоговорочного подчинения. Люди без году неделя в армии. Это понимать надо. Я разберусь.

Погрузка лошадей и материальной части закончилась. Уже каждый знал, где он едет, и всадники держались своих вагонов. Тут же на дебаркадере в разных местах продолжались танцы. Присутствие жителей аулов, девушек, городской публики, прибежавшей на этот шум, музыка создали приподнятое настроение.

Байсагуров был доволен своей выдумкой. Он легким шагом быстро проходил мимо

вагонов, где разместились его сотня. У него все было в порядке, если не считать инцидента с Калоем.

Всадника Эги Калоя, конечно, надо было сейчас же взять под арест. Вагон-гауптвахта стоял тут же. Но штаб-ротмистру не хотелось быть в числе первых офицеров, «отличившихся» недисциплинированностью солдат.

В этот момент Байсагуров столкнулся с Калоем. Отступив на шаг, он будто впервые взглянул на него. И, несмотря на огромное различие в положении, Байсагуров подсознательно почувствовал, что перед ним не тот темный и безропотный солдат, с которым можно обходиться, как с серой скотиной, а человек, сумевший постоять за себя. Полк уходил на фронт. А пуля может угодить не только в лоб, но и в затылок...

- Почему не выполнил приказание командира? - спросил он Калоя. - Ведь вам объясняли, что в военное время за невыполнение приказа могут даже расстрелять?

Он говорил по-ингушски, поэтому вопросы его Калой воспринимал как обычный разговор.

- Понимаешь[7], - ответил Калой, - все это нам говорили. Но нам не говорили, что может быть приказ перетаскивать товары Чаборза. Я понимаю так: если мне приказывают казенное дело, военное дело, я делаю. Но если меня хотят сделать работником Чаборза, я на это не соглашаюсь... И должен тебе сказать: не соглашусь не только по приказу этого молодого человека, но даже если меня привяжут к пушке и разорвут в клочья!

Байсагуров - офицер, обученный в кавалерийском училище на воинском уставе и дисциплине, растерялся. Он не знал, что говорить этому человеку, который готов был действительно за свои убеждения умереть. На какое-то мгновение в памяти Байсагурова возник образ гусара Дениса Давыдова, который командовал чуть ли не такой же армией, как эта. Но в училище говорили о значении партизанской борьбы, о книге Давыдова «Опыт теории партизанского действия», но никто ничего не говорил о том, как гусар Давыдов разговаривал со своими крестьянами, добровольно подчинившимися ему для борьбы с «супостатом Банапартой».

И вот теперь штаб-ротмистру Байсагурову приходилось самому думать, как вести себя с таким народом, чтобы заставить его повиноваться без применения дисциплинарных мер.

А Калой в это время внимательно рассматривал своего начальника. С виду тот был красивым, мужественным. «С таким можно пойти на любое дело. Не подведет», - думал Калой. Худое лицо, тонкий нос с большой горбинкой, большие, но не злые глаза, крутой подбородок. Все в нем было ладно. Только девичья белизна и никудышные усы портили все. Это были даже не усы, а два пучка волос под носом. И Калой, прервав молчание, просто душно сказал:

- Послушай, мы знаем, ты сын приличных родителей и сам видный человек. Только отпусти ты себе человеческие усы! Воллаги, всю сотню обрадуешь! А то над нами люди смеются.

От неожиданности Байсагуров так расхохотался, что Калой почувствовал себя неловко.

Перестав смеяться, штаб-ротмистр сказал:

- Хорошо. Я для вас отпущу усы. Но при одном условии: вы должны исполнять любые приказы командиров - нравятся они вам или нет. Неправильный приказ только я могу отменять! А не то я вовсе сбрею усы! Потому что если меня солдаты не слушаются, - значит, я плохой командир и недостойн усов. А вы достойны не командира, а бабы.

Калой развел руками.

- Ну и хитрый же ты! Мы согласны! За всех говорю. Вот увидишь. Слово — булат!

И Байсагуров почувствовал, что он нащупал какую-то тропку к душам этих людей. И еще он понял, что хоть он и является командиром сотни, но внутри нее уже есть свои авторитеты, с которыми всадники считаются. В мирное время эти авторитеты были бы немедленно удалены, развенчаны. Но сейчас Байсагуров понимал, что с помощью таких, как Калой, ему легче будет управлять людьми. Только бы не сорваться, не сойти с найденной тропки. Иначе - беда.

Раздался первый звонок. Байсагуров побежал вверх по лестнице. Там за оградой, под деревьями, почти потерявшими листву, ждала его девушка.

Прожженный сердцеед, холостяк, он не пожелал, чтобы товарищи увидели предмет его последних воздыханий. Он сам не мог еще сказать - серьезно это или нет, но почему-то не хотел, чтобы ее причислили к случайным увлечениям. Девушка подняла на него глаза, полные испуга.

- Ах, как ты долго... Мне не верится, что ты сейчас уйдешь... Что делать... Я не могу... - Она едва сдерживалась.

- Перестань... Не надо... Не я один... Я буду помнить... писать... Ты знаешь, у меня много было увлечений... Но ты... такая... одна...

Она достала платочек, торопливо стерла мешавшие слезы.

- Я буду ждать... все время... всю жизнь! Слышишь?... Он сжал ее руки:

- Да... Если останусь, я вернусь к тебе... Только к тебе! Но я или вернусь таким, как ты сейчас меня видишь, или не вернусь никогда! Калеккой Солтагири не будет! А в этой войне мало надежды остаться невредимым... Это мое решение знаешь только ты.

- Как ты смеешь так говорить! Я все равно буду ждать тебя, что бы ни случилось! Ты не имеешь права!..

Она подняла к нему лицо, полное отчаяния. Это лицо со следами оспы никто бы не мог назвать красивым. Близорукие глаза шурились. Но она любила, и любовь делала ее прекрасной. Солтагири смотрел, слушал ее, верил ей... И он понял... понял поздно, что только эта любовь была у него настоящей. И ему так захотелось остаться.

Ударили два раза в станционный колокол.

- По ва-го-на-м! - донеслось откуда-то снизу.

Солтагири обнял девушку, припал губами к ее мокрому родному лицу.

- Прощай, Вика...

- Боже!..

Тонкие пальцы ее с неожиданной силой впились в его плечи, словно могли удержать... не отдать...

Снизу, с перрона, сквозь шум и гомон толпы доносились нетерпеливые вздохи паровоза.

Почти все всадники уже были в вагонах.

- А ну, девушка! Сыграй нам на прощание «Лезгинку петуха, ступившего на горячие угли!» - кричит кто-то из теплушки, из-за спины Орци.

Девушка улыбнулась, заиграла плясовую и, с задором посмотрев, на всадников, пошла по кругу.

Орци прямо из вагона прыгнул к ней.

- Нет! - воскликнул он. - Не такой, как ты, оставаться без пары! Ворс-тох! — И он пустился в пляс, то плавно следуя за ней, то молодецки вскакивая на носки.

Девушка оказалась умелой танцоркой. Она игриво склоняла голову к гармонии, искоса поглядывая на Орци и уменьшая шажки, словно сдаваясь ему, а когда он преграждал ей путь, широко растянув мехи снизу вверх, ускользала от него в другую сторону. И Орци плясал, забыв все на свете.

Ни один из них не хотел сдаваться. Вокруг собралась огромная толпа. Били в ладоши. Заливалась гармонь.

Под пламенным взглядом раззадорившейся девчонки Орци действительно подпрыгивал, словно петух на раскаленных углях. Хохот и стон стояли вокруг. Никто и не услышал, как пробил третий звонок.

Эшелоны с обозом шли с запасных путей. Тронулся и последний состав с людьми.

Пробежавший Байсагуров увидел своего всадника в яростной пляске. Он выволок его из круга и потащил догонять вагоны.

Вслед за ним Орци вскочил на последнюю платформу с обозом и, еще целиком находясь во власти прерванного поединка, оглянулся.

Девушка стояла в центре круга, где он ее оставил, и продолжала играть. Заметив, что он видит ее, она взмахнула гармонью и снова поплыла по кругу. Орци, издав вопль, который, кажется, услышали даже там, в уходящей от него толпе, вскочил на крытую брезентом двуколку и под лязг вагонов снова затанцевал, не отрывая глаз от далекой красавицы в белой черкеске. Так и плясали они и вместе, и врозь, пока встречный

состав навечно не встал между ними.

Вика вначале шла, потом бежала за поездом. Казалось, она смотрела на пляску Орци. Но видела она другое.

Поодаль от пляшущего солдата стоял Солтагири. Вот он снял папаху, склонил голову, как бы прося у нее прощение. И это было все...

Воинские эшелоны, набирая скорость, проходили мимо последних домов города, мимо заводов. Люди махали руками, снимали шляпы и картузы, крестились, крестили поезд.

Калой смотрел на этих людей и думал, думал. И вот пришла мысль, которая раньше никогда не могла прийти: «Провожают нас, - горцев, как своих... значит, и мы - Россия».

Вдали проплывали снежные вершины.

А вокзал, от которого только что был отправлен Ингушский полк, жил своей жизнью.

Подошедший поезд встречали духовым оркестром. К вагонам бежали люди с цветами. Сестры милосердия в длинных белых косынках с красными крестами на груди торопились с носилками. На всю эту суету из окон вагонов смотрели строгие мужские лица, многие в бинтах.

Потом одни из них выходили на костылях, других несли на носилках. Кто-то стонал. Кто-то виновато улыбался оттого, что он такой беспомощный, что несут его женщины.

- Помогите, пожалуйста! - обратилась сестра милосердия к девушке с застывшим взглядом.

Вика безмолвно приняла носилки, на которых лежал молодой человек, и увидела, как глубоко провалилась покрывавшая его простыня в том месте, где должны быть ноги.

До самой двуколки не могла она оторвать взгляда от этого провала...

С того дня красный крест на ее груди засветился на долгие годы войны.

3

Уже несколько недель полк стоял в деревушке под Проскуровом. Каждый день проводились конные и пешие учения. Сотни совершали марши, рыли окопы, преодолевали препятствия. Учились перестраиваться по сигналам трубы, ползать, делать перебежки, стрелять, рубить.

Офицеры волновались. Ожидали приезда начальника дивизии. Доходили слухи, что он уже побывал в соседних полках и многим nepoздopoвилoсь. Правда, говорили, что сам великий князь был сдержан и вежлив. Но зато после его отъезда полковое начальство обрушивало громы и молнии на головы тех офицеров, части которых вызывали нарекания.

И Байсагуров не давал покоя ни себе, ни своим людям. Он готов был заниматься с

сотней день и ночь, лишь бы не пострадало его самолюбие.

В один из этих дней на большой поляне сотня занималась рубкой. Утренний холодок только подбадривал всадников. Они стояли в два ряда и по очереди скакали к лозам, рубили направо и налево, потом прокалывали чучело и пристраивались к своим с левого фланга. Обычно занятия эти проходили повзводно. Но сегодня штаб-ротмистр делал общую проверку. И многим уже досталось от него. Штрафников он ставил отдельно. Последним в их число попал и Калой. Не потому, что он не мог срубить пяток лоз, а потому, что это, как и многое другое в их занятиях, казалось ему несерьезной, детской забавой. «Не все ли равно, - думал он, - как ударить противника! Лишь бы тот завалился! И главное, чтоб не он тебя первым...»

Размышления эти прервал подъехавший командир.

— Вы опозорите всю сотню! Весь полк... и даже народ! — крикнул он гневно. - А про твою силу мне ведь целые истории рассказывали, - обратился он к Калою. - Где же она? В сказках? В молодости осталась? Тебе бы теперь барашек пасти... Но раз ты пришел на войну, да еще добровольцем - придется делать то, что и все!

У Калоя в глазах потемнело. Никто не позорил его так при народе. Но он лишь покрутил головой, словно шею ему жал воротник, и ничего не ответил.

А Байсагуров уже выхватил саблю и понесся к стоящим по обе стороны дорожки лозам.

Он рубил красиво, со свистом. Потом поставили по пяти лоз в пучок. Он срубил и их. Всадники уже знали, легко ли это, и с уважением смотрели на такую чистую работу. Но в командира сотни словно черт вселился.

- Десять лоз! - крикнул он всадникам. Они с удивлением посмотрели на него и поставили.

Сотня замерла. Командир явно рисковал своей репутацией. Вот конь пошел с места в карьер, сверкнула полоска стали - и все десять срезанных прутьев острыми концами воткнулись в землю.

Как ни зол был Калой на Байсагурова, но ловкость и сила восхитили его. Восхитили и причинили боль. С детства в играх не имевший себе равных, он увидел, как его обошли... Словно мальчик, зажегся он желанием доказать командиру сотни и всем, что его рано еще отсылать к овечкам.

Целую неделю Калой выпрашивал у лучших рубак полка о тонкостях этого искусства. Целую неделю все свое свободное время тайно проводил в лесу, примыкавшем к поселку, колдуя там со своей саблей, наведенной на бритву. А в конце недели, когда командир сотни снова привел их на поляну, он играючи смахнул клинком все лозы и попросил разрешения срубить столько же, сколько и командир.

Байсагуров поднял брови, но разрешил.

И так же, как это было неделю тому назад, сотня затихла.

Калой поскакал, взмахнул клинком и чисто снес лозы.

Всадники ликовали. Солдат сравнился с офицером.

- Молодчина! - крикнул Байсагуров. - Вот это всадник. Видно, не сидел, повесив нос! А если больше, срубишь?

- Срублю, - ответил Калой.

- Давай! Ставь двенадцать! - приказал командир.

Калой срубил двенадцать. Потом четырнадцать. Пятнадцатую лозу чуть заломил.

Байсагуров был спортсменом. И подвиг немолодого всадника вызвал в нем неподдельный восторг. Это было событием не только для сотни, но и для всей дивизии! Он снял с себя великолепную гурду[8] и протянул Калою. Калой бережно принял драгоценную саблю, полюбовался ею, погнул в разные стороны и возвратил командиру.

- Спасибо за подарок. Правда, я не сделал ничего особенного. Раз ты хочешь, я буду считать себя хозяином этого клинка. Однако прошу тебя: пусть он останется на своем месте. Две шашки носить нельзя. Хранить ее мне негде и рубить ею я не смогу. Уж очень легкая, нежная!

Командиру понравилась находчивость и скромность Калоя. И в нем шевельнулось угрызение совести за то, что он в прошлый раз так резко говорил с ним.

- Как это ты так быстро выучился? А? - сгорая от зависти, приставали к Калою молодые люди.

- Выучишься, - усмехнулся он, - если тебе посоветуют барашек пасти...

- Не обижайся, Портос! - благодушно воскликнул Байсагуров. - Ты же добрый человек! А я вас ругал тогда за дело. На фронт идем. И вы меня еще вспомните! Да вот и сейчас, наверно, самому приятно. Ведь столько никто не срубит!

«Как он сказал: «Портос»? Что это такое? Бык, что ли?» - думал Калой. Но решил спросить потом. Чтобы люди не смеялись. Если это обидное слово, он проучит командира на всю жизнь!..

Несколько дней спустя полк на заре подняли по тревоге. Думали, что пришел приказ выступить. Но командир полка сообщил, что назначен внезапный смотр дивизии и отдельных пехотных частей.

Уже через час полк прибыл на поле, в назначенное место. Здесь не было никого, кроме дежурного штаб-офицера из дивизии. Он принял рапорт, указал курган, где будет командование. Об очередности построения было известно лишь одно: первой пройдет Осетинская пешая бригада, а последним - 8-й Донской казачий артиллерийский дивизион, приданный Кавказской туземной дивизии, не имевшей своих артиллеристов. Посоветовавшись с офицерами, командир полка полковник Мерчуле попросил штаб-офицера, который был его другом, выпустить его полк на плац последним, перед артиллерией. Цель была простая: учесть чужие ошибки и постараться избежать их.

Штаб-офицер согласился, и полк отошел на край поля, к лесу, справа оставив место для донцов.

Сейчас же была отдана команда еще раз почистить коней, привести в порядок себя, приторочить бурки. Наступил ясный, солнечный день.

Корнет Бийсархо сходил с ума. То он проглаживал носовым платком чью-то лошадь и, обнаружив налет пыли, заставлял всадника вновь чистить коня. То у кого-то замечал незастегнутым шарик-пуговку на бешмете. То ругал за грязь на чувяке. И изрядно надоел всем.

- Неужели начальник будет разглядывать мои пуговики? - не выдержал Орци.

Бийсархо вышел из себя.

- Не возражать! - закричал он. - Разговорчики!.. И тут ему на глаза попалась лошадь Орци.

- А это что еще за осел? Откуда появилась у меня во взводе эта мелкорослая тварь? - сверкая глазами, напирал он на Орци.

Когда он злился, все мышцы на его лице приходили в движение, обтягивая резкие скулы, широкий рот и сильные зубы. Казалось, он готов был впиться человеку в горло. Он становился страшен. Но подчиненные не боялись его. Они привыкли к нему, да и вообще не в их натуре было пугаться. Поэтому Орци посмотрел на командира и сказал:

- Что же я ее с каблуков снял, что ли? От рождения она такая. И комиссия ее видела и ты ее видел сто раз. Неплохая лошадь...

Всадники отворачивались, смеялись.

Разъяренный Бийсархо помчался куда-то в сторону. Через минуту он вернулся и приказал Орци:

- Ступай сейчас же к санитарам и немедленно обменяй эту скотину на лошадь.

Орци пожал плечами и повел своего коня в лес, где на всякий случай стояли санитарные двуколки. Бийсархо расхохотался ему вслед:

- Что и говорить, для атаки лучшей лошади не найти! Пока дотащится - и войне конец!

Орци хотел было вернуться и дать отпор обидчику, но передумал: «Ничего! Ты у меня еще посмеешься!..»

Один за другим подходили полки и строились побригадно.

К девяти утра дивизия была в сборе.

В это время пришла весть, которая заставила побледнеть офицеров: смотр будет проводить не только начальник дивизии - его императорское высочество великий князь

Михаил Александрович - родной брат государя, но и дядя государя - сам Верховный главнокомандующий армией, его императорское высочество великий князь Николай Николаевич.

Этого никто не ожидал.

Ровно в девять часов подъехали автомобили, на курган поднялось начальство. Войска издали увидели главнокомандующего. Он был на голову выше всех. Чуть пониже его виднелась папаха начальника дивизии.

Труба пропела «Смир-н-о-о-о!» Всадники замерли возле лошадей.

Начальник дивизии сел на коня и в сопровождении адъютанта и трубача поскакал к полкам. На полпути он принял рапорт своего помощника, а затем, здороваясь, объехал части.

- Здрав джилай!! Ваш височ!.. - прокричали и ингуши, которых специально обучали произносить отрывисто замысловатые титулы.

Когда гул приветствия замер, раздался одинокий голос: «Здрав джилай, ваш балгароди височ!»

Начальник дивизии не услышал этого. Он скакал к артиллеристам. Но многие всадники, да и офицеры не удержались и фыркнули.

- Кто сказал? - оглянулся корнет Бийсархо.

- Я, — спокойно ответил Орци, сидя на толстой санитарной кобыле, белой, как сметана.

- Сколько раз говорили, - воскликнул корнет, - кричать только вместе! И начальнику дивизии говорить «ваше высочество», а не «благородие»! Это же великий князь!

- А я думал, «балгароди» лучше, - невозмутимо ответил Орци.

- Ведь так мы тебя величаем. А кто выше тебя? Ты вот захотел - и меня на жеребую кобылу усадил...

- Замолчать! - прошипел на него корнет по-русски, так и не поняв, издевается над ним эта дубина или действительно не понимает ничего. И опять всадники разрывались от сдерживаемого смеха.

Но вот командиры полков, следовавшие за начальником дивизии, отдав ему честь, поскакали к своим частям, а он направился к кургану Верховного главнокомандующего.

Полковник Мерчуле вернулся в подавленном настроении. Командиры сотен смотрели на него с тревогой. Какая задача поставлена полку? Мерчуле вызвал к себе Байсагурова.

Зажав небольшую бородку в кулак, он прищурился, глядя на ряды выстроившихся сотен своего полка, и, видимо, что-то прикидывая в уме.

Как кавказец он хорошо знал ингушей, уважал их за товарищество, смелость и верность в дружбе. Но как кадровый офицер он понимал, насколько недостаточна сейчас их воинская выучка, чтобы демонстрировать ее перед главковерхом русской армии. Что делать? Как не уронить чести офицерского состава и всего полка?..

Этим он и поделился с Байсагуровым, которого считал наиболее способным офицером.

Оказывается, начальник дивизии предупредил, что Верховный может изменить порядок прохождения полков и начать командовать сам. Такое уже случалось.

- Понимаешь, чего я боюсь, - закончил Мерчуле. - Перепутают, сигнала не поймут - и все! Из стройной части полк в одну секунду превратится в табун! Я видел. Такое и с более обученными случалось! Черт поberi!

Байсагурова обескуражило это сообщение. Он молчал.

- Мы идем последними, - с печальной усмешкой продолжал командир полка. - Вот если бы он протрубил нам «в атаку», мы бы показали!

Штаб-ротмистр в жизни был большим приятелем командира полка, и здесь, где их никто не слышал, они говорили на «ты».

- Послушай! - тихо воскликнул Байсагуров. - Эврика! Это же мысль! Не дожидаясь его команды, двинуться в атаку самим! А там ищи-свищи!

- То есть как? Без приказанья?

- Да очень просто! Если другим он будет выбирать аллюры, то мы сами выберем себе... Пойдем в три креста[9] - и конец!

- Да с меня погоны сорвут! - воскликнул Мерчуле и в сердцах отвернулся.

Грянул дивизионный оркестр. Осетинская бригада пришла в движение.

Оба полка шли в пешем строю, отлично держа равнение на высокое начальство.

Только мягкость шага выдавала в них кавказцев, отличавшихся легкой походкой, которая выработалась в течение веков оттого, что ходили горцы в чувяках.

- Послушай! - торопливо сказал Байсагуров. - Началось. Надо решать.

А мимо начальства уже шел Кабардинский полк. Как и ожидалось, раздался сигнал дивизионного трубача. Полк сделал поворот направо, потом налево... Перестроения эти были эффектны, но проходили не гладко.

- Что дороже - один офицер или честь полка? - почти закричал Байсагуров.

- О чем ты? - не понял его Мерчуле. Он следил за кабардинцами.

- Послушай! Тебя сейчас увозит врач. Приступ аппендицита... Все остальное -

положись на меня. Пан или пропал!..

Мерчуле поглядел на него, подумал и повторил:

- Пан или пропал! Но если о сговоре узнают... А в общем - с Богом! Случится что — буду тебя выручать.

Он велел адъютанту созвать офицеров. И когда те подскакали, сказал:

- Господа офицеры! Я заболел и не могу превозмочь тяжелого состояния...
Командовать полком приказываю командиру четвертой сотни штаб-ротмистру Байсагурову. Сожалею, что не в силах быть вместе... Надеюсь на службу!

Проводив Мерчуле, Байсагуров вернулся. Он был бледен и строг, как никогда.

А впереди, на поле, смотр проходил как настоящие маневры. Один за другим выходили Татарский[10], Чеченский полки. По сигналам они перестраивались, меняли аллюры...

Байсагуров отдал приказ надеть бурки. И общий облик полка, одетый в домотканые черкески, преобразился.

Команды следовали одна за другой и все больше удивляли офицеров, которые чувствовали в них что-то неладное.

- Подтянуть подпруги! Са-а-а-дись!..

Еще несколько команд — и полк отступил назад и скрылся в лесу. На месте остался только сам Байсагуров, штандарт, трубач да взвод всадников.

Но вот очередь дошла до третьей бригады. Тронулся Черкесский полк, за ним должны были идти ингуши.

А на кургане только сейчас заметили, что полк исчез.

На месте Ингушского полка стоял взвод. Тридцать человек вместо восьмисот. Это было невероятно. Но полка не было.

Начальник дивизии посмотрел на командира бригады. Тот без шума направил к ингушам штаб-офицера. И в это время в их расположении послышался сигнал: «Развернутым строем - шагом марш!»

Из лесу выступили черные всадники.

Начальство не успело понять, что происходит, как последовал новый сигнал полковой трубы: «В ла-ву! От середины!..»

Начальник дивизии искоса посмотрел на своего дядюшку. Главковерх с заметным любопытством следил за движением конницы, а она стремительно рассредоточивалась по фронту и шла за своим командиром полка, который со знаменем и трубачом быстро уходил вперед.

- «К середине - со-о-омкни-и-и-ись!» - командовал трубач. Всадники вновь понеслись к центру.

- «Шаш-ки-к-и во-о-о-н! В атаку марш-марш!» - последний раз прозвучала медь, и тысячи лошадиных копыт в бешеных ударах обрушились на поле.

Земля задрожала.

А всадников не было видно. Они лежали на конях, над которыми взлетали черные крылья бурок и голубых башлыков.

Вот их командир свернул направо и наперерез полку помчался к кургану. Шагах в двадцати он выпрямился в седле, поднял перед собой клинок и, осадив коня, отсалютовал:

- Ваше высочество! Ингушский полк в атаке! Штаб-ротмистр Байсагуров!

Как только он повернулся и встал лицом к полку, его всадники разом поднялись на стремена и, сотрясая воздух гиканьем и возгласами «вурр-ooo!», яростно размахивая и кружа саблями над головой, лавой промчались под штандартом и скрылись за дальней деревней в тучах пыли.

Отдав честь главнокомандующему, Байсагуров сделал свечу и как вихрь умчался за полком.

Главковерх, не скрывая удовольствия, похвалил атаку и поблагодарил племянника и командира бригады за настоящий сюрприз.

- Рады стараться! - по-солдатски ответил полушутя, полусерьезно начальник дивизии.

- Кто командует полком? - спросил главковерх, насупив брови.

Помощник командира дивизии ответил, что командует полком полковник Мерчуле. Но он внезапно заболел, и полк вел командир четвертой сотни штаб-ротмистр Байсагуров.

- Отлично! Побольше бы таких! - сказал великий князь. - Командиру полка благодарность. Штаб-ротмистра произвести... Кес-ке-се?[11] - вдруг спросил он, взглянув на поле.

Там к центру плаца шагом подъезжал одинокий всадник на брюхатой лошади. В левой руке его сверкала шашка, в правой была плеть. Ехал он траверсом[12], лицом к начальству, и изо всех сил нахлестывал свое толстокожее животное. А оно, как от овода, только отмахивалось от него хвостом. Наконец всаднику все же удалось разогнать лошадь, и она нашла курцгалопом, вздымая вместе передние ноги и едва продвигаясь вперед. И тогда всадник тоже закрутил шашкой над головой, заорал «вур-ро-о-о!» Стало ясно: он шел в атаку вслед за своим полком.

А на поле уже вступали донцы.

Кто-то из штаб-офицеров поскакал, чтобы убрать всадника в сторону.

Тем временем лошадь его, видимо, приняв возглас «вурро» за «тпру», остановилась. Заложив на спину кренделем короткий хвост, она стала освобождать свое бездонное брюхо от казенного фуража. Понукания не действовали.

Штаб-офицер был шокирован.

- Мерзавец! - воскликнул он. - Что ты здесь делаешь? Или ты не видишь, кто там!..

- Это не я, это лошадь делает! Он десять лет армия. Если он сам не знает, кто там, я откуда знаю?

- Да убирайся ты со своей коровой! - потерял терпение офицер.

- Мой конь мой командир сказал осел. Эта лошадь ты сказал коров! А я как, пеший атака пойдем? Да?

- Олух! Сворачивай сюда! - закричал офицер.

- Не олух! Орци я! — огрызнулся всадник и снова начал разгонять свою кобылу.

Офицер выхватил шашку, ударял лошадь Орци фухтелем и, схватив ее за повод, поволол в сторону.

- Отпускай! - угрожающе сказал Орци. - Плен моя не пойдет! Отпускай!

Но офицер продолжал уводить коня вместе с ним.

- Тогда смотри мне! - закричал Орци и взмахнул шашкой. Офицер чудом успел парировать удар в голову. Клинок Орци скользнул по его сабле до эфеса.

В это время, развернувшись, на них полным ходом шла артиллерия.

Офицер бросил Орци и поскакал в сторону.

Некоторое время кобыла Орци неслась вместе с батареями, потом устыдилась своей прыти и снова перешла на курцгалоп. И опять до кургана донесся победоносный крик Орци - «вурро!» Он продолжал атаковать.

Когда штаб-офицер показал начальству разрубленный эфес и пояснил, что всадник кинулся на него, чтобы не попасть в «плен», главнокомандующий рассмеялся.

- Его теперь в полку доконают! - сказал он, успокаиваясь. - А ведь он не сдался даже офицеру! Атаковал! Шел на подкрепление! Это воин! Не так ли? А вот кто кавалериста на такого битюга посадил, тому не мешает всыпать! Солдату медаль!

Он замолчал, задумался и, окинув офицеров строгим взглядом, который, казалось, и смотрел на каждого и не видел никого, обращаясь к начальнику дивизии, сказал:

- Ну что ж, дивизия твоя пока дикая. Гаять с ней было бы лучше, чем воевать. Но ничего не поделаешь. Общее положение вам известно. Фронт требует новых сил. А с недостатками на ходу разберетесь! - Он козырнул и пошел к автомобилю.

Начальник дивизии уехал вместе с ним.

Помощник начальника дивизии, тучный мужчина с красной шеей и большими седеющими усами, снял папаху, перекрестился.

- Слава тебе!.. Пронесло! - Потом усмехнулся, покачал головой: -А здорово окрестил - «дикая»!.. Не в бровь, а в глаз! Так она теперь и пойдет!..

В эту ночь во всех полках дивизии офицеры кутили. Но особенно бурно предавались веселью ингуши. Командиру полка сразу «стало лучше». Да и как было не поправиться, когда он получил благодарность главковерха, его друга произвели в ротмистры и даже серьезная оплошность корнета Бийсархо обернулась первой медалью в полку.

Орци был приглашен в офицерское собрание. Здесь его снова и снова заставляли пересказывать все, что с ним случилось на плацу, и хохотали до изнеможения.

Кутеж закончился поздно ночью, когда были исчерпаны все запасы местной лавчонки и чаборзовских ящиков. А через пару часов сна офицеры уже стояли во главе служебных команд полка, выстроенных для торжественной присяги.

4

Была глубокая осень. На смену утренним заморозкам приходили туманы и нудные дожди. Казалось, кто-то сквозь тонкое сито цедил их на головы солдат.

Лес притих. Мокрые листья уже не шуршали внизу. Природа замерла в преддверии зимы и холодов. А люди все сильнее разжигали пламя вражды, и огонь сражений все шире растекался по несчастной земле.

Где-то на крайнем юге против России в войну вступила Турция.

«Дикая дивизия» вместе с другими резервами была переброшена на Карпаты.

Совсем недавно, разгромив неприятельские армии, русские захватили здесь большую часть Галиции и обложили австро-венгерскую крепость Перемышль. Днем и ночью воздух сотрясали тревожные вздохи орудий.

Каждый день офицеры и всадники ждали приказа выступить на передовую.

Ингушский полк стоял в помещичьей усадьбе, окруженной старинным парком, переходившим в лес.

Штаб занимал охотничий домик. Сюда и вернулся к своим офицерам Мерчуле с новостями от начальника дивизии.

Вечерело. На дворе стелилась промозглая сырость, а в домике командира полка буйно полыхал большой камин, наполняя комнату теплом и ярко озаряя загорелые лица гостей. Они сидели вокруг дубового стола, на скамейках, а те, что помоложе, бросив на пол бурки, расположились у огня. И если бы не серебро погонов да блеск орденов под газырями, можно было бы подумать, что здесь сошлась лихая разбойничья ватага.

Первое, чем поделился командир со своими друзьями, - это бочонком вина, полученным из родного села Илори. И хотя здесь в нем не было недостатка - мажарские вина ничуть не уступали иным, друзья-офицеры с особым наслаждением цедили из кружек свое, кавказское, как драгоценный сок родной земли и частицу черноморского солнца.

Второе, чем поделился он, - это новостями «из военных сфер» дивизии и корпуса, где подвизалось немало титулованных особ, которые считали своей единственной задачей в войне пить пиво, интриговать, присваивать чужую славу и поражать фронтовых коллег осведомленностью в государственных делах.

Шел не первый месяц войны, а офицеры-фронтовики знали лишь то, что происходило у них на переднем крае и в лучшем случае - в масштабах своей армии. Вот почему, когда командиру полка случалось побывать в штабе дивизии, они с большим нетерпением ждали его и слушали «новости», в которых, конечно, далеко не все соответствовало действительности.

Выпив по первой кружке, гости воздали должное хозяину и налили по второй. Мерчуле откинулся на спинку единственного кресла, которое, видимо, прежде служило самому помещику, и сощурился, глядя на огонь. Наступила тишина. Только дрова потрескивали в камине.

- Э! Паши! - воскликнул командир первой сотни Химчиев, называя Мерчуле по прозвищу. - Не терзай нас. Вино чудесное. Но где же речь тамады, которую мы ждем?

- Будет и речь, - откликнулся командир полка. - Для грузин это не новость, но так как здесь большинство ингушей, для них я должен начать немного издалека. В прошлом веке, спасаясь от врагов и преследователей, из Франции в Россию бежал прямой потомок Иоахима Мюрата, прославленного наполеоновского маршала и неаполитанского короля. Путешествуя, он заехал в Грузию, увидел дочь владетельного князя Дадиани Мингрельского, влюбился в нее, и они поженились. Отец невесты дал им богатые владения, и молодые остались жить в Мингрелии. Когда у них родился сын, назвали его Наполеоном. А по-грузински ласкательно Напо.

Так вот, в штабе дивизии я совершенно неожиданно встретил принца Напо. Сейчас это пожилой человек. Полковник. Он служит у великого князя Михаила Александровича помощником по строевой части. Мы с ним сумели начать сей бочонок, и за этим занятием он рассказал мне немало интересных вещей.

Вы понимаете, строевик он, может быть, и никудышный, но вхож принц Напо во все двери. И знает очень много. Расскажу вам главное из того, что мне пришлось услышать.

Ну, во-первых, в высших сферах до сих пор тяжело переживают провал наступления нашей Первой и Второй армий в Восточной Пруссии. Бездарного Ренненкампа[13] многие готовы считать изменником.

Хорошо, что хоть Юг сумел поднажать здесь, в Карпатах. Во-вторых, союзники дали немцам сражение на Марне. И те, не ожидая от французов такой прыти, отошли. Там с обеих сторон дралось около двух миллионов человек. Это грандиозно. Но надо было

видеть, господу, с каким чувством рассказывал об этом Напо! Временами мне казалось, что передо мной тот самый великий маршал Мюрат! Вот что значит кровь!

Наша Ставка готовила новые планы, когда в сентябре кайзер вдруг обрушил на нас в направлении Варшава - Ивангород удар Первой австрийской и Девятой германской армий. Весь октябрь шли кровопролитные бои. Однако на этот раз Ставка сумела перегруппировать силы, создала перевес на правом берегу Вислы и повела контрнаступление.

Вы помните, в то самое время нас перебросили сюда. Это был маневр. Немец ожидал здесь нового наступления и не смог снять отсюда на Польский театр ни одной дивизии. План по захвату Варшавы был сорван. А дальше наши двинули их еще на полтораста верст назад. Таково положение на сей день. Положение совсем неплохое. И давайте за это опорочим заждавшиеся кружки.

- Да, это обнадеживающие вести! - воскликнул любимец командира полка Химчиев. - Но что же будет с нами? Так можно и всю войну просидеть, пороха не понюхав!

- Не волнуйся, князь! - улыбнулся Мерчуле. - В этой мясорубке каждый получит свое! Да! Вот еще, чуть не забыл! Оказывается, по ту сторону фронта о нас ходят целые легенды. Нас там называют «Варварами России». Их командование пытается урезонить своих и говорит, что мы, мол, относимся к иррегулярным войскам, которые по своим качествам всегда уступают кадровым.

Но австро-венгерских, да и немецких солдат эти объяснения плохо успокаивают. Они усвоили одно: раз дивизия «дикая», - значит, в нее собраны все русские зуавы, ирокезы, бушмены, — словом, фанатичные дикари, которые гораздо опаснее даже казаков. За каждого убитого дикаря мстят. С пленников снимают скальпы, а иногда пьют их кровь и пожирают!

Гости Мерчуле дружно смеялись.

- А ведь в этом есть доля правды! - воскликнул Байсагуров. - Всадники обязательно будут мстить за каждую нашу жертву!

- И молодцы! - решительно сказал командир полка. - Это война. Пусть знают наших.

Было за полночь, когда дверь в горницу распахнулась и на пороге появился человек в бурке, запорошенной снегом.

- Из штаба дивизии. - представился он и передал пакет командиру полка.

Мерчуле прочитал приказ, поднялся. Улыбнулся Химчиеву.

- Господа офицеры, выступаем в 3.00.

Взяв под козырек, офицеры направились в сотни.

Ночь стала светлее. На дремлющий лес тихо ложился мягкий снег.

Ингушский полк пришел в соприкосновение с противником совсем неожиданно.

Железнодорожная станция, на которую он был направлен, считалась оставленной без боя. Но на рассвете разведка донесла, что станция забита австрийцами. Они окопались там и, видимо, не собираются уходить.

Из штаба дивизии последовал приказ: «Станцию взять!» Местность была холмистая. В лощинах держался туман. Две сотни спешили и вступили с противником в бой по обе стороны железнодорожного пути. Остальные, прикрываясь лесом, зашли австрийцам во фланг. И когда пешие сотни поднялись в атаку, кавалеристы с диким воем и гиканьем ударили по врагу.

Схватка была короткой. Австрийцы бежали, бросая оружие. Станция и большие трофеи достались полку почти без потерь.

Часа через два все было готово, чтобы с воинскими почестями предать земле первых убитых. Но Чаборз, подоспевший сюда из обоза, о чем-то поговорил с Бийсархо, муллой, и они втроем пошли к командиру полка и стали просить его исхлопотать вагон для отправки убитых домой. Они говорили, что это поднимет настроение всадников и их уважение к командиру.

Вечером, когда блеклое солнце зашло за лесистые холмы и от земли потянуло холодом, проводить своих товарищей на станцию собрались все, кому позволяла служба.

Паровоз стоял под парами. В конце состава были вагоны с трофеями и один — с убитыми. Сопровождали их раненые. В этот же вагон погрузили кое-какие вещи, добытые на станции для семей погибших. Груз никто не проверял, и под наблюдением Бийсархо Чаборзу ничего не стоило добавить к двенадцати покойникам еще два гроба. В одном из них были австрийские винтовки, в другом - патроны. Легко раненный в руку родич Чаборза знал, куда и кому отвезти этих «покойников» и что за них получить. Сам он должен был вернуться в полк через две недели. Поезд тронулся. Мулла молитвенно поднял руки. За ним подняли Чаборз, Бийсархо и все остальные. Пошел снег. Вагоны медленно уплывали в серую даль. Вот уже виден только последний... Наконец в снежной пороше исчез и он. Холод пробирался под бурки солдат, ложился на сердце...

Чаборз с облегчением вздохнул и, обращаясь к мулле и Бийсархо, прошептал:

- Пойдемте ко мне... Есть чем погреться... В такой день никому не грех... - А когда шли, подумал: «Когда же еще бой? Отослать бы еще пару гробов...» И вдруг, испугавшись собственной мысли, он почти вслух воскликнул: «Чур меня!..»

Калой и Орци последними покинули станцию. Шли они вместе, но каждый думал о своем.

«Сколько горя и слез повезли!.. А сколько могил встретилось уже в пути!.. Убитые в землю уходят, а горе остается...»

Мысли Калоя перебил Орци:

- Было убито двенадцать, а отправили четырнадцать гробов...

- Должно быть, двое скончались от ран, — откликнулся Калой. Орци оглянулся. Вокруг не было ни души. Он совсем приблизился к брату и сказал:

- В двух фобах Чаборз и Соси отправили домой... винтовки и патроны!..

Калой остановился.

-Что?

Орци повторил.

- А зачем?..

- Как зачем? - удивился Орци. - Продавать!.. Если сказать Байсагурову, - заторопился он, - их сейчас же арестуют и по проволоке скажут, чтоб задержали вагон! Сказать?

Калой тяжелым взглядом смотрел на брата, и счастье было того, что в наступившей мгле он не видел его глаз.

- Они собираются торговать награбленным. А ты чем? - наконец спросил он.

- Как чем? Я не собираюсь... - растерялся Орци.

- Будь это дома, я изодрал бы твою шкуру!.. - сказал Калой. Орци невольно попятился.

- Наперед запомни: останусь один, но языкатого брата не потерплю!.. Калой пошел. Орци виновато шагал за ним.

- Соси не раз глумился надо мной, - сказал он через некоторое время, - вот я и подумал: не отомстить ли ему?..

- Язык - это бабское оружие! - откликнулся Калой. - А если тебе больше нечем мстить, юбку надень!..

Больше они не говорили. Только через некоторое время Орци, видимо, в ответ на какую-то свою мысль здорово стукнул себя по лбу кулаком.

В эту ночь взвод Бийсархо шел в пикеты. В такой снегопад нужна была особая осторожность, и корнет предупреждал своих людей. Всадники не верили в опасность. Кому придет на ум в метель на двор вылезать! Однако приказ есть приказ.

Орци с товарищем лежали в кустах, в стороне от поврежденной железной дороги. Снег огромными хлопьями валил без конца.

Они завернулись в бурки. И самым сильным их противником оказался сон. Он одолевал обоих.

В полночь на полотне показалась тень. Присмотревшись и не поняв, волк это или собака, всадники, однако, отметили, что животное, прислушиваясь и оглядываясь, бежало от кого-то со стороны противника. Это рассеяло сон, насторожило.

И снова время шло, и ничто не нарушало ночного покоя.

У Орци заныло в животе. «Надо же в такое время!» - с досадой подумал он и решил назло самому себе перетерпеть. Но резь усилилась, стало неважко. В конце концов ему все-таки пришлось подняться и пойти в разбитый домик путевого обходчика, в который они заходили, когда шли на пост.

Соблюдая осторожность, Орци тихонько добрался до дома. В нем по-прежнему все было мертво. Двери и окна сорваны взрывом. Однако здесь снег не слепил глаза и не дул ветер.

Через некоторое время Орци мог уже возвратиться на пост. Но ему так не хотелось снова вылезать на холод, что он решил покурить. Курить он начал недавно, курил плохо и тайно от Калоя. Табачный дым сам по себе не доставлял ему удовольствия, но зато было приятно иметь кист, табак, угощать товарищей и самому угощаться.

Вот и сейчас он скрутил сигарку, сунул в рот и вспомнил: «А спичек-то нет!...»

В это время около дома слышались осторожные шаги. Кто-то обходил его, останавливаясь и, видимо, прислушиваясь. Постояв в дверях, человек вошел в сторожку.

Орци, уверенный в том, что это его напарник, обрадовался и негромко спросил:

- Спички с тобой?..

Но вместо ответа человек нелепо взмахнул руками и отскочил в сторону. В просвете окна Орци увидел австрийца. Страх, как кинжалом, пронзил всадника. Человек бросился к окну, споткнулся о кирпичи, схватился за подоконник. Орци подмал его под себя и прижал к полу. Тот не сопротивлялся, не двигался. Орци сорвал с него пояс с револьвером, сунул оружие себе за пазуху и связал руки. «Притворяется», - мелькнула у Орци мысль, и он также молниеносно замотал лицо пленного башлыком, ноги затянул поясом. Лишь после этого он подумал о том, что враги, наверное, уже приколотили или увели с собой его товарища... «И все из-за этого проклятого живота!...» Он вынул револьвер, ощупал его, взвел курок и выглянул в окно... Там никого не было видно. Тогда Орци, петляя и прячась за кустами, побежал на пост...

Товарищ лежал, ничего не подозревая. Орци увлек его за собой. Они побежали к дому. Пленный оставался на месте.

- Да не убит ли он? - воскликнул напарник Орци.

Он перевернул пленного на спину. Тот был жив, только тяжело дышал и таращил глаза.

Всадники развязали его и повели к себе.

Австриец едва волочил ноги.

В блиндаже при свете фонаря Орци увидел наконец свою жертву. Это был молоденький младший офицер, умиравший от страха. Взгляд его безумно блуждал по бородатым лицам горцев в косматых папах, с огромными кинжалами на поясах.

Видимо, он ждал какого-то ужасного конца.

Урядник послал за корнетом. Бийсархо пришел немедленно. Узнав о случившемся, он велел Орци и второму всаднику идти обратно на пост, а пленного направил в штаб полка.

Через час все пикеты отвели назад. Полк занял оборону. Были предупреждены и соседние части. Атака австро-венгров, намеченная на предрассветный час и рассчитанная на внезапность, была встречена дружными залпами и плотным пулеметным огнем. Понесся большие потери, противник отступил.

Орци получил вторую награду - крест. Неожиданно для самого себя он становился заметным человеком в полку.

Как-то Бийсархо узнал, что Орци прячет револьвер плененного офицера и потребовал отдать трофей. Орци согласился. Он только попросил разрешения поговорить с корнетом наедине, потому что у него-де есть «личный секрет», связанный с этим делом. Когда всадники покинули землянку, Орци приблизился к Бийсархо и зашептал:

- Я этот револьвер сам добыл, рискуя жизнью... Офицер не преподнес мне его. Я боролся! Но я отдам... Отдам... Только сначала хочу, что-

бы вы с Чаборзом вернули в полк два гроба... — Орци улыбнулся. — Те два гроба...

Бийсархо близко видел улыбающиеся глаза Орци. Он готов был разmozжить ему физиономию. Как смел этот хам так говорить с ним, с офицером! Но вместо этого он заставил себя усмехнуться.

- Ну и пройдоха же ты!..

- Мы все пройдохи! - засмеялся Орци. - А что делать? Я понимаю... деньги и мне и тебе нужны! Каждому нужны... Я этот револьвер хочу Чаборзу продать. А вот эту штуку не продам!.. Домой повезу!

Откуда-то из глубины бездонного кармана он вытащил роскошный золоченый портсигар с монограммами и золотыми монетами на крышке. Запирался портсигар кнопкой с драгоценным камнем.

- Где взял? - загорелся Бийсархо.

- У убитого вытащил. - Орци вскинул портсигар, поиграл им и снова сунул в карман.

- Да ты знаешь, за мародерство тебя могут... расстрелять! - воскликнул Бийсархо, умирая от зависти.

- Не расстреляют! - хихикнул Орци. - А хоть и расстреляют, я рискую! Да... Ты вон какое жалованье получаешь и тоже рискуешь... А у Чаборза мало, что ли? А и он идет на риск: водку сюда, гробы — туда... Ха-ха-ха! - Орци тихо смеялся. - А у меня ни лавки, ни жалованья! Царь на царя идет тоже не так, ради геройства, а за что-то! И рискует царь. То ли он победит, то ли его поколотят! Словом, война, я так понимаю, это кто кого осилит, обхитрит, кто у кого вырвет! Ну и мы тоже не должны хлопать

ушами... Свой у своего - нельзя, конечно! А у врага - отчего же? Друг друга понимать надо!.. - Он опять приблизил к офицеру глаза и любезно улыбнулся. - Ну, я пойду...

Когда Орци вышел, корнет на цыпочках подбежал к двери и приник к ней ухом. Он знал, что всадники ждут Орци... Ведь они слышали, как он потребовал сдать трофей.

- Ну? Отнял? - услышал он их голоса.

- Конечно! Не будешь же перечить офицеру! — сокрушенно ответил Орци, и всадники засмеялись.

Успокоенный его ответом, корнет вернулся к столу. Он не видел, как Орци, отвечая товарищам, одной рукой показал из-за пазухи револьвер, а другой похлопал себя по неприличному месту...

Зима эта для кавалеристов проходила без большого урона. Наступление остановилось. Было приказано подменить пехоту, которую отводили для отдыха и переформирования. Противник, видимо, тоже собирался с силами и особенно не лез. Но все равно жизнь в землянках, в окопах или в седле - в зной и холод, в пыль и слякоть под открытым небом - изнуряла людей, заставляла мечтать о мирном времени, о доме.

В феврале нового, 1915 года стало известно, что с поста Верховного главнокомандующего смещен, как его называли, Большой Николай.

Ингуши не понимали, как царь, который был племянником Большого Николая, мог пойти против брата своего отца! Ведь это значит - показать всем, что у них в роду нет согласия, нет уважения! А как на это посмотрят чужие цари?

В часы, когда на позиции наступало затишье и в окопах оставались только часовые, офицеры и всадники залезали в свои «лисы норы»[14]. Там они чинили одежду, играли в карты и передавали друг другу фронтовые новости, невесть как попадавшие сюда.

Однажды в одной из таких нор при свете огарка Калой пытался починить обувь.

К нему подошел всадник и, забрав сапог, сам принялся за дело. Обычно молодые солдаты-горцы всегда старались чем-то помочь своим старшим товарищам.

- Ты лучше расскажи нам, за что Большого прогнали? - попросил солдат Калоя. - Ты ведь все знаешь. А сапоги я тебе почию!

Калой прилег. Тусклый свет делал его бороду совсем черной, и она, сливаясь с концом закинутой бурки, казалась длинной, до самого пояса.

- Приехал, говорят, царь туда, - начал Калой, - где стоит самая главная землянка на войне, и вызывает к себе дядю своего, будто тот ему и не дядя, а племянник. И при всех чужих офицерах спрашивает: «Ну как, не можешь справиться с немцами?..» Все переглянулись, испугались за царя. Знали, что Большой Николай свирепый и очень сильный человек. Другой раз разозлится, как даст по столу кулаком, так доски вдребезги!.. Ну, думают, вклеит он сейчас племяннику-царю оплеуху, да такую, что тот до конца войны глухим останется. Но Большой Николай сдержался при людях. Только гневно посмотрел на царя усталыми, опухшими глазами и сказал: «Я-то с немцами как-

нибудь справлюсь! Лишь бы ты со своими немками справился!.. А то, пока ты водку пьешь, твоя немка-жена нам вместо патронов картинки, на которых боги нарисованы, присылает и себе жеребца по кличке Распутин Гиришка завела...» Ну, думают офицеры, — теперь конец. Убьет-царь Большого. Отбросил царь полу шинели, сунул руку в карман... выхватил платок и освободил в него нос... А потом поднял на дядю опухшие от водки глаза и сказал: «Этого я тебе никогда не прощу и не забуду!..» - и побежал в автомобиль. А когда уже отъехал, оглянулся и крикнул дяде: «Эй! Я лишаю тебя права кричать главные команды! Я сам буду теперь главные команды кричать! Иди домой!!!»

Всадники, затаив дыхание, слушали Калоя. Так вот, оказывается, за что прогнали Большого Николая.

- А дальше что? - спросил кто-то из темноты.

- А что дальше? Офицеры перестали слушаться Большого, и он уехал. Царя слово главным стало.

- Эх! А все-таки здорово он царю выложил! - воскликнул кто-то.

В это время снаружи раздался свисток, загремели выстрелы. Всадники кинулись к выходу. Выскакивая, они разбежались в разные стороны, занимали свои места и, еще не привыкнув к дневному свету, открывали стрельбу, сами не зная, куда и в кого.

Где-то показавшиеся было австрийцы исчезли. Постепенно стрельба затихла, и люди опять потянулись в землянки. На дворе было сыро. На дне окопа - талый снег, слякоть. Калой вернулся на нары. Босые ноги его стали черными от грязи. Он вытер их соломой и прикрыл буркой.

- Ты уже чересчур стараешься! - сказал он парню, который продолжал чинить сапоги. - Мне в них не на смотрины!

- Калой, а откуда ты узнал все про большого Николая? - продолжали выпрашивать всадники. - Так рассказываешь, словно сам с ними был!

- Я там не был, - нехотя отозвался Калой, - но слышал от того, кому рассказывал тот, который сам видел того, кто был при этом!..

- Журна издалека! - протянул один из всадников.

- А ближе никто из нас этой зурны не услышит, - откликнулся другой. - Мы ведь и этого не знали!..

Калой молча надевал готовые сапоги и не намеревался выдавать, что многие новости он узнавал от своего командира сотни Байсагурова, который очень сблизился с ним и нередко рассказывал интересные истории.

Весной всадникам уже не так часто приходилось отсиживаться в окопах. И хотя в них, за проволочными заграждениями, за брустверами, было где укрыться и передохнуть, горцы терпеть не могли траншеи. Они всегда предпочитали движение, маневр, где можно действовать свободно и каждому проявить себя.

Наступление в Карпатах, которое с весны проводило командование, они встретили даже с радостью.

Чаще всего ингушей посылали в разведку. Всадники умели бесшумно проникнуть в тыл врага, чтобы добыть ценные сведения, достать «языка». Многие из них имели за это награды.

Наконец сложила оружие австро-венгерская крепость Перемышль, которая не сдавалась семь месяцев.

С утра до вечера понуро брели по дорогам партии пленных. Их было сто двадцать тысяч! Калою и всадникам казалось, что вся Германия идет в Россию, что после этого должна прекратиться война, потому что у врага, наверно, дома не останется ни одного солдата. Но кончился поток серо-зеленых шинелей, а война продолжала греметь, не затихая ни днем, ни ночью.

В один из таких дней на участке, где находился полк Мерчуле, пехоте никак не удавалось пробиться вперед. Горная дорога и вся местность вокруг находились под постоянным обстрелом артиллерии. Удивляло то, с какой точностью снаряды накрывали шоссе и скопления наших войск. Видно, отличные расчеты управляли батареями. И надо было обезвредить ее.

Смельчаков на это дело нашлось более чем достаточно. Всадники лихо выскакивали из рядов и, крикнув: «Мине тоже керест хочу!» -пристраивались к добровольцам.

Одним из первых вызвался и Калой. Не желание отличиться, как у многих других, и не безудержная молодецкая удаля толкнули его на это, а злость на врага за тех искалеченных, окровавленных русских пехотинцев, которые двигались в тыл сами и на носилках. Опыт, приобретенный на войне, подсказывал ему, сколько легло их там, на этой проклятой дороге, скольких корчат предсмертные муки, если так много раненых идет в тыл.

К вечеру отряд охотников из тридцати человек с корнетом Бийсархо и местным крестьянином-проводником пробрался нехоженными горными тропами в глубокий тыл врага.

Брату Калой не разрешил идти.

С наступлением темноты охотники бесшумно сняли часового наблюдательного пункта и скрутили офицера, корректировавшего огонь. Разделившись на группы, они поползли к орудиям. Австрийцы никак не ожидали появления противника с тыла. Всадники застигли их врасплох. Произошла короткая, но яростная рукопашная. Расчеты врага были порублены.

Калой увидел, как в землянке распахнулась дверь и из нее выбежал человек. Он погнался за ним. Тот начал отстреливаться. Пули свистели рядом. Однако Калой продолжал преследовать его. Наконец он догнал врага и протянул руку, чтобы схватить за шиворот. Но тот неожиданно нагнулся, и Калой перелетел через него. На земле между ними завязалась борьба. Враг был верткий и сильный. Однако хватило его ненадолго. Как только пальцы Калоя легли ему на горло, он захрипел и забился в конвульсиях. Калой приподнял его и ударил головой о землю. Тот вытянулся, обмяк.

Калой встал, прислушался. Вокруг была тишина, и только где-то за дальней горой глухо стреляло оружие. Отряд охотников ушел. Калой забрал у пленного все бумаги, встряхнул его, чтобы он очнулся, и поволок за собой, надеясь догнать товарищей. Но вскоре то ли нарочно, то ли в самом деле обессилев, немец рухнул на землю. Калой выругался по-русски, взвалил его на плечо и пошел дальше. Шел он, как казалось ему, к своим. Но в сплошном кустарнике трудно было определить направление, и, вспомнив, что по пути сюда он видел Медведицу позади, Калой направился прямо на нее.

Через некоторое время он остановился, снова прислушался. По-прежнему было тихо. Калой решил нарушить приказ, закричать. Может, свои где-то рядом.

- Во-о-о! Ми-ча-д шо-о?[15] - раздалось в ночи.

- О-о-о! — ответили холмы, и снова все замолкло.

Немец от неожиданности вздрогнул. «Значит, притворился, чтобы измучить меня и бежать», - решил Калой и, сбросив пленника на землю, выхватил кинжал, срезал все застежки с его штанов, распорол их сзади пополам, выбросил пояс и велел идти, поддерживая штаны руками. Увидев метровый кинжал, пленный перестал притворяться и зашагал.

Как ни странно, но он тоже шел на Медведицу. Только один раз Калой увидел, что они идут к Медведице боком. Он остановил пленного, поводит кончиком кинжала у него перед глазами и коротко сказал:

- Иди Россей!..

Поняв безнадежность своего положения, немец тяжело вздохнул и зашагал к Полярной звезде.

Калой шел следом, поглядывая то на звезды, то на блестящий шар бритой головы пленного.

Как только батарея перестала бить по дороге, пехота двинулась вперед. Командование поняло, что отряд охотников выполнил свою задачу.

Еще до рассвета Бийсархо рапортовал о выполнении приказа, сдал пленного корректировщика, доложил, что орудия выведены из строя, а их расчеты уничтожены. При этом в отряде оказалось пять раненых и один, очевидно, убитый.

Сотня Байсагурова была потрясена, когда узнала, что не вернулся их признанный тамада Калой.

Орци подъехал к командиру и сказал, что пойдет на поиски брата.

- Уходить нельзя. Взвод наш и так уже поредел, - ответил Бийсархо. - Я не разрешаю тебе отлучаться! Не у тебя одного потеря...

- Я должен пойти за ним, - сдержанно повторил Орци. - Мне все равно, как поступают

другие. Я найду брата живым или мертвым!

Дело дошло до командира сотни. Байсагуров отпустил Орци.

- Потакаешь! А я должен дисциплину поддерживать!... - вспыхнул Бийсархо.

- Мои приказы не обсуждать! - строго оборвал его Байсагуров. - Вы, господин корнет, не сделали никакой попытки найти своего лучшего «охотника»! Так людьми не разбрасываются! Если бы не отличное выполнение задачи, я бы еще спросил с вас за это! Пошлите с Орци одного из тех, кто там был и знает дорогу...

Бийсархо козырнул и, повернувшись по форме, ушел.

Полк получил приказание изменить маршрут, перейти через горный кряж и атаковать с тыла засевшего в местечке противника.

Байсагуров подозвал Орци и объяснил ему, где на обратном пути он должен искать своих.

- Вас-то я найду. Найду ли брата - не знаю... Бийсархо нарочно бросил его там... — И затаенная угроза послышалась в голосе всадника.

- Не говори, чего нельзя подтвердить, - остановил его командир. Орци покачал головой.

- Э! Ты не знаешь! Он ненавидит меня и брата за то, что мы раскусили его... Да к тому же он пасется у Чаборза, а тот сожрал бы Калоя и меня живьем... Твою доброту я не забуду...

Уже прозвучала команда «Садись!» и полк приготовился выходить на дорогу, когда все увидели, что из садов, где они провели ночь, бегут два человека.

В одном из них всадники сразу узнали Калоя. Второй оказался немецким офицером.

Гул радостных голосов пронесся над полком. Друзья Орци хлопали его, поздравляли, обнимали.

А у пленного вид был очень странный. Без кивера, босиком, он бежал, подпрыгивая и упираясь в бока снятыми сапогами.

Когда они приблизились к командиру полка, Калой взмахнул ладонью, словно ему в глаза попала муха, это должно было означать, что он отдал честь, и громко отрапортовал:

- Гаспадин вашава-соки балга-ародия командир Ингушки полку, полковник Мерчули! Эта джирный свина ночи бежал, я его держал, суда таскал! Пирнимай! Яво мне очень надоел. Се время бар-бар... Эта бумага яво карман била. - С этими словами Калой отдал командиру полка все взятые у пленного документы.

Мерчуле прочитал их с помощью переводчика и с любопытством посмотрел на офицера, который оказался полковником генерального штаба, прикомандированным к батарее для проверки качества усовершенствованных снарядов.

- Господин полковник, - обратился к нему Мерчуле, - офицер везде должен оставаться офицером, даже в плену! Как вы стоите? Что вы держите сапоги, как цыган на базаре?

Когда немцу перевели это, он выкатил круглые от злости глаза и, брызжа слюной, надтреснутым голосом громко ответил:

- Как я понимаю, вы главарь этой ватаги. Да, я офицер! Поэтому меня могли убить в бою, взять в плен, содержать в тюрьме, подвергать пытке, могли расстрелять! Но издеваться над моей честью никто не имеет права!

- Вы разговариваете с командиром полка и потрудитесь стать во фронт! - крикнул Мерчуле.

- Вы этого хотите? Пожалуйста! - полковник бросил сапоги и опустил руки по швам. И тотчас же штаны его развалились и сползли до колен.

- Что за безобразие! Позор! - закричал Мерчуле. Полк хохотал.

- А это вы спросите своего папуаса! - ответил пленный, и, подобрав штанины, снова уперся руками в бока.

Мерчуле строго посмотрел на Калоя.

- Что это значит?

- Мене один казак учил. Когда штана пуговица нет, тогда бижат не-лизя. Штана держат нада. Когда сапог руках, тоже босый нога сапсем болит и яво сапсем бежат не могу.

- Как ты дорогу нашел сюда? - спросил Калоя командир полка, с трудом удерживаясь от смеха.

- Я не нашел. Он нашел, - показал Калой на пленного. - Я говорил, иди Россей! Кинжал показал. Тогда яво пирамо суда ходил. Яво очинь хорошо Знаю, гиде Россей!..

Лошадь Калоя была тут же, и он занял свое место во взводе. Только взглядом обменялись они с Орци. Люди не должны были знать об их чувствах. Счастливый Орци сидел на своем куцехвостом великане из числа тех, что он с товарищами недавно угнал у неприятеля.

В последнее время начальство за каждую добытую у врагов лошадь платило всадникам хорошие деньги, и они наперебой стремились попасть за линию фронта, пойти в разведку, выкрасть у врага коней.

Направив пленного в дивизию и объявив, что он представляет Калоя к «Георгию», Мерчуле повел полк в горы.

И над кавказской конницей хоть и не совсем стройно, но бодро и весело поднялась песня - верный друг всякого солдата:

Ми не знаю страха,

Не боится пули!

Нас ведут атака

Харабрий Мерчули!

Пушки ми отбили,

Ради от души!

Вся Россия знаю

— Джигити ингуши...

Совершив стремительный бросок, полк задолго до вечера вышел на исходную позицию.

Но, видимо, неприятель был осведомлен об этом и принял контрмеры. Разведка донесла, что сбоку от местечка, в лесу, скрывается венгерская конница. Тогда Мерчуле пустил одну сотню в направлении местечка, чтобы выманить на нее врага и ударить ему во фланг.

Маневр удался. Венгерская конница на громадных гунтерах[16] выступила из лесу, как на парад. Под лучами заходящего солнца сияли орлы на касках, белели метелки султанов. Полк с развернутым штандартом сначала двинулся шагом. Потом сверкнул лесом никелированных палашей и перешел на рысь.

В это время с русской и с венгерской стороны на двух трубах прозвучало: «В атаку марш-марш». И вдруг венгерский гунтер Орци узнал свой сигнал и, закусив удила, помчался к своим.

Орци делал невероятные усилия, чтобы остановить его, но тот, повинаясь приказу, карьером неся вперед. Орци оглянулся. Полк остался позади.

Венгры поздно заметили угрозу с фланга. Перестроиться у них уже не было времени. Они дрогнули и начали поворачивать назад.

Орци на глазах у всех один врезался в их строй и замахал клинком направо и налево. Обезумев от ужаса, он кричал, визжал и рубился, не замечая ранений. А когда он подумал, что пришел конец, потому что шашка стала вываливаться из рук, его захлестнуло лавой своих.

Сверкали клинки, взметались бурки, волчьим воем были всадники, настигая уходящих врагов.

Бой длился минуты. Но Орци казалось, что прошла вечность. Вот он увидел брата. Калой скакал за офицером. Тот поднял коня на дыбы, закрылся им и взмахнул клинком... Орци зажмурился. А когда он снова посмотрел, лошадь офицера валилась на землю с напрочь отрубленной головой. С нею вместе падал седок, подняв руки вверх... Но поздно... Ужасный удар Калоя развалил его надвое...

И вот уже все кончено. Гонят серых от страха, спотыкающихся, дрожащих пленных. В их глазах еще мечется ужас смерти. Кто-то ловит коней, скачущих по полю и ржанием вызывающих к своим седокам, которым уже никогда не подняться. Санитары подбирают раненых.

Но опять трубит труба, полк карьером летит на ее зов. Опять слышится: «В атаку марш-марш!» - конники с тыла врываются в улицы местечка, куда отступила с фронта вражеская пехота. Где-то стреляют, кто-то кричит, кто-то командует... Кто-то кого-то рубит... Валяются люди... Тянутся к небу молящие о пощаде руки... Руки, которые только что сами убивали русских солдат...

- Пленных не бить! - кричит Байсагуров.

Всадники не слышат его. И только когда уже никто с земли не встает, они приходят в себя, лязгают зубами, озираются, не выпуская из рук окровавленных сабель. И наконец на смену ярости приходит усталость. Пустеет душа...

По поселку идут цепи русских солдат. Обросшие, в грязи, в пыли, с винтовками наперевес. Шагая через трупы врагов, они здороваются со всадниками, говорят им какие-то слова благодарности за поддержку и идут дальше на новые рубежи.

Около дома, занятого под штаб полка, лежат ряды всадников, для которых этот бой стал последним.

Им в родном краю, где-нибудь у дороги, поставят белые камни. Но никто из родных никогда не придет сюда, в далекие Карпаты, на их одинокую могилу.

Подскакал Мерчуле. Спрыгнув на землю, снял шапку, постоял с опущенной головой, потом посмотрел на всадников, окруживших его, и громко сказал:

- Выше голову, орлы! Каждому Богом дан его путь и срок. Вечная память нашим братьям! Вечная слава им! - И, надвинув на лоб папаху, крикнул: - Трубач! Сбор!

И снова: «По коням!» «Равняйся!..» «Садись!..»

- Эги Орци! - вызывает командир полка. Орци выезжает. У него на голове повязка. Она прижала ему уши, и он стал не похож на самого себя.

- Под штандарт!

Орци подъезжает к штандарту.

- Орлы Кавказа! - говорит Мерчуле. - Многие из вас в этом бою заслужили награду и получают ее. Но этого человека, который первым ворвался в стан врагов, видели все. Вот каким должен быть воин! Спасибо тебе! Ты настоящий герой! «Не я, - хотел сказать Орци, - а эта проклятая лошадь, которая силой потащила меня в самый ад...» Но вместо этого он отдал честь и, бодро крикнув: «Рад а старатс!» - встал на свое место во взводе.

- Равнение на-пра-во-о! Ша-го-о-ом ма-а-а-рш! - скомандовал Мерчуле. И полк пошел мимо навеки уснувших земляков. Пошел, отдавая последнюю почесть солдатам России.

- Да сжалится над вами Аллах! - сказал Калой. - А мы здесь, кажется, совсем разучились жалеть...

- [1] Цу мажиргиш - комочки из жареной кукурузной муки с маслом (инг.).
- [2] Дягистане - Кавказ (инг.).
- [3] Мозгар - священник. Буквально - зудение мухи (инг.).
- [4] Здесь и дальше все даты по старому стилю.
- [5] Девушкой рожденный - первенец (инг.).
- [6] Элу - общество, множество людей (инг.).
- [7] В ингушском языке вежливой формы обращения на «вы» к одному лицу не существует.
- [8] Гурда — особый род знаменитых старинных клинков (кавказ.).
- [9] Три креста - самое быстрое движение, карьер.
- [10] Татарским назывался Азербайджанский полк.
- [11] Кес-ке-се? - Что это? (франц.).
- [12] Траверсом — боком.
- [13] Ренненкампф — генерал, командовавший Первой русской армией в войне 1914 года.
- [14] Лисьи норы — род землянок, вырытых с выходом в окоп.
- [15] Во! Мичад шо? - Эй! Где вы? (инг.).
- [16] Гунтер — порода лошадей.

Глава восьмая. "Я — комитет!"

1

Почти месяц русские наступали. На Юго-Западном фронте они были уже под Краковом, но дальше не пошли. Тыл не давал подкреплений. Это вызывало глухое недовольство солдат.

Недели через две противник перешел в контрнаступление и в начале мая прорвал фронт. Истощенные русские войска отходили с боями. А когда нависла угроза гигантского окружения всего Западного фронта, Ставка вынуждена была оставить Польшу. Солдаты ничего этого не знали и не понимали, почему им приказывают отступать.

Кавалерийские части прикрывали отход пехоты и вели тяжелые арьергардные бои.

Только к осени иссякла наступательная сила австро-германских войск. Но выполнить свою задачу: вывести из строя Россию - они не смогли. Голодные, плохо вооруженные, обескровленные русские армии продолжали сопротивляться.

Фронт снова зарылся в землю, окопался, опоясался рядами проволочных заграждений. И опять пришла зима с морозами, слякотью, недоеданием и вшами. Иногда на передовой вспыхивали перестрелки и велись короткие бои местного значения.

Зато в штабах снова разрабатывались планы будущих операций, и тылы лихорадочно готовили для новых ударов людские и материальные резервы.

Весною Калой попал в госпиталь. Во время разведки его ранило в ногу. Он считал, что может остаться в строю, и не хотел уходить из части, но Байсагуров посоветовал ему:

- Ложись! Хоть отдохнешь немного. А может быть, врачи и вовсе спишут домой? Все-таки тебе не двадцать лет!

Калой удивленно посмотрел на командира:

— Я не понимаю, о чем ты? Как я могу уехать, оставив всех здесь? Больше об этом они не говорили. Но в госпиталь Калой все же попал. Рана гноилась и беспокоила.

В госпитале излюбленным местом Калоя стал коридор, в конце которого до самого потолка громоздились парты.

Тут солдаты курили, играли в очко и вели долгие беседы обо всем, даже о судьбе России.

Разных людей пришлось повидать здесь Калою, разные мысли услышать.

Одни говорили, что войну пора кончать, а царя гнать с народной шеи. Другие называли таких бунтовщиками и немецкими шпионами.

Споры эти на многое открывали ему глаза.

Однажды вечером, уже перед самым отбоем, к Калою подсело несколько дружков. Один из них получил письмо из деревни и растревожил всю палату. Из дому писали о разрухе и голоде.

Долго держал солдат письмо в руке, потом сунул его в карман и кое-как, еще совсем неловко, скрутил одной рукой сигарку.

- Чиркни, Филипп! - попросил он соседа.

- Надоел ты, - огрызнулся владелец зажигалки. - Весь камень на тебя одного источил!..

- Не срамись, скареда! Кончится война, я тебе горсть этих камней отдам.

- Ишь, какой добрый нашелся! — рассмеялся Филипп. — После войны! Ты только не забудь ворону заказать, чтоб он адрес запомнил, под какой корягой твой шкилет будет обдирать. Тогда и мы узнаем...

- После войны... Сказанул! - попыхивая сигаркой, ухмыльнулся еще один раненый.

Тоскливый получался разговор.

- Конечно, дело наше ненадежное, - согласился раненный в руку, - впереди — австрияк, позади — военно-полевой, а между ними наш брат, серая вошь с порожним брюхом... Картина!

- Да нынче и в тылу только та привилегия, что немца не видно! — сплюнув, пробасил

парень с сигаркой.

- Что немец? Это - враг. А свои-то лучше, что ли? Пишут жа: хлеб да скотина - все к перекупщику ушло! Надо тебе, иди и бери у него втридорога... - раненный в руку говорил негромко. Но ни одно его слово не пролетало мимо друзей. - И в городе, конечно, то же. Рабочие ради матушки России по осьмнадцать часов, с молотком, а прибыля -дяде...

- А нам зато почет! - весело отозвался Филипп. - За храбрость - медаль на грудь! А за дурость - генеральский зад на шею!

Незаметно подошел прапорщик. Знали его здесь как выскочку из приказчиков. Он числился в контуженных, но солдаты между собой окрестили его симулянтом.

- Доболтаешься ты, Филипп! — сказал он чистеньким тенорком. И, напустив на себя важность, строго объявил: - И вообще пора прекратить эти разговоры!

- На чужой роток не накинешь платок! - откликнулся Филипп.

- Вам, господин прапорщик, промеж нас делать нечего, - спокойно заметил раненный в руку.

- Темень вы! Деревенщина! - обозлился прапорщик. - Вас жида агитируют кончать войну, а вы и уши развесили... Немецких шпионов не понимаете!

- И то верно! - сказал Филипп, со свистом высморкавшись, и многозначительно добавил: - Не верь речам чужим, а верь глазам своим!..

Солдаты засмеялись. Прапорщик понял, что над ним насмехаются.

- Пора на ужин... - начал было он, но Филипп перебил:

- Хлеб да вода - богатырска еда! Солдатикам — тюря, командиру — куря...

Прапорщик со злостью посмотрел на него. Но тот глаз не отвел.

Это был парень сорвиголова. Разведчик. За дерзость он уже побывал в военно-полевом суде, да четыре «География» выручили. Прапорщик боялся его, но и спустить ему не хотел.

- погоди! Ты у меня заработаешь! - пригрозил он так неуверенно, что, почувствовав это, сам покраснел до ушей и разозлился на себя.

- Ваше благородие! - громко и даже с оттенком игривости обратился к нему Филипп и вдруг, перейдя на шепот, пустил скороговоркой:

А курица — не птица!

Баба - не человек!

Прапорщик — не офицер!

Жена его — не барыня,

А ротного кухарка!..

Солдаты весело рассмеялись.

- Катись-ка ты колбасой! Пока я твою кастрюлю не сплющил!.. Что-то пробормотав и задохнувшись от ярости и бессилия, прапорщик удалился. А Филипп, как ни в чем не бывало, добродушно запел:

Жила-была прачка

Звали ее Лукерья

А теперь на хронте — сестра милосердия!

Жил в Москве извозчик. Звали все Володя!

А теперь на хронте — да ваша благородя!..

Иной раз от желания понять этих людей у Калоя начинала болеть голова. Но главное он все же хорошо усвоил: народ в России устал от войны и что-то уже делает, чтоб покончить с ней.

И было это ему очень по сердцу.

Позже, вернувшись в полк, он долго и подробно рассказывал своим обо всем, что здесь увидел и узнал. Рассказывал о Филиппе, о прапорщике. И горцы удивлялись, как мог солдат позволить себе такое против офицера. Только об одном человеке умолчал Калой...

Появление Калоя в госпитале сразу привлекло к нему внимание.

Кое-кто из раненых попытался проехаться насчет его роста. Но Калой так резко оборвал их, что второй раз никто не пытался повторить шутку.

Перевязывали раненых в большом классе, куда заходило сразу по несколько человек.

Осматривая Калоя, врач обнаружил у него сквозное ранение в икру. Оно не было опасно, но рана оказалась запущенной.

Калой сидел на топчане, согнув над чашкой ногу.

Когда хирург начал обрабатывать рану, сестра милосердия, которую все здесь с уважением называли Анной Андреевной, встала за спиной Калоя и осторожно, но твердо взяла его за голову и прижала к себе.

Калой медленно повернулся. Глаза их встретились: ее - спокойные и ласковые, его — полные удивления. Они смотрели друг на друга несколько дольше, чем надо было.

«Что за человек?..» - подумал Калой и в это время услышал ее мягкий, немного певучий голос:

— Больно... Ничего не поделаешь... сейчас пройдет... Без этого нельзя... А то можно и ноги лишиться...

Калой сконфуженно улыбнулся и освободил из ее рук голову.

— Я не сказал болит... Я не мальчишк... Это такой болит — чепуха! Раненые переглянулись. Даже врач с любопытством посмотрел на

него. Здесь все знали, какая это «чепуха», когда зондом насквозь проходят рану и продевают в нее фитиль.

На следующий день Анна Андреевна перевела Калоя в маленькую отдельную каморку, принесла два табурета и удлинила топчан.

Калой от души благодарил ее. На обычном топчане он не мог вытянуться. А в общей палате, где некоторые солдаты курили даже ночью страдал от табака.

С тех пор каждый день чувствовал он внимание этой женщины, ловил ее случайные взгляды. И его потянуло к ней. Утром он с нетерпением ждал, когда она придет в палату. Потом с тайной радостью шел к ней на перевязку. Ждал, когда после отбоя, перед сном, она на миг появится у него, по-хозяйски дотронется до каких-то вещей на столе, подоткнет выбившуюся простыню, улыбнувшись, скажет «спокойной ночи» и выскользнет в коридор, мягко прикрыв за собой дверь.

Это была необыкновенная женщина. Иногда Калою казалось, что она вот сейчас возьмет да и заговорит с ним на его языке. Такой близкой, родной стала она ему.

Когда он видел ее, к нему приходила радость. Когда почему-то ее не было, он хмурился и все вокруг ему казалось потерявшим цвет.

И вот однажды Калой крепко задумался над тем, что с ним происходит. А задумавшись, пришел к мысли, что враг Аллаха толкает его на неверный путь. И он решил не поддаваться. Но когда борьба с самим собой стала не под силу, когда он почувствовал, что ищет повода видеть Анну Андреевну чаще обычного, а ночью, во сне, она до утра не покидает его, он пошел к начальнику госпиталя и попросился в полк.

На другой день, получив документы и вещи, Калой обошел палаты, прощаясь с солдатами и «медициной». Всем он сказал свое «пасиба». Расставались с ним люди с сожалением. Не увидел Калой только Анну Андреевну.

Он вернулся к себе. На столе лежало свежее белье. Калой разделся до пояса и начал надевать рубаху. Когда он кое-как напялил ее на себя, она с треском разлезлась на спине. Послышался смех. Он обернулся. В дверях стояла Анна Андреевна.

Лицо этой женщины всегда поражало его своей белизной. Но сегодня оно казалось еще белее. Она перестала смеяться. Ее синие глаза смотрели на него с грустью.

— Сними. Это ж не твое белье. Вот твое. Я принесла... Примерь... Желая за грубоватостью скрыть свое смущение, Калой, словно и вовсе не стесняясь ее, начал стягивать с себя рубаху. И она снова затрещала по всем швам.

- Подожди! Дай помогу, а то и починить не удастся! - воскликнула Анна Андреевна. — Сядь. Подними руки...

Калой с трудом вылез из рубахи. И тогда Анна Андреевна увидела на его широкой груди, на руках рубцы от глубоких ран.

- Что это? - удивилась она.

- Молодой был, медведем дрался, - ответил он просто и надел поданную ему рубаху. Эта оказалась впору.

- Почему так рано уезжаешь? - спросила Анна Андреевна, отведя глаза в сторону. - Нога ведь еще не зажила...

Калой помолчал, подбирая нужные слова, и, тоже не глядя на нее, ответил:

- Нога - чепуха болит! - И добавил: - Ты болит. Очень... Она залилась краской.

- Разве я сделала тебе что-нибудь плохое? Он замотал головой.

- Нет. России большой. Много луде я видал. Разный народ. Такой, как ты, не видал. Плохой!.. - Он усмехнулся. - Ты разве можно плохой делат?.. Плохой - война. Плохой - ты молодой, я нет... Я говорил себе: Калой, какой твой дело сегда этом женчин смотреть хочу? Держи себе... Я так сказал, а сердца не принимаю. Тогда я сказал: Калой, уходи. Твой дело тут нет. Иди война. За этим иду... Нога - чепуха болит! Сердца - другой дело.. Нога терпит можно...

Она все поняла. Но до сих пор она не могла понять одного: почему ее, жену коллежского советника, избалованную вниманием мужчин, женщину другого круга и воспитания, с первого взгляда потянуло к этому простолюдину-горцу?..

Узнав, что он сам попросился из госпиталя, она всю ночь не сомкнула глаз.

Между ними не было ничего. Не было сказано ни одного лишнего слова, но она была уверена: он разгадал ее мысли и чувства, все понял и, не видя иного выхода, решил оборвать протянувшуюся нить, которой рано или поздно все равно суждено было оборваться.

И вот он подтвердил эту догадку. Она смотрела на него, большого и с виду грубого человека, и удивлялась той чуткости, которая оказалась в нем.

А когда мелькнула мысль, что завтра она уже не увидит его и он, наверно, будет где-то убит, навалилась боль, пришли слезы, и она, не отдавая себе отчета, кинулась к нему...

Она целовала его торопливо, нежно и ушла так же неожиданно, как и появилась.

Калой оцепенел. Мысли спутались. Шумно билась кровь в висках. Глаза все еще

видели ее... удивительную...

Наконец он тяжело вздохнул и стал быстро собираться.

«Не пытайся делать того, что не может привести ни к чему...» - проносилось в его голове.

Выйдя на улицу, опираясь на костыль, Калой направился на вокзал.

Через несколько шагов он оглянулся. В окне второго этажа стояла она. Отсюда он не мог различить выражение ее глаз, ее лица. Но со всей остротой и болью Калой почувствовал: она зовет... просит вернуться... И снова: «Не пытайся делать того, что не может привести ни к чему», - сказал ему внутренний голос, и он отвернулся, зло посмотрел на свой костыль, в сердцах запустил его через крышу двухэтажного дома и пошел...

Он шел своей легкой походкой, не хромя, положив одну руку на кинжал. А в окне стояла женщина в белом...

Такой и осталась она в его памяти на всю жизнь. Вот об этом никому из своих друзей не поведал он.

Хорошо, когда люди умеют оставаться людьми.

2

В полку многие не сразу узнавали Калоя. Пришлось ему рассказывать, что в госпитале стригут всех подряд, чтобы ничего в волосах не заводилось. Мужчину, который хотел его побрить, он прогнал. Но когда явилась санитарка, он не мог сопротивляться, потому что касаться руками чужой женщины неприлично, а она смело двинулась на него и сразу отхватила ножницами полбороды. Хорошо, что усы разрешили оставить. А то и вовсе был бы похож на бабу. Но выглядел он теперь моложе Орци.

Вечером денщик Байсагурова позвал братьев Эги к командиру. Полк занимал большую деревню, и командир сотни жил в отдельной комнате.

Офицеры-ингуши не были с подчиненными запанибрата. Но отсутствие в их языке обращения на «вы», традиция уважения к старшему по возрасту, почитание даже отдаленного родства, а главное, кровная месть за обиду создавали между ними такие взаимоотношения, которые во многом отличались от тех, что существовали в армии. Особенно это было заметно во внеслужебной обстановке. Поэтому, когда Калой и Орци вошли, Байсагуров встал и пригласил их как гостей сесть. Калой сел. Орци остался стоять у дверей.

- Я позвал вас, - сказал командир, - чтобы прочитать письмо от ваших родных. — Он вынул из конверта вчетверо сложенный лист.

Калой и Орци были очень взволнованы. Что принесла эта бумага: радость или боль? Ведь скоро два года, как они здесь.

«Дорогие наши братья и мужья, - начал читать Байсагуров, переводя каждую фразу на

ингушский язык, - в первых строках этого письма мы посылаем вам наш горский салам и привет от всего сердца!»

При этих словах Калой почтительно привстал и ответил:

- Салам и здоровья и вам от всех нас!

Байсагуров продолжал: «Мы все живы и здоровы, чего и вам желаем. Почему вы так долго не кончаете войну? Без вас здесь трудно. Ведь когда вы уезжали, наша красная корова отелилась. А теперь эта телка сама скоро будет телься. И еще сообщаем: умер старик Кагерман, Да-линой матери брат и гойтемировский старик Боскар. Умерли и другие, но про всех писать не будем, вам хватит и этих...»

- Да простит их Аллах! - сказал Калой.

- Да простит их Аллах! - повторили за ним шепотом Орци, денщик и даже сам Байсагуров.

«В жертву за брата матери Дали мы отвели серого быка... Но они отослали его обратно. С женщин, сказали, не надо ничего».

- Как серого? - воскликнул Калой. - Это же телок. За дядю моей жены - телка? Какой позор! Потому и вернули...

- А ты откуда знаешь, что это телок? - удивился Байсагуров. - Тут написано «быка»...

- Что ж, я свою скотину не знаю, что ли?... — возмутился Калой.

- Да серому теперь два с половиной года, — вмешался в «разговор Орци. - Ведь мы его оставили два года тому назад полугодовалым!..

- Да! Верно! Ну, тогда хорошо! - успокоился Калой. - А я и забыл, что мы здесь так давно. Читай, пожалуйста, еще.

«Дали и Гота хотят, чтоб вы вернулись, - прочитал Байсагуров. - Село из десятой доли помогает им. Но лучше, когда хозяин дома. Ча-борз присылает ящики с винтовками. Их хорошо берут. Неужели вы вдвоем не можете для нас отвоевать хотя бы один ящик? Только посылайте с патронами, а то Сафарбек из Цори хотел загнать в австрийскую винтовку русский патрон, а тот лопнул, выбросил ему в лицо железки и испортил винтовку. Так что деньги его пропали, и лицо стало рябым. Лошадиных гвоздей у нас тоже нет. У всех подковы звякают. А хлеба в городе мало. Но вы там не умирайте и скорее кончайте войну. Нельзя же всю жизнь воевать. На этом все. Скоро начнем пахать. К сему ваш брат Иналук, жена Калоя Дали и жена Орци Гота. Отписал писарь Джа-рахского участка. Очень хороший человек. Это говорит не он, а я, ваш кровный брат и старшина Иналук».

- Большое тебе спасибо, Солтагири! - сказал командиру сотни Калой. - И им спасибо. И тому писарю спасибо. Да, наверно, он очень хороший человек.

- А вы писали домой? — спросил братьев Байсагуров.

- Нет, — ответил Калой. — Мы не умеем. А просить неловко. Каждый занят своим...

- Надо сейчас же написать, - сказал командир сотни. - Не сегодня-завтра снова начнутся бои... Зачем откладывать? А им это будет большая радость. Говори, я запишу. - Он раскрыл чистую тетрадь, отточил карандаш. - Я готов.

- А я даже не знаю, что им писать, - растерялся вдруг Калой.

- Говори то, что ты сказал бы им, если б они были сейчас здесь, - подсказал Байсагуров, и Калой неуверенно начал диктовать:

«Я тоже посылаю вам привет. И Орци посылает. Мы тоже очень хотели бы домой, но отсюда уезжают только в деревянных ящиках. А мы не хотим так. - Байсагуров улыбнулся. Это ободрило Калоя. - Вам не нравится, что мы не кончаем войну. А нам не нравится, что ее начали. Ну, а раз она есть, мы делаем свое дело и имеем кресты. Война эта, как осетинская лезгинка. То мы идем вперед, а они отступают, то они идут на нас, а мы пятимся. Но всякая пляска имеет конец. Кончится и эта война. Есть люди, которые говорят, что для того, чтобы кончился танец, надо у музыканта отнять гармонию. Удастся им это или нет - не знаю.

Нам очень жаль тех, которые умерли дома. Но у них есть могилы. А здесь каждый день умирает столько, что им и могил не хватает. Всех в одну яму кладут. С едой сейчас у всех плохо. Но пока нам дают хлеб, мы не пропадем, потому что мясо к нему сами достаем у наших врагов.

Много дырок на нашей одежде. На шкуре тоже были. Будут еще или нет - никто не знает. Чтоб не было больше, молимся Аллаху. Но война - это такой шум, иногда даже сам себя не слышишь, а слышит нас Аллах или нет - узнаем, когда умрем. На небе теперь тоже война. Здесь люди на крыльях летают и стреляют друг в друга. А другой раз и вниз железные банки бросают. Банки лопаются и летят нам в головы. Теперь еще дым стали пускать такой, что люди от кашля умирают. Все это, конечно, от Аллаха! А мы что!

Есть у нас немного денег. За кресты платят и за лошадей, которых у немцев воруем. Наше начальство покупает у нас. Правда, цену дает небольшую, но куда бы мы их здесь девали? Эти деньги тоже отошлем вам, а вы на все купите зерно. Без мяса жить можно, а без хлеба - смерть. Когда все люди и лошади здесь воюют, откуда же хлебу быть? Купите зерно.

А винтовки, как Чаборз, мы вам слать не будем. Самим не хватает. К нам приходят новые солдаты с пустыми руками. Кончились у царя винтовки. И ждут эти солдаты, когда убьет товарища, чтобы его винтовкой воевать.

Если вернемся, хорошо. Если не вернемся, не горюйте! Значит, была на то воля Аллаха!

Берегите нашего сына. Передайте горячий салам и моршал[1] всему аулу.

Это письмо для вас написал очень хороший человек, наш земляк Байсагуров Солтагири. Ему тоже спасибо.

Я - Калой и мой брат Орци.

Еще. Мне доктор отрезал бороду, и я пошел назад — молодой стал. Живите счастливо».

Когда письмо было закончено, Калой спохватился. Оказывается, он забыл написать самое главное.

И Байсагуров по его просьбе добавил:

«А с Чаборзом нас нечего сравнивать. Мы всегда впереди первых. И перед людьми наши лица белые. А он за полком, как ворон за пахарем. Идет и червей подбирает, он ни разу не был в бою, вместо крестов на груди у него лавка за спиной. Торгует едой и питьем, теплыми штанами и еще разный шурум-бурум продает. Все!»

Когда письмо было закончено, денщик подал на стол вареную конину, хлеб и спирт.

Настала полночь, а Байсагуров все не отпускал своих гостей. За ужином он пил один. Пить он умел, но, выпив, не мог удержаться от разговора. Он с увлечением рассказывал гостям о подвигах своего отца, который участвовал в последней турецкой кампании. О том, как тот из аманата вышел в офицеры и как не хотел, чтобы сыновья пошли по его стопам. Сначала он определил Солтагири в университет. Но за участие в собраниях и демонстрациях 1905 года его оттуда вместе с товарищами выгнали. И тогда заслуги отца помогли ему кое-как устроиться в кавалерийское училище.

Горцы почтительно слушали его, а он говорил, говорил, шагая по комнате и изредка поглядывая на себя в зеркало. На столе горела оплывшая свеча. Слабый свет еще больше подчеркивал бледность Солтагири.

От разговоров о своей жизни он вернулся к письму Калоя.

- Я написал все, что ты хотел, - сказал он, встав против него. - Но в нем ты говоришь о таких вещах, за которые, если узнают, тебя по головке не погладят! Ты высказываешься против войны, против «гармониста»! Это политика! А солдату политикой заниматься запрещено. Наше дело - воевать.

Я на всю жизнь получил урок за политику! Но то было мирное время. А сейчас знаете, чем это пахнет? Я уважаю вас. Мы земляки, вместе воюем, над нами равно витает смерть. И запомните мой совет: не наше это дело! Мы при России, а не она при нас. И пусть они решают свои дела, как хотят. Нас слишком мало, чтобы ввязываться еще и в их жизнь...

Есть у них разные партии, в которых одни хотят одного, другие - другого. Есть и такие, которых немцы наняли мутить солдат, чтобы легче расправиться с ними. Только все это до поры до времени! Романовы правили триста лет! И еще триста будут! Народ русский терпеливый! А наша хата с краю... - Байсагуров вдруг замолчал, задумался о чем-то.

- У тех русских, с которыми мне приходилось говорить, мало осталось терпения, - сказал Калой. - И до наших доходит...

- Что? Да... Ну в общем не нам это решать. Мы присягали царю и отечеству и будем с честью до конца выполнять свой долг! - скороговоркой сказал офицер, видимо, желая

прекратить этот разговор.

В дверь постучали.

- Войдите!

В комнату стремительно вошел Бийсархо. Окинув взглядом всех и взяв под козырек, он обратился к Байсагурову:

- Ваше высокородие! Четвертый взвод с нуля в карауле. Разрешите забрать людей? - И, обращаясь к Калою, гаркнул: - Всадник Эги, потрудитесь встать перед офицером! - Калой побледнел, но встал.

- Разрешаю! - сказал Байсагуров. - А вам остаться.

Когда Калой, Орци и денщик вышли, он подошел к Бийсархо и, обдавая его запахом спирта, покачиваясь с каблуков на носки, сказал:

- Твоя манера разговаривать и вести себя с людьми кончится плохо... Или тебе кто-нибудь из офицеров сбреет голову... под подбородком, или от кого-нибудь из нижних чинов ты получишь пулю в затылок.

- Но зато меня не разжалуют за излишний демократизм! — ответил корнет, не опуская глаз.

Байсагуров отошел к столу, налил из баклажки две стопки спирта и, протянув одну Бийсархо, иронически улыбнулся.

- Гость! - сказал он. - А я ингуш, и для меня закон гостеприимства свят! Пей!

Бийсархо залпом осушил бокал, выдохнул, проглотил кусочек остывшего мяса.

- Благодарю за предупреждение, — сказал он, — но я не знаю, как ты можешь пытаться совмещать либерализм с воинской дисциплиной.

- А как Денис Давыдов водил крестьян с вилами и в лаптях против Буонапарте?

- Но мы же не партизаны! И сейчас не двенадцатый год. А в нашем народе этого дурацкого, первобытного вольнодумства и так столько, что хватит еще на века! И вот доказательство: наглец Калой рассиживает с тобой, как равный! Как тамада на свадьбе!

- Молчи! Про него молчи! - воскликнул Байсагуров. - Он хороший человек! Ей-богу! Я б на его месте давно рассчитался с тобой за твои придирки... И откуда у тебя столько амбиций! Ведь если взять любого из нас, так мы же в третьем колене поголовно все крестьяне! Не из князей же мы!

- А в тридцатом или трехсотом колене обезьяны! Так что ж мне теперь вместе с Калоем на четвереньках ходить? Нет! Недаром современное общество разделено на сословия! И я считаю это разумным. Каждому свое!

- Молодец! - снова воскликнул Байсагуров. - Хорош парад! Но послушай вот это: «А с

Чаборзом нас нечего сравнивать. Мы всегда впереди первых. И перед людьми наши лица белые. А он за полком, как ворон за пахарем. Идет и червей подбирает...»

А ты говоришь «сословия»... Учились бы вот такие, так больше пользы было б, чем от нас с тобой...

- Это Калой доносит?.. - бледнея, спросил Бийсархо.

- Корнет! Не забываетесь! Или вы думаете, я позволю себе доносы записывать? - Байсагуров жег корнета взглядом. - Что я, жандарм?

- Но тогда разрешите узнать, что вы читали? - заносчиво воскликнул Бийсархо.

Байсагуров прошелся по комнате. Он едва справлялся с собой. Подсев к столу, он прочитал из письма Иналука о Чаборзе и его торговле оружием.

- Это письмо из дому... А это ответ твоих всадников... И таким ответом солдата можно гордиться! — сказал он, пристально глядя на Бийсархо и покачивая ногой. — А вы за что ненавидите их?.. — Бийсархо молчал. Он не знал, известно ли Байсагурову о его причастности к этим махинациям с оружием и покойниками или нет. - Чаборз Гойтемиров твой приятель, - снова заговорил Байсагуров. - Если хочешь, сам скажи ему, чтобы он в двадцать четыре часа убрался к чертовой матери!.. Если он этого не сделает, я предам дело гласности, - он поднял письма, - и поставлю подлеца перед военно-полевым судом!.. И пусть тебе скажет спасибо, что я еще этого не сделал!..

Хозяин снова наполнил стопки. Они молча выпили. Байсагуров, разглядывая пустой бокал, сказал:

- А мой демократизм пусть тебя не волнует и не пугает... Живет Франция и Америка... Но я присягал Николаю... А мне мое слово дороже всего!

- Конечно! - коротко ответил Бийсархо и попросил разрешения вернуться к служебным обязанностям.

Байсагуров встал, проводил его, дружески хлопнул по плечу и, постояв в дверях, пока он не скрылся в темноте, вернулся и лег на кровать. Перед закрытыми глазами его встала Вика... Она была в расстегнутой кофте, с распущенными волосами. В глазах — страх. Очертания Вики стали неясными, поплыли куда-то...

- Золушка моя... - пробормотал он. Улыбка тронула его губы, и он уснул.

Денщик вошел на цыпочках, бросил бурку под дверь и тоже, улегся. На столе в стакане то вспыхивал, то затухал огарок свечи.

3

Весной и в начале лета 1916 года русский фронт лихорадочно готовился к наступлению. Но немецкие атаки на западе Европы, начавшиеся еще с февраля, осада французской крепости Верден потребовали срочных мер, которые смогли бы облегчить борьбу союзников России.

Наступление, предпринятое с этой целью Северо-Западным фронтом в районе Двинска и озера Нарочь, успеха не имело. Однако оно все же вынудило Германию приостановить атаки на Верден.

Западный фронт под командованием генерала Эверта ограничился слабым ударом на Барановичи. И только Юго-Западный фронт России, которым к этому времени командовал известный генерал Брусилов, не дождавшись 15 июня, как было намечено планом, уже в начале месяца пошел вперед.

Кавказская туземная дивизия, покинутая своим высокопоставленным начальником еще в феврале, действовала в Галиции. Командовал ею теперь генерал-лейтенант князь Багратион.

Пополнение поредевших горских полков проходило с трудом. Первоначально люди охотно вступали в дивизию, потому что им обещали быстрое окончание войны и легкую победу. Но с тех пор народ поумнел и понял всю легкомысленность этих надежд. Вот почему все попытки снова рекрутировать горскую молодежь для обескровленных полков встречали молчаливое сопротивление. Тогда-то кавказская администрация и решилась на крайнюю меру: амнистировать содержавшихся в тюрьмах бандитов и воров горской национальности, если они изъявят готовность идти на фронт.

Для большинства из них это был совсем неожиданный и легкий путь к свободе. Да еще с перспективой получить отличие, с которым впоследствии можно было легче скрывать свои преступные дела.

Так, в один летний день, когда Ингушский полк, как и все остальные, преодолевая сопротивление противника, с боями шел вперед, в его ряды влилась «абреческая сотня».

Ретивые администраторы Кавказа во главе с генерал-губернатором Терской области Флейшером придумали сотне это название, потому что нельзя же было прислать в армию, действующую под командованием его императорского величества, сотню арестантов, каторжников, бандитов и воров!

А «абреки» - это звучало романтично. Тем более, что даже по научному определению самого Даля, который стоял в библиотеке просвещенного губернатора, это означало: «Отчаянный горец, давший зарок не щадить головы своей и драться неистово!..» Чего же лучше!

Но когда эта сотня пришла на передовую, в полк, ингуши - а они почти все знали друг друга - быстро разобрались в людях, присланных на пополнение.

Мерчуле совещался с командирами сотен по поводу планов на следующий день, когда в его избу вошел адъютант князь Татархан и доложил, что трое всадников просят их принять. Командир полка хотел было направить солдат к своим командирам, но, подумав, велел впустить. Время военное. Кто знает, с чем они пришли?

Отдав честь, Калой обратился к Мерчуле:

- Разреши говорить ингушски!

Мерчуле кивнул головой. Байсагуров, встревоженный появлением всадников своей сотни, приготовился переводить. Он видел, как люди его чем-то сильно взволнованы.

- Мы третий год вместе, — говорил Калой, глядя прямо в глаза командира полка, словно тот понимал его. — Мы довольны тобой. Ты никогда не обижался на нас. - Байсагуров быстро переводил. Командир полка кивал головой. - В дивизии много полков разных народов. Мы, ингуши, не на последнем счету. И ничем не опозорили себя. Здесь каждый полк - лицо народа. Совесть полка - совесть народа. На прошлое мы не обижаемся. Но за будущее теперь не спокойны. И с этим пришли к вам.

- В чем же все-таки дело? - нетерпеливо спросил Мерчуле.

- Не торопите меня. Быстрая речка до моря не доходит, — ответил Калой. — К нам пришло пополнение, помощь. Но каждый из нас готов все делать за двоих, драться за двоих, только бы вы отправили этих людей обратно.

Ингушские офицеры сразу поняли, в чем дело. Для других же - а здесь были и грузины и казаки — это заявление явилось полной неожиданностью.

- Нам говорили, что едет сюда сто пятьдесят абреков. Мы удивлялись. Откуда столько абреков? Абрек - это особый человек! Он не грабит кого попало, не трогает мирного, бедного. Он делится с бедным, враждует с плохим начальством. А кого нам прислали? Мы - ингуши. Мы знаем друг друга от седьмого поколения. И мы знаем каждого из них. Это арестанты. Они были в тюрьмах за то, что у вдов и сирот крали телят, у соседей - кур, у дровосека и пахаря - веревку. Это проходимцы! От них, кроме плохого, никакой пользы не будет! Наше дело сказать. Мы тело полка, вы — голова. Голова пусть думает, чтоб потом не болела.

И Калой с товарищами ушел.

Но пополнение осталось. А то, чего боялись солдаты, случилось раньше, чем можно было ожидать.

Через неделю чуть свет полк был поднят по тревоге. Много раз за эти годы всадники вскакивали и спросонок хватались за оружие. Это стало их обычной жизнью. Но на этот раз им не угрожало нападение врага и никто не призывал их идти на смерть, на подвиг. Однако волнение, охватившее людей, было гораздо сильнее, чем обычно.

В полночь - а ночь была темная, туманная, шел мелкий дождь - часовой, охранявший штандарт и полковую кассу, был убит, караул обстрелян в своем помещении. А когда он вырвался, было обнаружено, что знамя и ящик полковой кассы на месте, на двуколке, но касса ограблена. Поиски не дали ничего.

И вот полк стоял в строю. Выехал командир. Он был бледен. Вокруг глаз расплылись черные круги. Молча оглядев всадников, он негромко заговорил:

- Я - командир полка. Вы - офицеры и всадники. Все мы - горцы. Мы вместе воюем, верой и правдой служим царю и отечеству. Мы много видели. Убивали врагов и хоронили своих соратников. Но честь полка до сих пор была незапятнана! В бою все бывает. Сегодня удача нам, завтра удача врагу. В бою мы могли потерять весь состав

полка. Но если б сохранилось знамя, полк ожил бы снова из наших братьев и детей.

На войне случается и такое, что часть теряет знамя. Это значит -она умирает. Умирает честно, как солдат.

Но чтобы солдаты полка ограбили свой полк, ограбили свой первый пост! Я много служу, но никогда не слышал такого! И сейчас я думаю: счастливы те, которые умерли до этого дня!.. А я до сих пор не убит!..

До сегодняшнего дня было так: когда я являлся к великому князю, а позже к князю Багратиону, они знали, что я прибыл, чтоб доложить об исполнении приказа, о доблести офицеров и всадников нашего полка. А с чем я поеду сегодня?

Слышно было, как каркают пролетающие галки.

- Сегодня будет отдан приказ: штандарт отнять, полк распустить. Состав расформировать по другим частям. Вот что будет сегодня.

Наступило долгое и тягостное молчание. Солдаты думали о том, каким насмешкам они подвергнутся в чужих полках, офицеры - о том унижении, которое выпало на их долю. Но все были уверены в одном: эта подлость с кассой — дело рук так называемой абреческой сотни.

Тронув коня, ротмистр Байсагуров выехал вперед и обратился к командиру полка:

— Мы потрясены случившимся и приносим свое сочувствие вам, которому тяжелее всех. Этот факт покрыл нас позором. От имени господ офицеров и всадников, хотя я с ними и не договаривался, я хочу просить вас разрешить восстановить кассу из нашего жалованья.

Мы отказываемся получать его, пока вся похищенная сумма не будет собрана.

И прошу сохранить этот случай в тайне до тех пор, пока он не будет смыт подвигом полка, нашей кровью...

Раздался приглушенный гул голосов. Полк поддержал Байсагурова.

— Ну что ж, — сказал Мерчуле. — Это, пожалуй, единственный выход из нашего положения. Я приму на себя эту ответственность.

Днем полк продолжал двигаться за пехотой. Противник отступал. Но отступал не панически, а планомерно, отбиваясь и цепляясь за новые рубежи. Ночь застала ингушей в пустой деревне.

Эти места за войну несколько раз переходили из рук в руки, и теперь здесь все было разрушено. Лишь чудом уцелело несколько крыш.

Ограбление кассы вытеснило все обычные темы разговоров. Люди не могли успокоиться. Кто-то ударил всадников не только по самолюбию, но и по их солдатской копейке. Однако после ужина они быстро устраивались на ночлег и засыпали, как убитые.

Бодрствовал штаб, дежурившая четвертая сотня да офицеры, которых квартирьеры по их просьбе всегда старались устроить подальше от штаба.

Во дворах, где разместились четвертая сотня, горели костры. Вокруг них сидели всадники.

У офицеров денщики накрывали стол. Там готовились отметить чей-то день рождения. Неважно, что этот день фактически был еще очень далек. Его на всякий случай отмечали заранее.

В штабе обсуждали полученное предписание - двигаться слева от пехотной «Железной дивизии» немцев, которая отходила в полном порядке, на день выдвигая сильные заслоны.

- Видимо, командование выискивает удобную для удара местность, — говорил командир полка, склонившись над столом, где лежала вся исчерченная карандашами походная карта.

- Во всяком случае разбить такую часть на марше можно скорее, чем когда она закрепится на позиции, - заметил адъютант Татархан. - Обратите внимание, судя по ландшафту, завтра может наступить момент, когда нам прикажут атаковать. Вот лес... Здесь мы... А им идти по открытой лощине... Если б еще справа помогли...

Командир полка думал, разглаживая пальцами морщины на лбу, шурился.

- И все равно, - сказал он, - если артиллерия не рассеет их, они нас до клинков не допустят! Шутите! Пехота в такой массе... - Он снова наморщил лоб. - Неудобно попрошайничать или подсказывать... Но вы, князь, придумайте... Надо как-то сделать, чтоб донцы поддерживали пушками...

- Не беспокойтесь, батано[2]. Это я беру на себя. Князь Багратион поймет нас... - и князь Татархан многозначительно подправил и без того торчавшие в стороны острые усы.

Байсагуров весь день был взвинчен. Он нервничал больше всех, хотя его заслугой было то, что командир полка принял предложение пополнить кассу. Но как смыть позор? Что для этого сделать?

Одни товарищи поздравляли его, другие молча завидовали его находчивости и успеху и видели в этом залог будущего продвижения по службе. В числе последних был и Бийсархо, который считал, что сам он несправедливо застрял на корнете, хотя ничем не хуже Байсагурова. Но как бы он ни думал о друге, он признавал его храбрость, военный опыт и умение ладить с людьми... А у него самого всегда все получалось резко и грубо. Это создавало между ним и всадниками стену, которую он не мог, да и не хотел преодолеть.

В доме, где собирались офицеры, одна из комнат была превращена в зал. Сюда денщики стаскали все оставшиеся в селе стулья, кресла и диваны. Заканчивалось приготовление к ужину.

Давно уже офицерам полка не удавалось кутнуть как следует, и теперь в предвкушении попойки настроение у них было великолепное.

Со двора доносился дразнящий запах паленого. Гремела посуда.

Наконец Бийсархо, на которого сегодня была возложена роль распорядителя, пригласил всех к столу.

Окна и двери в столовой были завешены бурками. Под сорванным до половины потолком висели ярко начищенные фонари. Стол, покрытый роскошной скатертью, невесть откуда прихваченной людьми хозяйственной части, ломился от зелени и птицы, фруктов, домашнего хлеба и бутылей вина. Это изобилие вызвало общий восторг.

На ходу выбрав тамадой Байсагурова, офицеры против обычного быстро расселись, хотя и было их здесь больше двадцати человек. Наполнили стопки, настоящие стопки - баккара. Байсагуров поднялся и механически, как молитву, произнес:

- День - государев! Ночь - наша! Здоровье его императорского величества!

Все встали и молча выпили.

Только после этого начался веселый спор о том, чей же сегодня день рождения. Желających оказалось больше, чем думали. Но Байсагуров, пользуясь привилегией тамады, призвал собутыльников к порядку и сказал:

- Мои друзья! Все правы. Здесь любой из нас может претендовать на то, чтоб сегодняшний день считали днем его рождения. В этом году мы очень мало кого отмечали. Давайте же за таким обильным столом справим день рождения каждого, у кого он еще не прошел. Я хоть и не скептик, но фаталист... Думаю, что многим из нас стоит это сделать сегодня!

Крики «ура!» и «правильно!» покрыли его голос. Денщики поставили на стол целиком зажаренного барана. Из ноздрей и из ушей его торчали пучки зелени. Байсагуров потребовал к столу повара. Вошел краснощекий немолодой грузин с веселыми глазами. Тамада подал ему кружку вина и ножом из-под кинжала отрезал баранье ухо.

- Шалико! - сказал он. - Спасибо тебе! Твои золотые руки заставляют нас везде чувствовать себя, как на Кавказе! Живи, дорогой!

- Мадлоб! Мадлоб![3] — улыбаясь и кланяясь всем, ответил польщенный Шалико и, на секунду замолчав, чтоб овладеть вниманием, сказал: — Дай Бог мне никогда не видеть вашего плохого! — Он залпом выпил вино. Но баранье ухо на ноже вернул Байсагурову. — Батоно Байсагуров! Я был бы плохим грузином, если б не знал, какой кусок за столом полагается мне, а какой старшим! Мадлоб за уважение!

Он отрезал себе от ляжки и, поклонившись, ушел.

Много в этот вечер было тостов пышных, красивых. Пили за добрый десяток друзей, пожелавших справить свой день рождения. Пили за командира полка, за князя Багратиона. Не забыли высоких князей Михаила и его дядюшку Николая Большого.

В разгар ужина Бийсархо подошел к Байсагурову и на ухо сказал:

- Чаборз уедет домой с первым же транспортом. Но сегодня он дал на стол все это вино и стоит во дворе. Может, позовем его, старик все же?

Ротмистр неодобрительно посмотрел на друга и отрезал:

- Здесь ему не место! Да и... штатских тут нет... Бийсархо иронически улыбнулся, пожал плечом и отошел.

В конце вечера отдали долг и «человеку в серой шинели, который на своих плечах несет всю тяжесть бремени России», - выпили за солдата. А потом, как водилось, запели свою дивизионную. Начал ее Байсагуров. Голос у него был высокий, красивый. Сегодня он вообще был в ударе, хорошо говорил, много шутил, и друзья любовались тамадой. Правильный пробор посередине, короткие, кверху торчащие усы. Смелый взгляд. Но ему всегда казалось, что в этом взгляде его недоставало твердости. И он, стараясь скрыть это, резко изламывал бровь.

...Слово власти созывало

С гор наездников лихих,

Тесной дружбою сковало

Нас, кавказцев удалых! –

пел он. Припев подхватили все:

Так пей, друзья, покамест пьется,

Горе жизни заливай!

На Кавказе так ведется:

Пей - ума не пропивай!

Дальше звонким голосом песню подхватил его лучший друг, командир сотни Бек:

Белоснежные вершины

Гор Кавказа, вам привет!

Я не знаю, исполины,

Вас увижу или нет!..

И снова припев. Боясь, что до него не дойдет очередь, Бийсархо вскочил и, жестикулируя бокалом, с многозначительным выражением на лице сразу же начал следующий куплет:

Завтра рано, на рассвете,

Полк в атаку поведут.

И, быть может, после боя

Нас на бурках понесут...

Так пей, друзья... –

гремел еще хор, когда Байсагуров вскочил и, опустив руки по швам, перекрывая голоса всех, зычно крикнул:

- Господа офицеры!

Хор оборвался. Офицеры встали. В дверях появился командир полка, его заместители, адъютант.

- Господа офицеры! - ответил командир полка, что означало «вольно». Появление начальства было неожиданным. Мерчуле не собирался сегодня быть за столом. Но с ним вошел чужой офицер, ради которого он, видимо, и изменил свое намерение.

- Штаб-ротмистр первого Татарского полка Кулибеков! Из штаба дивизии. Прошу любить и жаловать. Он будет нашим гостем всего на один час! - представил командир полка приезжего.

Их посадили на почетное место. Байсагуров кинжалом отсек барану голову, отрезал курдюк, грудинку и поставил перед ними.

Когда было выпито за гостя и всех, кто с ним пришел, Кулибеков, обращаясь к собранию, сказал:

- Чтоб все здесь продолжалось так же, как до нашего появления, я хотел бы с разрешения старших допеть нашу солдатскую песню.

Голос гостя потонул в шуме одобрений. Мерчуле кивнул головой, Кулибеков встал и, подкрутив ус, запел последний куплет:

Будет нам земля постелью,

Не оплачут девы нас,

Лишь трубач лихою трелью

Усладит последний час!..

Когда замолкли звуки припева, Мерчуле поднялся и, сняв папаху, протянул ее над столом:

- У Аллаха — дней папаху! А сколько их нам дать — это ему знать! Не к слову будь сказано, — он посмотрел на гостя из дивизии, — решено завтра покончить с «Железной»... Будет горячее дело!..

Дружное «ура!!!» раздалось в ответ, хотя для многих это была последняя радость.

В это время вахмистры и урядники занимались службой, меняли часовых, выставляли пикеты. Свободные солдаты отдыхали у костров.

Приятно было в такую ночь посидеть с друзьями, повспоминать далекие дела, помечтать о времени, когда кончится ратная жизнь.

Перед одним из костров, развалясь на бурке, в немецкой офицерской каске на голове полулежал Орци.

Не то он дремал, не то вместе со всеми слушал ингуша-мюрида, который голосом, исполненным таинственности, рассказывал, как в их селе муталимы[4] слышали умершего грешника.

- Было это так, - говорил он. - Похоронили богатого человека. Нанял его сын четырех муталимов, чтобы всю ночь на могиле отца они читали Коран во спасение души правоверного. Разожгли парни костер с Божьей помощью, а стемнело - стали читать. Читают и слушают, не явились ли преставившемуся ангелы Мункар и Накир[5], чтоб снять с него допрос о добре и зле, которые он совершил за всю свою жизнь. Но на кладбище стояла тишина. Читал уже первый, читал второй, третий и стал читать четвертый муталим, как вдруг... слышат они... голос... снизу. Кровь застыла у них... Сердце остановилось. А тут покойник как заорет!.. Муталимы как подхватятся - и бежать! Едва наутро Коран свой нашли! Вот какое бывает... А все от самого человека зависит. Меньше грешить надо.

- И я это слышал! — поддержал мюрида всадник, сидевший позади него. — Как только до уха грешного человека дойдет капля из той воды, что мулла выливает на могилу, так он и начинает орать! Это точно.

- Вообще-то с покойниками чего только не случается! - словно без всякого интереса, промолвил Орци. - Приходилось, слышал!..

- Да вам что, больше не о чем говорить, что ли? - заворчал толстомордый Аюб с бегающими глазами, боязливо поворачиваясь спиной к огню. - Вот еще нашли разговорчики! Только на ночь! А после вас иди и стой на посту в степи или рядом с крестами...

Солдаты расхохотались.

- Расскажи, расскажи, Орци!

- Давай, не слушай его! - просили они.

- Ничего, даже если и соврешь! Лишь бы поинтереснее было! Орци лег навзничь, подложил руки под голову, уставился в черное небо, усыпанное мелкими звездами, и задумчиво протянул:

- Ладно уж. Расскажу одну, но настоящую историю. Быль. Аюб что-то проворчал и влез к Орци на бурку с ногами. Всадники фыркали, подталкивая друг друга... В костер

подбросили хворосту, он затрещал, взметнулся искрами. Все притихли, приготовились слушать.

- Давным-давно умер в нашем селе бедняк Ампуко, - начал Орци тихим голосом. — Принесли его хоронить. Глянул мулла в могилу и говорит: «Не в самый раз. Докопать надо». Стали ребята докапывать могилу, а дно каменистое. Уж и потом облились, а никто им «довольно» не скажет. Выглянули — муллы нет. Тот с мюридами под навесом молится. А возле могилы только один старик, дядя покойного остался.

- Погляди! - обратились к нему ребята. - Может, хватит уже?

А он вместо ответа показал им на дальнюю гору, откуда с ветром черные тучи ползли, да как крикнет:

- Хороните его! А то дождетесь вон той тучи, так она из вашего покойника собачье дерьмо сделает! - Орци эти слова выкрикнул так громко, что многие всадники вздрогнули, а толстомордый даже матерно выругался. Но Орци продолжал, как ни в чем не бывало:

- Стали ребята в спешке закапывать беднягу Ампуко, до середины уже засыпали могилу, как вдруг из нее раздается стон. Испугались они. Смотрят друг на друга, языки поотнимались. А старик опять говорит:

— Закапывайте! В нашем роду все имеют привычку кричать, когда их хоронят!

Зарыли люди Ампуко и, конечно, забыли о нем. Кто будет помнить о бедном человеке! Но была у него жена и детки. Детки еще малые, ничего не смыслящие, а жена взрослая. Ей мужа жаль. И вот, как у нее горе какое или радость, идет она к нему на могилку, дотронется до камня рукой, вроде поздоровается с ним, прочитает кое-как молитву: а кто ее учил-то по-настоящему? И, смахнув слезу, потому что жене плакать не полагается, сядет на траву рядом с могилкой и, вытянув ноги и аккуратно расправив платье, склонит набок голову и начнет с мужем долгую и задушевную беседу!

Правда, вслух говорит только она, но по лицу и по ее речам можно было понять, что и Ампуко отвечает ей. И порой радует, а порой огорчает ее своими ответами. Но чаще всего беседы их были мирные. Она старалась успокоить его, чтоб он не терзал себя там, на том свете, за то, что оставил сирот без достатка, без опоры в жизни.

— Ничего, Ампи! — ласково говорила она ему. — Не волнуйся! Коровка у нас теперь есть. Из той телушки выросла, которую тебе родные на поминки привезли. Я не дала тогда прирезать ее... Припрятала. Знала, что ты не обидишься! Да осенью на сходе из десятой доли урожая народ на двоих сирот хлеба дал... В этот раз шесть арб кукурузы в кочане досталось! Так что у нас есть все... Живем мы... Живем!

Вот так сидела она однажды, и было тихо, жарко, хоть солнце и бежало к закату. Женщина задумалась.

Ящерица вылезла из норки и тихонько, тихонько сделала шаг... другой... Она не могла понять, что же закрыло от нее лик солнца? Откуда ей было знать, что это на нее лег подол платья жены Ампуко, в могилке которого была ее норка!

Так тихонько, шаг за шагом пробираясь в траве, наткнулась ящерица на бревнышко, которого прежде тут не встречала...

Бревнышко было теплое, покрытое нежной «корой»... «Какое странное», - подумала ящерица и осторожно вползла на него...

Всадники не дышали. Ингуш-мюрид даже перестал жевать конское мясо. А Орци уже совсем тихо продолжал:

— Хотела было жена покойного снова заговорить с мужем, но на полуслове умолкла, опустила голову, покраснела... Она почувствовала, как живые пальцы прикоснулись к ее ноге... дошли до икры, пробрались до колена, погладили его и замерли...

Вокруг не было ни души. Женщина, истосковавшаяся без мужской ласки, разволновалась, вздохнула и, не поднимая глаз, прошептала:

— Ампи, я помню, как тебя всегда влекло ко мне... как ты любил мое тело... и если вам, покойникам, дозволено это... ты... можешь еще подвинуть руку...

Орци умолк. Некоторое время и всадники молчали.

— Бедная! — сказал кто-то наконец, и раздался смех, которого давно уже здесь не слышали.

- Вот - да!

- Наверно, и наши уже такими стали!..

- Чертов Орци! - горланили ребята.

И вдруг Орци вскочил, усы его дернулись вверх и, приложив руку к каске, он завопил:

- Смирна-а-а-й! Всадники вскочили.

- Ваше высок балга-ароди! — орал Орци. - Садники четортой сотни отдыхаю! Дожюрни перой завод Эги Орци! — На его груди вздрогнули кресты и медали, а немецкая каска пригнула ему уши и уперлась козырьком в нос. Из-под нее на командира полка, как горящие угольки, смотрели два глаза.

Мерчуле едва сдержался от хохота, хотя чего только не приходилось ему видеть и слышать в своем полку с начала службы!

Байсагуров и Бийсархо, стоя позади начальства, пытались знаками подсказать Орци, чтобы он снял дурацкую каску и опустил руку, потому что командир полка скомандовал «вольно». Но тот ничего не понимал. Все его внимание было сосредоточено на командире, с которым он впервые вел разговор за всю сотню.

- А что это у тебя за каска? Откуда она? — поинтересовался Мерчуле. Орци левой рукой убрал каску под мышку, но правая так и осталась у бритой головы.

- Немецки полконик шапка! - ответил он. — Полконик - язык. Яво голова ты визял.

Шапка - я визял. Эта кирест Николай падишах давал... - Он показал на грудь и снова поднял руку к голове ладонью вперед.

- Вольно! Опустит руку! - скомандовал Мерчуле еще раз. - А кто у тебя командир? - спросил он Орци.

- Ваш балга... висока ароди, полконик, командер полка Мерчули, - неистово двигая усами, ответил Орци.

- Я спрашиваю, чьей ты сотни?

- Ваш балга... висока ароди, сами лучши ротмистер Байсагуров!

- А командир взвода?

- Ево балгароди - вилчество корнет Бийсархо!

- Почему «величество»? - забавлялся Мерчуле, видя, что его гость из штаба дивизии умирает со смеху.

- Его сами храбри! - пояснил Орци.

- Значит, у тебя все командиры «хорошие» да «храбрые»? А плохих нету?

- Есть! — неожиданно ответил Орци. Все посмотрели на него с удивлением.

- Кто? А ну, выкладывай! - Мерчуле перестал смеяться.

- Вахмистр Пациюв!

- Чем он плохой?

- Ругаю!

- За что же это он тебя?

- Не меня, ваш балгава родие!

- А кого же ругает этот шельма Пациев? - добивался командир.

- Мой мать ругаю!..

Вместе с подвыпившими офицерами захохотали все.

- Ну и молодец! - воскликнул Мерчуле. - Этот сто лет будет жить! - И, взяв гостя под руку, он пошел дальше, смеясь и разговаривая с офицерами.

- Здоровя жилава! - крикнул Орци им вслед и снова улегся на бурку.

- Ай да Орци! - воскликнул мордастый Аюб, восторженно глядя на товарища. - Как скворец, заливался по-русски! Если тебя не убьют, служить тебе дома в суде толмачом!

- Если не убьют... - мрачно повторил Орци, снова напяливая на голову свою каску. - Не люблю я, когда приезжают офицеры из штаба дивизии... Не к добру это!

Все задумались.

На краю села, над руинами, поднималась красная, раскаленная луна.

Ротмистр Байсагуров, проводив командира полка и полкового гостя, направился к себе. Шумела голова. Но надо было еще проверить посты. И он пошел не через село, а вдоль околицы. Луна уже успела взойти и побледнеть, и все вокруг было залито белым светом.

Он дошел до холма, с которого открывался вид на ложину. На дне ее текла маленькая речка. Вокруг чернели камыши, и оттуда разливались бесконечные лягушьи трели. Байсагуров прислушался, сел на траву. Все это так напоминало дом, родной аул. Не хотелось уходить. Пришла на память Вика. Как часто он думал теперь о ней. Женщины, которых он знал прежде, были красивей, богаче ее. Но в их отношениях он сразу находил или плохо скрываемое притворство, или циничную изощренность. И только Вика была иной, простой, как ребенок, и преданной без корысти... Солтагири знал, что для нее он был не предметом временного увлечения, а всей жизнью. Он считал себя испорченным человеком. Слишком большую власть давали ему над собой женщины. Но с ней он впервые понял, что для чистой души есть еще нетронутое место и в его сердце... Это было его богатство... Бедная Вика! Зачем только этот выстрел в Сараево! Зачем эти хитросплетения бессердечных политиков, которые во имя своих эгоистических идеалов бросают в огонь и уничтожают тысячи тысяч людей?! Ведь людям ничего не нужно, лишь бы жить!..

Бедная Вика!..

Но почему он жалеет ее? Ведь если что и случится, то только с ним... И все-таки бедная Вика... Потому что когда убьют его, для него все кончится. А для нее только тогда начнется горе, начнется память, которой не будет никакого конца.

Он вспомнил старушку мать. Отца у него давно уже не было. Для нее он тоже дороже жизни. Прощаясь, она сунула ему грубые перчатки, связанные старенькими руками, и, подняв поблекшие глаза, не словами, а всем сердцем попросила:

- Побереги себя, мамин!..

Он вздохнул. «Поздно об этом, - подумал он. - Да еще в полку, на котором такой позор...»

— Добрый вечер!.. — услышал он рядом и вздрогнул.

За бугром, в двух шагах от него, в бурьяне лежал Калой. Если б Байсагуров не сел, он обязательно наступил бы на своего солдата. - Молодец! Тебя даже сейчас трудно заметить, - сказал командир. - А здесь дела такие: не постарайся - пропал! Боюсь я их, чертей, потому и прячусь, хитрю...

— Молодец! - еще раз похвалил его Байсагуров. - Но очень уж бояться тоже не стоит.

Тебя-то я знаю! У тебя это просто слова. А ведь есть, которые в самом деле боятся. И, как ни странно, они-то в первую очередь и попадают в беду...

- Все здесь беда! - помолчав, отозвался Калой. - Знал бы я, что эта музыка так затянется, ни за что б не пошел! Лежишь другой раз и думаешь: ну что это такое? К чему народ гибнет? Ведь у каждого семья. Мы здесь, а они там мучаются, голодают.

- Ну и к чему ты пришел? — спросил бесстрастным голосом командир.

- А к тому, что плох тот пастух, у которого стадо идет на убыль...

- А если волки?

- Так то ж волки. А мы люди... И враги, и мы...

- Да, мы люди. Но у государств есть свои, высокие интересы и гордость! И народ воюет за отчизну, за честь! - Байсагуров говорил, сознавая, что всего минуту назад он сам восставал против этих мыслей. - Мы вот уронили свою честь с этим ограблением, - продолжал он, - так мне кажется, что теперь от меня за версту смердит! - И помолчав, он добавил: - Ну, ничего, сегодня предстоит бой, и мы или избавимся от этого позора, или умрем! - Байсагуров умолк. Молчал и Калой.

- Что ж ты молчишь? - наконец спросил командир.

- А что мне говорить, если я не согласен? Ты офицер, а я солдат, говорить тебе неприятные слова я не должен...

Хмель еще не совсем вышел из головы Байсагурова. Он сидел, обхватив руками колени и положив на них голову. Ему было грустно и не хотелось уходить от этого душевного человека, которого он давно привык считать самым прямым и честным в полку.

- Вообрази, - сказал он, - что мы дома, что нет между нами разницы, кроме возраста, что это турчат наши лягушки, и говори, говори, что хочешь! Я ведь немного иной...

- Хорошо, — отозвался Калой. — Как помнишь, о чести нашего полка, об этих ворах все молчали, когда я сказал командиру то, что думал. Но он оставил их в полку. Значит, хотел этого.

А чего же нам теперь отвечать за их проделку? Ты говоришь: сегодня бой. Боев много было! И мы не увиливали. Но я понимаю, на что ты намекаешь... Я помню, как ты сказал перед полком: «Мы кровью смоем позор!..» Я много думал над этими словами... И всадники думали... А почему все-таки из-за какого-то вора мы должны кровью смывать? Да я за него, да и за всю эту войну, если хочешь знать, была б моя воля, капли крови не отдал бы! - Он замолчал, но потом заговорил снова: — А ты подумал, что скрыто за твоими словами? Плач жен и матерей наших... Сироты голые и босые... И за что?

- Калой, у человека, у настоящего человека я имею в виду, - осторожно заговорил Байсагуров, - должна быть честь. Должна! Что это такое? Это желание быть незапятнанным, чистым. Право быть гордым. Пользоваться уважением людей! Из-за этого, если надо, идут на все!

- А разве я против? - перебил его Калой. - Покажи мне того, кто украл нашу кассу, и я схвачусь с ним насмерть! Но когда кто-то прислал мне его сюда, а Мерчуле оставил здесь, я не хочу умирать вместо этого вора или вместо Мерчуле!.. - Помолчав, он спросил: - Ты ког-да-нибудь ел хлеб, который вырастил сам?

- Нет, - ответил офицер.

- А голодных кормил?

- Нет.

- Легко ходил ты, Солтагири, по земле. Легко готов и оставить ее! А если б был ты врыт в борозду по колено, тебя не свалили б такие ветры! Честь!.. Какая же тут честь? Мы понимаем ее по-другому: не делай подвоха. Не показывай спину. Не спусти подлецу!..

Мне не известна твоя жизнь. Не знаю, нужен ли ты кому, а люди... -он кивнул на село, где спал полк, - люди своим нужны! Они не ради чести, а ради детей, чтоб их накормить, подставляют под пули шкуру свою за двести целковых... Повезет - вернутся. Нет - здесь закопают. Их судьбой играть нельзя.

Байсагуров поднялся. Встал и Калой. Офицер улыбнулся непонятной улыбкой.

- Хорошо, - сказал он, все так же улыбаясь. - Я постараюсь не рисковать людьми. Кстати, я и прежде не делал этого никогда. Но собой-то я имею право распоряжаться, как хочу?

- Нет, — твердо ответил Калой. — Ты отдал себя царю. А он отдал тебе двести человек... Ты должен командовать нами только с пользой для войны, для людей.

- Послушай, да ты настоящий Цицерон! - засмеялся Байсагуров.

- Я не знаю, кем был этот человек. Но я знаю правду. Я говорю тебе ее потому, что ты не такой, как другие. И потому, что ты моложе...

- Спасибо, старина! - растроганно сказал командир.

Но, видимо, какой-то неугомонный бес вселился в него сегодня. Или похищение полковой кассы слишком потрясло его болезненное самолюбие. Только он не унимался.

- Тебя учила земля. Меня - кавалерийское училище. И думаем мы по-разному. И вот если ротмистр Байсагуров все же пойдет на риск во имя чести, Калой поддержит его? - спросил он серьезно.

- Если риск будет без нужды, не поддержит! - жестко ответил Калой и увидел, как помрачнело лицо офицера.

- Доброй ночи! - сказал он и зашагал прочь.

- Доброго утра, Солтагири! - ответил Калой и с горечью подумал: «Умная голова, но с изъязном. Не доведет она его до добра...»

На горизонте появилась тонкая полоска неба, отделявшая свет от тьмы.

Утро застало полк на марше. Двигались лесом. Разведчики не находили никаких следов противника. То и дело к штабу полка подлетали посыльные из дивизии и уносились ни с чем.

Видимо, за ночь противник настолько оторвался от преследователей, что его даже кавалерия не могла догнать. А упустить «Железную дивизию» было равносильно серьезному поражению.

Ингушский полк получил приказ как можно быстрее двигаться по лесу, не обнаруживая себя. По другому склону долины, тоже поросшему лесом, двигались другие туземные части. Но пространство между ними было пусто. Противник исчез.

Сотня ротмистра Байсагурова шла в авангарде. Весь полк держался левее, в чаще. Сам Байсагуров, поручив сотню корнету Бийсархо, с десятком разведчиков namного выдвинулся вперед. Он то поднимался в рысь, то в намет, то крался шагом со всеми предосторожностями.

Желание первым выполнить приказ, обнаружить противника, завязать бой, отличиться, чтоб на всю дивизию полетела слава о нем и об Ингушском полке, сжигало его.

«Желание того, кто очень желает, даже если оно ему на роду не написано, исполняется!» - мысленно твердил он поговорку, не отрывая бинокля от глаз.

Сегодня всадники полка были налегке. Бурки приторочены к седлам, полы черкесок подоткнуты под пояса, рукава закатаны выше локтей. Только у офицеров, которые в нарушение приказа не меняли серебряных погон на защитные, плечи прикрывали голубые башлыки.

Но вот Байсагуров замер... В окулярах бинокля - трава... дорога... домики... И все пространство вокруг... люди... зеленые человечки... Изредка сверкают блики на штыках...

Ротмистр подавил волнение. Он еще и еще раз наводил бинокль на местечко, уточняя направление движущихся колонн, наличие артиллерии...

Да, это были немцы. И это была именно та самая, почти легендарная дивизия, о которой столько дней шла речь. Только она могла за одну ночь совершить фантастический бросок, оторваться от кавалерии и очутиться здесь. Он посмотрел на карту, вырвал лист из тетради и написал: «Противник обнаружен. Местечко Езераны. Авангард его перешел мост. Иду параллельно. Нужен удар артиллерии по мосту». Хотел закончить: «Жду приказаний», но передумал и подписал: «Ротмистр Байсагуров».

Посыльные помчались в бригаду, к командиру полка, к сотням. Своей он передал приказ догнать его.

Бийсархо тотчас же подвел к нему людей, и они вместе рысью двинулись по-над опушкой.

Байсагуров нервничал. Вдруг какой-нибудь полк из идущих по ту сторону долины опередит его.

Вскоре он увидел, что все ингушские сотни следуют за ним. Сердце ротмистра забилося от гордости. Сейчас фактически командовал полком он. Да и вся дивизия, наверно, действует согласно его донесению.

Через несколько минут он был уже на одной линии с врагом. В противоположном лесу в бинокль он увидел всадников. Один из конных полков шел параллельно. Сверху не поступало никаких приказаний.

Противник, видимо, еще не обнаружил их и уходил в строгом порядке.

«Атаковать или нет? Ждать приказа или атаковать самому? - мучительно проносилось в разгоряченной голове ротмистра. - Где их там черти носят? Штабные крысы! Вечно так! Всю войну нас колотят из-за их медлительности!»

И как бы идя навстречу его нетерпению, лес впереди кончался. Теперь кавалерия должна была двигаться по открытой местности, вызвав на себя ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь противника, или остановиться и спокойно смотреть, как он уходит. Но оставался еще один выход: немедленно атаковать имеющимися силами... Даст Бог, свои на погибель не бросят!..

И Байсагуров принял решение.

Вот он на миг к чему-то прислушался: звенел полуденный зной, позади громко дышали кони. Рядом, на дереве, кучей высыпали красные, как кровь, букашки... Трепетала листва... Пела иволга...

Природу не тревожили волнения Солтагири. Но и в его душе эта мирная жизнь не оставила никакого следа.

Он встал на стремя и повернулся. Сотни настороженных лиц из-за деревьев, из-за кустов глядели на него. О чем они думали? Он не знал. Но он знал, что сейчас призван решить их судьбу. Глаза его горели. Он был бледен и строг.

- Ингуши! - раздался его медью прозвевший голос. - Назрановцы! Молодцы! Будь проклято молоко матери, вскормившей труса! Вот он, день, когда познается мужество! Победа или смерть!.. - Он даже не подал команды, а вырвал из ножен клинок и, как на параде, подняв каракового красавца на дыбы, бросил его вперед...

Когда через мгновение он оглянулся, за ним с клинком в опущенной руке, с сосредоточенным взглядом скакал Калой. Байсагуров улыбнулся ему... А дальше - Бийсархо... и вся сотня...

Против бесконечно длинных колонн пехотной дивизии, против организованных, дисциплинированных солдат атака этой горстки всадников даже противнику первоначально показалась опереточной шуткой.

Но вслед за четвертой сотней из леса на немцев пошел весь полк. Тысяча клинков сверкнула в воздухе. Лавой неслись бешеные кони.

Вот прильнул к гриве князь Химчиев, окруженный своими всадниками.

Вот, стоя на стремянах и вращая саблей, скачет бесстрашный Бек рядом с веселым князем Татарханом.

Уже слышны немецкие команды... Гремят первые залпы... Запрокинулись первые всадники на полпути...

Но, видно, и враг упустил считанные секунды, которые при атаке конницы терять - равносильно самоубийству. Кавалерия ворвалась в его боевые порядки и начала свою опустошительную работу...

Крики, проклятия, душераздирающие стоны, стрельба и бесконечное «вуррооо!» слились в единый гул боя.

Весь полк уже рубился.

Но к немцам, попавшим под удар, бежали роты и батальоны соседних полков. Они обходили конницу справа и слева, останавливаясь и стреляя. Над ингушами нависла угроза...

Полки «дикой дивизии», стоявшие в лесу, видели все. Но команды не было.

- Чего же мы ждем? - крикнул, кто-то в рядах чеченцев. - Дать, чтобы их истребили?... - И, выхватив саблю, человек вынесся из леса. За ним пошел весь полк. Новая лава всадников в золотистых башлыках ударила на врага.

По авангарду отступавшей «Железной дивизии», который пытался вернуться через мост к своим, прямой наводкой обрушили огонь батареи донских казаков, вставших на открытую позицию.

Земляные смерчи опустошали колонны противника. Дым и пыль заволокли небо. Боевые порядки немцев расстроились, командиры потеряли управление. И все же рассеянные пехотинцы вновь сбегались в группы и продолжали сопротивляться. К полю боя подошла конница Татарского и Дагестанского полков.

- Ярассуллах![6] - загремело над долиной, в которую кровавым потоком хлынули красные башлыки.

Еще несколько мгновений - и исход боя был решен.

Немцы, бросая винтовки, с поднятыми руками стали разбегаться в разные стороны, уходя из-под ударов озверевших всадников.

Байсагуров осадил коня. Вокруг убитые, раненые, перевернутые подводы обоза, искалеченные лошади... Но кое-где еще шел бой.

Вдруг он увидел рядом Калоя.

- Ура! Победа! - радостно закричал он, стоя на стремянах с поднятым клинком. И в этот момент ощутил тупой удар в колено... Правая нога подломилась. Он упал в седло...

Калой увидел выстрелившего в Байсагурова немца. Тот с колена целился теперь в него. Конь Калоя сделал прыжок... Почти одновременно раздался выстрел... Пуля обожгла Калоя ухо...

Немец вскочил, но лишь для того, чтобы упасть на свою скатившуюся в траву голову.

- Ты ранен! - крикнул Калой Байсагурову, который со странной сосредоточенностью вынул ногу из стремени и руками вложил ее обратно. - Выходи из боя!

Но ротмистр с искаженным злобой лицом поскакал прямо к сопротивлявшейся еще вражеской роте.

«...умирая - убивай!...» - проносилось в его воспаленной голове. На полном карьере конь его ворвался в гущу немецких солдат, и Байсагуров начал бешеную рубку. Он валил всех, кого мог нагнать и достать клинок. Калой не отставал.

Неприятель рассеялся. Всадники догоняли одиночек...

Вот шапка Солтагири повисла на темляке. Он зашатался и стал падать. Калой подхватил его и вынес с поля боя.

Подскакал весь окровавленный Бийсархо.

- Что с тобой? - закричал он командиру.

- Прими сотню! - ответил Байсагуров. Его положили на носилки.

- Убит Бек... Химчиев ранен... - словно издалека донесся до него голос Соси.

Санитарная двуколка карьером помчалась к лесу, откуда Солтагири, полон самых смелых надежд, только что кинулся в бой.

Калой скакал рядом.

У опушки уже стояли палатки. В беспорядке лежали раненые, которых тут же перевязывали санитары.

- Говур канти я![7] - снова блеснув глазами, крикнул раненый Байсагуров.

- Держись сам! Не подкачай! - ответили ему измазанные грязью и кровью, еще не остывшие от боя люди.

Байсагурова внесли в палатку. Седобородый фельдшер ловко наложил выше правого колена тугой жгут.

- Это сами должны были сделать, вашесокорodie! - с досадой сказал он. - Ишь, как с

лица сошли! Кровушки-то выхлестало!..

- Что там? — приподнявшись, спросил Байсагуров.

- Дум-дум[8]. Прямо в коленку... Отвоевались!.. Ну да не беда! Лишь бы жизнь!.. Доктур сейчас... Его не хватает... - Он вышел. Рядом с Байсагуровым присел на корточки Калой.

- Что он сказал? - спросил Калой командира.

- Сказал, все будет хорошо... - ответил тот.

Перед его глазами встал залитый солнцем владикавказский перрон, звон... Он на костылях сходит со ступенек вагона... Навстречу с ярким букетом роз бежит Вика... Он обнимает ее, забыв о костылях... А потом беспомощно прыгает на одной ноге, а она со слезами на глазах поднимает его палки.

Вспомнил далекий день их расставания и ее голос: «Я буду ждать тебя...» По лицу Байсагурова прошла судорога. Он резким движением заставил себя сесть. Достал из кармана бумажник.

- Слушай... - обратился он к Калою. - Все может случиться. Если я умру, это письмо перешлешь по адресу! Сам! Карточку отдашь моей матери... Деньги... От меня твоему сыну... Молчи, молчи... - Около палатки послышались голоса. - Скажи, чтоб не входили!..

Калой выглянул и передал просьбу Байсагурова. Всадники и офицеры переглянулись, отошли.

- Флягу!

Калой отстегнул с пояса командира флягу со спиртом. Байсагуров сделал несколько глотков.

- Трубку!

Калой набил ему трубку. Зажег. Байсагуров торопливо, жадно затянулся.

- Ну, и здорово мы их! Теперь наш полк - без сучка и задоринки!.. А все-таки поскакал за мной, а?! Я знал. Не такие, как ты, бросают друзей!.. И Бек поскакал... Если б я остался жить... ты стал бы моим побратимом?.. - Байсагуров закрыл глаза.

- Да, - от всего сердца ответил Калой.

- Спасибо... Покарауль там... Чтоб не входили... Хочу отдохнуть.

Калой вышел. Собравшиеся окружили его. Он пожал плечами.

- Приказал покараулить, чтоб никто не входил... В палатке было тихо.

Через несколько минут прискакал Бийсархо. Узнав, что Байсагуров здесь, он кинулся к

нему. Но у входа стоял Калой.

- Солтагири! Солтагири! - крикнул корнет. Никто не ответил. Тогда он сорвал палатку...

Солнце ударило в белое лицо Байсагурова. Вытянувшись, он лежал на бурке, закрыв глаза. Рядом валялся подкинжальный ножичек, перерезанный жгут с ноги, трубка, записка...

- Доктора! - крикнул Бийсархо.

Люди кинулись за доктором. Но старик уже сам бежал сюда... Он взял Байсагурова за руку. Поднял записку, прочитал: «Калекой не мог...» Старик встал, пожал плечами, задумался.

- Да... Понять это можно... Но оправдать - никак! Фанфаронство! - И торопливыми шагами побежал к другим палаткам, где его ждали.

4

Ингушский полк отличился. Ингушский полк не расформировали. Никто не говорил о том, чего ему и другим полкам стоил разгром «Железной дивизии». Не говорилось, что стало бы с полком, запоздай к нему на помощь все три бригады и артиллерия. Победа искупала все. Убитых всадников под пение муллы, звуки траурного марша и троекратные ружейные залпы закопали в братские могилы. Живых через одного поздравили с наградой. Сотню Байсагурова передали произведенному в штаб-ротмистры Бийсархо.

Даже Мерчуле, который в этот день едва передвигался за полком с тяжелой мигренью, был пожалован орденом.

А двух кавалеров георгиевского оружия: Байсагурова и его лучшего друга, командира второй сотни Бека Борова - после короткого прощального слова в цинковых гробах отдельным вагоном отправили домой, на Кавказ.

Сопровождали покойных раненный в плечо Орци и в полном здравии маркитант Чаборз.

Орци ни за что не хотел уезжать, оставлять брата. Но с Калоем трудно было спорить. Он решил, что один из них должен сопровождать Байсагурова, а так как Орци был ранен, то и ехать ему.

Новый командир сотни не возражал. Он боялся и терпеть не мог Орци. А тут представился случай не только избавиться от него, но и заткнуть ему рот, втянув самого в спекуляцию оружием.

В углу вагона, под брезентом и бурками, стояли два гроба, наполненные винтовками и патронами. Перед самым отходом поезда Бийсархо незаметно приписал в сопроводительном документе к фамилиям отправляемых на родину убитых офицеров фамилии двух «геройски погибших урядников».

Фронт продвигался вперед, и поредевший Ингушский полк отвели в село, где он

ночевал перед последней атакой.

Все видел Калой за годы войны - убийство, контузии, болезни, даже самострелы. Но такого, как сделал Байсагуров, никогда. Калой был потрясен. Он думал, пытался доискаться причины, но, как ни прикидывал, не мог найти. Не мог оправдать его, не мог отыскать в этом «ума». А ведь Байсагуров не был глупым! Значит, что это? Все та же гордость? Желание быть лучше всех, красивее всех, счастливее всех? Значит, все мысли, все заботы всегда о себе?..

Калой сам не знал, как и за что привязался он к командиру. Он и сейчас, будь в его власти, ни за что не дал бы ему умереть! Но когда наконец он понял, что жил и умер его друг себялюбцем, он совсем освободил свою душу от этого человека.

Через несколько дней выяснилось еще одно обстоятельство, показавшее, как бессмысленно было рвение Байсагурова «кровью смыть позор» с Ингушского полка. Оказалось, что полковую кассу ограбили вовсе не ингуши, а три преступника-мингрельца, которых Мерчуле принял на свой риск не через маршевый эскадрон. Один из них во время дележа награбленного убил своих товарищей и скрылся, прихватив все деньги.

Узнав об этом, Калой еще раз подумал о Байсагурове и горько улыбнулся.

Как-то в полк приехала никому здесь не известная девушка - сестра милосердия. Искала она четвертую сотню. Ее привели к Бийсархо.

Когда она спросила, как ей увидеть ротмистра Байсагурова, Бийсархо, бросив на нее мимолетный взгляд и сделав мгновенный вывод, что с такой женщиной Солтагири ничего, кроме официальных отношений, иметь не мог, спокойно, как и полагалось фронтовому волку, для которого смерть — дело обычное, с наигранной грустью сказал:

- К сожалению, должен вас огорчить... Его вы уже никогда не увидите! У незнакомки расширились глаза... Руки поползли к воротнику.

- Как мне понять вас?..

В ответ Бийсархо, читавший какую-то газету, не глядя на нее, небрежно бросил:

- Как понять? Убит. Вот как. Тут и понимать нечего. Разговор этот происходил во дворе, где жил Бийсархо. Всадники издали наблюдали за ними. Приезжая попыталась уйти, сделала шаг, другой, а потом медленно опустилась на землю...

Оторвавшись от газеты, Бийсархо увидел девушку на земле. Серые, без кровинки губы... вокруг них капельки пота...

- Что с вами? - Он кинулся, чтоб помочь ей, но она не могла подняться.

- Не беспокойтесь... — пробормотала она. — Сейчас пройдет...

По знаку командира всадники взяли ее на руки, отнесли в дом и уложили на топчан.

- Кто вы? Простите, ваша форма... Я думал, вы просто из санитарных работников...

Видно было, что девушка старалась сдерживать слезы... Больше всего не любила Вика мелодраму.

Нет, она не расплакалась, не стала причитать. Вздрагивали губы, но она знала: это пройдет... Она попросила воды. Выпила. Сунула мокрый платок на сердце.

- А вы кто? — спросила она, когда ей стало немного легче.

- Я друг Солтагири... Мы вместе с первого дня войны... — бормотал Бийсархо. - Я допустил бестактность. Но, знаете... право, он мне был чересчур дорог... И мне просто надоело пустое любопытство многих...

- Вы Соси? - спросила Вика.

- Да, - ответил Бийсархо. - А откуда вы знаете? Он мне никогда не говорил о вас...

Вика достала из кармана гимнастерки письмо и подала Бийсархо.

- Читайте... Теперь можно... Вы многого не знали, а я знала... Я рвалась сюда... Я б его спасла! Но он такой... Он не разрешил... даже свидания!

Пока Бийсархо читал, Вика окончательно взяла себя в руки, села. Возвращая письмо, он посмотрел на нее, и в этом взгляде было не только любопытство, но и уважение.

- Скажите, какая вещь!.. А мы ничего не знали... Вика печально улыбнулась.

- Я понимала... - сказала она. - Он боялся, что вы засмеете его... за меня... - Бийсархо мысленно согласился с ней - так это, наверно, и было бы - и не мог найти слов, чтобы солгать ей... Такая все равно поймет! - Все вы его знали, - продолжала она, - как смелого, сильного, волевого... А я - еще и слабого и сердечного... Я так просила его, так просила!.. Пусть бы остался какой есть!.. А он хотел быть только блестящим!..

Вика говорила. И было видно, что это облегчало ее горе. Потом она попросила Бийсархо рассказать все, что он мог вспомнить о нем, о последних днях, последних часах его...

И Бийсархо рассказывал много, хорошо. Невольно речь его зашла и о Калое. Вика захотела увидеть солдата, который был рядом с Солтагири в последнем бою.

Калоя позвали.

Когда он вошел. Вика оглядела его, словно на нем что-то должно было сохраниться от того рокового дня, и невольно подумала: «Ну как же ты, такой... и не сберег мне его, не спас...».

Калою предложили сесть. Он поглядел на девушку, но не догадавшись, кем она могла доводиться его командиру, спросил. Бийсархо перевел его вопрос. И Вика впервые и для людей и для себя сказала:

- Жена... Жена по гражданскому браку...

Бийсархо не стал пугать Калоя понятием гражданского брака и просто сказал:

- Жена! Солтагири скрывал это от товарищей, потому что она не ингушка.

Калой поднялся перед Викой, тем самым как бы подчеркивая, что он признает ее. Она поняла. Это был первый человек, который отдал ей долг уважения как вдове Байсагурова. Отныне с этим именем ей суждено было жить.

Калой обстоятельно рассказал Вике все. И свою ночную беседу с командиром в этом же селении, и атаку, и бой. С непонятной для Вики радостью он передал, как Байсагуров перед смертью отомстил за себя, зарубив, наверное, больше десятка врагов! С таким же чувством он рассказал, что убивший командира немец тоже не избежал возмездия, что он, Калой, убил его. Но смерть командира Калой не мог оправдать.

- Хочешь обижайся, хочешь нет, - сказал он, - я не оправдываю его. Он мог жить, но сам выпустил из себя кровь, а с нею и душу, которую дал ему Аллах, и только он имел право отнять ее! Это грех! Он ранил сердце своей матери... О тебе я и не знал... Но ты была у него. Он знал об этом и не пощадил тебя...

Я немолод. Не дай Аллах - случись мне стать калекой, так что же мне, убивать себя? Сейчас вон половина России без рук, без ног! Прости меня, женщина, без ума это! С его головой он и без обеих ног мог бы кормить тебя и иметь детей!

Только после этих слов Вика горько заплакала. Калой растерялся, встал.

- К чему ты? - рассердился Бийсархо. - Разве время и место?

- Забылся... Досадно мне... Ты бы дернул, что ли, или не переводил всего...

Вика по интонации поняла их и, сдерживая слезы, сказала:

- Не ругайте его. Он прав! Это мы, интеллигенты, придумали себе условности, от которых одна дорога - в петлю!

Видя, что Калой собирается уходить. Вика спросила, не помнит ли он, кому было адресовано письмо, которое передал ему Байсагуров?

- Почта пойдет только сегодня. Вот посмотри, - ответил Калой. - Я его еще не отправил.

- Мне, — сказала Вика, прочитав адрес.

Калой колебался. Бийсархо подтвердил, что письмо адресовано Вике, и Калой разрешил ей прочесть его.

Видимо, в письме не было ничего нового. Оно было дорого только как последняя память любимого человека. Но, когда она кончила читать, Калой забрал письмо. Вика растерялась.

- Что ты делаешь? - закричал Бийсархо по-русски. Калой по-русски ответил ему:

- Командир сказал: «Сам посылай»... «Отдай» не сказал... «Посылай» сказал. Я сказал: «Посылаю». Это смертный разговор! Последнее слово. Неправда - никак нельзя! Я сегодня посылаю. Куда он писал - туда письмо поедишь. Тебе писал - тебе поедишь. Не обижай!..

Вика не обиделась. Она поняла, как свята для Калоя последняя просьба Байсагурова и обещание исполнить эту просьбу. За это человека можно было только уважать. «Он знает, - подумала она, - что должен делать не только для живых, но и для тех, которые ничего уже не могут с него спросить!.. Человек долга!»

На ночь Вика осталась в сотне. Ее навестили Мерчуле, офицеры других сотен. Конечно, были среди них и такие, которым просто из любопытства хотелось посмотреть на ту, что была у Байсагурова «для души»... Но она этого не знала.

Не знала она и того, что понравилась друзьям Байсагурова. Выразил это за всех командир полка, когда, расставаясь с ней, сказал:

- Простите, я солдат. И, наверно, груб. Но я глубоко сожалею о том, что случилось... Потому что вы были бы хорошей матерью детей и другом нашему товарищу... И я не понимаю, как он мог забыть об этом в последний момент.

Вечером Вика обошла всадников четвертой сотни. Разговаривала с ними, выслушивала их нехитрые слова о муже. Она присаживалась к кострам, и ей казалось, что она живет жизнью, которой жил он, идет по его следам... Солдаты понимали ее, сочувствовали ей.

Ужинали у Бийсархо. За столом, кроме хозяина, были ближайшие друзья Байсагурова и помощник командира полка по интендантской части. Сначала все вели себя скромно, как приличествало случаю. Но постепенно голоса становились громче, поведение свободнее. Огрубевшие за годы войны мужчины срывались на скабрзные словечки, плоские анекдоты.

Помощник командира полка упросил Вику выпить вина. Второй бокал ей пришлось выпить за какой-то особый тост.

Все эти мужчины были ей близки и дороги. Ей казалось, что каждый в отдельности и все вместе они своим вниманием стараются восполнить отсутствие ее друга.

Когда они запели «Слово власти созывало...», Вика заплакала. Помощник командира полка постарался успокоить ее, дал воды. Они сидели рядом на топчане.

- Что ты, голубушка? - гудел он сквозь пышные усы. - Надо держать себя в руках!.. Такое время... Каждый из нас сегодня есть, а завтра - капут. - Рука его незаметно для других тепло и дружески похлопала ее по бедру. Слегка отклонившись, он бросил взгляд на ее спину...

Прикосновения соседа Вика, уже привыкшая на фронте к домогательствам, на этот раз отнесла за счет выпитого и простого выражения дружбы.

Здесь было слишком много мужчин, чтоб опасаться кого-нибудь одного из них. Тем более мужчин — друзей Байсагурова...

Наконец гости стали расходиться.

Помощник командира полка, которого все называли просто Магометом, вышел с Бийсархо в другую комнату. Он спросил, как хозяин намерен устроить Вику, и, узнав, что она будет спать там, где сейчас ужинают, а сам Бийсархо уйдет дежурить по полку, попросил разрешения прилечь здесь, на диване, чтоб в таком виде не попадаться на глаза Мерчуле. Он тяжело дышал, и видно было, что выпил лишнего.

- Можешь не беспокоиться. Через два-три часа я буду в порядке и приду в штаб. Только ты не выдавай меня...

Бийсархо не возражал. Правда, у него мелькнула мысль: хорошо ли оставлять его рядом с Викой? Но Магомет уже почти спал, и он уложил его на диван.

Когда наконец после всех речей, добрых пожеланий и целования ручки Вика осталась одна, она почувствовала, чего ей стоил этот тягчайший из всех ее дней.

Она была бессильна воспринимать еще что-нибудь. Поблагодарив за прием ушедшего Бийсархо, она сбросила сапожки и, забравшись на нары, уснула как убитая.

Бийсархо подошел к денщику и Калою, сидевшим во дворе у костра, выпил кружку крепкого чаю и, предупредив, что гостья спит, ушел в штаб.

Солдаты еще чаевали, разговаривали о своих делах, когда из дома донесся приглушенный голос. Они прислушались.

- Во сне говорит... - сказал денщик Бийсархо.

- Мне кажется, двое говорят... — возразил Калой.

В это время раздался крик.

- Пуганая она! - сказал денщик. - Воды отнесу.

Крик повторился. Он был такой, словно человеку зажимали рот. Схватив из костра горящую головешку, денщик и Калой кинулись в дом.

На нарах барахтались люди.

Увидев свет, Магомет вскочил. Глаза его горели.

Вика забилась в угол, сжала на груди разорванную кофту...

- Оставьте меня! Оставьте меня! - срывающимся голосом кричала она, в ужасе глядя на Магомета, второпях завязывавшего очкур.

Наконец, одернув черкеску, он резко повернулся к всадникам и на ингушском языке заорал:

- Кто вас звал? Какое вы имеете право входить, когда здесь я? Убирайтесь вон!

В отблеске света головни, наполнившей комнату смрадным дымом, он стоял багровый, с гневными глазами. На губе его видна была кровь.

Денщик Бийсархо, вымуштрованный на причудах офицеров, услышав повелительный окрик, испугался. Но Калой сразу забыл о воинской дисциплине и встал перед помощником командира полка не как солдат перед офицером, а как ингуш перед ингушом.

Он шагнул к нему, заглянул в лицо и негромко спросил:

- Кто ты такой? Что-то я не знаю тебя?..

- Я покажу тебе!.. Вон отсюда! - закричал офицер, топнув ногой.

Калой с радостью почувствовал, как он снова стал свободным горцем, которому предстоит мужской разговор, где все будет решать только личная храбрость, а не служебное положение.

- Ты что потопываешь ногой, словно норовистая кобыла?.. Ты что покрикиваешь, как коробейник на базаре? — Голос Калоя из мягко-шутливого становился все более угрожающим. - Ты что гонишь нас из нашей башни? Как ты посмел тронуть женщину товарища, гостью нашей сотни, мою гостью? - закричал он уже прямо в физиономию офицера. - Ты думаешь, погоны тебя спасут?

- Замолчать! Серая сволочь! Негодяй! - истерически взвыл офицер и бросился в другую комнату.

Выскочил он с поясом, на котором болтались шашка, кинжал и парабеллум. Но не успел он выхватить пистолет, как Калой обезоружил его, схватив за шиворот и, словно куль мякины, выбросил во двор.

- Смотри за ней! - крикнул он денщику Бийсархо и выскочил за Магометом. Тот неуклюже поднимался с земли.

Спрятав его пистолет в карман, Калой швырнул ему пояс с остальным оружием.

- Убирайся! Убирайся, пока я не превратил тебя в холодный труп! Офицер подхватил свои доспехи и, застегиваясь на ходу, крикнул:

- Завтра ты узнаешь, как поднимать руку на офицера! Раскаешься, да будет поздно!

- Кто тебе сказал, что ты офицер? - снова овладев собою, издевательски спросил Калой. — Ты же сам знаешь, что ты всего лишь проститутка!.. - Он двинулся на Магомета. Но тот, стараясь сохранить достоинство, сделал вид, что не расслышал оскорблений, и решительно зашагал прочь.

Калой вернулся в дом. Денщик зажег лампу. Вика сидела все в той же позе и дрожала.

- Посмотри за чаем! - сказал Калой денщику. Тот кинулся, словно к нему обратился сам командир полка.

- Теперь издес свина больше нету. Ми не знал, - говорил Калой Вике. - Теперь лоджис спайт. Все будит хороший. Ти тут спайт, ми там садис. Ты наш сестра! Не боится! Пьян свина домой бежал. Не обижайся нас... Офицер не офицер - пьяни все свина! Ингуш так нелиза. Никогда! Ты наш дженшин...

Денщик принес чаю. Вика сделала несколько глотков. Слушая Калоя, она успокаивалась.

Убедившись, что Вика пришла в себя, Калой улыбнулся, таинственно показал ей из одного кармана наган, из другого парабеллум, из нагрудного браунинг, похлопал себя по кинжалу и спросил:

- Ти типер не боюсь? Я издес.

Прикрутив на столе лампу, он укрыл Вику буркой и потихоньку, словно она уже спала, вышел из комнаты. Несмотря на неприятность, Вика вскоре заснула.

Калой сел к огню, подкинул дров в костер и, поразмыслив, принял решение. Он послал денщика позвать трех всадников из рода Байсагурова и столько же однофамильцев Бийсархо. Встревоженные вызовом в ночное время, все они, вооруженные до зубов, тотчас же прибежали к Калоя. И тогда он рассказал им все, что случилось.

- Я между вами посторонний, - сказал он в заключение. - Если б я не выбросил эту свинью, дом, где сегодня хозяином Бийсархо, а значит, и вы, стал бы домом, в котором опозорили б жену Байсагурова, женщину их рода. - Он указал на байсагуровцев. - Между вами возникла бы вражда. Да и в полку вам нельзя было бы показаться.

Представителей обоих родов охватила настоящая лихорадка.

- Если оставить это до утра, офицеры перекрутят все по-своему. Скажут: солдат напал на офицера. Меня отдадут под суд. Я буду вынужден рассказать все, как было, и вам все равно придется расхлебывать между собой эту грязь. Да еще и за мою гибель ответить... Но если вы хотите избежать этих неприятностей, идемте к Бийсархо! Поднимем командира полка и выложим ему все. Потребуем, чтоб Магомета еще до наступления утра не было в полку! Станет отпираться - поднимем сотню!

Оставив денщика дежурить около дома, Калой с родичами нового и старого командиров направился в штаб.

Командира полка, Магомета и Бийсархо они застали в штабе. Видно, Магомет уже успел изложить им происшествие по-своему.

- Что вы наделали?! - шепотом спросил Калоя часовой, когда всадники подошли к штабу. - Они сговариваются кого-то арестовать, судить!..

- Я говорил вам? — бросил своим Калой и смело вошел в помещение.

- В чем дело? Кто разрешил? - вскочил Бийсархо, кладя руку на саблю.

- По-русски будим или по-своем? - спросил Калой у командира полка, не обращая внимания на Бийсархо.

- Говорите по-русски! — приказал тот.

- Мы, когда служба, садники. Когда дурной дело - ингуши! Ничего не боится! Каждый ден здес сто человек без делом умираю. А такой делом - мы рад умирать! Надо - с кинжалом добавлять будем!

- Говори толком! - прикрикнул на него командир. - За что умирать собираетесь?

- Ево дома, - Калой указал на Бийсархо, - Байсагурова жана спал... Это тоже там, другой комнате, тихонько сидел, - он показал на побледневшего помощника командира полка. — Когда се ушел, он это джен-шин держал! Дженшин кричал. Ми пришел. Вижу: его на морда кровь, штана - в руках... открытый. Вот такой дела!.. Типер чаво скажу дургом сотни, дургом полка? Свой мертвый командир жана ему... отдали? Где лицо? Эта дженшин твой гость, наш гость...

- Командир Мерчули! Ты его не гоняешь — твой полк парпал. Ми его стреляю! Все! Большой скандал буду!.. - поддержал Калоя один из однофамильцев Байсагурова.

Калой бросил парабеллум Магомета на стол перед Бийсархо.

- Это ливор ево. Твой дом он хотел бардак делат... Смотри типер сам... - С этими словами он и его товарищи вышли так же решительно, как и вошли.

Но его глаза, полные гнева, так и остались стоять перед задумавшимся Мерчуле. Видно было, что он верил каждому слову этого горца.

- Ваше сиятельство! — попробовал было заговорить помощник командира полка, угодливо производя Мерчуле в князя. Но тот резко оборвал его.

- Мне стыдно было смотреть им в глаза! - с возмущением сказал он. - Позор! В моем полку вы больше не служите! И чтоб из-за вас никакой заварухи здесь не было! Иначе - суд чести! - Бросив на своего помощника гневный взгляд, он круто повернулся и ушел.

Утром верст пять за село Вику провожали всей сотней. Сотня шла в конном строю. А Вика ехала в кабриолете, который всадники специально раздобыли для нее.

Бийсархо, улучив момент, извинился перед ней за вчерашнее и сказал, что Магомет выгнан из полка еще ночью.

На развилке дорог всадники тепло попрощались с Викой и посоветовали ей перевестись в их полк.

Вика обещала.

Ночной эпизод говорил лишь о том, что она должна свыкнуться с нелегкой участью свободной женщины, которую даже самое доброе имя мертвого мужа уже никак не может защитить.

То, что произошло в эту ночь, стало известно всему полку. Только офицеры не говорили об этом с солдатами. Они осуждали поведение Магомета. Но их приводило в

ярость то, что солдат осмелился поднять руку на помощника командира полка и что они вынуждены были оставить это безнаказанным.

А среди всадников Калой был признан героем. Они радовались. Сообща им здорово удалось проучить пьяницу и распутника.

5

Поезд с телами офицеров приближался к дому.

По дороге Орци снова увидел Россию. Только это была уже не та Россия, которую он проезжал два года назад.

Здесь не шли бои. Здесь не было сожженных хат и взорванных строений. Здесь не было бесконечных траншей, свежих братских могил. Но печать войны лежала на всем.

По редкому жнивью, по заброшенным лугам бродили исхудалые коровы. В прогнивших соломенных крышах зияли черные дыры. Разгороженные дворы лежали пустырями.

Очень часто поезд надолго застревал в сутолоке вагонов. Стояли мертвые, без угля, без машинистов, паровозы.

В городах были очереди. Долгими часами толпились старики, дети, женщины за керосином, за хлебом, за спичками, за солью. Измученная войной и голодом страна превращалась в нищую.

И Орци представлял себе, какая же нужда ожидает его дома.

А что он ответит людям, которые, как и здесь, будут смотреть в глаза и с тоской и надеждой спрашивать: «Ну, когда же вы там?.. Когда же ей конец?..» Что ответит он?

«День - вперед... два - назад... Десять - на месте!.. Полгода - вперед, полгода - назад... И так все время!..» Скажет, что и там, на фронте, все это надоело людям до смерти...

Где-то за Ростовом Чаборз узнал, на какой станции следует запастись мукой. Оказывается, во Владикавказе все втридорога.

Купил мешок муки и Орци. На большее не хватило. Все не с пустыми руками.

Дал Чаборз телеграммы родственникам Байсагурова, Бека и своим. У Орци некого было извещать.

- А как же ты повезешь свой гроб? - удивился Чаборз.

- Ты поможешь... - с невозмутимым спокойствием отозвался Орци. - Ведь если ты свой увезешь, а я попадусь, я не стану брать груз на себя!

- Как не станешь? - стараясь понять его, пялил глаза Чаборз.

- Да очень просто, - ответил Орци. - За это же арестуют! А раз бумаги на тебя, тебе и

отвечать за груз! Да и по возрасту - ты старший. И телеграммой я никого не вызывал! Не могут же они подумать, что я на своей спине собирался нести этот железом набитый гроб: а, брат! Они сразу сообразят, кто из нас хозяин, и побегут за тобой!.. Если ты об этом не подумал, я не знаю, как столько лет ты мог быть у нас старшиной! Так что я в полной надежде на тебя.

- Удивительные головы у вас с братом! - воскликнул Чаборз. - Сам шайтан, наверное, свил гнездо в ваших мозгах!

- Я ведь раненый, так что и грузить гробы придется тебе. Ты только не забудь пустить слезу. А я, как дальний родственник буду успокаивать тебя, - говорил Орци, не обращая внимания на ругательства Чаборза.

- Не было у меня счастья, чтоб в этих ящиках лежал ты! — «перекрикивая стук колес, заорал Чаборз. — Хорошо, я как знал, братьям дал телеграмму, чтоб они встретили меня на двух подводах...

Орци все еще продолжал смеяться, потом оборвал смех, подошел к Чаборзу и, глядя на него в упор уничтожающим взглядом, сказал:

- А разве ты не знал?..

- Что не знал?.. - нагло переспросил Чаборз.

- Не кривляйся! Ничего из ваших планов не выйдет...

- Каких планов? - Чаборз побледнел.

- Тех, что вы с Бийсархо надумали: меня в госпиталь, а оружие себе... Я ведь все слышал.

Чаборз с трудом преодолел растерянность.

- Так ты ж ничего не понял! - Он пытался улыбнуться. - Мы договаривались на тот случай, если твоя рана не заживет...

- Не будет вам того случая!.. Вот, - Орци снял руку с перевязи и взмахнул кулаком. Чаборз шарахнулся в сторону. - Сорвалось? Я еще подумаю, как мне быть с вашим гробом...

«Прав был отец. Пока эти братья живы, покоя не будет... - тяжелыми тучами проносились мысли в Чаборзовской голове. - И я не я буду, если не избавлюсь от этих выродков!»

На горизонте показались очертания Кавказских гор.

Побродив по российским просторам, древняя вражда Гойтемировых с Эги возвращалась домой. Где она кончится?

Знаменитый Брусиловский прорыв на Юго-Западном фронте имел большое значение для всей кампании 1916 года.

Австро-германской армии пришлось оттянуть из-под Вердена и из Италии свои дивизии. Потери их дошли до полутора миллионов человек. Только пленными прошли в Россию девять тысяч офицеров и четыреста тысяч австро-германских солдат.

Этот удар русских вместе с успехами наступления англо-французских войск на Сольме свел на нет инициативу командования немцев и заставил их на сухопутном фронте перейти к обороне. А австро-венгерская армия и вовсе потеряла способность вести значительные наступления до самого конца войны.

Но Ставка царя оказалась бессильной поддержать свои войска, развить успех фронта в стратегический успех всей армии.

Бездарное руководство Верховного главнокомандования не могло организовать ни подвоза подкреплений, ни снабжения фронта боеприпасами. И наступление стало выдыхаться. Солдаты расплачивались за это кровью, а промышленники и помещики набивали карманы прибылями и вели между собой борьбу за власть под лживыми лозунгами защиты интересов отечества и народа.

В это время в стране повсеместно стала расти и крепнуть большевистская организация. В нее вливались все новые и новые силы российского пролетариата. Народ объединяла мысль о прекращении войны.

Желание это шло от измученных солдат в тылы и возвращалось обратно в настроения новобранцев, которых гнали на фронт из разоренных сел и голодающих городов России.

Всадники Кавказской туземной дивизии не были исключением. Горцы-крестьяне, они хорошо понимали, какое бедствие принесла народу война. Но незнание русского языка и иная вера до поры до времени отгораживали их от мыслей изменить сложившийся порядок жизни.

Однажды осенью кавалерия фронта получила приказ срочно передвинуться на юг и занять новый театр военных действий.

Рассчитав, что настало удобное время вступить в войну и отторгнуть себе часть австро-венгерских земель, в конце августа 1916 года румынские заправилы толкнули свою страну на войну с Австро-Германским союзом.

России был выгоднее нейтралитет Румынии. Она понимала, что вступление в войну этой страны только новым бременем ляжет на ее же плечи. Но при поддержке Англии и Франции Румыния все же осуществила свой план и вошла в Антанту.

Первое время ей удалось потеснить австро-венгров. Но очень скоро она получила сильнейший ответный удар в Трансильвании и Добрудже. Немцы вторглись на ее территорию, заняли Бухарест и захватили свежий источник продовольствия и нефти. А румынская армия, не в силах сдержать их натиска, обнажила южные границы России.

Чтобы заткнуть эту брешь, русское командование бросило в нее свыше десяти

кавалерийских дивизий и к концу года подогнало тридцать пять пехотных.

Так был образован Румынский фронт, который увеличил линию обороны России на пятьсот верст!

Но все это войскам стало известно потом. А в те часы, когда был получен приказ, невиданная масса русской конницы, а с нею и полки «дикий дивизии» двигались по всем дорогам на юг России, ни днем, ни ночью не давая отдыха ни людям, ни коням.

На лошадях везли все: солдат, боеприпасы, штабы, их имущество. Истощенные животные гибли, усеивая дороги тысячами трупов. Порой на одном коне ехало по два, по три человека. Никто не считался ни с уставными нормами, ни с потерями. Приказ гласил: «Вперед!» - и его выполняли.

А мимо этого потока, двигавшегося к границе, в обратном направлении, в тыл, шел другой поток - из людей, потерявших веру в свои силы, в себя. Это были румынские солдаты, которыми уже никто не управлял.

Вот тогда в этом всеобщем движении вперед, в решимости, с которой шли русские, чтобы грудью встретить и отразить нависшую над родиной новую беду, конники-горцы особенно сильно почувствовали общность судьбы всех народов, боровшихся за Россию.

Только к зиме на этом фронте установилась линия постоянных позиций и командование получило возможность посменно отводить войска на отдых.

В феврале 1917 года Ингушский полк отдыхал недалеко от Кишинева.

Из центра доходили тревожные слухи о предстоящих переменах власти. В стране была полная разруха. В соседних русских полках солдаты почти открыто говорили, что все их беды - из-за беспомощности царя и его генералов.

Горцы не решались судить, так это или нет, и помалкивали.

Их офицеры ездили в Кишинев, кутили. Всадники приводили в порядок одежду, сбрую, коней. Некоторые из них ходили в соседние поселки и выменивали или покупали что-нибудь съестное вдобавок к урезанному казенному пайку. А кому случалась удача у дамского пола, старались, как говорилось в дивизии, оставить по Кавказу добрую память...

Потеплело. Дороги расползлись. Время отдыха полка подходило к концу. А так не хотелось покидать уютные хаты, чтобы снова лезть в окопы, в норы, в слякоть.

В один из последующих дней из штаба дивизии вскачь примчался адъютант Татархан и от имени командира полка приказал сотенным выстроить людей «в лучшем виде».

Вскоре из соседней деревни прибыл и встал рядом с Ингушским Черкесский полк. Эти два полка составляли третью бригаду, командовал которой генерал князь Гагарин. Рядом с черкесами выстроился недавно прибывший с Балтики для усиления дивизии отряд моряков-пулеметчиков человек в триста.

За время отдыха всадники и матросы частенько встречались вне казарменной обстановки. У них было много общего: культ отваги, дружбы, умение постоять за себя, за друзей. Все это быстро сближало воинов.

Но офицеры-кавалеристы всячески стремились, чтобы их подчиненные как можно меньше общались с пулеметчиками.

И, видно, для этого у них были свои основания.

Через некоторое время показалась коляска командира Ингушского полка. Ни у кого на всем фронте не было такой! Ингуши угнали ее у венгерского помещика, сами не зная зачем. Просто не могли бросить такую красоту. Ярко-оранжевая, лакированная, на рессорах, с кожаными черными крыльями, с фонарями, она казалась игрушкой. При ней была пара пегих коней и шикарная сбруя. В муфте на козлах торчал бич, которым, умеючи, можно было щелкать, как из револьвера... И всадники были очень довольны, когда Мерчуле приказал оставить коляску при штабе.

Завидев ее, ингуши подумали было, что возвращается их командир. Но за коляской следовал кавалерийский эскорт, а это говорило о том, что в ней едет какое-то высокопоставленное лицо.

Выбившиеся из сил кони едва волокли экипаж по грязи. Наконец он стал, и тогда все увидели командира дивизии князя Багратиона и рядом с ним командира бригады генерала Гагарина.

Мерчуле, отделившись от эскорта, поскакал к своему полку.

Генералам подали лошадей, и они чинно направились к линии конников, выстроившихся повзводно.

Оркестр Ингушского полка грянул «Встречный марш».

Мерчуле, который в свое время после Николаевского училища в Петрограде окончил еще в Италии высшую школу верховой езды, демонстрируя блестящую посадку, подскакал к начальству и отдал рапорт.

Багратион, сидящий мужчина с усами и бородкой, в черкеске, скорее походивший на русского боярина, нежели на грузинского князя, не спеша подъехал к полку... Марш оборвался. В наступившей тишине негромко прозвучал чуть надтреснутый его голос:

- Здравствуйте, славные ингуши! Полк дружно ответил:

- Здравья желаем!

Дальше Багратиона и кавалькаду офицеров встретил оркестр Черкесского полка, а князь Чавчавадзе, командир этого полка, отдал рапорт.

Воинский церемониал проходил блестяще. И генерал имел основание быть довольным. Перед ним стояли заслуженно признанные Ставкой лучшими в кавалерии полки его полуполюгендарной дивизии.

Очередь дошла до матросов.

Безукоризненно выстроившиеся по команде «Смирно!» моряки стояли четким черным квадратом, как некий гранитный постамент.

Генералу понравилась выправка молодцеватых пулеметчиков, и он подчеркнуто громко крикнул им:

- Здравствуйте, братцы матросы!..

Наступили секунды обязательного безмолвного интервала между приветствием и ответом... прошли эти секунды... прошли еще... На глазах у свиты лицо генерала стало как у покойника. А матросы, держа на него равнение, молчали. Часть не принимала военачальника. Офицеры свиты и полка задвигались. Командир Черкесского полка приблизился к генерал-лейтенанту.

- Ваше превосходительство, - обратился он к Багратиону, - дозвоьте!.. Мы в одно мгновение изрубим этот скот! — Глаза полковника не оставляли сомнения в его решимости.

Но Багратион уже овладел собой. Когда он подъехал к свите, все еще бледное лицо его было бесстрастно.

- Спасибо, Александр Захарович, - ответил он полковнику. - Я ценю вашу верность. Но всех нас и Россию сегодня постиг больший, чем этот, удар! Мы лишились монарха! Да поможет Господь! Так не будем терять благоразумия... Неизвестно, с чем еще придется столкнуться завтра... Оставить без внимания...

Начальник дивизии изменил намерение самолично объявить частям об отречении Николая и, поручив это командирам полков, уехал. Проводив генералов, Мерчуле и Чавчавадзе вернулись к своим.

- Всадники! - крикнул Мерчуле ингушам. - Мне приказано объявить вам, что царь отрекся от престола! Отрекся и его брат Михаил, который был у нас начальником дивизии. И теперь Россией правит Временное правительство во главе с князем Львовым! Это правительство займется делами страны, а наше дело соблюдать порядок, дисциплину и драться против врага, который, как и прежде, хочет завоевать нашу отчизну.

- Отныне, обращаясь к офицерам - от самого младшего до главнокомандующего, следует говорить: «господин!» Все остальное остается по-прежнему. Вы поняли?

Всадники молчали.

- Господа офицеры разьяснят, кому непонятно. Отдых кончился. Завтра выступаем на передовую.

Ночью на своем собрании офицеры бригады приняли дипломатичную резолюцию, гласившую, что они в связи с отречением царя присоединяются к общему мнению народа и сословий России.

А среди всадников было много насмешливых шуток. Никто из них не мог понять, зачем прогнали царя Николая, если война будет продолжаться, порядки останутся прежними и только «балгороди» меняется на «господин».

Гораздо больше их занимало и удивляло то, что матросы не ответили на приветствие генерала.

Одни осуждали их, говорили, что нельзя было оскорблять старика, что это неучтиво. Другие говорили, что, значит, у матросов был на это какой-то повод.

Но, когда Калой, не принимавший участия в спорах, сказал, что как бы там ни было, а они настоящие мужчины и бесстрашные люди, все согласились с ним.

Однако, какая причина вынудила матросов поступить именно так, узнать не удалось. Отряд пулеметчиков в ту же ночь был куда-то переведен.

Несколько дней полк двигался к северу. Всюду встречались новые пехотные и артиллерийские части. Тысячи солдат - стариков и совсем молодых, безусых — подходили из России к передовой и здесь наспех обучались. Видно, новое правительство готовилось продолжать войну до победы.

Где-то недалеко от Каменец-Подольска ночью полк спешился и занял на передовой окопы, обжитые пехотинцами из центральных губерний России.

Калой с товарищами вошел в землянку. Редкие бревнышки поддерживали стены. На длинном столе коптил огарок свечи, сырость и махорочный дух, казалось, могли убить наповал. Пехотинцы, собиравшиеся уходить, шумно приветствовали смену.

- Ну, как там на воле? Какие новости? - обратился к Калою, затягивая ремень, свежевыбритый солдат с молодцеватыми усами.

- Очень хорошо! - ответил Калой. - Хлеб - нет, мяса - нет, Николай - нет, балгороди - нет. Господин - есть. Госпади памилу - есть! — Солдаты дружно хохотали. - Домой ехай - нет! - продолжал

Калой, которому очень нравилось, что его так слушают. - Война - есть! Вош - нет. Где отдыхал, немец не был - мы тогда все вош убил. Теперь не чешит. Скучаю. Все не возьми. Немного здесь оставляй нам! - И снова смеялись солдаты.

- Этого добра, если мало будет, мы вам ковшом подкинем! - Бритый заправился и, обращаясь к своим, сказал: - Слыхали? А ведь не русские! Все все, брат, понимают теперь!.. С этим отречением!.. - И, помянув чью-то мать, он подошел к Калою и спросил: - Солдатский комитет выбирали?

- Чаво такой? - не понял его Калой.

- Вы из своих солдат выбирали старших, таких, которые, если надо, с офицерами будут говорить за весь полк, которые наравне с ними теперь права имеют?

- Ничаво не знаю. Не был такой дело, - ответил за своих Калой.

- Плохо! - сказал солдат.

В это время снаружи закричали: «Выходи! Выходи!..» Солдаты заторопились.

- Ну, ничего! Тут наши побывают, расскажут, что к чему! Порядки уже не те! Вы смекайте! С немцем, что перед вами, мы жили - во! За месяц - ни одного убитого... Бывало, и музыку играли. А стреляли - только по приказу. И то поверху. И они поверху. Попробуйте и вы! Может, и войне скоро конец, так чего же умирать зазря?

Пехотинцы ушли, и всадники заняли их места в окопах.

Калой велел своим разойтись по всем землянкам и рассказать, что услышали от русского солдата. А главное - договориться: прицельным огнем первыми в немца не бить! А вдруг и в самом деле теперь так воюют!..

С неделю моросили дожди, лежали туманы. Изредка возникала перестрелка. Но урона не было. И доходили до всадников слухи: такое затишье на всем фронте. Надоело, что ли, насмерть бить друг друга?

Раза два немцы выставляли над своими окопами какие-то плакаты. Но, несмотря на небольшое расстояние, без бинокля нельзя было прочесть. А биноклей солдаты не имели.

Однажды в солнечное утро, когда с полей потянуло запахом свежей земли, в немецких окопах заиграла музыка. Горцы прислушивались. Эта музыка не была похожа на их родные мотивы. Не похожа была она и на русские и казачьи песни. Но в ней таилась какая-то грусть, тоска человека, где-то вдали и давно потерявшего счастье, и это было понятно и волновало.

Замолкли разговоры, шутки. Люди думали о своей удивительной доле. А когда стало невмоготу, кто-то, чтобы скрыть за внешней удачью слабость свою, высунулся по пояс из-за бруствера и закричал сквозь десятки рядов колючей проволоки в немецкие окопы:

- Э-э-й! Дава-а-й дургой, весе-е-лый!

Там сначала все стихло, а потом словно поняли его. Из-за бруствера высунулась голова... руки и донеслась веселая плясовая.

Горцы, все еще боясь подвоха, ставили на насыпь свои папахи, а сами откуда-нибудь сбоку, осторожно поглядывали на музыканта. Но немцы не стреляли.

- Тащи наших! - весело закричали всадники. Кто-то побежал по ходу сообщения... И вот уже появились запыхавшиеся зурнач и барабанщик.

Зурначом в полку давно уже служил толстомордый Аюб. Тот самый, который очень не любил, когда ночью говорили о покойниках. Он и играть-то научился только для того, чтобы избавиться от боевой жизни. Вместе со своим сухопарым барабанщиком он отсиживался в блиндажах, а в часы отдыха пищал на дудке, как немазаная арба с деревянной осью. Благо за грохотом барабана его все равно почти никто не слышал.

- Вылезай! Вон, видишь, немец наигрывает свою лезгинку? Давай нашу! - закричали

музыкантам всадники, подталкивая их к насыпи.

- Куда вылезай? - удивленно вытаращил глаза Аюб.

- Наверх! Как и немец.

Аюб содрал с головы папаху, осторожно высунулся над бруствером и мгновенно нырнул вниз.

- Попало! — крикнул кто-то. Всадники покатались со смеху. — Как будто и не стреляли, а?

- Дураков нет! - отрезал Аюб. - Кто хочет, вот зурна... Вылезай и дуй!

- Да чего ты боишься?

- Да ничего! Но из-за ваших глупых голов я не собираюсь лезть под пули! Ишь, что выдумали!

- Да они же не стреляют! - кричал и Аюбу солдаты.

- А мне какое дело! Ишь, что выдумали! Отойди! А то как двину! — замахнулся он дудкой на всадника, который стал его подталкивать сзади.

- Прав он! Оставьте! - кричали другие. - Кто удержится, не пальнет в такой горшок! Да еще когда он щеки надует!

- У немца, так у того вон лицо! А наш разожрался - шальная пуля мимо не пролетит!

Аюб двинулся было, чтоб уйти. Но всадники обступили его.

- Куда?! Не позорь перед врагом! Сыграй хоть здесь, внизу... Только тужься посильнее, чтоб им слышно было!

- Научишь! С натугой так его и за гаубицу могут принять!..

- Играй!.. Играй!.. - кричали со всех сторон.

Аюб, зло крутанув глазами, сунул зурну в рот, надул щеки и извлек из нее такой звук, что он, как иглой, вонзился в уши. А у немцев на бруствере уже плясал солдат.

- Э, была, не была! - крикнул один из молодых всадников. - Давай хоть барабанщика ко мне. - И, выскочив на насыпь, встал на носки.

Всадники ударили в ладоши. Несколько человек подхватили цеплявшегося за их ноги барабанщика и, прежде чем тот опомнился, выбросили его на бруствер. С ужасом впился он глазами во вражеский окоп, словно увидел преисподнюю, а потом так заколотил по барабану, что руки его замелькали быстрее, чем спицы в шарабане. Грохот раздался неимоверный.

Десятки вражеских солдат высунулись из окопов. Они перестали играть и танцевать и с

любопытством смотрели в эту сторону. А здесь раззадоренные первым танцором парни выскакивали на насыпь и один лучше другого неудержимо плясали лезгинку.

С улыбкой, замершей на лице, Калой глубоко задумался. Прошлой ночью пришли к ним в окопы русские солдаты из соседнего полка, созвали в землянку представителей от всех сотен и рассказали о том, что народ будет добиваться, чтоб правительство закончило войну и отпустило людей к мирной жизни.

Там на собрании выбрали солдатский комитет полка. Выбрали в комитет и его.

Русские поздно ушли к себе, а ингуши еще долго говорили, пытаясь понять, что следует делать. Да так ни до чего и не договорившись, решили положиться на время. Оно само покажет, как быть.

И вот Калой видит, как разделенные рядами проволоки, десятками снарядных лунок пляшут мирные немцы там, пляшут наши здесь... А чего бы не сговориться да не разойтись по домам? Хорошо... Но уйдут одни, а на их место пришлют других... Да и куда уйдут? В Сибирь?..

- Прекратить! Прекратить шутовство! По местам! Огонь! - послышался вдруг неистовый крик.

В первый момент Калой даже не понял, кто и зачем кричит. Всадники еще продолжали бить в ладоши, какой-то парень еще залихватски плясал, разбрасывая носками грязь, хотя зурна задохнулась, потому что барабанщик свалился на голову Аюба...

Бийсархо схватил прислоненную к стене винтовку и, вскинув, прицелился в немцев.

Но владелец винтовки подтокнул под цевье.

Выстрел грянул в воздух. Танцор спрыгнул в окоп. Немцы скрылись. Наступила тишина.

- Под суд! Негодяй! - закричал Бийсархо, пытаясь вырвать у всадника оружие. - Предатель! Дезертир!

Мгновенно Калой очутился рядом с ним и строго сказал:

- Не надо шуметь, господин ротмистр. Если бы ты убил немца, они застрелили бы нашего танцора... А зачем?..

- Как смеешь вмешиваться?... - пуще прежнего закричал Бийсархо. - Ты здесь командир или я?

Стало слышно, как земля с насыпи ссыпалась на дно окопа. Всадники переглянулись.

- Ты командир, - ответил Калой и, запнувшись на новом слове, торжественно произнес:
- А я... я - комитет!..

Слово это многие здесь услышали в первый раз. Но еще удивительнее было то, что Бийсархо сбавил тон и, только уходя, пригрозил:

- Ну, мы с тобой еще поговорим, комитетчик! А пока война, солдаты будут подчиняться только нам, офицерам!

Он быстро зашагал по ходу сообщения. «Музыкальная команда» побежала за ним. Всадники проводили его тяжелым взглядом.

- Значит, русские были правы... «Комитет» — это большое дело!.. Молодец, Калой! - зашумели одни. Другие молчали. Думали.

Немного погодя кто-то снова вспомнил о пляске, и солдаты весело зашумели.

- Нет, а барабанщик-то каков! Герой!

- Да ему что! Сухой, как кость. Его и пуля не возьмет!

- Только в другой раз обязательно Аюба высадим на бруствер! Вот будет потеха!

Пошутив, солдаты нехотя взялись за винтовки. Все ж команда-то «Огонь!» была. И загремели редкие выстрелы. В ответ высоко над их головами просвистели немецкие пули.

[1] Моршал — пожелание доброго здоровья (инг.).

[2] Батоно - форма обращения к старшему (груз.).

[3] Мадлоб - спасибо (груз.).

[4] Муталим - старший ученик медресе, готовящийся стать муллой (араб.)

[5] Мункар и Накир - имена ангелов, допрашивающих умершего о его земных деяниях (араб.).

[6] Ярассуллах! - возглас, употребляемый мусульманами во время атаки.

[7] Говур канти я! — непереводимое, что-то вроде «Эх вы, молодцы!» (инг.).

[8] Дум-дум — разрывная пуля

Глава девятая. Из тьмы веков

1

О сложных условиях политической жизни Петрограда, Москвы и других промышленных центров России, где после Февральской революции власть фактически перешла к буржуазии, на фронте знали в общих чертах. Командование внушало армии мысль, что после отречения царя война перестала быть захватнической и Россия вынуждена вести ее ради защиты родины и революции от внешних врагов.

Партия большевиков посылала своих лучших пропагандистов в войска. Они разъясняли истинные цели и задачи революции. Но все-таки еще многие солдаты не могли отличить интересы страны от интересов буржуазии и считали своим долгом сражаться «до победного конца».

В мае вместо генерала Алексеева, который после Николая Второго стал главкомом, на этот пост был назначен популярный в войска генерал Брусилов.

В середине июня было предпринято еще одно бесплодное наступление, за которое народы России заплатили шестьюдесятью тысячами жизней.

Эта бойня, организованная Временным правительством, вызвала возмущение в войсках. Многие полки и дивизии отказывались идти на передовую. В тылу поднялась новая волна забастовок и демонстраций. Народ все больше становился на сторону партии большевиков, которая призывала его готовиться к вооруженному восстанию, чтобы прекратить войну, свергнуть буржуазию и установить диктатуру пролетариата.

Но Временное правительство в свою очередь стремилось закрепить положение.

Ровно через месяц после назначения четвертый с начала войны главнокомандующий русской армией генерал Брусилов был смещен. Вместо него назначили монархически настроенного генерала Корнилова, в котором реакция видела будущего диктатора.

В сговоре с Временным правительством и буржуазией он немедленно приступил к проведению в жизнь своего плана удушения революции. Этот план прикрывался патриотическими фразами об общегосударственной необходимости поднять дисциплину в армии и навести порядок в тылу.

Для того, чтобы обвинить солдат и большевиков во всех поражениях на фронтах, по его приказу 21 августа была сдана немцам Рига. И тогда якобы для защиты столицы Корнилов направил к Петрограду Третий кавалерийский корпус донских и уссурийских казаков и «дикую дивизию» - части, которые Ставка считала лучшими, наиболее изолированными от большевистского влияния.

Сделано это было с ведома Временного правительства, которое рассчитывало силами казаков и горцев расправиться с большевиками и революционным гарнизоном столицы.

Но генерал Корнилов имел другие планы.

Ингушский полк в августе находился в районе Черновиц, когда дивизия получила приказ сняться с позиции.

Походным порядком один за другим полки стали прибывать в Каменец-Подольск. Здесь станционные пути были забиты порожняком. Части грузились непрерывно.

Третья бригада в составе Ингушского и Черкесского полков первой двинулась в путь. Всю ночь с короткими промежутками от Каменец-Подольска отходили поезда. Никто, даже командиры, не знали, куда и зачем их везут. Было известно одно: приказ Ставки - двигаться на север.

Поезда, громяхая на стрелках, пролетали мимо полустанков, не сбавляя хода.

Ночью паровозы, как запаленные, брали воду и уголь и шли дальше. В вагонах под потолками раскачивались фонари, дремали дежурные, а всадники, укрывшись черкесками, спали мертвецким сном.

Под утро Калой проснулся. Долго лежал он, закинув за голову руки. А когда забрезжил рассвет, встал, напился из чайника, задул фонарь и снова забрался на нары, к своему

окну.

Где-то на краю света бледнело небо, темной громадой лежала под ним необозримая земля, на которой иногда ранним огоньком обозначалось человеческое жилье. Калой смотрел и, казалось, ничего не видел, ни о чем не думал. Но потом, когда засияло солнце, разливая утреннюю радость по бескрайним полям, он покачал головой и в ответ на какую-то свою мысль тихо сказал:

- Россей!..

В пути всадникам разрешали ненадолго выходить из вагонов, размяться, набрать кипятку.

На одной из станций выдали хлеб и сахар. Сахара давно уже не было, и такая щедрость начальства подняла настроение.

И снова в путь. Местные жители провожали их с непонятной тревогой. Калой заметил, что у здешнего народа нет к солдатам того сердечного отношения, с которым обычно их встречали и провожали за эти годы на разных дорогах войны. Отчего бы это?..

Теплый воздух врывается в открытые двери и наполняет вагоны сладким запахом трав. Мелькали разъезды, станции, вдали проплывали деревушки под шапками соломенных крыш. Редко где можно было увидеть человека. Он казался затерянным в этих просторах земли.

Всадники маялись от непривычного безделья. Одни, свесив ноги, часами просиживали в дверях, другие играли в карты, а были и такие, что все время спали и открывали глаза лишь для того, чтобы узнать — день на дворе или ночь.

Порой из вагонов несло тоскливое религиозное пение. Приложив ладони к щекам и закрыв глаза, горцы пели стихи из Корана. Но думали они не о потустороннем мире и загробной жизни, а о покинутых семьях, о своей судьбе и бесконечном скитании по свету, затянувшемся и печальном, как однообразный мотив и эта долгая дорога.

Вечером эшелоны подошли к станции Жлобин. Здесь их ожидали многочисленные интендантские команды. В спешном порядке выдавалось чистое белье, обмундирование, заменялась рваная обувь. Неожиданная забота властей насторожила солдат. К чему бы это?

Позже всадники узнали, что впереди Могилев - Ставка Верховного главнокомандующего.

Как этот новый генерал решил распорядиться ими?..

В Могилев прибыли в полночь. На станции - ни одного гражданского. Приказано было из вагонов не выходить. На перроне - дежурные юнкера, офицеры, солдаты ударных батальонов. На левом рукаве их гимнастерок — голубые щиты с изображением белого черепа и скрещенных костей.

Через два часа все тридцать два состава с горскими полками подтянулись к головным и проследовали дальше на север.

Поезд штаба дивизии остановился в Орше.

Князь Багратион собирался хоть немного поспать. Но лязг и грохот на путях не утихал ни на минуту. Он проникал сквозь тяжелые шторы окна, лез под думку, гнал и без того тревожный сон.

А причин для бессонницы хватало.

Багратион знал о недавнем Государственном совещании в Москве, знал о рабочих волнениях, о возможности монархического переворота. Но он никогда не предполагал, что ему придется очутиться в центре этих событий. Дивизия его дралась далеко на юге, за многие сотни верст от столицы, участвовала в июньском наступлении, и задачи ее были предельно ясны.

Но события последних дней изменили все. Неожиданно ее двинули на Северный фронт. А дальше стало известно, что дивизию разворачивают в Туземный корпус, что ей для этого придется из Третьей Кавказской дивизии, стоящей на юге в резерве, Первый Осетинский и Первый Дагестанский кавалерийские полки, а также Осетинская пешая бригада.

Ночью в Могилеве от друзей - офицеров Ставки, посетивших его в вагоне, князь узнал, что кроме него в Петроград идет из Финляндии Пятая Кавказская казачья дивизия, а снизу - Третий конный корпус генерала Крымова в составе Первой Донской и Уссурийской дивизий. Все они вместе с Кавказским туземным корпусом образуют Особую армию, которой будет командовать Крымов.

Эти военные приготовления вокруг столицы заставляли генерала думать и волноваться еще и за семью, которая жила в Петрограде.

На рассвете, поняв, что ему уже не уснуть, он встал и оделся.

Вскоре постучал дежурный офицер, который принес очень важные и срочные бумаги.

Генерал вскрыл пакет. В нем оказался приказ Ставки еще от 22 августа. Пересылал его наштакор Третьего кавалерийского генерал Дитерихс.

«С получением сего, - говорилось в нем, - приказываю поступить в подчинение командиру Третьего кавалерийского корпуса генерал-лейтенанту Крымову». Подписывал приказ генерал от инфантерии Корнилов.

Наконец Багратион узнал точно, в чье подчинение он идет.

- Значит, Крымов... - задумчиво сказал генерал, написал на документе, что он получен 26 августа, и положил его в портфель. Выпив содовой воды, он вызвал дежурного и приказал: - Отправляйте поезд! Направление то же - станция Дно.

Через четверть часа поезд штаба, свистя и набирая скорость, помчался вслед за дивизией с такой быстротой, словно хотел обогнать события этого и последующих дней. Но они нарастали так стремительно, что их уже никто не мог опередить.

Горцы подходили к станции Дно. Десятки эшелонов с казаками шли на Нарвском и Псковском направлениях.

С фронтов снимались новые части, в их числе отряд броневигов с переодетыми в русскую форму англичанами. Еще задолго до этого в Петрограде была организована корниловская контрразведка во главе с полковником Гейманом.

Но ни казаки, ни горцы еще не знали, что в эту ночь главнокомандующий, опираясь на их силу, предъявит ультиматум Временному правительству, и потребует, чтобы оно вышло в отставку, предоставив ему право сформировать новое правительство.

После июльской демонстрации Керенский сам просил Ставку прислать ему войска для разгрома революционных сил столицы. Но в ночь на 26 августа из разговора по прямому проводу с Корниловым он узнал, что тот воспользовался его просьбой для совершения государственного переворота.

Многие члены кабинета оказались на стороне Корнилова и ратовали за создание в России более «твердой власти».

Правые газеты вышли с провокационными статьями, в которых говорилось, будто большевики в полугодовщину Февральской революции - 27 августа - собираются захватить власть путем вооруженного восстания. Это было сделано для того, чтобы замаскировать намерения Корнилова, дать ему предлог ввести в столицу войска и разгромить большевистскую партию и революционные организации рабочих.

В такой обстановке Керенскому ничего не оставалось, как объявить стране о мятеже Корнилова и об отстранении его от должности главнокомандующего.

В тот же день - 27 августа — Корнилов в свою очередь обратился к населению с призывом поддержать его против Временного правительства, которое якобы под давлением большевистских Советов действует в полном согласии с Германским генеральным штабом и разлагает армию.

Весть о мятеже, поднятом главнокомандующим, мгновенно стала известна в столице.

Центральный и Петроградский комитеты РСДРП(б), Центральный Совет фабзавкомов приняли воззвание «Ко всем трудящимся, ко всем

рабочим и солдатам Петрограда» и приступили к организации сил для отпора врагу.

Военная организация большевиков срочно собрала делегатов от всех воинских частей города. Под руководством Свердлова и Дзержинского была принята резолюция о борьбе с контрреволюционным мятежом Корнилова и обращение «Ко всем солдатам Петроградского гарнизона».

Начатый Керенским вывод из Петрограда революционно настроенных пяти полков был остановлен. Большевики бросили сотни агитаторов на фабрики и заводы.

Рабочим отрядам раздавалось оружие. Была установлена связь с матросами Кронштадта, которые взяли под охрану все правительственные здания.

Вооруженным отрядам большевиков городов Минска, Орши, Витебска, Гомеля и солдатским комитетам ЦК партии предписал срочно блокировать Ставку и железнодорожные узлы, не допуская дальнейшей переброски войск с фронта.

На борьбу с корниловщиной поднималась вся страна.

В Москве, Харькове, Царицыне, Нижнем Новгороде, на Урале, в Донбассе, в Сибири, на Кавказе большевистские Советы рабочих и солдатских депутатов призвали революционные силы для отпора врагу.

В Петрограде в боевые дружины записалась сорокатысячная армия рабочих. Вокруг города рыли окопы, устанавливали проволочные заграждения.

Экстренные выпуски «Рабочей газеты», листовки предупреждали о нависшей угрозе, призывали трудящихся не поддаваться на провокации, не предпринимать никаких выступлений.

На фабриках и заводах проходили митинги.

Принимались резолюции с требованием освободить большевиков, заключенных после июльской демонстрации, организовать отпор корниловщине. Выражалось доверие партии РСДРП(б).

В ЦК партии знали, какая серьезная опасность нависла над Петроградом.

Можно было надеяться на широкое антикорниловское движение масс по всей России. Но трудно было предугадать исход борьбы, если сейчас, в эти считанные часы, государственная власть перейдет в руки реакционного диктатора и ему удастся разгромить рабочие организации столицы.

А такая опасность существовала.

Войск гарнизона было недостаточно, вооружения - тоже. Не хватало винтовок, пулеметов, патронов, средств связи, автомобилей.

Офицерский состав был заражен корниловщиной.

Рабочие не были обучены военному делу.

В то же время от местных Советов Пскова, Луги, Витебска и других городов поступали тревожные сведения.

На Петроград двигалось восемнадцать кавалерийских полков с приданной им артиллерией и пулеметными командами.

Это была реальная и грозная сила, которая могла встретить поддержку и в самой столице со стороны части войск гарнизона и юнкеров.

Мгновенно изменить такое соотношение сил уже не было ни времени, ни возможности. Корниловские эшелоны приближались с каждым часом.

И тогда руководители ЦК большевиков поставили перед собой наиболее реальную и значительную задачу - встретить эти поезда в пути и разъяснить солдатам истинный смысл похода, в который их завлекли обманом.

Немедленно были мобилизованы сотни лучших агитаторов партии и направлены на все станции от Гатчины до Нарвы и Пскова.

Но как быть с частями «дикой дивизии», на которую Корнилов возлагал особую надежду? Как найти общий язык с людьми, не говорившими по-русски? А эшелоны этой дивизии продвигались к столице быстрее других.

Еще вечером 26 августа они начали прибывать на станцию Дно. По заданию Ставки их там срочно вооружали ручными гранатами.

Угроза братоубийственной резни невиданных размеров все реальнее нависала над столицей.

В эти дни в Москве находился руководитель владикавказских большевиков Сергей Миронович Киров. У него было поручение своей партийной организации и Совета рабочих и солдатских депутатов к Центральному Комитету партии.

Узнав о мятеже главнокомандующего и об участии в его аванюре «дикой дивизии», он тотчас же поехал в Московский Совет. Здесь уже знали, что перед петроградцами встал вопрос, как найти общий язык с солдатами-горцами. Киров посоветовал немедленно телеграфировать в ЦК партии, чтобы там собрали всех кавказцев-мусульман, проживающих в Петрограде, и с их помощью разъяснили всадникам смысл происходящих событий.

Предложение это было передано тотчас же, а вслед за ним Киров сам выехал в столицу.

Уже на следующий день в один из Петроградских районных комитетов партии стали собираться люди разных национальностей и племен Кавказа.

В ожидании начала собрания они разговаривали с Кировым. Здесь многие знали его по Владикавказу, но большинство видели впервые.

Не забывая о том, для чего собрали этих людей, Киров старался не задевать острых политических вопросов, чтобы с кем-нибудь не вступить в неуместную для такого времени полемику. Но когда речь зашла о корниловском мятеже, он отбросил дипломатию.

- Лавру Георгиевичу, видимо, не дают покоя лавры Бонапарта, - заявил он. - Но ненависть к революции, как и чрезмерная самонадеянность, - плохие советчики! Правда, еще не все в войсках понимают, к чему ведет Корнилов, и он на это рассчитывает, но сегодня солдаты -русские да и не русские - это уже не «серая скотинка» и не пушечное мясо! Это думающие люди! Порою у них не хватает политического сознания. Демагоги задуривают им головы. Но зато, когда с ними говорят по-настоящему, они быстро понимают, где правда, а где ложь! У лжи короткие ноги! Так будет и на этот раз! - Обычно веселый и жизнерадостный, Киров был сейчас суровым и жестким.

В комнату вошел немного усталый человек с интеллигентным лицом. Темная шапка волос. Пенсне. Небольшая борода...

Он окинул собравшихся внимательным взглядом и негромко поздоровался.

Многие сразу узнали Свердлова - секретаря ЦК партии большевиков.

- Не все еще? - спросил он. - Ничего. Ждать некогда. Уважаемые товарищи и граждане! Если можно так выразиться, горцы Петрограда! Мы пригласили вас для очень важного, экстренного дела.

О мятеже Корнилова теперь, конечно, знают все. Главнокомандующий решил захватить власть, вернуть России престол и взойти на него по трупам ваших единоверцев, казаков, солдат и рабочих столицы. Разговоры о том, что мы, большевики, якобы назначили на завтра восстание, - ложь и провокация. На самом деле буржуазия решила начать гражданскую войну для разгрома и подавления революции!

Ужасная необходимость, но, если они пойдут на это, мы готовы ответить на их удар.

Временное правительство неизвестно на какое время впало в состояние шока. Оно и понятно. Мятеж начинался с его согласия, а кончился ультиматумом самому Керенскому. Прошло три дня, а они бездействуют. Но мы не можем ждать.

Мы отдаем себе отчет во всей важности наступившего момента. Гарнизон, матросы, Красная гвардия вооружаются. Петроград готовится к обороне. К отпору врагу мобилизуют силы крупнейшие города страны. В Москве забастовка. Всюду требуют отстранения главнокомандующего. Мятеж, конечно, потерпит поражение! Но скрывать нельзя: если начнутся военные действия, прольются потоки крови. Неизвестно, на сколько затянется борьба и как плачевны будут ее последствия... Можно ожидать вмешательства Антанты... Над революцией нависла опасность.

Вот почему ЦК нашей партии обращается к вам, людям, мы знаем, разных политических убеждений, но, мы надеемся, одинаково озабоченных тем, чтобы предотвратить кровопролитие, остановить контрреволюцию!.. Нужно немедленно рассказать вашим землякам всю правду о корниловском мятеже. Они должны знать, на что их ведет предательская клика офицеров. Должны понять, что война с русскими солдатами, матросами, рабочими столицы, то есть война со своими же братьями по классу, не в их интересах! Вы должны со всей честностью сказать им, что победа мятежных генералов вернет народам Кавказа ненавистные оковы царизма. И это именно так.

Горцы не должны воевать за восстановление самодержавия. Туземный корпус должен быть остановлен! Остановлен во что бы то ни стало!

Как конкретно осуществить эту важную, чрезвычайно важную задачу? Я думаю, вам виднее. Посоветуйтесь. - Он бросил взгляд на Кирова. - Одно ясно: прежде чем заговорит оружие, надо встретить эшелоны словом разума, идущим от сердца! Вот все. Прошу извинить. Меня ждут еще две группы наших товарищей, которые едут к казакам. Мы не сомневаемся, вы сделаете все, что в ваших силах. В данный момент - и это надо осознать, почувствовать - вы ответственны перед вашими народами и перед историей... Только вы! Удачи вам! - Свердлов дружески кивнул и вышел.

Впечатление, оставленное им, было очень велико. В час смертельной опасности для революции этот человек предельно ясно видел главную задачу и не сомневался в том, что люди поддержат его и исполнят свой долг.

Договорились собраться на Царскосельском вокзале в шесть часов утра. Киров посоветовал надеть черкески. Представитель Временного правительства, присутствовавший на собрании, обещал делегации особый поезд.

А в это время казачьи дивизии уже вышли на Нарву и Псков и стали в ожидании последнего приказа.

Поезд Багратиона прибыл на станцию Дно.

Все пути здесь были заставлены эшелонами его дивизии. Залы первого и второго класса, буфет - забиты офицерами и всадниками.

Разноязычный шум вместе с табачным дымом вырывался из открытых дверей.

- Дурда! Айда к нам!

- Эй! Криворотый! Тебя к вахмистру! - слышались голоса вперемешку с руганью.

Среди этого гама, забравшись с ногами на деревянные скамейки, десятки всадников совершали намаз, словно они были не в этой человеческой толчее, а в безлюдной пустыне Сахаре.

Офицеры штаба дивизии тотчас кинулись наводить на станции порядок.

Но тем временем вагон князя все же отвели в такое место, откуда этот содом не мог попасть ему на глаза.

Князю подали чай. Он пригласил к столу явившегося к нему с докладом генерала князя Гагарина.

Почта доставила еще два «срочных» документа. Прочитав один из них, Багратион протянул его князю.

- Кажется, это начало конца... Обращение главковерха к населению. Ответ на радиограмму Керенского... Два первых лица России - два противника обвиняют друг друга в измене... Что должны думать о нас за границей!

- Ваше превосходительство, - ответил Гагарин, возвращая Багратиону документ, - сейчас важно не то, что подумают они, а что подумаем мы...

- А что думать, князь, - Багратион вскинул брови, - мы - люди военные. Для нас существует субординация.

- Корнилов - верховный, и мы подчиняемся... Да вот, пожалуйста, - и он прочитал: - «Главковерх приказал комкору Третьего конного, начдивам Уссурийской, Донской и Туземной дивизий высадиться между станциями Гатчина и Александровская и в

конном строю двигаться к Петрограду в полном боевом порядке к Нарвской, Московской и Невской заставам. В случае обстоятельств, - подчеркивал каждое слово Багратион, — мешающих выполнению плана, главковерх приказал старшему генералу в чине принять на себя командование корпусами и дать сражение войскам Временного правительства. Лукомский».

- Да. Все ясно. - Гагарин встал. - Пора. Багратион тоже поднялся.

- С Богом, дорогой князь. Отправляйте бригаду. О продвижении докладывайте. За вами пойдут остальные. Поставьте командирам полков задачу: идем на подавление большевиков, на внутреннего врага!

- Слушаюсь!

Некоторое время спустя Третья бригада Туземной дивизии первой вышла со станции Дно в сторону Петрограда. В авангарде по-прежнему двигались эшелоны ингушей.

Вечером отправка поездов внезапно прекратилась. Начальник станции получил депешу от управления дороги, которое на основании приказа генерал-майора Кислякова, помощника министра путей сообщения на театре военных действий, требовало прекратить перевозки эшелонов с корниловскими войсками на Петроград.

Узнав об этом, Багратион велел немедленно привести к себе начальника станции. Но тот заболел нервной болезнью. Вместо него явился помощник. Он передал Багратиону полученный приказ. Генерал прочитал депешу. На лице его появилось выражение глубокого презрения.

- Здесь я командую, - твердо и членораздельно сказал он. - И потрудитесь выполнять мои приказания беспрекословно!

- Но мы ответственны и перед управлением... - заикнулся было помощник начальника станции.

Багратион швырнул ему обратно депешу, ударил ладонью по столу и ледяным голосом заявил:

- У нас приказы дважды не отдаются! Штаб-ротмистр, - обратился он к временному коменданту станции, - если по вине дороги будет задержан хоть один эшелон, начальника станции расстрелять!

- Господин генерал, - голос у железнодорожника дрогнул, — но ведь и здесь приказ... - Он показал на депешу. - Да и расстрелы-то отменены...

- Господин помощник начальника станции, вчера были отменены! А завтра будут восстановлены! Сегодня же, если потребуется, вас расстреляют. Под мою личную ответственность! И пусть вам от этого будет легче! Вы поняли? Попробуйте только!.. - Багратион встал. - Ступайте! Докладывать через каждый час!

Когда дверь за штаб-ротмистром и помощником начальника станции закрылась, он прошелся по вагону, со злостью задернул шторку на окне.

- «Господин генерал»! Хамье! Ну, погодите! Только дубьем!.. Немного погодя он вызвал адъютанта.

Четко щелкнули каблуки, тоненьким звоном отозвались шпоры.

- Что изволите, ваше превосходительство?

- Отправьте телеграмму.

Багратион достал из карманчика галифе золотой брегет, не открывая крышки, нажал на кнопку, прислушался. Часы мелодично отбили полночь. Заложив руки за спину и поскрипывая сапогами, он прошелся взад и вперед по вагону, потом остановился и продиктовал:

- Ставка. Наштаверху генерал-лейтенанту Лукомскому. Со станции Дно. 27 августа, 24 часа. Погрузка дивизии и отправка эшелонов продолжаются. Часть из них находится в пути. Сейчас от генерала Кислякова получена телеграмма приостановить отправку эшелонов. Телеграмму не исполняю. Продолжаю отправку войск. Генерал-лейтенант князь Багратион.

На рассвете поезда с Третьей бригадой остановились под станцией Вырица. Посланная из Ингушского полка разведка вернулась и доложила, что путь разобран. Мост на Царское Село поврежден.

Мерчуле по телефону доложил обо всем командиру бригады и отдал приказ: «Полку выгрузиться. Продолжать движение походным порядком».

Полк выстроился на дороге. Раздалась команда: «Смир-н-н-а-а!» Провезли штандарт.

Мерчуле обратился к всадникам с коротким словом:

- В Петрограде темные лица организуют беспорядки. Нашей дивизии в составе армии генерала Крымова приказано войти в столицу и обеспечить нормальную жизнь города, работу фабрик, заводов и государственных учреждений. Всякое сопротивление должно подавляться беспощадно!

Мало кто понял его. Кто эти «темные лица»? Что они делают? Кого подавлять?..

И только всадники из абреческой сотни многозначительно переглянулись, предвкушая возможность погреть руки...

Прозвучало: «Марш-марш!» - и полк выступил.

Прошли речку. Всадники едва оторвали от нее недопоенных в пути лошадей. Погода была ясная, теплая. Из лесу пахло хвоей, в жнивье перекликались перепела.

- Даже не верится, что где-то идет война... кто-то расстается с жизнью, корчится в муках... Удивительный у нас мир! — думал вслух Калой.

Всадники только вздыхали. Говорить не хотелось, чтоб не оборвал Бийсархо, который ехал, как на парад, забинтовав скакуну ноги.

Шли не торопясь. Миновали Павловск. Опять увидели разобранные пути, перевернутые вагоны.

Значит, здесь было сделано все, чтоб задержать войска, замедлить их продвижение.

Часть всадников отправили ремонтировать пути.

Стали попадаться небольшие группы солдат. При приближении полка они поднимались и отходили, не оказывая сопротивления.

Вечером полк издали обстреляли. Всадники ответили огнем, и на этом все снова затихло.

Установили связь с черкесами, которые двигались параллельно.

Ночь застала ингушей в районе какого-то хутора. Сотни разместились на ночлег, выставив боевое охранение, как на фронте.

Весь день князь Багратион провел в имении, которое находилось недалеко от станции Дно. Здесь был телефон, и генерал Гагарин докладывал ему о продвижении эшелонов.

Когда стало известно, что путь между Вырицей и Павловском поврежден, Багратион, несмотря на сильную мигрень, поехал на вокзал, откуда по аппарату Юза имелась возможность связаться со Ставкой.

Было позднее время. Телеграфист долго выстукивал МГЛ, вызывал Могилев. Наконец Ставка ответила, и Гагарин продиктовал:

- Я - генерал князь Гагарин. Прошу пригласить генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего генерала Романовского.

Из Ставки ответили:

- Сию минуту. Будет доложено. Послали за генералом Романовским. Через пятнадцать минут генерал будет у аппарата. Прикажете нажать?

- Да. Пожалуйста. Нажмите.

- Хорошо. Слушаюсь. Телеграфист Могилева отключился.

Через некоторое время аппарат снова застучал. Вызывал Дно.

- Я - Дно. Я слушаю. Кто у аппарата? - спросил Гагарин.

- Я, генерал Романовский, - ответили из Ставки. И тогда к телеграфу подошел Багратион.

- У аппарата генерал князь Багратион и генерал князь Гагарин. Передаю только что полученную телеграмму. Генерал Крымов в отъезде. В Лугу прибыли головные эшелоны донцов, которые железнодорожная администрация по приказу из Петрограда

далее не пропускает.

Головной эшелон туземцев дошел до станции Вырица, за которой, по полученным сейчас сведениям, путь разобран. Пассажирские и прочие поезда возвращаются. Я приказал головному эшелону высадиться и восстановить путь. Для исполнения этой меры сейчас в Вырицу выезжает князь Гагарин. Отправление эшелонов со станции Дно происходит беспрепятственно. Прибыл головной эшелон Осетинского конного полка, которому я приказал, не высаживаясь, следовать далее. Если путь не удастся восстановить, то дивизия пойдет от Вырицы в походном порядке в указанном направлении. Благоволите выслать части железнодорожного батальона или хотя бы инструкторов для руководства работами.

Прошу доложить генералу Корнилову, что туземцы исполняют долг перед родиной и по приказу своего Верховного главнокомандующего, верховного героя, любящего больше всего на свете святую Русь, прольют последнюю каплю крови, чтобы доказать, что он единственный, который может достигнуть победы и отстоять отечество, родину от гибели. Депешу генерала Корнилова в эшелонах встретили громким «ура».

Багратион замолчал.

Начался прием ответа Романовского. Потянулась лента, побежали слова:

- Все это я передам генералу Корнилову. Но должен вам сказать, что железнодорожный батальон или инструкторов прислать не удастся, так как у нас их нет и, по-моему, надобности в этом нет. От Вырицы до Царского Села тридцать четыре версты. Вы скорее дойдете походным порядком. Крымов сегодня в Гатчине.

Ответ не понравился Багратиону, и он продиктовал:

- Передайте: по высадке в Вырице следуем в походном порядке. Но восстановить путь необходимо для продвижения обозов и продовольствия, а также пассажирских поездов.

Багратион говорил так, будто Романовский слышал его. Он терпеть не мог, когда кто-то поучал, а тем более, что Романовский был всего лишь генерал-майором.

Видимо, и Романовскому не понравился текст Багратиона, и, заканчивая беседу, которая, по существу, не привела ни к чему, он передал:

- Слушаюсь, понимаю. Держите самую тесную связь с генералом Крымовым. Если я больше не нужен, то до свидания. - И Могилев умолк.

Это означало: «Не суйтесь в Ставку. У вас есть свое непосредственное начальство...» Багратион был вне себя. Он сознавал всю ответственность, которая ложилась на него в связи с его причастием к мятежу, знал, какая роль в захвате города отводилась его войскам, и тем обиднее был ему завуалированный выговор и вежливый отказ продолжать разговор генерал-квартирмейстера Ставки.

Он устыдился своей напыщенной тирады в адрес Корнилова. Обидно было за себя. Ведь он рисковал и репутацией, и положением, и честью во имя этих штабных политиканов! А они в ожидании того, когда он добудет для них каштаны из Зимнего дворца, не желают даже разговаривать... Но отступить было поздно. Князь вышел на

свежий воздух, простился с Гагариным и сел в автомобиль.

Приехав в имение, он отказался от ужина, выпил снотворное и лег, приказав не будить без крайней необходимости.

Но выспаться и на этот раз не удалось. В шесть утра доложили, что звонит генерал Краснов.

Багратион подошел к телефону.

Краснов говорил, что он здесь проездом и хотел бы встретиться для служебного разговора.

Багратион послал за ним автомобиль.

Снова пришел пакет из корпуса и несколько донесений о продвижении полков дивизии к Вырице.

К тому времени, как генерал ознакомился с бумагами, приехал Краснов.

Багратион со всем радушием принял нового корпусного прямо в столовой, отделанной дубом и украшенной оленьими рогами и натюрмортами.

Стол был сервирован на двоих. Между блюд с холодными закусками стояли бутылки ликера, коньяка, графинчик с водкой и простой глиняный кувшин.

- Неплохо, неплохо, князь! - воскликнул Краснов, усаживаясь в предложенное хозяином кресло. - Совсем как в мирное время! Только дам не хватает!

- Что прикажет любезный Петр Николаевич, так сказать, для разгона? Шартрез французский. Коньячок из Шаранта. Русская... А здесь - подарок моих дагестанцев: домашняя абрикосовая водка, или арак! Я, откровенно говоря, последнее время предпочитаю ее. Есть в ней что-то освежающее, прекрасный букет! И пьется легко, хотя градус - дай те, господи! Горит. Попробуем?

Пили генералы арак. Воздали должное коньячку. А как внесли жареного поросенка с кашей и блюдо перепелов, перешли на русскую. В конце завтрака гость долго смаковал турецкий кофе.

- Я ведь начинал войну в Третьей бригаде вашей дивизии, — говорил он Багратиону, протягивая денщику на чай ленточку керенок. - И не могу отделаться от обычая кавказцев благодарить «искусные руки, накормившие нас!» - так кажется?

Они вышли на веранду, сели в уютные кресла.

Остюда открывался вид на всю окрестность.

Ивовый кустарник, тронутый осенней желтизной, подступал к усадьбе. За ним, вправо и влево, стоял золотой березовый лес. А посередине широкой полосой до самого бледно-синего неба простирались уже кое-где побуревшие мокрые луга... Шелестя корой сосен, что росли у самой веранды, и раскачиваясь на шишках, резвились веселые

синички.

- За три года войны мне нечасто выпадали минуты такого благолепия! - первым нарушил тишину Краснов, вытирая платком мокрое лицо. - Хорошо! Ублажил ты меня, дорогой хозяин, знатно и неожиданно. Все мне здесь по сердцу!.. Но чуется оно, закрутятся нынче у нас с вами дела, да такие, что, может, еще ой как вспомнить придется этот добрый денечек!

Серьезные времена для нашей матушки России начинаются только теперь... И большие испытания для ее верных сынов!

- Коль уж о делах, так разрешите познакомить вас с только что полученным приказом, — сказал Багратион. — Вот приказ № 1 теперь уже главнокомандующего Отдельной Петроградской армией генерл-лейтенанта Крымова. Предписывает после захвата столицы объявить Петроград, Кронштадт, Петроградскую, Эстляндскую губернии и Финляндию на осадном положении. Тут же и подробный план действий войск в столице. А здесь мне вменяется подавлять вооруженной силой революционных рабочих и солдат Петрограда.

Краснов, зачесывая пятерней непокорно спадавший на брови чуб, углубился в чтение.

- Прекрасно! - с оттенком едва уловимой иронии воскликнул он наконец. И, посмотрев вокруг, словно желая убедиться, не слушает ли их кто-нибудь посторонний, негромко сказал: — Диспозиция, как говорится, идеальная! План города подробный. Когда вы его займете, каждая дивизия, каждый полк и сотня будут знать, где и что брать под охрану, кого и когда разоружить, кого разогнать...

И я усмотрел здесь только один изъян... В приказе ничего не сказано о том, с чем вас будут встречать... с музыкой или с боем... - Он натужно рассмеялся.

- Вот именно... - подхватил Багратион и закачал ногой, заложенной за ногу. - Слишком, слишком рано все предано гласности! Кто-то пренебрег элементарным правилом и первой гарантией успеха любой военной акции - внезапностью! И это мстит! Мы уже встречаем сопротивление!

- Вы совершенно правы, генерал! - согласился его собеседник. - А в наше время болтунов и анархистов это еще черт знает к чему может привести! Вот если бы вы сегодня стояли на окраине столицы, был бы совсем другой камуфлет!

Они помолчали, а потом Краснов снова заговорил очень серьезно и доверительно:

- Я только что оттуда... из Ставки. Внешне - полный порядок! Батальоны смерти, эскадроны гарцующих текинцев на прекрасных скакунах... Я не сомневаюсь: Лавр Георгиевич хороший военачальник. Я разговаривал с ним... Но для того чтобы в этой сложной ситуации, когда немцы одолевают нас и с фронта и с тыла, суметь взять в руки власть, одной, как говорится, солдатской смекалки маловато! Политики - это хитрый народ! Они ой как поднаторены в интригах да в махинациях! И за свое протертое министерское кресло любой из них не постесняется продать Россию! А в Ставке считают: раз Керенского в армии ненавидят, значит, защищать его некому; значит, наш поход - это просто так, увеселительная прогулка!

Но ведь Романовых тоже, наверно, не из любви к самодержавию защищали триста лет!

- Да. Это все не так просто, - глядя куда-то вдаль, откликнулся Багратион.

- Известно, например, - продолжал Краснов, - что в ваших полках не комплект, как говорится, офицеров. Ваши люди не знают, кто такой Крымов. А уссурийцы не знают меня... А ведь в таком деликатном деле, как переворот, простите меня, нужно взаимное доверие вожаков и масс! Тем более теперь, когда наши действия контролируют эти босяцкие Советы!

Я предвижу все веселье этой «прогулки»...

Арестовать, как говорится, на корню живое правительство, заранее вопя об этом на весь мир, - задача! Эта двуличная проститутка Керенский не постесняется войти в контакт с самими большевиками! А те будут рады стараться спустить своих провокаторов!

Я уже видел на станциях этих юрких человечков в солдатских шинелях. Разглагольствуют среди казаков, а те их не бьют... Слушают... Вот почему огромная надежда на ваших азиатов. Слава Богу, хоть они еще не понимают нашего русского языка! Ну, а когда вы вломитесь, начнете, тут уж по инерции пойдет!

- Сложно, конечно. Но могу сказать одно, - ответил Багратион, -если нам удастся дорваться, чтоб достать клинком, мы эту шваль, этих бунтовщиков и пораженцев, разнесем в пух и прах!

Когда над звонкой брусчаткой Невского взметнутся мои бурки, все будет кончено! Нева заледенеет от их воя! Им все равно - романовы, керенские, большевики!..

Краснов обрадованно засмеялся.

- В одном, оказывается, в Ставке правы! - воскликнул он. - Мне говорили: «А туземцам все равно, куда идти и кого резать, лишь бы их князь Багратион был с ними!»

Багратион ничего не ответил, только, улыбнувшись, покачал головой.

- Меня как командира корпуса, - продолжал Краснов, - в составе которого вы, очевидно, еще некоторое время будете оставаться, очень устраивает такое ваше настроение. Тем более, что, несмотря на многие нерешенные вопросы, в окончательном успехе Корнилова я не сомневаюсь.

Ведь такие войска двинуты! Даже англичане с их броневиками... Надо, мы должны сделать все, чтоб была у нас настоящая власть. Только она сможет мобилизовать страну и добиться победы! Игра в демократию зашла слишком далеко. Армия гибнет. А с ней - и Россия. Колесница мчится к пропасти. Повернуть ее - нужна рука! И сегодня для этого я не вижу человека сильнее, чем Лавр Георгиевич. А коль скоро вам выполнять все эти приказы, от себя добавлю: не щадите большевиков! Ворветесь в город — плюньте вы на всю эту диспозицию и ищите, и бейте их! Прикажите, прикажите это своим дикарям! Большевики -самая настоящая немецкая агентура! Мы должны устроить им варфоломеевскую ночь! И Россия еще с благодарностью вспомнит наши имена!

Речь генерала, увлеченного мыслью о спасении России, была прервана адъютантом.

Он доложил, что на станцию прибыло два эшелона Приморского драгунского полка.

Генералы поднялись. Один — чтобы ехать в Псков и принимать от Крымова корпус, другой - отправлять свои полки для захвата столицы.

Они тепло посмотрели друг другу в глаза. Краснов резко пожал Багратиону руку и несколько театрально сказал:

- Ну, что ж, как говорится, со щитом или на щите!

- Только со щитом! — ответил Багратион.

На рассвете того же дня полк Мерчуле, позавтракав сухарями с кипятком, потому что кухни не подошли, тронулся дальше.

Немного погодя командир полка вернулся в Вырицу. Его вызвал прибывший со станции Дно командир бригады. А полк продолжал движение, оставив в стороне Царское Село - летнюю резиденцию русских царей.

Много городов видели горцы за годы войны. Но такого не встречали нигде. Однако полюбоваться дворцами всадникам не удалось.

Впереди показался дым паровоза. Полк спешил, развернулся и залег. Коноводы отвели лошадей в ложину. Конногорный дивизион, приданный авангарду дивизии, быстро занял позицию и навел на железную дорогу орудия.

Офицеры решили, что на них идет бронепоезд.

Но вскоре все увидели, что это обыкновенный паровоз с двумя пассажирскими вагонами. И все же раздалась команда: «Заряжай!»

Послышался металлический лязг затворов и орудийных замков. А поезд шел. Вот он сбавил ход, выпустил облако пара, из широченной

трубы пахнул дымом и наконец, свистнув, остановился. Из вагона повалил народ. Это была какая-то пестрая и, казалось, веселая толпа. Люди, не задерживаясь, прямо по полотну зашагали вперед.

Всадники недоумевали. Офицеры тоже не могли понять, что происходит. Ясно было одно: люди шли без оружия.

- Ассалам алейкум, братья мусульмане! - еще издали донесся с их стороны чей-то высокий голос. Человек кричал на ингушском языке.

Всадники поднялись, постояли и пошли навстречу к прибывшим с ответными возгласами:

- Во алейкум салам!!! Приезжие бледнолицые городские люди были в белых, серых,

черных и даже в красных черкесках, в современных и в старомодных, обуженных кверху папах, как будто они собрались куда-то на праздник.

А им навстречу шли цепи всадников с лицами, обуглившимися на ветру, в серых, истертых о многие земли черкесках. Они с удивлением смотрели на приезжих, как на пришельцев из далекого, забытого мира.

И вот они сошлись, прикладываясь сердцем к сердцу, приветствовали друг друга, как дома, на торжестве родного аула.

Еще не было сказано ни одного слова, но встреча земляков была такой теплой и радостной, что казалось, ничто уже не сможет ее омрачить.

Среди прибывших кавказцев и татар было всего несколько ингушей и чеченцев. С ними приехали и солдаты из революционных полков, и матросы того самого пулеметного дивизиона, который полгода тому назад не принял приветствия князя Багратиона. Ингуши очень обрадовались встрече с ними.

Не прошло и десяти минут, как весь полк уже знал главную правду: никаких беспорядков в городе нет! Их обманули и ведут для того, чтобы задуть революцию.

В одной группе Бийсархо схватился с приезжим.

- Вы немецкие агенты! - кричал он. - Вы не имеете права врываться в воинскую часть со своей болтовней! Я прикажу арестовать вас, если вы сейчас же не уберетесь!

- Не посмеешь, господин офицер! - ответил ему приезжий по-ингушки. - Мы делегация от Совета рабочих и солдатских депутатов, от Петроградского Совета и, кроме этого, имеем полномочия Временного правительства. Проверь документы. - Он протянул офицеру свое удостоверение. Бийсархо прочитал его и вернул.

- Все верно. Но в воинских частях есть воинский порядок. Вы должны предъявить эти полномочия командиру полка и только с его разрешения говорить с людьми! - Бийсархо умышленно отвечал по-русски, чтобы не потерять официального тона. Делегат понял его уловку и тоже перешел на русский язык.

- Господин ротмистр, да будет вам известно, правительственные полномочия не нуждаются ни в чьей санкции. А попытка ограничить их есть незаконие. Если вы этого не понимаете, можете обратиться за разъяснением к своему командиру. - И, повернувшись к Бийсархо спиной он продолжал свою беседу с горцами.

Бийсархо покраснел от негодования, но сдержался и поспешил к стоявшим в стороне офицерам.

- На что мы смотрим! Надо приказать солдатам вернуться, а этих выдворить вон!

Но офицеры не поддержали его.

- Они не выполняют приказа! - сказал командир второй сотни. - А что тогда? Мы окончательно подорвем свой авторитет и только. Нужно доложить Мерчуле...

Бийсархо вскочил на коня и умчался разыскивать штаб.

А в это время приезжие решили провести митинг и вместе со всадниками направились к поезду.

Один за другим поднимались делегаты на ступеньки паровоза и произносили речи: кто на своем языке, кто на русском. Говорили просто, понятно, и у всадников как бы заново открывались глаза на все, что происходило в России в эти годы, в эти дни. Они поняли, зачем их подогнали с фронта к столице. Возмущение их росло.

Калой внимательно слушал всех, все взвешивал, думал, чему верить, чему нет. Сомневался: нет ли здесь какого подвоха...

В делегации был представитель городского комитета партии. Он посоветовал одному из матросов обратиться к горцам с предложением прислать в Петроград свою делегацию от дивизии.

- Пусть от каждого полка не один и не два, а человек по полсотни поедет! - заявил тот. - Поглядите и сами поймете, чего вам делать: слушать генеральские побасенки и воевать с нами, али кончать с этим делом!

- Правильно! - зашумели горцы.

Офицеры тоже протолкнули одного из своих людей к паровозу. Тот влез на ступеньку и закричал:

- «Правильно!.. Правильно!» А что правильно - и сами не знаете! Их дело сказать свое, - он указал на делегатов, - а наше дело подчиняться своему начальству и делать свое. Если у них там порядок, так для нас еще лучше! Не беспокойтесь, мы приедем к вам только всей дивизией и уйдем, когда прикажут. А теперь - разговорам конец!

Приезжий ингуш хотел было ответить ему, но работник горкома остановил.

- Ты - на запас... Я скажу пару слов.

Он поднялся на паровоз, оглядел горцев, дождался тишины и заговорил, пристально глядя на них, так что каждому казалось, будто он обращается только к нему:

- Горцы! Ингуши! Вы не дети. Вы люди, которые много раз смотрели смерти в глаза, и вы не должны дать обмануть себя. Вам говорят: в Петрограде бунтуют, большевики организуют беспорядки, и вы должны их подавить. Главнокомандующий выдумал это для того, чтобы привести вас сюда. А чтоб вы поверили, тайно переправил в город верных ему людей, которые начнут погромы, как только вы войдете. И тогда будет предлог бросить вас на рабочих. Он хочет с вашей помощью свергнуть Временное правительство, захватить власть. Временному правительству он уже прислал ультиматум! Вы все понимаете меня?

- Понимаем! Говори! - закричали всадники.

- Рать, говорят, стоит до мира, а ложь - до правды! Корнилов хочет стать таким же царем, как Николай, которого мы сбросили со своих плеч. Вот вам и вся правда! Он

требует смертной казни на фронте, в тылу! Выступивший здесь всадник заявил: «Придем в город и увидим: все ли там хорошо...» А что вы нам, хлеб и мир везете? Нет, дорогие горцы, вы лучше поторопитесь к своим аулам да там добейтесь революционного порядка! А то воюете вы три года, а дома у вас уже ни жратвы, ни земли! Думать надо.

Людям нравилась его прямая речь. Они задвигались, заговорили все разом.

- Могут сказать, - продолжал оратор, - а почему, мол, вы так не хотите, чтобы мы вошли в город? Отвечу. Ваша дивизия да казачьи дивизии — это десятки тысяч человек!

У нас рабочей Красной гвардии, солдат гарнизона, матросов тоже десятки тысяч человек. И у всех - винтовка!..

Но среди вас и среди нас немало притаилось сволочи. Ее задача - столкнуть нас. А много ли для этого надо? Возле стога соломы с огнем не шутят! Но стог загорится - погибнет солома. Если же будут спровоцированы вооруженные силы? Прольется кровь! Ваша и наша кровь. А генералы в это время сцапают власть! Вот почему мы говорим: мы приехали к вам делегацией, со своей правдой, как братья, без оружия. Теперь приезжайте вы к нам так же делегацией и сами убедитесь во всем! Вот они, ваши единоверцы, и они говорят вам то же самое. А кто думает по-другому, тот наш общий враг! И я прямо скажу: мы готовы и рады встретить друзей. Но готовы и к отпору врагу.

Калой глядел на этого человека издали, вникал в смысл его слов, прислушивался к голосу. Ему казалось, что где-то он слышал его. Что-то знакомое было и в его белом лице, на которое легли следы нелегкого времени. А когда оратор приподнял кепку и провел платком по седому ежику, Калой ринулся вперед. Он был так взволнован, что товарищи испугались и вцепились в него.

- Да ты что? Успокойся! Он ведь правду говорит!

- Это наш гость! Нельзя трогать! - кричали они ему со всех сторон, а он волок их за собой к паровозу.

Работник горкома побледнел. Делегаты встревожились. Калоя схватила уже добрая дюжина рук. Наконец его остановили.

- Илья! Илья! - закричал он тогда и обрушился на своих: - дурачье! Да отвяжитесь вы от меня!

Человек, который только что так мужественно говорил, растерялся, выронил кепку и кинулся к Калою...

Они обнялись... Илья Иванович не сдержал слез. Люди с удивлением смотрели на них, а они отстранялись, разглядывая друг друга, хлопали по плечам и снова обнимались.

- Значит, ты остался! - наконец воскликнул Калой.

- Остался! Вот видишь, остался я!.. — ответил Илья Иванович.

- Много говорить надо. Потом! Очень много! — сказал Калой и, подсадив Илью Ивановича на ступеньку, сам встал рядом с ним.

- Эй! Ингуши! - крикнул он на своем языке. - Вы знаете, кто это?

- Узнаем, если ты скажешь! - ответили из толпы.

- Нет! Не знаете! Потому что я не сумею сказать вам, какой это человек! Пятнадцать лет тому назад я узнал его. Он был брат моему брату Виты. А Виты был не человек, а сердце, плачущее о людях!.. Двенадцать лет тому назад, когда все рабочие люди бунтовали против царя во Владикавказе, Илья и Виты были главными! И их сослали в синюю Сибирь. Он как из могилы вышел! Не узнал я сразу... Сибирь покрыла его голову снегом... - Он поглядел на друга. - Это тот человек, который нам может посоветовать только хорошее.

- Луде! Господины! - перешел Калой на русский язык, посмотрев в сторону гостей. - Илья я давно друг. Пятнадцать лет!.. Который вы говорил, который он говорил - мы принимаю! Какой наша дело царь назад таскать? Это война, это кушайт нету, это земля нету - вот так надоел! — Он провел рукой по горлу. — Пошел новый царь к... матери! — крикнул Калой, вдруг удивив всех чистотой произношения. — А мы все пошел - Кавказ! - И он снова заговорил по-ингушки:

- Я считаю, что теперь, когда начинается драка за то, кому сидеть на месте Николая, нам здесь делать нечего! Не мы его царем сажали, не мы его снимали со стула, и не наше дело ради него умирать на улицах этого города и убивать вот таких людей! Если вы готовы, мы дальше никуда не пойдем. Мы вернемся в свои вагоны, позовем за собой другие полки и с теми, которые согласятся, тронемся домой! Хватит греметь в барабаны![1]

Группа всадников из воровского призыва собралась в кружок и шушукалась. Когда голос Калоя стих, один из них выкрикнул:

- Это не тебя будут спрашивать!

- А кого? - насторожился Калой.

- Командира полка, дивизии! Офицеров!

- А мы что же, стадо баранов, по-твоему! Куда завернут, туда и пойдем? Прошло это время!.. Мы не можем идти и наводить порядки на всю Россию, уподобившись тому ослу, который, не имея приличного хвоста, чтоб себя обмахнуть, взялся обмахивать весь аул!

Всадники дружно захохотали.

- Я, как ваш солдатский комитет, спрашиваю всех: куда пойдем - войной на них, - он махнул в сторону гостей из Петрограда, - или назад?

- Назад! Домой! - возбужденно закричали всадники.

- Илья, луди! - обратился Калой к делегации. - Этом народа война нигде не надо! А здес, - он снова указал рукой на Петроград, - семь раз не надо! Мы идем домой! А кого хочит помирайт - кругом место много!

Гостей пригласили остаться пообедать. Но они поблагодарили и направились в другие полки.

Прощались друзьями, тепло и долго.

Илья Иванович и ингуш из делегации отошли в сторонку.

- Илья Иванович, - сказал молодой человек, - вы из Царского Села вернетесь в Петроград и доложите в Центральном Комитете. Но прошу вас, не пожалейте сил, чтоб делегации горцев устроили настоящую встречу! От этого зависит многое. И не только здесь, но и там, куда они вернутся. Скажите Кирову, что я остался в полку. Им нельзя дать остыть. Нельзя оставить одних, пока их солдатская организация не имеет настоящей силы. Я хочу встретиться с их начальством.

- Хорошо. Вы только не забываете: тут с офицерами надо поосторожнее. У них среди всадников своя родня.

- Ничего! И у меня здесь родня! - улыбнулся ингуш. Калой подошел прощаться.

- А меня ты не знаешь? - спросил его молодой человек. Калой оглядел его и покачал головой.

- Нет... Хотя мне и кажется, что я тебя где-то видел... не припомню...

- Галашки... Правда, это было лет десять тому назад. Вы, горцы, пахали там. А вечерами приходили ко мне слушать «новости»...

- Мухтар? — воскликнул Калой. - Так ты ж тогда хворостинкой был! Ну и день! Надо же было мне пройти всю Россию, сто раз не умереть от немецкой пули, чтобы здесь встретиться с вами!

Калой пришел в восторг, когда узнал, что Мухтар остается на ночь. Значит, будет с кем посоветоваться. А ведь есть о чем.

И делегаты разъехались. Одни в соседний полк к черкесам, другие к чеченцам и в остальные части.

С каждой группой на всякий случай Калой послал по несколько всадников-ингушей.

Бийсархо не вернулся. Командовать его сотней было некому. И тогда команду подал Калой.

- Са-а-дись! - крикнул он. Всадники вскочили на коней. Командир второй сотни подъехал к Калою.

- Ты знаешь, что за это самоуправство и за срыв боевого приказа тебя могут расстрелять?

- Знаю. Но меня не расстреляют, - ответил Калой. - У меня в полку много родственников. А у них — свои родственники. А кто не родственник, так тот вместе со мной три года под смертью ходил. Ты видел, кроме воровской сотни, все за то, чтобы вернуться в вагоны. Да и из воров добрая половина согласна с нами. Кто меня расстреляет? А вот, если мы захотим, мы сможем... любого! И спросить будет не с кого!

- Ты знаешь, сколько у власти войск? - спросил офицер.

- У какой власти? — переспросил Калой.

- У командующего. У Корнилова.

- Знаю, — ответил Калой. - Много. Но сегодня - на один полк меньше. А завтра... С вершины срывается один камень, а до дна он доходит лавиной! Посмотрим!

Мухтару подали лошадь. Они с Калоем стали во главе полка и тронулись в обратный путь. Сотни последовали за ними.

Ингушский полк - авангард армии Корнилова - повернул от Петрограда.

Вся линия железной дороги, восстановленная от Царского Села до Вырицы, все станции и полустанки к этому времени были забиты подошедшими эшелонами горцев. Штаб дивизии передвинулся на станцию Чолово.

И по всей линии молниеносно пролетела невероятная весть: «В Ингушском полку бунт! Всадники отказались выполнять боевой приказ главковерха, вернулись в свои вагоны!...»

Багратион был вне себя. Он созвал экстренное совещание командиров бригад и полков.

В белой парадной черкеске, при всех орденах и медалях, сверкая драгоценной саблей и кинжалом, князь метался по вагону. Наконец он остановился, бросил презрительный взгляд на Мерчуле, гневно посмотрел на своих офицеров и голосом, привыкшим повелевать, отчеканивая каждое слово, сказал:

- Предлагаю силами вверенных вам полков ингушей немедленно окружить и разоружить. Зачинщиков - расстрелять!.. Ваше мнение?

Воцарилось неловкое молчание. Никто из офицеров не хотел говорить первым. Губы князя тронула недобрая усмешка.

- Тогда прошу по старшинству.

- Ваше превосходительство, - послышался глухой голос князя Чавчавадзе. — Не возражая по существу вашего предложения, я позволю себе просить не привлекать к этой операции моих черкесов. Мотивирую: мы все время в одной с ингушами бригаде. За войну люди сжились. Ведь матросы и мусульмане побывали и у нас...

- Если будет принято решение разоружить ингушей, придется разоружать и чеченцев, -

заявил командир Чеченского полка. - Это один народ. Я позволю себе напомнить известный случай: когда Ингушский полк атаковал «Железную дивизию», мои без команды ринулись им на помощь. И умирали...

- Дело в том, ваше превосходительство, что взаимоотношения наших полков складываются на взаимоотношениях этих народов на Кавказе, - заметил командир кабардинцев. - И ни один кабардинец, дагестанец или осетин не позволит себе поднять руку на ингуша или чеченца здесь, ибо они знают: это тот-час же отзовется там, в их доме, враждой и кровопролитием.

Багратион помрачнел.

Когда поднялся полковник Мерчуле, наступила такая тишина, что стало слышно, как где-то беспомощно зудит муха, попавшая в паутину.

- Ваше сиятельство, господа офицеры! Событие, которое произошло в моем полку, весьма прискорбно. Я сожалею о нем. Но сегодня от этого не гарантирован никто. Веяние времени. Однако я не об этом. Встал вопрос о разоружении полка. Я заявляю: никто никогда эти полки не разоружит! Чтобы сделать это, их нужно просто истребить! Но в такой операции, ваше сиятельство, на них пришлось бы положить немало! Это лучшие, обстрелянные кадровые части. Я уверен, ни один всадник нашей дивизии против ингушей и чеченцев не пойдет! Других войск здесь нет. Да и какой был бы смысл в подобном кровопролитии на виду у революционной столицы? И последнее — при всех обстоятельствах я никогда не покинул бы моих солдат! Багратион хлопнул по столу и вскочил. Вид у него был такой, словно с ним вот-вот случится апоплексический удар.

- А что же вы предлагаете, командир изменников?! - закричал он. Голова его нервно покачивалась. - Прикажете всем присоединиться к вам и вместе бунтовать? Разделить с вами ваш позор?

Мерчуле побледнел, шагнул вперед, положил руку на эфес.

- Ваше сиятельство, меня удерживают только ваши седины! Упрек считаю незаслуженным и возвращаю его. Николай Николаевич, Николай Второй, генерал Алексеев, генерал Брусилов, генерал Корнилов - не слишком ли много главковерхов для одной войны, для одной армии и для одной страны?

Присяга Николаю Романову, Временному правительству, верность Родзянке, князю Львову, адвокату Керенскому... Позвольте вас спросить, генерал Багратион, кому из них изменил я и мой полк? И кому из них верны остаетесь вы?.. Позвольте узнать, кто мы - регулярная армия Российской империи, призванная защищать священные границы родины от иностранного нашествия, или Особый корпус Третьего отделения, ландскнехты сомнительных претендентов на власть?

В салон-вагоне воцарилась мертвая тишина. Такого себе тут еще никто не позволял. Такого здесь еще никто никогда не слышал.

- При таком командире полк не мог быть иным! И за это я никогда не сниму с себя ответственности! — с трудом произнес генерал. — Вы большевик! Я отстраняю вас!

- Никак нет! Я не большевик. И, видно, никогда им не буду, - ответил Мерчуле. - Я лишь здраво смотрю на вещи, остаюсь честным солдатом и не лезу в политику.

А освободить меня от должности, согласно приказу № 1 Петроградского Совета, никто не может без согласия солдатского комитета моего полка! Честь имею! - Он взял под козырек, повернулся, щелкнул каблуками и вышел.

В то же самое время по всем туземным полкам проходили митинги. Прибывшие из Петрограда солдаты братались с горцами, распространяли среди них воззвание Керенского, разъясняли, что Корнилов уже отстранен от должности.

Солдаты-горцы выносили решения прекратить поход на столицу и тут же выбирали делегатов на дивизионное совещание, которое временный солдатский комитет, избранный на станции Чолово, назначил на завтра.

После того как командир Ингушского полка покинул совещание, Багратион отпустил офицеров, приказав им оставаться в своих полках и ждать его указаний.

Смеркалось. Он подошел к окну. На горизонте блекло светились сине-розовые полосы облаков. Издали доносилось монотонное пение его солдат.

«Дикие... - безотчетно крутилось в голове. И вдруг пришла ясная мысль: - Да, дикие. Но оказалось, что и они чего-то хотят, против чего-то протестуют и летит к чертям вся система продуманной операции... А так ли четко была продумана операция?» Этот вопрос в который раз за последние дни и часы вставал перед ним. И он отвечал себе: «Если б это была только военная операция, все шло бы гладко. Но идея этого похода - политический переворот, и Ставка допустила крупные просчеты... Чем же все это теперь кончится?»

Снова принесли почту. Опять с грифом «Спешно!»

«Какое количество приказов и предписаний, - с раздражением думал Багратион, вскрывая конверт. - Из Ставки, из штаба Северного фронта, от Крымова, от правительства... Одни непрерывные указания, даже без интереса к тому, выполняются они или нет...»

«Параграф первый, - прочитал он, - 16 часов. В ночь с 29 на 30 августа Первая Донская казачья дивизия, при которой буду и я, двинется на север по дороге: Луга, Старая Долговка, Селище, Чаша, Новинка, Большие Слудицы, Веденское Устье, Мина. 30-го ночлег в селении Луга, 31-го в районе к северу от селения Мина. Штаб корпуса и дивизии в селении Мина.

Параграф второй. Туземной кавказской дивизии от Ородежа идти походом на Ям-Тесово, Бор, Лысцово, Глебово, Порожка, Большие Слудицы, Веденское Устье, куда подойти 31 августа».

Дальше в приказе указывался подробный маршрут Уссурийской дивизии с выходом к вечеру 31 августа к Гатчине и предписывалось всем частям войти в связь с командиром Третьего кавалерийского корпуса генерал-лейтенантом Крымовым, подписавшим приказ.

Багратион почувствовал слабость в ногах. Сказывались годы, нервное напряжение, усталость.

Он подошел к столу. Сел. Попросил адъютанта, чтоб подали кофе, и снова углубился в приказ. Все было правильно, лаконично, ясно. Ему оставалось предписать своим бригадам маршруты, часы...

И впервые за всю свою жизнь генерал понял, что он не выполнит приказа... Потому что воле его и его начальства противопоставлена воля тысяч солдат, которые не хотят этого похода! Проклятье!

Багратион ненавидел и Ставку, втянувшую его в авантюру, и революционных агитаторов, развративших полки.

Он чувствовал, что и те и другие приближают крушение его судьбы.

Подали кофе. Он взял чашку, отошел к окну и, вглядываясь в смутные очертания уже потухающего горизонта, стал пить...

Адъютант молча стоял в стороне.

- Пишите, - сказал Багратион, не поворачиваясь. - Ставка. Генерал-квартирмейстеру генерал-майору Романовскому. Копия генералу Крымову.

- Из Старой Руссы поступают депеши, возбуждающие железные дороги к противодействию генералу Корнилову. Необходимо направить туда кавалерийскую часть для прекращения пропаганды. Число - сегодняшнее... Часы... поставьте 14 часов.

«Пусть думают, - пронеслось в его голове, - что еще за два часа до их приказа тут уже возникла ситуация, при которой он не мог быть выполнен».

Всю жизнь во всем он стремился быть первым. Но сообщить о том, что его дивизия первой вышла из повиновения, он не мог.

Мухтар и Калой весь день провели в седлах. Они двигались от эшелона к эшелону, участвовали в митингах, сообщали о том, что ингуши вернулись в вагоны. Офицеры встречали их недружелюбно. Но мешать не решались.

С вечера выборные представители ближайших полков сошлись ночевать к ингушам. Около вагонов жгли костры из старых шпал, пели солдатские песни, плясали под зурну и барабан.

И лишь члены солдатских комитетов полков вместе с Мухтаром обсуждали создавшееся положение. Ясно было одно: только сплоченность солдат всей дивизии могла помочь им выполнить принятое решение и, может быть, даже вернуться не на фронт, а домой.

Уже поздно ночью, когда, выставив дежурных, всадники погрузились в короткий сон, у первого эшелона появилась женщина, разыскивавшая Калоя. Дежурные проводили ее к вагону и разбудили Калоя. Он вышел.

- Здравствуйте! - обратилась к нему женщина. - Вы, наверное, забыли меня? Я жена Байсагурова.

- Здравсте, здравсте! - обрадовался ей Калой. - Забыли? Нет! Нельзя! Очень помню тебя! Где был? Сапсем парпал! Ми все скучаю.

Вика была тронута такой встречей.

- Меня наконец перевели в вашу дивизию, - начала она, — а сегодня всех облетела весть, что вы отказались идти против Петрограда и возвращаетесь домой... Я так рада! Это такое счастье, что вы не побоялись послушаться. И так сколько крови! И я решила просить вас взять меня к себе. Вы теперь единственные близкие мне люди... — Она старалась подобрать подходящие слова, чтоб Калой лучше понял ее. - Я стала бояться... На войне ничего... А здесь мужчины не совсем хорошие... В особенности офицеры.

И Калой понял.

- Ничаво больше не боится! - воскликнул он. - И ты не боится и мы не боится! Муха, знаешь? Даже мухамужчин наша луди не пускаем на тебя садиться! Хорошо пришел! Домой пришел. Теперь спайт надо.

Он поднялся в вагон, разбудил с нижних нар всадников, объяснил им, что в полк пришла жить вдова Байсагурова, и те приготовили ей постель, занавесили нары бурками и позвали спать.

Ей было очень неловко, что Калой побеспокоил столько народа. Но он строго сказал:

- Это не старухи. Это все молодой. Они своим друзьям ляжет. А ты здесь ляжет. Это твой дом. Спи.

Всадники растолкали на других нарах товарищей и, потеснив их, улеглись. Калой завернулся в бурку и заснул прямо на траве у полотна дороги.

А Вика, всегда боявшаяся домогательств мужчин, попав в вагон с четырьмя десятками парней, забралась за бурки, сняла с себя верхнее платье, кинулась на грубое ложе из кошмы и соломы и, вытянувшись, за многие дни и ночи впервые забылась глубоким сном.

В эту тихую летнюю ночь по всем направлениям телеграфных проводов во все станции на пути к столице бежала для одних тревожная, для других радостная весть: «В «дикой дивизии» волнения. Туземцы отказываются идти на Петроград!»

Командование Третьего корпуса было ошеломлено этим сообщением. Такой пример не мог воодушевить казачьи части. В них самих под влиянием пропагандистов из Питера началось брожение.

Утром князю Багратиону доложили: полки вперед не продвинулись. Митингуют. Выбирают солдатские комитеты.

Пришли первые отрывочные сведения из Луги, Нарвы, Гатчины, Ямбурга. В них не было ничего утешительного. Встречая сопротивление работников железных дорог,

войск, верных Керенскому, революционных организаций городов, корниловские полки увязали в пути, отказывались от участия в мятеже.

И тем не менее эти данные облегчили душу Багратиона. Значит, не он один попал в положение «генерала без армии».

Однако с тех пор, как он приказал полкам ждать его распоряжений и сам получил приказ двигаться вперед, время шло, а он ничего не предпринимал.

В голову настойчиво лезла картина из давно прошедшей юности...

Такое же лето. Он с товарищем по корпусу, сыном помещика, на охоте. В зарослях кустарника они набрали на яму. В ней волк. В глазах его ненависть, ярость и жалкая безнадежность. Выстрел - и, оскалившись, зверь падает. Все кончено... Но глаза волка Багратион запомнил навсегда...

Почему именно сейчас это воспоминание мучило его? Потому ли, что в зеркале на мгновение ему почудились те же глаза?.. Или он вспомнил выстрел... тот выстрел, после которого волк перестал оскаливать зубы?.. Выстрел - и конец...

Его терзало тяжелое раздумье. Как сквозь сон донесся от дверей голос адъютанта:

- Из Петрограда прибыл кавказец. Просит аудиенции.

- Пусть войдет, - машинально ответил князь.

Несмотря на летнее время, вошедший был в шелковистой грузинской бурке до пят и в белой чалме из башлыка. Это был холеный мужчина с аккуратно подстриженной бородкой и красивыми глазами.

- Князь Дадияни, - отрекомендовался он. И после того, как Багратион поздоровался с ним и предложил сесть, заговорил.

- С вашего позволения я сразу приступлю к цели моего визита, - сказал он. - Нелегко было добраться до вас. Но у меня столь ответственное поручение, что я не мог не выполнить его. - Он достал из нагрудного кармана бешмета письмо и подал его князю.

Это было письмо дочери и жены князя. Они умоляли не начинать борьбу против правительства, потому что нынче все на стороне Керенского и он просто погубит себя и семью, если вовремя не остановится.

- Вы знаете содержание этого письма? Как вы его получили?

- Нет, князь. Я не знаю, что в нем написано, — ответил гость, — но я представляю себе, что там должно быть. Мы все, я имею в виду грузин, проживающих в столице, очень беспокоимся за вас, за судьбу многих наших родственников, которые служат с вами. Это письмо от вашей семьи мне достал студент Жгенти, чтобы вы не заподозрили во мне провокатора. Откровенно говоря, я побаивался ехать. «Как бы он меня не расстрелял!» - говорил я друзьям.

Гость подробно рассказал генералу, что делается в Петрограде, как там готовятся к

обороне, передал пачку свежих газет, листовок, воззваний разных партий. Все они призывали народ к решительному отпору корниловщине.

Но главная новость была в том, что Корнилов отстранен от должности. Отдан приказ о его аресте. А Верховное главнокомандование с сегодняшнего дня принял на себя Керенский. Начальником штаба при нем генерал Алексеев.

Багратион встал.

- Не может быть! - вырвалось у него. И нельзя было понять - рад он или огорчен этим.

А генерал вдруг увидел для себя внезапно открывшуюся лазейку, по которой можно было попытаться уйти от ответственности за участие в мятеже. Надо было получше разыграть роль человека чисто военного, который, двигаясь на Петроград, выполнял приказ главковерха и только. А теперь точно так же готов подчиняться новому начальству, поставленному новым правительством России.

Вот почему, когда адъютант доложил, что прибыла группа всадников, именующих себя временным солдатским комитетом, и просит принять их, он совершенно спокойно велел впустить.

В вагон вошли человек десять. Остальные поместились в тамбуре, и их тревожные и хмурые лица выжидающе смотрели оттуда на начальника дивизии.

Багратион продолжал стоять.

- Что случилось? Готов вас слушать, - обычным тоном спросил он. — Прошу...

И один из всадников заговорил:

- Господин генерал, временный солдатский комитет Туземной дивизии явился сюда в полном составе. Мы настаиваем на том, чтобы был отдан приказ о приостановке движения частей к столице.

Мы узнали, что нас хотят заставить драться с гарнизоном города, войсками Временного правительства, чтобы свергнуть это правительство и захватить власть, хотят, чтобы мы выступили против революции. Солдаты на это не пойдут.

Сегодня, а если не успеем, то завтра мы соберем совещание представителей всех полков. И там решим окончательно. А пока вот таково наше постановление. - Он положил на стол протокол комитета.

Багратион бегло просмотрел его и оглядел присутствующих. В вагоне стояла такая же напряженная тишина, как тогда, когда матросы-пулеметчики не ответили ему на приветствие.

Он ненавидел их. Но сила и время были пока не на его стороне, и он даже с оттенком юмора обратился к солдатам:

- Скажите, а других претензий или пожеланий нет? Несколько голосов ответили «нет!»

- Значит, ваш временный комитет не хочет выступать против Временного правительства? - Он улыбнулся, развел руками. — Да... Такое уж время, что все и все у нас - временные!.. - И снова, сделав лицо серьезным, словно надев постоянную маску, он сказал: - Если других претензий нет, отвечу по существу. Я солдат. И вел вас сюда по приказу Верховного главнокомандующего. И по его приказу бросил бы вверенные мне войска в бой, не задумываясь. Тот, кто имеет право приказывать, тому виднее, с кем воевать. Меня не учили обсуждать приказы. Они существуют для того, чтобы их выполнять.

Но сегодня, до вашего прихода, поступили сведения, что Россия получила нового Верховного главнокомандующего. Эта версия нами уточняется. А тем временем мною составлен вот этот документ, - он взял со стола лист бумаги, - в котором я отдаю приказ о приостановке движения моих войск до получения новых указаний.

Следовательно, мое и ваше пожелания совпадают. Вот и все.

В этот ответственный час в армии каждый обязан быть на высоте. Нельзя допускать беспорядка. Все действия должны быть согласованы. Наша часть, как всегда, должна быть в боевой готовности. И вас, временный комитет, я прошу, как и положено, помогать в этом офицерам. Война еще идет! У меня все.

Члены временного комитета были удовлетворены его ответом и ушли.

- Откройте, пожалуйста, окна! - сказал Багратион с раздражением адъютанту, когда за солдатами закрылась дверь. И заглядывая в чистый лист бумаги, который он только что назвал своим приказом, продиктовал: - Командирам полков вверенной мне Кавказской туземной дивизии. Станция Чолово.

Приказываю немедленно приостановить движение частей дивизии, сосредоточить их в районе Вырицы и никаких выступлений против войск Временного правительства ни в коем случае не предпринимать. Генерал-лейтенант князь Багратион.

30 августа 1917 года, 13 часов.

Подумав, он добавил:

- Приказ протелеграфируйте в полки немедленно. А шифровкой одновременно передайте в Ставку и в военное министерство запрос по поводу версии о Верховном главнокомандующем.

Немного погодя денщики накрыли в стороне круглый стол. Багратион пригласил к нему своего гостя и поднял бокал:

- За вас, мой дорогой вестник! За матушку Россию! За Грузию! Выпьем. - Они выпили. - А теперь о делах Санкт-Петербургских. Соскучился я, черт знает как! - Генерал был радушен и весел.

В два часа ночи в Вырицу прибыли делегаты от Первой гвардейской дивизии. Они восстановили полотно железной дороги и, прихватив с собой делегатов Третьей туземной бригады, поехали в Чолово на совещание.

Вместе с Калоем, Мухтаром и всадниками Ингушского полка ехала и Вика.

По пути в их поезд подсаживались делегаты от других полков. Ехали шумно, весело. Все эти дела были для горцев новинкой.

Совещание в Чолово началось в одном из пристанционных,помещений ровно в семь часов утра.

На председательском месте сидел сам Багратион. Вел совещание один из членов дивизионного комитета. В зале было около двухсот делегатов полков, представители солдат Петроградского гарнизона, члены мусульманской делегации.

Выступали люди от всех частей. Говорили не много, но решительно.

Багратион от имени офицерского состава заверил собравшихся в том, что им ничего не было известно о мятеже.

По предложению комитета единогласно проголосовали за резолюцию: «Движение Туземного корпуса на Петроград прекратить, так как дивизия была обманута. В Петроград направить делегацию для вручения Временному правительству резолюции корпуса и проведения переговоров.

Возглавить делегацию генералу Багратиону. С ним вместе выехать членам корпусного и полковых комитетов, а также всем георгиевским кавалерам дивизии».

Настроение у солдат стало праздничное. Большое несчастье удалось предотвратить.

Делегаты наспех приводили себя в порядок. Ведь побывать в Петрограде не шутка! Другому такое и во сне не снилось!

Через некоторое время поезд торжественно тронулся в путь, увозя в столицу несколько сот всадников и офицеров, среди которых не было почти ни одного без наград. Ингуши взяли с собой и Вику. Она была единственной женщиной в поезде.

На станции гремел духовой оркестр.

Когда стоявшие под Вырицей ингуши увидели в окне проходившего состава своих и кто-то крикнул: «Калоя арестовали», десятки всадников на ходу кинулись к делегатскому поезду и повисли на его подножках.

Вскоре недоразумение выяснилось. Но ингуши уже не покинули вагонов и, присоединившись к делегатам, отправились в Петроград.

Всю дорогу Мухтар отвечал на бесконечные вопросы всадников, рассказывал о положении в стране, о том, что народ и армия должны в конце концов взять власть в свои руки.

Беседуя, они не заметили, как поезд подошел к самому старому в Петрограде Царскосельскому вокзалу первой в России железной дороги, по которой еще недавно ходили поезда царской семьи.

Паровоз торжественно засвистел. А когда начал останавливаться у перрона, украшенного металлическими цветами, военный оркестр грянул марш.

Глубокое волнение охватило всадников. Город, который по повелению генерала Корнилова они должны были залить кровью, на улицах которого они должны были убивать и умирать, навлекая на себя вечное проклятие народа, этот город встречал их как друзей.

На привокзальной площади состоялся короткий митинг. Фронтовиков приветствовали ораторы от Петроградского Совета, от профессиональных союзов и гарнизонов города. А затем Багратион с военными, встретившими его, уехал на автомобиле к Керенскому вручать решение корпусного совещания, а всадники, построившись по три, двинулись в город.

Колонну возглавила группа руководителей Петроградского Совета и рабочих. С ними шел и Илья Иванович. Снова заиграл оркестр. Толпы людей вдоль всего Загородного проспекта приветствовали процессию, забрасывая воинов живыми цветами, которые тут же везли на двуколках.

В первой шеренге дивизионных представителей шагал Калой. Рядом с ним - Мухтар и Вика. Белая косынка Вики, спускавшаяся на плечи, в знак траура по мужу была покрыта крепом. Мухтар отличался от всадников только тем, что на нем не было погон и шапки.

Колонна шла по центру города. Горцы, по традиции, ничему не удивлялись, хотя ни один из них никогда не мечтал о параде на улицах столицы.

Когда затихал оркестр, до них доносился шум толпы, возгласы, дружеские приветствия. Не было видно ни одного враждебного лица. Словно гора свалилась с плеч петроградцев, которые все эти дни жили под угрозой смертельной опасности. Одновременно по городу распространилась весть о том, что части Третьего казачьего корпуса, как и «дикая дивизия», вышли из повиновения начальства и отказались идти на Петроград.

Корниловский поход был остановлен на подступах к городу, разбит и обезврежен без крови.

За годы войны Калой выучился ходить в строю. Он, как и все, левой рукой придерживал шашку, а правой, которую покрывал опущенный рукав черкески, делал широкие взмахи. На боку его в лакированной кобуре красовался морской парабеллум. Этот великолепный трофей он тщательно скрывал от начальства до последнего дня. Такого оружия не было в дивизии ни у кого. Калой смотрел вперед. Взгляд его казался бесстрастным. Но он видел все, что делалось вокруг. Он был очень доволен и от того, как повернулись события, и от своего участия в этих делах.

«Царь Николай, генерал Корнилов, командующий всей русской армией и всей войной, - мысленно обращался он к ним, - вот он тот день, когда вы узнали меня! Вы не хотели думать обо мне, знать, чей хлеб едите, не ведали, чем я кормил свою семью, и хотели с моей помощью взобраться на свой стул, который стоял на нашей спине?.. Не вышло, потому что все мы теперь вместе и у нас в руках вместо плуга -винтовка...»

Устыдившись своих горделивых раздумий, Калой скосил глаза на Мухтара, потом на Вику, словно они могли прочесть его мысли, и увидел, что Вика вытерла платком глаза.

— Зачем так? - спросил ее Калой, не поворачивая головы.

— Пройдет... - ответила Вика. - Подумала, что он тоже был бы теперь с нами... - Она попыталась улыбнуться.

— Все, кто нету, - все равно с нами! Они все вижу... - с фанатичной убежденностью произнес Калой, и Вике показалось, что ей стало легче от этих слов.

Вышли на Невский. Здесь толпа была еще гуще. Оркестр отошел в сторону, продолжая играть. На головы, под ноги солдат снова полетели цветы. Когда оркестр умолк, горцы услышали мягкий стук своих шагов на торцовой мостовой, ровной, как стол.

«Деревянные улицы!» - отметили многие из них про себя, невольно сравнивая с этим проспектом полы своих глинобитных саклей.

Впереди был мост. На его четырех углах вздыбились черные железные кони, готовые вырваться из рук оголенных железных юношей.

Кавалеристы с восторгом смотрели на лошадей. Но многие заливались краской стыда и отворачивались от бесстыже обнаженных мужских фигур.

Хорошо, что люди, собравшиеся у входа на мост, не обращали внимания на это поразительное и такое непристойное зрелище.

Перед самым мостом отряд повел новый оркестр. Звонкая медь и грохот барабанов снова загремели над городом.

Вдоль всей улицы, по которой шли горцы, возвышались многоэтажные дома. С балконов, из окон, из очередей, что толпились у магазинов, тысячи людей с тревогой вглядывались в шествие солдат «дикой дивизии», увешанных орденами и медалями. Мимо со звоном проезжали красно-желтые трамваи, пролетки, запряженные рысаками, покачивались на дутых шинах пароконные фаэтоны.

Горцы видели: город жил своей нелегкой жизнью, но в нем не было никаких следов того «беспорядка», на подавление которого лживое начальство пригнало их сюда через всю Россию.

«Как жалко тех людей, - думал Калой, - которые весь век живут в горах и умирают, никогда не увидев такой красоты!...»

Если б ему кто-нибудь сказал, что здесь, в массе этого народа, найдется хоть одна душа, которая узнает его, Калоя с ингушских гор, он никогда не поверил бы этому. А между тем, не будь оркестра, оглушавшего первые шеренги, он услышал бы, как кто-то выкрикивал его имя, когда он глядел на Казанский собор, поражающий своей красотой и величием.

— Боже мой! Ты погляди! — закричала немолодая женщина, тормоша за плечи другую

и показывая ей на Калоя. - Это ж кто идет? И где идет? Калой!..

А он продолжал идти, ничего не подозревая. Шел там, где жили и ходили до него цари... И, думая об этом, он сам не переставал удивляться, какая необыкновенная выпала ему судьба, в какое необыкновенное время он родился!

В конце улицы показалось стройное здание, сиявшее желто-белыми красками. Вершина его, как острие гигантского золотого клинка, вонзилась в светлое небо.

- Наверное, это и есть главная сакля царя? - не выдержал и спросил у Мухтара Калой. Но тот объяснил, что это всего лишь дом, в котором служат люди, управляющие делами морей и судоходства России.

Наконец с этой прямой улицы делегация свернула вправо и вышла к бесконечно длинному четырехэтажному дому. В середине его Калой увидел такие ворота, что в них могла бы проехать самая высокая подвода, груженная соломой. И даже если б возница встал на ней во весь рост и вытянул кверху вилы, то и тогда он не достал бы до верха. За воротами открывался двор. На нем уместились бы десятки кавалерийских полков. В центре двора стоял красный каменный столб, раза в три выше самой высокой башни в горах... Держась за крест, с него смотрел вниз на людей сам Ткамыш-ерды.

«Значит, русские так же, как и мы, в старину верили не в пророка Ису[2], а в разные камни и лица», - подумал Калой, но спросить Мухтара постеснялся. Молодой человек мог потерять уважение к нему, если задавать много вопросов. Прошли мимо столба, и Мухтар заговорил сам:

- Дом, что теперь перед нами, это и есть дворец царя. А сейчас в нем Временное правительство и Керенский.

- Зачем нас туда ведут? - поинтересовался Калой.

- Чтоб правительство знало, что не один Багратион, а вы все вместе решили не идти за Корниловым.

Впереди стоял не очень высокий по сравнению с другими, всего в три этажа, красивый дом. Он был темно-красного цвета, с колоннами и под железной крышей. На самой кромке ее, как по команде «Смирно!», бесстрашно стояли люди.

«Вот это почет! До чего мы дожили! - мысленно восхитился Калой. - Всюду люди... А эти, что выше всех, на самой крыше, наверно, и есть Керенские... Правительство... Видно, к митингу приготовились...» - И, подтянувшись, он под грохот барабана стал еще четче печатать шаг. Нельзя сплеховать перед «большими людьми».

Отряд облетела весть: «Идем по Дворцовой площади. Впереди - Зимний дворец». Кавалеристы подобрались, вскинули головы и, лихо отрывая руку, пошли, как на параде, по этой выдавшей виды площади.

- Господин Волковски! - полуобернувшись, сказал Калой молодому офицеру-сибиряку, которого за простоту в обращении солдаты уважали больше всех. - Иди вперед! Команда надо.

Волковский с удовольствием возглавил колонну.

- Молодцы! Хорошо идут! — сказал он, улыбаясь, Калою.

Люди, стоявшие около Зимнего дворца, заплодировали отряду. Калой взглянул на них, потом поднял глаза на крышу, на «правительство»... Там... по-прежнему неподвижно стояли каменные фигуры, украшавшие великую саклю царя...

Краска стыда и негодования на самого себя залила лицо Калоя. Горели уши.
«Благодарю тебя, Аллах, - мысленно сказал он, - за то, что если ты и не наградил меня умом, то хоть вразумил быть не слишком болтливым! Что бы было, если б я свои глупые мысли высказал вслух!.. О великая мудрость молчания!..»

Не доходя до дворца, Волковский вышел из строя и лихо скомандовал:

- Батальон, стой!

Переговорив с представителями Зимнего дворца, он отдал команду разойтись. Вот тогда только и начались бесконечные разговоры и обмен впечатлениями.

Работники Петроградского Совета, которые шли с солдатами от вокзала, обещали показать гостям город и познакомить с жизнью рабочих.

Илья Иванович условился с Калоем встретиться здесь, у подъезда, через два часа.

Горцев пригласили во дворец. Когда они вступили под своды, заиграла музыка.

Мраморные лестницы и колонны, ниши и статуи, золоченые люстры, массивные бра, хрусталь и золото канделябров, зеркала, картины, роспись и лепка потолков и стен, дорогая мебель с царскими вензелями - все это сказочное богатство и роскошь ошеломили их, но они не удивлялись вслух и гуляли по коридорам и залам, словно это были давно уже знакомые им места.

Калой, Вика и Мухтар держались вместе. Вика была поражена не меньше Калоя. Ей представились эти покои заполненными великосветской знатью, придворными дамами, и, когда в зеркале она увидела себя в скромной форме фронтовой сестры, ей захотелось покинуть дворец.

А Калой справился со всеми впечатлениями этого дня, обрел прежнюю уверенность и повеселел.

И все-таки он снова был поражен, когда, посмотрев на пол, увидел под ногами свое отражение.

- Если б я был один, - сказал он негромко, - я подумал бы, что все это сон!

- Да, много здесь необычного, - согласился Мухтар. - А все это создано руками тех людей, которые, как и мы с тобой, при царе не могли показаться здесь. Но когда народ возьмет власть все это станет доступным каждому.

- Если уж я пришел сюда, то, мне кажется, ты недалек от правды! - отозвался Калой.

Обед начался в нескольких залах.

Какие-то представители власти благодарили горцев-солдат за службу отечеству и за то, что они не поддались на провокацию, не пошли против своего «законного правительства». Они призывали солдат быть верными воинскому долгу и России.

За столом, где сидели ингуши и некоторые другие делегации, главенствовал пожилой господин с блестящей розовой лысиной, одетый в черный костюм.

Заканчивая свою длинную, видно, специально подготовленную речь, он говорил:

- Ваша дивизия в составе Второго кавалерийского корпуса с самого начала войны ратными подвигами снискала себе почетное место в войсках восьмой, а потом девятой армий.

Участие ее в августе четырнадцатого года в сражении на реке Гнилая Липа, у города Залешики, в Городокском сражении в сентябре, на реке Сан в октябре четырнадцатого года, бои около румынской границы в пятнадцатом году, июньское сражение 1916 года к югу от Днестра и до Доброноцка и, наконец, участие в июньском наступлении уже этого, семнадцатого года принесли ей громкое имя, а вашему оружию вечную славу!

Горцы были польщены такой осведомленностью оратора в их делах и громко аплодировали.

- Временное правительство было счастливо узнать, - продолжал он, - что вы, славные сыны России, в час грозной для нее опасности во главе со своим начальником нашли в себе мудрость и смелость остаться верными до конца!

Враг у ворот. Но объединенная Россия непобедима!

За славных орлов Кавказа!

За вас - его лучших, храбрейших джигитов! Ура!

И снова горцы дружно прокричали «ура!», хотя так и не поняли, что им теперь придется делать: возвращаться домой или идти в окопы.

Обед был простой, обильный. Вина достаточно. Но большая часть солдат-мусульман спиртного не касалась. Да и ели они немного, как подобает в гостях. И только лимонад все пили с удовольствием.

К концу этого обильного обеда всадникам надо было держать ответные речи. Ингуши попросили сказать Калоя.

Он встал. Встали и всадники. Представитель власти при виде такого подчеркнутого уважения к этому горцу тоже поднялся.

Калой вдруг вспомнил все, о чем прошлой ночью они говорили с Мухтаром. Вспомнил о разных партиях в России, о том, что временное правительство - это власть богатых, только без царя, и оно боится простых людей... Многое вспомнил Калой. Он знал, что

стал умнее, что многие мысли и знания Мухтара стали его мыслями. И все же сейчас он еще не мог пользоваться этой мудростью и решил сказать так, как подсказывало сердце.

- Я по-русски... плохо... - И он попросил Мухтара переводить его. Говорил он медленно, останавливаясь, чтобы Мухтар успевал перевести. Обращаясь к представителю власти, он держался как равный.

А тот слушал его, смотрел на всадников, стоявших в строгом молчании, и удивлялся умению их вести себя и логике этого крестьянина-вожака.

- Я благодарю товарищей, - переводил Калоя Мухтар, - за то, что они дали слово мне, когда каждый из них мог бы сказать лучше. Я благодарю их за то, что они не изменили обычаю почитания старших, хотя за эти годы на войне можно было забыть о всех правилах жизни!

Я прошу наполнить чаши. Я прошу нашего хозяина сесть. И хочу, чтобы села Вика.

Они сели. Все остальные наполнили свои бокалы, Калой продолжал:

- Вербка, говорят, хороша длинная, а речь — короткая. Но это легче сказать, чем сделать. Тем более мне. Я не наиб Шамиля и не русский генерал. Я всего лишь горец, пастух.

Я привык говорить со скалами. Скалы привыкли к моему голосу. А эти стены слушали царей. Эти стены не привыкли к голосу пастуха.

Сегодня для нас удивительный день! Я хочу, чтобы мы вспомнили всех, кто погиб на войне... всех, которые не дожили до этого дня, до дня, когда я, Калой из Эги-аула, говорю в этой великой сакле!.. Ничего нет удивительнее этого!

Мы шли по городу, - обратился он к представителю власти. - Я не знаю, может быть, и есть на земле человеческое жилье краше этого... может быть, и есть народ приветливее вашего, но нам ваши люди бросали цветы, а лица их были еще красивее. А ведь нас везли через всю Россию не для парада! Нас везли, чтоб мы убивали этих людей!..

Калой помрачнел, помолчал, опустил глаза, а потом вскинул голову, бросил взгляд на весь зал и гневно воскликнул:

- Да покарает великий и всемогущий Аллах того, кто задумал такое злое дело!

- Амин! - хором откликнулись всадники.

- Да воздаст он добром за добро тем, которые пришли к нам, схватили за руку и сказали: «Безумные! Проснитесь! Ведь перед вами братья!» Великое спасибо этим людям за ум, за смелость, за правду! Иначе сейчас все было бы плохо! Все было бы очень плохо!..

Этому главному городу России, этой главной сакле в этом городе, вам, которого власть от себя поставила хозяином перед нами, мы желаем добра и берката!

За этим столом мы пожелаем, чтоб не гибли на войне люди, - он бросил взгляд на Вику, - чтоб не сиротели дети, матери, жены России! - И, подняв над головой кусок черного хлеба, воскликнул: - Чтоб этот кусок хлеба, перед которым все мы всегда на коленях, был у нас в изобилии! Чтоб для всех рук хватало земли!

Спасибо за уважение! Спасибо за хлеб-соль!

Калой поклонился представителю власти, выпил и, дождавшись когда выпили все, вышел из-за стола. Его примеру последовали остальные. Небывалый обед в Зимнем дворце был закончен.

Илья Иванович и Калой ехали в трамвае, шли пешком, переходили мосты. Илья рассказывал Калою, как их с Виты судили, везли в Сибирь и наконец разлучили. И с тех пор он ничего не знал о своем любимом друге. А Калой рассказал Илье, как погибла Матас и пришло письмо от Виты.

Илья очень обрадовался, узнав, что товарищ жив.

Они пошли по обыкновенным улицам, чем-то напоминавшим Калою родной Владикавказ. И от этого на душе стало хорошо, будто он приблизился к дому.

- Вот здесь и квартируем. Четвертый месяц, - сказал Илья Иванович, переходя улицу и направляясь к дому с резным крыльцом. - Сыновья на фронте. Дочь в деревне у бабушки. И Вера была у них. Потом я переехал сюда, и она со мной. Так вдвоем и живем здесь, словно жизнь начинаем сначала. Да, собственно, оно так и есть. Не только у нас - у всей страны должна начаться новая жизнь!

Он постучал в дверь, но никто не ответил. Тогда своим ключом он открыл парадную.

Илья и Вера занимали просторную переднюю и большую комнату, разгороженную на две части платяным и книжным шкафами. В первой половине комнаты стоял стол, диван, несколько стульев и комод. За шкафами - кровать. Мебель и лакированные картинки на стенах, как и все здесь, принадлежали домовладелице.

Калой пристроил в угол шашку, снял черкеску и остался в сатиновом бешмете. Только теперь он почувствовал, как устал за эти последние дни.

Илья Иванович, немного смущенный тем, что дома не оказалось хозяйки, сам разжег керосинку и поставил чайник.

Они сидели на диване, разговаривали, отдыхали.

- Идет! - вдруг воскликнул Илья Иванович, посмотрев в окно. - Давай скорее сюда!

Он завел Калою за шкафы, спрятал его черкеску и шашку, а сам сел на диван, уткнувшись в газету.

- Ты только не выдавай... - тихо бросил он Калою.

В передней скрипнула дверь, послышался женский голос: «Беглец оказался дома!» - и Вера Владимировна вошла в комнату.

- Где же это ты, Илья Иванович, пропадал?! - воскликнула она. — Небрить, глаза ввалились... И я извелась, не знала, где тебя искать...

- Ну, уж и глаза ввалились, и борода... - засмеялся Илья. - Так сразу и сфотографировала! Ездили на встречу с Туземной дивизией. А от них - к казакам. Самое главное, что беду удалось отвести. Ради такого, думаю, можно и не побриться.

- Илья, а ты никого не встречал в дивизии?.. - спросила Вера Владимировна.

Илья отрицательно покачал головой.

- Не поверишь, - продолжала она. - Идем мы по Невскому, гремит музыка, народ собирается. Глядим - казаки идут с шашками. Не можем понять: чего народ радуется! Сейчас ведь дела начнутся!.. И слышим: «Дикую дивизию» большевики распропагандировали. Идет в гости к гарнизону». Такая радость! Мы стали у Казанского, чтоб хоть издали посмотреть... И действительно, я сразу узнала: наши... горцы идут! Я как вспомнила все, меня аж затрясло... А тут... глянула на первый ряд и закричала при всем народе... Люди оглядываются, а я плачу, не могу... Кого, думаешь, увидела?..

Илья Иванович с едва скрываемой улыбкой слушал жену. Она заметила это... насторожилась, взглянула на шкаф... А там не то кошка черная, не то щенок лохматый притаился... Она забежала за шкаф, ахнула...

- Шамиль!

Кинулась к Калою, обняла его, и тяжело зарыдала... Илья Иванович и Калой не рады были этой затее и всячески старались успокоить ее.

Наконец она взяла себя в руки.

- Вы уж простите, что так распустилась... Я ведь не плакала, и когда сыновья уходили и когда он вернулся... Много лет копилась эта водица... Вот, значит, до какого случая!.. Как они с братом тогда гостинцы твоим сиротам привозили да к себе в горы звали... Ну, ничего... Слава Богу, все позади! Как у вас там? Как Матаска, бедняга, что слышно про Виты?

- Ничего! — воскликнул Калой, про себя отмечая, как поседели виски у Веры. - Виты письмо был. Теперь, наверно, домой приедем! Ма-тас - тоже хорошо! Все хорошо! - Илья Иванович был рад, что Калой скрыл про смерть Матас. - Один мальчишка тоже есть! - хвалился Калой, стараясь говорить только приятное. - Брат живой. Домой поехал...

- Вот тебе и «дивизия»! - не могла успокоиться Вера. - Разве ж Калой мог пойти против нас? Наш Калой? Никогда! Ну, Илья, если уж и горская глухомань тронулась заодно с вами, - значит, правда ваша настоящая!

- Что ж, слава Богу! Только как ни хороша политика, а соловья баснями не кормят! У нас гость! - сказал Илья Иванович, и Вера принялась хлопотать по хозяйству.

Немного погодя пришел Мухтар. Вику не отпустили друзья, которых она разыскала в Петрограде.

Смеркалось, когда снаружи постучали. Илья вышел и вернулся с молодым мужчиной. Открытое лицо. Непослушная копна волос. Он с интересом поглядел на Калоя и, подавая руку, сказал:

- Будем знакомы, земляк. Сергей. Из Владикавказа. С Мухтаром они поздоровались как старые друзья.

- Садитесь, что же вы все встали? Я ведь не старик! — засмеялся гость...

- Не старик. Молодой ты, — сказал Калой. - Но ты гость!

- Да какой же я гость? - воскликнул Сергей Миронович. - Это вы гость! Вы ведь только сегодня в этом доме, а я здесь бывал не раз.

- Нет, - возразил Калой. - Я в этом доме пятнадцать лет! Илья наш брат. Значит, это наш дом. Ты садис. Я хозяин!

- Ну, раз так, я горские законы знаю, - сказал Сергей Миронович, - хозяин даже перед юношей стоит! - И он сел первым.

Всем хотелось узнать, что делается сейчас на Кавказе. Киров много рассказывал о том, как купцы, нефтепромышленники, офицеры пытаются удержать за собой власть, а партийная организация большевиков борется против этого.

- А знаешь, за чье здоровье ты поднял тост в Зимнем дворце? - спросил Калоя Мухтар. Тот не понял его. — Ты пил за его здоровье! -указал он на Кирова. - Это он придумал послать нас к вам.

Калой посмотрел на Илью Ивановича. А когда тот поддержал Мухтара, он торжественно встал, взял Кирова за руку и от всего сердца потряс двумя руками.

- Спасибо! Спасибо! Большой беда был! Большой дело сделал! Это потом все люди узнают! Человек молодой, а башка хороший! Много масла есть! [3]

Кирову очень понравилось это выражение.

Зная, что все услышанное здесь Калой передаст своим, Киров повел откровенную беседу. Он говорил, что горцы не должны слепо верить своим местным авторитетам - богачам, офицерству, чтоб они учились судить о людях не по их речам, а по делам и жили в мире со своими соседями.

На это Калой, помрачнев, возразил:

- Ты говоришь, наши люди разная есть. Это правда. Но сосед тоже разная есть... Когда мой сосед мой земля себе брал, мой хлеб кушал, а мне земля нет, хлеб нет - тогда это неправильный сосед!

Киров согласился с ним.

- Надо, чтоб власть стала наша, - сказал он. - А землю поделить сумеем.

Подали ужин. Хозяйка просила извинить, что хлеба на столе маловато.

Ужин прошел весело, по-семейному. Потом пили чай, настоящий, вприкуску. И снова говорили о приближении больших событий. Ведь рабочие и солдаты Петрограда требуют от своих организаций, от Советов немедленно брать всю власть в свои руки.

Киров очень просто рассказывал о программах партии кадетов, меньшевиков, эсеров. Калой слушал его, но в конце концов не выдержал и перебил, заговорив на своем языке.

- Он говорит, - перевел Мухтар, - ты всего этого не рассказывай! Николай был настоящий царь и то обманул! За двести рублей сманил меня на войну на шесть месяцев, а держит вот уже три года. Я пойду за тем человеком, который остановит войну, даст мне землю и право, чтоб среди людей человеком считаться! За такой партией - хоть на смерть! Все остальное - пустые разговоры! Те, о которых ты рассказываешь, не о нас хлопочут, а о себе. Начальниками хотят стать, командовать мною...

Киров улыбнулся, кивнул головой. И только теперь начал рассказывать еще об одной партии - о большевиках. И снова Калой слушал его и думал, как непросто будет этой партии добиться победы. Правда, сейчас все тронулось с места. Но пока у начальников есть сила, да и умение командовать, трудно с ними справиться...

- Скажи, - обратился он к Кирову теперь уже по-русски, - если бедный луде всех прогонит: Керенски гонит, Карнилов гонит, кто наш царь будет?

- Не будет царя, - ответил Киров. - Ты, я, он - мы все будем управлять жизнью, страной!

- Ничего не будет! - решительно возразил Калой. - Я дурной, как баран. Никогда не читал. Свой фамилии писать не могу. Ты, он - два голова. Два голова - два разны язык! Когда один голова нету, это руки ноги не может ходить. Когда дома один отец нету, все дитя туда-сюда бежит. Всем бедны луди тоже один голова надо! Вот я чаво говорю!

Киров понял.

- Нет, друг, ты не дурной, хоть и не учился! В твоей голове тоже много «масла»! - Все засмеялись. - Правильно. У бедных людей во время революции должен быть вождь, «голова»!

Есть такая голова в России. Партия, вот мы все бережем этого человека, скрываем от врагов. Он руководит нами. А когда придет время, он встанет впереди!

- Какой? — спросил Калой, слушавший Кирова с напряженным вниманием. - Мы домой пойдем. Говорить будет. Луди скажит: какой это человек? А я скажу — «не знаю». Тогда наш разговор чепуха будет. Ты видел?

- Видел, - ответил Киров. - Будешь говорить людям, скажи, что он обыкновенный человек, такой же простой, как ты и я. Он очень много знает, очень умный, самый

умный. Любит народ, учит бороться. Брат его царя хотел убить. Его схватили, повесили. Враги боятся этого человека. Друзья любят. Мы все ему верим. Зовут его Ленин...

Калой задумался, взвешивая все услышанное. Потом посмотрел на Кирова и сказал:

- Ле-нин!.. Значит, бедны люди есть своя царь! Киров дружески улыбнулся.

- Ну, что ж, неточно, но считай, что есть!

Несколько суток жили горцы в Петрограде. Их возили на заводы, на митинги, на собрания революционных частей гарнизона. И всюду они слышали, как народ требовал суровой расправы с главарями мятежа.

Под давлением масс Временное правительство арестовало генерала Корнилова и его сообщников.

Генерал Крымов, убедившись в том, что его поход на Петроград окончился провалом, застрелился. Командующие фронтами прислали телеграммы о своей лояльности к Временному правительству.

Борьба с корниловским мятежом вызвала революционный подъем масс по всей России.

Она усилила роль и значение партии большевиков как единственной реальной силы в стране, способной дать отпор контрреволюции.

2

Кавказский туземный конный корпус отошел на станцию Дно. Со второго сентября командующим корпусом был назначен генерал-лейтенант Половцев, жестоко расправившийся с июльской демонстрацией в Петрограде. Но в своем корпусе он не появлялся. Исполняющим его обязанности солдаты выбрали командира Ингушского полка Мерчуле.

Сначала Временное правительство хотело вернуть корпус на фронт. Но солдатские комитеты отказались подчиниться этому. Тогда через две недели Керенский отдал приказ об отводе корпуса в город Армавир для окончательного укомплектования.

Временное правительство не собиралось выходить из войны.

А солдаты-горцы не думали возвращаться на фронт. И поэтому, когда подготовленный к задержанию корпуса пехотный заслон попытался в Армавире преградить ему дорогу, тридцать два эшелона ошестинились пулеметами и винтовками и беспрепятственно миновали станцию.

Путь домой на Кавказ был свободен.

На остановках всадники из вагона в вагон водили своих барабанщиков и зурначей и плясали на радостях лезгинку.

В ту же ночь многие офицеры покинули эшелоны. Они вернулись в подчинение

командования и были отправлены в действующую армию. С ними вместе ушел и Бийсархо. Всадники о них не жалели.

В Невинномысске свернули к себе черкесы с абхазской сотней. В Прохладной ушли домой кабардинцы, а в Беслане ингуши и осетины попрощались с фронтовыми друзьями остальных полков, которые продолжали путь к своим - в Чечню, Дагестан, Азербайджан.

Наступил конец «дикой дивизии», всего несколько дней только именовавшейся корпусом. С этого времени она как часть навсегда перестала существовать.

Поезда вытянулись по ветке Беслан - Владикавказ. Ингуши не отрывались от окон с левой стороны. В осетинских вагонах все глаза были устремлены направо. Воины двух народов-соседей взволнованно смотрели на земли своих отцов, на далекие, еще зеленые очертания аулов, в которых им предстояло обнять родных и близких и теплым словом поддержать тех, к которым их мужчины никогда уже не придут на порог.

Весь долгий путь от Петрограда до Кавказа Вика оставалась в вагоне, где ехал Калой. Из четырех нар ей выделили одни. Тридцать мужчин разместились на трех. Они приняли ее как жену командира и привязались к ней как к сестре.

Поезда шли с остановками, долго. И за это время Вика почти всех своих друзей научила писать фамилии.

Один Калой говорил, что он ничему не научится, потому что пальцы его способны держать только винтовку или топор. Но когда наконец у него раз за разом стало получаться «Эги Калой», радость его была велика.

Он находил какие-то клочки бумаги, обрывки газет, писал на них свое имя, фамилию и, показывая Вике, спрашивал:

- Это чаво?

- Эги Калой, - читала она.

Он вскидывал руки и смеялся. А потом показывал другую бумажку и задавал тот же вопрос, и Вика снова читала:

- Эги Калой.

И опять он смеялся, как ребенок.

- Значит, правда! Умею писать! - восклицал он. И говорил, что если бы в горах появилась хоть одна такая женщина, она всех горцев вывела бы в люди, сделала из них писарей на всю Ингушетию! А писарь - какое хорошее дело! Кому письмо надо, кому жалоба - все идут к нему и просят и несут: кто горшок масла, кто яички, кто курицу... Не жизнь, а сплошной байрам! А потом он рассказал про того писаря, который в детстве учил его. Как тот не только не брал у бедных, но сам делился с ними последним куском. И Калой не переставал удивляться, какие разные бывают люди!

Вика зашивала солдатам черкески, бешметы. А порой вела с ними

долгие беседы, рассказывая что-нибудь из прочитанного. И огрубевшие от войны мужчины сидели вокруг нее часами, затаив дыхание и не шевелясь. В этих занятиях Вика увидела свое призвание и навсегда решила, кем она будет в жизни.

Подъезжая к городу, Калой вспомнил Петроград. Каким маленьким казался после него родной Владикавказ! А ведь совсем недавно он поражал его своими размерами. Вспомнил он и Илью, и Веру. Они провожали его до самого Царского Села. Вера дала сверток с гостинцами для сына, Илья - карточку Ленина, свой адрес, пачку керенок. Калой спрятал в бешмет фотографию, а от денег попытался отказаться. Но Илья и слушать не захотел. Прощаясь, Вера и Илья просили передать привет женщинам, обещали собраться в гости. А перед самым отходом поезда Калой высунулся из окна и доверительно сказал Илье:

- Когда увидишь Ленина, скажи ему: он обязательно должен приехать к нам. Мы хотим его видеть. И вы приезжайте вместе с ним. А еще скажи: если что понадобится, он всегда найдет меня на месте!

Вспомнил Калой сейчас Кирова, Илью, Веру и подумал: «Верно говорят, что не все мусульмане обязательно попадут в рай и не всем христианам гореть в аду!»

Размышления Калоя прервала Вика. Она стала рядом. Молчаливая, печальная. Заметив это, Калой заговорил:

- Скоро мама увидишь! Ох, как он буду рад!

- Его село... - сказала Вика, взглядом показывая на далекий аул. Это был аул Байсагурова. Калой понимал, что тоска теперь с новой

силой завладеет ею. Не будет больше полка, не будет работы, в которой она, стараясь облегчить страдания людей, забывала о себе, о своем горе. Слезы бежали по ее щекам, она утирала их и тихо говорила:

- Конечно, не всегда он был прав и не всегда правильно поступал... Но он был хороший... Хороший... И я готова была ему все простить... Сколько я хлопотала, чтобы скорее попасть к вам... Может, ничего и не случилось бы... А пока пришло разрешение... - подбородок у Вики задрожал. Чтобы не разрыдаться она прикусила губу. - А как мама его любила!.. Она ничего не знает...

Вика говорила, а село Байсагурова уходило назад, как ушла и осталась позади вся ее жизнь с ним.

Калой глядел на Вику и не знал, что делать. Первый раз в жизни он должен был утешать русскую женщину. А что ей скажешь? На своих можно прикрикнуть, объяснить, что покойнику от слез близкого очень тяжело. А эта не поверит. У них другие обычаи.

- Плакать нельзя. Ты молодой. Время мало - много идет, другой человек придет... Хороших человек не один. Се будет хорошо!..

Вика улыбнулась, покачала головой.

- Нет, Калой, для меня больше никто не придет! Хороших людей много. Но такого нет. А другого мне не надо.

- Нельзя так говорить! - почти закричал Калой. - Тебе дети нет. Лет мало. Это наша, горски дурной закон: муж помер - жена дома са-дис. Ваш закон другой.

- Обидно говоришь! - сказала Вика, с укором посмотрев на него. - Разве могут быть у мужа и жены разные законы? Или он был не такой горец, как все вы?

Калой давно уже знал, как Вика любит Солтагири. Но он не думал, что ее мысли подойдут так близко к их суровым понятиям о жизни.

- Или он недостоин, чтоб жена уважала его память? - продолжала Вика взволнованно. - Я никому не буду этого рассказывать, потому что меня мои люди не поймут, а ваши - не поверят... Но ты-то его всадник и старший друг, человек, который видел его последний час, ты, который ко мне отнесся, как отец, ты должен знать, - Вика закрыла глаза, - жена Байсагурова никогда в жизни не будет уже ничьей женой!..

Поезд подходил к станции, Калой передал всадникам разговор с Викой.

- Такая сделает все! - выразил один из них общее мнение. Они верили ей и любили за то, что ей можно было верить.

Калой окликнул Вику. Она оторвалась от окна. Тридцать горцев, сгрудившись в середине теплушки, смотрели на нее. Она читала в их глазах сочувствие и уважение к себе.

- Ты сказала тяжелый слово, - обратился к ней Калой. - Сейчас мы все пойдем разный сторона. Но все эти мужчины - твой братья. Ты забрал наша сердце. Пиши аул, фамилий всех! Чаво надо - все будем делать! Не сучай. Это Бог дело. Сегодня он, завтра нам время... Каждом человек - свой время!

Вика слушала эту бесхитростную мудрость простых людей, завидовала им. И все же ей с ними было легче. Она исполнила их просьбу, записала адреса.

Всадники первой сотни проводили Вику до дому, тепло простились с ней и обещали не забывать.

Когда они скрылись за углом, Вика по-особому дернула за ручку звонка и услышала, как где-то в комнатах вскрикнула мать...

Вот в передней зашуршали ее шлепанцы, открылась дверь...

Вика вошла... Солдатский мешок вывалился из рук... Мать схватила ее за голову, все поняла... и прижала к сухонькой груди.

- Ласточка ты моя!.. От судьбы никуда... никуда...

Имущество Ингушского полка вместе с кассой и знаменем было перевезено в арендованный для этого дом купца Симонова, на углу Краснорядской, казармы

определены за городом, на винокуренном заводе. А пока всадники, тепло распрощавшись, разделились на две партии и поехали по домам. Одни в сторону плоскостных аулов на Мочко-Юрт, Назрань, Экажево, Галашки, другие в горы - в сторону Длинной Долины.

Царя давно уже не было. А горную и плоскостную Ингушетию по-прежнему разделяла линия казачьих станиц - живое подтверждение того, что в жизни угнетенных народов ничего не изменилось.

Появление горцев-солдат в аулах взволновало людей. Народ выходил им навстречу. Многие спрашивали всадников о своих родственниках, об их судьбе. Спрашивали о событиях в стране. Жаловались, что после свержения царя началась настоящая неразбериха. Власть у казаков своя, у горцев своя. Согласия нет. Все с оружием, и каждая сторона норовит взять верх. Горцы хотят вернуть свои аулы, а казаки готовы за это объявить им войну.

Нерадостные это были вести. Солдаты только что ушли от войны, а она, оказывается, опередив их, угрожала им в родных аулах.

Разъезжаясь, условились: в случае чего сейчас же собраться и действовать сообща.

Многие солдаты-горцы оставались на ночлег в плоскостных аулах, чтоб в пути не застала ночь. Калой не хотел ждать. У него были две лошади - своя и брата. Венгерского гунтера Орци он уже здесь обменял на крепкого кабардинца, потому что гунтеру жизнь в горах была бы не под силу. И ехал он теперь быстро — то на одной, то на другой лошади, не давая им устать.

Но горы есть горы. И к вечеру кони пошли шагом.

До дома было уже недалеко. Миновав замок Ольгетты, Калой пустил лошадь попасться, а сам лег на лужайке и почувствовал радость не только от приятного покоя в теле, но и от ощущения покоя на душе, потому что лежал он на земле, где все было своим, родным. Каждая вершинка, каждый склон были здесь исхожены его ногами.

Солнце садилось за высокий хребет, на котором искрился свежий снег. А напротив, через ущелье, на горе, еще во всей красе своей - в зеленых, желтых, лиловых и ярко-алых листьях — шумел осенний лес.

Калой заложил руки за голову, потянулся. Высоко в небе кружили орлы. Калой закрыл глаза. Сколько времени за эти годы он пролежал на земле! Но там он весь превращался в слух и зрение. То он подстерегал врага, то враг подстерегал его...

И вот настал день, когда можно было просто так уснуть, раскинув руки, и не думать, что этот сон может стать последним.

Солнце спустилось за гору. Лучи его яркими полосами остались в небе и зажгли над собой облака. По ущелью пробежал вечерний ветер, зашуршал в траве, вскинул, распушил конские хвосты и исчез за ближним холмом тоненьким вихрем пыли.

Калой ощутил в себе небывалую силу, вскочил, словно не было за плечами прожитых лет, окинул радостным взглядом горы.

Какая-то тень померещилась ему у стен башни Ольгетты. Он сел на лошадь и снова тронулся в путь. Впереди, пофыркивая, бежал кабардинец Орци.

«Неужели там был человек? — невольно подумал он. — Да кому теперь нужна эта башня! Может быть, и жить-то здесь не придется, если внизу вернут наши земли».

Старая башня вызвала в памяти встречи с Зору, стычки с Чаборзом, горечь скитаний в абреках.

Чем дальше уходил Калой в горы, тем теснее окружала его прежняя жизнь, словно он и не расставался с нею. Он свернул с тропы, и за холмом открылась серые камни Турса и Доули. Калой слез с коня и пошел к памятникам родителей. У подножия их журчал его родничок. Груша и яблоня, посаженные им, раскинули ветви, усыпанные поздними плодами.

- Здравствуй, Турс. Здравствуй, мать моя Доули, - прошептал Калой. Упав на колени, он выпил глоток воды, напоил коней и встал на намаз. В молитвах он помянул родителей, Гарака и Докки, беднягу Матас и неведомо где сложившего кости свои старика Хамбора, принесшего ему печальное завещание отца. И вдруг к нему вернулась та мысль, что пронеслась в голове там, у замка Ольгетты: «Может быть, придется покинуть горы...» Он содрогнулся...

Став между памятниками, он дотронулся до их холодной глади и заговорил, как с живыми.

- Мой отец и моя мать! Я, который никогда не видел ваших лиц, не ел из ваших рук, я чтил вашу память священно! Я клянусь горем вашего последнего часа, счастьем всей жизни моих близких, клянусь, что никогда не нарушу завета твоего, отец, и не покину этой земли, как ты велел! Я буду добывать счастье свое здесь, в краю, по которому так тосковали вы и я... А за измену в мыслях своих я даю обет: до смерти не забывать этот наказ и в память о нем никогда не брить лица своего! Амин!

И Калой поехал дальше, только теперь почувствовав, что он прежний Калой, что он снова дома. И смутное желание покинуть горы отошло от него навсегда.

Он вернулся сюда, чтобы жить здесь и умереть.

В глубокие сумерки подъезжал он к родным местам. Вон очертание скалы Сеска-Солсы. Вон башни аула и ранний свет в окнах. Свет и в его окне... Как долго этот свет ждал его!

Сколько ночей провела Дали у этого окна, глядя в глухую темень ущелья, вымаливая его у расстояния, у времени! Но ждут ли его сегодня?

Калой волновался. Много раз возвращался он домой. И в этом не было ничего необыкновенного. А сегодня...

Он представил себе, как войдет во двор, как встретится с братом, с женой, с сыном... Какой он теперь? Узнает ли сын его?

Мысля Калоя перебил мальчишка в папахе, в коротком бешмете. Он словно вынырнул из сумрака надвигавшейся ночи.

- Дядя, тебе по дороге не попадалась овца?

- Нет, — ответил Калой, — на тропе не ищи. Наверно, в каком-нибудь из этих оврагов осталась.

Мальчишка задумался. Куда бежать?

- Возьми вон того коня и поезжай, пока не совсем стемнело! - сказал Калой, указав на лошадь Орци.

- А куда же я потом отведу его? - спросил мальчик, схватившись за повод.

- Отведешь во двор Орци.

- Как? К нам?

Калой вздрогнул. Может, ослышался?

- А чей ты?

- Калоя, - ответил мальчик, ловко вскочив в седло и умело поворачивая коня.

- Какого Калоя?

- Турсова Калоя. Из рода Эги. Брата Орци, к которому ты едешь, -ответил мальчик. - Я сейчас. Она где-нибудь недалеко... Нет, лучше давай я провожу тебя, гость, а потом вернусь!

- Поезжай, поезжай! Мне не к спеху, - сказал Калой. - Я тоже помогу искать...

По-разному представлял себе Калой встречу с сыном. Но такой - никогда.

Мальчик был слишком велик для своих лет. В памяти Калоя он жил маленьким.

Вскоре овца нашлась, и они поехали к аулу.

Калой хотел было уже назваться, но решил еще немного поговорить с сыном, не выдавая себя.

- А где твой отец? - спросил он.

- На германской войне, — ответил Мажит.

- А почему дядя не на войне?

- Он был ранен. Отец тоже был ранен. Но отец очень сильный. Лошадь поднимает! Ему пуля, как укус осы: почесался - и прошло.

- А кто тебя врать научил? - Калой едва сдерживал смех.
- Я говорю правду. Это тебе и воти подтвердит.
- Значит, и воти твой врет, - сказал Калой. Мальчик насупился.
- Что же ты умолк? Нечего ответить?
- Есть. Но ты взрослый и гость... Тропа к аулу расширилась.
- А все дома, кроме отца? Все живы, здоровы?
- Все.
- Я вижу, ты почитаешь гостя. А чем мой приезд отметишь?
- Барана зарежу.
- Это как тебе еще разрешат!
- А кто запретит? У меня свои бараны.
- Как «свои»? Ты что, уже отделился от семьи?
- Зачем. Мы вместе. Мне подарили двух ягнят. Я назначил их отцу... Вот они и выросли... Большие, жирные стали!
- Но если ты зарежешь одного из них и узнает отец... Мальчик усмехнулся.
- А если он узнает, что я пожадничал для гостя?.. Он знаешь какой?!
- Какой?
- Да опять скажешь вру... Воти даст мне еще одного ягненка, если я первым увижу отца. Так что зарежу для тебя, а у меня все равно будет два.
- А если не ты?
- Как это не я? Я с утра до ночи в горах. Все тропки вижу, как в трубу. Жду...
- А если он ночью?
- Ночью? - Да.
- Ночью не увижу, - явно опечалился Мажит. Ему, видимо, и в голову не приходило, что отец может вернуться ночью. - Вряд ли он приедет ночью, - подумав, сказал мальчик.
- Конечно, - согласился Калой. - Ну, как еще в пропасть сорвется или перепугается... Тут совы кричат... Волки воют...

- Шутишь! — усмехнулся Мажит. - Калой сов испугается?! - И он весело рассмеялся. - Да он с немецкого полковника штаны снял и голым его к царю привел! Калой испугается! - И Мажит снова залился хохотом.

На этот раз Калой тоже захохотал вместе с ним.

- Какой ты веселый! Я никогда не видел таких гостей!

- Эх ты! - не выдержал Калой. - Отца родного не узнал! А еще Эги Мажит!

Мальчик опешил. Растерялся. Калой схватил его за плечо, дернул за ухо. Мажит молчал.

- Что ж ты молчишь?

- А это правда? - едва выговорил мальчик.

- Ах ты, кутенок этакий! Неужели я бумагу тебе должен показывать? Вот сейчас узнаешь, Калой я или не Калой! Держись! - крикнул он и, схватив за гриву рядом шедшего кабардинца, потянул его на себя. Конь вскинулся на дыбы. Калой бросил его, поднял Мажита за пояс над головой, потряс в одной руке и сгреб в охапку.

- Ну! Калой я или не Калой?..

Мажит молчал. А потом уткнулся в его грудь и заплакал.

- Иди! — сказал Калой. — Садись на лошадь и скачи! Пусть Орци отдает ягненка! И запомни. Давно еще, когда я был таким, как ты, Гарак мне сказал: у нас мужчины не плачут!..

Но Мажит уже смеялся сквозь слезы. Он соскользнул с рук отца, догнал лошадь и помчался в аул. Калой пошел пешком, подгоняя овцу. У околицы он увидел задыхавшегося от бега Орци, за ним - женщин.

- Да беги! Какая же ты! - укоряла Гота невестку. Но Дали не хотела оставлять Готу, которая была в положении.

- Ничего! Дольше ждала! - с видимым спокойствием ответила она, хотя сердце у самой рвалось наружу.

На этот раз братья не постеснялись обняться. Подбежавший Мажит забрал у отца повод и повел лошадь. Наконец, не выдержав, подбежала к Калою и обняла его Гота. И только потом подошла Дали. Ей можно было не торопиться. Он теперь был здесь. Ее. Надолго. Навсегда...

- Не шумите, - сказал Калой, - а то люди соберутся. Мы ведь только сегодня приехали. Я прямо с поезда...

Во дворе с база донесся запах шерсти и кизяка. Калой остановился. Шумно вздыхала скотина. На башне по-кошачьи мяукала сова. «Все, как прежде...» - подумал он и пошел в дом. Он ожидал увидеть черные каменные стены, бревенчатый потолок с

подвешенным оселком, лук для взбивания шерсти, смолистые корни и множество других вещей. Он собирался ступить на мягкий глинобитный пол. Но пол сверкал белизной вымытых досок, стены и потолок были оштукатурены и выбелены с синькой. Вещицы, веками имевшие свои места, исчезли. Кринки, миски, блюда встали за занавеску на новенькие полки, расположенные друг над другом.

Калой молча прошел в другую часть башни. Всюду была такая же чистота и новизна. Он вернулся к притихшим домочадцам.

Только камин в стене, очажная цепь да черный котел над ней оставались такими, как прежде.

- Наше ли это жилье? - не то шутя, не то всерьез спросил он. Никто не нарушил молчания. - Значит, время пришло и сюда! Хорошо, что хоть очаг, у которого праотцы и матери наши начинали и кончали свои земные дела, остался таким, как был!..

Орци, Дали и Гота стояли придавленные его словами.

- Да нет! Я не против всего этого. Хорошо! Чисто, - сказал им Калой, снимая с себя парабеллум и пояс с кинжалом. - Только куда мне это класть теперь? - Он усмехнулся и снова стал своим, добрым.

- Клади, куда хочешь! Вещи найдут свои места! - повеселев, ответила Дали, принимая от него оружие и черкеску. Орци с восторгом рассматривал парабеллум.

Калой сел на нары. Гота кинулась разувать его.

- Нет. Не ты! - отстранил он ее рукой.

- Но почему? Дай я сниму сапоги! - удивилась Гота.

- Нет, — ответил Калой. — Важнее сапог — племянник... — Гота покраснела и отвернулась. — Пусть хозяйка поможет мне. Она, наверно, соскучилась!

Дали вмиг стянула с него тяжелые солдатские сапоги.

- В них в лесу хорошо будет. А дома надень вот эти. - И она поставила перед мужем новые суконные чуваки на сыромятной подошве, которые всегда шила для него сама.

Калой успел разглядеть Дали. Она раздобрела, и ей это шло. «Хороша! - подумал он. - Очень хороша!» И невольно припомнил Наси, такую же пышную, цветущую... Видно, так и осталась она для него на всю жизнь мерилom женской красоты.

- Возьми себе, — предложил Калой брату пистолет. Но тот наотрез отказался.

- Если бы был такой же второй, я б его все равно выбросил, чтобы ни у меня, ни у других не было! Он только для тебя, для твоего роста!

- А за какие же деньги вы башню так вырядили? - спросил Калой, снова оглядывая комнату.

- Да у меня пара револьверов была... Портсигар дорогой... Продал их... У нас здесь оружие цены нет! - ответил Орци.

Больше Калой об этом не спрашивал.

В хурджинах у него оказались кое-какие подарки для женщин. Мальчику он привез гостинцы от Веры Владимировны. Но куда делся Мажит?

- А, действительно, где он? - удивилась Дали. - Так ждал отца... Гота, а вслед за ней Орци вышли во двор.

- Поставил лошадей и кончает свежевать барана, — сказала Гота, возвратившись.

- Какого барана? - удивился Калой.

- А он для тебя двух вырастил. Второго, говорит, завтра зарежу, когда к отцу люди придут. Ты можешь не беспокоиться, сын у тебя растет настоящий! - радостно говорила Гота.

- Да как же он там в темноте? - удивился Калой.

- Зажег бага. Видно, как днем.

Калой только покачал головой. В это время Орци и Мажит внесли мясо.

- Полей на руки, - бросил Мажит матери. И Калой с удивлением отметил, как похож на него сын.

Мальчик говорил мягко, но повелительно. «Откуда это? Ведь он меня почти не видел, — подумал Калой. — Сосал еще!» — вспомнил он и улыбнулся. А Мажит вытер руки, вернул матери полотенце и встал у двери. Женщины принялись готовить еду.

- Ну что, отдаст тебе Орци ягненка? - спросил Калой.

- А зачем? Он, конечно, отдаст, - не в силах сдержать радостной улыбки, отвечал Мажит, взглянув на дядю, - но ждать нам теперь уже некого!

- А если гость приедет? - спросил отец.

- Тогда любого зарежем, - ответил Мажит. - Для этого никто особо не выкармливает!

- О! — воскликнула Гота. — Из-за этих баранов мы не раз оставались голодными! Все из-под рук тянул для них!

- А зато мясо какое! - Мажит приподнял кусок баранины. - И курдюк с полпуда! А вы хотели отца сушеной говядиной встретить?

- Молодец! Так их! Мы им за это ничего, кроме кишок, не дадим!

- А кишки знаешь какие? Одно сало! Из них такой бър[4] выйдет, что они с радостью откажутся от мяса! - воскликнул Мажит.

Мать украдкой поглядывала на мужа и сына. Глаза ее сияли от счастья.

- Ну, не оставлять же их в честь моего приезда голодными? Мажит застеснялся. Опустил голову.

- Нет, конечно, - сказал он, с любовью взглянув на всех. Тепло стало на душе у Калоя. В этом доме по-прежнему жила большая дружба. Он отдал сверток Веры Владимировны Мажиту и объяснил от кого.

В свертке оказалось домашнее печенье, немного конфет и заводной матрос. Раскачиваясь, матрос мог шагать на месте.

Научив мальчика обращаться с игрушкой, Калой рассказал домашним о встрече с Ильей Ивановичем и Верой.

Мажит передал матери печенье, не попробовав его, потому что есть одному было неприлично. Матроса он поставил на подоконник.

Отец заметил это: «А сын гораздо взрослее, чем я думал».

- Что, не нравится? — спросил он.

- Нравится. Хорошая кукла! — ответил Мажит, дав понять, что игрушки его уже не интересуют.

А Калою очень хотелось чем-нибудь по-настоящему порадовать первенца. Он попросил подать ему хурджины и достал из них браунинг в новенькой желтой кобуре. У Мажита вспыхнули глаза.

Отец вынул из кобуры пистолет, извлек из него обойму и подал мальчику.

- Ты видел такой?

- Да, - ответил сияющий Мажит.

- А взвести умеешь?

- Конечно. Воти научил меня. - И он взвел пистолет и щелкнул.

- Молодец, - похвалил Калой и подал ему обойму. - А ну, заряди и выстрели в пол...

Мажит вложил, в пистолет обойму, но взводить не стал. Помолчав, в явном замешательстве, он вздохнул.

- Боишься? - спросил Калой.

- Нет, - восторженно воскликнул мальчик, - мне не хотелось бы стрелять... при Готе... да еще в комнате... - и, засмеявшись, добавил: - Да и патрона жаль! Другие можно достать, а таких купить нигде... А стрелять я умею, ты не думай! Спроси у воти!

- Сними пояс! - строго приказал Калой.

Мажит взглянул на отца, не понимая его тона, но пояс вместе с кинжалом все же снял. Калой надел на его ремень кобуру и велел снова подпоясаться. Потом отдал пистолет.

- Вложи в кобуру и никогда без дела не вынимай! Носи тоже, когда в этом будет нужда. Твой.

Мажит растерянно посматривал на Калоя, на мать, не веря такому счастью. Потом рванулся и припал к отцу.

- Сходи к Иналуку и позови его к нам, - велел отец.

Орци шепнул что-то на ухо Мажиту. Мальчик кивнул головой, побежал, но вернулся и, приложив руку к пистолету, спросил:

- Снять?

- Нет, - сказал Калой. И Мажит скрылся за дверью.

- Не рано ли такой подарок? - покачала головой Дали.

- Он понимает оружие не хуже взрослого. Ему можно доверять, - не без гордости сказал отец. - Горец! Пусть привыкает к оружию. Мало ли что!..

В комнате стало жарко. Открыли дверь. Калой снял бешмет и прилег на нары. Дали подбросила ему под бок подушки.

Он рассказывал про войну, про Петроград, про обман генералов... Орци сидел у него в ногах. Женщины продолжали готовить и слушали, не пропуская ни слова. Сколько нового, невиданного было в том, что он говорил!

Калой почувствовал голод.

Он замолчал, повел носом, улыбнулся:

- Давно не слышал такого!.. Вы бы еще калмыцкого чаю сварили, так я, наверное, в один вечер забыл бы все тяготы войны!

- Это нетрудно, - засмеялась Гота. - Чего-чего, а травы да молока в горах хватает.

Со двора донеслось металлическое позвякивание. Вот звук этот зачастил по лестнице. Калой повернулся к двери.

На пороге стоял человек. Ушанка, шинель нараспашку. Деревянная нога. Лицо, искривленное не то улыбкой, не то гримасой как улыбка...

- Входи! - сказал Калой пришельцу и потянулся за бешметом. Тот

загремел ногой, кинулся к нему, как ребенок, и затрясся в беззвучном рыдании.

- Кто же ты? Я не узнаю... - смущенно спросил Калой.

- Думал... думал и тебя уже не увижу...

- Виты! - воскликнул Калой, узнав наконец его по голосу. - Что же это с тобой?..

Они снова обнялись. Женщины, отвернувшись, закрыли лица платками.

- Да... Вот посмотри... вот и все!.. Рассказывать долго. А слово одно - Сибирь...

Виты сел. Замолчал. Потупился и больше не поднимал глаз. Потом достал кисет, дрожащими, корявыми пальцами скрутил сигарку...

Калой глядел на друга и не видел его. Перед ним встало иное время: далекое, серое небо... Исхлестанная взрывами, истоптанная копытами мокрая земля... Бесчисленные упряжки обезумевших от натуги скачущих лошадей... по ступицы в грязи колеса орудия... Разбросанные по полю, всеми покинутые мертвецы... Вот один из них взмахнул рукой. Конь шарахнулся в сторону. Калой спрыгнул. Солдат лежал вмятый в землю. Живой была в нем только эта рука... Через грудь его проходил глубокий след гаубицы...

Калой вздохнул, посмотрел на Виты, и ему показалось, что он видит на нем этот тяжелый след железного колеса... «Раздавили, раздавили человека...»

Утро наступило тихое, без ветра, без солнца. Туманы немного поднялись, повисли над горами и так и остались, чтобы ночью снова опуститься на землю.

Калой спал. В башне и даже во дворе стояла тишина.

Весть о возвращении полка и Калоя разнеслась по всему аулу и побежала в другие.

Орци, Иналук, Виты встречали людей у ворот, благодарили за пожелание добра и приглашали после полудня на угощение.

- Пусть спит! - понимающе говорили старики. - Нигде не спится так спокойно, как в родной башне. Пусть спит!..

И Калой спал долго, крепко. Несколько раз Дали входила к нему, тихонько присаживалась на постель. Он спросонок приоткрывал глаза и, узнав, что это она, улыбнувшись, засыпал снова.

Вот и теперь он взял ее за руку и опять закрыл глаза. А она так и осталась сидеть, боясь пошевелинуться.

Немного погодя, вошла Гота. Она тихо приблизилась к Дали, обняла ее. И в это время Дали ощутила на своей щеке легкий толчок чьей-то жизни, бывшей под сердцем у Готы. Они понимающе улыбнулись друг другу, и Гота прошептала:

- Будет и у вас! Обязательно будет!

Калой проснулся поздно. Когда он вышел в общую комнату, Мажит, сидевший под

дверями, вскочил. Он не отходил от отца, предупреждал все его желания, поливал, когда тот умывался, подавал одежду, прислуживал во время еды.

Когда мальчик зачем-то вышел, Дали сказала:

- Он очень серьезный. Но теперь, кажется, и вовсе решил стать взрослым.

За день в горы приехало много всадников полка - эгияульцы, гойтемировцы, цоринцы.

А к Калою, как к самому старшему из них, гости шли группами я в одиночку. Их заводили в башню, кормили. Они желали роду-племени Турса и Гарака благополучия, полной чаши и выходили во двор, чтобы посидеть, послушать Калоя. Освободившись от домашних забот, сюда собрались и женщины аула.

К вечеру похолодало. Орци велел Мажиту с подростками разложить посреди двора костер. Вскоре высокое пламя озарило людей, строения, башню. Горцы сидели и стояли вокруг огня, слушая Калоя.

Они уже немало знали о войне, о непоправимом горе, которое она несет. Но им почти ничего не было известно о том, что делалось в Петрограде и каких перемен в жизни можно было ожидать.

Калой сидел на чурбачке, спиной к воротам, так, что весь народ был перед ним. Хозяину не полагалось садиться между башней и своими гостями. Орци, Мажит стояли позади него. Женщины ютились на веранде и на ступеньках.

Калой рассказывал все так, как было, не упуская подробностей. Голос его звучал ровно, как будто он читал. И людям казалось, что они сами видят все, о чем он говорит. Стояла тишина, и лишь изредка кто-нибудь вздыхал или острым словом выражал свои чувства.

Мысленно вслед за Калоем шли эти люди по просторам России, карабкались на Карпаты, рубились в Езерахах, стояли над братскими могилами и мчались в теплушках в далекий город русских царей, чтоб по воле удивительной судьбы стать участниками великих событий и найти в них свое, единственно верное, достойное место.

Шла ночь. Много раз подкладывали в костер дрова. Но никто не уходил. Горцы хотели знать все, что знал сам Калой. Хотели угадать, что впереди. И Калой говорил о петроградских рабочих, об их надеждах, об их врагах. Говорил все, что узнал от русских солдат на фронте, от своего друга Ильи Ивановича, от Кирова и Мухтара. И выходило, что скоро должны начаться большие дела и большая борьба бедного люда против своих врагов.

- Киров и Илья мне сказали: передай ингушам, что скоро придет время, когда полетят головы всех, кто ел и пил чужое и держал народ в ярме. Они сказали, что бедных в этом газавате поведет самый храбрый и умный из людей. Имя этого человека - Ленин... И когда он двинется, мы тоже должны пойти за ним... - Калой умолк.

Он достал из кармана бумажник, из бумажника бумагу, из нее маленькую фотографию, подозвал Мажита, положил фотографию ему на ладонь и велел показать самым старшим.

- Илья подарил, - сказал он. - Ленин!..

Народ заволновался. Каждому хотелось посмотреть на человека, которого они по-своему уже называли имамом бедных. Смотрели, не прикасаясь, только поворачивая ладонь Мажита к свету.

Когда фотография вернулась к Калою, старший из присутствующих сказал:

- Трудно угадать, каким он будет в бою. Здесь не нарисовано его тело. Но что смотрит этот человек далеко и думает - видно по глазам.

- Киров говорил: он такой же человек, как и мы... Только мне кажется, он говорил это, чтоб не обидеть нас. Ленин не может быть таким.

Старики согласились с ним, закивали головами. Каждый из них по-своему представил себе Ленина.

Одним он казался великаном, на голову выше Калою. Другие представляли себе его в черкеске, в папахе, с маузером на боку. Третьи видели на гарцующем скакуне впереди несметного войска, готовым ринуться на врагов.

Но одно чувство было у всех общим - это вера и то, что есть у них теперь где-то защита и голова.

- А что говорит он о земле? Видно, там у него своих дел немало. Как нам быть? - спросил один из пожилых горцев.

- Для того, чтобы конь шел туда, куда ты хочешь, повод должен быть в руке, - ответил Калой. - Он готовится взять в руки повод страны. Если бедные победят, все будет иначе.

- Хоть бы не забыли тогда про нас! Затеряны мы здесь между небом и валунами. Нас-то порою и Аллах, кажется, перестает видеть! - заметил другой гость.

Старик встал. За ним встали все.

- Калой, мы засиделись, - сказал он. - Мы слепые. Расспросам не будет конца. Мы видим только тогда, когда слышим... Пора расходиться. Ты дал пищу и телу и душе. За это воздаст вам Бог! Мы уходим отсюда с другим умом и с другими глазами. Но к тебе еще не скоро придет покой. Ты видел мир, ты знаешь больше других. Ты должен быть начеку, должен прислушиваться и, когда придет время, сказать нам, что делать! Мы с тобой! Верно я говорю? - обратился он к народу.

- Верно! Верно! - раздались голоса.

С большими мыслями народ расходился по домам.

Ночь подходила к концу. Над горами занималось утро нового дня.

Осенью прилетела долгожданная весть: «В России вышел Ленин!»

Говорили, разогнал он власть Керенского и хочет помириться с царем Германа, чтобы люди могли заняться своими делами.

Но во Владикавказе жизнь пока шла по-прежнему.

Только вместо одной власти стало четыре. У ингушей - своя, у осетин - своя, у казаков - своя, у жителей города - своя.

Командовали бывшие князья и офицеры. Между собой не ладили. И народом управлять не умели.

Налогов в этом году горцы не платили. Не было порядка. Некому было платить. Станицы и аулы вооружались.

Плохо было простым людям. И весть о том, что в России вышел Ленин, ободрила их.

Лишь бы не забыли про горцев!

Каждый день ждали они чего-то нового. Каждую ночь ложились с надеждой на следующий день.

Наступила зима. Выпал первый снег. Ударил легкий мороз. Сквозь тонкий слой едва заметных туч весело глядело солнце. А в воздухе роились мелкие, бесчисленные снежинки, вспыхивая золотыми огоньками.

Стучали топоры. Сизые дымки поднимались с крыш.

Калой вышел на терраску. Внизу Мажит рубил дрова. Дали доила коров. Он поглядел по сторонам, вдохнул полную грудь свежего воздуха и почувствовал, как загуляла кровь. Сойдя вниз, он взял у сына топор, попробовал большим пальцем лезвие, кинул целую лесину на колоду и с одного взмаха стал отсекать поленья. Мажит смотрел на отца, как на чудо. Он знал: любой мужчина аула не смог бы перерубить такое дерево и за пять ударов. В это время с соседней горы послышался сигнальный крик:

- Эй!.. Эй-эй!..

- Послушай, о чем там... - сказал Калой Мажиту, и тот побежал на холм, с которого лучше всего было слышно, что кричали соседи.

- Тебя! - вернувшись, сказал он отцу и вынес ему шубу. Калой пошел на холм. К добру ли? К несчастью ли?..

- Ладуг![5] - крикнул он, приставив ко рту ладони.

- Сход в Дорхе!.. Сход в Дорхе. Едут болыиевики-и-и! - долетел до Калоя голос с горы.

Рядом с Калоем уже стояли подошедшие односельчане.

- Передайте!.. Передайте!!! - кричал далекий человек.

- Хазад! Хазад![6] - ответил ему Калой и повернулся к своим.

- Ну, будем собираться!..

Все утро с горы на гору, с башни на башню передавалась эта весть, летел призыв. Он дошел до каждого аула, до каждого хуторка, поднял всех. Что-то новое врывалось в их жизнь. И верховые черными цепочками по заснеженным тропкам потянулись с гор и ущелий в долину Дорхе, окруженную тремя аулами, которые считались колыбелью этого народа.

К полудню сюда прибыли далекие цоринцы и джайрхойцы, элу фяппийцев и хулинские наездники со своим старейшиной Алибеком. Галгаи с Калоем во главе встречали соседей-гостей. Долина около Ассы заполнилась людьми в бурках, в желтых овчинных шубах. Они шумели, двигались. Сияла в трескучих кострах хвоя.

Даже женщины в этот день не остались дома. Кутаясь в свои ветхие, негреющие шали и куски домотканого сукна, они тоже пришли посмотреть на людей, называвших себя большевиками.

Стояли они отдельно, прижимаясь друг к другу и едва вынося холод, пробиравшийся в самую душу.

Возле них крутились полуголые дети.

И вот на старинном валуне испытаний появилась группа мужчин.

Старшина Иналук поднял пистолет и трижды выстрелил в воздух. Горцы на конях плотной массой двинулись к валуну. Воцарилась тишина, нарушаемая только лязгом сталкивавшихся стремян.

- Во, нах![7] - прокричал Иналук. - Ладуг! Слушайте! Слушайте!.. На край валуна вышел Калой.

- Слушайте! К нам имеют слово Киров и Мухтар из Фуртауга, -возвестил он. - Ладуг! Гости привезли в горы слово Ленина!..

Место Калоя занял Мухтар. Он был одет по-горски. В руках его люди видели бумагу. Мухтар начал читать и переводить документ, в котором новая власть обращалась к народу.

«20 ноября 1917 года. Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока!

Товарищи и братья!

Великие события происходят в России...»

Он читал о том, что «рождается новый мир», что все народы ждут конца войны.

«...Ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными, устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права и права всех

народов России охраняются всей мощью революции и ее органов, Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство».

Мухтар читал о том, что Советская власть отказывается от завоеваний царизма в Персии, Турции, от дележа чужих стран и притеснения народов. К далеким невиданным странам обращалось от имени своей страны первое Советское правительство. Торжественная радость наполняла сердца. Эти простые труженики гор начинали сознавать себя участниками великих событий.

Солдаты-фронтовики Калой, Алибек, Орци, джараховский старшина Иналук, старейшины других общин в строгом молчании стояли за Кировым и Мухтаром, как сородичи на присяге. «...Не теряйте же времени и сбрасывайте с плеч вековых захватчиков ваших земель!.. - неслись пламенные слова обращения. - Вы сами должны устраивать свою жизнь... ваша судьба в ваших собственных руках...»

Народ бурно приветствовал воззвание.

Калой немного подождал и крикнул:

- Мы слышали то, чего ждали всю жизнь! Спасибо рабочим! Спасибо солдатам, которые победили в Петрограде!

Мухтар перевел его слова Кирову.

- У нас земли на каждых пять мужчин - десятина! На всех женщин - ни одной! У наших соседей - по двадцать десятин на каждого! Нелегко будет уравнять нас! Нелегко! Но если Ленин написал такие слова, он за нас, а мы за него!

- Я был в России. Я не видел у нее ни конца, ни края. Бедных, обездоленных там тоже без конца и без края. И у Ленина должно быть много солдат. А мы - всего лишь небольшой народ. Но если у Ленина в руках великий кинжал России, то передайте ему - мы будем острием этого кинжала и будем драться за новую власть насмерть! - Киров внимательно слушал Калоя, всматривался в лица людей. - Сейчас обязательно начнется война. Победенный никогда не соглашается с поражением. И мы должны быть готовы к этому. И мы готовы к этому! Хорошему коню достаточно одного удара плетью. Настоящий мужчина говорит слово только раз! - воскликнул Калой и поднял руку. - Мы клянемся на все времена быть с вами! На все времена!

- Амин!

- Вурро-о-о! - горцы потрясали оружием.

Киров приветственно поднял руки и соединил их над головой. И снова долину Дорхе потрясли радостные возгласы.

- Товарищи горцы! - заговорил он. - В этот чрезвычайно знаменательный, исторический день, когда вы впервые услышали обращение великого Ленина, я от всех большевиков Терской области приветствую вас! Я поздравляю вас с победой Октябрьской революции в России!

На Тереке у всех народов и племен уже организована народная власть. Отныне это и ваша власть. Но у нее еще много врагов. Предстоит нелегкая борьба. И ей нужна прочная поддержка масс. Мы уверены, в случае опасности вы, свободные горцы, явитесь той реальной силой, на которую революция сможет положиться!

Мы уверены, что вы своей священной клятве, которую только что дали, не измените никогда!

Этот молодой жизнерадостный мужчина в кожаной куртке, в простой горской папахе был первым русским, который говорил здесь языком брата.

Над Ассой в снежной пороше клубился солнечный день.

Над Ассой впервые звучал голос большевика. Его повторяли «говорящие камни». Рождалась новая власть - власть народа.

Еще много битв ожидало ее впереди. Над горизонтом вставал тысяча девятьсот восемнадцатый год.

Но сегодня был именно тот день, когда древние горы ингушей - свидетели многих трагедий народа и его вечной мечты о светлой жизни - вместе с этим народом навсегда выходили из тьмы веков.

16 августа 1965 — 10 февраля 1967 г.

Горы Джараха.

[1] Греметь в барабан - заниматься пустым делом (инг.).

[2] Пророк Иса - Иисус Христос.

[3] В смысле — много мозгов. Умная голова (инг.).

[4] Бъар - вареные кишки, сложенные и связанные особым способом. Иногда нашинкованные ливром. Едят их с черемшовой приправой.

[5] Ладуг — слушаю, слушайте (инг.).

[6] Хазад - услышал (инг.).

[7] Во, нах! - Эй, люди! (инг.).